

Пол АНДЕРСОН

МАСТЕРА
АМЕРИКАНСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

Пол АНДЕРСОН 4

МАСТЕРА
АМЕРИКАНСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

МАСТЕРА
АМЕРИКАНСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

ПОЛ АНДЕРСОН

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

В ВОСЬМИ ТОМАХ

Пол АНДЕРСОН

ТОМ

4

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

"ФАБУЛА"

1994

Серия
«МАСТЕРА АМЕРИКАНСКОЙ ФАНТАСТИКИ»
основана в 1992 году

Включает в себя лучшие произведения
наиболее популярных писателей-фантастов США

Издание осуществлено при участии
ТОО «Дикоп»
и
издательства «Фолио», г. Харьков

Андерсон П.
А65 Собрание сочинений. В 8-ми т. Т. 4: Пер с англ.— М.: ПОО
«Фабула», 1994.— 480 с.— (Сер. «Мастера американской
фантастики»).

ISBN 5-86090-167-4

В четвертом томе представлены: научно-фантастические романы «Лейтенант Фландри» и «Долгая дорога домой», сборник повестей «За пределами пределов», а также рассказ «Белый король». Все эти произведения остро сюжетны и динамичны.

В романе «Лейтенант Фландри» звездная империя Земли, уже пришедшая в упадок, сталкивается на своих дальних границах с молодой цивилизацией инопланетян.

В романе «Долгая дорога домой» космонавты Земли, возвращаясь с испытания нового звездолета, попадают домой... через 5000 лет. Земля поработщена инопланетной цивилизацией, но галактическая организация звездных торговцев пытается, в который раз, сохранить мир...

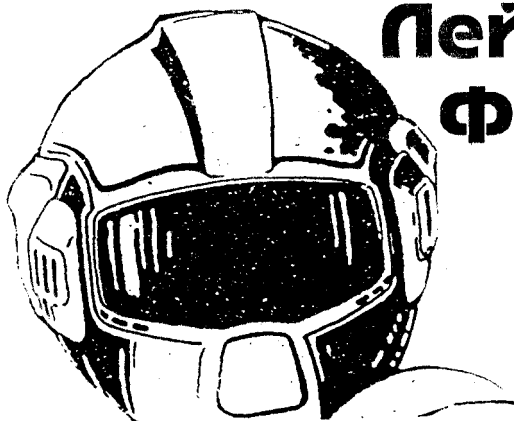
В сборнике повестей «За пределами пределов» на фоне увлекательных космических приключений автор раскрывает необычайные возможности человека.

А 4703040100—015 Без объявл.
94

ББК 84.7США

ISBN 5-86090-167-4

© ПОО «Фабула», 1994
© Г. Кондрашев, С. Шехов, оформление,
рисунки, 1994

Лейтенант Фландри

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Вечер на Земле.

У его Величества, Высочайшего Императора Георгиса Мануэля Кришны Мурасаки, четвертого из династии Ванг, Верховного Блустителя Мира, Великого Правителя Звездного Совета, Главнокомандующего, Последнего Арбитра, признанного властителем многих миров и почетным главой стольких организаций, что невозможно упомянуть... был день рождения.

На планетах, удаленных так, что невооруженный глаз не видел их светил среди других, мерцающих над Океанией, люди, потемневшие и уставшие от странной погоды, подняли бокалы в приветствии. Световые волны, несущие пышные поздравления властителю с этих планет, доходили сюда и бились об его мавзолей.

Земля же была менее торжественна. Двор по привычке чувствовал себя обязанным следовать за нарождающимся днем по всему земному шару в бесконечных изматывающих церемониях, а для других день рождения стал просто поводом для проведения карнавала.

Проносясь в своей летательной машине над бескрайними сумеречными водами, лорд Маркус Хоксберг, видел, как восток вспыхивал небесным сиянием, словно разноцветный живой занавес, где метеорами взрывались фейерверки. Сегодня вечером темная сторона вращающейся планеты была такой лучистой, что каждый метроцентр, видимый с Луны, мог утонуть в сиянии.

Настраивая свой телевид на любую станцию, лорд Хоксберг наблюдал, как дома удовольствий заполняются толпами, доходящими почти до бесчинств среди празднично украшенных башен.

Его дама нарушила молчание, пробормотав что-то, от чего он вздрогнул:

- Хотела бы я, чтобы это было сто лет назад.
- А? — иногда она могла его просто изумлять.
- День рождения тогда еще что-то значил.
- Ну... Да... Кажется, так.

Хоксберг обратился мыслями к истории. Она была права. В те давние дни отцы выводили сыновей за порог, когда сумерки завершали свои празднества и парады; они указывали на ранние звезды и говорили: «Посмотри туда. Все это наше. Мы знаем, что их почти четыре миллиона в пределах владений Империи, сотни тысяч из них ежедневно общаются с нами, повинуются нам, платят нам дань и получают мир и счастье взамен. Этого достигли наши предки. Так что поддерживай веру».

Хоксберг пожал плечами. Невозможно уберечь последующие поколения от утраты наивности. Со временем они должны осознать до мозга костей, что эта пылинка в галактике владеет сотнями миллионов светил, что мы даже не исследовали всего и, похоже, вряд ли когда-либо исследуем, что не нужно никакого телескопа, чтобы увидеть такие гиганты, как Бетельгейзе и Поларис, которые не принадлежат нам. Отсюда легко понять: Империя была завоевана и управлялась грубой силой, центральное правительство коррумпировано, границы приблизительны и единственная оставшаяся организация, сохранившая высокую мораль, — Военно-Морской Флот — существует лишь для войны и притеснения, для борьбы с инакомыслием.

Так что получи свое и веселись, облегчай совесть небольшим количеством разумного сарказма и никогда не дурачь себя — не воспринимай Империю серьезно.

«Может быть, мне удастся изменить все это?» — думал Хоксберг.

Алисия прервала его раздумья.

— Мы могли бы, по крайней мере, поехать на приличную вечеринку! Так нет же, ты тащишь меня к наследному принцу. Надеешься, что он поделится с тобой одним из своих хорошеньких мальчиков?

Хоксберг попытался смягчить напряженность улыбкой.

— Ну-ну, ты несправедлива ко мне, любовь моя. Ты же знаешь, что я пока предпочитаю женщин. Особенно таких красивых, как ты.

— Или Персис д'Ию, — она откинулась в кресле и сказала устало: — Не обращай внимания, я просто не люблю все эти оргии. Особенно вульгарные.

— Я тоже не очень, — он погладил ее по руке. — Но как-нибудь перетерпим. Среди твоих качеств, которыми я восхищаюсь, есть способность легко чувствовать себя в любой ситуации.

«Пожалуй, верно», — подумал он, разглядывая ее идеальные черты под волосами, украшенными диадемой. На мгновение он почувствовал сожаление. Да, он женился по расчету, но тем не

менее они могли бы быть друзьями. Могла бы появиться и любовь, конечно, не такая, как в древней литературе, а живая, чувственная, плотская. Он не был Пеллеем, да и она не была Мелисандой. Она умна, любезна и достаточно откровенна с ним. Она дала ему наследника: большого контракт и не предусматривал. Со своей стороны он дал ей положение в обществе и почти неограниченные деньги. Что же касается большей части его времени... с этим сложнее. Кто-то должен действовать, когда Вселенная распадается на куски. Большинство женщин понимало это.

Внешность Алисии была плодом дорогостоящей биоскульптурной работы. Он видел слишком много разных вариаций этого модного лица.

— Я ведь тебе уже объяснял, — сказал он, — что и сам бы предпочел Мбото или Бхатнагар. Но мой корабль отходит через три дня, а это — последний шанс сделать несколько исключительно важных дел.

— Как скажешь...

Наконец он принял решение. Сегодняшний вечер, по его мнению, не представлял большой жертвы с ее стороны. За месяцы его отсутствия она находила достаточное утешение со своими любовниками (как еще может благородная дама без особых талантов коротать время на Земле?!). Но в злобе и гневe она способна убить его. Так что нужно держать закрытым забрало, которое называется притворством. Не обращать внимания на то, что лежит позади. Но перед забралом ожидает тебя открытая насмешка — такая же опасность для человека, стоящего у власти, как пустота и радиация — для космического путешественника.

«Странно, — размышляла какая-то отдельная его часть, — что при нашей тысячелетней истории, при всех наших социодинамических теориях природа власти остается все-таки загадочной. Если я буду осмеян, то можно будет и удалиться в свои владения. Но ведь и Земле я нужен».

— Дорогая, — сказал он, — я не мог тебе рассказать что-либо раньше. Слишком много ушей, живых и электронных, ты же знаешь. Если бы оппозиция пронюхала о том, что я намереваюсь сделать, она бы мне помешала. Не потому, что она принципиально не согласна со мной, а просто не хочет, чтобы я вернулся сюда с успехом. Меня ожидала бы длинная очередь в Министерство Политики, и оппозиция постаралась бы так затянуть дело, чтобы в конце концов заволоклить его. Ты понимаешь?

Она остановила на нем тяжелый взгляд. Он был высоким стройным блондином, черты лица немного острые, но в зеленом мундире и орденах, легком плаще, золотистых бриджах и полуботинках из телячьей кожи он был скорее красив... чем прав.

— От этого зависит твоя карьера? — она повернулась.

— Да, — кивнул он. — Но еще и мир. Хотела бы ты видеть нападение на Землю? А ведь такое может случиться.

— Марк! — она внезапно изменилась. Ее пальцы, плотно сжавшие его запястье под кружевами, почувствовали холод. — Неужели это так серьезно?

— Катастрофически, — сказал он. — Заваруха на Старкаде не просто ссора из-за общих границ. Такую точку зрения пытались внушить, но очень мало людей верит, что это так. Ведь они пользовались лишь отчетами, профильтрованными через сотни офисов, каждый из которых намеревался затушевать факты, не показывающие их собственную работу как самую важную. Я собрал подлинные данные и сделал свой анализ. Консервативная экстраполяция дает сорокапроцентную вероятность войны с Мерсеей не позднее пяти лет. Я имею в виду войну из тех, которые могут перерасти в тотальную. Кто же станет делать ставки при таком раскладе?

— Конечно, — прошептала она.

— Предполагается, что я поеду туда с миссией для сбора фактов и вернусь с докладом к Императору. Потом бюрократия, может быть, начнет их мусолить, долго готовиться к мирным переговорам. А может быть, и нет: некоторые могущественные кланы хотели бы продолжения конфликта. Но в любом случае напряженность тем временем будет возрастать. Достичь урегулирования будет все труднее и труднее, может быть, и невозможно. Необходимо обойти весь этот жалкий процесс. Мне нужны чрезвычайные полномочия, чтобы поехать прямо со Старкада на Мерсею и попытаться провести предварительные переговоры. Думаю, это реально. В конце концов, они тоже разумные существа. Я предполагаю, что многие из них ищут выхода из угрожающего положения. Я могу его предложить. По крайней мере, попытаюсь.

Алисия сидела тихо.

— Понимаю, — сказала она наконец. — Конечно, я постараюсь помочь.

— Умница!

Их аппарат мчался над бескрайним океаном. Она слегка наклонилась к нему.

— Марк...

— Что?

На фоне мерцающей пелены силуэтом возникло место, куда они направлялись.

— О нет, ничего, — она откинулась назад, пригладила свое платье и стала смотреть на океан.

Коралловый дворец был построен на атолле, который поглощал его, несмотря на башни, казалось, собравшиеся выпрыгнуть в небо.

Машины порхали вокруг, как светлячки. Их машина приземлилась на выступ, выпустила Алисию и Хоксберга и отправилась на стоянку. Они прошли мимо кланяющихся рабов, мимо стражников, отдающих честь, в переднюю с колоннами, где наряды гостей напоминали скользкую радугу, и двинулись в бальный зал.

— Лорд Маркус Хоксберг, Виконт Най Калмара, Второй Ми-

нистр Экстримперских Дел, и Леди Хоксберг, — провозгласил стен-тор.

Через прозрачный купол бального зала взору открывалось небо. Внутреннее освещение зала было ультрафиолетовым. Пол, мебель, оркестровые инструменты, столовые приборы, еда светились сочными флюоресцентными красками, как и одежда гостей, их защитный макияж и глазные линзы. Зрелище впечатляло сверкающими рубинами, топазами, сапфирами, изумрудами, которые обрамляли светящиеся в ночи маски и локоны. Музыка сливалась в воздухе с ароматом роз.

Наследный принц Джосип принимал гостей. Он вышел во всем черном. В полном мраке его руки и словно висящее лицо отливали зеленым и казались неестественно бесплотными, а линзы зловеще тлели краснотой. Хоксберг поклонился, и Алисия преклонила колени.

— Поздравляю, Ваше Высочество, — сказал Хоксберг.

— А-а. Рад вас видеть. Нечасто встречаемся.

— Дела заели, Ваше Высочество. А так хотелось бы видаться чаще.

— Да. Говорят, вы уезжаете?

— По делам Старкада, Ваше Высочество.

— Что?... Ах, да. Дело чрезвычайно серьезное и сложное. Я надеюсь, что сегодня удастся расслабиться и отдохнуть.

— Мы так и собираемся сделать, Ваше Высочество, хотя, боюсь, нам придется рано уйти.

— Хм!... — Джосип собрался было отвернуться. Не стоило обижать его.

— Разумеется, мы оба страшно сожалеем, — проговорил мягко Хоксберг. — Могу ли я просить еще об одном приглашении после моего возвращения?

— Ну конечно.

— Позволю себе еще одну просьбу. Мой племянник приезжает на Землю. Переселенец, понимаете, но, насколько я могу судить по стерео и письмам, вполне замечательный парень. Если бы он мог познакомиться с настоящим наследником Империи — это было бы лучше, чем личная беседа с Богом.

— Ну-ну, так уж. Конечно, конечно. — Джосип засиял, приветствуя вновь прибывших гостей.

— Это не рискованно? — спросила Алисия, когда они отошли в сторону.

— Только не для моего племянника, — усмехнулся Хоксберг.

— У меня его нет. А память у дорогого Джосина, как известно, довольно коротка.

Он часто задумывался, что станет с Империей, когда это создание взберется на трон. Джосип — слабый владыка. Хорошо, если к тому времени Министерство Политики возглавит человек, который понимает галактическую обстановку.

Он наклонился и поцеловал ей руку.

— Я должен отлучиться, моя дорогая. Пока развлекайся. Немного удачи, и все будет выглядеть вполне прилично, когда мы уйдем.

Объявили новый танец, и Алисию умчал адмирал. Он был не так стар, и его ордена говорили о том, что адмирал знаком со службой за пределами планеты. Хоксберг удивился бы, если Алисия вернулась бы сегодня домой...

Он протолкался к стене, где толпа была поменьше, и стал прокладывать себе дорогу. Было мало времени, чтобы восхищаться видом над оправой купола, хотя он и был фантастическим. Море ходило, мерцая под низкой луной. Длинные волны, причудливо и яростно пенясь разбивались о крепостные валы; ему казалось, что он слышал их рычание. Темнота, пронизываемая светом полумесяца, была подчеркнута огнями города.

Постепенно свет неба стал пробиваться сквозь черноту; потом, с восходом солнца, небо над океаном засияло голубизной, как будто ветры стратосферы трубили в рога свои приветствия. Сквозь такое обильное сияние уже не прорывался звездный свет. Но Хоксберг разглядел Региул, за пределами которого лежала его миссия, и Ригель, светящийся в сердце Мерсеянских владений. Его знобило. Когда он подошел к столику с шампанским, фужер пришлось весьма кстати.

— Доброе утро, — раздался голос.

Хоксберг обменялся поклоном с тучным человеком с подмалеванным лицом. Лорд Советник Петрофф был не совсем в своей стихии на таком приеме, как этот. Он склонил голову, и Хоксберг кивнул в ответ. Обменявшись репликами, они разошлись. Хоксберга задержала пара зануд, и он некоторое время не мог выскользнуть и поймать лифт.

Чины сидели в небольшом, плотно закрытом офисе. Их было семеро, критически настроенных к Министерству Политики: седые мужчины, ощущавшие власть как собственную плоть. Хоксберг почтительно приветствовал их.

— Примите мои искренние извинения за то, что я заставил милордов ждать.

— Не имеет значения, — сказал Петрофф. — Я объяснил ситуацию.

— Однако я не видел ни данных, ни расчетов, — сказал да Фонсека. — Вы принесли их, лорд Хоксберг?

— Нет, сэр. Как я мог? Возможно, во дворце задействованы все микрочитающие устройства. — Хоксберг набрал воздух: — Милорды, вы можете исследовать результаты на досуге, когда я уеду. Вопрос в том, поверите ли вы в данный момент моему слову и слову лорда Петроффа? Если дела потенциально настолько серьезны, как я полагаю, надо согласиться, что должен быть отправлен особый представитель для переговоров. Если, с другой стороны, Старкад не

имеет особой значимости, то что мы теряем, проведя спокойный диспут?

— Престиж, — сказал Чардон. — Мораль. Вероятность, что в следующий раз нам придется противодействовать уже ходу мерсеян.

— Я не предлагаю идти на компромисс за счет жизненно важных интересов, — призывал Хоксберг, — и во всех случаях, какого бы соглашения я ни достиг, оно должно быть ратифицировано здесь. Милорды, нам не следует долго отсутствовать, это могут заметить. Но если вы слушаете...

Он начал свою речь. Она была тщательно подготовлена. Их следовало убедить. Эти шесть человек и Петрофф контролировали достаточное количество голосов, чтобы склонить решение вопроса в его пользу. Если бы удалось уговорить их созвать завтра конфиденциальное собрание с полным кворумом, то Хоксберг отправился бы как полномочный посол.

В противном случае... Нет, не нужно брать на себя слишком много. Во всяком случае, на нынешней стадии своей карьеры... Но на Старкаде гибли люди.

В конце концов он их убедил. Пот стекал по его спине. Дрожа от напряжения, он оперся о стол и едва слышал, как Петрофф сказал:

— Поздравляю. А также желаю удачи. Вам ее понадобится много.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Ночь на Старкаде.

Самой высокой в центральном хребте острова Курсовики была гора Нарпа, достигающая почти двенадцати километров. На такой высоте над уровнем моря атмосферное давление было близким к земному: человек мог спокойно дышать, и люди воздвигли здесь Хайпорт. На необработанном плато стояло несколько десятков сборных домиков, вмещавших не более пяти тысяч человек, но городок рос. Сквозь стены своего офиса командующий Макс Абрамс из Имперских Военно-Морских Разведывательных Войск слышал лязг железа и гул строительных машин.

Его сигара опять погасла. Он мусолил потухший окурочок, пока не закончил читать отчет, затем откинулся назад и чиркнул зажигалкой. Дым вновь потянулся к голубому облаку, которое висело под потолком холодной маленькой комнаты и отвратительно пахло. Однако командующий не замечал этого.

— Черт побери! — сказал Абрамс. И затем, поскольку был по-своему религиозен, поправился: — Проклятье!

Чтобы успокоиться, он взглянул на фотографию жены и детей. Но они были дома, на Дайане, в районе Веги в Империи, удаленной на большее количество парсеков, чем он себе представлял. Удалены

и во времени тоже. Он не виделся с ними уже больше года. Марта писала, что малышка Мириам так быстро меняется, что он бы ее ни за что не узнал, а Давид стал долговязым неуклюжим подростком, Яэль часто видится с Аббой Перламуттер... хотя, конечно, он хороший мальчик. Но фотография лишь картинка, отделенная от него бумажным хаосом и баррикадой из настольной техники. И ему не дано оживить ее.

«Не старайся разжалобить себя, болван!»

Стул заскрипел под тяжестью его тела. Абрамс был коренастым мужчиной, волосы с проседью, лицо крупное, нос крючковатый. Его униформа была помята, знаки различия — двойные планеты — на широких плечах потускнели, воротничок мундира расстегнут, на поясе висел бластер.

Он вернулся мыслями к работе. Дело не в том, что флиттер исчез, и даже не в том, что пилот, вероятно, погиб. Технику сбивают и людей убивают все чаще и чаще. Скверно получилось с этим пареньком... как его... да, лейтенант Доминик Фландри. *Хорошо, что я никогда не встречал его. Хорошо, что не должен писать его родителям...* Не давал покоя район, где он исчез. Заданием была обычная рекогносцировка над Злетоварским морем, а, следовательно, не в тысяче километров.

Если мерсеяне становятся так агрессивны... Хотя, были ли они виновны? Никто не знал. Вот почему эту докладную спихнули к Начальнику Разведки Земной миссии. Взрыв атмосферных помех был уловлен в Хайпорте в стороне от заданного направления.

Поисковый полет не обнаружил ничего, кроме обычных Тигерийских торговых судов и рыбацких лодок. Да, случалось, моторы глохли. Поставки матчасти были такими скудными, что наземные службы не могли даже обнаружить все признаки механической перегрузки (*когда, дьявол их заберет, в генштабе растрясут свои затекившие задницы и поймут, что это никакая не оперативная помощь дружественному народу, а война?*). И при столь ярком свете, как Саксо, находящемся в настоящее время в пике своего энергетического цикла, никакие модуляционные ухищрения не помогают установить постоянную связь с такой высоты. С другой стороны, расчет на то, что разведывательный корабль надежен и содержит несколько вспомогательных систем.

А мерсеяне усиливают свой нажим. *Мы в ответ не делаем никакой гадости, а только расширяем свое влияние. Как насчет того, чтобы заставить их ответить нам для разнообразия?* Территория, которую они контролировали, стабильно разрасталась. Она все еще удалена от Курсовиков на расстояние четверти планетарной окружности. Но, может быть, таким образом теперь нам удастся наладить связь с их передовым отрядом?

«Давай-ка спросим, что мы теряем?!»

Абрамс нажал кнопку на видеофоне. На экране появился оператор.

— Соедини-ка меня с зеленокожим, — приказал Абрамс.

— Да, сэр, если получится.

— Для тебя будет лучше, если получится. За что тебе платят? Скажи ему, что его «войска» горят синим пламенем, чтобы он понял, что я намерен сделать свой следующий ход.

— Что, сэр? — оператор был новеньким.

— Ты слышал меня, сынок! Поторапливайся!

Истечет какое-то время, прежде чем сообщение пройдет по каналам. Абрамс открыл ящик стола, достал магнитные шахматы и задумался. Вообще-то он не был готов играть. Однако Руней Скиталец слишком захвачен матчем, чтобы отказаться от предложения, окажись у него свободная минута; и черт побери, если какой-то сын мерсеанской матери собрался выиграть в земной игре!

Гм... здесь вот обещающее развитие, белого слона... нет, стоп, ферзь может попасть под удар... есть искушение подключить компьютер к этой проблеме... посмотреть, чем бы ответил противник... может, нет... ах, вот так.

— Командир Руней, сэр.

На экране появилось изображение. Абрамс, в отличие от человека с нетренированным глазом, мог различить индивидуальные черты среди негуманоидов так же легко, как и среди своего вида. Это было частью его работы. Руней не выглядел настоящим млекопитающим с террестроидной планеты. В нем было заметно происхождение от рептилий немного больше, чем у хомо сапиенс — слегка шелушащаяся бледно-зеленая кожа без волос и короткие треугольные позвонки, идущие сверху прямо от головы по спине до конца длинного тяжелого хвоста. Хвост, служивший противовесом его наклоненному вперед телу, вместе с ногами, походил на штатив, так что квадратная фигура Руinea словно бы сидела на этом штативе. Если бы не сложные костяные изогнутости на месте ушей и надбровные дуги, нависающие над блестящими черными глазами, его голова и лицо могли бы сойти за голову землянина. На нем была надета облегающая, черная, с серебром униформа. За его спиной на стене виднелись ружье с колокольным раструбом, модель корабля, забавная статуэтка — сувениры далеких звезд.

— Приветствую, командир, — он говорил на английском языке бегло, с музыкальным акцентом, — ты поздно работаешь.

— А ты рано вытащил себя из гамака, — проворчал Абрамс. — Должно быть, у вас только светает.

Взгляд Руinea скользнул по хронометру.

— Да, пожалуй, так. Но мы здесь мало обращаем на это внимания.

— Вам легче, чем нам, не замечать солнца, спокойно погружившись в свое болото. Но ваши местные друзья все еще живут теми двумя третями суток, что у них есть. Разве вы не соблюдаете для них рабочее время?

Абрамс мысленно перенесся через планету на вражескую базу.

Старкад был большим миром, чья гравитация раздвигала скальные массивы в течение тектонических эпох. Это был мир неглубокого океана, волнуемого ветром и лунами; мир многих островов, больших и малых, без единого настоящего континента. Мерсеяне обосновались в районе, который они называли морем Кимрайг. Вся его поверхность сверкала куполами их шарообразных домов, построенных на дне. Их авиация господствовала в здешнем небе. Нечасто разведывательный самолет землян с роботом или пилотом возвращался в Хайпорт с информацией о том, что там происходит. Мало что давало и оборудование на уходящих и приходящих космических кораблях.

«В ближайшие годы, — думал Абрамс, — кто-то нарушит негласный договор, запустит несколько спутников-шпионов. Почему бы не нам это сделать? Конечно, тогда другая сторона приведет боевые корабли вместо транспортных и начнет сбивать спутники. Потом первая сторона приведет более крупные боевые корабли...»

— Я рад, что ты позвонил, — сказал Руней. — Я официально поблагодарил адмирала Энрике за переходный блок, но истинное удовольствие — это выразить признательность другу.

— Ха?!

— Ты не знал? Один из наших основных опреснителей вышел из строя. Ваш командующий был настолько великодушен, что поставил нам недостающие части.

— Ах, это, — Абрамс катал в зубах сигару.

«Забавная история, — подумал он. — Земляне и мерсеяне в состоянии войны на Старкаде. Они убивают друг друга. Но, несмотря на это, Руней послал Императору поздравление ко дню рождения (вдвойне забавно! Даже если космический корабль при сверхпередаче не имеет теоретического ограничения псевдоскорости, концепция одновременности остается бессмысленной в межзвездном пространстве). А Энрике сейчас спас Руней от истощения пивных запасов».

Официально между ними не было войны. Официально. Две местные расы: тигерийцы и ситролли дрались, вероятно, с тех пор, как эволюционировали к разуму. Но это было подобно вражде между человеком и волками в древности. Без всякой идеи, просто естественные враги; пока мерсеяне не начали поставлять ситроллям оборудование и консультировать их. В результате Народ суши был оттеснен от моря. Когда Земля узнала об этом, ее естественной реакцией было поступить подобным образом с тигерийцами, сохранить равновесие сил, чтобы Старкад не стал мерсеянской марионеткой. Когда мерсеяне слегка увеличили свою помощь, земляне отреагировали соответственно и... две империи оставались в состоянии мира.

Это было простым оказанием помощи, не правда ли?

Земле досталась гора Нарпа по договору с тигерийцами Юджанки. Мерсея осела в Кимрайге по договору с местными обитателями. *(Самое время смеяться и аплодировать! Не появилось*

никакой культуры на Старкаде, имеющей что-либо общее с идеей договора между двумя суверенными державами). Конечно, мерсеянские ройдгунаты не сбивали разведывательные самолеты землян. Нет, Боже упаси! Это делали только военные техники Мерсеи, помогая ситроллям Кимрайга сохранять целостность границ своего воздушного пространства. И конечно, Земная Империя не подвергла партизанскому налету группу мерсеян, прибывшую на мыс Гром: просто земляне выполняли обязательства по охране границ своих союзников.

Поддерживались альфзарские соглашения: необходимо обязательно помогать цивилизованным посланникам других миров по их просьбе. Абрамс пофантазировал в изобретении просьб со своей стороны. Фактически напрашивался неплохой гамбит прямо сейчас.

— Может быть, ты сможешь отплатить добром, — сказал он. — Мы потеряли флиттер в районе Злетовара. Я не буду настолько груб, чтобы намекать тебе, что один из ваших парней курсировал там, увидел нашего и немного переволновался. Предположим, крушение было случайным. Ну и как насчет совместного расследования? — Абрамс любил наблюдать испуг на этом тяжелом зеленом лице.

— Ты шутишь, командир!

— О, естественно, мой босс должен будет обратиться к вам официально, и я ему посоветую сделать это. Для поисков затонувших обломков вы обладаете лучшими, чем мы, службами.

— Но зачем?

Абрамс пожал плечами.

— Взаимная заинтересованность в предотвращении инцидентов. Укрепление дружбы между народами и отдельными гражданами. Я думаю, что это тот самый лозунг, который сейчас в моде.

Руней посмотрел сердито.

— Совершенно невозможно. Я советую тебе не делать официально подобных предложений.

— Ну? Будет нехорошо выглядеть, если вы нам откажете?

— Напряженность только возрастет. Неужели нужно повторять тебе позицию моего правительства? Океаны Старкада принадлежат Морскому народу. Он там зародился, там его среда обитания, для Народа суши она не так важна. Тем не менее он постоянно туда вторгался. Их рыбный промысел, охота на морских тварей, сбор водорослей, траловые сети — все нарушает экологию, жизненно важную для другой расы. Я уже не говорю о тех, кого они убили, о подводных городах, которые они разбомбили камнями, о бухтах и проливах, что они опустошили. Я хочу сказать, что когда Мерсея предложила свои прекрасные офисы для переговоров о *modus vivendi*, ни одна культура на суше не проявила ни малейшего интереса. Моя задача помогать Морскому народу отражать агрессию

* Условия мирного сосуществования (лат.)

до тех пор, пока Народ суши не согласится установить стабильный и справедливый мир.

— Брось ты нести этот вздор, как попугай, — фыркнул Абрамс. — У тебя нет для этого клюва. Для чего вы действительно здесь?

— Я тебе уже говорил.

— Нет! Подумай! У тебя есть приказ, и ты повинешься ему, как хороший солдатик. Но разве тебя никогда не интересовало, какая здесь выгода для Мерсеи? Меня — да. Какая, черт ее забодай, у вашего правительства причина? Не та ведь, что у Саксо-солнца, — неплохое стратегическое положение. Мы сейчас находимся прямо посреди полосы в сотни световых лет, где нет ни одной обитаемой планеты между нашими царствами. Едва ли они были исследованы: черт побери, клянусь, половина звезд вокруг нас даже не отмечена в каталоге. Ближайшая цивилизация — это Бетельгейзе, а бетельгезийцы нейтральны к обоим нашим державам. Ты слишком стар, чтобы верить в эльфов, гномов, маленьких человечков или в альтруизм великих империй. Так какая же выгода?

— Я не смею подвергать сомнению решения Ройдгуна и его Большого Совета. Тем более, ты... — Руней ухмыльнулся. — Если Старкад так бесполезен, зачем тогда вы здесь?

— Очень многие люди там, дома, тоже этому удивляются, — признался Абрамс. — Политики говорят, мол, мы сдерживаем вас везде, где только можем. Располагаясь на этой планете, вы будете иметь базу, приближенную на пятьдесят световых лет к нашим границам, чего бы это ни стоило. — Он помолчал. — Может, предоставить вам больше влияния на Бетельгейзе?

— Будем надеяться, что вашему посланнику удастся организовать диспут, — сказал, расслабившись, Руней. — Я тоже не испытываю особого удовольствия здесь, на этом чертовом шаре.

— Какой посланник?

— Ты не слышал? Наш последний курьер информировал нас, что, э... лорд Хоксберг направляется сюда.

— А, знаю, — Абрамс поморщился. — Еще одна важная шишка будет разезжать по базе.

— Но он должен отсюда проехать на Мерсею. Большой Совет согласился принять его.

— Ха?! — Абрамс покачал головой. — Черт, жаль, что наша почта работает не так хорошо, как ваша... Ну, так как же насчет сбитого флиттера? Вы не поможете нам найти его обломки?

— Разве что неофициально, — сказал Руней, — потому что это противозаконно, если над нашими водами летает иностранный военно-морской объект. Все последствия должны быть на совести пилота.

«Хо-хо!» — Абрамс напрягся. Это было что-то новенькое и предполагало, конечно, позицию мерсеян, но он еще не слышал, чтобы претензия была выражена простым языком. Итак, могут ли зеле-

нокожие готовиться к главному удару? Очень возможно, если Земля предложила сделку. Военные операции оказывают давление и на парламентские переговоры.

Руней сидел, как крокодил, чуть улыбаясь. Несмотря на то, что болтали чувствительные аборигены, мерсеяне мыслили все-таки не так, как люди.

Абрамс потянулся и зевнул.

— Пора отключаться, — сказал он. — Было приятно поболтать с тобой, старый ублюдок.

Он не очень ошибался. Руней был вполне приличным плотоядным животным. Абрамс любил слушать, как он вспоминает о планетах, где прежде служил.

— Твой ход, — напомнил ему мерсеянин.

— Что... Ах, да. Начисто забыл. Конем напал на королевского слона.

Руней достал свою доску и передвинул фигуру. Некоторое время он сидел тихо, изучая ситуацию.

— Любопытно, — пробормотал он.

— Будет еще любопытнее. Позвони мне, когда приготовишь ход. — Абрамс отключился.

Его сигара погасла опять. Он бросил ее на пульт управления, зажег новую и встал. Усталость напозла на него. Гравитация на Старкаде была не такой уж высокой, и человеку не нужны были наркотики или контрполе. Но одна целая и три десятых «g» означали 25 дополнительных килограммов нагрузки на кости пожилого человека... Нет, он существовал в стандартных условиях. Дайана тянула только на десять процентов сильнее, чем Земля.

Дайана. Родные мрачные холмы и продукты ветрами долины, дома, греющиеся в оранжевом свете солнца, низкие деревья и соляные болота, гордость людей, приспособивших пустыню к своим нуждам. Откуда родом был молодой Фландри и какие воспоминания он унес с собой в темноту? В неожиданном импульсе Абрамс опустил сигару, склонил голову и мысленно прочитал Каддиш.

«Ложись спать, старик. Может, ты наткнулся на разгадку, может, нет, но это успеется. Иди отдыхай».

Он надел фуражку и плащ, сунул в зубы сигару и вышел.

Его охватил холод. Под странным созвездием и румяным сиянием дул легкий ветерок. На небе стоял ближайший спутник — Эгрима, почти полная, вдвое больше Луны, видимой с Земли. Ее отдаленные снежные вершины струили ледяной голубоватый свет.

Прямо над крышами висел полумесяцем Бурис, размером с Луну. Стены громоздились чернотой по обеим сторонам немощеной улицы, которая закрипела морозцем под его башмаками. Здесь и там горели освещенные окна, но они вместе с разбросанными фонарями мало что могли сделать, чтобы рассеять мрак... Слева от него неугомонное сияние плавили выхватывало из темноты стоящие в порту два космических корабля, два стальных кенотафа, возно-

сящихся вверх, поперек Млечного Пути. Оттуда доносился лязг железа — это работала ночная смена. Площадка разрасталась, поднимались новые ангары и казармы, поскольку росли обязательства Земли. Справа от него было слегка подкрашено лихорадочно мерцающими вывесками, и он уловил обрывки звуков ударника, трубы и, похоже, смеха. Мадам Сефейд в патриотическом порыве прислала на Старкад корабль с девочками и крупье. А почему бы и нет? Они так молоды и одиноки, эти парни.

«Марта, я скучаю по тебе».

Абрамс был почти у дверей своей квартиры, когда вспомнил, что оставил бумаги на столе, не спрятал их. Он остановился как вкопанный.

Ему по уставу надлежало все тщательно проверить. Поначалу хотелось сказать: «Помочь на устав и забыть». Офис был построен из железобетона, с дверью из бронелиста и замком автоматического опознавания. Но нет! Лейтенант Новак мог явиться на службу раньше своего шефа (чтоб его розовые щеки жарились в аду!). Негоже подавать плохой пример несоблюдения секретности. Дело не в шпионаже. Здесь не было этой проблемы, но лучше поостеречься: ведь если человек не видел чего-то, он не сможет ничего рассказать, когда его поймают мерсееане и подвергнут гипноисследованию.

Абрамс повернулся и поспешил назад, оставляя позади себя ругательства. В конце пути он остановился. Его сигара упала на землю, и он придавил ее каблуком. Дверь офиса была тщательно закрыта, окна темные, но он увидел отпечатки следов в рыхлой, еще не застывшей грязи перед входом, и это были не его следы. И не сработала сигнализация. Кто-то был внутри с кучей роботизированных устройств.

Бластер Абрамса скользнул в его руку. Позвать охрану по наручному передатчику? Нет, тот, кто проник в его офис, наверняка мог перехватить сигнал и, конечно же, был готов скрыться до того, как придет помощь Абрамсу. В конце концов он может и покончить жизнь самоубийством. Абрамс настроил свое оружие на тонкий луч. Если повезет, ему удастся, пожалуй, обезвредить, а не убить того, кто забрался в офис. Если, конечно, сам Абрамс первым не попадется! Сердце колотилось в груди.

Опустилась глухая ночь.

Он бесшумно прокрался к двери и прикоснулся к выключателю замка. Металл обжег его пальцы холодом. Опознанный, он открыл дверь и прижался к стене.

Свет из окон струился над его плечами. Кто-то крутился у его сейфа. Глаза адаптировались, и Абрамс смог различить отдельные детали. Этот некто, должно быть, походил на обычного рабочего в радиационной бронезащите, когда он проходил по территории базы. Но сейчас он выглядел иначе: одна рука его заканчивалась инст-

рументами, шлем был отброшен и виднелось лицо с электронными глазами.

Мерсеянское лицо!

Голубая молния брызнула из руки-инструмента противника. Абрамс отпрянул назад. Сгусток энергии заискрился и зашипел на двери. Абрамс поставил средний луч на своем бластере, не переставая себя успокаивать, и выстрелил. Разбитое оружие противника стихло. Тогда враг использовал свою нормальную руку, чтобы схватить оружие, лежащее на сейфе. Абрамс атаковал противника через дверной проем, одновременно переставляя бластер на тонкую стрельбу. Луч был настолько интенсивным на таком близком расстоянии, что перерезал ноги пришельца. С грохотом и лязгом враг упал.

Абрамс включил свой передатчик.

— Охрана! Разведывательный офис, бегом сюда!

Пока он включал свет, бластер его был наведен на противника: существо шевелилось. Кровь не текла из его отрезанных конечностей: блоки питания, пьезоэлектрические каскады, суперпроводники комнатной температуры лежали обнаженные. Абрамс понял, кого он поймал, и присвистнул. Менее чем наполовину он был мерсеянином: ни хвоста, ни груди, ни нижней части тела, не совсем естественный череп, одна целая рука и фрагмент другой. Все остальное — механизмы. Это была самая лучшая работа по протезированию, о которой он когда-либо слышал. Не то, чтобы он много знал о ней. Она известна только среди рас, которые не умели делать ткань регенерируемой или у которых не было такой ткани. Конечно, мерсеяне. Но что за чудесный многоцелевой робот был перед ним!

Зеленое лицо скривилось в гримасе. Муку и ярость извергли его губы. Рука потянулась к груди. Отключить сердце? Абрамс пинком откинул в сторону запястье врага и поставил на него ногу.

— Спокойно, приятель, — сказал он.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Утро на Мерсее.

Брехдан Айронрид, Владыка Вах Инвори, шел по террасе замка Дангодхан. Часовой шелкнул каблукáми и хвостом, приложив бластер к табличке на груди. Садовник в коричневой спецовке, подрезающий карликовые деревья, растущие среди каменных плит, сложил руки и поклонился. Брехдан ответил им, коснувшись рукой лба, потому что они не были рабами. Их семьи были клиентами Инвори с тех времен, когда нации еще не слились в одну. Разве смогут они гордиться этим, если глава рода не уважает их чувство собственного достоинства?!

Он шел безмолвно среди желтого цветения, пока не достиг парапета. Там он остановился и осмотрел свои владения.

Позади него замок вздымал свои серые каменные башни. Зна-

мена трепыхались на холодном ветру на фоне бесконечно синего неба. Перед ним разрушившиеся стены открывали сады, а лесистые склоны Бедх-Иврича уходили вниз, чтобы затеряться в туманах и тенях, все еще окутывающих долину, так что он не видел фермы и деревни, которыми владел Дангодхан: ничего, кроме вершин на другой стороне. Те, в свою очередь, поднимались вверх, пока их зеленые склоны не уступали место гранитным скалам и утесам, снежным полям и далекому блеску ледников. Светило Корич уже расчистило восточные высоты и разбрасывало по миру свои ослепительные копы.

Бреждан поприветствовал светило, поскольку это было его наследственным правом. Высоко в небе крутился когтистый гриф, и свет вспыхивал золотом на его перьях. В воздухе уже стоял шум пробудившегося к жизни замка: грохот, сигналы, оклики и даже песни. Ветер пах лесным дымом. Река Ойсс была не видна с террасы, но слышалось ее громкое журчание. Трудно представить, что через какие-то две сотни километров на запад эта река уже несла свои воды по стране, на которой раскинулся огромный город, от подножия гор до океана Вилвидх. Вообще трудно представить эти города, шахты, фабрики, ранчо, которые покрывали долины к востоку от гор Гун.

Они принадлежали тоже ему, нет, не ему: ведь сам он был не более чем властитель на несколько декад, прежде чем отдаст свою плоть почве, а свою душу — Богу.

Дангодхане сохранились почти без изменений, потому что это была их страна, из которой они вышли давным-давно. Сегодня их настоящая работа была в Ардайге и Тридайге, столицах, где Бреждан председательствовал в Большом Совете. И за пределами этой планеты и за пределами самого Корица, среди звезд...

Бреждан сделал глубокий вдох. Чувство власти опьяняло его кровь. Но это вино было уже привычным: сегодня он ожидал более тонкую радость. Но вида не показывал. Положение вождя слишком многому его научило. Большой, суровый, в черной мантии, со лбом, прорезанным старым боевым шрамом, убирать который с помощью пластической операции он считал ниже своего достоинства, Бреждан показывал миру лицо только Бреждана Айронрида, второе после самого Ройдгуна.

Послышался звук шагов. Бреждан обернулся. Чвиох, его бейлиф, приближался в красном мундире и зеленых брюках, в модной нарядке с высоким воротником. Его не зря называли «дэнди». Он был преданным, способным и к тому же происходил из рода Инвори. Бреждан обменялся с ним родственными приветствиями — правая рука на левом плече.

— Извините от Швилта Шипсбейна, Протектор, — доложил Чвиох. — Дела в Гвеллохе не задержат его надолго, и он прибудет сюда после обеда, как вы и хотели.

— Хорошо.

Бреждан в общем-то был в отличном настроении. Совет Швилта был бы очень полезен, уравнивешивая нетерпение Лифрита и чрезмерное доверие к компьютерной технологии Прядвира. Хотя они каждый по-своему отличные парни, и все трое являются властителями своих Вахов! Бреждан зависел от их идей так же, как и от их поддержки, которую они обеспечивали ему для контроля над Советом. Они понадобятся ему еще больше в последующие годы, когда события на Старкаде будут продвигаться к своей кульминации.

В небе раздался раскат грома. Взглянув вверх, Бреждан увидел корабль, приземляющийся с безрассудной поспешностью. Зубчатые плавники указывали на то, что это общая собственность Инвори.

— Ваш сын, Протектор, — воскликнул Чвиох с ликованием.

— Без сомнения! — Бреждан не должен расслабляться, даже если Элвих вернулся после трехлетнего отсутствия.

— Э-э-э... Может, мне отменить вашу утреннюю аудиенцию, Протектор?

— Конечно, нет, — сказал Бреждан. — Наш народ имеет право быть услышанным. Я слишком редко бываю с ним.

«Но мы можем уделить часок и для себя».

— Я встречу наследника Элвиха и скажу ему, где вы находитесь Протектор, — Чвиох поспешил удалиться.

Бреждан ждал. Солнце начало согревать его сквозь мантию. Как хотел бы он, чтобы мать Элвиха была жива. Оставшиеся жены были, конечно, хорошими: экономными, надежными, развитыми, какими и должны быть женщины. Но Нодия была, э... да, он мог бы спокойно использовать здесь понятие землян. Она была само удовольствие. Элвих — самый любимый ребенок Бреждана не потому, что он теперь самый старший (двое других лежат мертвыми на других планетах) а потому, что это сын Нодии — пусть земля будет ей пухом.

Ножницы садовника зазвенели о каменные плиты, старик склонился в поклоне:

— Наследник, добро пожаловать домой, — для него не было формальным действием преклонить колени и обнять хвост вновь прибывшего, и Бреждан чувствовал, что упрекать его за поспешность неуместно.

Элвих Быстрый шел к своему отцу в черной с серебром форме военно-морского флота. Капитанский дракон был пришит к его рукаву. Флаги Дангодхана пылали над его головой. Он остановился на расстоянии четырех шагов и отдал честь.

— Приветствую, Протектор.

— Приветствую, Правая рука, — Бреждану хотелось прижать его к себе. Их глаза встретились. Молодой моргнул и заулыбался. И это было хорошо.

— Родственники в порядке? — спросил Элвих с чрезмерной взволнованностью, как спрашивал он, когда звонил с ближайшего спутника, едва его корабль прибывал в отпуск.

— Да, конечно, — ответил Брехдан.

Они могли бы уже пойти на женскую половину замка повидаться с семьей. Но на них смотрел охранник. Владыка и наследник решили показать ему пример, поговорив сначала о вещах, касающихся всей расы. Тем не менее им не нужно быть слишком уж торжественными.

— Удачно добрался? — поинтересовался Брехдан.

— Не совсем, — ответил Элвих, — у нашего основного компьютера по противопожарному контролю случилось что-то вроде желудочной боли. Я подумал, будет лучше остановиться в Вориде на ремонт. Внутримперская ситуация, ты же знаешь, а он мог взорваться, и земной объект мог быть рядом с нами.

— Ворида? Я что-то не припомню...

— Не удивительно. С чего бы ее помнить. Во вселенной полным-полно планет, а это — блуждающая в секторе Бетельгейзе. Мы там держим базу. Но что случилось?

Элвих заметил, что отец чем-то поражен.

— Ничего, — сказал Брехдан. — Я полагаю, земляне не знают об этом небесном теле.

Элвих засмеялся:

— Откуда им знать?

Действительно, откуда? Так много блуждающих тел, они такие маленькие и темные, а космос такой огромный.

Считается, что размеры тел, которые конденсируются из первичного газа, приблизительно обратно пропорциональны частоте их распространения. На одном конце шкалы атомы водорода наполняют галактику около одного на кубический сантиметр. На другом — вы сами можете сосчитать чудовищные светила, типа О (вы можете расширять шкалу в обоих направлениях от кванта до квазара, это не имеет значения).

Маленьких красных карликов, типа М, примерно в десять раз больше, чем звезд типа Джи, таких, как Корич или Солнце. Вероятность того, что в ваш космический корабль ударит камешек в один грамм в тысячу раз больше вероятности удара килограммовым булыжником. Темные планеты встречаются чаще светил. Обычно они путешествуют группами, тем не менее их не видишь, пока не окажешься верхом на них. Они не представляют никакой опасности — независимо от их количества, вероятность того, что одна из них пройдет через определенную точку в космосе, буквально астрономически мала, а из тех, чьи пути известны, можно сделать удобные гавани.

Брехдан почувствовал, что должен скорректировать неполный ответ.

— Мельчайшие вибрации корабля, находящегося в гиперпространстве можно уловить с расстояния в один световой год, — сказал он, — земляне или бетельгезийцы могли оказаться на таком расстоянии от твоей Ворида.

Элвих вспыхнул.

— А предположим, один из наших кораблей оказался по соседству. Что доказало бы это обнаружение, кроме того, что там еще один корабль? — Отец шлепнул его по руке, что означало — такие вещи и юнец должен учитывать. Сын тоже ответил шлепком — юнец и сам может все продумать. Брехдан не мог не улынуться. Элвих — тоже. А шлепки могут быть и знаком любви.

— Сдаюсь, — сказал Брехдан. — Расскажи мне о своей командировке. Мы получали так мало писем, особенно последние месяцы.

— Там, где я был, писать было довольно трудно. Впрочем, сейчас я могу сказать тебе: Саксо.

— Старкад? — воскликнул Брехдан. — Ты строевой офицер?

— Так получилось. Мой корабль направлялся с визитом вежливости к бетельгезийцам, когда прибыл курьер от Фодайха Руней. Как-то земляне узнали о базе подводных лодок, которую он строил на архипелаге. Операция в целом была проста, примитивна, так что Морской народ мог обойтись своими подразделениями, но следовало помочь разрушить в этом районе пути сообщения у Народа суши. Никто не знает, как земляне получили информацию, но Руней говорит, что у них чертовски хороший шеф разведки. Во всяком случае они дали наземному народу химические глубинные бомбы и указали, куда плыть и где их сбросить. И волей злого случая взрывами убило несколько наших главных специалистов, которые наблюдали за строительством. Это обратило все в хаос. Нашей миссии там постыдно не хватает рабочих рук. — В голосе его послышался гнев. — Руней послал гонцов на Бетельгейзе и на Мерсею в надежде найти кого-нибудь вроде нас, кто мог бы подменить специалистов, пока не прибудет настоящая замена. Я пересадил своих инженеров в гражданский корабль. И с тех пор превратил его в боевую единицу. Я тоже должен был полететь.

Брехдан кивнул. Инвори никогда не посылали личный состав в пекло, сами не высывались без указания верховного командования.

Он уже знал о несчастье, конечно. Но лучше Элвиху не говорить этого. Не пришло еще время, чтобы галактика узнала, насколько серьезно Мерсея заинтересована в Старкаде. Его сын, конечно, осмотрителен. Но лучше, чтоб он не знал ничего. Тогда он не расскажет ни о чем, если земляне поймут его и подвергнут гипнозондированию.

— У тебя, вероятно, было полно приключений?

— Да, пожалуй. Изредка развлечения. Интересная планета. — Гнев еще кипел в Элвихе. — Я утверждаю, тем не менее, что наших людей предают.

— Как?

— Их недостаточно. Не хватает оборудования. Нет ни одного вооруженного космического корабля. Почему мы не поддержим их как следует?

— Тогда земляне поддержат свою миссию так, как нужно, — сказал Брехдан.

Элвих долго смотрел на своего отца. Шум водопада позади крепостных валов Дангодхана, казалось, усиливался.

— Мы собираемся по-настоящему драться за Старкад? — спросил он. — Или позорно уберемся отсюда?

Шрам запульсировал на лбу Брехдана.

— Кто служит Ройдгунам — не отступает. Но они могут заключать сделки, когда это оказывается полезным для расы.

— Так, — Элвих смотрел куда-то за него, сквозь туман, укрывавший долину. — Я понял. Вся операция свелась к торгам за столом переговоров, чтобы отвоевать что-то у землян. Руней сказал мне, что они пришлют сюда своего представителя.

— Да, его ожидают вскоре.

Поскольку дело было важным, касающимся вопросов чести, Брехдан позволил взять своего сына за плечи. Их глаза встретились.

— Элвих, — сказал Брехдан мягко, — ты молод и, возможно, не все понимаешь. Но ты должен понять. Служба нашей расе требует большего, чем мужество, большего, чем ум. Она требует мудрости. У нас, мерсеян, есть такие инстинкты: мы получаем активное удовольствие от боевых действий и склонны рассматривать их как самоцель. А это неверно! Такой путь ведет к разрушению. Боевые действия — только средство для достижения конечной цели — гегемонии нашей расы. А это, в свою очередь, тоже лишь средство достичь самого высшего итога — абсолютной свободы для нашей расы. Мы делаем в галактике все, что она захочет. Но мы не можем только воевать за свою цель. Мы должны работать, мы должны иметь терпение. Ты не доживешь до того времени, когда мы будем хозяевами Галактики. Для этого нам, может, понадобится миллион лет. На такой шкале времени собственная гордость — очень маленькая жертва, которую можно принести, когда оказывается, что компромисс или отступление дают возможность достичь большего.

Элвих проглотил обиду.

— Отступление от Земли?

— Я думаю, нет. Земля — это первоочередная преграда. Долг вашего поколения убрать ее.

— Я не понимаю, — протестовал Элвих. — Что такое эта Земная Империя? Комок звезд? Старые, пресыщенные, развращенные люди, которые не хотят ничего, кроме того, чтобы сохранять завоеванное для них их отцами. Зачем вообще обращать на них внимание? Почему бы нам не распространяться вдаль от них, вокруг них, пока они не будут поглощены?

— Да потому, что задача Земли — сохранение статус-кво. Ты забываешь политическую историю, которая наверняка была частью твоего образования. Земля не позволит нам стать более могущественными, чем сама. Таким образом, она обязательно будет противостоять каждой нашей попытке разрастись. И не надо ее

недооценивать. Эта раса все еще несет хромосомы завоевателей. В Империи есть пока храбрые люди, преданные люди, проникательные люди... которые ориентируются на опыт истории более древней, чем наша. Если они увидят, что обречены, то будут драться, как демоны. Так что мы будем двигаться очень осторожно, пока не истощим их силы. Ты понял?

— Да, отец мой, — воскликнул Элвих. — Я думаю, что понял.

Брехдан успокоился. Они оставались серьезными столько, сколько требовали их роли.

— Пойдем, — его лицо еще раз расплылось в улыбке, он взял сына за руку. — Пойдем, поприветствуем родственников.

Они шли по коридорам, увешанным щитами их предков и охотничьими трофеями с разных планет. Лифт поднял их на этаж, где были женские владения.

Весь род ждал их — мачехи Элвиха, сестры, их мужья, детиныши, младшие братья. Все смешалось, закружилось! Тут и крики, и смех, и толкотня, и сплетение хвостов, и музыка из проигрывателей, и хороводы...

Пронзительный крик нарушил веселье. Брехдан склонился над колыбелью своего нового внучонка.

«Я должен поговорить с Элвихом о женитьбе, — подумал он. — Пора уже произвести на свет наследника.»

Маленькое существо, лежавшее в мехах, обхватило кулачком узловатый палец, погладивший его. Брехдан Айронрид растаял.

— Твоими игрушками будут звезды, — напел он вполголоса. — У-тю-тю-тю...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Лейтенант Доминик Фландри из Имперских Войск Военно-Морской Авиации остался живым благодаря удаче, а возможно, своему уменью. В девятнадцать лет, когда твои закодированные молекулы едва успокоились после присвоения первого офицерского звания, было естественно думать, что благодаря последнему. Но если бы отсутствовал хоть один из факторов, которые он использовал, чтобы спастись, ему не пришлось бы размышлять об этом.

К тому же его беды отнюдь не кончились. Земляне дали радиограмму «Стрельцу», поскольку он был торговым кораблем, принадлежащим Сестринству Курсовиков. «Стрелец» подобрал Фландри. Но корабль этот был полной развалиной — какой-то разгильдяй с куриными мозгами осуществлял его содержание и техобслуживание на уровне железного века. Из-за отвратительного ветра им предстояло долго барахтаться в море на этом проклятом корыте, пока они не свяжутся с кораблем, у которого передатчик в рабочем состоянии. Но это само по себе смертельно. Фландри не умер бы с голоду, он мог поесть здешний паек через пищеприемник своего

шлема; биохимия Старкада была в значительной степени похожа на земную, так что большинство продуктов не отравили бы его, да у него еще были витаминные добавки. Правда, вкус, о Господи... ну и вкус!

Наиболее зловещим был тот факт, что его сбили не так далеко отсюда. Возможно, ситролли и мерсеяне оставят в покое этот тигерийский корабль. Если они еще не готовы показать свою хватку, то так наверняка это и будет. Его неудача указывала на то, что их приготовления были близки к завершению. Когда ему случилось пролетать над их новейшим злодейским сооружением, они были настолько самонадеянны, что открыли огонь.

— И затем потусторонний народ атаковал тебя? — спросил его Ферок. Его урчащий голос прорывался сквозь свист ветра, натиск и шлепанье волн, скрип снастей. Звуки искажались и усиливались густым воздухом.

— Да, — ответил Фландри. Он подыскивал слова. Пока его везли сюда с Земли, он получил электронный курс языка и знание традиций цивилизации курсовикий. Но некоторые вещи было трудно объяснить в доиндустриальных терминах. — Из воды поднялось что-то вроде корабля, который, похоже, может и погружаться в море, и лететь. Его радиопомехи заглушили мои позывные. И прежде чем я смог пробить толстую броню, его лучи сбили мой флиттер. Я едва спас свою шкуру, когда он тонул. Я продолжал погружаться, пока враг не ушел. Затем всплыл и стал искать помощи. Маленький моторчик, который поднимал меня, уже почти выдохся, когда я встретил ваш корабль.

Честно говоря, гравитационный импеллер не потянул бы его дальше без перезарядки аккумуляторов. Фландри хотел использовать его снова. Ту энергию, что осталась в плечевом блоке, нужно было сохранить для работы клапанов стекловидного шара, в котором находилась его голова. Человек не мог, дыша морским воздухом Старкада, остаться в живых. Такая концентрация кислорода сожгла бы его легкие прежде, чем его убило бы азотным наркозом и ацидозом двуокиси углерода.

Фландри вспомнил, как лейтенант Даниельсон отчитал его за то, что он снял шлем: «Лейтенант, мне сто раз наплевать, что эта штука неудобная, тогда как вы могли бы наслаждаться кондиционированным воздухом в кабине. И я насколько не сожалею по поводу вторжения в частную жизнь, когда записывается каждое ваше движение во время полета. Моя задача — удостовериться, что такие щенки, как вы, которым кажется, что они знают намного больше, чем содержит в себе тысячелетний опыт астронавтики, соблюдают инструкцию. Еще одно нарушение, и вы заработаете тридцать секунд нервного удара. Разойдись!»

«Конечно, ты спас мне жизнь, — ворчал Фландри, — но все равно ты — сопливый ублюдок».

Некого было винить за утерю бластера. Он был оторван от

кобуры в один из бурных моментов, когда Фландри выкарабкивался наружу. У него сохранились уставной нож да полная сумка всякого хлама. Остались ботинки да серый запятнанный комбинезон, который не мог идти ни в какое сравнение с очаровательным мундиром. Вот, пожалуй, и все.

Ферок опустил термочувствительные усики над глазами — нахмурился.

— Если ваз-сираво найдут то, что осталось от твоего флайера там, внизу, и не найдут твоего тела, они могут догадаться, что ты сделал, и начнут искать тебя, — сказал он.

— Да, — согласился Фландри, — наверное.

Он привязался, чтобы защитить себя от бортовой и килевой качки, и выглянул за борт. Высокий, по-юношески худощавый, русые волосы, серые глаза, довольно продолговатое, с правильными чертами лицо, загоревшее под Саксо... Перед ним волновался и блестел зеленоватый океан, плясали солнечные блики, и белые шапки волн ходили не быстрее, чем на Земле, из-за гравитации Старкада. Гигантские тучи громоздились в кучи на горизонте, но в плотной атмосфере они не предвещали шторма. Крылатая тварь парила в небе, морское животное появлялось и снова ныряло. На таком расстоянии Саксо был в три раза меньше, чем Солнце, видимое с Земли, и давал лишь половину его света. Адаптирующееся человеческое зрение воспринимало это нормально, но смотреть в сторону беспощадно яркого и белого светила было просто невозможно. Короткий день перевалил далеко за свою половину, и температура, вообще никогда высоко не поднимающаяся в этих широтах, падала. Фландри знобило.

Ферок представлял полную противоположность ему. Старкадиец, тигериец, тоборко, назовите его как хотите, был невысок, с невероятно длинными ногами; его руки были четырехпальными, ноги — большими и когтистыми, сзади — короткий хвост. Голова слабо напоминала человеческую: круглая, с плоским лицом, переходящим в узкий подбородок. Под ветвистыми усиками сверкали большие раскосые глаза с ярко-красной радужной оболочкой. Нос, или то, что было на его месте, имел одну ноздрю. Рот был широкий, с плотоядными зубами, уши — большие, внешние края их походили на крылья летучей мыши. Кожа покрыта оранжевым, лоснящимся мехом, с черными полосками, плавно переходящими в белый на горле.

Из «одежды» на нем были только вышитая бисером сумка, крепко схваченная ремнями, чтобы не болталась, и кривой меч, вложенный в ножны на спине. Служил Ферок боцманом (довольно высокий чин для мужской особи на курсовикийском корабле) и, без сомнения, был любовником Драгойки. По натуре импульсивный, задиристый и по-собачьи преданный, он нравился Фландри.

Ферок поднял телескоп и описал им дугу. Это местное изобре-

тение. Курсовики были центром наиболее развитой сухопутной культуры на планете.

— Пока никаких признаков чего-либо, — сказал он. — Как ты думаешь, летающий корабль этих инопланетян может на нас напасть?

— Сомневаюсь, — сказал Фландри. — Наиболее вероятно, он просто случайно оказался там, потому что перевозил мерсеянских советников, и стрелял в меня потому, что я мог иметь приспособления, которые навели бы меня на догадку о том, что происходит там, внизу. — Фландри засомневался, прежде чем продолжить: — Мерсеяне, как и мы, редко берут на себя ведущую роль в любом деле, а если и берут, то почти всегда как личности, как самостоятельные офицеры, а не как представители своего народа. Никто из нас не хочет провоцировать подобный ответный удар.

— Бойтесь? — Губы Ферока презрительно искривились, обнажая клыки.

— Это ты так думаешь, — сказал Фландри искренне. — Вы не представляете, что наше оружие может сделать с миром.

— С миром... Ха, трудно понять, ну, пусть это попытаются сделать Сестры. А я счастлив, что я простой самец.

Фландри повернулся и окинул взглядом палубу. «Стрелец» был большим кораблем по старкадским меркам, возможно, 500 тонн; высоким в корме, широким, с резным форштевнем на носу — эмблемой покровительствующего духа. Рубка, в которой был арсенал, стояла посреди судна; камбуз, кузница и столярная мастерская — все было кричаще раскрашено. На трех мачтах были желтые квадратные паруса наверху и продольные внизу; в этот момент последние поворачивали на другой галс. Команда была занята своим делом на палубе и у такелажа. Она насчитывала тридцать мужских рук и полдюжины женщин-офицеров. Корабль вез пиломатериалы и пряности из порта Юджанка до архипелага Чейн.

— Какое у нас вооружение? — спросил он.

— Одна палубная пушка от землян, — ответил Ферок. — Пять ваших винтовок. Нам предлагали больше, но Драгойка сказала, что они будут бесполезны, пока мы не обучим обращаться с ними большую часть населения. В остальном мечи, пики, арбалеты, ножи, страховочные шплинты, зубы и когти. — Он указал жестом на сеть, которая ходила из стороны в сторону под килем. — Если она начнет сильно дергаться, это означает, что сираво пытается проделать дырку в нашем дне. Тогда мы нырнем за ним. С твоей экипировкой тебе это будет легче сделать.

Фландри поморщился. Его скафандр мог быть приспособлен для работы под водой, на Старкаде концентрация кислорода, растворенного в воде, была почти такой же высокой, как в воздухе Земли. Но он не мог представить себе стычку с существом, рожденным для такой среды.

— А ты сам зачем здесь? — спросил Ферок, пытаясь сменить тему разговора, — для удовольствия или для добычи?

— Ни то, ни другое — меня послали, — Фландри не добавил, что Военно-Морские Силы считали возможным использовать Старкад для того, чтобы способные молодые офицеры получали некоторую практику. Эпитет «способные» относил его к слишком юным. Он сразу понял, что его слова звучали явно неагрессивно, и поспешно вывернулся: «Конечно, если бы представился шанс ввязаться в бой, я бы в любом случае выпросил разрешение действовать».

— Мне сказали, что ваши женщины повинуются мужчинам. Это правда?

— Ну, иногда.

Вторая помощница капитана прошла рядом, и Фландри проводил ее взглядом. Очаровательные изгибы тела, рыжевато-коричневая грива, струящаяся по спине, полная и упругая грудь торчала так, как ни одной девушке не удалось бы добиться этого без технологической помощи; нос ее был почти человеческим. Вся «одежда» состояла из нескольких золотых браслетов. Но от землянки она отличалась не только внешностью. Она не вскармливала потомство молоком, ее соски питали детей непосредственно кровью. И в этом виделось что-то такое же простое, как само женское тело, полное крови и способное ее восстанавливать.

— Ну, а кто выполняет приказы в вашей стране? — удивился Ферок. — Почему вы не перебили друг друга?

— М-м-м... Трудно объяснить, — сказал Фландри. — Дай мне убедиться, что я понимаю, как все у вас происходит, прежде чем сравнивать с нами. Например, ты ничем не обязан месту, где ты живешь, правильно? Я имею в виду — ни городу, ни острову, ни чему-либо еще, что управляемо, как, скажем, корабль... так? Взамен — во всяком случае в этой части света — женщины организованы в ассоциации, такие, как Сестринство, у некоторых может быть даже свой особый язык, а члены их могут проживать где угодно. Они владеют всей основной собственностью и принимают все важные решения с помощью этих ассоциаций. Мужские дебаты не имеют особого значения, не так ли?

— Пожалуй, да. Ты бы мог, правда, выразиться более вежливо.

— Прими мои извинения. Я иностранец. Ну, а среди моего народа...

Из «вороньего гнезда» — смотровой вышки — раздался крик. Ферок вскочил и навел свой телескоп. Вся команда появилась у правого борта, сгрудилась у вант и закричала. Драгойка выскочила из капитанской каюты. У нее был четырехзубец для рыб в одной руке и маленький раскрашенный барабан на перевязи под другой рукой. Она взошла наверх, остановилась возле рулевой у штурвала и огляделась. Затем хладнокровно стала бить в барабан, пощипывая стальные струны, натянутые на его коже с другой стороны. Глухие

удары и резкие звенящие звуки летали среди шумов как трубный зов.

Все к оружию, по боевым местам!

— Ваз-Сираво! — прокричал сквозь шум Ферок. — Они на нас напали! — Он направился к рубке. Дисциплина была восстановлена, и команда выстроилась в очередь за шлемами, кольчугами и оружием.

Фландри напряженно смотрел на блестящую поверхность воды. Голубые спинные плавники, рассекающие ее, сходились к кораблю. И вдруг метрах в стах от правого борта поднялась подводная лодка. Небольших размеров, она была, без сомнения, построена здесь по мерсеянским чертежам — если вы хотите управлять войной на планете среди примитивных существ, вы должны научить их тому, что они могут делать сами для себя. Корпус ее был из смазанной жиром кожи, натянутой на каркас из подводного эквивалента дерева. Постромки тянулись вниз к четырем рыбам, которые тащили ее; он едва мог угадать их по огромным теням под водой. Палуба была уже на поверхности. На ней возвышалась огромная катапульта. Несколько дельфинообразных тел в прозрачных шлемах на головах и блоками питания на спине крались вдоль борта. Они поднялись на хвостах и плавниках, руки их тянулись к механизму, чтобы развернуть его.

— Домманик! — закричала Драгойка. — Домманик Фаландри! Ты можешь обращаться с нашим оружием?

— Да, да! — землянин побежал в носовую часть. Толстые доски глухо грохотали под ногами. Две женские особи, чей пост был на передней палубе, пытались снять орудие с передка. Они действовали очень медленно, толкались, мешая друг другу и осыпая ругательствами. Было мало времени, чтобы сделать несколько метких выстрелов даже из такого орудия, как это, стреляющее 38-миллиметровыми химическими снарядами. Прежде чем они прицелятся, эта катапульта может...

— Пропусти! — Фландри оттолкнул ближнюю особь в сторону. Она зарычала и ударила его рукой с длинными красными ногтями. Барабан Драгойки отдал приказ. Обе самки отстали от него. Он схватил снаряд из ящика с боеприпасами, открыл затвор и дослал снаряд в ствол.

Вражеская катапульта выстрелила. Снаряд описал высокую дугу, пошел вниз и, не долетев немного, взорвался пламенем, которое бордовым дымом растеклось по волнам. «Вариант «греческого» огня — нефтяные колодцы под морем!» — Фландри припал к прицелу. Он был слишком возбужден, чтобы испугаться. Гидравлическая система не внушала доверия и в любое время могла сломаться. Несмотря на хороший баланс и самосмазывающиеся подшипники, ствол шел ужасно медленно.

Ситролли перезаряжали катапульту. *«Клянусь Андромедой, они очень ловкие! Наверняка используют гидравлику».*

Драгойка сказала что-то рулевой. Та закрепила штурвал. Над палубой стоял гул. Кливер бился с грохотом, пока мужчины перекидывали паруса. «Стрелец» лег на другой галс. Фландри старался выправить свое положение. Он не забывал держать ногу на тормозе, чтобы орудие не уходило далеко.

«Бьюсь об заклад, эти самки наверняка бы забыли».

Вражеская ракета повредила обшивку не очень сильно. Но она угодила в корпус как раз посередине. Под сильным давлением кислорода огонь взлетел под небеса.

Фландри нажал на гашетку. Его орудие рывкнуло и откатилось. Взвился фонтан воды, смешанной со щепками. Одна из запряженных рыб прыгнула, метнулась и умерла. Остальные уже плавали брюхом вверх.

— Готов! — издал вопль Фландри.

Драгойка сыграла сигнал. Большая часть команды отложила оружие и стала тушить пожар. По каждому борту стояли ручной насос, ведра с привязанными к ним веревками. Паруса спускали, мочили и оттащивали от рубки. Сквозь шум голосов, ветра, волн, сквозь дым и огонь раздавался крик Фервока или чей-то еще.

Ситролли взбирались с противоположного борта. Они, должно быть, подняли сети (лучше бы изобрели другое предупреждающее устройство, — пронеслось в голове у Фландри). У них было мерселянское снаряжение, которое позволяло вести боевые действия и на суше, в любом месте на Старкаде. Наполненные водой шлемы покрывали их тупые головы, черные адсорбирующие кожаные костюмы поддерживали все тело во влажном состоянии. От блока питания шли насосы, заставляющие циркулировать атмосферный кислород. Конденсаторы давали энергию ногам, но ситролли были все же неуклюжими. Тела их были «запряжены» в поддерживающую конструкцию, два плавника и хвост контролировали четыре металлических конечности. Ситролли шли, согнувшись, по палубе, огромные, мощные, держа в руках копья, топоры и пару подводных автоматических пистолетов. Их было на борту уже с дюжину.

«Сколько матросов можно снять с тушения пожара?»

Просвистела пуля. Ситролли ответили свинцовым дождем. Тигерийцы пали духом. Кровь их была такого же цвета, как и у людей.

Фландри забил еще один снаряд и выстрелил недалеко в море.

— Зачем? — пронзительно крикнула артиллеристка.

— Может быть, их там еще много, — сказал он. — Надеюсь, гидростатический шок добьет их. — Он не заметил, что говорит на английском.

Драгойка метнула свой четырехзубец. Один из обладателей пистолета упал, царапая древко. Трещали винтовочные выстрелы, щелкали арбалеты, заставляя воинов искать убежище между рубкой и спасательной шлюпкой. Разгорелся яростный бой, прыгали тигерийцы, неуклюже ковыляли ситролли; меч против топора, пика

против копья; хлопки, лязг, хрюканье, вопли — сплошной хаос на палубе. Некоторые «пожарные» схватились за оружие, барабан Драгойки приказал им вернуться назад. Ситролли кинулись за ними, чтобы сбросить их и дать кораблю сгореть. Вооруженные тигерийцы пытались защитить «пожарных». Автоматические пистолеты врага держали стрелков курсовикян прижатыми к палубе за мачтами и швартовыми тумбами, нейтрализуя их. Бой шел своим ходом.

Пуля расколола доску в метре от Фландри. На мгновение он в панике застыл на месте. Что делать, что делать? Он не мог умереть, он не должен умереть. Ведь это он, Доминик. Впереди еще целая жизнь. Стоит ситроллям посеять панику, чтобы огонь вышел из-под контроля, и тогда он погиб.

«Мама! Помоги мне!»

Без всякой на то причины он вспомнил лейтенанта Даниельсона. Ярость охватила его. Он устремился вниз, к лестнице, через палубу. На него замахнулся ситролле. Он уклонился и побежал дальше.

Дверь Драгойки была под ютом. Он отодвинул панель в сторону и ворвался в ее каюту. Она была обставлена с варварской роскошью. Солнечный свет прорвался сквозь овальное окно, коснувшись бронзовых канделябров, тканого gobelena, примитивного секстанта, морских карт и навигационных таблиц, начертанных на пергаменте. Он схватил то, что оставил здесь для удовлетворения ее любопытства, — свой мипеллер, — пристегнул прыгающими пальцами блок на спине и конденсаторы. Теперь меч, надеть который у нее не хватило времени. Он все перепроверил, включил контроль и поднялся.

Вверх, к рубке! Ситролле с автоматическим пистолетом залег около рубки, командуя всем боем, от носа до кормы. Он был неудобной мишенью для винтовки. Фландри обнажил меч. Существо услышало легкий шум и неуклюже пыталось поднять голову. Фландри ударил. Он не попал по руке, но пистолет все-таки выбил, и тот отлетел в сторону. Фландри с шумом понесся к корме, разя врагов сверху.

— Я обезвредил его, — кричал он. — Я его обезвредил! Выходите и перестреляйте их!

Бой скоро закончился, и ему понадобилось еще немного энергии, чтобы помочь расправить мокрый парус, которым затушили пожар.

После того как стемнело, Эгрима и Бурус вновь правили небесами. Они разбрасывали по воде дрожащие прогаины света. Очень мало звезд доносили сюда свой свет, но это не отвлекало от царящей в небе красоты. Корабль шел на север по журчащей глади воды.

Драгойка стояла рядом с Фландри возле тотема. Она смотрела на него благодарным взглядом.

Курсовикянской религией было язычество, более рудиментарное, чем какое-либо из известных на древней Земле: умы тигерийцев меньше, чем людские, занимали поиски первопричины — для них важен был ритуал.

Часть команды вернулась к своим вахтам, часть — отдыхала, и теперь они остались вдвоем. Ее мех искрился серебром, а глаза были словно озера света.

— Мы очень благодарны тебе, — сказала она мягко. — Я занимаю высокое положение в Сестринстве. Я им все расскажу, и они будут помнить о тебе.

— Да ладно, — Фландри шаркнул ногой и покраснел.

— А разве ты не подвергал себя опасности? Ты же рассказывал, как мало силы осталось в ящиках, которые поддерживают твою жизнь. Но ты ее потратил, чтобы летать?

— Ничего, если понадобится, насос можно привести в действие вручную!

— Я дам тебе помощников.

— Не нужно. Видишь ли, теперь я могу использовать блоки питания ситроллей. У меня в сумке есть инструменты для того, чтобы их приспособить.

— Хорошо, — некоторое время она смотрела на палубу, испосованную тенями и светом. — Этот, у которого ты выбил пистолет... — голос ее был свистящим.

— Нет, мэм, — твердо сказал Фландри. — Его нельзя трогать. Он единственный оставшийся в живых. И он должен быть целым и невредимым.

— Я просто хотела расспросить его об их планах. Я немного знаю их язык, которому за столетия мы научились от пленных и парламентаров. Он не сильно пострадает от этого, я думаю.

— Мои начальники в Хайпорте могут сделать это лучше.

Драгойка вздохнула.

— Как хочешь, — она прижалась к нему. — Я встречала раньше вас, землян, но ты первый, кого я действительно хорошо узнала.

— Она виляла хвостом. — Ты мне нравишься.

Фландри смутился.

— Я... ты мне тоже нравишься.

— Ты сражаешься, как мужчина, а думаешь, как женщина. Это что-то новое. Даже на дальних южных островах... — Она обняла его за талию. Ее мех был теплым и шелковистым. Кто-то говорил ему однажды, что если бы он вдыхал их воздух неразжиженным, то почувствовал бы, что тигерийки пахнут свежескошенным сеном. — Мне хорошо с тобой.

«Гм-м... Что я могу сказать?»

— Жаль, что ты должен носить этот шлем, — сказала Дагойка. — Мне бы хотелось попробовать твои губы. Но в остальном ведь наши два вида несильно различаются? Может, пойдём ко мне в каюту?

В какой-то момент Фландри охватило искушение. Он бы многое отдал, чтобы как-то ответить ей. В нем говорили вовсе не принципы, не прошлые лекции о том, чтобы стараться не оскорбить местные обычаи и привычки, и, конечно же, не разборчивость. Если на то

пошло, ее непохожесть делала Драгойку еще более пикантной. Но он не мог предугадать, что ей придет в голову во время близких отношений...

— Я очень сожалею, — сказал он. — Мне бы хотелось, но я... как бы это сказать? Закодирован.

Она не оскорбилась и не очень удивилась. Она видела много разных культур.

— Жаль, — сказала она. — Ну, ладно. Ты найдешь, где носовой кубрик. Спокойной ночи.

Она бесшумно пошла к корме. По пути остановилась, чтобы забрать *Ферока*.

«А все-таки ее клыки страшноваты!»

ГЛАВА ПЯТАЯ

Когда лорд Хоксберг прибыл в Хайпорт, адмирал Энрике и верхний эшелон командования устроили официальный прием по поводу приезда высокого гостя и его свиты, как предусматривал протокол. Ожидали, что Хоксберг ответит тем же накануне своего отъезда. Эти мероприятия были скучны. Однако он пригласил различных офицеров на короткие встречи. Будучи проницательным и любезным гостем, он, таким образом, сгладил то презрение, которое неизбежно вызывал своими разговорами с переутомленными людьми и чрезмерным отвлечением вооруженных сил на службу безопасности.

— Я все никак не пойму, как ты удостоился приглашения, — жаловался Ян ван Зуйл, растянувшись на койке. — Какой-то паршивый лейтенант.

— Ты ведь и сам лейтенант, мой мальчик, — напомнил ему Фландри, стоя у зеркального шкафа. Он в последний раз одернул голубой мундир, натянул белые перчатки и потер несколько раз пламенные снопы своих эмблем на плечах.

— Да, но не паршивый, — сказал товарищ по комнате.

— Я герой, не забывай!

— Я тоже герой. Мы все герои, — ван Зуйл окинул взглядом их унылую маленькую комнату. Картинки с девушками почти не оживляли ее. — Поцелуй за меня л'Этуаль.

— Ты хочешь сказать, что она будет там?

— Она там была, когда Каррутье приглашали. Она, Шарина и...

— Каррутье, младший лейтенант. Следовательно, по обязанности. Лакомые кусочки от Мадам Сефейд недоступны тому, кто званием ниже командирского чина.

— Он клянется, что у милорда на руках были девицы, как, впрочем, и в руках. Так, значит, врет. Сделай одолжение, дополни его фантазии, когда вернешься. Мне бы не хотелось рассеивать эту иллюзию.

— Обеспечь виски, а я обеспечу тебе байки, — щегольским, выверенным до микрона движением Фландри поправил фуражку.

— Корыстный подлец, — простонал ван Зуйл, — мог бы солгать для удовольствия и престижа.

— Знай же, о несчастный, что я обладаю душевным спокойствием, которое поднимает меня далеко за пределы потребности в твоём почтении. Однако не за пределы потребности выпить с тобой. Особенно после последней партии в покер. Желаю тебе замечательно провести вечер. Я вернусь.

Фландри спустился в холл и вышел за двери общежития для младших офицеров. Сильный ветер налетел на него. На такой высоте, в горах, Саксо рождало бури более свирепые, чем на Земле. Сухой снег летел со свистом сквозь холод и несмолкаемый шум. Фландри завернулся в плащ так, что его было не узнать, нагнул фуражку и побежал. В его возрасте он быстро привык к гравитации.

Штаб командования был самым большим зданием в Хайпорте и включал этаж с гостевыми апартаментами. Фландри как-то сказал об этом командующему Абрамсу в одном из их разговоров, после расспросов об его опыте общения с тигерийцами. Шеф разведки умел расположить людей, чтобы они чувствовали себя непринужденно.

— Да, сэр, некоторые мои товарищи удивляются, не...

— Не ожирели ли мозги у Империи, что она занимает пространство для кораблей под роскошные хоромы для вредных и опасных кутил, которые могли бы быть использованы, чтобы прислать нам больше оборудования. Да? — подсказал Абрамс.

— Э-э-э... Никто не совершает государственной измены, сэр.

— Черта с два, не совершает. Но я думаю, что ты не можешь так прямо сказать это. В данном случае, однако, вы, ребята, ошибаетесь. — Абрамс ткнул в сторону Фландри своей сигарой. — Подумай, сынок, мы здесь для политических целей. Поэтому нам нужна именно политическая поддержка. Мы не получим ее, враждуя с придворными, которые пьют шампанское, нежатся в постели и воспринимают это как само собой разумеющееся. Скажи своим друзьям, что этот идиотский отель — блокада.

«Вот где я разузнаю...»

Телекамера осмотрела Фландри, и дверь открылась. Внизу, в холле, было тепло, кругом полным-полно вооруженной охраны. Ему отдали честь и пропустили, посмотрев на него с завистью. Но по мере того как он поднимался в лифте, его самоуверенность улетучивалась. Вместо упругой легкости переход в земной вес принес ощущение неустойчивости.

— Довольно бесцеремонно, — сказал Абрамс, когда узнал о приглашении, — милорду захотелось новизны, и он позвал тебя. Что ж, тебе есть что рассказать, и ты хороший рассказчик. Я думаю, что каждый из его званных вечеров служит определенной цели —

негласная информация о том, что мы ожидаем, что по этому случаю собираемся делать и как относимся ко всей этой ситуации.

К этому времени Доминик уже знал Абрамса достаточно хорошо, чтобы осмелиться ухмыльнуться:

— И как же мы относимся, сэр? Мне бы хотелось узнать.

— А каково твое мнение? Твое собственное, там, внутри, что ты думаешь? Давай, у меня нет магнитофона.

Доминик, нахмурившись, подыскивал слова.

— Сэр, я всего лишь работаю здесь, как говорится. Но... теоретически наша бескорыстная цель — спасти земную цивилизацию от разрушения; островитяне зависят от моря в такой же степени, в какой и рыбий народ. А цель Империи — сдерживать экспансию мерсеян в любом районе. Однако я не перестаю удивляться, почему эта планета привлекает всех.

— По секрету, — сказал Абрамс, — моя основная задача — найти на то ответ. Пока мне не удалось...

...Слуга в ливрее объявил о прибытии Фландри. Тот вступил в апартаменты с радужными стенами и комфортабельными креслами; на экране шла постановка «Ундины». За буфетной стойкой стояли пара осанистых слуг... и еще трое. Разносили напитки. С дюжину человек беседовали стоя — офицеры представительства в парадной форме. Персонал Хоксберга был в разноцветной гражданской одежде. Здесь была только одна девушка. Доминик слегка занервничал от разочарования. Он облегченно вздохнул, увидев квадратную фигуру Абрамса.

— А-а, вот и наш доблестный лейтенант, — человек с волосами соломенного цвета поставил стакан (официант с подносом подоспел раньше, чем тот завершил движение) и неторопливо направился к Фландри. Его одежда была традиционно пурпурно-серой, но сидела так, будто была второй кожей, и говорила о том, что он был в лучшей физической форме, чем большинство знати.

— Добро пожаловать, Хоксберг.

Фландри отдал честь:

— Мой лорд...

— Вольно, вольно, — Хоксберг сделал небрежный жест, — и никаких церемоний, никаких чинов сегодня вечером. Ненавижу их. — Он взял Фландри за локоть. — Пойдемте, я вас представляю.

Начальство Фландри поприветствовало его с большим интересом, чем прежде. Это были люди, которых Старкад угнетал и делал угрюмыми. Награды на их мундирах были отшлифованы до блеска, и нетрудно было заметить возмущение этих людей тем, как покровительственно обращался земной персонал с одним из им подобных.

— А это моя сожительница, достоctимая Персис д'Ио.

— Я рада возможности познакомиться с вами, лейтенант — сказала она вполне искренне.

Доминик решил, что она достойная замена л'Этуаль, во всяком случае по внешним данным. Она была сложена почти так же

роскошно, как и Драгойка, и ее шимерлиновое платье подчеркивало это. На шее у нее был огненный рубин, а на высоко взбитых волосах цвета вороньего крыла — диадема. Черты ее лица были то ли собственными, то ли сформированы биоскульптором с богатым воображением: большие зеленые глаза, изящно изогнутый нос, породистый рот. Она выглядела необычайно оживленной.

— Пожалуйста, возьмите что-нибудь выпить и закуривайте, — сказала она, — я собираюсь заставить вас сегодня много говорить.

— Э-э... М-м... — Доминик чуть было не начал рыть ногами ковер, но вовремя остановился. Рука, сжимавшая стакан, была влажной. — Я мало о чем могу рассказать, донна. Со многими мужчинами случались здесь... э-э... более волнующие приключения.

— Но едва ли такие романтичные, — сказал Хоксберг. — Плыть вместе с пиратской командой, ну и так далее.

— Они не пираты, мой лорд, — выпалил Фландри. — Торговцы, прошу прощения.

Хоксберг изучающе смотрел на него.

— Они вам нравятся, да?

— Да, сэр, — сказал Фландри. — Очень. — Он тщательно взвесил свои слова, они были искренними. — Прежде, когда я не знал хорошо тигерийцев, моя миссия была только служебным долгом. Сейчас же я хочу помочь им.

— Похвально, однако и морские обитатели — живые существа, так? И мерсеяне тоже. Пожалейте всех, с кем мы в ссоре.

У Фландри вспыхнули уши. А Абрамс сказал то, что Доминик не осмелился:

— Мой лорд, эти «приятели» лейтенанта, сделали все, что могли, чтобы убить его.

— И в качестве возмездия уже после его донесения о бое их эскадра подверглась нападению, — резко сказал Хоксберг. — Было убито три мерсеянина и один человек. Я в это время был на приеме у коменданта Руinea. Очень неловко вышло.

— Я не сомневаюсь, Фодайх остался любезен с представителем Императора, — сказал Абрамс. — Он очаровательный подлец, когда ему нужно. Но, мой лорд, мы проводим утвержденную сверху политику: отражать любые нападения на наше представительство. — Тон его речи становился сардоническим. — Это мирная консультативная миссия на нейтральной территории, на которую не претендует ни одна из Империй. Так что она имеет право быть защищенной. А это означает, что защита ее личного состава должна дорого стоить.

— А если бы Руней приказал совершить ответный налет? — усомнился Хоксберг.

— Но он не приказал, мой лорд.

— Нет еще. Это что, свидетельствует о дружелюбном отношении мерсеян? Или просто мое присутствие, может быть, повлияло на Руinea? Хотя, если эти стычки будут продолжаться, вскоре начнется

эскалация конфликта. И тогда все будут заняты своей чертовой работой — контролировать степень этой эскалации. А могли бы покончить с этим. Еще вчера было время остановиться.

— По-моему, Мерсея сама заварила всю кашу, начав операции в такой близости от нашей основной базы.

— Это сделал морской народ, не без помощи мерсеян, конечно. Но это их война с народом суши, и ничья больше.

Абрамс яростно теребил погасшую сигару.

— Мой лорд, — прорычал он, — как морской, так и наземный народы разделены на тысячи общин, десятки цивилизаций. Многие прежде и не слышали друг о друге. Обитатели Злетовара были не более чем досадной неприятностью для курсовикян до последнего времени. Кто внушил им идею предпринять согласованную атаку? Кто последовательно подталкивает когда-то стабильную ситуацию в сторону общепланетной войны между расами? Мерсея!

— Вы берете на себя слишком много, командующий, — с отвращением сказал капитан Абде-Салем. Помощники виконта выглядели потрясенными.

— Нет, нет, — улыбнулся Хоксберг в сердитое коричневое лицо напротив него. — Я ценю откровенность. На Земле столько льстецов, что их можно экспортировать. Как вы полагаете, я могу обнаружить факты самостоятельно? Официант, наполните командующему Абрамсу стакан.

— Ну, а что, э-э-э.. противник делает в местных водах? — справился некто в гражданском.

Абрамс пожал плечами.

— Мы не знаем. Курсовикянские корабли начали, естественно, обходить этот район. Мы могли бы послать ныряльщиков, но воздерживаемся пока. Понимаете, лейтенант Фландри сделал больше, чем просто испытал приключение. И больше, чем завоевал определенную степень уважения и расположения тигерийцев (что будет полезно для нас). Он собрал о них информацию, которой у нас прежде не было, детали, которые ускользнули от профессиональных ксенологов, и представил мне данные, четко организованные. И что самое главное — он доставил живого пленника-ситролля.

Хоксберг зажал в зубах сигару.

— Я так понимаю — это необычно?

— Да, сэр, ведь суша не его среда обитания... да к тому же, если тигерийцам удавалось поймать ситролля, они обычно его целиком зажаривали.

Персис д'Ио поморщилась.

— Вы сказали, что они вам нравятся? — пожурела она Фландри.

— Может быть, цивилизованному обществу это трудно понять, донна, — протяжно произнес Абрамс, — но мы предпочитаем ядерное оружие, которое может зажарить целые планеты. Дело, однако, в том, что наш парень придумал приспособление, чтобы содержать ситролля живым и здоровым, устройство настолько простое, что

любой кузнец и плотник смогут сделать его прямо на корабле. Я, пожалуй, не буду вдаваться в подробности, но у меня появились надежды на допрос.

— Почему бы не сказать нам? — спросил Хоксберг. — Вы ведь не считаете, что кто-то из нас здесь переодетый мерсеянин?

— Возможно, и нет, — ответил Абрамс. — Однако вы все здесь отправляетесь на родную планету врага. Дипломатическая миссия это или нет, но я не могу подвергнуть вас риску, сообщая информацию, которой хотели бы владеть враги.

Хоксберг засмеялся:

— Меня никогда не называли болтуном более тактично.

Персис перебила:

— Не спорь, пожалуйста, дорогой. Я очень хочу послушать лейтенанта Фландри.

— Давай, сынок, — сказал Абрамс.

Они сели в кресла. Доминик получил из ее ручек сигарету с золотистым мундштуком на конце. Вино и волнение бурлили в нем. Он лишь чуть-чуть приукрасил историю, но этого было достаточно, чтобы Абрамс покашлял в кулак.

— ... И вот однажды за Юджанкой мы встретили корабль, который мог дать нашу радиограмму. Прилетел флайер и забрал меня и пленника, — закончил Фландри.

Персис вздохнула:

— У вас это звучит так забавно. Вы с тех пор не встречали своих друзей?

— Нет еще, донна. Я был слишком занят делом с командующим Абрамсом. — Фактически он проделал кропотливую, каторжную работу по корреляции данных на значительно более низком уровне. — Я был временно приписан к этому отделу. У меня есть приглашение посетить Юджанку, и, я думаю, мне прикажут его принять.

— Правильно, — сказал капитан Минотти. — Одна из наших проблем состоит в том, что Сестринство остерегается нас и в то же время оно принимает наше оборудование и некоторые наши советы. Понятно, ведь мы для них настолько чужеродны, да и их собственные соседи — ситролли — никогда не представляли серьезной угрозы для них. Мы достигли лучшего взаимодействия с менее развитыми культурами Старкада. Курсовикине слишком горды, слишком ревнивы к своей собственности, я бы сказал, слишком опытные, чтобы воспринимать нас вполне серьезно, как бы нам хотелось. И сейчас мы можем вогнать клин в наши отношения.

— И в нашего пленника также, — сказал задумчиво Хоксберг. — Хочу посмотреть на него.

— Что?! — возразил Абрамс. — Это невозможно.

— Почему?

— Потому что...

— Я не выполнил бы своего поручения, если бы не повидался

с ним, — сказал Хоксберг, — я вынужден настаивать. — Он подался вперед. — Понимаете, это может быть клином в нечто более важное.

— В каком смысле, мой лорд?

— Если вы «выкачаете» его так, как, видимо, и планируете, то узнаете многое о его культуре. Тогда они станут не безликими врагами, а реальными существами с реальными потребностями и желаниями. Пленник может сопровождать нашего посланника к своему народу. Мы можем — я думаю, это не исключено, — мы, вероятно... можем покончить с этой последней войной. Провести мирные переговоры между курсовиканами и их соседями.

— Или между львом и ягнятами, — оборвал Абрамс. — С чего вы начнете? Ведь они и близко не подойдут к нашей подводной лодке.

— Поедем тогда на их кораблях.

— У нас нет для этого людей. Чертовски мало кто знает, как обращаться с парусником в наши дни, а ходить под парусом на Старкаде — совершенно особое искусство. Может, нам пригласить курсовикан, чтобы они отвезли нашу мирную миссию? Ха-ха!

— А что если их закадычный друг попросит? Как вы думаете, может, стоит попытаться?

— О-о-о! — Персис, сидящая рядом с Фландри, взяла его за руку. — Если бы вы...

Под ее взглядом он засветился от счастья и сказал, что сочтет это за удовольствие. Абрамс сурово посмотрел на него.

— Если прикажут, конечно, — поспешно добавил Фландри.

— Я обсужу этот вопрос с вашим начальством, — сказал Хоксберг. — Но, джентльмены, ведь у нас дружеский вечер, забудьте дела и выпейте пару — другую стаканчиков, а?

Сплетни, привезенные Хоксбергом с Земли, были скандальными и комичными.

— Дорогой, — сказала Персис. — Не надо быть циничным с нашими почетными гостями. Лейтенант, пойдёмте поговорим о более приятных вещах.

— С радостью, донна.

Из внутренних покоев за окном открывалась широкая панорама. Снегопад прекратился. Под лунами лежали белые изможденные вершины. Персис дрожала.

— Какое гадкое место. Я молюсь, чтобы мы смогли скорей забрать вас домой.

Он взял на себя смелость сказать:

— Я никогда не ожидал, что такая... э-э-э... благородная... э-э-э... красивая дама пустится в столь длинный, скучный и опасный путь.

Она засмеялась.

— Я благородная? Ну, спасибо. Вы очень милы. — Ее ресницы дрогнули. — Если я могу помочь милорду, путешествуя с ним... Как могла я отказаться? Он работает для Земли, как и вы. Это и мой

долг. Все мы вместе — так, пожалуй, будет лучше. — Она опять засмеялась. — Очень сожалею, что из девушек я здесь одна. Ваши офицеры не будут возражать, если мы немного потанцуем?

Фландри возвращался на свою квартиру, как на крыльях. Это не помешало ему наутро потребовать бутылку виски от Яна ван Зуйла.

В центре звукоизолированной комнаты, где флюоресцентные лампы горели светом Саксо, в прозрачном аквариуме, окруженном машинами, плавал Сираво.

Выглядел он внушительно — 210 сантиметров в длину, толстый. Его кожа была гладкой, темно-голубой на спине, бледно-зеленой у живота, опаловой на жабрах. По форме он напоминал что-то среднее между дельфином, тюленем и человеком. Но хвостовые плавники и два плавника около середины, обладающие хватательной способностью, были чудом мускулатуры. Спинной плавник был покрыт кожей. Чуть позади головы торчали две короткие сильные руки. За исключением остаточных перепонки, руки были поразительно похожи на человеческие. Голова была большой, с золотистыми глазами, с дрожащими жгутиками по краям губастого рта.

Абрамс, Хоксберг и Фландри вошли в комнату.

— Входи, входи, — приказал командующий лейтенанту. — Раз уж ты завяз по заднице в этом деле.

Четыре морских пехотинца, стоявшие на посту, взяли оружие на караул. Техники вытянулись у своих приборов.

— Вольно, — сказал Абрамс (что в его лексиконе означало: «Возвращайтесь к своей чертовой работе»). — Кстати, как идет работа, Леонг?

— Обнадеживающе, сэр! — ответил глава ученых. — Сопоставление неврологических и энцефалографических данных показывает, что он определенно может выдержать гипнозондирование, по крайней мере, половинной интенсивности, без вероятности большого ущерба. Через пару дней мы надеемся получить аппарат, приспособленный для подводных исследований.

Хоксберг подошел к аквариуму. Пловец двинулся в его сторону. Их взгляды встретились. Там, в глубине аквариума, были красивые глаза. Хоксберг покраснел и обернулся.

— Вы что, хотите попытать его? — спросил он настойчиво.

— Легкое гипнозондирование безболезненно, мой лорд, — сказал Абрамс.

— Вы знаете, что я имею в виду. Психологическую пытку. Особенно, когда он в руках у чужеземцев. Вам не приходило в голову поговорить с ним?

— Так просто? Мой лорд, курсовики веками пытались сделать это. Единственное наше преимущество перед ними — это то, что у нас есть развитая теория лингвистики и вокализаторы способны

воспроизвести их звуки более четко. От тигерийцев и из ксенологических записей мы знаем очень мало об их языке. Ну очень мало! Ранние экспедиции исследовали эту расу более тщательно в районе Кимрайга, где сейчас мерсеяне. Культурные структуры Чарли — как мы его зовем — нам совершенно неизвестны. И он не слишком нам помогает.

— А вы бы на его месте помогали?

— Думаю, нет. Но, мой лорд, мы же спешим. Его народ, возможно, планирует массированную операцию, подобную нашей, против поселений в архипелаге. Или он может выпрыгнуть и умереть у нас на руках. Мы думаем, у него соответствующая диета и все прочее, но едва ли можем быть полностью уверены.

Хоксберг сердито посмотрел на Абрамса.

— Вы разрушите малейший шанс на сотрудничество, если не попытаетесь завоевать его доверие.

— В целях мирных переговоров? Но что мы потеряем? Совсем не обязательно отчуждать его навсегда. Мы не знаем его психики. Может быть, во время работы с ним проявится его жестокость. Видит Бог, любой ситроль очень быстро разделяется с тигерийцами в их маленьких лодках, если они попадают на его пути.

Огромная голубая тень скользнула в другой конец аквариума.

— Он прекрасно выглядит, но его строение совсем не похоже на ваше, или мое, или... тигерийца.

— Он думает, он чувствует.

— Но что думает и чувствует? Я не знаю...

— Я знаю только, что он даже не рыба. Он гомеотермичен. Их самки рожают детенышей и воспитывают их. Под высоким атмосферным давлением в воде достаточно растворенного кислорода, чтобы поддерживать активный обмен веществ и хорошие мозги. Вот, должно быть, почему разум эволюционировал в океане — биологическое соревнование, какое вы едва ли найдете в морях землеподобных планет. Но эта среда обитания почти такая же странная для нас, как и Юпитер.

— Но мерсеяне с ней хорошо уживаются.

— Ха-ха! Им потребовалось время, чтобы изучить все то, что мы еще не знаем. Мы пытались сами провести ксенологические исследования в районах, где конфликт не зашел так далеко, но мерсеяне всегда узнавали об этом и старались нам помешать.

— Как узнавали? — набросился Хоксберг. — С помощью шпионов?

— Нет, наблюдения! Почти все это доступно со всех сторон. Если бы мы имели какой-либо доступ к их подводной информации...

— Абрамс резко умолк и вынул изо рта сигару.

Хоксберг расслабился и улыбнулся:

— Пожалуйста, не поймите меня неправильно, командующий. Уверю вас, я не из слезливых идеалистов. Нельзя сделать омлет, ну и так далее... Я просто против того, чтобы разбивать каждое

яйцо, попавшее к нам в руки. Это довольно непристойное дело. — Он помолчал. — Не буду вас больше беспокоить, но мне сегодня же нужны полный отчет от этом проекте и регулярные сводки. Я не запрещаю категорически гипнозондирование, но и не позволю попытку в любой ее форме. Я еще вернусь. — Он не мог подавить гримасу отвращения. — Нет, нет, благодарю, но меня не нужно провожать. Удачного вам дня, джентльмены.

Его Изящество скрылось за дверью. Абрамс пошел посоветоваться с Леонгом. Они приглушенно разговаривали. Рокот, щелчки и глухой шум заполнили холодную комнату. Фландри стоял, рассматривая своего пленника.

— Черта с два! — сказал Абрамс.

Доминик вздрогнул. Командующий подошел к нему неслышно.

— Сэр?

— О чем ты думаешь? Что там вертится у тебя в башке, кроме прекрасной д'Ио?

Фландри покраснел.

— Я размышлял, сэр. Видимо, милорд прав. Вам не кажется, что вы слишком торопитесь?

— Так надо!

— Нет, — серьезно сказал Фландри. — Извините, сэр, но мы могли бы использовать ныряльщиков, подлодки и исследовательские станции, чтобы понаблюдать за Злетоваром. В перспективе Чарли больше полезен для разведки. Я прочитал о ситроллях все, что смог найти. Они — величина неизвестная. Вам понадобится гораздо больше информации, прежде чем вы сможете быть уверены, что тот или иной способ опроса даст результаты.

Из-под густых опущенных бровей, из-за табачного облака его изучал Абрамс.

— Собрался поучить меня? — спросил он мягко.

— Нет, сэр, конечно, нет. Я... я вас очень уважаю. — Внезапно мелькнула мысль: — Сэр! Вы ведь обладаете большей информацией, чем используете. Прямая линия с...

— Заткнись, — голос Абрамса оставался спокойным, но Фландри резко умолк и непроизвольно напрягся. — Помалкивай! Понял?

— Д-да, сэр.

Абрамс посмотрел на свою команду. Никто из них ничего не заметил.

— Сынок, — пробормотал он, — ты меня удивляешь, пропадая среди этих легунов. Ты никогда не думал перейти в разведку?

Фландри закусил губу.

— Ну, хорошо, — сказал Абрамс. — Почему тебе не нравится эта идея?

— Это... мне кажется... нет, сэр, я не гожусь для этого.

— Ты, кажется, по уши увяз в моем деле. Давай поговорим начистоту. У меня нет желания прослыть сукиным сыном. У меня все же есть свидетельство о рождении.

— Ну... — Доминик собрал все свое мужество. — Это грязная работа, сэр.

— Хм. Ты думаешь, что начальство право? Или ты это из-за Чарли?

— Да, сэр, я... ну... в общем, я был направлен в Академию. Все считали это закономерным. И я тоже. Я был очень молод.

Губы Абрамса расплылись в улыбке.

— Я начал задумываться, — замялся Доминик. — То, что я слышал на вечеринке... э-э... то, что сказала донна д'Ио... Знаете, сэр, я не пострадал в этом морском бою и, в конце концов, это похоже на большую славную победу. Но сейчас я... я начал вспоминать убитых. Один тигериец умирал целый день. А Чарли... он даже не знает, что с ним может произойти!

Какое-то время Абрамс молча курил.

— Все живущие братья, да? — сказал он.

— Нет, сэр, не совсем так, но...

— Не совсем? Тебе это известно лучше — что они не братья! Даже не все люди братья. И никогда ими не были! Конечно, война всегда ведет к деградации. Но есть деградация еще хуже... Мир же — это замечательно. Но ты не можешь постоянно жить в мире и в покое, если только не умрешь... и определенно не можешь жить в мире, если он не основан на общем интересе, если он не отвечает требованиям каждого. Конечно, Империя ослабла. Но она наша. Она — все, что у нас есть. Сынок, верх безответственности — намазать свою любовь и преданность так тонко, что их не хватит даже для тех немногих существ и тех немногих организаций, которые заслуживают эти «награды» от тебя.

Фландри стоял неподвижно.

— Я знаю, — сказал Абрамс, — в тебя вдобили твое образование. Предполагалось, ты узнаешь, что такое цивилизация, но для этого не хватило времени, у них так мало перспективных курсантов. И вот ты явился к нам, доверху напичканный технической информацией и обреченный совершить все философские ошибки, записанные в истории. Мне бы хотелось, чтобы ты прочитал кое-какие книги, микрокопии которых я захватил с собой. В основном, всякая древность, некоторые работы Аристотеля, Макиавелли, Джефферсона, Клаузевица, Ювенала, Микаэлис, но это подождет. А сейчас возвращайся домой. Поразмысли над тем, что я сказал.

— Разве Фодайх не видел доклад, который я составил? — спросил Двир Крюк.

— Да, конечно, — ответил Фодайх. — Но я хотел уточнить некоторые детали. Пробравшись на базу землян, зная, что этот объект слишком хорошо охраняется от посторонних, почему ты не подождал удобного случая?

— Не было возможности, Фодайх, и приближался рассвет. Если

бы кто-нибудь меня окликнул, мой ответ мог бы заронить подозрение. Мне приказали избегать ненужного риска. Мое решение тотчас уйти оправдано, поскольку, вернувшись в каньон, я не обнаружил своего корабля. Патруль землян, должно быть, наткнулся на него. Таким образом, я вынужден был добираться по суше до нашего тайного лагеря, из-за чего и задержался.

— А что тот, другой патруль, который попался на твоём пути? Много ли он заметил?

— Я думаю, очень мало, Фодайх. Мы были в густом лесу, и они стреляли вслепую, когда я не ответил на их оклик. Они, однако, нанесли мне значительный ущерб, как вы знаете, и это сущая удача, что я уже был близок к цели и смог все-таки проползти остаток пути.

— Хр-р, — вздохнул Фодайх Руней, — да, эту попытку надо было предпринять. Но она, кажется, сделала вас лишним на Старкаде, не так ли?

— Я считаю своим долгом продолжить службу.

Двир призвал на помощь свою выдержку.

— Фодайх, в Хайпорте я заметил еще кое-что, не знаю, важное или нет. Сам Абрамс шел по улице, беседуя с гражданским, которого сопровождали еще несколько человек. Я подозреваю, что это посланник с Земли.

— Да-да, такой предупредительный, — пробормотал задумчиво Руней. — Он собирается лететь дальше. Ты не уловил, о чем они говорили?

— Уровень шума был слишком высоким. Правда, с помощью усилителя и фокусировки я смог разобрать несколько слов, вроде «Мерсея». Мое впечатление — Абрамс собирается поехать с ним. В таком случае его лучше держать под особым наблюдением.

— Да, — Руней слегка ударил себя по подбородку. — Возможно. Я обдумываю это. Будь готов к скорому отправлению.

Двир отдал честь и вышел. Руней остался один. Жужжание вентиляторов наполнило его логово. Вскоре он кивнул сам себе, достал шахматы и задумался над своим ходом. Улыбка тронула его губы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Фландри был на Юджанке. Главный морской порт курсовикян раскинулся в Золотом Заливе, окруженном горами, с впадающей в бухту коричневой рекой Печаники. В Западном районе были штаб-квартиры Сестринства. Выше к северу, в Высоком районе, дома богачей разместились каждый на нескольких гектарах раскорчеванных, возделанных джунглей, где цветы, крылья птиц и ядовитые рептилии старались перещеголять друг друга своей расцветкой. Несмотря на свое положение — не только капитана «Стрельца», но и акционера родственной

корпорации, владеющей всем флотом, и его главного представителя в Сестринстве — Драгойка жила в Древнем Восточном районе, на Аллее Шив.

— Мои матери обитали здесь с тех пор, как был основан город, — сказала она своему гостю. — Здесь праздновали когда-то Чупу. Здесь вся лестница была залита кровью в День Глубокого Ущелья. Тут слишком много духов моих предков, чтобы оставить это место, — она усмехнулась, издав глубокий горловой звук и обедая рукой каменный зал с мехами, коврами, мебелью, книгами, оружием, бронзовыми вазами и канделябрами, стеклянными кубками, сувенирами из морских раковин и прочим награбленным почти с четверть всей планеты добром. — Да и слишком много баракла нужно перевозить.

Фландри выглянул в окно. Мощеная булыжником дорога вилась между громадными зданиями, которые могли служить и крепостями. Двое мужчин в плащах с капюшонами прошли крадучись, обнажив мечи. Послышался грохот барабана. Улица на миг огласилась криками и звоном металла — началась драка.

— Как тут с грабителями? — спросил он.

Ферок ухмыльнулся:

— Их хорошо проучили.

Он вытянулся на диване, очертаниями напоминавшем корабль. Его примеру последовал и шкипер Игураз — тучный седой самец, на чьем попечении был Замок Морских Торговцев.

В полумраке зала казалось, что их глаза и драгоценности светятся. Погода за окном стояла ясная, но прохладная. Фландри был доволен, что для этого визита он надел плотный комбинезон. Они все равно не оценили бы парадную форму землян.

— Я не понимаю вас, людей, — сказала Драгойка. Она подалась вперед и вдохнула мягкий наркотический дым, исходящий из жаровни. — Рада тебя видеть снова, Домманик, но я вас *не понимаю*. Что плохого в том, что мы время от времени воюем? После того как ты сам лично взял в плен ваз-сираво, ты приходишь болтать о примирении с ними.

Доминик обернулся. Шум его воздушного насоса, казалось, нарастал в голове.

— Мне было велено познакомить вас с этой идеей, — ответил он.

— Но тебе самому она ведь не нравится? — поинтересовался Игураз. — Тогда зачем, скажи мне ради всего святого, ты говоришь об этом?

— А вы допустили бы неподчинение? — спросил Доминик.

— Только не в море, — признала Драгойка, — но суша — совсем другое дело.

— Ну, а если на то пошло, мы, ваз-земляне, оказались здесь в такой же ситуации, как и на море. — Доминик попытался успокоить свои нервы ходьбой. Ботинки казались свинцовыми.

— Почему вы попросту не сотрете в порошок ваз-сираво для нас? — спросил Ферок. — Это же не трудно, если у вас действительно такое мощное оружие, как вы говорите.

Драгойка удивила Фландри, склонив свои усики и промолвив:

— Не говори так. Ты что же, нарушил бы порядок в мире? — и, обращаясь к человеку: — Сестринство не питает к ним зла. Их должно держать на расстоянии, как и любые другие опасные создания. Но если бы они оставили нас в покое, не было бы случая повоевать.

— Возможно, они думают так же, — сказал Фландри. — Вы беспокоили их с тех пор, как ваши лодки вышли в море.

— Океаны широки. Пусть они держатся подальше от наших островов.

— Они не могут. Солнечный свет дает жизнь, поэтому для пищи им нужны отмели. Опять же вы далеко заплываете, преследуя больших животных и собирая водоросли. Они тоже хотят это иметь. — Фландри остановился, попытался провести рукой по волосам и стукнулся ею о шлем. — Я сам не против мира в Злетоваре. Хотя бы потому, что ваз-мерсеяне были бы этим раздражены. Вы же знаете, это они начали вооружать один народ против другого. И они, видимо, готовят здесь какую-то акцию. Какой же вред могут нанести переговоры с ваз-сираво?

— Как так? — воспротивился Игураз. — Любую из Тоборко под водой тотчас же зарежут, если не дать ей оружие, чтобы она убивала сама.

— Успокойся, — приказала Драгойка. — Я позвала тебя лишь потому, что у тебя список кораблей, стоящих в бухте, а Ферока — потому, что он друг Домманика. Но это женский разговор.

Тигерийцы приняли ее упрек с юмором. Фландри пояснил:

— Посланцы будут моими людьми. Если мы прибудем на наших собственных кораблях, то чрезвычайно встревожим морской народ. Нам бы этого не хотелось. Поэтому мы просим ваши корабли, довольно большую флотилию, на которую они вряд ли нападут. Конечно, условия, которых мы бы достигли, Сестринству пришлось бы ратифицировать.

— Это нелегко, — сказала Драгойка, — Дженъевар ва-Радовик проникает далеко за пределы Курсовикянских вод. А это означает, что различные интересы ситроллей будут включены в общее соглашение. — Она потерла свой треугольный подбородок. — Однако частичную передышку, если уж на то пошло... хм... нужно обдумать...

Вдруг из замка послышался звук рога.

Резкий, пронзительный, будто нагнетаемый кузнечными мехами, он завывал над городом. Горы ответили эхом. Птицы вспорхнули с деревьев. Гу-гу-гу! Пожар, потоп или враг! К оружию, все к оружию! Гу-гу-гу-гу-у!

— Что случилось? — прежде чем Фландри успел спросить, Ферок был уже на ногах, срывая со стены меч и щит. Игураз взял

свой увесистый боевой топор. Драгойка вся сжалась, как перед прыжком, и зарычала. Хрусталь и бронза задрожали. — Нападение? — голос Фландри заглушил звуки рога. — Невероятно!

Ему представилась вся картина. Устье Золотого Залива охранялось большими неповоротливыми судами, стоящими на якоре. Подводные пловцы могли бы очень близко подойти незамеченными, но никогда не прошли бы дальше. Даже если предположить, что они прошли, им еще пришлось бы плыть много километров до домов, с помощью которых Замок Морских Торговцев управлял всей Юджанкой. Они могли бы, конечно, выйти на берег раньше, где-нибудь в районе Белых Отмелей, и пройти по суше на своих механических ногах. Город не был обнесен стенами. Но каждый дом, лежащий на их пути, был бы оборонительным объектом. И тысячи тигерийцев толпами вышли бы на улицы, чтобы встретить их, и тогда...

Землянин забеспокоился, как бы не напали на колонии архипелага. Хотя Юджанка не вела войн в течение многих столетий, но то были другие времена и тогда жили совсем другие тигерийцы...

Гу-у, Гу-у!

— Пойдем посмотрим, — яркий мех Драгойки встал дыбом, ее хвост застыл, напрягшись, уши трепетали. Но говорила она так, будто предлагала пообедать, и поднялась с дивана не спеша. По пути она сдвинула за спину меч.

С бластером в руке Фландри последовал за ней в зал, где возвышались трехметровые каменные фигуры с Острова Льда. За аркой спиралью вверх уходила узкая лестница. Его плечи задевали за стены. Сквозь бойницы прорывались лучи света. Позади неслышно бежал Ферок и пыхтел Игураз.

Они были уже на полпути к вершине, когда что-то хрустнуло и задрожали камни. Драгойку отбросило назад, на Фландри. Он поймал ее. Ощущение было таким, как будто держишь сталь и резину, завернутую в бархат. В его шлем врывались грохот рушащейся кладки и еле слышные отдаленные крики.

— Что случилось? — заревел Игураз.

Ферок выругался. Фландри запомнил некоторые из его выражений, чтобы использовать в дальнейшем... если дальнейшее будет. Драгойка восстановила равновесие.

— Спасибо, — пробормотала она и погладила человеческую руку. — Пойдем! — она устремилась вперед.

Когда они взошли на башню, раздался второй взрыв. Он гремел значительно дольше первого. В воздухе прокатился ужасный грохот. Фландри подбежал к парапету. Он посмотрел вверх крутых черепичных крыш, коньки которых были украшены цветами и резными головами монстров. К северу за этими старыми стенами изумрудной зеленью поднимался Высокий квартал, где сияли виллы. Ему был виден Столб Стечения, где сходились вместе Путь Гордости, Горный

Путь, Солнце и Луна и Дорога Великого Востока. Из-за дыма столб казался еще выше.

— Там! — закричал Ферок. Он указал на море.

Драгойка подошла к телескопу, установленному под балдахином.

Фландри прищурился. Свет, отражаясь от воды, слепил его. Он увидел сторожевые корабли сразу за Длинным Молом. Они были охвачены пламенем. За ними... Драгойка мрачно кивнула и подвела его к телескопу.

Там, где залив расширился, западнее Белых Отмелей и восточнее Скалы Печали, где-то посередине, примостилось нечто, похожее формой на кита. Его мокрая поверхность была из металла. В центре возвышалась орудийная башня. Фландри видел, что она была открыта и там двигалось несколько фигур, похожих на людей. На носу и корме были небольшие плоские башенки с выступающими трубами. Едва он посмотрел туда, одна из драконьих морд изрыгнула огонь. Чуть погодя дым за клубился на высокой квадратной стене Замка Морских Торговцев. Камни лавиной сыпались вниз. Один из кораблей, скопившихся в бухте, попал под них. Его мачта закачалась и переломилась, но корпус устоял. Глухой рокот прокатился от моря до гор и обратно.

— Дьявольщина! Это же подводная лодка!

Она не походила ни на одну из тех, с которыми ему приходилось драться. Лодка явно сработана мерсеянами, возможно, с ядерным двигателем, и, конечно же, команда была тоже мерсеянской. Не очень большая, около двадцати метров в длину, лодка, наверное, была собрана здесь, на Старкаде. Пушки, хотя и большого калибра, стреляли химическими фугасными снарядами — так что враг не использовал самого страшного оружия в этой войне (*пока... если кто-нибудь сделает это, миг воцарится ад*). Но здесь, в атмосфере, густой, похожей на суп, ударные волны способны разрушить город, у которого не было защиты против них.

— Мы сгорим! — взвыл Ферок.

На этой планете не стыдились застыть от ужаса перед огнем. Доминик быстро оценил обстановку. Ненавистные когда-то часы и годы психической подготовки в Академии дали о себе знать. Ему были знакомы ярость и страх, во рту у него пересохло, сердце колотилось, но эмоции никогда не вставали на пути логики. Юджанка быстро не сгорит. За многие столетия почти везде камень и черепица вытеснили дерево. Но если начнут гореть корабли, силы курсовикян уменьшатся практически наполовину. И не так уж много снарядов потребуется для этого.

У Драгойки мелькали подобные же мысли. Она перевела свой телескоп на Печаники, где в Западном районе поднимался медно-зеленый купол центра Сестринства. Ее грива неистово развевалась.

— Почему они не позвонили в Штаб?

— Им не надо напоминать, — фыркнул Игураз, обращаясь к

Фландри. — По закону, если что-нибудь угрожает кораблям, их команды должны явиться на борт и вывести суда из залива.

Над головами пролетел снаряд и разорвался возле Горбатого Моста.

— Но сегодня они действительно могли забыть. — процедила Драгойка сквозь клыки, — они, наверное, охвачены паникой. Эти верзилы, должно быть, забыли повесить веревки для колоколов. — Она устремилась вперед. — Лучше я пойду туда сама. Ферок, скажи, чтобы меня не ждали на «Стрельце»,

Фландри остановил ее. Она сдержала свою злость.

— Прошу извинить, — сказал он, — давайте попытаемся сначала связаться с ними.

— Связаться? Ах да, вы же дали им радио, так ведь? У меня голова совсем не соображает.

Бум! Бум! Обстрел усиливался. Но пока враги, казалось, били наугад. Они, видимо, задумали поскорее навести ужас и устроить вселенский пожар.

Фландри поднес ручной передатчик к переговорному устройству на шлеме и настроился на волну Сестер. Он не очень надеялся, что кто-то ответит ему на другом конце. Вдох облегчения вырвался у него, когда ответил женский голос, тоненький, как у насекомого, на фоне свиста и грохота:

— Да-да, вы принадлежите к ваз-землянам? Я не могла вызвать никого из вас.

«Неудивительно, ведь все коммутаторы заполнены жалобами и нытьем наших людей на Юджанке», — подумал Доминик. Он не видел их здания на горах, но мог представить всю сцену. Они были тоже, конечно, из Морской Авиации, но в основном инженеры, техники, до сих пор занимавшиеся только обеспечением некоторых приспособлений и обучением тигерийцев как ими пользоваться. Штат их был небольшим. Другие районы, где война разгоралась сильнее, требовали большую часть того, что могла предложить Земля. Пять тысяч человек, или около того, разбросаны по всему миру, причем треть из них не технический персонал, а боевые и разведывательные подразделения — чтобы Руню было непосильно пожрать всю миссию. Как и у него, у всей группы на Юджанке были только личное оружие и флиттеры, не приспособленные к боевым действиям, — больше ничего.

— Почему не связались со Штабом? — требовательно спросил Фландри — так, как будто знал их законы всю жизнь.

— Но никто не думал...

— Так начинайте думать! — Драгойка приложила губы к передатчику на запястье Фландри. Она прижалась к нему грудью. — Я не вижу ни одного корабля, готового к бою.

— Но ведь там их поджидает эта субмарина.

— Они будут в большей безопасности, если разойдутся в разные

стороны, чем если будут стоять у причалов, — сказала Драгойка. — Звони.

— Есть. А когда подойдут ваз-земляне?

— Скоро, — ответил Фландри. Он переключился на волну своей команды.

— Я пойду, — сказала Драгойка.

— Нет, подожди. Я прошу тебя. Ты можешь мне понадобиться для... для помощи. Мне будет так одиноко на этой башне.

Дрожащим указательным пальцем Доминик стал нажимать сигнальную кнопку. Этот микроблок не мог достать до Хайпорта, пока его сигнал не будет передан ретранслятором. Но Фландри мог поговорить с кем-нибудь в их здании, если там заметили сигнальную лампочку и если, конечно, вообще вся цепь не перестала действовать. Щелк! Тигерийка бежала вприпрыжку по Аллее Шив, за ней следовали мужчины, на руках у них кричали дети.

— Радиостанция Юджанки, лейтенант Кайзер. — Разрыв снаряда чуть не заглушил его английские слова. Сотрясение было как удар кулака. Казалось, вся башня закачалась.

— Это Фландри, — он вспомнил, что не назвал свой чин, но решительным тоном продолжал: — Я в Восточном районе. Вы видите, что происходит в Заливе?

— Конечно. Подводная лодка.

— Я знаю. Помощь на подходе?

— Нет.

— Что? Но она мерсеянская. Она растерзает город на куски, если мы не ударим.

— Гражданин, я только что закончил связь со Штабом. Разведка докладывает, что воздушный флот зеленокожих завис в атмосфере. Как раз над вашей головой наши флайеры поднялись по тревоге в воздух, чтобы прикрыть Хайпорт. И они никуда больше не полетят.

«Полагаю, что они не могут, — среагировал Фландри. — Пусть эта бойня продолжается, и в результате все кончится захватом, мерсеяне могут прорваться и даже отложить свои яйца на нашей главной базе».

— Я думаю, адмирал Энрике пытается связаться с противником и заявить решительный протест, — презрительно усмехнулся Кайзер.

— Не имеет значения. Что вы сами можете сделать?

— Ничего, гражданин. Штаб пообещал нам пару транспортов, снабженных распылителями противопожарных химикатов. Они будут летать низко, передавая свои позывные. Если крокодилы хвосты не соьют их ненароком, то они придут примерно через полчаса. А вы где находитесь? Я пошлю флиттер.

— У меня есть свой, — сказал Фландри. — Оставайтесь на связи для дальнейших сообщений.

Он отключил свой блок. Из-за реки послышался резкий трезвон.

— Ну? — рубиновые глаза Драгойки ярко горели.

Он передал ей суть разговора. Некоторое время плечи ее были опущены. Затем она вновь выпрямилась.

— Если несколько кораблей с палубными орудиями будут бить с близкого расстояния...

— Нет ни малейшего шанса, — сказал Фландри. — У этой посуды слишком хорошая броня. К тому же она может потопить вас в два раза быстрее.

— И все-таки я попытаюсь, — Драгойка сжала его руки. Она улыбалась. — Прощай, может быть, мы встретимся в Потусторонней Стране Деревьев.

— Нет! — высочило у него. Он сам не знал, почему. Его долг заключался лишь в том, чтобы спасти себя для дальнейшей службы. И его естественное желание было таким же. Но он не собирался позволить горстке самоуверенных мерсеян пустить на дно друзей, с которыми плавал. Нет, пока он может как-то помочь!

— Пойдем, — сказал он. — в мой флиттер.

Ферок оцепенел.

— Я полечу?

— Кто тебе об этом сказал? В этом доме есть ружья, не так ли? Давай возьмем их и еще нескольких помощников. — Фландри побежал по ступеням.

Он выбежал на узкую улочку с бластером и ручным минометом. За ним следовали три хорошо вооруженных тигерийца. Они пробежали по улице «Где Они Сражались» и оттуда к Замку Морских Торговцев. Здесь и там кружились толпы. Ни у кого не было рефлексов цивилизации — прятаться в укрытие, когда говорят пушки. Но многие никуда и не бежали, ослепленные ужасом. Паника скорее всего обрела форму сборища, устремившегося к воде, — с мечами и луками против огнестрельного оружия. Моряки, которых созывали колокола, протискивались сквозь шум и толкотню.

Снаряд разорвался совсем рядом. Фландри швырнуло в палатку торговца одеждой. Он поднялся со звоном в ушах, весь в каких-то разноцветных лохмотьях. Вокруг были разбросаны тела. По булыжникам текла кровь. Из-под кучи камней ужасно стонали и выли раненые.

Драгойка вприпрыжку бежала к нему. Ее черно-оранжевый мех был измазан красным.

— С тобой все в порядке? — крикнул он.

— Да.

Она продолжала бежать вприпрыжку. Ее сопровождал Ферок. Игураз лежал с раздробленным черепом. Ферок взял его оружие.

Когда они дошли до замка, Фландри шатало. Он вошел в передний двор, сел возле своего флиттера и стал ловить ртом воздух. С парапета Драгойка позвала мужчин и вооружила их. Через некоторое время Фландри настроил насос. Давление в шлеме скакнуло вверх, что вызвало протест барабанных перепонок, но дополнительный кислород восстановил его жизнеспособность.

Они набились во флиттер. Это был простой пассажирский корабль, который мог вместить два десятка людей или около того, если занять все места, проход и хвостовой отсек. Фландри устроился возле приборной доски и включил гравитационные генераторы. Перегруженная машина медленно поднялась.

Он шел на бреющем полете, едва не срезая головы тигерийцев, пока не пересек реку, доки и не увидел широкое пространство леса между собой и заливом.

— Ты же направляешься к Белым Отмелям, — запротестовала Драгойка.

— Конечно, — сказал Фландри, — ведь мы хотим, чтобы солнце было позади нас.

Она поняла его замысел. Никто больше не вникал в его действия. Они сгрудились, обхватив свое оружие, какое у кого было, и тихо что-то бормотали. Он надеялся, что их первый воздушный перелет не деморализует никого.

— Когда мы сядем, — громко сказал он, — все выпрыгивайте. Вы увидите открытые люки на палубе. Постарайтесь захватить их сразу, иначе лодка может погрузиться и утопить вас.

— Тогда их стрелки тоже утонут, — послышался мстительный голос у него за спиной.

— У них найдутся резервы, — Фландри вдруг отчетливо понял, каким безумным был его поступок. Если его не собьют на подлете, если ему даже удастся сесть, то у него лишь один бластер и несколько пулеметов против стольких мерсеянских пушек. Он чуть не повернул обратно. Но нет, пойти на такой шаг он не мог, тем более в присутствии этих существ. Это было бы предательством.

Над берегом он сделал вираж и включил экстренное усиление мощности. Флиттер пошел очень медленно, чуть не касаясь воды. Порыв ветра разбрасывал водяную пыль на ветровом стекле. Впереди смутно виднелась серая тень подводной лодки.

— Там, — воскликнула Драгойка.

Она указывала на юг. Море вспенилось от спинных плавников. Повсюду, насколько можно было увидеть, стали всплывать лодки с катапультами, с рыбами в упряжке.

«Конечно, — пульсировала догадка в голове Фландри. — Это, конечно, должна быть операция ситроллей, чтобы и частично сохранить мерсеянские устройства, и скрыть хитрость. А подводная лодка — это ведь вспомогательное средство... не так ли? А там всего лишь советники, ну, на этот раз добровольцы... у пушек... не так ли? Но как только они разрушат оборонительные сооружения Юджанки, ситролли очистят всю местность. Наплевать мне тогда, что случится с Чарли».

Молния прошла тонкий фюзеляж. Никто не пострадал. Но было ясно, что его обнаружили.

Однако корабль был уже над субмариной. Он застыл как вкопанный и опустил колеса. По вибрации сиденья Фландри понял,

что совершил посадку. Драгойка широко открыла дверцу и с криком повела всех в атаку.

Фландри удерживал в равновесии свой флиттер. Это были худшие, почти нереальные секунды, когда сама смерть, которая и не должна быть реальной, «клевала» вокруг него. Примерно десять мерсеян были наверху, в воздушных шлемах и черной униформе: по трое у каждого орудия, трое или четверо у открытой боевой рубки (Какое-то время эта рубка служила щитом между ним и кормовой командой). У остальных в руках были бластеры и автоматы. Засверкали молнии.

Драгойка прыгнула на палубу, перекаtilась и выстрелила от пояса, не целясь. Ее оружие извергло горячий свинец. Огонь мерсеян обрушился на нее. Тогда вылетел Ферок, стреляя из своего автомата. За ним выскочили другие стрелки. Затем еще. Офицеры в рубке, укрытые за своим бастьоном, открыли огонь. Снизу примчался кормовой состав. Пули и молнии прошивали флиттер. Фландри пригнулся у приборной доски, поджав ноги, и чуть не взмолился.

Последний тигериец выпрыгнул на палубу. Фландри направил свой флиттер вверх. Удача не изменила ему, флиттер был поврежден, но не разрушен. Доминик смутно ощутил жгучую боль в руке. Описав дугу, он поднялся над рубкой, развернулся и, схватившись одной рукой за сиденье, другой начал стрелять через открытую дверцу. Ответные выстрелы прошли мимо: у него все-таки была какая-то защита. Он очистил палубу от мерсеян. Вдруг раздался взрыв, от которого у Фландри застучали зубы. Заглох мотор, и флиттер с трехметровой высоты рухнул прямо на боевую рубку. Через минуту Доминик пришел в сознание. Он прополз на четвереньках через изуродованный фюзеляж, быстро выглянул и сполз на палубный мостик. На пути лежало дымящееся тело. Он оттолкнул его в сторону и выглянул из-за перегородки. Дюжина тигерийцев, оставшихся боеспособными, захватила переднее орудие и использовала его как прикрытие. Они прикрывали вторую группу, которая находилась где-то под Фландри. Но из кормового люка уже спешило подкрепление.

Фландри установил широкий луч на своем бластере и выстрелил. Еще! И еще! Команда на лодке, должно быть, небольшая... Скольких он уложил? Стоп, не забыть бы про люк на рубке! Нет, его флиттер блокировал выход.

Тишина обрушилась на него. Только ветер и плеск воды да непрерывное всхлипывание истекающего кровью мерсеянина с оторванной ногой нарушали его. Ну и чертовщина! Мы сделали дело! В самом деле, все удалось! Фландри глядел на свою свободную руку, отвлеченно думая, какой она все же чудесный механизм, смотри — сгибает пальцы.

Нельзя терять времени. Он поднялся. Пуля, выпущенная откуда-то с носа лодки, просвистела рядом.

— Эй вы, тупоголовые! Не стреляйте! Это я! Драгойка, ты жива?

— Да, — она, торжествующая, вышла из-за орудия. — Что дальше?

— Кто-нибудь пойдите на корму. Пристрелите всех остальных. Драгойка вынула свой меч.

— Мы их будем преследовать.

— Это же идиотизм! Ты не сделаешь этого, — Фландри рассвирепел. — Тебе хватит забот, когда ты будешь сдерживать ситроллей.

— А ты... сейчас, — она возбужденно дышала, — ты не мог бы развернуть эти пушки на ваз-сираво?

— Тоже нельзя, — сказал Фландри (Господи, как он устал!). — Во-первых, мне одному с этой тяжестью не справиться, а вы не знаете, как мне помочь. Во-вторых, не хотим же мы, чтобы какой-нибудь геройский засранец, который мог затеряться внизу, решил, что он способен еще хорошо послужить, утопив нас всех.

Он настроил свой коммуникатор. Нужно связаться с Военно-Морской Командой, чтобы забрали тигерийцев и его самого. Если они испугаются вмешиваться в политику, не захотят, заполнив лодку анестезирующим газом, взять ее в качестве приза, он сам лично устроит так, чтобы она затонула. Наверняка к такому решению отнесутся благосклонно. Победителей не судят, а политика — всего лишь извинения, которые ты выдумываешь по мере того как продвигаешься вперед, если у тебя есть разум. И с Сестринством надо держать связь. Необходимо, чтобы они колоколами создали боевую команду. Если их организовать, курсовикийские корабли могут рассеять армаду ситроллей, разве что она не уйдет сама, после того как их карта будет бита.

А дальше... дальше Фландри не знал, что будет. На выбор: нелелею отлежаться в постели, затем медаль и задание — делать на Земле пропагандистские кассеты о себе самом. Однако он не собирался этим заниматься. Мерсея продвинула войну еще на один шаг. Земля должна была либо ответить, либо убраться. Он взглянул на Драгойку, которая расставляла своих тигерийцев на посты. Она увидела его и улыбнулась. Он подумал, что после происшедшего ему не слишком-то хочется убираться.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Руней Скиталец подался вперед так далеко, что его темные плечи и мрачное зеленое лицо чуть не влезли в жилую комнату офиса Хоксберга.

— Мой лорд, вам известна правовая официальная позиция нашего правительства. Морской народ суверенен в водах Старкада. Кораблям тигерийцев можно уступить ограниченное право проезда — морской народ согласен. Точно так же инопланетные корабли могут

летать здесь только на свой страх и риск. Вы обвиняете нас в эскалации напряженности? Честно говоря, я проявил изрядную выдержку, не приказав моему Военно-Воздушному Флоту начать боевые действия после вашего нападения на мерсеянскую подводную лодку.

Хоксберг выдавил улыбку.

— Если мне позволено будет говорить так же откровенно, командующий, — ответил он, — то замечу, что вступление в бой воздушных сил Земли фактически целиком на вашей совести.

Руней пожал плечами.

— В таком случае, кто же нагнетает напряженность?

— Используя чисто мерсеянскую боевую единицу против... э-э... города Тоборко, вы непосредственно втянули вашу планету в войну.

— Это возмездие, мой лорд, причем не с Мерсеи, а со стороны шестиконечных обитателей Злетовара с использованием иностранных добровольцев, временно отозванных со службы на своих основных базах. Ведь Земля так долго провозглашала доктрину, что ограниченное возмездие не повод для войны!

Хоксберг бросил на него сердитый взгляд. Представляя Империю, он не мог высказать своего неодобрения этого принципа.

— Это уходит далеко в историю, в эру межнациональных войн. Мы используем его теперь для того, чтобы наши люди в отдаленных частях космоса имели некоторую свободу действий, когда нарастает напряженность чтобы не посылать курьеров домой с вопросом об указаниях. Конечно, принцип этот не совсем удачен. Вероятно, можно договориться об его отмене, по крайней мере между вашим и моим правительствами. Но, естественно, взамен нам нужны гарантии.

— Ведь это вы дипломат, не я, — сказал Руней, — что же касается нынешнего положения, я хочу, чтобы прежде всего были возвращены все пленные, которых вы задерживаете.

— Я не знаю, взяли ли кого-нибудь, — ответил Хоксберг.

Он отлично знал, что их несколько и что Абрамс не отпустит пленных, пока они не будут допрошены тщательным образом, возможно, и гипнозондированы. Хоксберг почувствовал — Руней известно о том, что он знает о пленных. Очень неловко получилось.

— Я узнаю, если вы хотите, и потребую.

— Спасибо, — сухо сказал Руней. И через минуту продолжил: — Я не спрашиваю о ваших военных секретах, но хотелось бы знать, каким будет следующий шаг союзников Земли?

— Не союзников. Земная Империя ни с кем не воюет.

— Не надо продолжать! — фыркнул Руней, — я предупреждаю вас, как предупреждал адмирала Энрике, что Мерсея не будет сидеть сложа руки, если агрессоры попытаются разрушить то, что она помогала создавать для улучшения всей жизни Морского народа.

«Вот удобный случай!»

— По сути дела, — сказал Хоксберг как можно небрежнее, — после нападения на Юджанку мы пытаемся сдержать курсовику. Они жаждут отмщения и тому подобного, но мы убедили их провести переговоры.

На челюсти Руinea дрогнул мускул, глаза цвета слоновой кости расширились на миллиметр, и с полминуты он сидел не двигаясь.

— В самом деле? — сказал он бесстрастно.

— В самом деле, — Хоксберг завладел инициативой. — Очень скоро отправится флот. Мы не могли это держать в секрете от вас, как не могли скрыть и тот факт, что устанавливаем контакт с сиваво. Так что вам сообщает официально, так же, как я сообщаю сейчас, что флот не будет вступать в бой, разве что в целях самообороны. Хочется верить, что ни один мерсеянский доброволец не будет участвовать ни в каком нападении. Если это случится, войска Земли вынуждены будут вмешаться. Но мы надеемся послать под воду дипломатического представителя, чтобы обсудить возможность перемирия с последующим установлением постоянного мира.

— Так, — пальцы Руinea забарабанили по крышке стола.

— Наша ксенологическая информация ограничена, — сказал Хоксберг. — И первое время мы, конечно же, не будем по-детски доверчивы. Вы бы очень помогли нам, если бы попросили шести-конечных принять нашу делегацию и выслушать ее.

— Совместная комиссия, земляне и мерсеяне...

— Пока еще нет, командующий, пока нет. Это будут скорее неофициальные предварительные переговоры.

— Вы подразумеваете, — сказал Руinea, — что адмирал Энрике не даст своих людей ни на какое дело, в которое вовлечены мерсеяне?

— Конечно. Нет-нет, ничего такого! Ничего, кроме желания избежать осложнений. Ведь у Морского народа нет никаких причин, чтобы не держать вас в курсе происходящих событий. Так ведь? Но мы должны знать, на каких позициях мы с ними стоим. Фактически мы должны узнать их лучше, прежде чем сможем внести какие-либо разумные предложения, а вы, к сожалению, отказываетесь поделиться своими данными.

— Я подчиняюсь приказам, — сказал Руinea.

— Совершенно верно, но политику нужно менять и нам, и вам, прежде чем можно будет говорить о сотрудничестве. Оставим пока мысль о совместной комиссии. Это как раз тот вопрос, ради которого я еду на Мерсею.

— Эта телега будет медленно ползти.

— А? О да, мы заговорили о колесах. Согласитесь, что ни одно правительство вселенной при всем желании не может покончить с этим конфликтом за одну ночь. Но мы можем положить этому начало — вы и мы. Мы сдержим курсовику, вы сдержите шести-конечных. Все военные действия в Злетоваре прекратились бы до последующего предупреждения. Я уверен, у вас найдется соответствующая власть...

— У нас — да, — сказал Руней, — у вас — да. Но местные жители могут не согласиться. И если обе стороны начнут действовать, я буду вынужден поддерживать Морской народ.

«Или если скажешь, чтобы они действовали», — подумал Хоксберг. — Это вы можете. В таком случае у Эрике не будет иного выбора, кроме военного. Однако предположим, что вы искренни в своем желании уладить этот конфликт прежде, чем он выйдет из-под контроля. Я вынужден учитывать это. Иначе остается только возвратиться домой и помогать Земле готовиться к межзвездной войне».

— Вы получите официальный меморандум, — вслух сказал он. — Это предварительный разговор, но я сам останусь здесь, чтобы посмотреть, к чему приведут наши попытки на переговорах. Вы можете заезжать ко мне в любое время.

— Спасибо. Всего хорошего, мой лорд.

— Всего хорошего. Ком. Фодайх, — хотя они говорили на английском, Хоксберг гордился знанием Эриау.

Экран погас. Он закурил сигарету. Ну, что теперь? Теперь, дружок, сиди и жди. Продолжай собирать отчеты, проводи интервью, инспекционные поездки (но это все не касается сокращения расходов!), крутись среди этих милитаристов с железными хребтами, которые считают тебя надоедливym ослом. Тебя ожидает еще ой сколько бесполезных часов! Развлечений тут немного. Хорошо, что ты предвидел это и взял с собой Персис.

Он поднялся и перешел из офиса в комнату. Персис сидела там и смотрела фильм. Опять «Ундины» (бедняжка, местная видеотека не предоставляла широкого выбора!). Он опустил на ручку кресла и положил руку ей на плечо. В блузке с низким вырезом оно было почти обнаженным, кожа мягкая, гладкая. Он уловил тонкий фиалковый аромат духов.

— Ты не устала от этого? — спросил он.

— Нет, — она даже не оторвала глаз от экрана. Ее голос был глух, губы дрогнули, — хотя мне хотелось бы.

— Почему?

— Меня это пугает. Напоминает мне, как далеко мы от дома, впереди неизвестность, а мы летим все дальше и дальше.

На экране полуженщина-полурусалка плыла в морях, которых никогда не было.

— Может, на Мерсее будет более привычно, — сказал Хоксберг, — там уже была промышленность, когда люди открыли ее. Мерсеяне так быстро освоили идею космических путешествий...

— Разве это делает их хоть немного похожими на нас?

Разве это делает нас похожими на... нас самих? — Она сжала пальцы. — Люди привычно говорят «сверхпередача», «световой год», но не понимают этого. Не понимают, или не могут понять, или не хотят. Слишком поверхностны.

— Только не рассказывай, что ты овладела теорией, — мягко проговорил он.

— О, нет. У меня для этого не хватит ума. Но я пыталась понять. Серия квантовых скачков, которые не пересекают малоограниченное пространство и, таким образом, не достигают истинной скорости, хотя и не скованы ограничением скорости света... для тебя это звучит замечательно и научно, не так ли? Ты знаешь, как это звучит для меня? Призраки, обреченные вечно летать во тьме. А ты когда-нибудь думал о световом годе, одном несчастном световом годе, как он огромен?

— Ну, ну, — он потрепал ее по головке, — у тебя будет компания.

— Твои сотрудники, твои слуги. Мелкие люди с мелким умом. Поддакивающие рутинеры и карьеристы, положившие свое собственное будущее на рельсы. Они — пустота между мной и ночью. Как я от них устала.

— У тебя есть я, — сказал он.

Она слегка улыбнулась:

— Конечно, эта компания исключение. Но ты так часто занят.

— Есть еще два-три парня из Военно-Морских Сил. Они могли бы заинтересовать тебя. И они отличаются от придворных и бюрократов.

Она оживилась:

— Кто?

— Ну, мы говорили тут с командующим Абрамсом, и я предложил ему, чтобы он поехал с нами в качестве специалиста по Морскому народу. Мы можем себе это позволить. Или взять этого парня Райденауэра, он действительно крупный специалист, по земным меркам. Уже только поэтому он здесь не останется. — Хоксберг выпустил струю дыма... — Дело будет небезопасным. Абрамс тоже не оставил бы свой пост, если бы не думал, что у него появится шанс собрать больше информации, чем здесь, на Старкаде. Это может, конечно, скомпрометировать нашу миссию. Я все еще не знаю — как, но меня очень ловко подвели к тому, чтобы я выбрал его.

— Этот старый медведь манипулирует тобой, — хихикнула Персис.

— Очень хитрый медведь. И жестокий, почти фанатичный. Однако он может быть полезен, и я, конечно, буду присматривать за ним. Я полагаю, он возьмет одного или двух своих помощников. Молодые, симпатичные офицеры, а?

— Ты сам достаточно красив и молод для меня, Марк, — Персис потерлась об него головой.

Хоксберг отложил сигарету.

— И я всегда так ужасно занят.

День был пасмурным и хмурым, на свинцовом море качались белые шапки пены. Завывал ветер, скрипела обшивка. «Стрелец»

раскачивался. Сзади за кормой, вздымаясь на волнах, шел сопровождающий флот. На верхушках мачт хлопали флаги. Одна палуба была занята герметичной палаткой с земными кондиционерами. Корабль Драгойки буквально кишел людьми. Она и ее команда бесстрастно наблюдали, как Райденауэр — глава ксенологических исследований — пошел освобождать сирова.

Это был высокий человек с напряженным лицом и песочного цвета волосами под шлемом. Его пальцы приблизились к кронштейну вокализатора, прикрепленного к одной стене. Послышались звуки, которые мог издать только обитатель моря.

Длинное тело в бассейне зашевелилось. Приоткрылись губы, карикатурно напоминающие человеческие. Послышался ответ. Джон Райденауэр кивнул:

— Хорошо, выпустите его.

Фландри помог отодвинуть крышку. Пленник выгнул свой хвост. Одним скачком он выпрыгнул за борт. На палубу полетели брызги. Райденауэр подошел к борту и посмотрел вниз.

— До свидания, Сумерки, — сказал он.

— Это его настоящее имя? — спросил Фландри.

— Это того что примерно означает его имя Ивенфол, — ответил ксенолог. Он потянулся. — Я не ожидаю, что кто-нибудь появится в течение нескольких часов. Но будьте готовы начиная с 15.00. Пойду посмотрю свои записи.

Он пошел в свою каюту. Фландри проводил его взглядом. *«Много ли он знает? — подумал Доминик. — Пожалуй, больше, чем он мог узнать от Чарли или из старых записей, это уж точно. Так или иначе, Абрамс устроил — О Господи, эти снаряды, взрывающиеся на Юджанке!»*

Он отогнал эту мысль и окинул взглядом команду, которая должна была спускаться под воду. Пара ассистентов-ксенологов, инженер-лейтенант и четыре дотошных специалиста из рядового состава, у которых был опыт подводной работы. Они были для него практически более чужими, чем тигерийцы.

Колкий ветер унес его славу о выигранном бое в Золотом Заливе. То же самое случилось и с пьянящими надеждами, что он, Доминик Фландри, больше не зеленый юнец, а оценен по достоинству, что ему обещана благодарность как герою всех Курсовиков и это он единственный, кто может уговорить Народ суши попытаться достичь мирного урегулирования. Если отбросить романтику, это означало лишь то, что он должен ехать вместе с посланниками Земли, чтобы их миссия была оправдана в глазах тигерийцев. Райденауэр довольно грубо сказал ему, чтобы он не вертелся под ногами.

Яну ван Зуйлу везло больше!

— Ладно, — Фландри напустил на себя беспечность, насколько это ему удалось, и направился к Драгойке. Она встретила его мрачно.

— Мне ненавистна мысль, что ты спустишься вниз, — сказала она.

— Ерунда, — ответил он, — замечательное приключение, я не могу ждать.

— Вниз, где лежат кости наших матерей, которых они утопили. Вниз, где нет ни солнца, ни лун, ни звезд, только темнота и холодные течения. Среди врагов и ужаса. В бою было лучше.

— Я скоро вернусь. Это первое погружение только для того, чтобы узнать, позволят ли они нам возвести свое здание на дне. Как только это удастся сделать, ваш флот может плыть домой.

— А как долго ты будешь в этом здании?

— Я не знаю. Надеюсь, не больше нескольких дней. Если все будет благополучно, я, — Доминик явно любовался собой, — там буду не очень нужен. Я снова буду нужнее на суше.

— К тому времени я уже уеду, — сказала Драгойка, — у «Стрельца» есть еще срочный груз, и Сестринство хотело бы использовать преимущество перемирия, пока оно еще не закончилось.

— Но ты вернешься, не так ли? Позвони мне, как только будешь дома, и я прилечу на Юджанку, — он погладил ее руку.

В ответ она сжала его руку.

— Когда-нибудь ты уедешь насовсем.

— М-м... но ведь это не мой мир.

— Мне бы хотелось увидеть твой, — произнесла она с присвистом. — То, что мы слышим и видим, — как сон, как утерятый остров. Может, это так и на самом деле?

— Боюсь, что нет, — Фландри подумал о том, почему райские мотивы были так распространены в наземных культурах Старкада. Было бы интересно узнать. Если бы не эта проклятая война, люди могли бы сюда приезжать и по-настоящему изучать планету. Тогда и он мог бы присоединиться к ним.

Жаль, в Империи осталось очень мало истинно бескорыстных исследователей. Человеческий дух утратил признание объективности внешнего мира. Может быть, из-за того, что Времена Бедствий огрубили цивилизацию? Или просто человек, увидев, что галактика не принадлежит ему и он не может укрепить то малое, что есть у него, потерял интерес к чему-либо, кроме себя?

Без сомнения, древний дух и рвение должны быть восстановлены. Но, может быть, сначала Империи придется погибнуть? А он поклялся защищать ее.

«Мне надо больше понять из того, что написано в книгах Абрамса. Пока они главным образом только смущили меня».

— Ты думаешь о чем-то возвышенном? — спросила Драгойка. Он попытался засмеяться:

— Как раз наоборот. Я думаю о еде, веселье и женщинах.

— Да? Женщинах, — она стояла молча, потом тоже засмеялась: — Пожалуй, я могу попытаться устроить веселье. Что ты скажешь об игре Яволак?

— Я еще не выучил эти проклятые правила, — ответил Доминик. — Но у меня с собой карты, и если бы мы собрали несколько игроков, то могли бы сыграть в земную игру под названием покер.

Гладкая голубая голова показалась в волнах. Фландри не смог бы определить, кто это был, — Ивенфол или кто-то другой. Хвостовые плавники трижды ударили по воде.

— Это наш сигнал, — объяснил Райденауэр, — пойдете.

Он сказал что-то по радио. Вся команда была закована в броню. Предполагалось, что она должна выдержать давление на километровой глубине.

«Хотелось бы мне не думать об этом предположении, — погрузился Фландри.

Он неуклюже пересек палубу, и когда настала очередь, его опустили за борт. Он в последний раз посмотрел на Драгойку, которая махала ему рукой. Потом перед ним прошла обшивка корабля, затем — зеленая вода. Он расслабился, включил звук на своем коммуникаторе и завел мотор на спине. Оставляя пузырчатый след, Фландри направился за другими. Тому, кто подготовлен к космическим маневрам, в скафандре под водой все было привычно... Черт побери! Он забыл, что трение будет тормозить движение.

— Идите рядом со мной, — прозвучал в наушниках голос Райденауэра. — И ради Бога, не будьте таким воинственным.

Существо, которое явно было рыбой, скользило впереди. Вода темнела. Тем не менее светильники не понадобились им даже тогда, когда они достигли дна: море было мелким. Фландри со стрекотом несясь сквозь сумерки, переходящие в крошечную тьму. Над ним был круг тусклого света, как замерзший иллюминатор. Под ним — лес. Длинные ветви с зелеными, коричневыми и желтыми листьями устремлялись вверх. Массивные стволы тащили волокнистые сети своих отростков. Огромный моллюск, покрытый маленькими раковинами, схватил изысканно окрашенный, покрытый кружевами кораллоид. Стайка рачков с шорохом прокатилась — по-другому не скажешь — через лужайку водорослей. Что-то напоминающее угря извивалось над их головами. Небольшое животное с крошечными плавничками, все в радужных полосках, порхало меж морских деревьев.

«Что ж, место очень красиво!»

Чарли, нет, Ивенфол вел флот в открытое море, к месту, где редко проходили корабли. Как он ориентировался, было загадкой. Но Отблеск Раковины был уже недалеко.

Фландри пришел к выводу, что ваз-сириво злетоварские жили в шести городах, более или менее равномерно расположенных по округности. Дом Прилива и Рифовый Замок были на другом конце архипелага. Курсовики давно о них знали. Иногда они совершали на них набеги, сбрасывали камни, а иногда эти города служили базами для нападения на тигерийские корабли. Но о таких городах, как Отблеск Раковины, Пещера, Кристалл и Потусторонний, на краю этой

колоссальной пропасти на дне моря, под названием Глубины, даже не подозревали. Принимая во внимание, как должна действовать схема внутригородского движения, Фландри решил, что Шестиконечник может быть также назван звездой Давида. А впрочем, вы не могли бы сделать точный перевод с такого странного языка.

В воде был слышен звук барабанов. Около сотни пловцов, выстроенных в боевой порядок, появились в поле зрения. В шлемах и кожаных чешуйчатых латах, они были вооружены копьями с обсидиановыми наконечниками, топорами и кинжалами. Сопровождающий обменялся несколькими словами с их начальником. Они окружили всю процессию и двинулись вместе с ней.

Теперь Фландри проплывал над сельскохозяйственными угодьями. Он видел ухоженные поля, рыбу, запертую в купол из плетеных прутьев, цилиндрические, тоже плетеные дома, стоящие на якоре у скалы. Недалеко проплыла повозка, запряженная рыбой размером со слона, которой управлял сираво, она тащила нечто напоминающее по форме торпеду со стабилизирующими плавниками, покрытую кожей. Вероятно, они плыли из глубины, из какой-нибудь пещеры, потому что сираво держал фонарь-пузырь, наполненный, видимо, фосфоресцирующими микроорганизмами. Когда экспедиция приблизилась к городу, Фландри увидел мельницу. Она стояла на крутой возвышенности, если не сказать — на горе, и ее ось шла вертикально от эксцентрикового колеса. Направив туда свет своего лазера и настроив линзы на телескопическое обозрение, он различил сферу на другом конце, плавающую на поверхности. Что ж, водяной мотор.

Впереди поднимался Отблеск Раковины. Город казался хрупким, неустойчивым, нереальным — какая сцена для балетной постановки! В этом мире, где не существовало погоды, стены и крыши нужны были только для уединения. Они были сделаны из разноцветных материалов, ниспадающих вольно, и могли двигаться свободно вместе с течениями. Прикрепленные к столбам, они фантастически извивались. Верхние уровни были шире нижних. Фонари на углах горели постоянно, чтобы ночь не захватила город. Поскольку не было нужды в наземном транспорте, улиц просто не существовало. Но чтобы контролировать уровень ила или наслаждаться видом, столители покрыли пространство между домами, садами и гравием.

Собралась толпа. Фландри увидел много женщин, прижимающих к груди детей, рядом на привязи были отпрыски чуть постарше. Очень немногие носили одежду, а если и носили, то только для того, чтобы надеть на нее драгоценности. Они что-то бормотали, издавая низкие звуки, похожие на шум прибоя. Но все же они были спокойнее и вели себя приличнее, чем тигерийки или люди.

Посреди города, на другом холме, возвышалось здание из «одетого» камня. В основной части, которая была без крыши, стояли колонны, но сзади поднималась вверх башня, широкая, с толстым стеклянным куполом как раз под поверхностью воды. Если бы она была подобным образом герметизирована до конца (как, возможно, оно и было!), то

затопила бы светом весь интерьер. Хотя архитектура была совершенно другой, белизна сооружений напомнила Фландри о Парфеноне на Земле. Он как-то видел реконструкцию... его туда возили.

Что-то заслонило ему свет, падающий сверху. Подняв голову, он увидел, как стая рыб тащит подводную лодку. За ними следовал отряд пловцов, вооруженный винтовками мерсеянского производства. Неожиданно он вспомнил, что находится среди врагов.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Когда за городом установили дом в форме купола и снабдили его всем необходимым для жизни человека, Фландри вознамерился быстро одолеть краткий курс философии и истории профессора Абрамса (а что еще оставалось делать, если не бить баклуши и не валять дурака, пока в Штабе не решат, что большая часть его авторитета перешла к Райденауэру и не прикажут ему вернуться в Хайпорт?). Но вместо этого он обнаружил для себя очень много других занятий.

Морской народ был так же заинтересован в землянах, как и земляне в них. Возможно, даже больше. Поразительно, как после всех ужасных историй, которыми напичкали их мерсеяне, они делают такие усилия, чтобы самим дойти до истины (хотя, если понадобится, становятся прекрасными бойцами и в некоторых отношениях совершенно безжалостными, но по природе своей они все-таки менее жестоки, чем люди, тигерийцы или мерсеяне).

Райденауэр и его коллеги неотлучно находились в небесном храме, где проходили бесконечные переговоры с властями Звезды Давида. Ксенолог стонал, когда его незанятых людей приглашали на экскурсию.

— Если бы вы были обучены... О, Господи, сколько бы могли узнать! Просто у нас здесь не хватает профессионалов, так что, любители, — вперед! И если вы не осмотрите и не запомните все до мелочей, я лично вскрою вас своим кухонным ножом.

Таким образом Фландри с тем или другим товарищем часто целыми часами путешествовали. Поскольку никто из них не понимал местного языка или Эриау, их обычным гидом был Айсинглас, понимавший некоторые курсовикийские команды, обученный мерсеянами обращаться с переносным вокализатором (языку Народа суши они постепенно обучались от пленных); Фландри восхищался гениальностью методов, с помощью которых этот технологически отсталый народ поддерживал их жизнь в течение нескольких недель. Он всем сердцем надеялся, что с застарелой враждой можно будет действительно покончить. Его новых знакомцев звали Финбрайт, Бивей, Жужжальчик и мудрая фрау Оллхилер. Каждый из них был настолько своеобразен, что вы не смогли бы охарактеризовать их двумя словами, что бывает довольно просто сделать с людьми.

— Мы так рады вашим мирным инициативам, — сказал Айсин-

глас при первом знакомстве. — Так рады, что попросили мерсеян отойти, пока вы здесь, несмотря на всю их помощь нам.

— Я заподозрила было, что мы и Народ суши — просто пешки в большой игре, — добавила Оллхилер. — К счастью, это не так.

Щеки Фландри вспыхнули под шлемом. Он знал, как мало альтруизма связано с их походом. Ходили слухи, что Энрике открыто протестовал против предложения Хоксберга и покорились лишь тогда, когда виконт пригрозил ему перераспределением на Плутон. Абрамс, напротив, одобрял, потому что любой шанс добыть новые факты был для него хорош. Но он не был оптимистом.

Не был им и Бивей:

— Мир с Охотниками — это противоречие само по себе. Неужели жаброзубые будут плавать рядом с хвостоголовыми? И пока чужеземцы предлагают нам свою помощь, мы должны принимать ее. Таков наш долг перед нашими городами и перед теми, кто от нас зависит.

— Но ведь очевидно, что пока они поддерживают нас, их противники вынуждены поддерживать Охотников, — сказал Финбрайт, — было бы лучше, если бы и те и другие пришельцы удалились и дали восстановиться древнему равновесию.

— Не знаю, — спорил Бивей. — Если бы мы могли одержать окончательную победу...

— Не впадай в искушение, чтобы не проглядеть опасность окончательного поражения, — предупредила Оллхилер.

— Да ну вас в Глубины, с вашим сведением счетов! — воскликнул Жужжальчик. — Мы опоздаем в театр. — Необычайно изогнувшись, он стремительно рванулся вперед.

Фландри не следил за пьесой, которая разыгрывалась в волшебном царстве Кораллового грота. Он пришел к выводу, что это новейшая драма, написанная в классической манере. Но таинственность и грация, торжественная музыка голосов, струн, ударных, гармоническое сочетание всех элементов задела его душу. Публика восторженно кричала, она то поднималась, то опускалась на сидениях, и, наконец, исполнила танец в честь автора и труппы.

Скульптуры и картины, которые ему показали, воспринимались им как абстрактные, но сами по себе они были более привлекательными, чем что-либо созданное на Земле за целые столетия. Он взглянул на свитки из рыбьей кожи, целиком исписанные масляными красками, и ничего не понял. Они были бесчисленны и, должно быть, содержали немало накопленной мудрости.

Затем он занялся математикой и философией... и едва не повредился рассудком. Знакомство с их наукой напомнило ему те дни, когда он легко постигал все премудрости — они раскрывались перед ним, как цветок. Он не мог не оценить то, чего достигли здесь. Потому что здешний народ (он не хотел называть по-курсовикийски «сираво» в их собственном доме и, конечно же, никогда не назовет их ситролями) жил в совершенно иной концепции вселенной, не

похожей на его. И хотя у них имелись свои недостатки, например, не было металла, они не знали огня, если не считать вулканических выбросов, стекло у них считалось драгоценным материалом, астрономия находилась в начальной стадии развития, законы движения и гравитации, распространения света были скрыты от них окружающей водой — они сами, своим путем дошли до идей, не просто разумных, но прямоком ведущих в глубины знания, которыми не обладал человек до Планка и Эйнштейна.

Зрение для них не было основным чувством, каким оно являлось для него. Глаза под водой не могли видеть далеко. Следовательно, с его точки зрения, они были близорукими и оптические центры в их мозгу обладали пониженной способностью обработки информации. С другой стороны, их способности к восприятию тепловых кинестетических ощущений, умение обонять, осязать и испытывать другие менее знакомые ему чувства были невероятно утонченными. Воздух на поверхности для них был враждебной средой, как для человека вода. Они могли сдерживать, но не были способны победить инстинктивный страх перед ним. Они ощущали космос скорее как зависимость, чем как пространство. Для них было ясно, как божий день, что он безграничен, но конечен. Экспедиции, которые совершали кругосветные плавания, только придавали больше веса и проницательности этому пониманию.

И вследствие примитивной осведомленности подводные математики отрицали бесконечность. Философ, который беседовал с Фландри с помощью Айсингласа, утверждал, что эмпирически бессмысленно говорить о числе выше факториального числа N , где N — сумма отличимых частиц во Вселенной, что можно подсчитывать большим числом. Подобным же образом он признавал ноль как полезное понятие, относящееся к нулевому классу, но не к числу. Наименьшая возможная сумма должна быть противоположна наибольшей. Вы можете считать от нее до числа N ! Но если вы перешли за него, вы получите уменьшающееся количество. Направление оси не линейное, а круговое.

Фландри не был настолько силен в математике, чтобы решить, была ли вся система последовательна. Насколько он мог судить — была. Она даже доходила до забавных версий в отрицательных, иррациональных, мнимых, приблизительных исчислениях, дифференциальной геометрии, теории уравнений и многого другого, о чьих земных эквивалентах он не имел представления.

Физическая теория соответствовала земной. Теория космического излучения была квантовой, признавалось отсутствие жестких зависимостей между видами пространства. Это вполне соответствовало здравому смыслу — четкое разграничение между водой, сушей и воздухом — к тому же идея слоистого пространства хорошо объясняла экспериментальные данные и параллельную релятивистскую концепцию метрических отклонений от точки к точке так же, как и волновой механизм атомистики и сверхскорости.

По мнению людей, время тоже не может быть бесконечным. Отливы, времена года, ритмы жизни — все подразумевало Вселенную, в конечном итоге возвращающуюся в свое первоначальное состояние и возобновляющую цикл, который было бы семантически бессодержательно называть бесконечным. Но не имея средств, чтобы с точностью измерять время, философы заключили, что оно, по сути, неизмеримо. Они отрицали одновременность. Как можно говорить о том, что какое-то удаленное событие произошло одновременно с ближним, когда известие о нем должно быть доставлено пловцом, чья средняя скорость непредсказуема?! И вновь сходство с теорией относительности было поразительным.

Биология была очень хорошо развита в каждом крупном разделе, включая и законы генетики. Физика же, наоборот, была еще раннеニュтоновской, а состояние химии не многим отличалось от зачаточного.

«Ну, да не беда! — думал Фландри. — Дайте этим ребятам немного оборудования, приспособленного для использования под водой, и посмотрите, как они поднимутся!»

— Пойдемте, — сказал Жужжальчик с нетерпением, — шевели плавниками, мы направляемся в Рифовый Замок.

По дороге Фландри как мог старался понять основы их социальной структуры. Фундаментальное жизнеустройство никак не давалось ему. Можно было сказать, что народ с Давидовой Звезды был частично аполлонийским, а частично — и дионисийским. Но это — всего лишь метафоры, от которых антропология давно отказалась и которые более чем бесполезны, когда речь идет не о людях. В политике (если это слово было подходящим) все выглядело проще: жители отличались сильно выраженным чувством стадности, меньшей импульсивностью и более строгим соблюдением обрядов; морские обитатели Старкада, которым было легче передвигаться, чем наземным животным, были склонны образовывать большие нации без сильно выраженного соперничества.

Злетоварская культура была организована иерархически. Правители наследовали свои посты, как и все специалисты в большинстве других сфер деятельности. Существовало нечто вроде крепостничества, закрепляющего каждого не за определенной территорией, а за хозяином. А женщины относились с уважением к полигамии мужей.

Все сказанное не должно вводить читателя в заблуждение. Ведь у них те, кто принимал решения, не помыкали остальными. Между классами не было формальных различий. Заслуги давали возможность продвижения по службе. Таким вот образом Олхилер завоевала свою независимость и значительную власть. Неудачи, неспособность, особенно неспособность исполнять обязательства перед зависимыми от тебя, приводили к снятию со службы. Система же не занималась ничем, кроме распределения прав и обязанностей.

Земле были знакомы подобные теории. На практике же это не

осуществилось. Люди были слишком жадными, слишком ленивыми. Но среди Морского народа эта система, кажется, действовала. По крайней мере, Айсинглас уверял, что она была стабильна на протяжении многих поколений, и Фландри действительно нигде не встречал признаков недовольства.

Рифовый Замок совсем не был похож на Сияющую Раковину. Дома из камня и коралла были встроены в утесы у небольшого острова. Здешнее население выглядело более оживленным, менее задумчивым, чем их двоюродные братья — обитатели дна.

Айсинглас осмеял их, назвав «группкой торговцев, копающихся в своем богатстве».

— Но я должен признать, что они очень храбро сражались в бою с охотниками, — добавил он. — И шли во главе нашей последней атаки; а это требует мужества, тем более что никто из них не знал о мерсеанской лодке.

— Никто? — спросил Фландри удивленно.

— Я полагаю, правители были заранее осведомлены. Мы же только знали о том, что как только будет дан сигнал, наши войска, «снабженные ногами», должны сойти на берег и разрушить все, что могут, пока пловцы топят вражеские корабли.

— О-о-о! — Фландри не стал описывать свою роль в крушении этих планов. Он почувствовал невероятное облегчение. Если бы Абрамс узнал от Ивенфола о планируемой бомбардировке, он должен был бы принять контрмеры. Но поскольку эту информацию ему невозможно было заполучить, Фландри обрадовался, что не надо искать оправдания человеку, который быстро становился идиолом.

Небольшая компания проплыла между рифами за город — проверить свои заводы, образованные приливами. Прибой рычал. Длинные лазурно-изумрудные волны отливали белизной под ярким небом. Народ резвился, выпрыгивал из воды, бесстрашно нырял в каналы, где бушевали встречные потоки. Фландри сбросил тяжесть своих лат, оставшись в простом шлеме, и ощутил прилив сил.

— В следующий раз мы возьмем тебя в Потусторонний, — сказал Айсинглас по дороге домой, в Отблеск Раковины. — Это что-то уникальное: под его фундаментом бездна переходит в ночь, там светятся леса и рыбы, а изъеденные временем скалы ярко окрашены. У воды там привкус вулканического пепла. А тишина — такая тишина!

— Мне бы очень хотелось посмотреть, — сказал Фландри.

— Там словно вдыхаешь аромат будущего.

Когда прошли через воздушный тамбур и вступили в дом землян, Фландри почувствовал отвращение. Этот узкий, вонючий, безрадостный пузырь, набитый волосатыми телами, чье каждое движение было неуклюжей попыткой преодолеть собственный вес!

Он стал срывать с себя белье, чтобы принять душ.

— Ну, как путешествие? — спросил Райденауэр.

— Чудесно, — ответил Фландри.

— По-моему, все в порядке, — сказал подошедший лейтенант Кварлес. — Хорошо, что ты вернулся. Как насчет того, чтобы поставить кассету с девочками?

Райденауэр отключил магнитофон на своем пульте.

— Сначала дело, — сказал он. — Давайте-ка послушаем ваш отчет.

Фландри сдержал ругательства. Приключения теряют прелесть, если их переводят на язык фактов. А может быть, ему не нравилась роль ксенолога?

В конце его рассказа Райденауэр поморщился.

— Черт возьми! Хотелось бы, чтобы моя работа шла так же хорошо.

— У вас что-нибудь не так? — встревоженно спросил Доминик.

— Тупик. Беда в том, что курсовикине чертовски энергичны. Их охота, сбор урожая, рыбная ловля представляют серьезное посягательство на ресурсы, которых не так много в море. Правители отказываются от любых предложений, которые не предусматривают прекращение эксплуатации моря Народом суши. Они, конечно, не прекратят. Иначе могут подорвать свою экономику, и тогда не избежать голода. Я пытаюсь уговорить шестиконечных отказаться от дальнейшей помощи мерсеян. Таким образом мы могли бы вывести Злетовар из мясорубки тотальной войны. Но они упрекают нас, и весьма справедливо, что, снабдив курсовикин оборудованием, мы нарушили тем самым военное равновесие. А как теперь вернуть свои дары? Мы заронили антагонизм среди них, я думаю, агенты Рунея не замедлят воспользоваться этим, — вздохнул Райденауэр. — У меня еще есть некоторые надежды на двухстороннее свертывание вооружений, но они слишком призрачны.

— Не можем же мы снова начать убивать народ! — запротестовал Доминик.

— Почему это не можем? — спросил Кварлес.

— После всего того, что мы видели, после всего того, что они сделали для нас?

— Очнись. Мы представляем Империю, а не какую-нибудь взбесившуюся банду чужаков.

— Кстати, вы можете выйти из дела, Фландри, — сказал Райденауэр. — Несколько часов назад на вас пришел приказ.

— Приказ?

— Да, вы направляетесь к командующему Абрамсу в Хайпорт, завтра вас заберет амфибия в семь тридцать по земному времени. Особое задание. Я не знаю какое.

Абрамс откинулся назад, положил одну ногу на свой потертый стол и глубоко затянулся сигарой.

— Ты действительно предпочел бы остаться под водой?

— Некоторое время, сэр, — ответил Фландри, сидя на краешке

стула. — Я думаю, что, ну, кроме того, что я был им интересен, я чувствовал, что делаю какое-то дело, что-то улучшаю. Взаимопонимание... Дружбу — его голос затих.

— Скромный молодой человек, да? Говорящий о себе «интересен». — Абрамс выпустил кольцо дыма. — Да, конечно, я тебя понимаю. Ты не так уж плох. Если бы дела обстояли по-другому, я бы не вытащил тебя наверх. Ты мог бы, однако, спросить, что я замыслил для тебя.

— Сэр?

— Через пару дней лорд Хоксберг летит на Мерсею. Я по приказу еду вместе с ним в качестве советника. Мне нужен помощник. Хочешь работу?

Фландри вытаращил глаза. Его сердце кувыркнулось. Через минуту он заметил, что сидит с разинутым ртом.

— Надо сказать, — продолжал Абрамс, — что я надеюсь собрать некоторые разведанные — и никаких мелодрам! Это не мой уровень. Я просто буду держать глаза и уши открытыми. Нос тоже. Никто из наших дипломатов, атташе, торговых представителей, ни один из наших источников не приносил нам когда-либо большой пользы. Мерсея слишком удалена от Земли. Почти единственный наш контакт был на уровне грубой силы. А тут может появиться шанс действовать посвободнее. Так что мне нужен опытный, проверенный человек. Без него не обойтись. Ты показал себя довольно выносливым и находчивым парнем. Немного практической работы в разведке принесет тебе неоценимую пользу в будущем, если мне удастся перевести тебя к нам. Для тебя это будет выглядеть так: ты уедешь с этой несчастной планеты, совершишь путешествие в роскошном корабле, увидишь экзотическую Мерсею, может быть, и другие места; возможно, тебя вернут на Землю, но не отправят вновь на Старкад, даже если ты останешься летуном; ты заведешь очень полезные контакты. Ну как? Годится?

— Д-да, сэр, — отчеканил Фландри.

Абрамс прищурился.

— Не радуйся сильно, сынок. Это будет не увеселительная прогулка. Я хочу, чтобы ты забыл, что такое сон, и жил на стимуляторах с этого момента до самого отправления. Тебе надо выучить все, что должен знать мой помощник. На тебя свалится все, начиная от поденной работы секретаря до чистки моего мундира. По пути ты пройдешь электрокурс языка Эриау и мерсеалогии настолько, насколько выдержат твои мозги. Вряд ли нужно предупреждать тебя, что мы едем не на карнавал. Если тебе повезет, ты справишься с кругом своих скучных обязанностей. Если же не повезет, если случится неожиданность, ты больше не будешь крылатым рыцарем неба, а будешь преследуемым животным. Даже если тебя возьмут живьем, их методы допроса не оставят у тебя индивидуальности. Подумай об этом.

Фландри не раздумывал. Он сожалел лишь о том, что никогда больше не увидит Драгойку. Но эта боль пройдет.

— Сэр! — воскликнул он. — У вас есть помощник!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

«Маргарита» была не тех размеров, чтобы безопасно совершить посадку на планету. Ее вспомогательными устройствами являлись небольшие автономные космические корабли. Официально приписанная к Най Калмару, яхта практически и была в пользовании нынешнего виконта. Иногда она осуществляла поездки по Имперской службе. Сейчас она вышла на свою орбиту вокруг Старкада и, разогнавшись на гравитике, устремилась за его пределы. Вскоре яхта вошла в довольно чистый космос и смогла переключиться на гипертягу. Несмотря на ее массу, мощность двигателей и фазовую частоту, максимальная гипер-скорость яхты была равна скорости военного корабля класса «Планета». Солнце, которое она оставила позади, вскоре уменьшилось до размеров звезды, а затем и вовсе исчезло. Если бы смотровые экраны не компенсировали аберрацию и эффект Допплера, Вселенная казалась бы искаженной до неузнаваемости.

Хоть созвездия и сменялись, но очень медленно. Проходили дни и ночи, пока они летели в гиперпространстве, только однажды монотонность полета была нарушена и зазвучала «тревога». Силовые экраны, отражающие радиацию и межзвездные атомы, за микросекунду сняли недоразумение — камешек весом в пять граммов. Контакт его с корпусом был бы разрушительным, учитывая кинетическую скорость встречи; такие метеориты появлялись в Галактике с частотой, равной примерно 10^{-50} , и вероятность столкновения была слишком ничтожна, чтобы беспокоиться об этом. Однажды также прошел какой-то корабль в пределах одного светового года, и они засекли его след. Тип корабля указывал на то, что команда дышала водородом, это было судно имиритян, чья цивилизация практически не соответствовала земной или мерсеянской. Тем не менее этот признак жизни был объектом взволнованных разговоров. Так велик космос!

Настал, наконец, момент, когда Хоксберг и Абрамс сели поговорить во время ночного дежурства. До этого их отношения были корректными, но прохладными. По мере же того как путешествие подходило к концу, они почувствовали необходимость улучшения взаимопонимания. Виконт пригласил командующего на обед для двоих в свои личные апартаменты. Его повар превзошел самого себя, а дворецкий потратил значительное время, выбирая вина. Наконец, когда в дело пошел коньяк, дворецкий понял, что он может удалиться, оставив бутылку на столе и еще одну про запас, и отправиться спать.

Корабль, двигатели, вентиляторы перешептывались. Двое де-

журных прошли по коридору. Свет мягко струился с картин и портьер. Кольца дыма стелились в воздухе, пахнувшем вереском. После Старкада ощущение земного веса, обеспечиваемого гравитаторами, было замечательным. Абрамс все еще наслаждался чувством легкости и часто летал во сне.

— Первооткрыватели, да? — Хоксберг закурил новую сигару. — Звучит заманчиво. Обязательно надо как-нибудь слетать на Дайану.

— Вы не найдете там ничего по своей линии, — проворчал Абрамс, — обычный народ.

— И что они поступили по своему усмотрению, выбравшись из завывающих пустынь... Я знаю, — он кивнул белокурой головой. — Естественно, вы немного шовинист — таково ваше воспитание, но это опасный подход.

— Куда опасней сидеть и ждать, когда придет враг, — сказал Абрамс, затягиваясь сигарой. — У меня есть жена, дети и миллион родственников. Мой долг перед ними — держать мерсеян на расстоянии.

— Нет, нет. Ваш долг помочь сделать это излишним.

— Хорошо, если мерсеяне будут сотрудничать.

— А почему бы и нет? — Погодите, — Хоксберг поднял руку. — Дайте мне закончить. Меня не интересует, кто начал эту заварушку. Это ребячество. Фактически мы были самой мощной державой среди кислорододышащих в этой Галактике. Предположим, — были бы они? Разве бы вы не послужили человечеству, приобретая подобную Империю? В противном случае мы были бы в их власти. Случилось так, что они не захотели быть в нашей власти. Поэтому прежде чем мы смогли заметить, Мерсея достигла такого положения, которое беспокоит нас. Мы соответственноотреагировали — пропаганда, альянсы, дипломатия, экономические маневры, свержения, открытые вооруженные конфликты время от времени. Это утвердило их во мнении о наших недружелюбных намерениях. Они предприняли ответные действия, увеличивая наши страхи. Положительная обратная связь. Когда-то надо остановиться.

— Я уже слышал это раньше, — сказал Абрамс, — я не верю ни единому слову. Может быть, память об Ассирии, Риме и Германии живет в моих хромосомах, я не знаю, но ведь это факт, что если бы Мерсея хотела настоящей разрядки, она могла бы достичь ее сегодня. Мы больше не заинтересованы в экспансии. Земля стала толстой и старой. Мерсея же молода и энергична. Она желает обладать Вселенной. Мы стоим у нее на пути, поэтому должны быть съедены. Все остальное — это десерт.

— Ну-ну, — сказал Хоксберг. Они не так глупы. Галактическое правительство невозможно. Оно разрушится под собственным весом. У нас есть все для того, чтобы контролировать, но мы этого не делаем должным образом. Местное самоуправление настолько сильно во многих районах, что во вторжении в Имперскую структуру я

усматриваю явный феодализм. Разве мерсеяне не могут смотреть вперед?

— О да, лорд, могут. Но мне трудно представить, что они захотят копировать нас. Ройдгунаты совсем не похожи на Империю.

— Да, избиратели земельных кланов выбирают своего верховного начальника из безземельных, но это мелочи.

— Да, из Вах Урдиолха, но это не мелочи, это целиком и полностью отражает концепцию их общества. То, что они задумали на будущее, — не что иное, как группы автономных районов, управляемых мерсеянами. Раса — не нация — поддерживает их, что делает их чертовски опасными. Намного опаснее просто империалистов, вроде нас, которые хотят всего-то быть на вершине власти, признавая за другими равное право на существование. Во всяком случае, я так не думаю, основываясь на информации, которая у меня есть. На Мерсее я надеюсь прочитать как можно больше их философов.

Хоксберг улыбнулся.

— Будьте моим гостем. Будьте их гостем. Пока вы не беретесь за дело рьяно и не разрушаете все своими шпионскими штучками, вас всегда рады видеть на корабле. — Улыбка исчезла. — Стоит вам организовать беспорядки, и я уничтожу вас.

Абрамс посмотрел в его голубые глаза. Они неожиданно стали холодными и неподвижными. Он понял, что Хоксберг совсем не был тем простаком, каким притворялся.

— Спасибо, что предупредили меня, — сказал офицер разведки, — но, черт побери! — Он ударил кулаком по столу, — мерсеяне пришли на Старкад совсем не потому, что их сердца изнывали от жалости к бедному и притесненному Морскому народу. Я не думаю, что они попали туда по ошибке и ищут предлога, чтобы выйти опять, сохраняя свое лицо. Они явно рассчитывают там на расплату.

— Например?

— Откуда, черт возьми, я могу знать? Я уверен, что никто из их персонала на Старкаде не знает. Без сомнения, лишь небольшая горсточка высших чинов на Мерсее имеет представление о большой стратегии. Но эти ребята видят все в подробных деталях.

— Может быть, ценные минералы под водой?

— Вы должны понимать, что это смешно, как и все представления о том, что Морской народ обладает великим секретом, вроде того, что они универсальные телепаты. Если Старкад сам по себе и обладает чем-нибудь полезным, мерсеяне могли бы взять это более спокойно. Если это база, которая им нужна, скажем, для притеснения Бетельгейзе, то существует ведь очень много более подходящих планет этого объема. Нет, они наверняка хотят попробовать свои силы.

— Я размышлял над этим, — задумчиво сказал Хоксберг. — Предположим, какие-нибудь фанатичные милитаристы среди них планируют окончательную схватку с Землей. Это потребует нара-

щивания сил. Однако линии сообщения настолько длинны, что ни одна из держав не может надеяться нанести внезапный удар по другой. Таким образом, если они наращивают напряженность на абсолютно бесполезном Старкаде, тогда, очевидно, может возникнуть конфронтация. И здесь, и за его пределами, чтобы полезные нам планеты не пострадали.

— Может быть, — сказал Абрамс, — действительно, для меня это что-то вроде рабочей гипотезы, но похоже, она не совсем верна.

— Моя задача предупредить их, — сказал Хоксберг, — неофициально, частным образом, чтобы умилили спесь и все прочее и не усложняли положение. Если бы мы могли обнаружить, кто в их правительстве является разумными элементами, мы смогли бы сотрудничать с ними, очень осторожно, конечно, для того чтобы остановить их ястребов.

— Дело в том, — сказал Абрамс, — что все они разумные. Но основы их разума совсем не похожи на наши.

— Нет, старина, в данном случае вы неразумны. На этой почве у вас развивается паранойя. — Хоксберг наполнил стаканы, отчетливое бульканье прокатилось в тишине.

Офицерская гостиная была пуста. Не зажигая света, Персис реквизировала из бара полбутылки портвейна. Здесь было достаточно светло из-за большого иллюминатора. Свет был мягким и прозрачным. Он ласкал ее щеку и локон и растворялся в шуршащей темноте. Его излучали звезды. Их было бесчисленное множество, белых, голубых, желтых, зеленых, красных, холодных и немигающих в крошечной тьме космоса. Дымчато и туманно светился Млечный Путь, а родственные галактики мерцали у предела видимости. Было ужасно красиво.

Фландри отчетливо ощущал ее глаза и тело, заключенное в тонкую, слегка фосфоресцирующую пижаму, когда она села в кресло напротив. Он напрягся.

— Да, — сказал он, — вы правы, донна, вот та, яркая, это новая звезда, которую Саксо недавно наметил для превращения.

— В самом деле?

Ему льстило ее внимание.

— Да, это тип F, как вам известно, возникает и развивается быстрее, чем менее массивное светило, подобное Солнцу, и сходит с основной последовательности более эффектно. Период красных гигантов, таких, как Бетельгейзе, короток. Потом — хлоп, и нету их.

— А эти бедные жители?

Фландри как-то напряженно ухмыльнулся.

— Не беспокойтесь, донна, этого не случится, по крайней мере, в течение миллиона лет, согласно спектральным данным. Так что хватит времени эвакуировать народ планеты.

— Миллион лет, — она слегка вздрогнула. — Слишком большое число. Миллион лет назад мы были еще рыбами в земных морях, не так ли? Все цифры здесь слишком велики.

— Я... э-э... мне кажется, просто больше привык к ним, — ему не совсем удалась непринужденность.

Он едва мог заметить, как кончики ее губ поползли вверх.

— Я уверена, что больше, — сказала она. — Может быть, вы сможете мне помочь научиться чувствовать так же.

Воротник его мундира был расстегнут, но ему все же казалось, что он тесен.

— Бетельгейзе — это очень интересный случай, — сказал он. — Развитие планет звезды было крайне медленным по стандартам смертных. Первоначальные жители могли развить индустриальную культуру и достигли уровня Альфара и других планет, лежащих за ним. Они не сами дошли до гиперскоростей, но у них уже было очень высоко развитое межпланетное общество, когда прибыли земляне. Если бы мы не предоставили им более совершенные средства, они вполне могли бы покинуть систему на кораблях, не достигающих скорости света. Без особой спешки. Ближайший миллион лет или около того Бетельгейзе не разрастется настолько, чтобы Альфар стал необитаемым. Но у них наготове планы. Очаровательный вид, эти бетельгезийцы.

— Правда, — Персис чуть отпила вина и подалась вперед, ее нога, отливающая шелком при свете звезд, коснулась его.

— Однако, — сказала она. — Я скрылась с вами после обеда не затем, чтобы слушать лекцию.

— Что я могу сделать для вас, донна? Буду рад. — Фландри одним глотком осушил свой стакан, его пульс отчаянно бился.

— Поговорите со мной о себе. Вы слишком скромны.

— Обо мне? — выдавил он. — Для чего? У меня такое впечатление, что я никто.

— Вы первый молодой герой, которого я встретила. Другие там, дома, — старые и седые, все в наградах. С таким же успехом можно было бы попытаться завязать разговор с Горой Нарпой; честно говоря, я очень одинока в этой поездке. Вы единственный здесь, с кем я могу расслабиться и чувствовать себя человеком. Но вы почти не показываете носа из своего офиса.

— Донна, я был постоянно занят с командующим Абрамсом, мне бы не хотелось быть необщительным, но, в общем, сегодня он впервые сказал, что я могу быть свободен, имея в виду не перерыв для сна. А лорд Хоксберг...

— Лорд Хоксберг, — Персис пожала плечами. — Он не понимает, ну, в общем, он очень хорош со мной, и без его помощи я, возможно, была бы низкооплачиваемой танцовщицей где-нибудь на Луне, но он не понимает...

Фландри открыл было рот. Затем решил опять его закрыть и наполнил свой стакан.

— Давайте познакомимся, — сказала Персис мягко. — Нам так мало отпущено времени. Почему вы очутились на Старкаде?

— Приказ, донна.

— Это не ответ. Вы бы просто могли делать минимум дел и не рисковать своей шеей. Другие, кажется, так и делают. У вас, должно быть, есть какая-то вера в то, что вы делаете?

— Ну, я не знаю, донна, мне кажется, я никогда не смогу избежать какой-нибудь потасовки.

Она вздохнула.

— Я думала о вас лучше, Доминик.

— Прошу прощения.

— Цинизм моден, но он уже наскучил. Я не думала, что вы побоитесь сказать: «Человечество стоит того, чтобы за него податься».

Доминик поморщился. Она задела за живое.

— Слишком уж часто об этом говорят, донна, все слова стали пустыми, я... мне очень нравятся некоторые древние изречения типа: «Лучшая крепость — та, которая основана на любви народа». Это Макиавелли.

— Кто? А, не имеет значения. Мне все равно, что сказал какой-нибудь мертвый ирландец. Я хочу знать, к чему вы стремитесь, что вас беспокоит. Вы — будущее. Что дала вам Земля, чтобы взамен требовать от вас жизни?

— Ну, скажем... м-м-м место жительства... э-э-э... защиту, образование.

— Скудные подарки, — сказала она. — Вы были бедны?

— Да нет, пожалуй, донна, незаконнорожденный сын довольно благородного человека. Он направил меня в очень хорошую школу, а потом в Академию Военно-Морских Сил.

— И вы почти никогда не бывали дома?

— Нет, не мог быть, я имею в виду, что моя мать занималась тогда оперой. Ей нужно было думать о своей карьере. Мой отец — ученый-энциклопедист, и все остальное, скажем так, — несущественно для него. Таков уж он есть. Они выполнили свой долг по отношению ко мне. Я не могу пожаловаться, донна.

— Вы, по крайней мере, и не жалуетесь, — она коснулась его руки, — меня зовут Персис.

Доминик глотнул.

— Какая трудная, суровая жизнь была у вас, — задумчиво говорила она. — И тем не менее вы сражаетесь за Империю.

— В действительности она была не так уж плоха, Персис.

— Хорошо, вы делаете прогресс. — На этот раз ее рука задержалась на его руке.

— Я имею в виду, что мы очень хорошо развлекались в перерывах между учебой. Боюсь, что в Академии составлено досье моих провинностей. Ну, а потом была пара учебных поездок, где со мной и случились всякие неприятности.

Она придвинулась ближе.

— Расскажите...

Он как можно забавнее стал плести свои небылицы.

Она подняла голову.

— Вы так разговорчивы, — сказала она, — но почему вы робки со мной?

Он еще глубже втиснулся в кресло.

— Я... видите ли... у меня никогда не было случая научиться... ну... как вести себя в таких обстоятельствах.

Она была так близко, что сквозь духи он ощутил ее собственный запах. Глаза ее были затуманены, губы приоткрыты.

— Ну, вот и тот случай, — прошептала она. — Вы же ничего не боялись, правда?

Позже, в его каюте, она поднялась на одном локте и долго изучающе рассматривала его. Ее волосы струились по его плечу.

— А я думала, что я у тебя первая, — сказала она.

— Почему, Персис?

— Мне так казалось. Но каждую минуту этого вечера ты знал точно, что надо делать.

— Я должен был действовать, — сказал он. — Я влюблен в тебя. Что я мог с собой поделать?

— Ты думаешь, я этому поверю? Ну, ладно, на время этой поездки поверю. Иди ко мне еще.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Ардайг — древняя столица — разрослась и окружила залив, где река Ойсс впадала в океан Вилвидх; ее пригородные районы превратились в мегаполис, который протянулся на восток к горам Гун. Тем не менее он сохранил оттенок старины. Жители столицы были чопорнее, нетерпеливее и консервативнее остальных. Это был культурный и художественный центр Мерсеи. Хотя Большой Совет ежегодно собирался здесь, а замок Афон являлся официальной частной резиденцией Ройдгуна, большая часть правительственных учреждений была перенесена в Тридайг. Новая столица была молодой, с развивающейся промышленностью, там кипела жизнь. Строились планы, возникали проекты, подчас и дерзкие. Поэтому всех удивило, что Брехдан Айронрид решил устроить офисы Военно-Морских Сил в Ардайге.

Особых возражений против этого не было. Брехдан не только правил Великим Советом; во время космической службы он достиг чина адмирала флота, прежде чем стал владыкой Вах Инвори, и морские силы пользовались его особым покровительством. Характерно, что он не утруждал себя аргументацией своего выбора. Такова была его воля. Следовательно, так тому и быть! Вероятно, он и самому себе не мог бы дать логичных объяснений. Экономика, региональные отношения и прочие подобные аргументы могли быть

опровергнуты. Он очень ценил то, что рядом был безмятежный, спокойный Дангодхан, верил и надеялся, что не повредил ему. Каким-то странным образом Брехдан сознавал, что справедливее, если характер *мерсеянской* судьбы будет иметь корни в вечном городе Мерсеи.

И таким образом, здание адмиралтейства росло ярус за ярусом, пока однажды на рассвете его тень не поглотила Афон. Воздушные суда кишели у верхней кромки, как морские птицы. После того как темнело, окна казались созвездием глаз гоблинов, и яркий свет на вершине этого огромного сооружения распугивал звезды. Но здание адмиралтейства не дисгармонизировало с зубчатой стеной, купольными крышами и каменными шпильями старых кварталов. Брехдан следил за этим. Пожалуй, оно было их завершением, их соответствием очертаниям современных зданий. Его верхний этаж, ничем не украшенный, кроме ряда автоматов, контролирующих движение, был его собственным домом.

Вскоре после заката солнца Брехдан прошел в свой кабинет. Кроме него самого, только трем живым существам было позволено входить туда. Пройдя через просторный вестибюль, перед которым стояла стража, надо было поднести глаза и руки к сканирующим пластинкам на бронированной двери. После узнавания двери открывались. Если входящих было больше одного, все они сначала должны были быть опознаны. Соблюдение правил обеспечивали сирена и роботизированные бластеры.

Позади был бункер, снабженный воздухоочистителями космического типа и термостатами. Стены, пол, потолок — черного цвета, на фоне которых черный мундир Брехдана был едва различим. Медали, которые он надел сегодня, блестели вдвое ярче. Мебель была обычная для офиса: стол, переговорное устройство, компьютер, диктофон. Но в центре на деревянном пьедестале с красивой резьбой покоился опаловый ящик.

Он подошел к нему и включил второй цикл опознания. Жужжание и кружение тусклых огоньков говорило о том, что питание приведено в действие. Он провел пальцем над корпусом. Фотоэлементы послали команды в блок памяти. Электромагнитные поля начали взаимодействовать с деформированными молекулами. Информация была собрана, сравнена, оценена. За одну или две секунды данные, которые были ему нужны, — сверхсекретные, доступные только Брехдану да трем его ближайшим доверенным коллегам, — вспыхнули на экране.

Брехдан видел этот доклад раньше, но в межзвездном масштабе (каждая планета была совершенным миром, старым и бесконечно сложным) владыка действовал великолепно, если он помнил каждую специфическую деталь, не говоря уже о самом главном. Для принятия решений по сверхсекретным данным часть Совета хотела установить больше машин, но он противился этому. Зачем подражать землянам? Посмотрите, в какое состояние пришли их владения.

Личное правление, возможно, было менее стабильным, но более гибким. Не очень мудро связывать себя единым подходом в этой неизвестной Вселенной.

— Крак! — он ударил хвостом. — Швилт был полностью прав: надо заняться этим делом не откладывая. Провинциальный правитель с неразвитым воображением упускал отличную возможность привести еще одну планетарную систему под власть расы.

А пока он направился к столу. Как только он отошел, данные на экране погасли. Он нажал на кнопку переговорного устройства. По цепи его вызов полетел через треть планеты.

Швилт Шипсбейн проворчал:

— Вы разбудили меня, не могли выбрать более подходящего часа?

— Который был бы неподходящим для меня, — засмеялся Брехдан. — Дела землян не будут дожидаться, пока нам всем станет удобно. Я проверил, и лучшее, что мы можем сделать, — это как можно скорее послать туда флот вместе с подходящей заменой для Гэдрол.

— Легко сказать, но Гэдрол будет возмущен этим и, надо сказать вполне справедливо, а у него есть влиятельные друзья. И потом там земляне. Они услышат о нашем захвате и, даже несмотря на то что произойдет он на противоположной от них границе, отреагируют соответствующим образом. Мы должны спрогнозировать, что они предпримут, проанализировать, как это повлияет на события на Старкаде. Я предупредил Лифрита и Прядвира: чем скорее мы вчетвером встретимся для обсуждения этой проблемы, тем лучше.

— Я пока не могу. Прибыла делегация землян. Сегодня вечером я должен быть на фестивале, устроенном в их честь.

— Что? — Швилт щелкнул челюстями. — На этой дурацкой церемонии? Вы серьезно?

— Вполне. Потом, я должен видаться с ними. Согласно земному этикету было бы просто ужасно, если... ф-р! премьер-министр Мерсеи с пренебрежением отнесется к особому представителю Его Величества.

— Но ведь все мероприятие — это такой фарс!

— Они об этом не знают. Если мы очень быстро развеем их иллюзии, то лишь поторопим события и выбьемся из графика. К тому же, вселяя в них надежду на решение Старкадского вопроса, мы можем смягчить эмоциональные коллизии, которые возникнут, когда мы оккупируем Тирайн. А это означает, в свою очередь, что я должен буду продолжать эти переговоры дольше, чем намеревался. И, наконец, я хочу лично познакомиться с влиятельными членами их группы.

Швилт потер позвонки на своей голове.

— Станных вы заводите друзей.

— Таких, как ты, например, — усмехнулся Брехдан. — Послушай, Старкадский план — не что иное, как путь, который мы

должны пройти с заранее рассчитанной скоростью. За ним нужно почти ежедневно наблюдать, лелеять его, видоизменять в свете последних событий. Что-то непредвиденное: великолепный ход землян, утрата у них морали, изменение отношения самих местных жителей — все что угодно может разрушить нашу скоординированность и свести на нет всю стратегию. Чем больше данных в нашем подсознании, тем лучше будут наши суждения. Поскольку мы должны оперировать их эмоциями так же, как и их военной логикой — а ведь они чуждая нам раса, — нам нужно умение поставить себя на их место. Как говорится у них, мы должны играть на слух.

Швилт сурово глядел с экрана.

— Я подозреваю, что они действительно тебе нравятся.

— Почему бы нет — это не секрет, — сказал Брехдан. — Они были когда-то величественны. И могут снова быть таковыми. Но мне хотелось бы видеть их субъектами нашей воли. — Его лицо, исполосованное шрамами, слегка расслабилось. — Вряд ли, конечно, такое случится — они не того сорта. Может быть, мы вынуждены будем истребить их.

— Ну, а что с Тирайном? — настаивал Швилт.

— Вам троим решать, — сказал Брехдан. Я лишь изредка советую вам, но вся власть находится у вас. Когда после захвата все достаточно стабилизируется, чтобы нам оценить то, что произошло, мы можем собраться и обсудить, как это повлияет на Старкад.

Он не добавил, что прикроет их от разгневанного Совета, рискуя своим положением, в случае, если они совершат какую-нибудь катастрофическую ошибку. Это было само собой разумеющимся.

— Как пожелаете, — кивнул Швилт.

— Счастливо поохотиться, — Брехдан отключился.

Какое-то время он сидел не шелохнувшись. День показался ему слишком длинным. Его кости чувствовали напряжение, а хвост болел от тяжести собственного веса. *«Да, — думал Брехдан, — стареем: сначала эта штука, старость, едва ползет, притупив чувства и подтачивая силы, и ты не представляешь себе ничего, что нельзя было бы обуздать ферментной терапией, и вдруг однажды оказывается, что вас несет стремительный поток и вы слышите впереди рычание водопада.»*

Как бы он хотел прилететь домой, вдохнуть чистого воздуха вокруг башен Дангодхана, поговорить за дымящейся чашечкой кофе с Элвихом и отправиться спать. Но его ждут в Посольстве Земли, и потом он должен вернуться сюда и встретиться с... Как же зовут этого агента, который ждет его в разведке?.. Двир Крюк, да! И только потом он сможет поспать здесь остаток ночи.

Он расправил плечи проглотил стимулирующую таблетку и покинул кабинет. Адмиралтейство работало круглые сутки. Даже сквозь закрытые двери прихожей слышались шум, щелканье, шарканье ног, обрывки разговоров. Он очень редко пользовался этим путем, не имея времени обмениваться приветствиями, согласно чину

и принадлежности, с каждым офицером, техническим работником или охранником. Другая дверь вела прямо в главные апартаменты его офиса, а за третьей — напротив — был длинный темный коридор, который вел прямо к верхней посадочной полосе.

Когда он ступил на нее, воздух был сырым и холодным. Над крышей ярко горел сигнальный огонь. Брехдан задумчиво осмотрел Ардайг.

Он не походил на город землян и не светился лихорадочным светом в темноте. Наземный транспорт двигался по немногим авеню, или, если назвать по-другому, трубопроводам, а улицы были во власти пешеходов и ездовых на гвидхах. Население развлекалось главным образом дома, в старинных театрах и на спортивных аренах. Закрытые в этот час магазины были не похожи на торговые центры землян и со всеми своими коммуникаторами и системами доставки представляли собой предприятия, которые находились в одном и том же доме и на попечении одной и той же семьи в течение многих поколений. Если Тридайг «кричал», то Ардайг «шептал», обдуваемый соленым ветром. Освещенные тротуары вили свою паутину по направлению к холмам, в тихой мгле мерцали огни самолета; прожекторы, стоящие на Афоне, лишь подчеркивали его суровость. В небе светили два из четырех спутника — Нейкевин и Сейт. Залив под ними искрился и переливался.

Водитель Брехдана сложил руки и поклонился. Не имело смысла содержать этого старика, когда авиамашина могла управляться роботом. Но семья старика всегда служила клану Инвори... Охрана приветствовала шефа и прошла за ним внутрь. С тихим рокотом они взлетели.

Стимуляторы оказывали свое действие. Брехдан почувствовал прилив энергии. Что он мог упустить сегодня?

«Расслабься, — сказал он самому себе, — будь терпелив, подожди, пока жемчужное зерно появится из навозной кучи формальностей... Если нам суждено уничтожить землян, то, по крайней мере, избавим Вселенную от бесконечной пустой болтовни».

Место назначения было оскорблением его вкуса: нагромождение резиденций и офисов в кричащем шарообразном стиле времен Империи четырехсотлетней давности. В те времена Мерсея была восходящей планетой, у нее имелась дипломатическая миссия, но тогда она могла диктовать архитектурный стиль и места застройки. Тогда Кьюготские Высоты величаво вздымались за пределами Ардайга. Позднее город разросся вокруг них, дипломатическая миссия стала посольством, и Мерсея уже могла отказывать в просьбах о расширении служебных помещений.

Брехдан прошел меж розовых кустов ко входу и восхитился этим полузабытым буйством аромата. Раб принял его плащ, дворецкий, такой же высокий, как он сам, объявил присутствующим о его прибытии. Обычная группа гражданских лиц в фантастических одеждах, атташе — в мундире. Ага! Там стояли новенькие. Лорд

Оливейра Ганимедский, имперский посол к Его Высочеству Ройдгуну, поспешно двинулся навстречу. Это был тонкий суетливый человек, чьи поступки однажды привели Брехдана в смущение и удивление.

— Добро пожаловать, советник, — сказал он на языке Эриау, отвесив земной поклон Брехдану. — Мы очень рады вашему прибытию. — Шагая неспешно по паркету, он вежливо продолжал: — Разрешите представить посланника Его Величества Лорда Маркуса Хоксберга, виконта Най Калмара.

— Мое почтение, сэр. — *(Мягкие манеры говорили о хорошем физическом состоянии, глаза цепко смотрели из-под ресниц, чувствовалась способность к языкам).*

— ...Командующий Макс Абрамс.

— Владыка Вах Инвори — моя защита. — *(Сильный акцент, но разговорчив, слова и жесты точны, достойное приветствие говорит о том, что по чину они равны со своим начальником. Плотный, седые волосы, большой нос, военная выправка. Так это о нем докладывал курьер со Старкада, мол, будьте осторожны).*

Представления продолжались. Брехдан вскоре рассудил, что никто, кроме Хоксберга и Абрамса, не заслуживал особого внимания. Помощник последнего, Фландри, выглядел довольно сметливым, но был слишком молод и невысок в чине.

Труба проиграла «вольно». Оливейра был особенно любезен, следуя местным обычаям. Поскольку раньше было решено, что женщины здесь не будут присутствовать, большая часть всего штата не знала, что делать дальше. Земляне стояли, собравшись в небольшие унылые группки, стараясь завязать разговор со своими мерс-янскими партнерами.

Брехдан принял стакан вина и отказался от других освежающих напитков. Он походил среди гостей какое-то время, которое казалось ему достаточно приличным — пусть земляне знают, что он может соблюдать их ритуалы, когда это ему нужно — потом обратился к лорду Хоксбергу:

— Я надеюсь, ваша поездка сюда была увлекательной?

— Немного скучноватой, сэр, — ответил виконт, — до тех пор, пока ваш эскорт не присоединился к нам. Должен сказать, это было великолепное зрелище. А почетный караул, который мы увидели после приземления, был еще восхитительнее. Надеюсь, нет возражений, что я записывал все представление?

— Конечно, нет, при условии, что вы закончили это перед въездом на территорию Афона.

— Гм! А ваш министр иностранных дел довольно суров, не так ли? Однако он был очень мил со мной при вручении верительных грамот. Он обещал как можно скорее представить меня Его Высочеству.

Брехдан взял Хоксберга за руку и отвел его в сторонку. Все

поняли намек и отошли на небольшое расстояние от того места, где они сели вдвоем под отвратительным портретом Императора.

— Ну, как вам показался Старкад? — спросил Брехдан.

— Собственно говоря, сэр, мрачный и в то же время очаровательный, — сказал Хоксберг. — Вы там были когда-нибудь?

— Нет.

Иногда Брехдану хотелось нанести туда визит. Господи, как же давно он не был на планете, еще не испорченной цивилизацией! Едва ли это возможно, во всяком случае, в течение ближайших лет, за которые значение Старкада, должно быть, уменьшится. Вероятно, тогда и сам визит будет не нужен. Легче иметь дело с миром бумаг, чем с миром реальных людей, которых видишь в их обыденной жизни.

— Едва ли это входит в сферу наших интересов, да, сэр? — сказал Хоксберг, — но мы озадачены намерениями мерсеян.

— Ройдгунаты не раз объясняли их.

— Конечно, конечно, но я хотел бы сказать, сэр, что если вы желаете заниматься благотворительностью (что, очевидно, вы и делаете!), тогда, может, стоит делать это поближе к вашему дому? Главная забота Великого Совета — это Мерсея. И мне едва ли нужно напоминать об этом.

Брехдан пожал плечами.

— Всегда полезно иметь еще одну торговую базу в районе Бетельгейзе. Старкад в этом отношении не идеален и по расположению, и по характеристикам, но нас устраивает. Если в то же время мы стараемся еще получить заслуженную благодарность, то это называется — мы нарушаем баланс. — Он пронзил его взглядом. — Реакция вашего правительства была обескураживающей.

— Хотя вполне предсказуемой, — Хоксберг вытянулся в глубоком античном кресле, отделанном хромом. — Чтобы достичь доверия с обеих сторон, пока не будет принято общее соглашение (*к счастью, не сказал: «Между нашими великими расами»*), межимперское буферное пространство должно оставаться нетронутым. Я мог бы добавить, сэр, что Народ суши не менее достоин поддержки, чем Народ моря. Нет смысла спорить, кто начал нападение, но правительство Его Величества чувствует моральный долг помочь Народу суши, чтобы его культура не исчезла.

— Ну, а сейчас кто игнорирует благотворительность ближнему? — сухо спросил Брехдан.

Хоксберг сделался серьезным.

— Сэр, с конфликтом можно покончить. Вы, должно быть, получили доклады о наших условиях по мирным переговорам в районе Злетовара. Если бы Мерсея присоединила свои добрые услуги к нашим, можно было бы достичь общепланетной договоренности. А что касается баз на Старкаде, почему бы нам не построить одну большую вместе? Это был бы шаг к настоящей дружбе, не так ли?

— Простите возможную резкость, — парировал Брехдан, — но

мне интересно, почему в вашу мирную миссию включен шеф разведывательных операций на Старкаде?

— В качестве советника, сэр, — сказал Хоксберг с меньшим энтузиазмом. — Просто как советник, который знает больше, значительно больше о тамошних жителях, чем кто-либо другой из бывших на местах. Не хотите поговорить с ним? — Он поднял руку и позвал на английском, который Брехдан понимал лучше, чем это публично признавалось: — Макс, послушайте, Макс, не могли бы вы подойти на минутку?

Командующий Абрамс избавился от секретаря-ассистента (Брехдан посочувствовал ему: этот парень был самым мрачным в свите Оливейры) и приветствовал советника:

— Чем могу служить, Владыка?

— Не нужно церемоний, Макс, — сказал Хоксберг на Эриау, — мы не говорим о делах ночью. Просто разговариваем друг с другом без протокола и магнитофона. Пожалуйста, объясните цель вашего пребывания здесь.

— Знакомить с фактами, которые у меня есть, и, в случае надобности, с моим мнением, если оно чего-то стоит, — протяжно произнес Абрамс. — Я не думаю, что меня будут звать часто.

— Зачем же тогда вы прибыли, командующий? — Брехдан назвал его титул, чего не делал, обращаясь к Хоксбергу.

— Ну, я надеялся задать очень много вопросов, Владыка.

— Садитесь, — пригласил Хоксберг.

— Если владыка позволит, — сказал Абрамс.

Брехдан коснулся брови пальцем, будучи уверен, что тот поймет жест. Он чувствовал все большее и большее уважение к этому человеку, что у него означало: за Абрамсом надо следить тщательнее, чем за другими.

Офицер опустил свой широкий зад в кресло.

— Благодарю, Владыка, — он поднял стакан виски с содовой, отхлебнул и сказал: — Мы действительно очень мало знаем на Земле о вас. Я не могу сказать вам, сколько мерсеологических томов в наших архивах, но это не имеет значения. Вероятно, в них нет и частицы всей правды. Вполне может статься, что мы неправильно понимали вас по очень многим важным вопросам.

— У вас есть посольство, — напомнил ему Брехдан, — в штат включены и ксенологи.

— Их недостаточно, Владыка, и в любом случае большая часть из того, что они узнали, не имеет ко мне никакого отношения. С вашего разрешения, я бы хотел поговорить свободно с различными мерсеянами. Пожалуйста, контролируйте эти разговоры, чтобы не возникало задних мыслей. — Брехдан и Абрамс обменялись улыбками. — А также мне бы очень хотелось иметь доступ к вашим библиотекам, журналам и ко всему, что касается общественной информации, которая могла не дойти до Земли.

— Вас интересуют какие-то особые проблемы? Я помогу вам, если смогу.

— Владыка очень добр, я упомянул лишь один типичный вопрос, он озадачил меня, я перерыл все архивы и поставил в тупик многих исследователей, но не смог найти на него ответ. Как впервые Мерсея попала на Старкад?

Брехдан напрягся.

— Мы исследовали район, — коротко сказал он, — космос, на который не заявлены права, открыт для всех кораблей.

— Владыка, но вот вы неожиданно оказались на этой проклятой планете. Как получилось, что она вас заинтересовала? Чем именно?

Брехдану потребовалось какое-то время, чтобы обдумать ответ.

— Ваши люди в былые времена изучали этот район, но довольно поверхностно, — сказал он, — для нас была менее важна коммерческая выгода. Политехнической Лиге нужнее общее знание, поэтому мы и проводили систематические исследования. В статье о Саксо в вашем «Руководстве пилота», кажется, говорится, что Старкад заслуживает тщательного исследования. В конце концов нас тоже привлекают планеты со свободным кислородом и жидкой водой, даже если они такие мрачные. Мы обнаружили положение, которое нужно было уточнить, и послали туда миссию. И неизбежно торговые корабли, следующие на Бетельгейзе, заметили частые следы возле Саксо. Земляне расследовали это, что и привело к современному несчастливому положению дел.

— Хм, — Абрамс смотрел в свой стакан, — спасибо, Владыка, было бы интересно узнать еще некоторые детали. Может быть, среди них и затерян ключ к тому, что наша сторона не так поняла семантический и культурный барьер?

— Я сомневаюсь в этом, — сказал Брехдан, — вы можете навредить справки, но что касается этого предмета, вы лишь зря потратите свою энергию. У первых мерсеянских экспедиций в пространство, окружающее Саксо, могло и не быть записей. Мы не так, как вы, заботимся, чтобы все записать на пленку.

Почувствовав его холодность, Хоксберг поспешил сменить тему разговора и перешел на банальности. Вскоре Брехдан извинился и отбыл еще до полуночи.

«Хороший оппонент, этот Абрамс, — думал он, — слишком хорош для меня, он определенно тот, на ком следует сконцентрировать внимание... или нет? Разве истинно компетентный шпион выглядит грозно? Он может быть... да... у них это называется подставным лицом, прикрывающим кого-то или что-то, опять же, может быть, он хочет, чтобы я о нем так думал».

Брехдан усмехнулся: эти рассуждения могут продолжаться бесконечно. Не его это дело — ловить шпионов. Хватает офицеров безопасности. Естественно, они следили за каждым шагом землян

за пределами посольства, которое, впрочем, тоже прослушивалось с докучающей дотошностью.

А пока он намеревался лично встретиться с особым агентом разведки, который был настолько значителен, что его послали на Старкад и специально вернули, когда старый хитрый Руней решил, что он полезнее дома. Может быть, информация, которой владеет Двир Крюк, заслуживает того, чтобы Президент Совета тотчас ее выслушал. После чего Брехдан мог бы дать агенту новое задание...

Тот ожидал его в противоположном пустом офисе, залитом ледяным флюоресцентным светом. Когда-то это был молодой мерсеянин. У него сохранилась похожая на маску нижняя часть лица, воссозданная хирургами, часть тела, левая рука и обрубок правой ноги. Все остальное было искусственным.

Его двуногая форма издавала удивительно приятное приветствие. С такого близкого расстояния Брехдан, обладавший тонким слухом, мог различить слабый шум, исходящий изнутри существа. Его питание поступало из батарей, которые можно было не перезаряжать в течение нескольких дней даже при усиленном использовании: оно шло через микроминиатюрные комплексы, которые вместе образовывали тело.

— Служу моему повелителю, — в его голосе звучал металлический оттенок.

Брехдан отдал честь. Он не был уверен, хватило бы ему самому мужества, чтобы жить таким искалеченным...

— Хорошо, что встретились, Крюк Двир. Вольно.

— Владыка Вах Инвори хотел видеть меня?

— Да-да, — Брехдан нетерпеливо отмахнулся, — довольно этикета, я чет им по горло. Извините, что заставил вас ждать, но прежде чем я мог осмысленно говорить об этих землянах, я должен был лично встретиться с ними. Ну, ладно... Вы работали в штате разведкорпуса Фодайха Руней, а также принимали участие в боях. Стало быть, вы оба знакомы с проблемами сбора информации и их анализа? Хорошо! Расскажите мне, зачем, по-вашему, вам было приказано вернуться?

— Владыка, — прозвучал голос, — как исполнитель, я был полезен, но не обязателен. Одна миссия, которую мог выполнить только я и никто другой, не удалась: пробраться в офис начальника земной разведки.

— Вы надеялись на удачу? — Брехдан не знал, что он был настолько хорош.

— Да, владыка, в меня можно вставить электромагнитные сенсоры и датчики, чтобы ощущать скрытое напряжение. Вдобавок я развил у себя умение чувствовать, как различные машины. Я могу узнать на уровне подсознания, что они намереваются сделать, и скоординировать соответственным образом свое поведение. Это аналогично моему прежнему восприятию, нормальному, когда я мог еще передавать нюансы выражений, тона, поз моих друзей мерсеян,

которых я близко знал. Таким образом, я мог открывать двери так, чтобы не сработала сигнализация. К несчастью, совершенно неожиданно была выставлена живая охрана. По физической силе, скорости, ловкости это тело значительно уступает моему прежнему. Я не мог убить охранников без шума — так, чтобы не услышали их товарищи.

— Как вы думаете, Абрамс знает о вас? — спросил резко Брехдан.

— Нет, Владыка, есть свидетельства, что он сверхосторожен по привычке. А те земляне, которые покалечили меня позже в джунглях, не смогли хорошо рассмотреть меня. Я как-то видел Абрамса в компании с другим, с Хоксбергом. Это еще тогда навело меня на мысль, что он будет сопровождать делегацию на Мерсею, без сомнения, в надежде заняться шпионажем. Зная мои особые возможности и мое знакомство с методами работы Абрамса, Фодайх Руней решил, что я должен лететь вперед и ожидать приезда землян.

— Да, верно, — Брехдан заставил себя посмотреть на Двира как на абсолютно живое существо. — Вас можно помещать в другие тела, не так ли?

— Да, Владыка, — ответило неподвижное лицо. — Средства передвижения, оружие, детекторы, механические приспособления — все сконструировано так, что может принять мои органические компоненты и основные протезы. Мне не требуется много времени, чтобы ознакомиться с их применением. С разрешения Его Высочества я жду приказаний.

— У вас будет работа, — сказал Брехдан, — обещаю, что будет. Я еще не знаю какая, может быть, вас попросят забраться в корабль посланника, когда он выйдет на орбиту. Для начала, однако, мы должны спланировать программу действий против нашего друга Абрамса. Он ожидает обычных средств, вы же можете преподнести ему сюрприз и, если справитесь с этим, вас не обойдут почетом.

Двир Крюк ждал, что скажут еще. Брехдан не мог удержаться и не проявить простые дружеские чувства.

— Как вы получили ранение? — спросил он.

— При завоевании Джанейра, Владыка, ядерный взрыв... Сначала я был в полевом госпитале, затем меня отправили на базу для регенерации, но хирурги обнаружили, что радиация слишком повредила мои клетки. Тогда я попросил, чтобы меня умертвили. Мне объяснили, что техника, которую только что переняли у горрозан, дает надежду на альтернативу, которая может сделать мою службу совершенно бесценной. Они были правы.

Брехдан вздрогнул. Это звучало неестественно... что ж, он не был биомедиком. Настроение упало. К чему изображать жалость? Нельзя быть в друзьях с мертвецом. А Двир был мертвец, у него ничего не осталось: ни костей, ни сухожилий, ни гланд, ни половых желез, ни кишок — ничего, кроме мозга, да и тот мог сейчас рас-

суждать как машина. Так используй его! Это как раз то, для чего и нужны машины.

Заложив руки за спину, Брехдан прошелся по комнате. Хвост его был напряжен, шрам нервно дергался.

— Хорошо, — сказал он, — давайте обсудим всю процедуру.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

— О, нет, нет, — сказал Абрамс, — покорнейше благодарю правительство Его Высочества за это великодушное предложение, но я не думал причинить такие ненужные хлопоты и расходы. Это правда, что посольство не может мне выделить воздушное судно, однако у корабля «Маргарита», на котором мы прибыли, есть ряд вспомогательных летательных аппаратов. Я мог бы воспользоваться одним из них.

— Мы очень ценим любезность командующего, — поклонилось официальное лицо на другом конце видеоперехода, — к сожалению, закон не разрешает никому из мерсеянской расы использовать судно, обладающее гипертягой в пределах Кориханской системы. Командующий, наверное, помнит, что мерсеянские пилоты и инженеры взошли на корабль Его Светлости во время последней субсветовой фазы вашего путешествия. Верна ли моя информация о том, что вспомогательные корабли такого впечатляющего судна Его Светлости обладают гипертягой, вдобавок к гравитике?

— Да, досточтимый коллега, но у двух из них, более крупных, у каждого есть по собственному летательному аппарату. Я уверен, что у лорда Хоксберга не будет ничего против того, чтобы одолжить мне один из них для передвижения. Так что нет причины беспокоить ваше отделение.

— Как нет причины! — мерсеянин в ужасе всплеснул руками совсем по-человечески. — Командующий так же, как и Его Светлость, — гости Его Высочества. Мы не можем бросить тень на Его Высочество, не продемонстрировав гостеприимства, которым отличается наша держава. Завтра будет предоставлено судно в личное пользование командующего. Задержка только из-за того, что необходимо обставить его с удобством для землян и сделать управление по земному образцу. Там могут разместиться шесть человек, и мы снабдим его камбуз всем, чем вы пожелаете и что у нас есть. У судна прекрасные летные возможности, оно прошло проверку для орбитального использования и, без сомнения, может достичь самого отдаленного спутника, если понадобится. Я прошу командующего воспользоваться им.

— Досточтимый коллега, я, в свою очередь, прошу вас, как представителя Его Высочества, принять мою искреннюю благодарность, — Абрамс лучезарно улыбнулся.

Улыбка сменилась громким хохотом, как только разъединилась линия. Конечно, мерсеяне не позволят им разъезжать без сопро-

вождения — во всяком случае, до тех пор, пока они не установят прослушивающие устройства в его транспорте. Конечно же, они ожидают, что он будет искать такие приспособления и даже найдет некоторые из них... Поэтому ему вовсе не нужно начинать эти нудные поиски.

Тем не менее он искал. Небрежность была не в его характере. Тем, кто доставил этот замечательный новый флайер, Абрамс объяснил, что дал возможность своему техническому персоналу разобраться во всем, чтобы понять, как он действует.

— Знаете, различные культуры, различные конструкции... — Обычные объяснения были встречены обычным же притворством — что, мол, они верят. На воздушном судне не было установлено никаких шпионских приспособлений, за исключением одного, которое он и ожидал увидеть. Он нашел его с помощью простого приема, подождав, пока останется один на борту, и затем просто спросил. Метод обнаружения наполнил его восхищением. Но затем он наткнулся на каменную стену или, точнее, увяз в болоте. Дни тянулись за днями, длинные тридцатисемичасовые мерсеянские дни. Он терял их один за другим, вынужденный посещать Замок Афон, где Хоксберг и его штат проводили совместные конференции с марионетками Брехдана. Обычно они проходили по просьбе мерсеян, которым нужны были разъяснения по самым банальным вопросам о Старкаде. После очередного объяснения он не мог уйти. Протокол запрещал. Он должен был сидеть и выслушивать монотонные разговоры, справки, обращения, споры по совершенно несущественным пунктам — это было понятно и ребенку. Да, эти зеленокожие обладали способностью делать переговоры бесконечными.

Абрамс сказал как-то об этом Хоксбергу, когда они были в посольстве.

— Я знаю, — оборвал виконт. Он исхудал, глаза его ввалились. — Они относятся к нам с подозрением, что ж, мы сами отчасти в этом виноваты, не так ли? Мы должны демонстрировать свои честные намерения. Пока мы ведем переговоры, мы не воюем.

— Они воюют на Старкаде, — проворчал Абрамс, затягиваясь сигарой, — Земля не будет ждать бесконечно, пока Брехдан занимается крючкотворством.

— Я немедленно отправлю курьера, чтобы он обо всем доложил и разъяснил. Не забывайте, что мы кое-чего достигли. Они явно заинтересованы в установлении системы непрерывной конференции на промежуточном уровне между нашими правительствами.

— Да, великолепная, превосходная идея, которая даст систему политических рычагов нашим домашним примиренцам на столько лет, на сколько Брехдан будет расположен дискутировать на эту тему. Я думал, мы здесь для того, чтобы решить проблему Старкада.

— А я думал, что все-таки я глава миссии, — резко ответил Хоксберг. — Достаточно, командующий. — Он кивнул и потя-

нулся. — Еще один стаканчик и спать. Боже всемогущий, как я устал!

В те дни, когда Абрамс не был задействован, он усердно работал со своими библиотечными материалами и интервью. Мерсеяне были очень любезны и помогали ему. Они завалили его книгами и периодическими изданиями. Офицеры и официальные лица говорили с ним часы напролет. Это было какое-то бедствие. Кроме того, он начал постигать основополагающие системы и структуры, но не обнаружил ничего ценного.

«*Это тоже о чем-то говорит*», — признал он. Отсутствие четкой информации о ранних мерсеянских путешествиях в район Саксо можно было объяснить небрежностью ведения записей, как сказал Брехдан, но проверка материалов о поездках на другие планеты показывала, что они, как правило, были хорошо документированы. Оказалось, что Старкад был очень важен для мерсеян, и это держалось в секрете. «*Так что же там еще такое неизвестное?*»

Поначалу Абрамс взял в помощь Фландри. Но вскоре от мерсеян пришло приглашение: «Для лучшего понимания между расами, а также в знак гостеприимства, не желает ли лейтенант Фландри совершить поездку по планете в сопровождении нескольких молодых мерсеян, чье звание примерно соответствует его?»

— Не желаешь? — спросил Абрамс.

— А что? — Фландри потянулся за своим столом. — Да, черт возьми! Сейчас я чувствую, что следует разбомбить все библиотеки во Вселенной. Но я, наверное, нужен вам здесь...

— Да, нужен. Приглашение — это их паршивая хитрость, чтобы парализовать меня еще больше. Однако ты можешь ехать...

— Вы не шутите? — Фландри от изумления открыл рот.

— Нет, конечно. Нам здесь ставят палки в колеса, может, тебе удастся обнаружить что-нибудь там.

— Спасибо, сэр! — Доминик, ракетой взлетел со своего кресла.

— Не так резво, сынок. Для тебя это не просто каникулы. Ты должен сыграть роль декадентствующего шалопаю с Земли. Не надо их разочаровывать. К тому же это улучшит твои шансы. Конечно же, держи ухо востро и забудь о правиле держать рот на замке. Болтай побольше, задавай вопросы, главным образом глупые, и не будь излишне любознательным, а то они заподозрят, что ты разыгрываешь шпиона.

Фландри нахмурился.

— Сэр, я выглядел бы странным, если бы не схватывал информацию на лету. Что мне нужно сделать, так это, как я понимаю, быть неуклюжим и грубоватым и вести себя так, будто мне все понятно и ясно.

— Хорошо, ты быстро схватываешь. Жаль, что у тебя мало опыта, но все когда-то должны начинать. К тому же боюсь, что тебе не удастся натолкнуться на что-нибудь значительное. Так что иди, набирайся опыта.

Абрамс проводил глазами поспешно выбежавшего мальчишку и вздохнул. В общем-то, если смотреть сквозь пальцы на некоторые вещи, он был бы горд, имея такого сына, как Доминик Фландри. Если ничего не случится, эта поездка проверит компетенцию лейтенанта. Если он хорошо зарекомендует себя, Абрамс может смело бросать его в волчью стаю... потому что разворачивающиеся события не могут ждать, как этого хочется Брехдану. Нынешняя ситуация имеет такие потенциальные возможности, не воспользоваться которыми мог бы только предатель. Тем не менее миссия затягивалась мерсеянами на неопределенное время, и дела развивались таким образом, что Абрамс не мог воспользоваться ситуацией, как он изначально планировал. Классически тонкая операция, которую он задумал, должна была обернуться взрывом, а Фландри вынужден был сыграть роль запала.

Как почти у всякого разумного вида, у мерсеян в прошлом были тысячи разных культур и языков. В конечном итоге, как это было в случае с Землей, одна культура стала доминировать над другими и мало-помалу поглотила их. Но этот процесс на Мерсее не зашел слишком далеко. Законы и обычаи земель, граничащих с Океаном Вилвидх, были просто перенесены на другие части планеты. Официальным языком был Эриау, но находились мерсеяне, которые знали его значительно хуже языка, преподаваемого им их матерями.

Может быть, именно поэтому Лэннэво Белгис до сих пор не поднялся выше икдхана — офицера командного пункта (как перевел Фландри) и был в данное время чем-то вроде ординарца в группе. Он не мог даже правильно произнести свое звание. Звук, передаваемый буквами «кдх», доставлял ему столько же сложностей, как изучающему английский язык межзубный звук в определенном артикле «the». Хотя, может быть, просто он не был честолюбив, поскольку, несомненно, был талантлив, о чем свидетельствовало бесконечное количество его историй о годах, проведенных в космосе. И кроме всего, он был просто приятным малым.

Он сидел, развалившись, вместе с землянином и Тахвиром Темным, чей чин мейя соответствовал примерно младшему лейтенанту. Фландри привыкал к смеси формальности и вольности, царившей между офицерами и рядовым составом в мерсеянской службе. Вместо взаимной отчужденности, которая была на земных кораблях, здесь старшие чины установили атмосферу задушевности, как если бы они вели партнера в бесконечном танце, не особенно его контролируя.

— Да, мои дальновидные друзья... — громко сказал Лэннэво, неуклюже соединяя слова, — то было странное светило, и я был рад, что никогда больше его не увижу. Хотя я не знаю, но нашему кораблю в конечном итоге всегда не везло. Никогда не выходило все так, как надо, улавливаете мысль? Я говорить не о капитане

и не о команде... но я был рад, когда перешел на «Бедх-Иврич». Его капитаном был Руней Скиталец, и мчал этот корабль нас далеко-далеко, в исследовательские путешествия.

У Тахвира задрожал кончик хвоста, и он открыл было рот (всегда находился кто-нибудь, кто сдерживал словоохотливость Лэннэво). Фландри, сидевший в полудреме, моментально пришел в себя, он опередил Тахвира на миллисекунду, воскликнув:

— Руней? Тот самый Фодайх, со Старкада?

— Что? А, да, думается, тот самый, мой дальновидный друг. — На татуированном лице сверкнули выпуклые глаза. Зеленая рука почесала живот, выпирающий из-под расстегнутого мундира. — Я немного знаст об этом, здесь ничего не слышно о Старкад, говорили только, что из-за него вы, земляне, и приехали сюда.

Мозг Фландри стал работать так лихорадочно, что он почувствовал каждый его отдел, где эта работа шла. Он должен ухватиться за этот шанс, который выпал ему после стольких бесплодных дней. Он обязан нейтрализовать усилия Тахвира, чтобы перехватить инициативу, на это у него всего пара минут. И в то же время он должен играть свою роль декадента, как советовал Абрамс (и надо сказать, ему нравилась такая жизнь, когда сопровождающие брали его в какие-нибудь увеселительные места). Декадента, но не глупца! Он быстро смекнул, что продвинется дальше, если они будут его немного уважать и его компания не наскучит им. Он старался выглядеть наивным, с широко раскрытыми глазами, трогательно желал совершить что-нибудь для матушки Земли и в то же время как бы находился под впечатлением того, что увидел здесь. Иногда он признавался себе, что едва ли это был надуманный образ. На уровне подсознания его волнение давало волю чувствам.

Еще раз он заметил, как сказывается подготовка. Они сидели в причудливо переплетающейся мраморной пергале, у которой купол был в форме луковицы. Перед ними стояли высокие кружки с горьким пивом. Мерсеянская еда и напитки были питательны для землян и часто даже вкусны.

Они зашли в этот ресторанчик на вершине горы (который был также храмом, действовавшим благодаря последователям очень старой веры), чтобы насладиться видом и отдохнуть после прогулки по Далгораду. Община размещалась под ними, наполовину скрытая блестящими цветами и темно-зелеными ветвями, — несколько небольших современных зданий и множество выдолбленных деревьев, — служивших жильем неисчислимым поколениям цивилизованного общества. За аэропортом был слышен шорох красного песка; невероятно синий океан, отливающий чуть ли не чернотой, выбрасывал на берег буруны; ветер, пахнувший корицей, доносил до Фландри их буханье. Корич пылал в тишине субтропическим жаром, а спутники Витна и Литир были едва различимы, словно привидения.

Внутренние ощущения Фландри — мускулы живота и бедер

напряжены, пульсация крови в барабанных перепонках, холод в ладонях. Никакого ощущения лишнего веса — мерсеянская гравитация была всего лишь на несколько процентов выше земной. Мерсеянский воздух, вода, биохимия, животная и растительная жизнь были аналогичны условиям, среди которых возник и развивался человек. По стандартам обоих миров каждый считал планету другого очень красивой, что сделало две расы врагами. Каждая из них хотела таких же условий, как у другой.

— Так Руней сам не имел отношения к первым миссиям на Старкад? — спросил Фландри.

— Нет, дальновидный ты мой, мы исследовали район за Ригелем, — Лэннэво потянулся к своей кружке.

— Мне кажется, — заметил Фландри, — что если космические исследователи изредка собираются где-нибудь, что это вполне может быть в кабачке. Можно посидеть, потрепаться.

— Да-да, а что еще! Исключения, конечно, те случаи, когда тебе... приказывать помалкивать в тряпочку о том, когда, где мы были. А это нелегко, приятель, поверь мне, нелегко, когда ты мог бы переплюнуть по рассказам всю их команду, если бы не военная тайна!

— Тем не менее ты, должно быть, слышал очень много о районе Бетельгейзе?

Лэннэво поднял свою кружку, он не заметил, как нахмурился Тахвир, но оборвал нить разговора, и офицер ловко поймал оборванный конец.

— Если вас действительно интересуют анекдоты, лейтенант, думаю, что наш добряк икдхан ничего, кроме них, и не сможет вам дать.

— Ну, да, мей, меня интересует все, что касается Бетельгейзийского сектора, — сказал Фландри. — В конце концов, он граничит с нашей Империей, я уже служил там на Старкаде и, смею верить, еще послужу. Поэтому я был бы благодарен вам за все, что вы захотите мне рассказать.

Лэннэво набрал воздуха.

— Если вы сами, икдхан, не были там, возможно, вы знаете кого-нибудь, кто был? Я не спрашиваю ни о каких секретах, конечно, просто истории.

— К-к-р-р, — Лэннэво стер пену с подбородка. — Их здесь немного, мало кто путешествовал туда. Они или остались в космосе, или умерли. Был один Ральго Тамуар — мой дружок по казарме в дни учебы. Он там часто бывал. А как он мог врать! Но он удалился в одну из колоний, сейчас вспомню, м-м-м... как же ее?

— Икдхан Белгис, — Тахвир говорил спокойно, без особого нажима, но Лэннэво напрягся. — Я думаю, нам лучше оставить эту тему. Положение на Старкаде не из благоприятных. Мы пытаемся подружиться с нашим гостем, и, я думаю, нам это удастся, но обсуждение данного вопроса создает ненужное препятствие. — И,

обращаясь к Фландри, не без ехидства сказал: — Я полагаю, лейтенант согласится?

— Как хотите, — пробормотал землянин.

«Проклятье, проклятье, да будь все проклято! Он напал на след, он мог поклясться, что напал на след».

Он ощутил тошноту от расстройства. Несколько глотков пива успокоили его. Он никогда не был таким идиотом, чтобы вообразить себе, что совершит какие-нибудь эффектные открытия или будет иметь огромный успех на этой пирушке (это, конечно же, иллюзии, но ведь невозможно все просчитать). Что ему удалось получить — так это намек, который подтверждает, что ранние мерсеянские экспедиции на Старкад обнаружили нечто огромное и странное. В результате все оказалось засекреченным, покрыто тайной, как зимой снег покрывает Землю. Офицеры и команды, которые знали или догадывались об истине, убирались с глаз долой. Их убивали? Нет, конечно, нет. Мерсеяне совсем не походили на муравьеподобных чудовищ, какими изображала их земная пропаганда. Они никогда бы не дошли до этого, несмотря на то, что были очень опасны. Чтобы заставить космических исследователей замолчать, им давали новое назначение или отправляли в ссылку. Она была для них настолько удобной, что они никогда бы не заподозрили, что это — ссылка.

Даже на должность коменданта Старкада Брехдан тщательно подобрал офицера, который ничего не знал прежде о своем назначении и не мог быть посвящен в тайну. Так что, кроме личного состава исследователей, который больше не брали в расчет, вероятно, лишь полдюжины существ во всей Вселенной знали об этом!

Тахвир явно не знал. Ему и его товарищам было попросту приказано уводить Фландри от определенных тем.

Землянин верил, что они были искренни в своем дружелюбии по отношению к нему и хотели загладить сегодняшнюю неловкость. Они были хорошими малыми. Он чувствовал себя своим в их компании больше, чем со многими людьми... несмотря на то, что они служили в стане врагов, настоящих врагов. Брехдан Айронрид и его Великий Совет затеяли что-то чудовищное.

Шум прибоя вместе с воем ветра походил на звук приближающейся машины.

«Я не обнаружил еще ничего, о чем Абрамс уже не догадался, — подумал Фландри, — но у меня есть для него больше доказательств. Господи! Еще четыре дня до того, как я смогу вернуться и вручить их ему».

Во рту у него пересохло.

— Как насчет еще одного раунда? — сказал он.

— Поехали прогуляемся, — предложил Абрамс.

— Сэр, — Фландри заморгал.

— Небольшая поездка для собственного удовольствия. По-моему, я тоже заслужил ее. Скажем, в Гетвидский лес, это ведь не закрытая зона.

Фландри перевел взгляд с дородных форм своего босса на окно. В саду среди роз фыркал робот, пытаясь добиться микроэкологии, которая требовалась для цветов. Секретарь дипломатической миссии стоял возле одного из шарообразных зданий резиденции, лениво флиртуя с женой ассистента морского атташе. Позади них современные башни Ардайга грубо дыбились в небеса. Полдень был тихим и жарким.

— Э... сэр, — Фландри сомневался.

— Последнее время, когда ты говоришь «сэр» в неофициальной беседе, я чувствую, что тебе что-то нужно, — сказал Абрамс, — ну, выкладывай.

— Э... в общем, не могли бы мы пригласить с собой донну д'Ио? — Фландри почувствовал, что покраснел. — Ей, должно быть, очень одиноко, ведь Его Светлость с помощниками уехали из города.

Абрамс ухмыльнулся.

— Что, я недостаточно красив для тебя? Ну, извини. Нет, это ни к чему, пойдем.

Фландри посмотрел на него. Сейчас он уже знал этого человека. По крайней мере, мог определить, когда тот затевал что-нибудь непозволительное. По спине его пробежала дрожь. Вернувшись с докладом из своей поездки, он ожидал, что его снова засадят за канцелярскую работу, скуку которой можно было изредка развеять с наступлением ночи. Но, должно быть, наконец пришла пора действовать. Как бы Фландри не сетовал, как бы не ворчал саркастически по поводу очаровательной жизни в романтических чужеземных столицах, он не был уверен, нравится ли ему эта перемена.

— Хорошо, сэр, — сказал он.

Они вышли из офиса и пошли по переходу в гараж. Мерсеянские техники периодически осматривали роскошный корабль, выданный Абрамсу в пользование, но сегодня дежурил лишь один гуманоид. От зависти он пустил большую голубую слезу, сверкнувшую на солнце. Абрамс и Фландри поднялись на борт, загерметизировали двери и уселись в кресла.

— Гетвидский лес — главная парковая зона, — сказал Абрамс, — пятьсот километров в час, высота любая.

Машины связались между собой. Разрешение на полет было получено и маршрут утвержден. Корабль бесшумно поднялся в воздух. На земле за подобной процедурой можно было следить по мониторам, но надменные мерсеянские военачальники не позволяли встраивать подобные приспособления, чтобы их невозможно было использовать против них самих. Контроль движения за пределами определенных секторов был автоматическим и анонимным. Офицеры безопасности не смогли бы держать корабль под наблюдением, если не установить прослушивающие устройства или просто не следовать

за ним по пятам. Абрамс заметил, что это ему, в принципе, нравится, а также — удобно.

Он полез в карман мундира за сигарой.

— Мы могли бы выпить, — предложил он, — мне виски с водой.

Доминик налил ему виски, а себе — крепкого коньяка. К тому времени, как он вернулся из бара, они находились на высоте около шести километров и направлялись на север. С такой скоростью им понадобится пара часов, чтобы добраться до заповедника, который Вах Датир открыл для публики. Фландри уже ездил туда на праздничную экскурсию, которую Оливейра устроил для Хоксберга и его компании. Ему запомнились величественные деревья, птицы с золотистыми перьями, запах перегноя и ощущение буйства весны. Особенно отчетливо он помнил узоры солнечного света на тонком платье Персис.

В широкий иллюминатор ему видны были изогнутость планеты, отблески океана, оставшегося западнее, лабиринт мегаполиса, уступающий место полям и одиноким замкам.

— Садись, — сказал Абрамс, похлопав рукой по соседнему креслу. Сам он развалился в своем, дым окутал его.

Фландри опустился в кресло и смочил губы.

— У вас ко мне дело, не так ли? — спросил он.

— Ну, прямо сразу отгадал! Ладно, ну а чтобы получить значок «Юный шпион» и карманный декодер, ответь-ка мне на вопрос: что такое слон?

— Что, сэр?

— Слон — это мышь, сделанная по инструкциям правительства, или лучше так: мышь — это транзисторный слон. — Абрамс совсем не выглядел веселым. Он все тянул время.

Фландри нервно отхлебнул коньяк.

— Если все это конфиденциальный разговор, тогда почему мы здесь?

— Здесь безопаснее, чем в посольстве, маловероятно, что там удалены все подслушивающие устройства, во всяком случае, я не уверен в этом. И подслушивание у дверей еще не совсем вышло из моды.

— Но мерсеянский корабль...

— Мы в безопасности, поверь моему слову. — Абрамс смотрел на сигару, катая ее между пальцами. — Сынок, мне нужно, чтобы ты сделал одну работенку, причем очень важную, она может быть опасной и наверняка неприятной. Ты готов?

У Фландри екнуло сердце.

— В моих интересах быть готовым, не так ли?

Абрамс повернул голову в его сторону.

— Довольно находчивый ответ для девятнадцатилетнего, но до конца ли ты искренен, скажи мне?

— Да, сэр, думаю, что до конца.

— Я верю тебе. Я должен верить тебе, — Абрамс выпил и

глубоко затянулся. Затем неожиданно сказал: — Слушай сюда, давай рассмотрим все обстоятельства, какие есть. Я думаю, что у тебя хватает природного здравого смысла (это видно по твоим глазам), чтобы понять, что у Брехдана нет ни малейшего намерения урегулировать ссору на Старкаде. Некоторое время я думал, что он рассчитывает предложить нам мир в обмен на что-то другое, очень необходимое ему; если бы дело обстояло так, он не выбрасывал бы столько средств на переговоры, а пришел бы к соглашению с минимумом затрат. Мерсеяне, в отличие от нас, людей, не получают удовольствия, упражняясь в искусстве спора. Если бы Брехдан хотел заключить сделку, Хоксберг был бы уже дома с предварительным докладом. Вместо этого говоруны Брехдана затягивают переговоры бесконечными увертками и неуместными вопросами. Даже Хоксберг уже по горло сыт этим. Вот почему, я думаю, Брехдан лично пригласил его со свитой в Дангодхан порыбачить да поохотиться недельку-другую. Частично потому, что это само по себе оттягивает время, а частично — чтобы успокоить чувства виконта «жестом доброй воли», — Абрамс очень точно спародировал Брехдана. — Меня тоже пригласили, но я отказался, сославшись на то, что хочу завершить свои исследования. Если бы Брехдан хорошенько подумал, он наверняка бы нарушил традицию и пригласил донну Персис — как дополнительный стимул задержаться еще ненадолго в горах. Пока же он не побаловал своих гостей большим разнообразием. Ты ведь знаешь, у мерсеян на службе есть и земляне.

Фландри кивнул. На секунду он почувствовал разочарование. После его возвращения отсутствие Хоксберга было для него предпочтительнее, чем постоянное пребывание того в Ардайге. Но потом к Фландри пришло сожаление: придется забыть о Персис — она была чудесным развлечением, но только и всего.

— Мне бы тоже хотелось думать, как Его Сиятельству, что Брехдан изначально искренен, — сказал Фландри. — Однако я уверен, что он обыкновенный мерсеянин.

— Я уверен, что вы оба правы, и отсюда громадная разница в подходе.

— Но как бы то ни было, Старкад имеет слишком большое значение. Неужели вы не говорили этому иди... лорду Хоксбергу об этом?

— Я уже устал ему говорить, — ответил Абрамс, — и еще спорить с чужими предубеждениями.

— Я удивляюсь, почему Брехдан сразу согласился принять делегацию.

— О-о! Видимо, легче принять, чем отказать, да и это вполне могло соответствовать его планам. Он пока не хочет тотальной войны. Мне кажется, вначале он собирался поскорее отослать нас домой. А это заставляет думать, что у него изменились планы, что он затеял совершенно иной ход, не совсем выгодный Старкаду, и рассчитывает получить свои дивиденды, разыгрывая перед нами

добродушного хозяина. Один Бог знает, как долго он нас еще продержит здесь. Может быть, несколько недель. — Абрамс подался вперед. — А тем временем что-нибудь может случиться; я приехал сюда в надежде продемонстрировать, так сказать, высший пилотаж. И поначалу все обнадеживало. Мы могли докопаться до истины о Старкаде. Однако дело затянулось, ситуация изменилась, а мои возможности могут иссякнуть. Мы должны действовать быстрее, или наши шансы будут ничтожны.

«Так вот в чем дело», — подумал Фландри и где-то в глубине души презрительно усмехнулся банальности сказанного, но в то же время он ждал, затаив дыхание.

— Не хочу говорить тебе больше, чем должен, — продолжал Абрамс, — скажу только одно: я узнал, где находится сверхсекретная картотека Брехдана. Это было нетрудно. Все знают о ней. И я надеюсь, что смогу внедрить туда агента. Следующая и самая сложная проблема — добыть информацию, причем так, чтобы никто не узнал. Я не могу ждать, пока мы все отправимся домой. До этого слишком много времени, и слишком многое может пойти не так, как надо. Сам же я тоже не могу уехать пораньше. Они меня подозревают, и это будет выглядеть так, как будто я закончил то, что должен был сделать. Сам Хоксберг может запретить мне уезжать хотя бы потому, что считает, будто я отправлюсь портить его мирную миссию. Или другой вариант: меня могут отправить с системы с мерсеянскими пилотами. Громилы Брехдана предусмотрительно организуют несчастный случай. Или постараются похитить меня и отвести в комнату гипнозонда, а что там случится со мной, не будет иметь ни малейшего значения в сравнении с тем, что может произойти с нашими Вооруженными Силами впоследствии. Я не впадаю в мелодраматизм, такого уж изнанка жизни.

Фландри сидел не шелохнувшись.

— Вы хотите, чтобы я доставил данные, если вы их раздобудите? — спросил он.

— А! Ты знаешь, что такое слон!

— У вас, должно быть, очень эффективная связь с мерсеянским штабом?

— Да, неплохая, — сказал Абрамс не без самодовольства.

— Нетрудно догадаться, что она не могла быть разработана загодя, — Фландри медленно произносил слово за словом. От осознания смысла его бросало в холод. — Если бы это было так, зачем тогда вам самому... приезжать сюда? Должно быть, что-то попало вам на Старкаде и у вас не было возможности проинструктировать того, кому вы доверяете и кто должен остаться в живых.

— Давай займемся делом, — быстро сказал Абрамс.

— Нет, я хочу покончить с этим.

— Ты?

Фландри смотрел куда-то за Абрамса, как слепой.

— Если контакт был таким хорошим, — сказал он, — я думаю,

вас предупредили о нападении подводной лодки на Юджанку. А вы об этом никому не сказали, и никакой подготовки, чтобы отразить нападение, не было. Если бы не счастливая случайность, город был бы разрушен. — Он поднялся. — Я видел, как тигерийцев убивали на улицах...

— Сядь!

— Один миномет, установленный на причале, накрыл бы эту лодку! — Фландри стал ходить по комнате. Он повысил голос: — Мужчин, женщин, маленьких детей разрывало на части, они сгорали заживо, заваленные булыжниками, и вы ничего не сделали!

Абрамс вскочил на ноги.

— Прекрати! — рявкнул он.

Фландри резко обернулся к нему.

— С какой стати я должен прекратить?

Абрамс схватил парня за руку. Фландри попытался освободиться. Абрамс удерживал его. Ярость пробежала по его халдейскому лицу.

— Слушай меня внимательно, — сказал Абрамс. — Я знал. Я представлял последствия моего молчания. Когда ты спас этот город, я упал на колени и благодарил Бога. Я бы стал на колени и перед тобой, если бы ты мог меня понять. Но, предположим, я знал и предупредил бы об этом. Руней ведь не глупец. Он догадался бы, что у меня есть источник. И безошибочно вышел бы на него. После того как он им занялся бы, моя прямая связь тотчас была бы сломана, как сухая ветка. А я уже готовил этого агента для проникновения в личную картотеку Брехдана, чтобы открыть тайну Старкада. Сколько это могло бы спасти жизней? Не только человеческих, но и тигерийцев, сирого, да, черт возьми, и мерсеян! Раскинь мозгами, Доми, у тебя между ушами пара-то клеток должна жужжать. Конечно, это мерзкая игра. Но в ней есть один практический вопрос, который одновременно является и вопросом чести. Нельзя предавать своих агентов. Нельзя!

Фландри попытался высвободиться. Абрамс отпустил его. Фландри подошел к своему креслу, сжался в нем и выпил коньяк большими глотками. Абрамс стоял в ожидании.

Фландри поднял глаза.

— Простите меня, сэр, — он поднялся, — это, видимо, от переутомления.

— Не стоит извиняться, — Абрамс похлопал его по плечу. — Когда-то нужно было узнать. Почему бы не сейчас? Понимаешь, ты даешь мне проблеск надежды. Я начал спрашивать себя, остался ли на нашей стороне кто-нибудь, кто играет в эту игру не ради собственной корысти. Когда тебе присвоят очередное звание... Ладно, посмотрим...

Он тоже сел. Некоторое время между ними царил молчание.

— Со мной все в порядке, — Фландри решил.

— Хорошо, — проворчал Абрамс, — тебе понадобится столько

«со мной все в порядке», сколько ты сможешь унести. Лучший способ, который я вижу, чтобы поскорее вывезти эту информацию, представляет из себя тоже довольно грязное дело. К тому же — унижительное. Мне бы хотелось думать, что тебе на ум придет лучшая идея... я-то пытался, но у меня ничего не получилось.

Фландри снова налил коньяку и сделал глоток.

— Какая идея?

Абрамс подошел к сути дела очень осторожно.

— Проблема такова, — сказал он, — я уверен, что мы можем совершить этот налет незаметно. Особенно сейчас, когда Брехдан в отъезде вместе с тремя другими, которые, как я выяснил, имеют доступ в эту комнату. Но даже, если все удастся, будет выглядеть очень неестественно, если кто-то сразу уедет с Мерсеи без основательного повода. У тебя он может быть.

Доминик напрягся.

— Какой?

— Ну... например... Если лорд Хоксберг застанет тебя на месте преступления с его приятной компаньонкой по путешествию?

Это могло вывести из себя куда более искушенного человека. Доминик вскочил со своего места.

— Сэр!

— Садись, парень, только не говори мне, что мыши не резвились, пока кот куда-то уходил. Ты, конечно, был очень хитер, и я не думаю, что кто-то, кроме меня, догадался об интрижке в нашей маленькой группе, которая так любит сплетни. Это открывает тебе хорошую карьеру в разведслужбе. Но, сынок, я пристально наблюдал за тобой. Ты приходил по утрам с докладом, едва волоча свой «хвост», в то самое время, когда лорд Хоксберг, по моим наблюдениям, смертельно устал или принял снотворное. Если я не могу уснуть ночью и мне нужно сделать кой-какую работу, а я не нахожу тебя в твоей комнате, если вы с ней всегда обмениваетесь многозначительными взглядами — стоит ли здесь все перечислять? Не имеет значения, я не осуждаю тебя. Если бы я не был стариком с некоторыми эксцентричными идеями о своем браке, я бы, пожалуй, позавидовал. Однако это дает нам шанс. Все, что нам нужно делать — это держать Персис в неведении, когда ее лорд и хозяин возвращается назад. Она мало общается с остальным составом, и не могу сказать, что я виню ее за это... да и ты можешь отвлечь Персис, чтобы все было наверняка. Лорд должен загодя послать информацию, когда прибывает, которая будет адресована не ей лично, а слугам, чтобы они приготовились к встрече. Они наверняка могут рассказать об этом всем, но я прослежу, чтобы Персис ничего не узнала. Что же касается всего остального, пусть все идет так, как велит природа.

— Нет! — взорвался Фландри.

— Не бойся за нее, — сказал Абрамс, — наверняка она отделается небольшим нагоняем. Лорд Хоксберг довольно терпим. Во всяком случае, должен быть таким. Если же она потеряет свое положение,

у наших войск есть фонд для проведения различных операций. Ее могут поддерживать в разумных пределах на Земле, пока она не подцепит кого-нибудь еще. У меня не сложилось впечатления, что ее сердце разорвется, если она сменит лорда Хоксберга на более новую модель.

— Но... — Что ты будешь делать, он опять покраснел! Доминик устался взглядам в пол, ударил себя кулаком по колену: — Она доверяет мне. Я не могу этого сделать.

— Я тебе говорил, что это грязное дело. Но неужели ты думаешь, что она влюблена в тебя? Ты льстишь себе.

— Ну... э-э-э...

— Льстишь. Я вижу. Я бы не стал... но даже, предположим, она влюблена. С такой несложно организованной натурой легко можно провести курс лечения, и она его спокойно перенесет. Я больше волновался бы за тебя.

— А что за меня волноваться? — спросил жалобно Доминик.

— Лорд Хоксберг наверняка будет мстить тебе. Каковы бы ни были его истинные чувства, он так просто этого не оставит, потому что весь состав, да нет, черт возьми, практически вся Земля узнает, если ты сыграешь, так, как надо, в этой сцене. Он рассчитывает послать курьера через день или два после того, как вернется из Дангодхана, с докладом о прогрессе в делах. Ты поедешь на этом же корабле с позором, обвиненный в таком преступлении, как неуважение к наследной власти. Где-то приблизительно в это время я должен буду разработать детали, по мере того как мы будем продвигаться. Мой агент похитит информацию и вручит ее мне. Я передам ее тебе. Когда ты окажешься на Земле, то сделаешь так, чтобы слово, которое я скажу тебе, достигло ушей определенного человека. После этого, сынок, ты на коне. Тебе не придется ходить побитым, как собака. Ты должен будешь лизать мои ботинки за то, что я дал тебе такую возможность быть замеченным очень важными людьми. А мои ботинки нуждаются в этом.

Фландри похолодел, посмотрел в иллюминатор, на облака, плывущие над зелено-коричневой поверхностью Мерсеи. Гул моторов проникал в его череп.

— А как же вы? — спросил, наконец, он. — И остальные?

— Мы останемся здесь, пока не закончится этот фарс.

— Но... э-э-э... Нет, погодите, сэр... Ведь все может пойти совсем не так. Абсолютно иначе.

— Я знаю, ты рискуешь.

— Вы рискуете больше, — Фландри повернулся к Абрамсу. — Я могу улететь без помех. Но если впоследствии возникнут какие-нибудь подозрения...

— Они не тронут Персис, — сказал Абрамс, — она не стоит этого. Хоксберга тоже. Он аккредитованный дипломат, и его арест будет фактически приравнен к объявлению войны.

— Но вы, сэр, вы, может быть, и аккредитованы при нем, но...

— Не волнуйся, — сказал Абрамс, — я собираюсь умереть от старости. Едва я увижу, что моим надеждам не суждено сбыться, у меня есть бластер. Я не дамся живым и не уйду из космоса один. Ну, так что? Ты готов?

Фландри пондобились все его силы, чтобы кивнуть.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Спустя два дня Абрамс вновь вылетел из посольства на своем корабле. Впереди на поверхности океана догорал закат. Освещенные улицы Ардайга становились более различимы по мере того, как сумерки переходили в ночь. Окна загорались жизнью. Сигнальный маяк Адмиралтейства сиял подобно неожиданно возникшему красному солнцу. Движение было напряженным, и сигнальные огоньки роботопилота его флайера должны были постоянно перемигиваться между собой, а также с ближайшими маршрутными станциями. Компьютеры на всех станциях были еще более тесно связаны паутиной обмена данных. Они сходились в центральном контрольном пункте, где вся схема анализировалась в координационную сетку авиалиний, дававшую трехмерную картину, куда ежеминутно вносились поправки для оптимальной возможности движения летательных аппаратов.

В эту бесконечную пульсацию легко было внедрить подходящим образом зашифрованную информацию. Никто, кроме посылающего и принимающего, не мог об этом знать. Для того чтобы посторонний мог обнаружить случайный разговор, потребовался бы ни больше ни меньше, как долговременный тщательный анализ (и даже тогда он бы не понял, о чем был этот разговор). Ни на корабле, ни в земном посольстве не было такого оборудования.

Из темноты, в которой он лежал, Двир Крюк внушил информацию. Не послал, а именно внушил (как обычно внушаешь себе, что надо разговаривать нормальным голосом), поскольку его нервные окончания были соединены напрямую с радиоцепью судна, и он ощутил прилив в электронном море, которое заполняло Ардайг точно так же, как живое существо ощущает у себя прилив крови:

— Главный наблюдатель-три — разведдивизиону-тринадцать, — затем последовал ряд закодированных символов, — приготовьтесь получить информацию!

Где-то далеко, за многие километры, за пультом напрягся мерсеянин. Он был один из немногих, кто знал о существовании Двира: они сменялись поочередно, неся круглосуточную вахту. На этот час они не обнаружили ничего особенно интересного. Это было хорошим признаком и подтверждало, что агент с Земли, который, по сообщению, был очень опасен, еще ничего не натворил.

— Подразделение-тринадцать — наблюдателю-три. На связи Дхек, докладывайте.

— Абрамс сел на корабль один и приказал роботу отвезти его

в следующее расположение. — Двир уточнил куда, обозначив место просто как окрестности горы. Ардайг был не его территорией.

— А, понятно, — Дхек кивнул, — это дом Фодайха Квинна, мы уже знаем, что Абрамс собрался туда сегодня вечером.

— Мне приготовиться к тому, что может произойти что-нибудь неожиданное? — спросил Двир.

— Нет, я уверен, что вы припаркуетесь на несколько часов, а потом сопроводите его до посольства. Он в свое время добивался приглашения к Квинну, так что они могут наедине обсудить некоторые вопросы, представляющие взаимный интерес. Сегодня он был так настойчив, что Квинн не мог не пригласить его. Это было бы уже невежливо.

— Это что, так важно?

— Едва ли, мы думаем, Абрамс торопится только потому, что узнал о завтрашнем возвращении своего шефа вместе с Владыкой Вах Инвори — нашим великим защитником. У него еще есть надежда вмешаться в дипломатические маневры. Это может быть его последний шанс увидеть Квинна.

— Я могу оставить корабль и последить за ними, — предложил Двир.

— Не нужно, Квинн осмотрителен, и сам предоставит нам свой отчет. Если Абрамс надеется собрать хоть крохи полезной информации, он будет разочарован. Вполне вероятно, однако, что его интерес чисто академический. Похоже, он отказался от своих прежних планов заниматься шпионажем.

— Он определенно не совершил ничего подозрительного за время моего наблюдения, — сказал Двир, — в корабле, который, как ему кажется, идеален для подготовки заговора. Я был бы рад его отъезду. Это было довольно скучное задание.

— Честь и хвала тебе, что ты взялся за него, — сказал Дхек, — никто бы не смог так долго выдерживать. — Его насторожил неожиданно ворвавшийся шум помех. — Что это?

— Да что-то неладное с селектором, — сказал Двир, внушивший эти помехи. — Его надо бы проверить в ближайшее время. А то я могу потерять связь с вами.

— Мы придумаем какой-нибудь предлог, чтобы послать техников через день-другой. Удачной охоты.

— Удачной охоты, — Двир отключил связь.

С помощью электронной сети, которая включала в себя развертку изображения, он осмотрел картину внутри и за пределами корабля. Судно снижалось к месту своего назначения. Абрамс поднялся и надел официальную форму. Двир включил переговорное устройство.

— Я соединился с подразделением «тринадцать», — сказал он. — Они ничего не подозревают. Я внушил им мысль, что мой пе-

редатчик может не сработать в случае, если по каким-то причинам они попытаются связаться со мной, пока меня не будет.

— Хорошо, приятель, — голос Абрамса казался спокойным, но он нервно затянулся сигарой напоследок и с силой затушил окурок. — Помни, что я останусь там на протяжении нескольких часов, у тебя будет достаточно времени, чтобы сделать свою работу и вернуться назад, в этот гроб. Если что-то случится, я повторяю: важна только информация. Поскольку у нас нет надежного тыла и у моего сегодняшнего хозяина будет достаточно слуг, чтобы арестовать меня, в экстренном случае ты свяжешься с лейтенантом Фландри и все расскажешь ему. Помни, что он должен быть в апартаментах лорда Хоксберга или в своей комнате, а план посольства я нарисовал тебе. Теперь вот еще... надо, чтобы телефон был соединен с роботопилом, чтобы ты или он могли полностью доверять любому, кто скажет пароль. Ты помнишь пароль?

— Да, конечно, — *«Мешугга»*. Что это означает?

— Не имеет значения, — проворчал Абрамс.

— А как быть с вашим освобождением?

— Ничего не надо, ты наверняка попадешь в беду. К тому же мои личные шансы будут значительно лучше, если я обращусь к дипломатической неприкосновенности. Я надеюсь, однако, что наш трюк пройдет без сучка-без задоринки, — Абрамс осмотрелся. — Я не вижу тебя, Двир, и не могу пожать твою руку, но мне бы, конечно, хотелось. И однажды я это сделаю. — Корабль приземлился. — Желаю удачи!

Электронный взгляд Двира проводил коренастую фигуру, спустившуюся по трапу и пересекающую небольшую посадочную полосу в саду. Двое членов клана приветствовали землянина и проводили его к особняку. Вскоре они скрылись за деревьями, больше никого не было видно. Корабль был окутан густой тенью.

«Ну что ж, начнем», — подумал Двир. Ничего уже не могло повлиять на его решение. Когда-то он испытывал страх, сердце его отчаянно билось, напоминая любимые образы жены, детей и их дома на далеком Танисе. Он проявлял отвагу, чувство высшего долга, радовался тому, что мог доказать свое мужество, проскочив у смерти между рогами — только так можно было почувствовать себя по-настоящему живым! Но все это ушло из его тела. Он больше не мог вспомнить эти ощущения. Лишь одно желание никогда не покидало его и ныло, как незаживающая рана — вновь ощутить все эти чувства.

Сейчас у него их было немного. Мастерство приносило радость его мозгу. Ненависть и ярость все еще могли обжигать его... Но только холодом. Он часто спрашивал, не было ли это простой привычкой, запечатленной в синапсах его мозга.

Он шевелился, лежа в небольшой кабинке, похожей на колыбель. Цепь за цепью живая рука отсоединила от корабля механические части тела. На какое-то мгновение он был полностью отключен.

Сколько часов понадобится для того, чтобы потеря чувствительности разрушила его разум? Его продолжали питать впечатления о мире, и, засыпая, он не видел снов. А если предположить, что он остался бы там, где был, в этой бесцветной, беззвучной, обессточенной пустоте? Если он начнет галлюцинировать, то сможет ли снова представить себя на Танисе? И явится ли ему его жена Сивилла? Ерунда! Его целью было самому явиться к ней целым и невредимым.

Он открыл панель и выскользнул. Системы, которые поддерживали его жизнедеятельность, были поставлены на маленькие са-лазки. Его первой задачей было сменить их на более универсальное тело.

Выбравшись наружу, он полетел низко, придерживаясь кустов и тени. Звезды здесь были видны лучше, вдали от паутины города и огня маяка, который расположился у подножия этих гор. Он заметил светило Таниса, где мерсеяне устроили свои дома среди гор и лесов, где все еще жила Сивилла с детьми. Она думала, он погиб. Ему сказали, что она не вышла второй раз замуж и что дети быстро подрастают.

Было ли это еще одной ложью?

Проблема — как пробраться в город незамеченным — занимала лишь незначительную часть внимания Двира. Его искусственные чувства были приспособлены для задания такого рода. Главным образом он был занят воспоминаниями.

— Мне очень не хотелось уезжать, — признавался он как-то Абрамсу на Старкаде. — Я был счастлив. Чем было для меня завоевание Джанейра? Мне говорили о славе расы, а я видел только другую расу, разбитую, сожженную, поработленную по мере того как мы продвигались. Я бы так же сражался за свою свободу, как они за свою. Вместо этого, призванный на военную службу, я дрался за то, чтобы отнять у них их неотъемлемые права. Не поймите меня неправильно. Я оставался лояльным по отношению к моему Ройдгуну и моему народу. Они меня предали...

— Это так же верно, как и седьмой круг ада, — сказал Абрамс.

— Все случилось после разоблачения, которое развалило мою Вселенную на куски.

— Что? — прорывал Абрамс, — ты не можешь быть регенерированным? Это не так!

— Но радиация разрушила клетки.

— С таким радиационным поражением клеток ты давно был бы мертв. Базисная генная структура управляет организмом на протяжении всей жизни. Если бы все разом изменилось, жизнь должна была бы остановиться. А процесс регенерации использует хромосомы для химического моделирования. Нет, они увидели шанс сделать из тебя уникальный инструмент и солгали тебе. Я полагаю, они также установили и мозговой блок, чтобы тебе никогда не пришлось в голову самому изучить основы биомедицины и избежать

ситуации, когда кто-то мог рассказать тебе об этом. Господи, всякие гнусные шутки я видел на своем веку, но эта не знает себе равных.

— Вы можете меня вылечить? — закричал Двир.

— Наши биохимики-хирурги могут, но погоди, не так быстро. Давай-ка немного подумаем. Я мог бы приказать, чтобы над тобой поработали, и прикажу из соображений этических. Но ты все же будешь отрезан от своей семьи. Что мы должны сделать, так это вывезти и твою семью. Мы могли бы устроить вас на одной из Имперских планет. Но у меня нет власти, чтобы организовать это. Пока ты сам не заслужишь. Заслужить ты можешь, если поработаешь на нас как двойной агент.

— Значит, для вас я тоже не больше чем игрушка?

— Спокойно, я этого не говорил. Я лишь сказал, что привезти твою семью будет недешево. Это связано с некоторым риском для тех, кто доставит ее. Ты должен заработать у нас это право. Ты хочешь?

Хочет ли он? Конечно же, хочет!

Стрелой промчавшись между башен, Двир вызывал не больше подозрений, чем ночная птица. Он легко мог достичь места своего назначения на другой высоте, где действовали только компьютеры, и контрольная станция его бы не заметила. Так было сделано по личной команде Брехдана Айронрида. Тайна существования Двира стоила того, чтобы сохранить ее... Он открыл опознавательный замок и скользнул в комнату, наполненную разными телами и приспособлениями. Больше там ничего не было, ампутированная личность не могла иметь при себе даже маленьких сокровищ простых смертных.

Он уже выбрал, что взять. Отсоединившись от салазок, прицепил себя к двуногому телу, которое лежало, вытянувшись, как металлический труп. В такие моменты у него не существовало никаких чувств, кроме зрения, слуха, смутного осязания и кинестезии. Была острая боль, пронизывающая то, что осталось от его тканей. Он обрадовался, завершив свои новые присоединения.

Поднявшись, он неловко походил по комнате, соображая, что еще может ему понадобиться. Подумав немного, прикрепил к себе специальные инструменты и датчики, гравитационный импеллер, бластер. Как он был слаб и неуклюж! Он предпочел бы быть просто машиной или ружьем. Металл и пластик были плохой заменой клеткам, нервам, мускулам и чудесной структуре, каковой являлась кость. Но сегодня вечером требовалась *неспециализированная* форма.

В заключение он занялся маскировкой. Он вряд ли мог сойти за мерсеянина (после того, что с ним сделали), но был похож на человека, одетого в космический костюм, или на пскеледа. Эта раса давно смирилась с господством его народа, и из нее вышло много лояльных личностей. Немногие получили мерсеянское гражданство.

Оно значило гораздо меньше, чем соответствующая честь на Земле, но имело ряд ценных преимуществ.

Готово! Двир вышел из комнаты и вновь взмыл в воздух, на этот раз уже не скрываясь. Перед ним выросло здание Адмиралтейства, мрачная гора с освещенными пещерами. И маяк, словно вулкан, изливал свой свет. Рокот машин слышался в небе, которое он рассекал. Двир чувствовал их излучение, как накал, звук, поднимающуюся волну. В это время он приблизился к запретной зоне и произнес пароль, данный ему Брехданом, — в нужном направлении.

— Совершенно секретно, — добавил он. — Мое присутствие должно сохраняться в тайне.

Когда он приземлился на площадке, к часовым подошел офицер.

— Что вы здесь делаете? — требовательно спросил мерсеянин. — Нашего Владыки нет в Ардайге.

— Я знаю, — сказал Двир, — по его личному приказу я должен произвести кое-какие дела внутри. Больше мне ничего не разрешено говорить вам. Вы и эта охрана пропустите меня, через некоторое время я выйду, и вы навсегда забудете, что я был здесь. Об этом нельзя напоминать никому и ни при каких обстоятельствах. Это засекречено.

— Под каким кодом?

— Тройная звезда.

Офицер отдал честь:

— Проходите.

Двир спустился в коридор, в котором гулко отдавались его шаги. И когда вошел в приемную, услышал шум работы в соседних офисах; однако он был один у двери, ведущей в хранилище. Двир никогда не был здесь раньше, но планировка не хранилась в тайне, и ее можно было легко усвоить.

Но сама дверь! Он приблизился к ней особенно осторожно, каждый датчик был на полном усилении. Сканеры видели, что у него нет права войти, и могла сработать сигнализация. Нет. Пронесло! В конце концов, люди использовали этот способ по определенным поручениям. Он снял перчатку со своей роботизированной руки и протянул усики к контактам. Они среагировали. С помощью индукции его искусственные нейроны почувствовали, как сигналы устремились в сравнивающий блок и были отторгнуты. Так, сейчас он должен ввести импульсы, которые будут расценены как правый глаз и линии руки. Медленно... медленно, с микрометрической точностью, срастаясь с этим агрегатом, чувствуя его, он посылал сигналы и ждал нужного отклика. Азарт обострил все инстинкты, его механическое сердце и легкие стали двигаться ускоренно, и он полностью отключился от мира... Есть!

Массивная дверь открылась бесшумно. Он проник внутрь. Она закрылась за ним. В темной комнате он встал перед тем, что светилось опаловым светом.

За исключением того, что у этой молекулярной картотеки была собственная опознавательная защита, она ничем не отличалась от множества других, которые он прежде встречал. Все еще единый с потоками электронов и пересекающимися полями, он включил ее. Код операции был неизвестен ему, но он определил, что здесь хранилось немного информации. «Само собой разумеется, — мелькнуло у него в сознании, — ни один индивидуум не может управлять Империей в одиночку». Секретов, которые он оставил для себя и трех своих товарищей, было немного, но по своей значимости они были огромны. Ему, Двиру Крюку, не нужно было долго блуждать вслепую, чтобы получить информацию о Старкаде. Вот она:

ЭЙДГАФОР. Досье на другого Владыку, который часто противостоял Брехдану в Совете. Данные, которые при надобности можно было использовать, чтобы уничтожить его.

МАКСВЕЛ КРОФОРД. Ха! Наместнику земного Императора на Аракнийской системе платят мерсеяне. Бомба, оставленная про запас.

ТИРАЙН. Так вот чем были заняты друзья Брехдана! Абрамс был, очевидно, прав. Хоксберга задерживают потому, что им понадобится здесь влиятельное лицо, когда об этой новости станет известно.

СТАРКАД!

На экране вспыхнул набор цифр: 0.17847,3° 14' 22". 591, 1818h. 3264... Двир автоматически запомнил их, остолбенев от шока. Что-то произошло в картотеке. Прошел импульс. Кратковременное излучение на долю секунды вызвало в нем нервную дрожь. Может быть, ничего. Но лучше скорей закончить и убраться отсюда!

Экран погас. Пальцы Двира двигались с невероятной скоростью. Вновь появились цифры. Как! Все было засекречено?! Цифры несли в себе информацию о Старкаде, но он не знал, что они означали.

Пусть Абрамс отгадывает эту загадку. Двир выполнил свое задание. Почти...

Он пошел по направлению к двери. Она открылась, и он вошел в приемную. Дверь, ведущая в основные офисы, была открыта. Его поджидал охранник, направив на него свой бластер. Еще двое спешили к нему на помощь. Клерки разбегались в разные стороны.

— В чем дело? — резко спросил Двир. Поскольку он не мог ощущать ужаса или смятения, голубое пламя гнева заполнило его.

Пот блестел на лбу охранника, стекая по надбровным дугам.

— Вы были в секреториуме, — прошептал он.

«Так ужасна магия этих чисел, что машина наложила дополнительный код на них; когда их извлекут, когда с ними разберутся, понадобится дополнительная помощь».

— Мне разрешено, — сказал Двир, — как бы я мог еще войти сюда?

Он не очень-то верил, что его проникновение в секреториум

долго останется незамеченным. Слишком многие видели, как он вошел. Но он мог бы выиграть несколько часов. Его голос загремел:

— Что бы ни случилось, никто никому не должен говорить об этом, даже среди своих. Дело засекречено, а код знает дежурный офицер. Он может объяснить вам его значение. Дайте мне пройти.

— Нет! — Бластер дрожал.

— Вы хотите быть обвиненным в неподчинении? Я... мне придется взять риск на себя. Вы арестованы до тех пор, пока Владыка сам не разберется с вами.

Моторы Двира зарычали. Отлетев в сторону, он выхватил свое оружие. Прогредел гром и сверкнул огонь. Мерсеянин рухнул, образовав обожженную грудку, но успел выстрелить в Двира. Ему оторвало настоящую руку. Но он не впал в шок. Он не был для этого настолько живым. Однако боль все-таки переполнила его. Он пошатнулся, ослепленный. Затем среагировали гомеостаты в его протезах. Химические стимуляторы поступили из трубок в вены. Электронные импульсы контроля микрокомпьютеров подсоединились к нервам, заглушили агонию и остановили кровотечение. Двир развернулся и побегал.

Остальные кинулись за ним. Вновь загрохотало оружие. Двир пошатывался от того, что в него попадали. Посмотрев на грудь, он увидел сквозную дыру. Луч энергии, должно быть, разрушил какую-то часть механизма, который поддерживал жизнь его мозга. Какую часть, он не знал. Не циркуляцию, во всяком случае, потому что он продолжал двигаться. Фильтрационную систему, очиститель, осмотический регулятор? Очень скоро он узнает — что... Бах! Его левая нога застыла неподвижно. Он упал. Грохот гулко отозвался в коридоре. Почему он не вспомнил о своем импеллере? С помощью внушения он привел в действие негравитационное поле. Все это время он лежал камнем. Где-то рядом были слышны крики и топот мерсеян. Он щелкнул выключателем и поднялся.

Дверь, ведущая на взлетно-посадочную площадку, была закрыта. Набрав самую большую скорость, он сорвал ее с петель. Огонь охранников радугой отскакивал от его брони. Скорей... И вниз, во тьму!

И тьма поглотила его. Вероятно, его организм действительно был поражен в жизненно важную точку. Было бы хорошо, если бы он умер. Нет, только не сейчас. Он должен еще чуть-чуть продержаться. Добраться тайными путями к земному посольству. Абрамс — слишком далеко, и скорее всего в ближайшее время будет взят под стражу. Добраться до посольства — не отключайся! — найти этого Фландри — как гудит у него в голове! — вызвать корабль — тот факт, что его личность была неизвестна преследователям, может, пока они не свяжутся с Брехданом, — попытаться спастись, — если ты ослабеешь и тебе придется отключиться, спрячься сначала и не умирай, не умирай — вероятно, Фландри может и спасти тебя!

Во всяком случае, тебе удастся хоть немного отомстить за себя, если ты найдешь его.

Тьма и великие бурные воды...

Двир Крюк летел в одиночестве над ночным городом.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

В тот полдень Абрамс зашел в офис, где работал Фландри. Он прикрыл дверь и сказал:

— Ну ладно, сынок, можешь отключиться.

— Буду только рад, — ответил Фландри. Замечательная идея приготовить серию расшифрованных интервью для компьютера принадлежала не ему, тем более что шансы отыскать в этом что-нибудь стоящее были близки к нулю. Он отпихнул бумаги на середину стола, откинулся и размял затекшие мышцы. — Чем обязан?

— Камердинер лорда Хоксберга только что звонил мажордому, они возвращаются завтра утром. Рассчитывают прибыть около четвертого периода, что соответствует четырнадцати или пятнадцати сотням земного первоначального меридиана, в четверг.

Фландри втянул в себя воздух, крутнулся на кресле и посмотрел на своего шефа:

— Сегодня ночью?

— Да, — Абрамс кивнул. — Меня не будет. По причинам, которые тебе не нужно знать. Скажу лишь, что собираюсь напроситься в гости к одной местной важной шишке, чтобы сконцентрировать на себе все внимание.

— И получить частичное алиби, если случится что-нибудь не так, — сказал Фландри, лишь отчасти думая об этом. Все его помыслы были заняты тем, чтобы контролировать пульс, легкие, давление. Одно дело было ринуться импульсивно на мерсеянскую подводную лодку, совсем другое — с бесконечным риском играть по правилам, которые каждую минуту меняются, сохраняя хладнокровие на протяжении энного количества часов.

Он посмотрел на часы. Без сомнения, Персис уже спала. В отличие от служащих ВМС, которые научились адаптироваться к неземным дневным периодам, меняя вахты, работники посольства разбивали мерсейские сутки на две части, на два полных «дня». Персис следовала этой практике.

— Предположим, меня поставили в резерв, — сказал Фландри, — еще одна причина, чтобы побыть вместе.

— Умница, — сказал Абрамс. — Заслуживаешь, чтобы тебя погладили и дали собачий пряник. Я думаю, твоя прекрасная леди делает то же самое.

— Я все же ненавижу себя... что использую ее таким образом.

— В твоем положении я бы наслаждался каждой секундой. К

тому же не забудь о своих друзьях на Старкаде. В них сейчас стреляют.

— Д-да, — Фландри поднялся, — как насчет непредвиденных обстоятельств?

— Будь под рукой, либо у нее, либо у себя в комнате. Наш агент назовет себя с помощью слова, которое я еще придумаю. Он может выглядеть очень забавно, но доверяй ему. Я не могу дать тебе особенных приказов. Среди других причин мне бы не хотелось говорить даже столько, сколько я сказал, несмотря на то что мы здесь не прослушиваемся, как нас уверяют. Делай все, что сочтешь нужным. Сильно не торопись. Даже если все откроется, ты еще можешь избежать последствий. Но и долго тоже не раздумывай. Если же ты должен будешь действовать, тогда никакого геройства, никаких спасений, не считаться ни с одной живой душой. Просто вывези эту информацию.

— Да-да, сэр.

— Звучит скорее как: «да-да, сыр», — Абрамс засмеялся. Он, похоже, расслабился. — Возможно, вся операция окажется скучной и отвратительной. Ну, что ж... повторим некоторые детали?

Позднее, когда сумерки прокрались в город, Фландри отправился в апартаменты для гостей. В коридоре было пустынно. Будет идеально, если его наглость окажется для лорда Хоксберга полным сюрпризом. Тогда легче спровоцировать гнев виконта. Однако, если это не сработает, если Персис узнает, что он приезжает, и выставит Фландри? О скандале должен узнать весь состав. У него был план, как устроить это.

Он позвонил в дверь. Через некоторое время услышал ее заспанный голос:

— Кто там?

Он помахал рукой у сканера.

— О, что случилось, лейтенант?

— Могу я войти, донна?

Она отошла, чтобы накинуть халат. Ее волосы были распущены, и она очаровательно покраснела. Он вошел и закрыл дверь.

— Нам не нужно так осторожничать, — сказал он. — Никто не наблюдает. Мой босс уехал на ночь и на добрую половину завтрашнего дня. — Он положил руки ей на талию. — Я не могу упустить такой случай.

— Я тоже, — она поцеловала его и долго не могла оторваться.

— Почему бы нам просто не спрятаться здесь? — посоветовал он.

— Мне бы очень хотелось, но лорд Оливейра...

— Позвони дворцовому, объясни, что ты недомогаешь и хочешь побыть одна до завтра. А?

— Не очень вежливо... Нет, черт возьми, я сделаю это. У нас так мало времени, дорогой.

Доминик стоял позади видеофона, пока она говорила.

Если дворецкий упомянет о прибытии Хоксберга, он должен использовать план «Б». Но этого не случилось. Персис была краткой. Она заказала еду и выпивку и повесила трубку. Доминик отключил аппарат.

— Я не хочу, чтобы нам мешали, — пояснил он.

— Замечательная идея, — улыбнулась она.

— У меня есть еще лучше.

— У меня тоже, — ответила Персис.

В ее замыслы входило подкрепиться. В кладовой посольства чего только не было, а в апартаментах находилась небольшая раздаточная, где можно было приготовить ужин, который она знала, как подать. Они начали с яиц по-бенедиктински, икры, аквавита и шампанского. Спустя несколько часов они продолжили перигордианской уткой с гарниром и бордо. Доминик слегка захмелел.

— Мой Бог, — в порыве воскликнул он, — где все это было раньше?

Персис усмехнулась.

— Я, кажется, дала тебе силы, которых хватит, чтобы начать новую карьеру. У тебя все признаки первоклассного гурмана.

— Так что у меня две причины, по которым я тебя никогда не забуду.

— Только две?

— Нет. Я просто глупец. Как минимум, миллион причин. Красота, ум, очарование — да что это я говорю без конца?

— Когда-то ведь ты должен отдохнуть. И я очень люблю слушать тебя.

— Хм? Я не слишком-то преуспел в этом. После тех людей, с которыми ты встречалась, мест, на которых побывала...

— Каких мест? — спросила она быстро, с поразительной горечью. — До этой поездки я нигде не бывала дальше Луны. А люди, хрупкие, расточительные люди, с их интригами и сплетнями, темными делами, слова, за счет которых они живут, — всего лишь слова, и так далее, и далее, и далее. Нет, Доминик, дорогой мой, ты помог мне понять, что я упустила. Ты разрушил стену, которая закрывала от меня вселенную.

«Неужели и впрямь так угодил?» — Доминик не позволил смутиться сознанию, он утопил его в роскоши этого момента.

Они лежали рядом, наслаждаясь старинной музыкой, когда дверь опознала лорда Хоксберга ипустила его:

— Персис? Послушай, где... Великий Император! — Он застыл под сводчатым входом в спальню. Персис вскрикнула и потянулась за халатом. Фландри вскочил на ноги.

«Но ведь еще темно! Что же случилось?..»

Блондин выглядел явно изменившимся — в зеленой охотничьей одежде с бластером на поясе. Его лицо потемнело под солнцем и ветром. Какое-то мгновение оно отражало удивление. Потом черты

его застыли. Глаза горели, как голубые звезды. Он положил руку на оружие.

— Так-так, — сказал он.

— Марк... — воскликнула Персис, подавшись вперед. Он не обратил на нее никакого внимания.

— Так это вы причина ее недомогания? — спросил он Фландри.

«Ну вот, приехали. Не по графику, правда, но дело все-таки стронулось». — Фландри ощущал пульсацию крови, пот бежал по ребрам. Это хуже, чем страх, он понимал, как смешно выглядит. Ему удалось усмехнуться.

— Нет, лорд, вы.

— Что вы имеете в виду?

— Вы недостаточно были мужчиной.

Живот Фландри напрягся, ощущая оружие Хоксберга. Было странно слышать при этом, как весело звучал Моцарт.

Бластер остался в кобуре. Хоксберг почти не двигался.

— Как долго это продолжалось между вами?

— Это моя вина, Марк, — воскликнула Персис, — целиком моя, — слезы текли по ее щекам.

— Нет, моя милая, — сказал Фландри, это полностью моя идея. Должен сказать, мой лорд, что вы поступили не лучшим образом, приехав без предупреждения. Что теперь?

— Теперь вы под моим арестом, шенок. Оденьтесь. Идите к себе в комнату и оставайтесь там.

Фландри с трудом повиновался. Казалось, все шло гладко, выше всяких ожиданий. Значительно выше! Хоксберг не был разъярен, казался, он был рассеян, голос его оставался спокойным.

Персис направилась к нему.

— Я тебе все расскажу, Марк, это я виновата, — плакала она.

— Отпусти его. Делай со мной что хочешь, только не с ним!

Хоксберг оттолкнул ее.

— Хватит болтать, — оборвал он, — ты думаешь, меня хоть сколько-то интересуют твои грешки, когда такое творится?

— Что случилось? — резко спросил Фландри.

Хоксберг обернулся и долго, целую минуту, осматривал его с головы до ног.

— Удивительно, если вы действительно не знаете, — сказал он наконец. — Очень удивительно.

— Мой лорд, но я действительно не знаю, — в голове у Фландри зашумело. Что-то было не так.

— Как только известие дошло до Дангодхана, мы, естественно, сейчас же прилетели обратно, — сказал Хоксберг. — В данный момент они пошли по моему приказу за Абрамсом. Но вы — какова здесь ваша роль?

«Я должен выбраться отсюда, агент Абрамса должен иметь возможность связаться со мной»

— Я ничего не знаю, мой лорд. Я пойду к себе.

— Стоп!

Персис сидела на кровати, закрыв лицо руками, и тихонько всхлипывала.

— Оставайтесь здесь, — сказал Хоксберг, доставая бластер. — Ни шагу отсюда, ясно? — Он направился в другую комнату, держа Фландри в поле зрения, и подошел к видеофону. — Хм. Отключено? — Он щелкнул выключателем. — Лорда Оливейру.

Нависло тяжелое молчание, пока сигналы летали по многочисленным выходам сканеров. Экран мигнул, и появился посол.

— Хоксберг! Какого дьявола?

— Только что вернулся, — ответил виконт. — Мы узнали о покушении на картотеку премьеры Брехдана. Покушение, похоже, было успешным. Агенту удалось скрыться. Премьер обвинил меня в причастности. Мысль слишком тривиальная. Кто-то хочет сорвать мою миссию.

— Я... — Оливейра собрался с мыслями. — Не обязательно. Земля не единственная соперница Мерсеи.

— Я говорил то же самое. А сейчас приготовьтесь действовать и составьте подробный отчет, когда получите официальную ноту. Нам надо продемонстрировать добрые намерения. Я уполномочил мерсеян арестовать командующего Абрамса. Его доставят сюда. Заключите его под стражу!

— Лорд Хоксберг! Он Имперский офицер и аккредитован в дипломатический корпус!

— Он будет задержан землянами. На основании полномочий, данных мне Его Величеством, я беру командование на себя. Никаких разговоров в кулуарах, если вы не хотите, чтобы вас освободили от занимаемой должности.

Оливейра побледнел, но поклонился.

— Очень хорошо, мой лорд. Я должен запросить разрешение на это по установленной форме.

— Вы получите его, как только мне представится случай. Следующий — этот молодой парень Фландри, ассистент Абрамса. Так получилось, что он тут у меня под рукой. Я думаю пока сам допросить его. Но приготовьте пару человек сопровождать его под арест, когда я скажу. А вы тем временем поднимите свой штат, начинайте составлять планы, объяснения и отводы и будьте готовы к визиту из иностранного отдела Брехдана.

Хоксберг повесил трубку.

— Достаточно, — сказал он. — Вы, пойдете выйдем и поговорим.

Фландри двинулся. Ночной кошмар висел над ним. В глубине его сознания мелькнула мысль: *«Абрамс был прав, не хотелось бы делать драму из этого; что с ним случится? Со мной? С Персис? С Землей?»*

— Садитесь, — Хоксберг указал бластером на кресло и тотчас направил ствол опять на Фландри. Свободной рукой он достал из

кармана плоскую коробочку. Похоже было, что он слегка расслабился, может, начал получать удовольствие от неожиданной сцены?

Фландри опустился в кресло. *«У него психологическое преимущество, он смотрит сверху, да, мы сильно недооценивали его светлость».*

Персис стояла в проходе, обхватив себя руками, глотая слезы. Глаза ее покраснели.

Хоксберг открыл щелчком коробочку — Фландри подсознательно заметил, как гравированное серебро блеснуло флюоресцентным светом, — и вставил меж зубов сигару.

— Какая у вас роль в этом представлении? — спросил он.

— Никакая, мой лорд, — произнес, заикаясь, Фландри. — Я не знаю. Я имею в виду, если... если бы я имел к этому отношение, разве был бы я здесь сегодня ночью?

— Возможно, — Хоксберг спрятал портсигар и извлек зажигалку. Он перевел взгляд на Персис. — А ты что скажешь, любовь моя?

— Я ничего не знаю, — прошептала она. — И он тоже. Клянусь тебе.

— Склонен поверить тебе, — зажигалка скрипнула и испустила пламя. — Хотя в данном случае тебя довольно-таки цинично использовали.

— Нет, он бы не сделал этого!

— Хм, — Хоксберг бросил зажигалку на стол и выпустил дым через ноздри. — Вполне возможно, что вас обоих оставили в дураках. Мы узнаем это, когда прозондируем Абрамса.

— Вы не можете так поступить! — вскричал Фландри. — Он офицер.

— На Земле, конечно же, смогли бы, мой мальчик. Я сию минуту распорядился бы провести это и рискнул бы последствиями, если бы у нас было оборудование. У мерсея, оно, конечно, есть. Если возникнет необходимость, я рискну еще больше и передам Абрамса им. Моя миссия слишком важна, чтобы заниматься крючкотворством. Вы можете нас избавить от больших неприятностей, если все расскажете, лейтенант. Если ваши показания подтвердят, что мы, земляне, непричастны... вы понимаете?

«Придумай ему историю, какую-нибудь историю, любую историю, которая отведет от тебя подозрения».

Мозги Фландри заклинило.

— Как бы мы смогли организовать это дело, — пробормотал он. — Вы же видели, какая слежка установлена за нами.

— Когда-нибудь слышали об агентах-провокаторах? Я никогда не поверю, что Абрамс поехал просто прокатиться. — Хоксберг поставил видеофон на «запись». — Начинайте сначала, продолжайте до самого конца, как закончите, остановитесь. Прежде всего, почему Абрамс выбрал именно вас?

— Ну, я... наверное, ему был нужен помощник.

«Что же произошло? Все шло так последовательно, шаг за шагом. Собственно, я так и не решил, идти в разведку или нет, но как бы там ни было, я там оказался».

Персис расправила плечи.

— Доминик проявил себя на Старкаде, — сказала она жалобно, — сражаясь за Империю.

— Прекрасная фраза, и как звучит! — Хоксберг стряхнул пепел с сигары. — Ты что, совсем потеряла голову от этого ухаря? Впрочем, не имеет значения. Может, ты заметила, что я и сам работаю на Империю? Слово «работа» звучит менее романтично, чем «сражение», но от нее больше пользы в конечном счете, да? Продолжайте, Фландри. Чего он хотел добиться? Что вы знаете об этом?

— Он... он надеялся многое узнать здесь. Он никогда не отрицал этого. Но шпионить — нет. Он не глуп, мой лорд. Его просто перехитрили. Я спрашиваю вас, как бы он мог создать эти неприятности?

— Предоставьте мне право задавать вопросы. Когда вы впервые сошлись с Персис и почему?

— Мы... я... — он видел страдание на ее лице и полностью осознавал, что значит сделать чувствительное существо чьим-то орудием. — Я виноват. Не слушайте ее. По пути...

Дверь открылась. Не было никаких сигналов, за исключением тех, которые раздались при появлении Хоксберга. Но эта штука, что проскользнула внутрь, к ней замок не был приспособлен! Персис завизжала. Хоксберг, выругавшись, отпрыгнул назад. Нечто представляло из себя опаленное и искореженное железо, из обрубленной его руки текла кровь, серая кожа туго обтягивала лицо или то, что от него осталось. Существо с грохотом упало на пол.

— Лейтенант Фландри, — позвало оно. Голос был еще слышен; но он был не контролируем и у него отсутствовал тон. Свет то появлялся, то исчезал на сканерах, которые служили этому существу глазами.

Фландри стиснул зубы: «Агент Абрамса? Надежда Абрамса разбита и умирает у моих ног?»

— Продолжай — Хоксберг тяжело дышал. В кулаке его был зажат бластер. — Поговори с ним.

Фландри змотал головой так, что растрепались его взмокшие от пота волосы.

— Говори, тебе сказано, — скомандовал Хоксберг, — или я убью тебя, а Абрамса выдам мерсеянам.

Существо, которое лежало в крови у закрытой уже входной двери, казалось, ничего не замечало.

— Лейтенант Фландри. Кто из вас Фландри? Скорее. *Мешугга*. Он велел мне сказать «*Мешугга*».

Фландри, не думая, поднялся со своего кресла и встал на колени прямо в лужу крови.

— Я здесь, — прошептал он.

— Слушайте, — голова его вращалась, глаза мигали очень ту-
ско, сервомотор гремел внутри разбитого корпуса, — запоминайте.
В картотеке о Старкаде... эти цифры. — Он прокашлял их одну за
другой в дуодецимальной системе на Эриау. Фландри запомнил их
сразу, сказала его подготовка. Ему не нужно было понимать, да
он и не понял, но и повторять не потребовалось, каждая фонема
ярко запечатлелась в его мозгу.

— Это все? — спросил Фландри не своим голосом.

— Да. Все, — рука из металлических усиков искала его, пока
он ее не сжал. — Ты запомнишь мое имя? Я был Двир Танисийский,
когда-то меня называли Веселым. Вот во что меня превратили. Я
был внедрен в ваш воздушный корабль. Меня послал командующий
Абрамс. Вот почему он ушел отсюда, чтобы вывести меня из-под
наблюдения. Но в катушку со Старкадом была введена сигнализация.
Меня подстрелили при попытке скрыться. Я бы прибыл раньше, но
сильно ослаб и время от времени отключался. Вы должны вызвать
корабль и спастись, я думаю. Запомните Двира.

— Мы всегда будем помнить.

— Хорошо, а сейчас дайте мне умереть. Если вы откроете
основную крышку, вы сможете отключить мое сердце, — голос его
дрожал, но слова еще можно было различить. — Я не могу дол-
го удерживать Сивиллу в мозгу. Он отравлен, у него кислород-
ное голодание. Клетки отмирают одна за другой. Отключите мое
сердце.

Фландри снял усики, обвившиеся вокруг его руки и потянулся
к крышке. Он почти ничего не видел и не ощущал запаха смазки
и оплавленной изоляции.

— Не двигаться, — сказал Хоксберг. Фландри не слышал его.
Хоксберг подошел ближе и пнул его. — Отойди отсюда, я сказал.
Он нам нужен живым.

Фландри выпрямился.

— Но вы не можете...

— Можем и сделаем, — у Хоксберга искривились губы, сигара
выпала изо рта прямо в растекающуюся лужу крови, — Великий
Император! Мне все ясно. Он должен был достать информацию,
передать ее тебе, а тебя бы с позором отправили домой, когда я
застал вас с Персис, — он прервался на минуту и с триумфом
посмотрел на нее, — улавливаешь, моя дорогая? Ты была не более
чем объект.

Она устремилась прочь от них, зажав одной рукой рот, другой
отмахиваясь от всего мира.

— Сивилла, Сивилла, — доносилось с пола, — ох, скорее!

Хоксберг попятился к видеофону:

— Надо вызвать медика. Если мы поторопимся, этого малого
можно будет спасти.

— Неужели вы не понимаете, — взмолился Фландри. — Эти
цифры, в них заключено что-то важное о Старкаде, а у вашей

миссии не было никакого шанса. Мы должны сделать так, чтобы наши люди узнали.

— Предоставьте мне самому беспокоиться об этом, — сказал Хоксберг. — Вам угрожает обвинение в измене.

— За то, что я пытался выручить Империю из беды?

— За саботирование официальной делегации. За попытку проводить свою политику. Вы и Абрамс подменили собой Его Величество? Ну, вам покажут...

Фландри шагнул вперед. Хоксберг вскинул бластер.

— Назад! Не успеешь моргнуть, как от тебя ничего не останется, — его свободная рука потянулась к трубке.

Фландри стоял над Двиром в день своего Страшного суда.

Персис побежала наперерез.

— Марк, нет!

— Отойди, — Хоксберг навел оружие на лейтенанта. Руки Персис обвились вокруг него. Неожиданно она схватила его за правое запястье. Она бросилась вниз, увлекая за собой бластер. — Ники! — закричала она.

Фландри прыгнул. Хоксберг ударил Персис кулаком. Удар пришелся по голове. Девушка обмякла. Но Фландри уже подоспел. Хоксберг ударил и его. Одной рукой Фландри парировал удар, а кулаком другой нанес удар в солнечное сплетение. Хоксберг согнулся, и тут Фландри ткнул ему куда-то за ухо. Ноги лорда подкосились, и он рухнул на пол.

Фландри подхватил бластер и нажал на кнопку видеофона: «Воздушный корабль к посольству,» — приказал он на Эриау.

Повернувшись, он наклонился к Двиру и открыл переднюю панель. Это и был выключатель, о котором говорил Двир. Фландри снял предохранитель.

— Прощай, друг, — сказал он.

— Одну минуту, — донеслось из механизма. — Я потерял ее. Так темно. Шум... Вот теперь...

Фландри повернул выключатель. Огоньки в глазах Двира погасли, он лежал, не шелохнувшись.

Персис, поверженная ударом Хоксберга, сотрясалась от плача. Фландри подошел и поднял ее.

— Я должен прорываться. Не исключено, что мне это не удастся сделать. Хочешь поехать со мной?

Она прижалась к нему.

— Да, да, да. Они могли бы убить тебя.

Он обнял ее одной рукой, в другой был зажат бластер, направленный на Хоксберга, который ерзал и задыхался от кашля. Изумление озарило Фландри, как свет звезды.

— Почему ты помогла мне? — спросил он тихо.

— Я не знаю. Забери меня отсюда!

— Хорошо!.. Может быть, я сделал что-то значительное для людей, если эта информация действительно важная, а, похоже, так

оно и есть... Иди, надень платье и туфли. Причешись. Найди мне чистую пару брюк. Эти все в крови. Скорей. — Она обхватила его еще крепче и всхлипнула. Он похлопал ее. — Быстренько, я сказал. Или я буду вынужден тебя оставить.

Она побежала. Он ткнул Хоксберга ногой.

— Вставайте, мой лорд.

Хоксберг поднялся на колени.

— Вы сумасшедший, — выговорил он, хватая воздух ртом. — Неужели вы серьезно рассчитываете спастись?

— Я серьезно рассчитываю попытаться. Давайте мне ваш пояс с кобурой, — Фландри надел пояс на себя. — Мы пойдем к кораблю вместе. Если кто-нибудь о чем-то спросит нас, вы удовлетворитесь моей версией и скажете, что я принес вам известия, которые не могут ждать, и мы направляемся лично доложить мерсеянским властям. Как только я замечу что-нибудь неладное, я начинаю стрелять, и вы будете первым, кто получит заряд бластера. Ясно?

Хоксберг потер синяк за ухом и посмотрел со злостью на него. Фландри отбросил все сомнения, жажда деятельности обуяла его. Адреналин пел в его венах. Никогда он не воспринимал все так остро: эту сверхэлегантную комнату, сверкающие злостью глаза напротив него, очаровательные движения Персис, появившейся в огненно-красном платье, аромат пота и ярости, вздохи вентилятора, жар под кожей, перекачивание мышц, угол, образованный локтем Хоксберга, куда он нацелил свое оружие... Черт возьми, он был жив!

Сменив брюки, он сказал:

— Поехали, вы первый, мой лорд. Я буду идти сзади на расстоянии шага, как и подобает моему чину. Персис — рядом с вами. Наблюдай за его лицом, дорогая. Он может попытаться предупредить их. Если у него из носа вылетит сигнальная ракета с просьбой о помощи, скажи мне, и я дам ему пинка.

Ее губы дрогнули.

— Нет, ты не можешь так поступить. Только не с Марком.

— Он только что мог поступить так со мной. Мы уже ввязались, кстати сказать, в не очень благородную игру. Если он будет хорошо себя вести, он останется жив. Может быть. Вперед!

Когда они выходили, Фландри отдал честь тому, кто лежал на полу, посмотрел на него в последний раз из коридора, и дверь закрылась за ними. За углом им встретилась пара молодых сотрудников, направлявшихся в их сторону.

— Все в порядке, мой лорд? — спросил один из них. Рука Фландри потянулась к кобуре. Он громко прочистил горло.

Хоксберг кивнул.

— Направляемся на Афон, — сказал он. — Срочно. С этими людьми.

— В апартаментах секретный материал, — добавил Фландри, — не входите и присмотрите, чтобы другие не вошли.

Он ощущал их взгляды, они, как пули, впивались ему в спину. Действительно ли удастся ему выбраться отсюда? Возможно. В конце концов, посольство — не полиция и не военный центр и не приспособлено технически к насилию, хотя, правда, все-таки совершает насилие для подавления других. Опасность лежала за его пределами. Конечно, уже сейчас за этим местом наблюдали. Двиру каким-то чудом удалось пробраться незамеченным.

Их вновь остановили в холле и вновь им удалось пройти, обменявшись словами на ходу.

Густой сад, покрытый росой, сверкал под Литиром и серпом Нейхевина. Воздух был прохладным. Он трепетал от отдаленного шума машин. Прибыло быстроходное судно Абрамса.

«Господи, я вынужден оставить его здесь!»

Судно опустилось на посадочную полосу, двери открылись. Он быстро завел их внутрь и включил свет. — Сядьте на консоль, — приказал он пленнику, — Персис, принеси полотенце из носовой части. Мой лорд, мы намереваемся прорваться сквозь их кордоны безопасности. Что-то надо им сказать. Поверят они, что мы мирно-любиво направляемся в Дангодхан?

Хоксберг скривил лицо.

— Когда там нет Брехдана? Не будьте смешным. Кончайте комедию и облегчите свое положение.

— Так мы его, пожалуй, усложним. Когда они свяжутся с нами, скажите, что мы едем к вашему кораблю, чтобы взять какую-нибудь вещь, которую вам надо показать Брехдану в связи с этим инцидентом.

— Вы думаете, они поверят этому?

— Думаю, что да. Мерсеяне не так строго придерживаются правил, как земляне. Им кажется, что благородному начальнику свойственно действовать по своему усмотрению, не заполняя сначала двадцать различных справок. Если они нам не поверят, я отключаю замки безопасности и иду на таран с их флайером. Так что будьте паинькой. Персис, дай полотенце, я свяжу ему руки... Не сопротивляйтесь, или я избью вас.

Тут он осознал, что значит сила и власть, как они действуют. Когда владеешь инициативой, у противника срабатывает инстинкт подчинения, если у него нет самообладания. Но ни на секунду не следует ослаблять давление.

Хоксберг сел на свое место и не причинял никакого беспокойства.

— Ты не сделаешь ему больно, Ники? — умоляла Персис.

— Нет, если я смогу этого избежать. Разве у нас было недостаточно неприятностей? — Фландри сел в кресло пилота. Судно взмыло вверх.

Со стороны консоли донеслось жужжание. Фландри замкнул цепь. С экрана на них смотрел мерсеянин в униформе. Он видел только верхнюю часть их тел.

— Стоп! — приказал он. — Служба безопасности.

Фландри слегка подтолкнул Хоксберга. Виконт произнес:

— Э... мы должны слетать к моему кораблю...

Ни один человек не удовлетворился бы ответом, так неуверенно произнесенным. Этого не было достаточно и для мерсеян, разбирающихся в тонкостях человеческого поведения. Но здесь был всего лишь офицер планетарной полиции, назначенный сюда, потому что он оказался на дежурстве во время чрезвычайной ситуации. Фландри рассчитывал на это.

— Я проверю, — сказала зеленое лицо.

— Неужели вы не понимаете? — настоял Хоксберг. — Я дипломат. Сопровождайте, если хотите, но вы не имеете права задерживать нас. Поезжайте, пилот.

Фландри нажал на гравитаторы. Корабль резко пошел вверх. Ардайг лежал далеко внизу, мерцающая паутина, пятно света. Повернувшись к экранам заднего обзора, Фландри заметил два темных объекта, циркулирующих рядом и неотступно следующих за ним. Они были меньше размером, чем их судно, но у них — броня и вооружение.

— Прекрасная работа под конец, мой лорд, — сказал он.

Хоксберг быстро восстанавливал спокойствие.

— Вы и сами неплохо поработали, — ответил он. — Я начинаю понимать, почему Абрамс считает вас перспективным.

— Спасибо, — Фландри сконцентрировал внимание, чтобы набрать скорость. Противоакселераторное поле было не совсем точно настроено, тяжесть ускорения сильно ощущалась, и, если бы не компенсация, ему вряд ли удалось вздохнуть.

— Но все равно из этого ничего не выйдет, — продолжал Хоксберг, — информация быстро летает туда и сюда. Нашему эскорту прикажут повернуть нас обратно.

— Надеюсь, не прикажут. На их месте я бы вспомнил, что «Маргарита» была объявлена мерсеянским пилотом безоружным мирным судном. Я бы держал наготове свои силы и смотрел, что они будут делать. В конце концов Брехдан должен был убедиться в вашей искренности.

Ардайг скрылся из вида. Горы и долины сияли под лунным светом, облака белым одеялом накрывали планету. Завывание воздуха становилось все тоньше и затем смолкло. Звезды, по-видимому, ясные, проносились мимо них.

— Чем больше я думаю об этом, — сказал Хоксберг, — тем больше мне хотелось бы, чтобы вы были на моей стороне, ибо я прав. Миру нужны умные люди еще больше, чем войне.

— Давайте сначала установим мир, а? — пальцы Фландри барабанили по клавишам компьютера. Как что-то совершенно обычное, он запомнил шесть элементов космической орбиты вокруг Мерсей. Пертурбация не представляла пока большой разницы.

— Это как раз то, что я пытаюсь сделать. Я говорю вам, мы

можем его достичь. Вы слушали этого фанатика Абрамса. Дайте и мне, в свою очередь, сказать.

— Конечно, — Фландри слушал вполуха. — Начните с объяснения, почему Брехдан не раскроет тайну Старкада.

— Вы думаете, у нас нет секретов? Брехдан должен защищать себя. Если мы будем нагнетать ненависть и страх, конечно, мы придем к страшной войне.

— Если Землю загонят в угол, я согласен с вами, мой лорд, она сожжет все и вся дотла.

— Вы когда-нибудь смотрели на это с точки зрения мерсеян?

— Я не сказал, что мы поступим мудро, если не оставим им выхода, кроме как попытаться уничтожить нас, — Фландри пожал плечами, — но это, пожалуй, для государственных деятелей, как мне говорили... Я только работаю здесь. Пожалуйста, помолчите и дайте мне высчитать посадочную кривую.

Корич пылал уже где-то на краю планеты. Восход был золотым и аметистовым, усыпанный мириадами звезд.

Вновь зажужжало переговорное устройство.

— Дальновидные, — сказал мерсеянин, — вы можете находиться на своем корабле очень недолго, и мы будем сопровождать вас.

— Сожалею, — сказал Хоксберг, — это совершенно невозможно! Я еду за материалом, который предназначен только для одного Протектора Брехдана. Вы можете войти, как только он будет у меня на судне. И сопроводить меня прямо в Замок Афон.

— Я передам ваши слова моему начальнику и подожду решения.

— Отключились, — сказал Хоксберг.

— Ты замечательный! — воскликнула Персис.

Хоксберг громко рассмеялся.

— Только не воображай, что твой пылкий молодой герой вовлек меня в это предприятие своим священным порывом. И серьезно: я полагаю, что вы рассчитываете сбежать на вспомогательном судне. Это исключено. Космический патруль настигнет вас задолго до того, как вы сможете перейти на гипертягу.

— Если только я ее сразу не включу, — сказал Фландри.

— Но, черт возьми, парень! Ты же знаешь концентрацию вещества. Она близка к солнечной. Если в корабль попадет мельчайший камешек...

— Мы должны рискнуть. Обстоятельства будут благоприятствовать нам, особенно если мы нормально выйдем из плоскости эклиптики.

— Вас засекут, ведь вы будете в пределах досягаемости в течение одного светового года. Более мощный корабль может настигнуть вас. И настигнет.

— Это не ваше дело, ведь вас там не будет, — сказал Фландри. — Не мешайте, я занят.

Прошло несколько минут. Он едва заметил, когда им позвонили и разрешили процессии Хоксберга пройти на корабль одним. Он

обосновал причины, почему им позволили это сделать: на «Маргарите» никого нет, и она не вооружена; двум-трем человекам понадобилось бы несколько часов, чтобы завести ее; за это время любой военный корабль, который окажется под рукой, может взорвать ее.

«Должно быть, Хоксберг искренен. Пусть будет по его. И посмотрим, что получится», — подумал Фландри.

Огромный конический цилиндр появился в поле зрения. Фландри связался с компьютерами и машинами, находящимися внутри. Шлюзы корабля широко открылись, и он проскользнул внутрь. Шлюзы закрылись, воздух устремился в башню. Фландри заглушил мотор и поднялся.

— Я вынужден обезвредить вас, мой лорд, — сказал он. — Вас обнаружат, когда войдут сюда.

Хоксберг посмотрел на него оценивающе.

— Вы не передумали? — спросил он. — Земля не должна терять таких, как вы.

— Нет, извините.

— Предупреждаю вас, вы будете объявлены вне закона. Я не собираюсь сидеть сложа руки и смотреть, как вы исчезаете. После всего того, что случилось, лучший способ продемонстрировать свою честность — это вместе с мерсеянами помешать вам.

Фландри потянулся к бластеру. Хоксберг сказал:

— Убив меня, вы лишь ненадолго оттянете это дело.

— Не бойтесь! Персис, дай еще три — четыре полотенца. Ложитесь, мой лорд.

Хоксберг сделал так, как ему велели. Посмотрев на девушку, он сказал:

— Не впутывайся в это. Останься со мной. Я скажу, что ты тоже была пленницей. Ненавижу, когда убивают женщин.

— Да, здесь их не так уж и много, будет лучше, если ты так и поступишь, Персис, — согласился Фландри.

Некоторое время она стояла не шелохнувшись.

— Ты хочешь сказать, что простил меня, Марк? — спросила она.

— Ну да, — ответил Хоксберг.

Она наклонилась и легонько поцеловала его.

— Кажется, я верю тебе. Но нет, спасибо. Я уже сделала свой выбор.

— После того как твой дружок обошелся с тобой?

— Он вынужден был так поступить. — И Персис помогла быстро связать Хоксберга.

Вместе с Фландри она покинула корабль. Звуки их шагов отдавались эхом в освещенных переходах. Им не надо было далеко идти, чтобы попасть в другую башню. Стройный корпус главного вспомогательного судна неясно вырисовывался над ними. Фландри знал эту модель: чудесная вещь, прочная и универсальная, с запасами топлива и еды, которых хватит на путешествие в несколько

сот парсеков. И очень быстроходное судно! Не то чтобы оно могло обогнать обычный боевой корабль... преследование — дело долгое, а у Фландри было несколько идей по поводу того, что сделать, если враг подойдет близко.

Он быстро проверил системы. Вернувшись из контрольного помещения, Фландри обнаружил Персис в кресле второго пилота.

— Я не помешаю тебе? — робко спросила она.

— Как раз наоборот, — ответил он, — только ничего не говори, пока мы не войдем в гиперрежим.

— Хорошо, — пообещала она. — Я ведь не полный ноль, Ники. Если ты танцовщица из низшей касты, то быстро научишься выживать. Космос — другое дело, конечно. Но это первый раз, когда я что-то сделала для других, а не для себя. Очень хорошее ощущение. Страшно, конечно, но хорошо.

Он провел рукой по ее спутанным темным волосам, гладкой щеке и утонченному профилю. Пальцы коснулись подбородка, и он поцеловал ее в губы.

— Не знаю, как тебя благодарить, — прошептал он. — Я делал это главным образом из-за Макса Абрамса. Мне было бы очень жаль и неуютно лететь одному с его призраком. А сейчас у меня есть для кого жить. Это ты!

Он сел. Почувствовав его прикосновение, мотор проснулся.

— Поехали, — сказал Фландри.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Рассвет занялся над Ардайгом. Из башни на горе Эйд литавры посылали свои древние молитвы. Тень от здания Адмиралтейства легла поперек Ойсса, она отливала синевой в тумане, скрывающем раннее движение на реке. На суше же черные тени поглотили Замок Афон.

И все-таки Брехдан Айронрид решил принять землян здесь, а не в своем новом гнезде.

«Он потрясен, — думал Абрамс. — Он быстро оправился, но ему нужна помощь предков».

Войдя в зал для аудиенций, человек обычно был ошеломлен, как будто попадал в сон. Ему требовалось время, чтобы понять то, что он видит: пропорции длинного мощеного пола, высоких стен, узких окон, скругленных сверху и снизу; зубчатые своды под потолком были неправильными по земным канонам, но в то же время обладали своим собственным «порядком». Маски в рыцарских доспехах ухмылялись, как демоны. Рисунки на выцветших гобеленах и шуршащих боевых знаменах не содержали никакой человеческой символики. Потому что это был Старый Вилвидх, когда машины еще не сделали все одинаковым, стандартным. Это был кладезь Мерсеи. Нужно было увидеть подобное место, чтобы окончательно понять, что мерсеяне никогда не станут родственной землянам расой.

«Жаль, что здесь нет моих предков», — подумал Абрамс.

Вместе с молчащим Хоксбергом он приближался к помосту. Гулко звучали их шаги. В воздухе пахло фимиамом. Абрамс вспомнил Дайану.

«У меня тоже есть место в космосе, не надо забывать об этом».

Под вырезанным из черного дерева драконом в черной мантии ожидал их Владыка Вах Инвори. Мужчины поклонились ему. Он поднял короткое копьё и ударил им о пол, приветствуя их. Он сказал резко:

— Свершилось злое дело.

— Какие новости, сэр? — спросил Хоксберг. Глаза его ввалились, уголок рта охватил нервный тик.

— По последним данным, истребитель блокировал детекторную систему Фландри на гиперволне. Он может поймать его, но на это потребуется время. А между тем оба корабля ушли за пределы досягаемости.

— Я выражаю, Протектор, мое глубочайшее сожаление. И выдвигаю обвинение против этого преступника. Если его поймают живым, с ним можно обращаться, как с обычным пиратом.

«Да, — подумал Абрамс, — его выжмут да еще и протащат через гипнозод, хорошо хоть он не знает никаких жизненно важных военных секретов. А его свидетельские показания обо мне не сделают мое положение хуже, чем сейчас; Господи, пусть уж лучше его сразу убьют».

— Мой лорд, — сказал он, — вам и Владыке я выражаю официальный протест. Доминик Фландри выполняет императорское поручение. Как минимум, он должен предстать перед трибуналом. Но его дипломатическая неприкосновенность не может быть отменена простым приказом.

— Он был аккредитован не правительством Его Величества, а мной лично, — раздраженно сказал Хоксберг. — То же самое касается и вас, Абрамс.

— Успокойтесь, — приказал ему Брехдан.

Хоксберг с изумлением смотрел на массивное зеленое лицо, выражавшее полное спокойствие. Брехдан остановил свой взгляд на Абрамсе.

— Командующий, — сказал мерсеянин, — когда прошлой ночью вас задержали, вы заявили о том, что у вас есть информация, которую я должен лично услышать. Когда мне это передали, я согласился. Вы хотите поговорить наедине?

«Так, началось, я как-то хвалился Доминику, что ни при каких обстоятельствах не удастся вытащить из меня ни слова, а если удастся, то они заплатят за это; ну вот, сейчас я совершенно безоружен, чтобы оправдать хвастовство. Моим бедным мозгам придется поработать, мне нельзя попасть в камеру для допросов».

— Я благодарю Владыку, — сказал Абрамс, — но дело касается и лорда Хоксберга тоже.

— Говорите прямо, сейчас не время для околичностей.

Сердце Абрамса бешено колотилось, но говорил он спокойно:

— Все дело в законе, Владыка. По Альфзарской конвенции Мерсея подтвердила принятие правил войны и дипломатии, которые развивались и действуют на Земле. Вы их переняли, и это говорит о том, что они действуют. Если же вы сейчас хотите объявить нас персонами нон грата и отослать, у правительства Его Величества не будет оснований для претензий. Но принимая любые другие действия против нас, вне зависимости от источника нашей аккредитации, вы дадите повод для разрыва отношений, если — не для войны.

— Дипломатический персонал не имеет права заниматься шпионажем, — сказал Брехдан.

— Но, Владыка, предполагается также, что и правительство, к которому они посланы, не будет шпионить за ними. Фактически Двир Крюк был внедрен ко мне в качестве шпиона. Едва ли это дружественный акт, Владыка, тем более в преддверии переговоров. Так получилось, что его симпатии лежали на стороне землян...

Брехдан слегка улыбнулся:

— Я не верю, что так получилось, командующий. У меня такое впечатление, что ваши маневры были предприняты для того, чтобы известить его, где вы выйдете с ним на связь. Примите мои комплименты вашему искусству.

— Владыка, правительство Его Величества будет возражать против таких утверждений.

— Как смеете вы говорить за Империю! — взорвался Хоксберг.

— А как смеете вы, мой лорд! — ответил Абрамс. — Я всего лишь делаю прогнозы, а согласится Владыка или нет — это совсем другое дело.

Брехдан потер подбородок.

— Обвинения и контробвинения. Возражения и контрвозражения...

— Да, без сомнения.

— Как вы думаете, что предпримет Империя?

— Это компетенция Министерства Политики, Владыка. И что оно решит, зависит от ряда факторов, включая и настроения. Если курс, выбранный Мерсеей, покажется разумным, Земля будет склонна ответить соответствующим образом.

— Я полагаю, что разумный курс для нас подразумевает и отказ от взаимных обвинений, — сухо сказал Брехдан.

Абрамс развел руками.

— Ну, что еще? Нужно ли говорить, что Двир и Фландри действовали импульсивно, без моего ведома? И разве мы не поступим мудро, если не будем из-за них затрагивать честь целых планет?

— М-м... Да, хорошо сказано. Хотя, честно говоря, я разочарован в вас. Я бы следил за своими подчиненными.

— Владыка, то, что случилось с Фландри, уже ни вы, ни я не контролируем. Он и его преследователи ушли далеко за пределы досягаемости, и связи с ними нет. Может, это звучит высокопарно, но я все же хочу послужить Империи!

— Это мы еще посмотрим, — злобно сказал Хоксберг.

— Я просил вас помолчать, — произнес Брехдан. — Нет, командующий, на Мерсее ваши слова совсем не высокопарны, — он склонил голову. — Мое почтение. Лорд Хоксберг меня очень обяжет, если будет считать вас невиновным.

— Сэр, — запротестовал виконт, — его обязательно надо держать под домашним арестом в посольстве, пока мы находимся здесь. Что случится с ним по возвращении, будет зависеть от того, как он служил, от его правительства.

— Я настоятельно прошу командующего остаться с персоналом, — сказал Брехдан. Он подался вперед всем телом. — А сейчас, посланник, пришла ваша очередь. Если вы хотите продолжать нынешнее обсуждение, то и мы — тоже. Но есть ряд неперемennых условий. Волей случая Фландри может спастись, а он владеет военным секретом. Таким образом, мы должны отправить быстроходного курьера в ближайшие региональные штаб-квартиры землян с нашим общим донесением. Если Земля откажется от него и будет вместе с Мерсеей участвовать в его задержании или уничтожении, тогда она докажет свое искреннее желание мирных отношений, и Великий Совет Его Высочества будет рад внести соответствующие коррективы в свою политику. Вы приложите к этому свои усилия?

— Конечно, сэр! Конечно!

— Земная Империя, однако, очень далеко, — продолжал Брехдан. — Я не думаю, что Фландри направится к ней. Наши патрули для страховки перекроют наиболее вероятные маршруты. Но ближайшая база землян находится на Старкаде, и если ему каким-то образом удастся ускользнуть от нашего истребителя, я думаю, он наверняка полетит туда или на Бетельгейзе. Этот район обширен и неизвестен, так что у наших разведывательных кораблей будет ничтожный шанс перехватить его, пока он не окажется поблизости от места своего назначения. Следовательно, если он уйдет от преследования, я бы хотел охранять его подходы к месту назначения. Но поскольку у моего правительства не больше желания раздувать конфликт, чем у вашего, вы должны сообщить своему командованию, что эти корабли не представляют никакой угрозы для них и не нужно им высылать подкрепление. Пожалуй, лучше даже, если они будут содействовать нам. Вы подготовите для них такие приказы?

— Немедленно, сэр, — сказал Хоксберг. Надежда возвращала его к жизни. Он совершенно не обращал внимания на взгляд Абрамса.

— Скорее всего это окажется ненужным, — сказал Брехдан. — Истребитель предполагал настигнуть его в течение трех дней. Ему

понадобится еще немного времени, чтобы доложить нам об исполнении задания. Мы могли бы пока быть спокойными так же, как и правительство Его Величества, а сейчас нам лучше приняться за работу. Проводите меня, пожалуйста, в соседний офис, — он поднялся и на секунду остановил свой взгляд на Абрамсе.

— Командующий, — сказал он, — ваш молодой человек заставляет меня гордиться тем, что я разумное существо. Подумать только, чего могли бы достичь наши расы, если бы объединились! Удачной охоты.

Абрамс не мог говорить. Его душили слезы. Он поклонился и вышел. В дверях мерсеянская охрана встала по обе стороны от него.

Обзорные экраны были заполнены звездами, беспощадно яркими на фоне бесконечной космической ночи. Космический корабль монотонно гудел, набрав скорость.

Фландри и Персис только что закончили свою работу. Она подавала ему инструменты, еду — все, что только могла, чтобы угодить Фландри. В бесформенном комбинезоне, с волосами, схваченными шарфом, с масляным пятном на носу, она была более желанна, чем прежде. А может, так было просто потому, что рядом ходила смерть?

Мерсеянский истребитель давно уже, век тому назад, передал приказ остановиться, когда вошел в зону гипервибрационной досягаемости. Фландри не подчинился.

— Тогда приготовьтесь отдать Богу душу, — сказал капитан истребителя и отключился. Минуту за минутой, час за часом он следовал за ними, пока приборы не засигналили о его приближении.

Персис схватила Фландри за руку. Ее рука была ледяной.

— Я не понимаю, — сказала она тонким голосом, — ты говорил, что он может выследить нас по нашему волновому следу. Но космос так велик. Почему бы нам не перейти на подсветовую скорость? Тогда пусть он нас ищет.

— Он слишком близко, — сказал Фландри. — Даже и тогда был уже близко, когда мы узнали, что он у нас на хвосте. Если мы отключим вспомогательные мощности, он сразу поймет, где мы находимся, ему понадобится пролететь совсем немного, чтобы увидеть нейтринный след нашего двигателя.

— А мы не можем его тоже отключить?

— Не пройдет и одного дня, как мы погибнем. Все зависит от этого. Нам останется лишь гадать, что произойдет раньше: задохнемся мы или замерзнем. Если бы у нас было оборудование для поддержания жизни в отключенном состоянии, но у нас его нет. Это не военный и даже не исследовательский корабль. Это лишь небольшое спасательное судно, которое «Маргарита» могла тащить на себе.

Они направились в комнату контроля.

— Что же случится? — спросила она.

— Ты имеешь в виду теоретически? — Он был признателен ей за то, что она дала ему возможность поговорить. Когда он молчал, тишина давила на него. — Смотри, мы летим быстрее света, совершая великое множество квантовых скачков в секунду, которые не пересекают промежуточного контакта пространства. Можно сказать, что большую часть времени мы находимся вне действительной Вселенной, хотя мы в ней — так долго, что не замечаем разницы. Наш «друг» должен попасть в ту же, что и у нас, фазу. То есть, настроить свои квантовые скачки на ту же частоту и тот же фазовый угол, что и у нас. Это делает каждый корабль весьма солидным объектом для другого, как будто они двигаются на обычной гравитационной передаче с обычной скоростью, а не со сверхсветовой.

— Но ты говорил что-то о поле.

— Ах, это. Ну, что заставляет нас совершать квантовые скачки? Это — пульсирующее электромагнитное поле, генерируемое вспомогательным двигателем. Поле окружает нас в виде сферы с определенным радиусом. Насколько велик радиус и на массу какой величины он может воздействовать, зависит от мощности генератора. Большой корабль может идти бок о бок с меньшим, схватить его своим полем и буквально тащить в своем поле. Именно так и происходит большинство операций по захвату и взятию на бордаж. Но истребитель не настолько велик по сравнению с нами. Ему не нужно подходить так близко, чтобы наши поля пересекались. Иначе его лучи и артиллерия не смогут поразить нас.

— А почему мы не сменим фазу?

— Стандартный боевой прием. Я уверен, наши «друзья» ожидают от нас именно этого. Но одна сторона может сменить фазу так же быстро, как и другая. Затем последуют бесконечные расчеты схем маневров противника. Рано или поздно оба вернутся в фазу и будут в ней достаточно долго, чтобы оружие могло поразить цель. Нет, мы поступим иначе. Наш единственный шанс — это то, над чем мы работали.

Она прижалась к нему. Он чувствовал, что она дрожит.

— Ники, мне страшно.

— Думаешь, мне не страшно? — губы их были совершенно сухими, когда слились в поцелуе.

— Давай, пошли по местам. Если мы прорвемся, Персис, о лучшем попутчике я не могу и мечтать.

Они сели, и Фландри, не смея оставаться серьезным, добавил:

— Нам, конечно, не быть долго вместе, но у тебя есть билет до рая, я же, без сомнения, отправлюсь в другом направлении.

Она снова сжала его руку.

— Я тоже. Т-т-т так легко от меня не отделаешься.

Раздались сигналы тревоги. Тень пересекла звезды. Она стала увеличиваться, когда улучшилась фазировка. Тень приняла очертания торпеды, затем отчетливо стали просматриваться орудийная

башня и ракетные установки. Фландри приложил глаз к окуляру своего импровизированного прицельного телескопа. Пальцы его лежали на кнопке. От нее тянулись провода.

Мерсеянский истребитель стал полностью виден ему. Звездный свет блеснул на металле. Фландри знал, насколько тонок этот металл. Сидовые экраны многое отражали, но ничто не могло защитить от ядерного взрыва: ничто, кроме скорости, с помощью которой можно оторваться, но для этого нужна малая масса. Что ни говори, а он чувствовал себя так, как будто его преследует динозавр.

Истребитель приближался, увеличиваясь на экранах. Зная, что его жертва безоружна, он двигался спокойно и осторожно, на всякий случай, чтобы иметь возможность увернуться. Правая рука Фландри потянулась к переключателю передач... Так... так... Он продвинулся чуть вперед, к зоне, где, как он знал, должны быть моторы истребителя.

Замигал индикатор. Гиперполя слегка соприкоснулись в первый раз. Через секунду их контакт будет достаточно прочным, чтобы выстрелить лучом или ракетой. Персис, следившая, как он учил, за показаниями на приборной доске, прокричала:

— Давай!

Фландри переключился на тормозной вектор. Не имея оборудования и компьютеров боевого корабля, он прикинул на глазок, каким должен быть его удар, и нажал на кнопку.

На экране истребитель проскочил вперед относительно него. Из открытого люка корабля Фландри вылетело вспомогательное судно, предназначенное для полетов в атмосфере, но способное передвигаться за счет импеллеров везде, где существовала гравитация. Поля вступили в контакт сразу же. На высокой относительной скорости псевдо- и кинетической, судно протаранило истребитель.

Фландри не видел, что произошло. Он моментально сменил фазу и сконцентрировал внимание на том, чтобы поскорее избавиться от этого чертова соседства. Если все сработало так, как он надеялся, его воздушное судно прошло обшивку мерсеянина с разрушительной скоростью несколько километров в секунду. В пространстве просветили обломки, плоть, соединения двигателя. Истребитель не был разбит окончательно. После такого удара его можно было еще починить. Но прежде чем корабль станет дееспособным, Фландри будет за пределами досягаемости. Если он станет уходить зигзагами, его вряд ли найдут.

Он мчался среди звезд. Часы отсчитывали одну минуту, две, три, пять. Он перевел дух. Персис расплакалась. По прошествии десяти минут он почувствовал, что может перейти на автопилот, откинулся и прижал ее к себе.

— Получилось, — прошептал он. — Сатана на Сириусе! Какая-то жалкая калоша сделала это военное судно.

Затем он вскочил со своего сиденья и, радостно вскрикивая, начал прыгать, пока корабль не загудел.

— Мы победили! Та-ран-тул! Мы победили! Открой шампанское! На этой посудине в продовольственных запасах должно быть шампанское! Господи! Слава тебе! Ты милостив к нам! — Он увлек Персис и закружил ее в танце. — Ну, давай! Мы победили! Кружите вашу даму! Я восхищен, я восхищен, я восхищен!

Наконец он успокоился. К этому времени Персис взяла себя в руки. Она выскользнула из его рук и предупредила:

— До Старкада очень далеко, дорогой, и в конце пути поджидает опасность!

— А-а-а, — сказал Доминик, — но ты забываешь, что это только начало нашего путешествия.

По ее устам скользнула улыбка:

— Что вы имеете в виду, сэр?

Он ответил лукаво:

— Что Старкад очень далеко.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Саксо сверкало белизной среди звезд. Но все-таки оно было так далеко, что другие светила затмевали его. Ярче всех выделялась Бетельгейзе. Взгляд Фландри остановился и застыл на этой бордовой искре. Он уже много минут сидел за пультом управления пилота, подперев подбородок рукой; были слышны только гул мотора и урчание вентиляторов.

Персис вошла в кабину управления. Во время полета она пыталась импровизировать с запасами одежды. И хотя одежда эта была сугубо практичной, ей удалось добиться очаровательных перемен в своих туалетах. Главным образом, вот как и сейчас, она выбирала шорты, в основном из-за карманов. Ее волосы, темные и искристые, как космос, были распущены. Когда она склонялась над его плечом, локон щекотал ему шею, и он ощущал ее легкий солнечный аромат. Но на этот раз Фландри никак не отреагировал.

— Что-нибудь не так, дорогой? — спросила она.

— Да нет, это не работа, это все проклятая неопределенность, — проговорил он с отсутствующим видом.

— Ты имеешь в виду — куда лететь?

— Да. Надо решить этот вопрос. Саксо или Бетельгейзе?

Он обстоятельно обсуждал все аргументы, пока она не запомнила их наизусть. И тем не менее он начал говорить вновь о том, что нужно выбрать одно из двух: «Мы не можем укрыться на какой-нибудь неизвестной планете. Империя слишком далеко. Ежедневные полеты увеличивают шансы мерсеян обнаружить наш след. Как только они узнают, что нам удалось спастись, а может быть, даже и раньше, они пошлют во всех направлениях курьеров — любой корабль, который может опередить нас на нашем маршруте, пока мы потихоньку пробираемся. Их корабли наверняка рыскают в этих районах.

Саксо, конечно, ближе, но есть одно соображение против того, чтобы направиться туда — они могут тщательно наблюдать за системой, не используя открыто боевые корабли. Любое быстроходное большое торговое судно в состоянии «поглотить» нас, а его команда может зайти к нам на борт с оружием. Опять же, если бы мы были в пределах слышимости, я мог бы поднять земную штаб-квартиру на Старкаде и передать им информацию, которую мы доставляем. Тогда мы могли бы надеяться, что мерсеянам не будет больше смысла преследовать и уничтожать нас. Но все это ужасно сомнительно.

А Бетельгейзе — это держава, не входящая ни в один блок и очень ревностно соблюдающая свой нейтралитет. Иностранные патрули должны сохранять дистанцию, рассредотачиваясь так редко, что мы могли бы и проскочить. Как только мы прибыли бы на Альфзар, мы доложили бы об этом послу Земли. Но бетельгезийцы не позволят нам войти в их систему инкогнито. У них есть свои патрули. Мы должны будем пройти всю процедуру продвижения, начиная от орбитального радиуса наиболее удаленной от центра планеты. А мерсеяне могут по мониторам засечь наши переговоры. Их истребитель стремительно рванется и собьет нас.

— Они не посмеют! — сказала Персис.

— Милая моя, они посмеют сделать практически все, потом извинятся. Ты не представляешь, что поставлено на карту.

Она присела рядом с ним.

— Потому что ты мне не говоришь.

— Правильно!

Он докапывался до истины. Час за часом, по мере того как они пролетали сквозь владения Мерсеи, он сидел, склонившись над листом бумаги с карандашом и калькулятором, и усиленно работал. В их полете не было ничего драматичного. Он просто проходил в тех районах, где, предположительно, их враги редко появлялись. С какой стати существом, у которых биологические потребности очень схожи с человеческими, уходить от тускло-красной карликовой звезды к беспланетному голубому гиганту или гаснущему Сефейду? У Фландри было достаточно времени для работы.

Персис как раз жаловалась на отсутствие внимания к ней, когда неожиданно к нему пришло открытие.

— Ты мог бы поговорить со мной.

— А я что делаю? — пробормотал он, не поднимая глаз от стола. — Я и любовью с тобой занимаюсь. И то, и другое я делаю с удовольствием. Но только не сейчас, ради Бога!

Она плюхнулась в кресло.

— Ты помнишь, что у нас есть для развлечений на корабле? — спросила она. — Четыре фильма: «Марсианская эпопея», какая-то нудная комедия, речь Императора и «Лунная опера» в двадца-

титоновой шкале. Два романа: «Стрелок вне закона» и «Планета греха». Я все их запомнила наизусть. Они уже сняты мне. Есть флейта, на которой я не могу играть, и набор инструкций по эксплуатации...

— Хм, у-у-у, — он пытался составить числа Брехдана в различной последовательности. Было нетрудно перевести их из мерсеянской математики в земную. Но к чему эти дьявольские символы относились? Углы, время, некоторые величины, без определенных измерений... Обороты? Чего? Ведь не Брехдана... не может быть такой удачи.

Нечеловека можно было озадачить подобным образом — чем-нибудь таким земным, ну, например, периодической таблицей изотопов. Он ведь не знает ничего: ни какие свойства из великого множества указываются, ни стандартного порядка, в котором даны квантовые числа, ни того факта, что логарифмы — десятичные, пока «Е» явное, ни многого другого, что ему нужно было бы знать, прежде чем он мог догадаться, что означала таблица.

— Тебе-то не нужно самому решать эту проблему, — надулась Персис, — ты сам мне говорил, что эксперт может сходу определить их значение. Ты просто прикидываешься...

Фландри в раздражении поднял голову.

— Может быть, для нас чертовски важно знать это. Мы хоть будем представлять, чего ожидать. Надо же выйти из тупика: «Как может Старкад так много значить? Одна маленькая заброшенная планета?»

И вдруг его осенило. Он застыл, устремив во вселенную такой безумный взгляд, что Персис испугалась.

— Ники, в чем дело?

Он не слышал — конвульсивным движением схватил чистый лист бумаги и начал лихорадочно черкать. Закончив, посмотрел на результат. Капельки пота свисали с его бровей. Он поднялся, пошел в кабину управления и вернулся с кассетой, которую вставил в свой компьютер.

Он снова взялся за перо, выписывая цифры. Пальцы его плясали на компьютере. Персис стояла неподвижно. Наконец он кивнул:

— Вот так, — сказал он сдавленным голосом, — так и должно было быть.

— Что такое? — спросила она.

Фландри крутнулся в своем кресле и через секунду сфокусировал свой взгляд на ней. Что-то в его лице изменилось. Он был почти чужой.

— Я не могу тебе сказать, — вымолвил он.

— Почему?

— Нас могут взять живыми в плен, они прозондируют тебя и обнаружат, что ты знаешь. И если тебя не убьют сразу же, то сотрут твой мозг, что, на мой взгляд, еще хуже.

Он достал из кармана зажигалку, сжег каждую бумажку и

смакнул пепел в мусорницу. После этого встряхнулся, как пёс, который еле выбрался из воды, и подошел к ней.

— Извини, — улыбнулся он. — Для меня это что-то вроде шока. Но сейчас все в порядке. Честное слово, отныне я буду больше внимания уделять тебе.

Все остальное время после этого разговора Персис наслаждалась путешествием, даже после того, как отметила перемену в нем. Что-то, что ушло и никогда больше не возвратится. Молодость!..

На приборе для обнаружения зажужжал сигнал тревоги. Персис схватила за руку Фландри. Он освободился и взялся за основной переключатель гипертяги, но не потянул его, чтобы вернуться в нормальное состояние к кинетической скорости. Костяшки его кулака, в котором была зажата ручка, были совершенно белыми. Пульс нервно бился.

— Я забыл то, что уже решил, — сказал он, — у нас не очень хороший детектор. Похоже, что это боевой корабль, нас уже засекли.

— Но на этот раз он не может направиться прямо на нас, — ее голос был довольно спокойным. Она уже привыкла к тому, что их преследуют. — В этой зоне есть где спрятаться.

— Ха-ха, мы попытаемся, если будет необходимость. Давай-ка сначала определим, куда этот парень направляется. — Он изменил курс. Все было как обычно, только звезды проносились в иллюминаторе. — Если мы найдем ряд, в котором напряженность остается постоянной, то сможем идти параллельно с ним, и он не будет мешать.

Впереди беспощадно палило Саксо.

— Предположим, он направляется туда...

Тянулись минуты. Наконец, Фландри позволил себе расслабиться. Его комбинезон был мокрым.

— Вот как! Я так и думал. Направление — Саксо. И если парень этот придерживается более или менее прямого курса, как, вероятно, и есть, то он летит из Империи.

Фландри занялся подсчетами, ворча по поводу скверной аппаратуры гражданских кораблей.

— Да, мы можем встретить его. Поехали!

— Но он может оказаться мерсеянином, — возразила Персис. — Совсем необязательно, что он с земной орбиты.

— Это наш шанс. Вероятность довольно большая. Он идет медленнее, чем мы, и я предполагаю, что это торговое судно. — Фландри взял новый курс, откинулся в кресле и потянулся. По его лицу пробежала ухмылка: — Моя дилемма решилась. Мы направляемся на Старкад.

— Как? Почему?

— Я не упоминал этого раньше, боялся, что у тебя появятся ложные надежды. Тогда как я хотел бы, чтобы у тебя появилось совсем другое. Но я прилетел сначала сюда, вместо того, чтобы идти прямо на Саксо или Бетельгейзе. Потому что... потому что

это путь, которым идут земные корабли, они перевозят людей и запасы на Старкад, а затем возвращаются домой. Если нас подвезут?... Понимаешь?

Нетерпение охватило ее и затем снова погасло.

— Почему бы нам не найти корабль, который идет прямо домой?

— Радуйся, что мы нашли хоть какой-то. К тому же таким образом мы доставим наши новости значительно быстрее. — Фландри перепроверил свои цифры. — Мы будем в пределах слышимости через час. Если он окажется мерсеянином, у нас есть шанс оторваться и скрыться от него. — Он поднялся. — Я постановляю... хорошенько выпить!

Персис подняла руки. Они дрожали.

— Нам действительно нужно чем-нибудь успокоить нервы, — согласилась она, — у нас на борту есть психопрепараты.

— Виски приятнее. Кстати о приятном, у нас есть целый час. Она потрепала его волосы.

— Ты невозможен!

— Нет, — сказал он. — Только невероятен.

Корабль оказался грузовым судном «Рискессель», приписанным к Новой Германии, но работающим за пределами пограничной планеты Империи Айрумкло. Он был огромным, пузатым, неуклюжим и запущенным. Капитан проорал не совсем трезвым голосом приветствие, когда Фландри и Персис взошли на борт.

— Ох-хо-хо! Люди! Так скоро я не ожидал увидеть людей. Да еще таких великолепных. — Одна волосатая рука схватила руку Фландри, другая потрепала Персис за подбородок. — Отто Брумельман — это я.

Фландри взглянул поверх лысой головы с буйно растущей бородой на проход из воздушного тамбура. Разъеденный металл содрогался от гула плохо настроенного мотора. Пара мультиконечных существ с сияющим голубым поверхностным покровом глазели на них со своих рабочих мест. Они фактически вручную драили пол. Свет был красновато-оранжевым. Воздух, в котором ощущался металлический привкус, был довольно прохладным, и когда капитан говорил, из его рта шел пар.

— Вы единственный землянин, сэр? — спросил Фландри.

— Не землянин! Я — германиец. Но много лет уже живу на Айрумкло. Моим владельцам нужна айрумклогийская космическая рабочая сила, она дешевле. Не слышу я человеческой речи на протяжении всех моих поездок. Эти вот не могут выговорить ни слова. — Брумельман кивнул в сторону работающих и посмотрел маленькими глазками на Персис, которая надела свое единственное платье. Она одергивала запачканный мундир Фландри, пытаясь расправить складки на ткани. — Одинок, одинок, одинок. Как хорошо, что я встретил вас. Сначала мы обезопасим ваш корабль, а потом пойдем выпьем ко мне в каюту. Правильно?

— Нам лучше бы незамедлительно переговорить наедине, сэр,

— сказал Фландри, — наш корабль... нет, подождем, пока мы будем одни.

— Ты подождешь. А я побуду один с дамочкой. Правильно? Хо-хо-хо! — Брумельман обнял ее своей лапой. Она с отвращением отпрянула.

Когда они пошли в каюту, по дороге капитана остановил член команды. У него были какие-то вопросы. Фландри улучил момент и прошипел на ухо Персис:

— Не обижай его, это редкостная удача.

— Это? — она сморщила нос.

— Да, подумай, что бы ни случилось, никто из этих ксеносов нас не выдаст. Они просто не смогут. Нам нужно поддерживать хорошие отношения с капитаном, а это не так уж и трудно.

В исторических фильмах он видел свинарники, но и те содержались лучше, чем каюта Брумельмана. Не обращая внимания на остатки кофе, германиец наполнил три кружки жидкостью. Она обожгла их желудки. Свою кружку он наполовину опустошил уже первым глотком.

— Так, — отрыгнул он, — поговорим. Кто послал вас так далеко в космос в этой калоше?

Персис ушла в дальний угол. Фландри остался рядом с Брумельманом, изучая его. Капитан был неудачник, лодырь и алкоголик. Без сомнения, его держали на этой работе, потому что хозяева настаивали на том, чтобы капитаном был именно человек, и не могли найти никого другого на зарплату, которую желали платить. Это не имело никакого значения для Фландри, поскольку напарник был вполне компетентен. Несмотря на системы старого образца, корабль его главным образом летел сам, на автопилоте.

— Вы направляетесь на Старкад, не так ли, сэр? — в свою очередь спросил Фландри.

— Да-да, у моей компании контракт с Военно-Морскими Силами. Айрумкло — перевалочный пункт. Этим рейсом мы возем продукты и строительное оборудование. Надеюсь, что скоро пойдем обратно. В Хайпорте мало приятного... Но мы собирались поговорить о вас.

— Я не могу сказать ничего кроме того, что у меня особое поручение. Для меня жизненно важно добраться до Хайпорта незамеченным. Если донна д'Ио и я сможем лететь с вами и вы не пошлете об этом радиogramму, вы окажете Империи огромную услугу.

— Особое поручение... с дамой? — Брумельман ткнул в ребра Фландри большим пальцем в ногтем с черной каемкой. — Я могу догадаться, что это за поручение. Хо-хо-хо!

— Я спас ее, — терпеливо сказал Фландри. — Вот почему мы были вместе на корабле. Мерсеянское нападение. Война обостряется. У меня срочная информация для адмирала Энрике.

Смех Брумельмана резко оборвался. Сквозь бороду и спутанные усы, которые доходили ему до пупа, было видно, как он глотнул.

— Нападение, говоришь? Нет, мерсеяне никогда не беспокоили гражданские корабли.

— Они не беспокоят и этот, капитан, если не будут знать, что я нахожусь на борту.

Брумельман вытер свою лысину. Возможно, он думал о себе как о продолжателе почетной неистовой традиции времен первооткрывателей космоса. И теперь его мечты вышли на орбиту.

— Мои хозяева, — сказал он вяло, — у меня обязательства перед моими хозяевами. Я отвечаю за их корабль.

— Ваш первый долг — перед Империей, — Фландри подумал о том, чтобы пустить в дело бластер. Нет, надо воздержаться, пока это возможно, шанс слишком хорош. — И все, что вам нужно сделать, — это как обычно подлететь к Старкаду, как обычно сесть в Хайпорте и дать нам выйти. Я клянусь, мерсеяне никогда не узнают.

— Я... м-м-м... но я...

Фландри с ходу поймал идею.

— Что касается наших хозяев, — сказал он, — им вы тоже можете оказать хорошую услугу. Наш корабль лучше отпустить отсюда, пусть летит. У врага есть его описание. Но если мы не будем выключать двигатель и позаботимся о том, чтобы оставался нейтринный след, вы подберете его по пути домой, а там продадите. Бьюсь об заклад, он стоит столько же, сколько весь этот ваш корабль. — Фландри подмигнул. — Конечно, вы сообщите вашим хозяевам.

Глаза Брумельмана загорелись.

— Так, хорошо, конечно, — он залпом проглотил остатки своего питья. — Клянусь Богом, да! По рукам!

Он настоял, чтобы пожать руку и Персис.

— А-а! — сказала она Фландри, когда они очутились одни в пустой подсобке, где был разложен матрац. Она отказалась от предложения капитана поселиться в его каюте. — Далеко до Старкада?

— Пара дней, — Фландри занялся осмотром космического скафандра, который взял со своего корабля, прежде чем отпустить его в дрейф.

— Не знаю, выдержу ли я.

— Извини, но мосты сожжены. Лично я придерживаюсь мнения, что нам повезло.

— У тебя странные представления о везении, — вздохнула она. — Ну, ладно, хуже уже не может быть.

Оказалось, что может.

Спустя пятнадцать часов Фландри и Персис сидели в кают-компании. Они дрожали от холода, несмотря на то, что надели комбинезоны. Слизистые оболочки их ртов пересохли и болели. Они

пытались провести время за игрой в карты, но у них не очень это получалось.

В передатчике прохрипел голос Брумельмана:

— Эй, лейтенант Фландри! Подойди к мостику!

— Ха! — Фландри вскочил. Персис рванулась за ним по сходному трапу через холл. Звезды сияли в иллюминаторах. Из-за того, что оптический компенсатор не был настроен, у звезд был странный свет, они двигались туда и сюда, как будто корабль плыл в другой реальности.

У Брумельмана в руках был гаечный ключ. Позади него первый помощник нацелил на них лазерную горелку, грубый заменитель оружия, смертельный на близком расстоянии.

— Руки вверх! — прокричал капитан.

Руки Фландри поднялись. В желудке у него засосало.

— Что такое?

— Читай, — Брумельман швырнул ему отпечатанную бумажку. — Ты врун, предатель, думал, что сможешь меня одурачить! Посмотри, что пришло!

Это была стандартная форма, записанная для повсеместного распространения и полученная с одного из нескольких автоматических передатчиков вокруг Саксо.

«Управление Вице-адмирала Хуана Энрике, командующего Имперскими территориальными Военно-Морскими Силами в регионе, — Фландри проскочил несколько строчек. — Общая директива по военному положению: По указу Его Превосходительства Лорда Маркуса Хоксберга, виконта Най Калмара на Земле, особого Имперского посланника в Райдгунаты Мерсеи... лейтенант Доминик Фландри, офицер Военно-Морской Авиации Его Величества, включенный в делегацию, участвовал в мятеже и похитил космический корабль, принадлежащий царству Най Калмара; описание следующее... обвинен в государственной измене.

...В соответствии с межзвездным законом и имперской политикой лейтенант Фландри должен быть арестован и возвращен своему начальству на Мерсее... На все корабли, включая земные, прежде чем они подойдут к Старкаду, должны быть допущены мерсеянские инспекторы... Земляне, которые могут задержать этого преступника, должны лично и незамедлительно доставить его в ближайшее Мерсеянское представительство... государственная тайна».

Персис закрыла глаза и сжала пальцы. Лицо ее казалось бескровным.

— Ну, — прорычал Брумельман. — Что скажешь на это?

Фландри прислонился головой к перегородке. Он не был уверен, выдержат ли его ноги.

— Я... могу сказать... что этот ублюдок Брехдан подумал обо всем.

— Ты думал, что можешь меня одурачить? Ты думал, я буду делать твою предательскую работу? Нет, нет!

Фландри окинул взглядом капитана, его помощника, Персис. Слабость сменилась гневом. Но его мозг работал с точностью машины. Он опустил руку, в которой держал бумажку с сообщением.

— Мне лучше рассказать вам всю правду, — прохрипел он.

— Нет! Я не хочу ничего слышать, не хочу никаких секретов.

Ноги Фландри подкосились. Падая, он выхватил свой бластер. Пламя лазерной горелки полыхнуло голубизной туда, где он только что находился. Своим выстрелом Фландри попал в инструмент — помощник завопил и выронил раскаленную горелку. Фландри поднялся на ноги.

— Брось свой гасный ключ, — сказал он капитану.

Ключ с грохотом упал на пол. Брумельман отступил назад, за своего помощника, который корчился и извивался от боли.

— Вы не сможете скрыться, — сказал он. — Нас уже засекли. Наверняка. Если вы заставите нас повернуть, за нами тут же последует боевой корабль.

— Я знаю, — сказал Фландри. — Его мысли быстро перескакивали, точно со льдины на льдину. — Послушайте. Произошла ошибка. Лорда Хоксберга одурачили. У меня есть информация, и она должна дойти до адмирала Энрике. Я не хочу от вас ничего кроме того, чтобы вы доставили нас в Хайпорт. Я сдамся землянам. Не мерсеянам, а землянам! Что здесь не так? Они сделают со мной все, что пожелает Император. Если понадобится, могут вернуть меня врагам. Но не раньше, чем услышат то, что я должен сказать. Капитан, вы мужчина? Так ведите себя соответственно!

— Но к нам на борт зайдут инспекторы, — простонал Брумельман.

— Вы можете меня спрятать, на корабле существует тысяча всевозможных мест для этого. Если у них не будет причины подозревать вас, мерсеяне не будут все обыскивать. Ведь на это потребовалось бы несколько дней. Ваша команда не проболтается. Она настолько же чужеродна мерсеянам, как и нам. Никакого общего языка, жестов, интересов — вообще ничего. Пусть зеленокожие взойдут на корабль. Я буду в грузовой отсеке или еще где-нибудь. Ведите себя естественно. Можно немного поартачиться. Я уверен, каждый, кого они проверяют, поступает подобным образом. Сдайте меня землянам. И через год вы сможете получить Рыцарское Звание.

Глаза у Брумельмана забегали. Он икнул, распространяя из рта кислый запах.

— Альтернатива такова, — сказал Фландри, — что я запру вас и приму на себя командование.

— Я... нет, — на грязную бороду потекли слезы, — пожалуйста, слишком большой риск, — потом, вздохнув, хитро добавил, — а вообще-то ладно, согласен. Я подыщу хорошее место, где вам можно будет укрыться.

«И покажешь им, когда они придут, — подумал Фландри, — фортуна мне благоволит, но сейчас она бессильна. Что же делать?»

Персис подошла к Брумельману и взяла его за руки.

— О, спасибо! — сказала она мелодичным голосом.

— А? Ха! — Он раскрыл рот от удивления.

— Я знала, что вы настоящий мужчина, у меня такое чувство, будто ожили старые герои Лиги.

— Но вы, дамочка...

— В сообщении ни слова не сказано обо мне, — промурлыкала она. — Я совершенно не расположена сидеть в какой-нибудь темной дыре.

— Вы... вы на корабле не зарегистрированы. Они прочитают список. Так ведь?

— Ну и что тогда? Меня зарегистрируют?

У Фландри появилась надежда. От этого чуть не закружилась голова.

— Видишь, кое-какие награды получаешь сразу, — хихикнул он.

— Я... почему я... — Брумельман выпрямился. Он привлек Персис к себе. — Вот так, хо-хо-хо! Вот так!

Она бросила на Фландри взгляд, который он никогда не хотел бы вспоминать.

Он выполз из упаковочной тары. В его убежище было темно... как в желудке. Единственный луч света, с помощью которого он ориентировался, давал фонарь на его шлеме. Медленно и неуклюже он пролез как червяк меж корзин и ящиков к люку.

На корабле было тихо. Все молчало вокруг, только двигатель и вентиляторы тихонько рокотали. Гротескные тени плясали там, где луч его фонаря освещал дорогу. Должно быть, корабль был на орбите вокруг Старкада. Ожидали разрешения на посадку... Он уцелел! Мерсеяне прошли в нескольких метрах от него, он слышал, как они говорили, и его палец лег на спусковой крючок. Но они ушли, и «Рискессель» вновь набрал скорость. Так что Персис держала Брумельмана на контроле. Ему не хотелось думать, как ей это удавалось.

Дальнейший ход событий предполагал, что все пойдет так, как он наметил: они прибудут на планету, и он сдастся. Таким образом, он наверняка доставит информацию, которой владел только один (он, правда, подумывал, не сообщить ли Персис эти цифры, но решил не делать этого: она была внесена в список, что дает возможность врагам поймать ее, а нетренированный мозг Персис и даже подсознание могут не удержать эти числа, если ее подвергнуть воздействию наркотических веществ). Но он не знал, какотреагирует Энрике. Адмирал, конечно, не робот, так или иначе он передаст

информацию на Землю, но может посадить Фландри под арест. Он наверняка не будет посылать боевой корабль без разрешения штаб-квартиры, чтобы удостовериться в правдивости информации Фландри. Во всяком случае, не поступит так, памятуя о послании Хоксберга или приказе, возложенном на него: не предпринимать никаких действий, нагнетающих напряженность, дабы не свести на нет инициативу мерсеян. Так что, в лучшем случае, такое развитие событий повлечет за собой проволочку, которой враг может воспользоваться с выгодой для себя. Может возникнуть большая вероятность того, что Брехдан Айронрид узнает, как обстоят дела. Макс Абрамс (*жив ли ты еще, отец мой?*) сказал: «Что помогает сопернику больше всего, так это знание того, что знаешь ты». И, наконец, черт возьми, Доминик Фландри не собирался вновь становиться пешкой!

Он открыл люк. В коридоре никого не было, из кубрика доносилась нечеловеческая музыка. Капитан Брумельман не спешил совершить посадку, и его команда пользовалась возможностью расслабиться.

Фландри поискал глазами ближайшее спасательное судно. Если кто-нибудь заметил его... ну что ж, он поедет в Хайпорт. Если же нет, то заимствование этого судна будет всего лишь мелким преступлением в его послужном списке. Он вошел в отсек, задраил внутренний клапан, спустил на шлеме лицевую панель и включил ручное управление. Зарычали насосы, откачивая воздух. Он забрался в летательный аппарат и закрепил герметизатор. Внешний клапан отсека открылся автоматически.

Космос поразил его своим блеском. Он из последних сил протолкнулся вперед. Старкад походил на гигантский темный круг, окаймленный двумя полосами — красной и небесно-голубой. Среди звезд сиял месяц. В бесконечном падении Фландри охватила невесомость. Она исчезла, как только он включил внутреннюю гравитацию и отрегулировал вектор тяги. Он пошел вниз по спирали. Планетарная карта ярко предстала в его памяти. Он мог беспрятственно добраться до Юджанки, города, спасенного им.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Драгойка скользнула на кушетку и, опершись на локоть, пригласила жестом Фландри.

— Не мечись, как в клетке, Домманик, — настойчиво попросила она. — Расслабься, сядь рядом, мы с тобой друзья, и у нас вдоволь времени побыть вместе.

Ее голос заглушал звуки шагов за окном, бряцание оружия, шум прибора. Фландри выглянул. Аллея Шив была заполнена вооруженными курсовиками. Насколько хватало взгляда, они растеклись среди серых стен, крутых красных крыш, резных перекладин,

устремляясь на улицу «Где Они Сражались», образуя кордон вокруг этого здания. Наконечники копий и топоры, шлемы и кольчуги сверкали под резким светом Саксо, знамена развевались на ветру, на щитах сверкали огненно раскрашенные монстры и молнии. Это была уже не толпа. Это были вооруженные силы Юджанки, созданные Сестринством. Воины охраняли парад у Замка Морских Торговцев. В Золотом Заливе стояли наготове корабли.

«Черт подери! — подумал Фландри, слегка охваченный смутением, — неужели все это начал я?»

Он оглянулся на Драгойку. Во мраке комнаты, которую наполняли варварские реликвии, казалось, что ее рубиновые глаза, полосатый оранжево-белый мех искрятся, а изгибы ее тела весьма соблазнительны. Она откинула назад свою светлую гриву, на ее получеловеческом лице засияла очаровательная улыбка, которую совсем не искажали клыки.

— С тех пор, как ты уехал, мы были слишком заняты, — сказала она. — Теперь же, пока отдыхаем, можно и поговорить. Иди сюда.

Он пересек комнату, где пол в его честь был усыпан ароматными листьями, и присел на стоящую рядом кушетку. Меж ними был маленький столик в форме цветка, на котором стояли модель корабля и графин. Драгойка пригубила вино.

— Ты не разделишь со мной чашу, Домманик?

— Да... спасибо, — он не мог отказать, хотя вино Старкада на вкус было слишком терпким для его нёба. Однако ему надо было привыкать к местным блюдам, может быть, придется жить здесь довольно долго. Он вставил соломинку и немного отпил.

После космического скафандра было приятно вновь надеть обычную морскую форму, воздушный шлем, комбинезон, ботинки. Посыльный, которого Драгойка отправила на станцию землян в Верхнем Квартале, настоял на том, чтобы забрать эту одежду.

— Ну, как вы здесь жили? — неловко спросил Фландри.

— Как всегда, мы скучали по тебе: я, Ферок и другие твои старые товарищи. Как я рада, что «Стрелец» оказался в порту.

— Мне просто повезло!

— Нет-нет, тебе любой бы помог. Здешний народ: ремесленники, простые моряки, торговцы, фермеры — так же разъярены, как и я. — Усики Драгойки поднялись. Ее хвост дернулся, крылоподобные уши широко расправились, — что эти ваз-земляне осмелились клеветать тебя!

— Эй, — сказал Фландри, — у тебя неправильное представление. Я не отрекся от Земли. Просто мой народ стал жертвой обмана, и наша задача — прояснить это дело.

— Но они объявили тебя вне закона, не так ли?

— Я не знаю, какая там ситуация, потому не стал общаться по радио. Ваз-мерсеяне могут подслушать. Поэтому я уговорил твоего посыльного передать нашим людям записку, которую затем

надо переправить адмиралу Энрике. В записке я его просил прислать сюда человека, которому можно доверять.

— Ты мне это уже говорил. А я ответила, что очень просто устрою так, что ваз-землянам не удастся захватить моего Домманика. Если они не хотят войны.

— Но...

— А они не хотят. Они нуждаются в нас больше, чем мы в них, тем более когда им не удалось достичь согласия с ваз-Сираво Злетоварскими.

— Им не удалось? — Фландри сник.

— Нет, и я всегда говорила, что так получится. О! Больше не было никаких мерсеянских подводных лодок. Войска землян взорвали базу сираво, когда у нас, ваз-курсовикиян, не получилось. Ваз-мерсеяне сражались с ними в воздухе. Небеса пылали в эту ночь. С тех пор пловцы очень часто обстреливают наши корабли, но большинству из них удается пройти. Говорят, боевые стычки между землянами и мерсеянами стали частыми, причем во всем мире.

«Этого только не хватало, — подумал Фландри, — все больше убивают людей, тигерийцев, Морской народ, теперь, как я полагаю, ежедневно; они обречены...»

— Но ты очень мало рассказал о своих делах, — продолжала Драгойка, — сказал только, что знаешь большой секрет. Какой?

— Извини. — Он импульсивно протянул руку и погладил ее гриву. Она потерлась головой об его ладонь. — Я не могу сказать даже тебе.

Она вздохнула.

— Как хочешь, — и взяла модель галеры, провела пальцем по перекладам и оснастке. — Возьми меня путешествовать с собой. Расскажи мне о своей поездке.

Он попытался рассказать. Она попыталась понять.

— Странно там, — сказала она. — Маленькие звезды становятся солнцами, наш мир превращается в пылинку, причудливые другие расы, ужасные огромные машины... — Она стиснула модель. — Я не предполагала, что твой рассказ может меня напугать.

— Вы научитесь жить во Вселенной, ничего не боясь. Вы должны!

— Продолжай, Домманик.

Кое-что опуская, он рассказывал дальше. Не то, чтобы Драгойка возражала против его путешествия с Персис, но она могла подумать, что в качестве друга он предпочел женщину, а это причинило бы ей боль.

— ...Деревья на Мерсее растут выше, чем здесь, и на них совершенно другие листья...

Зазвенело переговорное устройство на его руке. Он нажал кнопку передатчика.

— Лейтенант Фландри, — голос звенел в его ушах. — Прием.

проверки этого факта. Да, действительно, трибунал должен заседать на Имперском корабле или планете, но время для этого может быть назначено им в пределах года.

— Никогда этого не будет! Сэр, они выскребут мои мозги и убьют меня!

— Сдерживайте себя, лейтенант.

Фландри успокоился. Драгойка оскалила зубы, но осталась сидеть.

— Могу я услышать точное обвинение против себя, сэр? — спросил Фландри.

— Государственная измена, — ответил ему Энрике, — бунт, дезертирство, похищение человека, угроза, оскорбление действием, кража, нарушение субординации — стоит ли перечислять весь список? Я думаю, нет. Впоследствии вы добавили еще несколько пунктов — не явились самолично, зная, что вас разыскивают. Вы вызвали разногласия между Империей и дружественной страной. Это, среди прочего, подвергло опасности Вооруженные Силы Его Величества на Старкаде. В данный момент вы сопротивляетесь аресту. Эсин, вам за многое придется отвечать.

— Я отвечу перед вами, сэр, но не перед... этими проклятыми крокодильими хвостами. И не перед землянином, который настолько занят с ними лизоблюдством, что его не беспокоит судьба своих братьев. Господи, сэр, вы позволили мерсеянам разыскивать Имперский корабль!

— У меня был приказ, — ответил Энрике.

— Но Хоксберг, вы же выше его чином!

— Формально... и только по определенным процедурным вопросам. Он ведь обладает прямым Имперским мандатом. Это дает ему полномочия заключать с Мерсеей временные соглашения, которые станут определяющим фактором в дальнейшей политике.

Фландри почувствовал едва уловимую нерешительность в его голосе и воспользовался этим.

— Вы возражали против этого приказа, сэр, не так ли?

— Я послал отчет с моим мнением в приграничную штаб-квартиру. Пока не получил никакого ответа. Во всяком случае, здесь всего шесть мерсеянских боевых кораблей не выше класса «Планета» плюс несколько невооруженных грузовых судов, которым велено помогать им. — Энрике хлопнул рукой по колену: — Да что я спорю с вами? По крайней мере, если бы вы хотели увидеть меня, вы бы остались на борту «Рискесселя».

— А потом бы меня выдали мерсеянам, сэр?

— Возможно. Но это не должно было повлиять на вас. Не забываете о присяге.

Фландри обошел комнату, заложив руки за спину. Драгойка взялась за рукоятку меча.

— Нет, — сказал он ей по-курсовикийски, — что бы ни случилось.

Он резко повернулся на каблуках и посмотрел на Энрике.

— Сэр, у меня была другая причина. Я привез с Мерсеи ряд чисел. Вы бы, несомненно, передали их по инструкции. Но их надо сразу же проверить, чтобы убедиться в том, что я прав по поводу их значения. Если прав, то совершенно ясно, что тот, кто ознакомился бы с ними, мог начинать боевые действия. Космическую битву. Эскалацию напряженности, которую вам запрещено поддерживать. Вы не могли отдать такой приказ, учитывая обстоятельства, сковывающие вас. Вы должны были бы запросить разрешение у начальства. А на каком основании? На том, что рассказал вам я, вчерашний курсант, бунтовщик, предатель. Вы можете представить, как бы они воспротивились. В лучшем случае, желаемое решение пришло бы только через недели. Вероятнее всего, через месяцы. Тем временем продолжалась бы война, убивали бы людей, таких, как мой друг Ян ван Зуйл, жизнь которого только-только началась. А ему ведь служить Империи еще сорок или пятьдесят лет...

Энрике ответил так тихо, что можно было услышать, как за окном, по древним улицам просвистел ветер с моря.

— Лейтенант ван Зуйл убит в бою четыре дня назад.

— О нет, — Фландри закрыл глаза.

— Конфликт разгорелся по поводу того, что мы и мерсеяне уважаем территории наших баз, но патрулирующие самолеты вступают в бой, где бы они ни встретились.

— И вы еще позволили им разыскивать нас, — Фландри помолчал. — Извините, сэр, я знаю, что у вас не было выбора... Пожалуйста, дайте мне закончить. Вполне возможно даже, что моя информация будет дискредитирована, и никто ее не востребует. Трудно представить, но... у нас так много бюрократов, которые утверждают, что противник не причинит нам никакого вреда... И Брехдан Айронрид, Господи, но он хоть умен... Я не мог рисковать. Я должен был поработать над этим, сэр, чтобы у нас появилась свобода выбора.

— Вы? — Энрике вскинул брови. — Лейтенант Доминик Фландри, один, без чьей-либо помощи?

— Да, сэр! Вы же обладаете свободой выбора, не так ли? Я имею в виду, что когда возникает чрезвычайная ситуация, вы можете принять необходимые меры без предварительного запроса в штаб-квартиру. Можете?

— Конечно. Свидетельство тому — бои в атмосфере. — Энрике подался вперед, забывая о том, что становится смешным.

— Итак, сэр, это чрезвычайная ситуация. Вы обязаны поддерживать дружеские отношения с курсовиками. Но вы же видите, что я землянин, о котором они беспокоятся. У них так устроен мозг. Они варвары и привыкли к личному лидерству, сэр, для них далекое правительство — не правительство. Они чувствуют по отношению ко мне что-то вроде кровной привязанности. Поэтому,

чтобы сохранить альянс, вам нужно сотрудничать со мной. Я ренегат, но вы должны...

— И что?

— А то, что если вы не пошлете разведывательный корабль в космос, я скажу, чтобы Сестринство расторгло союз.

— Что? — Энрике вздрогнул.

Драгойка ошетибилась.

— Я буду саботировать все попытки Земли, — сказал Фландри. — Ей нечего делать на Старкаде, нас заманили в ловушку, обманули, запугали и поставили клеймо. Когда вы представите физические характеристики, фотографии, измерения, мы все поедом домой. Черт возьми, я ставлю восемь против одного, что и мерсеяне поедут домой, как только вы сообщите старине Руню, что вами сделано. Конечно, сначала отправьте курьера — убедиться, что он не использует свои боевые корабли, чтобы уничтожить нас. А потом позвоните и скажите ему.

— В этой системе нет ни одной боевой единицы землян.

Фландри ухмыльнулся. Кровь его кипела.

— Сэр, я не верю, что Империя настолько глупа. Должны же быть какие-то меры предосторожности против неожиданного вторжения мерсеянских войск. По крайней мере, несколько боевых кораблей на внешней орбите. Мы можем отправить на них людей. Они вряд ли догадаются, что это еще один корабль отправляется на Землю. Правильно?

— Ну, — Энрике поднялся. Драгойка осталась сидеть, но сжимала рукоятку меча. — Вы еще не открыли свою великую тайну, — заявил адмирал.

Фландри произнес цифры.

Энрике стоял прямой, как тотемный столб.

— Это все?

— Да, сэр, все, что было нужно.

— Как вы это интерпретируете?

Фландри рассказал ему. Энрике очень долго молчал. В Аллее Шив ворчали тигерийцы. Он повернулся, подошел к окну, посмотрел вниз, затем поднял глаза к небу.

— Вы верите этому? — спросил он совершенно спокойно.

— Да, сэр, — ответил Фландри. — Я не могу придумать иной версии, а у меня было достаточно времени на размышления. Готов поручиться головой.

Энрике повернулся к нему.

— Готовы?

— Собственно говоря, я это и делаю, сэр.

— Допустим, я распоряжусь послать разведку. Как вы утверждаете, нет никакой уверенности, что она не наткнется на мерсеянские пикеты. Вы полетите?

В голове у Фландри зашумело.

— Да, сэр! — выкрикнул он.

— Хм. Вы до такой степени правдивы со мной? Впрочем, эта ваша поездка вполне разумна, учитывая специальный опыт, который может оказаться полезным. Хотя, если вы не вернетесь сюда, нас ждут неприятности.

— Вам бы не понадобились больше Курсовики, — сказал Фландри. Его начало трясти.

— Если вы правы в своих суждениях и искренни, — Энрике стоял без движения еще некоторое время. Тишина угнетала все больше и больше. И тут он сказал все сразу: — Очень хорошо, лейтенант Фландри. Обвинения против вас приостанавливаются, и вы временно переходите под мое командование. Вы вернетесь в Хайпорт со мной и будете ожидать дальнейших приказов.

Фландри отдал честь. Радость пела в нем.

— Да, сэр!

Драгойка поднялась.

— Что вы говорили, Домманик? — спросила она заинтересованно.

— Извините меня, сэр, но я должен ей все рассказать по-курсовицки. Недоразумение разрешилось, Драгойка, во всяком случае, на какое-то время. Я уезжаю с моим адмиралом.

— Хр... — она опустила глаза. — А что потом?

— Ну что потом... мы отправимся на летающем корабле в бой, который может положить конец всей этой войне. Ты сомневаешься в благородстве адмирала?

— Да нет, может быть, я не права. Конечно, в Сестринстве кое-кто не доверяет, подозревает тут какую-то хитрость, а простой народ — тем более... Нас с тобой связывает кровь. Я думаю, было бы лучше, если бы я тоже поехала. Таким образом, будет живой залог.

— Но... но...

— Это ведь и наша война, — сказала Драгойка, — неужели никто из нас не примет участия? — Она опять посмотрела на него. — От имени Сестринства и от себя лично я требую того, что положено мне по праву. Ты не уедешь без меня.

— Что за проблемы? — рявкнул Энрике.

Попытки Фландри объяснить были беспомощны.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Имперская эскадрилья развернулась и набрала скорость. Для такого броска во тьму это было небольшое войско. В середине шел «Сабик», его обычно называли карманным линкором класса «Звезда». Он был старым и изношенным. Прежде чем снять с орбиты, его перевели на Саксо. Никто не ожидал увидеть старца снова в строю. Сбоку от него шли легкий крейсер «Умбриель», такой же потрепанный, и истребители «Антарктика», «Новая Бразилия», «Земля Мэрдока». Два разведы-

вательных корабля «Энке» и «Икея-Секи» не считались боевыми единицами, у них было по одной энергетической пушке, которые применялись обычно только против самолетов. Их главное преимущество заключалось в скорости и маневренности. Однако именно на них возложили основную задачу. Остальным предстояло помогать им. Приказ был подписан адмиралом Энрике.

Сначала эскадрилья летела на гравитике. Расстояние, которое ей нужно было пересечь, измерялось несколькими световыми днями — в общем-то ничтожное, если лететь на гипертяге, но огромное при обычной скорости. Однако мерсеяне смогут уловить неожиданное распространение следов волн, исходящих с внешней орбиты. У них возникнет подозрение. А их силы в системе Саксо, не говоря уже о тех, что могли поджидать землян впереди, были вполне сравнимы с командой капитана Эйнарсена. Он решил осторожно пройти этот путь.

Но двадцать четыре часа истекли без инцидента, и он приказал «Новой Бразилии» направиться к месту назначения на гиперскорости. При первых признаках неприятеля она должна была вернуться обратно.

Фландри и Драгойка сидели в офицерской кают-компании «Сабика» с младшим лейтенантом Сергеем Карамзиным, свободным от вахты. Как и все на корабле, он был рад видеть новые лица и услышать какие-нибудь новости из Вселенной.

— Почти год на станции! Целый год вылетел из жизни. И пролетел совсем не быстро, как вы понимаете. Такое ощущение, что прошло десять лет, — сказал он.

Фландри окинул взглядом кают-компанию. Ей пытались придать уют картинами и домашними шторами. Попытка оказалась не очень успешной. Теперь каюту оживлял гул двигателей, низкий и глубокий, и тонкий запах масла в циркулирующем воздухе. Фландри не хотелось даже думать, какой Сергею казалась эта обстановка после года пребывания на орбите, когда ровным счетом ничего не происходило. У Драгойки, конечно, были противоположные ощущения — корабль поражал ее своим блеском, приводил в замешательство, испуг и в то же время очаровывал. Никогда она не видела такого чуда! Она сидела в кресле, глаза ее бегали вокруг, мех торчал как намагниченный...

— Ты получил заменители? — спросил Фландри, — псевдосенсорные вводы и прочее?

— Конечно, — ответил Карамзин, — камбуз тоже хорош. Но в общем-то это только средство, избавляющее от выхода из штопора. — Юные черты его лица омрачились. — Я очень надеюсь, что мы встретим сопротивление.

— А я встретил столько сопротивления, — сказал Фландри, — что мне его еще надолго хватит.

Он прикурил от зажигалки. Ему было непривычно снова ощущать себя в мундире небесной голубизны с эмблемами ракетного

пламени на плечах, без бластера на поясе — он был вновь на корабле, где царили дисциплина и традиции. Хотя у него уже не было уверенности, что это ему нравится.

По крайней мере, в его положении ощущалась какая-то непривычная новизна. Капитан Эйнарсен был в шоке, когда на его корабле появилась Драгойка — существо из каменного века. Однако приказ Энрике был совершенно ясен.

Это была женщина-ураган, настоявшая, чтобы ее взяли с собой, способная причинить массу неприятностей, если ей не потакали. Фландри был назначен «офицером связи», а с глазу на глаз ему было сказано, что если он не нейтрализует дикарку, его разжалуют в рядовые (никто не намекнул ни словом, что формально он арестован. Эйнарсен получил сводку, но посчитал опасным информировать своих людей о том, что мерсеяне останавливают корабли землян, и сообщение Энрике прояснило ситуацию).

Как мог в свои девятнадцать лет Фландри оказать им сопротивление, убеждая, что женщина-ураган в действительности знакома с астрономией и что ее нужно держать в курсе событий?.. Таким образом, ему было поручено держать связь с отсеком управления.

Он ощущал внутреннюю напряженность, ожидая, что известия о «Новой Бразилии» должны прийти с минуты на минуту.

— Прошу прощения, — перебила его мысли Драгойка. — Я должна сходить... как это у вас называется... в носовую часть. — Она считала сие приспособление самым забавным на корабле.

Карамзин посмотрел ей вслед. Шлем не мешал ее гибкой походке. Сложнее было уложить внутрь ее гриву. Все остальное одеяние состояло из меча и кинжала.

— Вот это да! — пробормотал Карамзин. — Что за формы! Какова?

— Будь добр, не говори так о ней, — резко сказал Фландри.

— Что? Я не хотел ее обидеть, она ведь просто ксенос.

— Она — мой друг и стоит сотни имперских телок. И то, с чем ей вскоре придется столкнуться и что пережить...

Карамзин перегнулся через стол.

— Как это понять? Что у нас за рейс? По моим предположениям, крокодилы хвосты что-то устраивают в космосе, мы должны им воспрепятствовать, а больше нам ничего не говорят.

— И я не могу сказать.

— Но мне не приказывали перестать думать. Похоже, что Старкадское предприятие лишь отвлекающий маневр. Они разожгут здесь войну, втянут в нее наши войска, затем — бац, ударят совсем в другом месте.

Фландри выпустил кольцо дыма:

— Может быть.

«Жаль, что я не могу рассказать тебе — не положено знать это, — хотя по справедливости тебе надо бы знать!»

— А на что похож Старкад? У нас в инструкциях мало сказано о нем.

— Ну... — Фландри подыскивал слова, но все они в лучшем случае были бесцветными, не способными передать живые ощущения, — белый рассвет над волнующим морем. Медленные тяжелые волны, ветры, шумящие на склонах гор, покрытых лесами, старый и гордый город, очарование таинственного дна океана, две смелые расы, миллионы лет формирования планеты, огромной ее поверхности... — Он пытался передать это, когда вернулась Драгойка. Она тихо села и стала наблюдать за ним. — И... э-э-э... очень любопытная культура палеолита на острове, который они называют Раядан...

Завыла сирена.

Карамзин первый выскочил в дверь. Топот ног, звон металла, крики, резкие звуки «гоп-гоп-гоп» отдавались эхом в разных концах длинного корабля. Драгойка сняла с плеча меч.

— Что случилось? — спросила она.

— Боевая тревога, — Фландри спохватился, что говорит по-английски. — Замечен неприятель...

— Где он?

— Там, оставь свое железо. Сила и мужество не помогут тебе сейчас. Пойдем, — Фландри вывел ее в коридор.

Они пробирались среди людей, ринувшихся к своим постам. Возле навигационного поста находилась комната с планетарными схемами, полностью оснащенная для аудиовизуальной многосторонней связи. Было решено, что ее предоставят Драгойке и присматривающему за ней. Два космических костюма висели наготове. Один был приспособлен для использования на Старкаде. Драгойка приобрела кое-какие навыки обращения с ним по пути в эскадрилью, но Фландри подумал, что ему лучше помочь ей, прежде чем облачиться самому.

— Это застегивается вот так. А сейчас не дыши, пока мы не сменим воздушный шлем... И зачем ты поехала?

— Я бы не отпустила тебя одного, — сказала Драгойка, как только закрыли лицевую панель.

Свою Фландри оставил открытой, но слышал голос Драгойки в наушниках. Их разговор перебила сирена, а вскоре послышался голос:

— Всем внимание! Всем внимание! Капитану, всем офицерам и составу! «Новая Бразилия» сообщает, что два корабля включили гипердвигатели, когда она приблизилась к месту назначения. Она возвращается к нам, и противник ее преследует. Мы полетим вперед. Приготовиться к гиперрежиму. Приготовиться к бою. Слава Императору!

Фландри включил селектор. Поворачивая диск на своей панели, он увидел космос. Черный и усыпанный звездами, он вращался, пока нарастали квантовые поля. Сработали компенсаторы, и изображение установилось. Сейчас «Сабик» перешел на гиперскорость

и километры наматывались быстрее, чем способно было уследить воображение. Гул двигателя отдавался долгим урчанием в каждой клетке тела Фландри.

— Что это означает? — Драгойка прижалась к нему, ища поддержки.

Фландри переключился на изображение колебательного контура. Семь зеленых точек перемещались на фоне звезд.

— Смотри, это наши корабли, мы вот в этом, большом. — Появились две красные точки. — А это враг, так близко, что мы можем указать его расположение. М-м-м, посмотри на их размеры, мы уловили очень мощные двигатели. Я бы сказал, один примерно такой, как наш, хотя, возможно, новее и лучше вооружен. Другой, кажется, тяжелый истребитель.

Драгойка захлопала рукавицами.

— Это же чудо! — ликующе воскликнула она.

— На самом деле это редко используется, кроме тех случаев, когда нужна общая картина. Капитан пользуется цифрами и подсчетами, минуя машины.

Энтузиазм Драгойки сник.

— Вечно эти машины, — сказала она обеспокоенно. — Я рада, что живу не в вашем мире, Домманик.

«Боюсь, что тебе придется, — подумал он, — пусть недолго, если мы останемся жить...»

Он бегло осмотрел коммуникационный офис. Люди сидели перед нагромождением измерительных приборов как загипнотизированные. Иногда кто-нибудь из них касался приборов управления или обменивался несколькими словами с соседом. Электромагнитное радио не действовало за пределами корабля, но при включенной гипертяге для сообщения информации было достаточно малейшей модуляции, «Сабик» мог передавать и принимать мгновенно.

Фландри наблюдал за человеком, застывшим в кресле. Его руки дрожали, когда он оборвал ленту и передал ее офицеру. Тот по селектору связался с командным мостиком. Фландри выслушал и кивнул.

— Что происходит? — взмолилась Драгойка. — Я чувствую себя здесь такой одинокой.

— Т-с-с-с!

— Объявление! Всем, всем, всем! Внимание! Всем офицерам и составу. Поступило сообщение, что на орбите-2 шесть боевых мерсеянских кораблей. Они в гиперрежиме и пытаются воссоединиться с двумя преследователями «Новой Бразилии». Мы уловили обрывки связи между этими объектами. Они собираются атаковать нас. Первый контакт предполагается через десять минут. Приготовиться открыть огонь по команде. Состав неприятеля таков...

Фландри показал контур Драгойке. Полдюжины искр двигалось со светящегося шарика, который был ее планетой.

— У них один легкий крейсер вроде нашего «Умбриэля» и пять истребителей. Кроме того, штурмовой корабль и довольно тяжелые истребители.

— Восемь против наших пяти. — Усики поднялись за стеклом. Мех потрескивал, она перестала походить на потерявшегося ребенка и сказала низким густым голосом: — Но мы изловим этих двух, когда они будут одни.

— Правильно. Интересно... — Фландри попытался переключиться на командный отсек. Он должен быть заблокированным, но, видимо, кто-то забыл сделать это, и сейчас Фландри мог смотреть из-за плеча капитана Эйнарсена.

На экране внешнего коммуникатора был мерсеянин, причем тоже в высоком чине.

— ...Запретная зона, — сказал он по-английски с сильным акцентом. — Немедленно поворачивайте обратно.

— Правительство Его Величества не признает запретов в пространстве, на которое не заявлены права, — сказал Эйнарсен. — Вы препятствуете нам на свой риск.

— Куда вы направляетесь? Какова ваша цель?

— Это вас не касается, Фодайх, моя команда направляется на законных основаниях. Мы пройдем мирно или нам придется драться?

Фландри переводил Драгойке то, что слышал. Мерсеянин помолчал, а она прошептала:

— Он, конечно, скажет, чтобы мы проходили, так он сможет соединиться с остальными.

Фландри потер бровь. В помещении было жарко, и он взмок в своем костюме.

— Жаль, что ты родилась не в нашей цивилизации, — сказал он, — у тебя склад ума, как у служащего Военно-Морской Авиации.

— Ладно, проходите, — медленно произнес мерсеянин, — я пропускаю вас, но протестую.

Фландри подался вперед и схватился за край стола, сдерживаясь, чтобы не закричать Эйнарсену, что тот должен делать.

Командир землян сказал:

— Очень хорошо. Но ввиду того, что другие корабли летят, чтобы воссоединиться с вашим, я вынужден требовать от вас гарантий добрых намерений. Вы должны немедленно направиться на север Галактики на полной скорости, не останавливаясь, пока я не вернусь на Саксо.

— Возмутительно! Вы не имеете права...

— У меня есть право ответственности за эту эскадрилью. Если ваше правительство желает выразить протест моему, давайте так и поступим. Пока вы не удалитесь, как вам было предложено, я

буду считать ваши намерения враждебными и приму соответствующие меры. Мое почтение, сэр. Всего хорошего.

Экран погас.

Фландри отключился от ничего не выражавшего лица Эйнарсена и дрожал от возбуждения. Сквозь внутреннюю сумятицу и смятение пробилась мысль: *«Сдается мне, у старого офицера ничуть не меньше разума, чем у нахального лейтенанта».*

Когда он посвятил в ход событий Драгойку, она спокойно сказала:

— Давай посмотрим на контур.

Мерсеяне впереди не обратили внимания на приказ землян.

Они тем не менее разошлись под углом в разные стороны, видимо, надеясь выиграть время, пока не подойдет подмога. Как загнанный волк, «Новая Бразилия» повернула на своего преследователя. «Земля Мэрдока» быстро направилась к его помощнику. С другой стороны «Умбриэль» и «Сабик» устремились по направлению к мерсеянскому линкору. «Антарктика» продолжала свой путь, как и прежде, прикрывая разведывательные корабли.

— Начинается, — сказал Фландри, стиснув зубы. Его первый космический бой, как и первая женщина, вселял ужас, смущение и приводил в восторг. Ему страстно хотелось оказаться в орудийном отсеке. Захлопнув лицевую панель в шлеме, он переключился на вид за бортом.

С минуту ничего не было видно, кроме звезд. Затем корабль содрогнулся и загудел. Он произвел залп мощнейшими ракетами, какие мог нести только линкор. У этих ракет были гипердвигатели и фазовые компьютеры. Он не видел, достигли ли они цели. Расстояние было все-таки огромным. Где-то поблизости раздались взрывы. Огромные шаровые молнии вырастали на глазах, вспыхивали и исчезали. Если бы экран мог передать их действительную силу, глаза Фландри тотчас бы расплавились; даже сквозь безвоздушное пространство он ощутил газовый удар. Пол ходил ходуном под ними и корпус гудел.

— Что это такое? — крикнула Драгойка.

— Враг выстрелил в нас. Нам удалось перехватить и уничтожить их ракеты своими. Смотри сюда. — На экране что-то тонкое, металлическое беспокойно двигалось взад и вперед. — Она ищет свою цель. Мы выпустили таких целую кучу.

Вновь и вновь раздавались взрывы. Один из них чуть не сбил Фландри с ног. У него звенело в ушах. Он настроился на аварийный контроль. Удар был так силен, что повредил корпус. Перегородки блокировали этот отсек. Орудийная башня была уничтожена, и ее команду разорвало на куски. Но другая, находящаяся рядом, доложила о своей готовности продолжать бой. За плотной физической и электромагнитной защитой ее люди получили несмертельную дозу радиации (если, конечно, в течение дня им будет оказана медицинская помощь). Они остались на своих постах.

Фландри еще раз проверил колебательный контур.

Быстрее всех кораблей «Умбриэль» догнал своего гигантского врага; когда поля соприкоснулись, он вышел из фазы как раз на столько, чтобы быть неуязвимым и чтобы его дополнительная масса не служила балластом. Мерсеянин, должно быть, пытался попасть в фазу и уничтожить его... но нет, тут подоспел «Сабик»!

Генераторы были настолько мощными, что распространили свои поля на всю сферу. Когда они только вступили в контакт, неприятель казался игрушкой, затерянной среди бесчисленных звезд. Но он рос на экране, превращаясь в акулу, кита, стального Левиафана, сине-вато-серого от освещения, увешанного оружием.

Этот бой вели не живые существа. Совсем нет! Они только обслуживали орудия, присматривали за машинами и умирали. Когда встречались такие массы, напряженности и скорости, роботы одерживали верх над живыми существам. Ракета состязалась в скорости с ракетой. Компьютер мерился разумом с компьютером в причудливом и сверхъестественном танце фаз. Группки людей и мерсеян управляли бластерными пушками, запускали ракеты, жгли, резали металл, как масло ножом. Но их шансы нанести существенный вред в столь короткое время были малы. Огонь заполнил просторы космоса. Гром сотрясал корпуса кораблей. Пол ходил ходуном, балки гнулись, электроды плавились. Фландри и Драгойку взрывом швырнуло на пол. Они лежали в объятиях друг друга, оглушенные, все в синяках, истекая кровью, пока бесновался «шторм».

Вскоре он стих.

Медленно, нерешительно поднялись они на ноги. Крики, доносившиеся снаружи, говорили о том, что их барабанные перепонки остались целы. Дверь осела, и через нее клубами шел дым. Громыкали химические огнетушители. Кто-то искаженным от боли голосом звал врача.

Экраны еще работали. Фландри увидел мельком «Умбриэль», прежде чем относительная скорость сделала его невидимым. Носовая часть корабля была изуродована, ствол орудия изогнут на девяносто градусов, каркас напоминал застывшую морскую пену. Но он еще действовал. Так же, как и «Сабик».

Фландри смотрел и слушал некоторое время, прежде чем смог воспроизвести Драгойке всю картину.

— Мы их уничтожили. Наши два истребителя славно поработали с неприятелем без особого ущерба для себя. А мы сами пробиты в нескольких местах. Три орудия и ракетная пушка выведены из строя. Несколько линий, ведущих из основного компьютерного банка, перерезаны. Мы пользуемся вспомогательными генераторами, пока инженеры пытаются починить основной, повреждения довольно значительные. Но мы вроде боеспособны.

— Что стало с кораблем, с которым мы сражались?

— Мы вклеили ему боеголовку в самую середину. Одна мега-

тонна, я думаю... Нет, ты, наверное, не знаешь ничего об этом, не так ли? В общем, он превратился в пыль и газ.

Эскадрилья воссоединилась и, продолжила свой путь. Два маленьких зеленых пятнышка на контуре отделились и устремились вперед.

— Видишь? Это наши разведчики! Мы будем видеть их на экране, пока они выполняют свою задачу. Это означает, что мы должны будем принять бой с мерсеянами, направляющимися с Саксо.

— Шестеро против наших пяти, — подсчитала Драгойка. — Что ж, разрыв уменьшается. И потом, наш корабль больше, чем те, что остались у них.

Фландри смотрел, как зеленые огоньки расчлняются. Его задачей было не дать хотя бы одной красной искорке прорваться и атаковать разведчиков. Это привело бы к их полному уничтожению, но... да, очевидно, командующий мерсеян закрепил по одному истребителю за каждым истребителем Эйнарсена. Таким образом, у него оставались крейсер и два истребителя против «Сабика» и «Умбриэля», причем последние были наполовину искалечены, в то время как истребители врага находились в отличном состоянии.

— Я бы и сам назвал силы равными, — сказал Фландри. — Это уже хорошо. Если мы можем продержаться в течение... пары часов, я думаю... мы справимся с поставленной задачей.

— А что это такое, Домманик? Ты говорил здесь о какой-то угрозе. — Драгойка взяла его за плечи. — Ты мне не можешь сказать?

Конечно, он мог ей сказать, не нарушая при этом тайны, которая уже не имела значения. Но не хотел. Он попытался отвлечь ее внимание в надежде, что бой возобновится прежде, чем она поймет его хитрость.

— Что ж, — сказал он, — у нас есть новые сведения о... цели. Разведчики должны подойти к ней, разузнать, какова она из себя, и определить... курс. Делают они это очень интересно: удаляются от нее быстрее света, поэтому могут заснять ее не там, где она находится в данный момент, а там, где была в различные периоды в прошлом. Поскольку разведчики знают, куда смотреть, их инструменты могут определить ее положение на расстоянии более светового года. На этом основании они могут легко подсчитать, как она будет двигаться в течение следующих нескольких лет.

Внэвь ужас отразился в ее глазах.

— Они могут проникать во время? — прошептала она. — В прошлое с его духами? Вы, ваз-земляне, слишком много себе позволяете. Однажды ночью скрытые силы низвергнут на вас свой гнев.

Он закусил губу и поморщился от боли. Губа распухла от того, что когда его отбросило взрывом, он ударился лицом о свой микрофон.

— Я часто удивляюсь, почему этого не произошло, Драгойка. Но что мы можем поделать? Наш путь был начертан много ве-

ков назад, до того как мы покинули свой родной мир, и дороги назад нет.

— Тогда... вы продвигаетесь вперед очень смело. — Она потянулась в своем скафандре. — Я бы тоже могла. Скажи мне, что это за штука, которую вы преследуете во времени?

— Это... — Внезапно корабль вздрогнул. Раздался грохот. — Выпущены ракеты! Мы открыли огонь!

Еще залп! И еще! Эйнарсен, должно быть, расстреливал последнее сверхскоростное оружие из обойм. Если будет одно попадание или два — это может решить исход. Если нет, все равно никто из его нынешних врагов не в состоянии нанести подобный ответный удар.

Фландри видел в контуре, как мерсеянские истребители рассыпались в разные стороны. Они могли только попытаться увернуться от этих убийц или сменить фазу, если произошел контакт полей. Когда боевой порядок врагов рассыпался, «ЗемляМэрдока» и «Антарктика» объединились против одного вражеского корабля такого же класса. Их перестрелка из энергетических пушек, орудий и малых ракет была не такой быстрой и, может быть, более грубой, чем почти абстрактная схватка между двумя основными полями кораблей, но в каком-то смысле более человеческой.

Залпы прекратились. Драгойка закричала:

— Смотри, Домманик! Красный огонек погас! Вон! Первая кровь!

— Да... да, мы сбили истребитель. Ого-го-го!

Об этом было тотчас объявлено по селектору, и послышались едва уловимые радостные возгласы тех, у кого все еще были открыты лицевые панели на шлемах.

От остальных ракет неприятеля землянам, должно быть, удалось уклониться или отразить их, и теперь ракеты самоуничтожались, чтобы не превратиться в угрозу навигации. Макс Абрамс называл это обнадеживающим знаком.

Однако другой мерсеянский корабль спешил на помощь тому, что схватился с двумя землянами, в то время как «Новая Бразилия» и третье вражеское судно готовились к бою между собой. Искалеченный «Умбриэль» шел на перехват тяжелого крейсера и его сопровождающего. Они направлялись прямо к поврежденному «Сабику», который зализывал раны в ожидании врага.

Освещение замигало и погасло. Через некоторое время оно вновь зажглось, но очень тускло. Видимо, были какие-то повреждения и в дополнительном генераторе. А Фландри (проклятье, проклятье, проклятье!), бессильному что-либо делать, оставалось только смотреть в этот контур!

От крейсера отделился его сопровождающий и устремился к «Умбриэлю», чтобы сдержать его. Фландри стиснул зубы так, что челюстям стало больно.

— Зеленокожие видят наши слабости, — сказал он. — Они рассчитывают, что крейсер одолеет нас. И, может, это им удастся.

Красное наползало на зеленое.

— Приготовиться к бою в прямой фазе, — объявили по селектору.

— Что это означает? — спросила Драгойка.

— Мы не можем маневрировать, пока не наладят одну машину. — Фландри чуть было не сказал по-курсовикийски, что смена фазы невозможна. — Мы вынуждены сидеть и отстреливаться.

Но «Сабик» вовсе не был бескрылой птицей. Он мог возвратиться к предсветовой скорости, хотя это был маневр отчаяния. Чтобы нанести ущерб врагу на сверхсветовой скорости, нужно быть в одной фазе с ним. Таким образом, оба корабля оказывались в равной степени уязвимыми. Но сейчас крейсер обладал дополнительной возможностью уклониться от огня противника. У «Сабики» же не было никакой защиты, кроме антиракет. Причем, если быть точным, у него их было больше, чем у противника.

Это походило на подготовку к футбольному матчу.

— Произведен контакт гиперполей, — передали по селектору. — Всем орудиям вести одиночный огонь.

Фландри переключился на внешний обзор. Мерсеянин шел зигзагами среди звезд. Иногда он исчезал, но непременно появлялся вновь. Это было чисто космическое судно, раздутое посередине, словно сдвоенная груша. В звездном свете легко было различить его вооружение... В дыхании Драгойки слышались шипящие звуки.

Гигант выстрелил. Раздался такой невероятный шум, что перекрыл рев двигателей, а перегородки разлетелись в разные стороны. Перекрытия обрушились на Фландри. Он провалился в кромешную тьму. Спустя несколько минут Фландри пришел в сознание, но продолжал падать в вечность, во мрак...

«Нет, не может быть», — подумал он сквозь звон в ушах.

Освещение погасло, гравитаторы отключились... Он плыл свободно в вырывавшемся с шумом воздухе. Кровь из носа образовала шаровидные капли, которые в невесомости грозили задушить его. Он всасывал их и проглатывал.

— Драгойка! — крикнул он скрипучим голосом. — Драгойка!

Луч света на ее шлеме скользнул во тьме. Саму ее едва было видно, а голос был чистым и звонким:

— Домманик, ты жив? Что случилось? Вот моя рука!

— Прямое попадание в нас. — Он осмотрел себя, ощупал все члены, почувствовал острую боль в теле, но с радостью убедился, что серьезных повреждений нет. Что ж! Скафандр ведь и предназначен для того, чтобы смягчить удары! — Здесь ничто не работает, поэтому я не знаю, в каком состоянии корабль, надо попытаться узнать. Да, держись за меня. Отталкивайся от предметов, только не очень сильно. Как будто плаваешь. Тебя не тошнит?

— Нет, я чувствую себя как во сне, больше ничего. — Она освоила технику быстрого передвижения в невесомости.

Они выбрались в коридор. Неяркий свет ламп выхватывал тусклые пятна в крошечной тьме. Ребра каркаса торчали позади изогнутых, искореженных панелей. Половина людей в скафандрах плавала в облаках крови. Фландри прихотилось стирать ее со шлема. Радио молчало. Было тихо как в могиле.

Ядерная боеголовка, видимо, не была очень большой, но там, куда она попала, все оказалось полностью разрушенным. В других местах силовые поля, перегородки, экраны, отходные линии как смогли защитили корабль. Таким образом Фландри и Драгойка остались в живых. Остался ли еще кто-нибудь? Фландри беспрестанно звал, но не получал ответа.

Перед ним зияла дыра, заполненная звездами. Он велел Драгойке остаться, а сам полетел вперед на импеллере. Саксо — почти самая яркая звезда из бриллиантовой россыпи, окружающей ее, проходила сквозь призрачную арку Млечного Пути. Света было достаточно, чтобы ориентироваться. К счастью, обломок корабля, из которого он выбрался, двигался медленно, иначе его, а может быть, и ее ослабили бы силы Кориолиса. Башня с энергетической пушкой выглядела невредимой. Вдали беспорядочно летали большие осколки, уродливые на фоне прозрачных небес.

Он включил радио, выбравшись за пределы экранирующего металлического корпуса. Когда не стало гипергенераторов, «Сабик» вернулся в обычное пространство.

— Лейтенант Фландри из секции 4. Ответьте кто-нибудь. Ответьте. Ответьте.

Среди шума космических полей раздался голос:

— Командующий Ранджит Сингх, секция 2. Я принимаю командование, пока старший офицер не придет в себя. Доложите о своем состоянии.

Фландри все объяснил.

— Нам присоединиться к вам, сэр? — закончил он.

— Нет, осмотрите вашу пушку. Доложите, в каком она состоянии. Если в рабочем, воспользуйтесь ею.

— Но, сэр, мы повреждены. Крейсер ушел сражаться куда-то в другое место. Никто не будет с нами связываться.

— Это еще не ясно, лейтенант. Если в ходе битвы высвободится судно противника, он захочет удостовериться в нашей гибели. Отправляйтесь к орудию.

— Слушаюсь, сэр!

В оружейном отсеке плавали мертвые тела. Трупы не были изуродованы — должно быть, всего два-три смертоносных рентгена прорвались сквозь всю защиту. Фландри и Драгойка отпустили их скитаться в космосе. Пока трупы исчезали среди звезд, она пела им Песнь Скорби.

«Я бы не возражал против такого прощания», — подумал он.

Орудие можно было использовать. Фландри показал Драгойке, как пользоваться аварийным ручным управлением. Они сменяли друг друга у гидравлической системы наведения и штурвала, перезаряжающего аккумуляторы, с помощью которых пушка приводилась в действие (Драгойка была такой же сильной, как и он), и... ждали.

— Никогда не думала, что умру в подобном месте, — сказала она, — но смерть придет ко мне в бою, да еще когда рядом со мной замечательный товарищ. Сколько можно было рассказать в Краю Потусторонних Деревьев!

— Может быть, мы еще останемся живы, — сказал он.

Звездный свет озарил улыбку на его испачканном кровью лице.

— Не надо себя обманывать. Это недостойно!

— Недостойно! Я просто не уйду отсюда, пока жив.

— Понимаю. Может, это и сделало вас, землян, великими.

Появился мерсеянский истребитель. «Умбриэль», сражавшийся с сильно поврежденным вражеским крейсером, окончательно разбил его. «Антарктика» была выведена из строя и ждала, пока ее починят, «Земля Мэрдока» тоже была разрушена, но на их счету имелось два неприятельских корабля. «Новая Бразилия» еще вела дуэль с третьим. У четвертого было повреждено управление гипертягой. Пока инженеры, обливаясь потом, пытались исправить поломку (что заняло бы не меньше часа!), гиперскорость была сравнительно небольшой, любое судно в лучшем состоянии могло стереть корабль с лица Вселенной. Его капитан решил отправиться туда, где летали осколки «Сабика», чтобы распотрошить их до конца, поскольку общий приказ гласил, что никто, кроме мерсеян, не может войти в этот район и остаться живым.

Истребитель приближался. У него кончились ракеты, но еще оставались огнеметы и обычные снаряды. Основная часть разбитого корпуса линкора выдержала удар, вспыхнула, но «Сабик» нанес мощный контрудар.

— У-у-у! — Драгойка издала ликующий вопль. Она дьявольски быстро крутила штурвал. Фландри кинулся к орудию. Оно раскачивалось. Остаток корпуса вращался в обратном направлении. Он отрегулировал его, взял истребитель в перекрестье прицела и нажал на спуск.

Конденсаторы отдали свой заряд. Их энергетический запас был ограничен. Поэтому пришлось наводить вручную, чтобы сохранить каждый эрг для атаки. Пушка выплюнула пламя на многие километры. Сталь расплавилась. У корабля открылась «рана». Воздух устремился наружу, белый от сконденсировавшихся водяных паров.

Истребитель рванулся назад. Фландри последовал за ним, направив луч в ту же точку. Остальные четыре секции «Сабика» изрыгали смерть.

— Ну, парень, — пробубнил Фландри, — поймал ты тигерийца за хвост.

Вращение корабля безжалостно уводило Фландри от цели, пока

он не потерял ее из виду. Раздраженный, он сидел и ждал. Когда он вновь мог целиться, истребитель был уже очень далеко и успел превратиться в газ одну из секций корабля. Но остальные продолжали сражаться. Фландри присоединил к их лучам свой. Истребитель отходил на гравитике. Почему он не включил гипертягу и не убрался отсюда к чертям? Вероятно, не мог. Фландри ведь сам стрелял по его генератору квантового поля. Он мог попасть и вывести его из строя.

— Курсовики! — пронзительно вопила Драгойка у штурвала, — Всем стрелкам! Огонь! За Дженьевар ва-Радовик!

На них разворачивалось орудие. Он видел его. На таком расстоянии оно было маленьким, тонким, но опасным. Он прицелился. Его огонь расплавил ствол неприятельского орудия.

Истребитель поспешно удалялся. И вдруг неожиданно появилась «Новая Бразилия». Фландри вскочил со своего места, привлек к себе Драгойку, прижался лицевой панелью к ее груди и закрыл глаза. Когда он открыл их вновь, от мерсеянина остались раскаленные добела метеориты.

Они обнялись, неуклюжие в своих скафандрах.

«Умбриэль», «Антарктика» и «Новая Бразилия», истерзанные, искалеченные, покрытые ужасными ранами, населенные призраками умерших, но с победой (*с победой!*) приближались к планете. Разведывательные корабли давно уже закончили свою работу и отправились в сторону Империи. Ранджит Сингх окинул благодарным взглядом своих людей.

Фландри и Драгойка стояли вместе с ним в командном отсеке. Планета заполнила экран переднего обзора. Она была чуть больше Луны и, подобно спутнику Земли, также лишена воздуха, воды, жизни. Все это за миллиарды лет ушло в космос. Над пепельными долинами горы оскалили свои клыки на звезды. Бесплодная, пустая, слепая, как череп, эта бродяжка скиталась в поисках своей судьбы.

— Одинокая планета, — выдохнул капитан. — Одинокая планета, лишенная светила.

— Все кончено, сэр, — сказал Фландри. Усталость пульсировала в нем огромными мягкими волнами *«Уснуть... уснуть... быть может, видеть сны...»*

— Ее орбита ведет к столкновению с Саксо. Это произойдет через пять лет. Такая большая масса, летящая из бесконечности, несет энергию трехлетней звездной радиации, которая в течение нескольких секунд должна как-то разрядиться. А Саксо — это F5 и недолговечна, так как менее чем через бегагод начнет расширяться. Нестабильность уже, должно быть, нарастает. Удар — и Саксо станет новой звездой. Взрыв.

— А наш флот...

— Да, сэр. А что еще? Это невероятно до жути. Межзвездны

расстояния так велики. Но Вселенная все же больше. Неважно, какова вероятность, но все, что возможно, должно когда-нибудь случиться. Это как раз один из тех случаев. Мерсеянские исследователи случайно вычислили дату. Брехдан понимал, что это означает. Он мог разжечь конфликт на Старкаде, шаг за шагом развивать и направлять его, придерживаясь графика, пока наши основные силы не будут отправлены туда как раз перед взрывом. Мы вряд ли увидели бы виновника своей гибели. Он движется вне эклиптики. У него очень низкое альbedo, и ближе к концу он затеряется в резком свете Саксо. Он будет летать со скоростью более семисот километров в секунду. Да мы и не стали бы смотреть в этом направлении. Все наше внимание было бы сконцентрировано на войсках Брехдана. А они после того, как капитаны вскрыли бы свои приказы, точно бы знали, когда нужно умчаться на гипертяге. Что касается наших... начальная радиация распространяется со скоростью света, она убила бы экипажи прежде, чем они узнали бы об этом. Через час или позже первая волна газа превратила бы в пар наши корабли. Империя была бы искалечена, и мерсеяне могли бы войти в нее. Вот почему на Старкаде война.

Ранджит Сингх дергал свою бороду. Казалось, боль делала его более сильным.

— Можем ли мы что-нибудь сделать? Например, внедрить бомбу, чтобы разорвать на куски этот объект?

— Не знаю, сэр, без подготовки — вряд ли. Я думаю, слишком много осколков останется и, в основном, на том же пути. Конечно, мы можем эвакуировать Старкад. Есть и другие планеты...

— Да, мы можем это сделать.

— Ну, теперь-то ты мне объяснишь? — спросила Драгойка.

Фландри рассказал ей. Он не думал, что она может так плакать.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

В Хайпорте было все спокойно, люди сновали по пыльным улицам, ждали приказов и страстно стремились домой. Смог, грохот строительных работ, шум уличного движения, вой самолетов, летящих в бой, — все смешалось. Более того, после первых шумных торжеств веселье все еще было в разгаре. Окончание войны вскружило людям головы. Сначала было короткое сообщение, что адмирал Энрике и Фодайх Руней согласились прекратить огонь на период общения со своими правительствами. Потом наступила неизвестность. Вскоре прибыл корабль, было объявлено, что Старкад обречен. Империя и Ройдгунаты объединились в надежде положить конец межрасовому конфликту, затем были поспешная депортация мерсеян, неизбежная отправка большей части персонала Имперской Военно-Морской Авиации, прибытие гражданских экспертов для проведения предварительного изучения грандиозного проекта землян. И повсюду слухи, сплетни:

такой-то знает такого-то, который, в свою очередь, знает наверняка, что... Можно ли было делать вид, будто ничего не произошло, будто все идет как обычно? «Как обычно» уже никогда не будет. По ночам люди с трепетом смотрели на звезды.

Доминик Фландри шел в тишине. В прохладном воздухе был слышен лишь легкий звук его шагов. В бездонном синем небе сияло Саксо. За горой Нарпа снежные вершины устремлялись к призрачной Луне. Никогда еще планета не была так прекрасна!

Дверь в ксенологический офис была открыта. Он вошел. Столы были свободны, штат Джона Райденауэра работал в поле. Сам он, оставшись один, держался на стимуляторах, пытаясь скоординировать действия своих людей по всей планете. Он разговаривал с визитером. Сердце Фландри подскочило: лорд Хоксберг!

Все знали, что вчера прибыла «Маргарита» для того, чтобы посланник Его Величества совершил окончательную инспекционную поездку. В планах Фландри было держаться в отдалении...

Он отдал честь.

— Хорошо, хорошо, — виконт не встал с кресла, лишь повернул к нему худое, бледное лицо. Он сидел расслабившись, элегантно одетый, голос у него был довольный: — Кто это прибыл?

— Лейтенант Фландри, сэр... я... прошу прощения, я не хотел вас прерывать. Я пойду.

— Нет, сядьте. Я собирался разыскать вас. И я помню ваше имя, как это ни странно. — Хоксберг кивнул Райденауэру. — Продолжайте. Что за трудности, о которых вы упомянули?

Ксенолог едва заметил вновь вошедшего, сидевшего на стуле с несчастным видом. Голос у Джона был хриплым от усталости.

— Вероятно, мне лучше проиллюстрировать это типичной сценой, мой лорд, снятой на прошлой неделе. Это штаб-квартира Сестринства в Юджанке.

На экране появилась комната, чьи настенные росписи рассказывали о подвигах древних. Перед видеофоном сидели земляне и несколько тигерийских женщин, украшенных перьями, в полосатых мантиях властителей. Фландри узнал некоторых из них. Он проклинал случай, который привел его сюда в эту минуту. Ему было так больно расставаться с городом и его обитателями.

Хозяйка острова свирепо смотрела в рыбе лицо, проецируемое на экран.

— Никогда, — резко сказала она. — Наши права и потребности остаются с нами. Лучше умереть, чем отказаться от того, за что умирали наши матери.

Камера «перенеслась» под воду, где группа людей тоже вела свои наблюдения и записи. Вновь Фландри увидел изнутри Храм Неба — свет пронизывал воду, превращая его в единый огромный изумруд, где вольно плавали повелители Морского народа. Они пригласили в качестве экспертов Айсингласа и Ивенфола.

«С ними у меня не было случая проститься, — подумал Фландри, — и теперь уже никогда не будет».

Сквозь колоннаду он посмотрел на сказочный Отблеск Раковины.

— Затем, по окончании цикла, вы бы все похитили, чем всегда и занимались, — произнес переводчик. — Теперь этого не будет никогда. У нас должны быть ресурсы, когда нам выпадет Великий труд. Не забывайте о наших пушках.

Видеозапись включала переговоры людей Райденауэра в обоих концах, поэтому Фландри выслушивал горькие доводы на курсовикянском. Хоксберг не мог этого делать и начал беспокоиться. Через несколько минут он сказал:

— Очень интересно, но, может быть, кто-нибудь объяснит мне, что происходит?

— Краткий отчет был подготовлен нашей станцией на архипелаге Чэйн, — сказал Райденауэр.

Он щелкнул выключателем. На экране появилась лагуна; на водной ряби сверкал солнечный свет, и деревья шелестели позади просторного, ослепительной белизны пляжа — умопомрачительная красота! Это был вид из каюты катера, в котором сидел человек в темных очках. Он назвал дату, тему и заявил:

— Обе стороны продолжают отстаивать исключительные права на зоны рыбного промысла в архипелаге. Нашим группам удалось предотвратить необратимость конфликта главным образом за счет смягчения их высказываний при переводе. Мы, конечно, будем настаивать на справедливом договоре, может быть, нам удастся это сделать, но ненадолго.

Райденауэр выключил.

— Видите, мой лорд, — сказал он. — Мы не можем просто погрузить на космические корабли эти народы. Мы должны определить, какая из нескольких возможных планет наиболее подходит им. И мы должны подготовить их как в организационном, так и образовательном плане. Даже в идеальных условиях физический и культурный шок все-таки будет ужасен. Для того, чтобы обжиться, потребуются годы. В то же время обе расы должны будут защищать себя.

— Пререкаться из-за того, что через каких-то пять лет превратится в облако газа? Стоит ли спасать таких идиотов?

— Они не идиоты, мой лорд, просто наше известие, что их миру вынесен смертный приговор, было сокрушительным. Многим из них понадобится довольно длительное время, чтобы привыкнуть, залечить раны, прежде чем они смогут разумно рассуждать об этом. Многие и не смогут никогда... Мой лорд, каким бы логичным ни считал себя человек, каким бы ни был опытным, он всегда остается животным. Его подсознание — это ни что иное, как слуга инстинкта. Давайте не будем смотреть презрительно на этих старкадийцев.

Если бы у нас и мерсеян, двух больших ярких рас, завоевывающих космос, было больше ума, между нами не было бы войны.

— Ее и нет.

— Это как посмотреть, мой лорд.

Хоксберг вспыхнул:

— Благодарю вас за показ, — сказал он холодно, — я упомяну о нем в своем отчете.

Райденауэр начал оправдываться:

— Если Вашей Светлости понадобятся еще опытные сотрудники... вы видели лишь малую часть того, что необходимо сделать на этом клочке планеты. Впереди у нас еще целый мир, миллионы индивидуумов, тысячи общин. О многих, кроме названий, нам ничего не известно. Просто пустое место на карте. Но эти пустые места заполнены живыми, думающими, чувствующими существами. Мы должны прийти к ним на помощь. Нам не удастся уберечь всех, но каждый спасенный — это лишнее оправдание существования человечества, которому, видит Бог, есть за что оправдываться, мой лорд.

— Весьма красноречиво, — сказал Хоксберг. — Правительство Его Величества решит, захочет ли оно создавать такую огромную бюрократическую Империю для выгоды нескольких первобытных народов. Это вне моей компетенции. — Он поднялся. Вслед за ним встал Райденауэр. — Всего хорошего.

— Всего хорошего, мой лорд, — сказал ксенолог. — Спасибо за беседу! О! лейтенант Фландри! Что вы хотели?

— Я пришел попрощаться, сэр, — Фландри встал по стойке смирно. — Через час отходит мой транспортный корабль.

— Ну что ж, до свидания. Желаю удачи, — Райденауэр снизошел до того, что пожал его руку. И прежде чем Хоксберг, а за ним и Фландри вышли за порог, Райденауэр вернулся к своей работе.

— Давайте прогуляемся по городу, — сказал Хоксберг, — хочу размять ноги. Нет, идите рядом со мной. У нас есть что обсудить, молодой человек...

— Да, сэр.

Затем оба замолчали, пока не остановились на лугу, где росла длинная серебристая квазитрава. Ветерок нес прохладу с ледников. Пара крыльев мелькала в тишине.

«Даже если спасут все до единого живые существа Старкада, — подумал Фландри, — они будут не более чем мельчайшая частица той жизни, что бурлила в этом мире».

Плащ Хоксберга развевался на ветру. Он завернулся в него.

— Ну, — сказал он, глядя в глаза Фландри, — вот мы и встретились.

Фландри заставил себя выдержать его взгляд.

— Да, сэр, думаю, у милорда остались приятные воспоминания о пребывании на Мерсее.

Хоксберг выдавил усмешку:

— А вы бессовестны! Далеко пойдете, если никто не застрелит. Да, я могу сказать, что у меня был довольно интересный разговор с советником Брехданом после того, как пришло известие отсюда.

— Я... я думаю, вы согласитесь... э-э-э... ну, скажем, что космический бой произошел только потому, что оба командующих отдали ошибочные приказы.

— Правильно! Мерсея была так же изумлена, как и мы, узнав о схватке, после того как наши силы случайно обнаружили это. — Равнодушные Хоксберга исчезло. Он схватил руку Фландри с неожиданной силой и сурово сказал: — Любая другая информация — государственная тайна. Разглашение ее и даже малейшие намеки будут считаться государственной изменой. Это понятно?

— Да, мой лорд, я в курсе дела.

— Так будет выгодней для вас, — сказал Хоксберг более мягким голосом, — поскольку все сохраняется в тайне, с вас снимается обвинение. Сам факт, что они были когда-то выдвинуты, что произошло нечто особое, после того как мы прибыли на Мерсею, тоже идет в сверхсекретный архив. Вы спасены, мой мальчик.

Фландри заложил руки за спину, чтобы не показывать, как они сжались в кулаки. Он отдал бы десять лет жизни, чтобы вмазать по этому улыбающемуся лицу. Вместо этого он вынужден был сказать:

— Не будет ли милорд настолько добр, чтобы присовокупить свое личное прощение?

— О, Господи, да, конечно! — Хоксберг просиял и похлопал его по плечу. — Вы действовали абсолютно верно, точнее говоря, абсолютно верно из абсолютно неверных побуждений! Но по чистой случайности вы достигли моей цели за меня — мира с Мерсеей. С какой стати мне злиться? — Он подмигнул: — Не считая одной дамы, между друзьями ничего не произошло, да? Все забыто!

Фландри не мог больше притворяться.

— Но мира еще нет!

— Эй! Ну-ну, я понимаю, что вы переутомились и все такое, но...

— Мой лорд, они планируют уничтожить нас. Как мы можем дать им уйти, даже не устроив головойки?

— Успокойтесь! Я уверен, у них нет таких намерений. Это было средство, которое они могли использовать против нас, если бы мы их вынудили. Больше ничего. Если бы мы продемонстрировали искреннее желание сотрудничать, они бы предупредили нас заблаговременно.

— Как вы можете говорить такое? — поперхнулся Фландри. — Разве вы не читали историю? Разве вы не слышали мерсеянских речей, не держали мерсеянских книг, не видели наших убитых? А раненых, возвращавшихся из космоса после встречи с мерсеянами? Они хотят убрать нас из Вселенной!

У Хоксберга расширились ноздри:

— Достаточно, лейтенант, не забывайте! И избавьте меня от тошнотворной пропаганды. История этого инцидента умалчивается именно потому, что может оказаться объектом вашего неверного толкования. А это может осложнить будущие отношения между правительствами. Брехдан уже продемонстрировал стремление к миру, он полностью вывел свое войско со Старкада...

— Оставив нам всю дорогостоящую работу по спасению. Конечно!

— Я сказал, чтобы вы следили за собой, лейтенант. Вы недостаточно зрелы для того, чтобы проводить политику Империи.

Фландри проглотил горький ком.

— Простите, мой лорд.

Минуту Хоксберг смотрел на него изучающе. Неожиданно он улыбнулся:

— Нет, это вы простите мне мое злорадство. Вообще-то я не такой уж плохой. И вы тоже хороши! Однажды вы станете мудрее. Давайте-ка на этом и ударим по рукам.

У Фландри не было иного выхода. Хоксберг опять подмигнул:

— Дальше я, пожалуй, пойду один. Если хотите попрощаться с донной д'Ио, она в гостинной.

Быстрым шагом Фландри направился туда.

Когда он достиг штаб-квартиры и прошел сквозь сводчатый вход, ярость его угасла, сменившись пустотой. Он прошел в комнату и остановился. Зачем идти дальше? Зачем вообще что-то делать?

На Персис было золотистое платье, в волосах бриллианты. Она бросилась к нему.

— О, Ники, Ники! — Она положила голову ему на грудь и зарыдала.

Он машинально стал утешать ее. С тех пор как он вернулся из боя, у них было мало времени, чтобы побыть вдвоем. В Юджанке на него свалилось очень много работы у Райденауэра. Она настолько поглотила его, что он буквально возмущался, когда должен был отрываться для поездки в Хайпорт. Персис была смелой, умной и веселой, дважды вставала между ним и катастрофой, но ей не приходилось сталкиваться лицом к лицу со смертью. Ее жизнь никогда не была и не могла быть похожей на его.

Они сели на диван. В одной руке он держал сигарету, другой обнял Персис за талию. Она опустила глаза.

— Увижу ли я тебя когда-нибудь на Земле? — спросила Персис уныло.

— Я не знаю, — сказал он, — боюсь, что какое-то время мы не сможем видеться. На меня пришел официальный приказ — посылают учиться в Академию разведки. Командующий Абрамс предупреждал меня, что кандидатам там приходится туго.

— А ты не мог бы опять перевестись? Я уверена, что смогла бы устроить назначение...

— Милая, унылая работенка в офисе от звонка до звонка? Нет, спасибо, я не собираюсь поступать на чье-либо содержание.

Она сжалась так, как будто он ударил ее.

— Прости меня, — Фландри попытался выкрутиться, — я не хотел тебя обидеть, но работа для меня — все, в ней хоть есть цель. Если я не соглашусь на нее, в чем смысл моей жизни?

— Я могла бы и на это ответить, — сказала она тихо, — но боюсь, что ты не поймешь меня.

Он не знал черт возьми, что ему сказать.

Ее губы коснулись его щеки.

— Тогда вперед! — сказала она. — Лети!

— Э-э-э... у тебя нет неприятностей, Персис?

— Нет-нет, Марк очень воспитанный человек. На Земле мы даже могли бы какое-то время быть вместе. Я не хочу сказать, что у нас осталось бы все, как прежде. Как бы ни замалчивали, но кое-что из моих приключений станет известным. Какое-то время я буду интересна, как и все новое, на меня будет спрос. Не беспокойся обо мне. Танцовщицы знают, как приземляться на ноги.

Легкая радость шевельнулась в нем из-за того, что он освободился от обязанностей беспокоиться о Персис. Он поцеловал ее на прощание, хорошо имитировав чувство... Было здорово, что его одиночество вернулось к нему, а как только он вышел на улицу — и усилилось. Он полетел к Максусу Абрамсу.

Командующий сидел в своем офисе, выясняя кое-какие детали, прежде чем отбыть на том же транспорте, что повезет домой и Фландри. С Земли, правда, он хотел поехать в отпуск на Даяну... Когда ворвался Фландри, Абрамс сидел, навалившись своим грузным телом на спинку кресла.

— Ну, привет, герой, — сказал он. — Что тебя мучит?

Доминик сел на стул.

— Зачем продолжать наши попытки, — воскликнул он, — какой смысл?

— Ну-ну, тебе надо выпить. — Абрамс достал бутылку из буфета и налил два стакана. — Я и сам не против пропустить глоток. Едва ступил на Старкад, как мне говорят, что я опять улетаю. — Он поднял стакан: — Привет!

Рука у Фландри дрожала. Он выпил виски одним глотком. Проваливаясь, оно жгло внутренности.

Абрамс закурил сигару.

— Ну, ладно, сынок, — сказал он, — рассказывай.

— Я видел Хоксберга, — вырвалось у Фландри.

— Ну, он так ужасен?

— Он... он... этот ублюдок спокойно поедет домой. Без единого пятна на своей поганой репутации. Он еще и медаль может отхватить! Все еще трещит о мире!

— Тпр-р-у. Он ведь не злодей какой-нибудь, а просто страдает от сильного желания верить. Конечно, его политическая карьера

ограничена позицией, которую он занял. Он не может позволить себе признаться в том, что неправ... думаю, даже себе самому. Разве не справедливо было бы погубить его карьеру? Предположим, что мы можем это сделать. Но это нецелесообразно. Он нужен нам.

— Сэр?

— Подумай. То, что услышит публика, не имеет особого значения. Важно только то, что услышат в министерстве, как там его будут расценивать. Как тонко можно оказывать на него давление, если он получит место в нем, что, по-моему, ему удастся! Не надо будет никакого шантажа, никаких грубостей. Особенно если нельзя сказать правду. Достаточно в нужный момент удивленно поднять бровь, напомнить каждый раз, как он откроет свой рот, о том, во что он нас чуть не втянул в прошлом. Конечно, он будет популярен среди масс — у него появится влияние. Ну и прекрасно! Лучше он, чем кто-то другой с такими же взглядами, но еще не опороченный. Если бы у вас было сострадание, молодой человек, которого ни у кого нет в вашем возрасте, вы бы пожалели лорда Хоксберга.

— Но... я... Ладно.

Абрамс, нахмурившись, взглянул на него сквозь облако дыма.

— Кроме того, — продолжал он, — если быть дальновидным, то нам нужны пацифисты в качестве противовеса креслу ракетчиков. Пусть мы не сможем добиться мира, но и не развяжем войны. Мы сможем выдерживать свою линию. А человек — не особенно терпеливое животное по своей природе.

— Так что, все предприятие свелось к нулю? — Фландри чуть не закричал. — Только к тому, чтобы удерживать то малое, что у нас есть?

Седая голова склонилась:

— Если Господь Всемогуший позволяет нам так много, то он более милосерден, чем справедлив.

— А что Старкаду — смерть, боль, разорение и, наконец, дрянное статус-кво? Что мы здесь делаем?

Абрамс поймал взгляд Фландри и не отпускал его.

— Я скажу тебе, — вымолвил он. — Мы должны были прийти. Сам этот факт, каким бы бесполезным он ни выглядел, каким бы далеким и чужим ни казался нам этот бедный народ, дает надежду моим внукам. Мы противостояли врагу, не позволяли никакому агрессору уйти безнаказанно, пользуясь случаем, который он нам дал, чтобы разгромить его. И мы еще раз доказали и ему, и себе, и Вселенной, что, по меньшей мере, так просто не сдадимся. Ведь мы были частью этой планеты.

У Фландри не было слов.

— В данном конкретном случае, — продолжал Абрамс, — в результате того, что мы пришли, мы можем спасти две думающие расы и все то, что может иметь значение для будущего. Мы никак не могли знать об этом заранее, но настало время, и мы появились. Предположим, что нас бы не было здесь. Предположим, что нам

было бы безразлично, что делает враг в этих границах. Стал бы он спасать коренных жителей? Я сомневаюсь в этом. Во всяком случае до тех пор, пока в этом не оказалось бы политической выгоды. Такого уж сорта этот народ.

Абрамс затаился поглубже.

— Ты знаешь, — сказал он, — еще в те времена, когда в Египте правил Эхнатон, может быть, даже раньше, была такая философская школа, которая учила, что мы должны сложить оружие и уповать на любовь. Что даже если любовь не спасет, по крайней мере, мы умрем безвинными. Обычно даже оппоненты этой школы говорили, что сама идея благородна. Я скажу тебе, что сия идея — дрянь. Я скажу, что это не только не реалистичная, не только инфантильная, но и злая идея. Она отрицает, что у нас в этой жизни есть обязанность действовать! А как мы можем действовать, если упустим наши возможности? Нет, сынок, мы смертны, а это значит, мы невежественны, глупы и грешны — но это только наши недостатки. Как бы то ни было — мы можем гордиться, что иногда делаем все, на что способны. Изредка нам это удастся. Чего же больше требовать?..

Фландри молчал.

Абрамс усмехнулся и наполнил стаканы.

— Конец лекции, — сказал он, — давай посмотрим, что тебя ожидает. Обычно я не говорю этого парням в твоем самонадеянном возрасте, но поскольку тебя нужно подбодрить... что ж, я скажу: если ты на вершине успеха, Господь, помоги противнику!

Они проговорили еще целый час. И Фландри, насвистывая, вышел из офиса.

Белый король

Звезда, которую люди раньше называли Мимир, блеском в четыре раза превосходит Солнце, но на расстоянии в пять астрономических единиц кажется крохотной точкой бледно-голубого огня, слишком яркого для незащищенного глаза.

Сторожевой корабль приближался к Реджину. Освещенная сторона планеты-гиганта отражала лучи Мимира своей плотно спрессованной атмосферой. Спутник Реджина, Вейланд, напротив, похвастаться атмосферой не мог: ее скудный слой не мешал рассмотреть обнаженные вершины гор, ледяные поля и сухие равнины.

Лейтенант Имперского Земного флота Доминик Фландри, навистывая вальс, энергично перебирал пальцами по панели: ошибка техников базы заставила его перейти на ручное управление. В ушах неприятно стучала кровь — давало о себе знать искусственное гравитационное поле.

Откинувшись на спинку соседнего кресла и не спуская глаз с экрана, Жанна заметила:

- Вы слишком отклонились от курса.
- Естественно, — легко согласился Доминик.
- Как это, естественно? — опешила Жанна.

— Элементарно, Ватсон! Неужели непонятно, что мы угодили в не совсем обычную ситуацию? Конечно, еще не поздно передумать и явиться с повинной, но я предпочитаю втереться в доверие нежностью...

Жанна напряженно слушала, не понимая ни слова.

— Ты меня застала врасплох. Ты одета в броню, но даже в броне ты чертовски привлекательна. Я иду на посадку в этот кратер. Ты его видишь? Нас может задеть метеорит, но я надеюсь, что в

системе Мимира соблюдают закон неприкосновенности имперской собственности. Ты посидишь на борту, пока я разведая, что там к чему.

Доминик обращался одновременно к планете и Жанне. Это был его любимый способ смущать девушек.

Жанна слегка покраснела. Типичный представитель Обжитых Территорий, она впервые оказалась в подобном путешествии. Впрочем, надо отдать ей должное, — держалась она очень мужественно.

Планета действительно выглядела на редкость таинственно. Застывший (на сто лет? на полчаса?) ансамбль роботов на орбите, древние строения и еще какие-то загадочные объекты — на поверхности. В общем, обстановка самая что ни на есть тревожная. В другой ситуации Фландри сделал бы еще виток и дождался подкрепления. Но сейчас он должен был скрывать от базы свои намерения. Кроме того, ему просто хотелось выпендриваться перед Жанной.

Правда, по степени нежности и внимательности Жанна могла соперничать с ледяной вершиной, но Доминик не терял надежды поближе познакомиться с этим нежным маленьким телом, голубыми глазами и медовыми волосами. Он старался угодить всем ее желаниям. Он даже готовил еду — Жанна оказалась никудышним поваром. Зато она была прекрасным собеседником: их долгие вечерние беседы доставляли Доминику истинное наслаждение. Он посмеивался над неопытностью Жанны с первых минут полета, продолжал посмеиваться и сейчас, но при этом не мог не признать, что постепенно она завладела всеми его мыслями и превратилась в самое драгоценное, что только можно было сыскать во вселенной — по крайней мере, в видимой ее части.

Сторожевик вошел в атмосферу. Корабль трясло, как в приступе падучей.

— Вперед, Жака, только осторожно, моя девочка, — бормотал Фландри.

— Как вы ее назвали? — переспросила Жанна, пытаясь переключиться на что угодно, только бы не видеть ошестинившихся скал, что стремительно наползали на обзорный экран.

— Вообще-то корабль называется «Жианнобини-Зиннер», но это скорее печально, чем смешно. С другой стороны, не называть же мне ее этим четырехэтажным заводским номером? Это было бы вовсе нехорошо по отношению к нашей малышке. Так, теперь спокойнее... Атмосфера разреженная, и, следовательно, ветер бешеный.

Палуба дрожала у них под ногами. Руки Фландри порхали над панелью. Он ругнулся в адрес недотепы-техника, но как-то беззлобно: ему уже не раз доводилось совершать ручную посадку.

Жанна резко вскрикнула. На огромном экране показалась стая больших металлических птиц с огромными изогнутыми клювами. Они явно шли в атаку.

Скорлупа сторожевика сотрясалась от ударов, но вряд ли они могли причинить большой вред: корабль был рассчитан на отражение гораздо более серьезных агрессий.

Хуже было другое: птицы расшатывали радары и все зондажное оборудование. Одна из них нагло вцепилась в большой окуляр и нависла на экране прямо над Жанной и Домиником. Девушку едва не стошнило от вида мерзкой железной твари. Теперь Фландри вел корабль вслепую. Некоторые из механических птиц взрывались от собственного усердия, и сторожевик опускался посреди непрерывных огненных всполохов и плотных клубов дыма.

Вдруг корабль подпрыгнул и накренился от дикого толчка — Доминик понял, что все-таки зацепил вершину пика. Он навалился на панель, отчаянно пытаясь вернуть «Жаку» в вертикальное положение. Иначе — смерть...

С Леоном Аммоном Фландри познакомился на самой границе Империи — на планете Урюм-клав.

Он покинул стоянку флота сразу же после захода солнца. Никто не обратил на него ни малейшего внимания. Прежний командир пытался навести здесь порядок: запретив подчиненным ходить в Старый Город без специальных увольнительных, он постарался воспроизвести все его соблазны прямо на территории базы, для чего были построены спортивные площадки, кафе, театры, а также завезены девочки, снабженные медицинскими свидетельствами. Но хозяева Старого Города были слишком богаты и влиятельны. Командира перевели на одну из самых захолустных баз, и его преемник вновь предоставил своим подчиненным полную свободу действий. Говорят, что таким образом он значительно увеличил свои побочные доходы.

В тот вечер Фландри выглядел очень элегантно. Золотой китель, белоснежные брюки, фосфоресцирующая накидка, берет, сдвинутый набок чуть больше, чем это позволяет устав... Легкая, пружинистая походка. Все это, вкуче со старинной шотландской балладой, которую Доминик негромко напевал себе под нос, придавало ему весьма легкомысленный вид — со стороны трудно было предположить, что в этот вечер парень готов был встретить лицом к лицу смертельную опасность.

Сразу за стенами базы располагались шикарные резиденции, построенные в давние годы процветания Империи. Старый Город манил тогда не только купцов, но и аристократов, которые предпочитали обустраивать свою жизнь в соответствии с земными привычками. Теперь их прекрасные особняки и роскошные парки принадлежали местной знати, не имевшей ни малейшего представления о том, как обращаться с по-настоящему дорогими вещами.

Между этим «элитарным» поселком и собственно городом тянулись районы барачных, мастерских и пакгаузов. Очутившись здесь,

Фландри автоматически нащупал под накидкой иглопистолет. На этих улицах ограбления и даже убийства не были особенно редким явлением.

Застройка районов была бестолковой: обвалившиеся и кое-как подновленные халупы пионеров соседствовали с новыми домами. Над многочисленными питейными заведениями мерцали огни вывесок. Бессвязные выкрики, пьяные песни, грохот поп-музыки и разговоры на ста языках сливались в невообразимый гул, перемешиваясь еще и с резкими запахами потных тел, дыма, ладана и аптекарских принадлежностей.

Перед домом с красным фонарем туземец беспрерывно выкрикивал один и тот же набор английских фраз:

— Подходите — заходите — минимальные расходы — любые удовольствия и развлечения — напитки — угощения — возбуждающие и галлюциногенные средства — барышни семнадцати рас на любой вкус и цвет — подходите — заходите.

Фландри зашел. Швейцар, огромный, стриженный, облаченный в синюю униформу детина, встретил его широкой улыбкой.

— С благополучным прибытием, мсье. Чего желаете?

— Вы Лэм? — осведомился Фландри.

— Э-э... Да. А вы?

— Меня ждут.

— Ах, да. Пожалуйста, пройдите в гравитационный лифт. Шестой этаж, левый коридор, затем прямо до номера шестьсот шестьдесят шесть. Там есть кнопка. Когда дверь откроется, поднимитесь по ступенькам.

— Шестьсот шестьдесят шесть? — переспросил Фландри. — Мсье Аммон юморист.

— Никаких имен, — строго предупредил швейцар.

Фландри позволил себя обыскать (Лэм забрал иглопистолет), без труда нашел нужную дверь и зашел внутрь. Комната оказалась огромной: обстановка ее являла причудливую смесь роскоши и безвкусицы. В углу стояла внушительных размеров волосатая статуя.

— Здравствуйте, — сказал Аммон.

Он был на редкость безобразен и жирен, потен, не слишком опрятен, но зато одет в пунцовый халат самого высшего качества.

— Вы знаете, кто я? Отлично! Присаживайтесь. Сигару? Коньяк?

Фландри дважды сказал «да». Ему не пришлось пожалеть об этом, ибо качество выпивки и курева оказалось просто превосходным.

— У вас будет еще и не то, — улыбнулся Аммон, — если... Впрочем, давайте сначала все обсудим. Вы никому не сказали о моем приглашении?

— Конечно нет, мсье.

— Вообще-то, меня это мало волнует. Почему бы мне и не пригласить молодого человека на рюмочку коньяка? Что в этом незаконного? Вот у вас могли быть проблемы с вашим командиром.

— Мне показалось, мсье, что вы бы не стали подвергать меня излишней опасности.

— Не скрою, Доминик, вы мне определенно нравитесь, — Аммон с удовлетворением кивнул. — Я обратил на вас внимание сразу же после того, как вы стали появляться в Старом Городе. Вы спокойный, выдержанный, немного грубоватый и малоразговорчивый. Я велел навести справки о вашем прошлом.

— Бьюсь об заклад, что не так уж и много вам удалось узнать, — сказал Доминик. — Лейтенанта получил недавно, экс-пилот, в настоящее время работаю на разведку, ввиду чего и откомандирован на границу.

— А кроме того, — мягко сказал Аммон, — мне известно, что вы — главное действующее лицо в деле Старкада.

Фландри только крикнул от изумления. Каких же размеров должна была достичь коррупция, если содержатель средненького борделя на пограничной планете второй категории обладает такой информацией?!

— Я знаю больше, — продолжал Аммон. — Ваше назначение сюда отнюдь не оказалось счастливым билетом, как вы предполагали вначале. Перспектив-то здесь почти никаких. Полагаю, вы бы утешились, если бы у вас появилась возможность уехать отсюда богатым человеком? Я могу вам это устроить. Вы ведь нуждаетесь в деньгах?

Фландри издал неопределенный звук. Если они проверяли банковские счета, врать бесполезно.

— Я клялся Империи.

— Конечно-конечно! — успокаивающе закивал Аммон. — Вам не придется действовать против Ее Величества. Я тоже гражданин. Я не предлагаю вам совершить предательство... Но вы должны обещать мне молчать обо всем, что я сейчас расскажу.

— Если уж я пошел на эту встречу и вступил в игру с вами, то мне ничего иного не остается. Я обещаю.

— Прекрасно, — Аммон возбужденно потер руки. — Вы должны исследовать для меня одну планету. Причем во время ближайшего вашего выхода в космос. По возвращении получите миллион. Форма оплаты — любая.

Аммон порылся в ящике стола и вытащил оттуда увесистый сверток.

— Здесь сто тысяч. Это аванс. Можете, впрочем, не брать, а указать банк, в который их нужно перевести.

— Но ведь у меня же будет официальное задание!

— Чтобы сделать то, о чем я вас прошу, с лихвою хватит каких-нибудь двух недель. Согласитесь, это сущие пустяки.

— Вы догадываетесь, что будет со мной, если... Если об этом узнают на базе?

— Узнать могут только от вас и от меня. Мне вы должны доверять. Я же доверился вам, а ведь в наше время подкуп офицера — самое страшное преступление. Во всяком случае, по головке меня

не погладят. А от вас и доказательств не потребуют, если заявите на меня. Что им какой-то владделец притона? Исчез — и концы в воду...

Аммон, конечно, лукавил. Фландри подозревал, что «какой-то владделец притона» — не такая уж маленькая фигура, судя по тому, что ему известно о деле Старкада. Но в то же самое время Доминик чувствовал, что его собеседник лукавит лишь для того, чтобы убедить космонавта. В главном Аммон был искренен.

— Ну, допустим, я найду, что записать в бортовой журнал, чтобы объяснить мое двухнедельное отсутствие. Поломка и так далее. Продолжайте, пожалуйста.

Аммон наклонился к собеседнику, обдав его неприятным запахом изо рта.

— Речь идет о сокровищах. Пять столетий назад на том самом месте, где мы с вами сидим, была база Политехнической Лиги. Вы слышали об этом?

Фландри задумался.

— Ее, кажется, разбомбили во время бунтов?

— Точно, — кивнул Аммон. — Но кое-какие подземные сооружения остались в неприкосновенности. Я их исследовал самым тщательным образом. И нашел микрофильмы, на которых записана уйма интересной информации, в том числе — об интересующей нас планете. Именно она — конечно, не только она, но в первую очередь она — обеспечивала Лиге стабильное экономическое положение. Место это находится рядом с Реджином.

— Тяжелые металлы, — вдруг сказал Фландри.

Аммон опешил.

— Откуда вы знаете?

— Нетрудно догадаться, — пожал плечами Фландри. — Пятьсот лет назад лететь в такую даль, аж за границу Империи, можно было только за тяжелыми металлами. Удовольствие-то дорогое. Еще более дорогое, если строить там колонию роботов со всем необходимым для их жизнедеятельности. Люди-то не могут работать на планете, полной таких вредных элементов.

— А вы на редкость сообразительный молодой человек, — заметил Аммон, глядя на собеседника, впрочем, с некоторым подозрением. — Ну, так вот. Речь идет о спутнике Реджина, Вейланде. Объем — три процента от земной, зато притяжение — все пятьдесят.

«Вот это плотность! — подумал Доминик. — Хотя понятно — уран, торий, плутоний... Боже! Я полечу не за деньгами. Честолюбие пилота обязывает меня сесть на планету такой плотности».

— Все, что от вас требуется, это представить отчет о Вейланде, — продолжал Аммон. — Я рискую своими деньгами. Если вы ничего не найдете, деньги все равно ваши. Я же потеряю миллион. Даже больше, чем миллион — мне еще придется платить за услуги агента, его содержание и доставку до места, где вы его подберете...

— Какого еще агента? — нахмурился Фландри.

— Извините, мсье, но я не могу довериться вам полностью. Кто вам, например, помешает сказать правительству, что вы свалились на Вейланд случайно? Со всеми вытекающими отсюда последствиями: слава, премия, чины, руководящая должность в проекте освоения спутника... Похоже на правду, не так ли? Мой агент будет сопровождать вас и по ходу полета снабжать навигационными данными. Для меня же это хороший свидетель против вас на тот случай, если вы резко измените свое отношение ко мне. Но даже с агентом я рискую — рискую больше, чем вы.

«Куда уж больше! — подумал Фландри. — Гравитация плюс всякие неожиданные приветы от обломков старой цивилизации...»

— Ладно, — сказал он. — Уговорили. Но у меня есть еще одно условие.

— Какое?

— Ничего особенного, мсье, — покачал головой Фландри. — В качестве агента вы наверняка выберете какую-нибудь волосатую гориллу. Я, знаете ли, не могу гарантировать успешной посадки, если этакая туша будет постоянно дышать мне в затылок. Давайте так: вы найдете на эту роль женщину. Насколько хотите умную, но обязательно приятную. Согласны?

— Женщину? — Аммон на мгновение растерялся — Женщину... Что ж, это, пожалуй, возможно. Если уж вы так настаиваете...

— Вот и договорились, — Фландри поднялся на ноги.

И вот теперь он, почти потеряв управление сторожевиком, падал на Вейланд.

Очнувшись и бросив неприязненный взгляд на большой экран, с которого в него целились клювами сразу три металлических «птички», Фландри бросился к приборам. Немного воздуха они потеряли, но после того как баланс был восстановлен запасом из главного хранилища, новых утечек не было. Доминик радостно сообщил это лежавшей на полу Жанне и продолжил инспекцию корабля. Очевидно, оболочка треснула не слишком серьезно для того, чтобы вывести из строя автоматическую систему воздушноснабжения, но о том, чтобы поднять корабль на орбиту без капитального ремонта, не могло быть и речи.

Гравитационное поле не работало; Доминик поморщился, ощутив непривычную легкость своих движений. Это могло означать только одно — термоядерный реактор был мертв.

Он направился в хвостовую часть корабля, обошел кухню, туалеты, машинный отсек. Почти часовой осмотр не прибавил ему новых надежд, но и не усугубил опасений. Наконец он вернулся на мостик.

Жанна стояла у панели управления, а в кресле перед ней было сложено все оружие, какое только имелось на борту. Предписанные уставом дезинтегратор и иглопистолет, трофейный кинжал Фландри,

оставшийся ему на память о марсианской войне, — одним словом, все, кроме ее личного парализатора, который она держала перед собой, нацелив в грудь Доминику.

— Какого дьявола? — воскликнул Фландри, подходя ближе. — То есть, я хотел сказать, какой дьяволицы?

— Ни с места! — крикнула Жанна.

Оценив ситуацию, Фландри повиновался. Было бессмысленно пытаться выбить оружие в прыжке: в кабине было слишком мало места, и пуле просто некуда лететь, кроме как в него самого. Лицо Жанны было покрыто мертвенной бледностью.

— Вы что, рехнулись? — осведомился Доминик.

— Стоять! — снова крикнула Жанна. Было ясно, что еще немного, и она выстрелит.

Фландри пожал плечами, уселся на пол и стал ожидать развития событий.

— Объясните мне, что произошло, — потребовала Жанна.

— Летели-летели, — Доминик пожал плечами. — Упали. Кажется, больше ничего особенного не происходило. А вы, собственно, о чем?

— Хватит надо мной издеваться! — взвыла Жанна. — Что с кораблем?

Фландри коротко объяснил, что с кораблем.

— Ну, и что дальше?

— А ничего, — сообщил Доминик. — Температура и состояние атмосферы таковы, что, сократив до минимума расход энергии, мы протянем месяца три... Жратвы немного больше. Но когда термометр покажет минут девяносто — что вполне возможно, — наши сэндвичи понадобятся разве что этим милым «птичкам»...

— Перестаньте паясничать! Нам нужна помощь.

— По радио не получится. Атмосфера хиленькая. Волны дойдут только до горизонта.

— Вы это серьезно — про радио? — удивилась Жанна.

— Не для того, чтобы сообщить на базу, как вы решили, а чтобы связаться с Главным Ординатором рудникового центра... Да, да, здешнего рудникового центра. Это должна быть очень хорошо организованная машина. Если бы могли с ней связаться, роботы исправили бы здесь все в считанные часы. Я думаю, что через Ординатора мы и птичек бы отключили, — он улыбнулся. — Но, увы, это невозможно. Придется положиться на волю судьбы и самим искать путь к спасению.

— Я подозревала, что вы так и решите, — ледяным голосом сказала Жанна.

— Кстати, вам не тяжело держать пистолет? — осведомился Доминик и охнул: она хладнокровно приподняла дуло и выстрелила поверх его головы.

Некоторое время они молчали.

— Я кое-что знаю об этом корабле, — продолжила Жанна. —

Здесь должны быть так называемые «курьеры». Курьер долетит до базы за неделю и сообщит, где мы находимся... Я понимаю, о чем вы думаете. Мое присутствие здесь — дикое нарушение устава. Если власти дознаются, что вы приняли деньги от Аммона, вас ждет пожизненное рабство.

— А вас? Вас-то что ждет?

— Я — жертва обстоятельств. Меня заставили силой, и я не могла противостоять этим гадким людям, но вот наступил момент, когда я способна проявить себя как подобает гражданину Империи. Газетчики клонут на этот сюжет. Когда страсти поутихнут, я без труда уговорю адмирала Джулиана замять это дело. Скажем, это будет маленькой наградой за мой гражданский подвиг. Мы с адмиралом превосходные друзья.

— Если я откажусь вам помогать, — сообщил Доминик, — вам не продержаться здесь до прихода спасателей. Мне почему-то кажется, что птички о нас не забыли.

— Продержать вы или нет — вопрос спорный. К чему все эти споры, Ник? Неужели же мы не успеем придумать правдоподобную сказочку, в которой вы были бы невинны, как Белоснежка? Клянусь, я вас не брошу. Я к вам очень привязалась, Ник.

— Да уж, это видно, — пробормотал Доминик. — Но вы же не знаете, как посылать курьера.

— Я вас парализую, свяжу и замучаю пытками так, что вы сами полетите вместо курьера на базу, — хмуро сказала Жанна. — Очень бы не хотелось, однако... Поверьте, Ник, другого выхода нет. А у меня, да будет вам известно, богатый опыт... в разных областях. Когда вы тут хвалились трудностями, которые вам приходилось преодолевать, я только смеялась — внутренне, конечно, чтобы вас не обидеть. Ник, я вышла живой после трех лет рабства... в Трех Черных Катаверных. Вы понимаете, что это такое?

Некоторое время Доминик сидел молча. Потом махнул рукой.

— Ладно, Бог с вами. Отправим вашу депешу. Пишите.

Держа Доминика под прицелом, Жанна отконвоировала его к курьерам; она оказывается даже знала, где они находятся. Доминик показал ей небольшой контейнер, смонтированный в двадцатиметровое веретенообразное тело курьера, предназначавшегося для передачи экстренных сообщений, небольших образцов грунта, минералов для анализа в земных условиях, прочей ерунды, и принялся готовить курьера к полету.

— Я ставлю шестьдесят секунд отсрочки старта.

— Это еще зачем? — подозрительно спросила Жанна.

— Чтобы мы успели вернуться к пульту и ассистировать старту вручную. И, кстати, убедиться, что эта штука улетела.

— Разумно, — согласилась Жанна.

Они вернулись к большому экрану и смогли, наконец, спокойно рассмотреть положение корабля. Сторожевик примостился у стенки кратера, крутой склон которого уходил ввысь и смыкался с небом

на высоте примерно двухсот метров. Насколько хватило глаза, повсюду громоздились одни утесы. Поверхность спутника представляла из себя сплошную белую массу из снега, ангидрида и аммиака. Из сугробов ключом бил туман. Свистел дикий ветер.

— Влипли, — констатировал Фландри.

— Когда курьер улетит, Ник, — с неожиданной грустью спросила Жанна, — ты будешь ласков со мной?

Доминик не успел удивиться вопросу, потому что в этот момент торпеда вышла из трубы. Она уверенно набирала высоту, чтобы, выйдя из атмосферы, сориентироваться по Бетельгейзе и уйти на базу.

Жанна закричала. Яркая искорка, парившая высоко в фиолетовом небе, неожиданно метнулась к курьеру. Фландри включил увеличение. Кривой клюв разорвал тонкую алюминиевую оболочку в считанные секунды. Торпеда с письмом рухнула.

— Хорошо, что мы это увидели.

Яркая точка вернулась на исходную позицию. Рядом с ней кружило еще три.

Жанна зарыдала. Он ласкал ее волосы, шепча ей на ухо утешительные слова.

Она быстро покончила с истерикой, глянула на него и спросила:

— Ты доволен, не так ли?

— Я, скажем так, сожалею.

— Ты предпочитаешь смерть...

— Рабству? Пожалуй, да.

* * *

Насекомые настигли его почти на самом гребне.

Пока Жанна готовилась к экспедиции, он решил сходить на разведку: осмотреть окрестности и, может быть, найти одну из погибших при посадке корабля «птичек».

Атаки с их стороны он не очень опасался, надеясь при случае нырнуть в грот или расщелину.

Выбравшись на поверхность, Фландри радиоприемником, встроенным в скафандр, прошагивал весь диапазон и на одной из частот услышал какое-то странное дребезжание. Он, однако, не решился подать ответный сигнал.

Куда ни кинь, простирались скалы, снег, лед да туман, освещенные бледным светом. Ультрафиолет моментально ослепил бы Доминика, если бы не защитные фильтры скафандра. Клочки туч проплывали на фоне незнакомых созвездий. Пилот уперся в стену кратера.

Сам подъем был достаточно прост: эрозия будто специально выела выступы для рук и ног, а уровень гравитации делал человека в громоздком обмундировании существенно легче, чем на Земле.

Хуже было другое: он не мог наблюдать за небом и к тому же давали о себе знать повреждения аппаратов термостатики и подачи воздуха. Почти сразу же Фландри стал задыхаться от жары и сильно потеть. Тем не менее, стиснув зубы, он продолжал карабкаться вверх и почти одолел стену. В этот момент и появились насекомые — почему-то именно таким словом Доминик назвал про себя этих гадких существ.

Тридцать сантиметров длины, десять лап, вооруженных кривыми крючками, хвост, который оканчивался двойным жалом, и плоская голова, на которой болтался пучок чего-то похожего на антенны. Лучи Мимира играли фиолетовым отсветом на серой броне.

У Фландри закружилась голова. Было принято считать, что Вейланд абсолютно стерилен, что при диком холоде в жидкой атмосфере, на почве, где преобладали металлы, соперничающие друг с другом в силе радиации, никакая биологическая активность невозможна. Доминик подумал, что люди еще очень многого не знают о жизни, что, возможно, в системах таких молодых звезд, как Мимир, человечество еще ожидают всяческие сюрпризы... Думать, впрочем, было некогда.

Двое насекомых прыгнули на шлем. Фландри скосил глаза: твари сидели уже и на поясе, цеплялись за ботинки. Они принялись терзать броню. Раньше Фландри знал только одну дрянь, способную разгрызть кислотостойкие сплавы — слоноволка с Линотаврии. Теперь он знал еще одну. Насекомые уже прогрызли в скафандре несколько дыр и продолжали глотать металл. Он грубо выругался и ударом ноги отшвырнул одного из нападавших прочь. Существо отлетело очень недалеко и тут же впилося в ботинок с удвоенной яростью. Фландри попытался оторвать еще одну гадину, но она прицепилась слишком крепко.

Он вытащил пистолет, отрегулировал толщину пучка игл, приставил ствол вплотную к панцирю и нажал на спуск. Тварь не задымилась, не взорвалась, совсем никак, казалось, не отреагировала на выстрел, но через пару секунд разжала крючки и замертво свалилась вниз.

Другие продолжали атаковать. Фландри убил еще несколько штук. Двое последних, что нападали со спины, отцепились сами. Жара быстро нагревала скафандр, воздух со свистом выходил через дыры. Фландри казалось, что барабанные перепонки вот-вот лопнут.

Он с трудом наложил на дыры заплаты, подключил запасной резервуар и с наслаждением глотнул чистого воздуха. Затем засунул в мешок двух мертвых насекомых и полез дальше.

На вершине скалы он действительно обнаружил взорвавшуюся «птичку», подобрал несколько осколков и поспешил обратно. Жанна бросилась ему навстречу, он снял скафандр, машинально поцеловал ее и прошел мимо, не в силах вымолвить ни слова.

Идти предстояло километров двести. Если, конечно, составленные Фландри на орбите карты были точны. Двести километров разделяло сторожевик и вершину самого высокого пика, где Доминик предполагал найти старинный центр управления летающим, ползающим и всем остальным хозяйством планеты.

— Вплотную приближаться нельзя, — вслух думал Фландри. — Вдруг этот самый центр набит приборами по пожиранию людей.

Можно было сократить путь, двигаясь по открытой местности, но Фландри отказался. Он прокладывал маршрут через холмы и горы, где можно было в любой момент спрятаться. Это сильно осложняло экспедицию, особенно если иметь в виду отсутствие всякого опыта у Жанны, тяжелый груз (еда и оборудование) и необходимость проходить за каждый день по сорок километров.

Среди прочих негативных факторов было понижение гравитации, вероятное отсутствие переправ через каналы и большая вероятность, что на всем пути климат будет таким же противным, как и на месте приземления.

Среди позитивных — изобилие стимуляторов и желание выжить.

Он решил, что перед уходом нужно поесть нормальной пищи, послушать музыку, позаниматься любовью и хорошенько выспаться под защитой детекторов сторожевика. Жанна, в общем, не возражала против этого плана, но ее сильно огорчало, что все это может быть в последний раз.

Наконец, они перевалили через стену кратера и углубились в лабиринт сухих возвышенностей и опасных ледников. Фландри решил останавливаться на десять минут каждый час. Он посвятил отдых возне с картой, гирокомпасом и секстантом. После четвертого привала Жанна не смогла подняться с уступа скалы. Фландри сначала рассвирепел, наговорил резкостей, но быстро успокоился, извинился и стал разбивать лагерь. Он выбрал место под нависшим утесом.

— Здесь наши приятели нас не увидят, а, кроме того, если они вдруг вырабатывают органические отходы, то не смогут, по крайней мере, сбросить их нам на голову.

Жанна не отвечала.

Доминик с трудом установил арматуру, которую норовил вышибить у него из рук неожиданно разгулявшийся ветер, и принялся надувать герметический тент. Чтобы сэкономить аккумуляторы, он пользовался ручным насосом. В сильном нагнетании воздуха не было необходимости — атмосфера Вейланда состояла главным образом из разреженных газов и азота. Внутри он разместил портативный обновитель воздуха, радиатор для удаления и испарения углерода и наполнил помещение килородом. Труд был тяжелый, но необходимый: больше всего на этой планете он нуждался в месте, где можно было отдохнуть, полежать на спине и увидеть Жанну без скафандра. Вот только бы она стала хоть чуточку веселее... Монтируя обновитель, Доминик с тоской подумал, что он восста-

навливает живительный газ далеко не на сто процентов, и вообще его хватит только на четырнадцать «ночевок».

Он показал Жанне, как сбалансировать давление в скафандре и помещении. Они сняли свою броню. Жанна растянулась на ковре, устало вращая остекленевшими глазами. Он собрал перегонный куб, водрузил его на обогреватель и наполнил льдом.

— Зачем? — удивилась Жанна.

— Там могут быть соли тяжелых металлов. Крупинки плутония будет достаточно, чтобы мы умерли мучительной смертью. И, кстати, помни, что в атмосфере чистого кислорода нельзя курить.

Она отвела глаза к иллюминатору, за которым расстился унылый, какой-то кладбищенский пейзаж.

Еда ее немного воодушевила. Она села на корточки, обвила руками ноги и положила подбородок на колени.

— Ник, чем я могу быть полезна? Позволь мне тебе помогать.

— Ну, неси караул за этими... животными.

— Животными? — удивленно подняла брови Жанна.

Фландри пожал плечами.

— Все труднее понимать, в чем разница между организмом и механизмом. Они существуют здесь сотни лет, их системы куда более приспособлены и сложны, чем у большинства других разновидностей органической жизни. Они могут реагировать, чувствовать, действовать. Они как-то воспроизводятся. Некоторые из них думают. Они почти совершенны. У них, можно сказать, есть органы зрения и слуха. Очень непросто нащупать грань между совершенными роботами и искусственными видами животных. Птички тоже устроены очень разумно, но они, кажется, пользуются большей свободой.

Он боролся со страшным желанием покурить.

— Нет сомнения, что есть место, где они могут получить... ремонт что ли. В это место мы и идем. Мы ничего не знаем о том, сколько их и для чего они предназначены. Но, как минимум, нужно исходить из того, что все встреченное нами постарается нас уничтожить.

* * *

Они продвигались вперед медленнее, чем планировали, но постепенно наращивали темп. Жанна стала уставать меньше, а кроме того, они приуспокоились к особенностям почвы. В пути они имели удовольствие в обилии наблюдать «животный мир» планеты.

По-прежнему строго бороздили небеса «птички», рысью пронесли на шести лапах два существа ростом с собаку — устрашающего размера челюсти и невероятное количество антенн на спине.

Нечто более крупное, рогатое, с дюжиной хвостов прокатило на гусеницах в глубине оврага.

Дважды путешественники наблюдали за схватками насекомых с их «земляками». Первый раз насекомые сражались с большим красным шаром, который отбивался двумя клешнями. Второй раз — с какими-то противными склизкими омарами.

Побежденные оставались лежать на месте. Вокруг вообще было много изувеченных останков. Похоже, что никто не собирал погибшие механизмы для восстановления или хотя бы на запчасти.

На одной из радиочастот действительно происходили какие-то переговоры: наверное, это роботы общались с центром, который и давал жизнь всей этой чертовщине.

Чертовщине? А что если кто-то специально разрушил нормальную жизнь Вейланда, подменив программу Ординатора? Или это был несчастный случай? Взрыв, от которого машина сошла с ума? Одна гипотеза фантастичнее другой...

Наконец Жанна и Фландри оказались в часе ходьбы от своей цели. Вблизи пик выглядел крайне неприятно и подозрительно. Жанну даже передернуло. Она изрядно обрадовалась, увидев, что Доминик устанавливает тент в укромном гроте.

В сон они провалились мгновенно, а к «утру» Фландри полностью восстановил силы, был бодр и даже весел. Он энергично готовился к восхождению и даже заявил вершине, что будет отныне именовать ее «Горой Девственницы».

— Еще бы знать, как она к этому отнесется, — пробормотала Жанна.

Фландри изучал гору в бинокль. Она оказалась настолько обрывистой, что космонавт даже покачал головой: такую крутизну нелегко одолеть и при здешней невысокой гравитации. Еще он различил четыре крестообразные вершины радиомачт. Неподалеку Доминик заметил несколько роботов старого, хорошо знакомого типа. Он даже хотел связаться с одним из них, но вспомнил, что они не умеют чинить корабли.

Фландри развернул радиопередатчик и направил его на одну из мачт. Жанна напряглась. Лицо ее очень похудело за последние дни, глаза запали и лихорадочно блестели.

— С Богом, — сказал Фландри, повременил еще пару секунд и проговорил в микрофон: — Двое людей с поврежденным кораблем нуждаются в помощи. Ответьте, прием.

Он повторил призыв несколько раз. В наушниках трещали космические шумы.

Он повторил попытку на той волне, где слышал переговоры роботов. Безрезультатно.

Он методично перебрал все волны, надеясь расслышать сквозь скрежет и шорох хотя бы маленький повод для надежды. Тщетно. Часа через полтора он вздохнул и выпрямился.

— Плохо. Этого я и боялся.

— Мы исчерпали все возможности? — испуганно спросила Жанна.

— На эту я надеялся больше, чем на другие. Главный Ординабр должен мгновенно отзываться на призыв о помощи.

Гудел ветер. Звезды глядели на Доминика насмешливо и нагло.

— Придется идти смотреть своими глазами.

— По открытой местности? — Жанна с трудом поднялась с санитарного ящика и схватила Доминика за плечи. — Они же тебя убьют. Просто затопчут. Заключают.

— Я буду осторожен. Кстати, посмотри-ка, здесь как раз нет особых следов сражений. Может быть, это более спокойное место... А ты подождешь меня здесь, под тентом. — Он потрепал ее по щеке.

— Я пойду с тобой.

— Жанна, это очень...

— Во-первых, — перебила она, — одной страшнее. Во-вторых, я не хочу тебя оставлять. Мы ведь понесем совсем немного вещей — мне будет легче. А тебе пригодится вторая пара рук и глаз.

«В-третьих, — подумал про себя Фландри, — она хочет убедить-ся, что я не присвою чего-нибудь такого, в чем она тоже могла бы поиметь свою долю».

Едва они пустились в путь, как начали стремительно сгущаться сумерки. Фландри быстро понял, что происходит, и поначалу обрадовался. Вскоре диск Реджина закрыл солнце, и только сверкающая корона освещала спутник. Фландри видел солнечное затмение на разных планетах, но это было, пожалуй, самым впечатляющим: пейзаж стал одновременно очень величественным и беспредельно уродливым. Темнота, однако, позволяла путешественникам продвигаться без риска быть обнаруженными.

Но... Не все вещи на Вейланде имели свою положительную сторону, однако все непременно имели отрицательную. Резко снизилась температура. А еще через пару минут Доминика и Жанну накрыла снежная буря. Идти можно было только наощупь.

Фландри выругался, посмотрел на гидрокомпас и нашел, что они сместились влево. Он схватил Жанну за руку вовремя, еще мгновение, — и им пришлось бы долго искать друг друга в снежной круговерти.

— Не лучше ли подождать? — услышал он сквозь завывания пурги.

— Нет. Нам нужно продвинуться вперед хотя бы немного не будучи замеченными.

Жанна промолчала. Доминик тоже промолчал: он не стал говорить об опасности заблудиться.

Затмение продолжалось часа два. Потом ветер стих — неожиданно, как выключили. Освобожденный Мимир пролил сквозь фильтры тумана необыкновенно нежное сияние. Несмотря на ситуацию, Фландри оценил художественные таланты здешней природы.

«Роботам, конечно, наплевать на пейзаж. Разве что Главный

Ординатор... Имперские потребности ограничивались малым, и эти замечательные машины работали в четверть силы. Кто знает, «мозг» такого уровня сам мог придумать себе дополнительные развлечения. Не исключено, что, выполняя свою рутинную работу, он время от времени наводил детекторы на ночное небо и любовался его холодной красотой...»

Фландри рассчитывал, что, чуть рассеявшись, туман продержится еще несколько часов и позволит им спокойно продвигаться вперед. Но туман сняло как рукой в считанные секунды. Несколько прорывов в мутной завесе стремительно превратились в огромные дыры, а вскоре от тумана осталось лишь несколько жалких клочков.

Жанна вскрикнула. Спутники оказались на прекрасно освещенной, хорошо просматриваемой равнине. Доминик крепче сжал пистолет.

Метрах в ста пробежали «собаки». Поодаль неторопливо проехал рогатый гигант.

Чуть подальше, но все же в достаточно опасной близости от них, виднелось еще несколько чудовищ. Дружно проползло десятка два насекомых. В небе появились «птички». Жанна снова вскрикнула: она обернулась назад и увидела новинку — круговую пилу с целой коллекцией разнокалиберных лап. Жанна заплакала и упала на колени. Доминик приготовился к нападению, понимая, что шансов — никаких. Но нападения не последовало. Механизмы, казалось, не обращали на людей никакого внимания. Пила с лапами прокатилась в трех метрах и спокойно проследовала дальше. Доминику показалось, что он теряет рассудок. Немножко придя в себя, он стал оглядываться и соображать.

Сначала он обратил внимание на то, что все животные движутся пусть к далекой, скрытой за горизонтом, но явно к одной и той же точке.

Жанна вдруг засмеялась. Фландри не обратил на это внимания. Он заметил, что состояние окружающих их существ очень далеко от идеального. У кого-то были пробиты панцири, у кого-то не доставало ног. Отовсюду слышался натужный скрип, как если бы механизмы не смазывали целую вечность. Некоторые страшилища ползли очень медленно: аккумуляторы явно были на исходе.

Жанна хохотала, как «врезанная». Фландри понял, что она не в себе, схватил ее за ворот и несколько раз сильно встряхнул. Ему потребовалось немало минут, чтобы привести ее в норму.

— Извини, Ник... Я сильно тебя испугала, да? Что это с ними?

— Видимо, в этой зоне наши приятели могут отремонтироваться и починиться. Во всех остальных местах они запрограммированы атаковать все, что движется, а здесь становятся безобидными, как кролики.

— Ты считаешь, что мы в безопасности?

— Ну... не совсем, конечно. Но мне кажется, что мы можем идти вперед.

— Куда вперед?

— За ними, стараясь держаться все-таки несколько на расстоянии... Очевидно, эта гора — все же не место дислокации Ординатора. Центр где-то там, за горизонтом.

Некоторое время они продвигались достаточно спокойно. Фландри обратил внимание на то, что Реджин вновь появился на небе — на этот раз в виде тоненького полумесяца. Жанна окончательно успокоилась и даже стала насвистывать какую-то мелодию. Но буквально через мгновение Доминик ее остановил.

Прямо к ним приближался робот доселе невиданного ими типа. Ростом он был почти с человека, панцирь отливал золотом и слепил глаза. Большие крылья, как у летучей мыши, длинные ноги, как у страуса. Тело — горизонтальный цилиндр с хвостом и головой, которая своими выпуклыми оптическими зондами, длинной мордой и гривой антенн очень сильно напоминала лошадиную. На груди крепилась — Фландри не рассмотрел как — отточенная пика.

— Назовем эту штуку «лошадь — летающее коромысло», — предложил Доминик, — или нет, лучше назовем ее Пе...

Насчет Пегаса он пошутить не успел. Робот бросился на них большими скачками. Пика его была угрожающе поднята.

Напал он почему-то именно на Жанну.

— Беги! — крикнул ей Фландри.

Девушка бросилась в сторону. Доминик выстрелил, но робот плевал на его световую иглу. Сам он атаковал Жанну тоже каким-то лучом: очевидно, он использовал электрическое оружие. «Плохо дело», — подумал Фландри. Он установил максимальную мощность, но огонь только отскакивал от металлического панциря ослепительными брызгами. Робот снова рванулся к девушке.

— Делай крюк ко мне! — приказал Доминик.

Жанна среагировала моментально. Луч ударил ей в спину, по счастью, угодив в резервуар с воздухом: чуть выше или ниже — и ткань комбинезона не выдержала бы. Удар сбил Жанну с ног, но она ловко откатилась в сторону и вскочила. Робот, выходя на позицию для атаки в лоб, промчался мимо Фландри.

Доминик прыгнул, ухватился руками за лошадиную шею и оседлал металлический цилиндр. Крылья трещали где-то сзади, едва не задевая его за лопатки. Фландри повернулся и выстрелил в правое крыло. Мембрана не выдержала, робот потерял равновесие и рухнул.

Доминик приставил пистолет к голове робота и принялся остервенело нажимать на спуск. Наконец он попал в какой-то из основных органов. Робот затих.

Глоток воды и стимулирующая пилюля вернули силы. Но Жанна уже показывала рукой налево: совсем недалеко, наклонив голову, стояла еще одна «лошадь». Но вместо того чтобы атаковать людей,

она нервно ходила взад-вперед, как бы не в силах преодолеть какой-то преграды. Тут-то и пригодилась пара острых жантиных глаз.

— Он не может перешагнуть через линию, — прошептала она.

Действительно, трещина, перед которой стояла «лошадь», была неожиданно прямой и при внимательном изучении оказалась стороной большого правильного четырехугольника. Наведя бинокль на равнину, Фландри обнаружил, что все обширное пространство вокруг них расчерчено на квадраты. Фландри попытался почесать в затылке, но помешал скафандр.

— Я дальше не пойду, — заявила Жанна и уселась на землю.

— Ты предпочитаешь ожидать смерть прямо здесь или на сторожевике? — уточнил Доминик.

Появившаяся вдали точка быстро увеличивалась в размерах и скоро превратилась в машину — что-то вроде грузовика. Фландри ругнулся, схватил Жанну за рукав и потащил к груде метеоритов размером с двухэтажный дом. Вершина груды была неплохой позицией для обороны.

Робот невозмутимо прошествовал мимо. Он явно не был предназначен для схватки. Простой грузовик с парой рук. Он загрузился разрушенным роботом и пополз восвояси.

— Ага, — сказал Доминик, крепко прижимая к себе дрожащую как в лихорадке Жанну. — Начало ремонта. Неудивительно, что на этом участке нет обломков. Значит, имеются роботы-убийцы двух типов. Одни — в свободном полете, как наши милые птички. Сюда они возвращаются, если хватает сил, для починки. Здесь они мирные. Второй тип — местные. Они защищают эту территорию и заботливо опекаются ремонтными машинами.

— Ты уверен, что мы должны идти дальше? — перебила его Жанна.

— Нет, не уверен, но мы пойдем. Обратно нельзя.

Теперь они обращали внимание на границы квадратов. Два следующих были пусты. В соседнем располагался вертикальный цилиндр, поднятый на гусеницы, повыше и потолще своего незадачливого крылатого соседа. Верхушка цилиндра, где, вероятно, находились зонды, была увенчана зубцами, как средневековая башня. Смутное воспоминание промелькнуло в голове Фландри, но рассеялось прежде, чем он смог на нем сосредоточиться.

— Ник, наверное, каждый из них окапывается в своем квадрате.

— И каждый отвечает за защиту своего квадрата, — кивнул Доминик. — Строгое распределение обязанностей и пространства. В баскетболе это называется зонной защитой.

— Не все квадраты заняты, — усомнилась Жанна.

— Может быть, некоторые часовые находятся на ремонте, — предположил Фландри.

Но на ремонте — после чего? С «вольными» механизмами здешние не сражаются, так с кем же? С человеком?

— Ник! Человек!

Крик прорезал царившее вокруг напряженное затишье. Доминик вздрогнул, как от электрического удара. Километрах в двух действительно вырисовывался человеческий силуэт.

Дрожащей рукой космонавт поднес бинокль к глазам. Объект на самом деле напоминал человека, одетого в облегающий комбинезон. До жути напоминал. Но все-таки это был робот. Он стоял абсолютно неподвижно, держа наперевес щит и меч.

— Нам не везет, — сказал Доминик. — Еще один сторожевой робот. А, может, наоборот, везет. У меня, честно сказать, отлегло от сердца, когда я увидел, что это не человек. К роботам я как-то привык...

— Ты можешь его уничтожить? — спросила Жанна.

— Наверное, но... Если судить по нашему Пегасу, эти приятели покрыты броней, которая отражает пучки энергии. Мне очень не хочется исчерпать заряд до конца. Я и так уже много потратил. Еще одна схватка, и мы останемся безоружными. Кстати, гляди-ка, вон там, подальше, еще трое таких же. К ним мне почему-то идти не хочется. Пойдем-ка вон туда...

Фландри пересек квадрат по диагонали. Машина, которой он доверился, среагировала и насторожилась. Это был еще один цилиндр, более высокий и узкий, чем предыдущий. На его сверкающей поверхности не было заметно ничего, напоминающего оружие. Конусообразная голова казалась разломленной на две симметричные части, между которыми виднелись какие-то приборы.

— Предположим, что это только дозорный, — пробормотал Фландри.

— Нечто похожее я видела в музее абстрактного искусства, — заметила Жанна. Они спокойно прошли мимо робота.

— Их два — на Земле и на Венере, — уточнил Фландри.

Жанна взвыла. Вопреки всем прогнозам робот покинул свой квадрат и настигал путников. Пыль и кристаллы блестящего льда кружились между его основанием и почвой. «Да у него там воздушная подушка!» — растерянно подумал Фландри. Отступая, он искал глазами укрытие.

Из разрезанной головы метнулась полоса белого огня. Фландри успел увернуться, но спиной почувствовал адскую жару. Ответный выстрел успеха не принес: луч уткнулся в грудь роботу, как в скалу. Противник продолжал атаку. Фландри отчетливо слышал шум мотора. Сообразив, что Жанна находится неподалеку от линии квадрата, Доминик бросился бежать в обратную сторону, чтобы дать девушке возможность уйти в безопасную зону. Сам он надеялся, что длинные ноги помогут ему достичь естественного укрытия, где легче будет вести сопротивление. Он почти добежал до следующей линии, но споткнулся, свалился навзничь и приготовился принять смертельный удар.

Удара, однако, не последовало. Когда Фландри выпал из поля

зрения робота, тот предпочел погоне добычу полегче. А Жанна на этот раз оказалась менее проворной и не успела пересечь линию. Доминик в отчаянье выстрелил и, очевидно, угодил в разрез, поскольку робот остановился и недовольно помотал головой. В этот момент Жанна пересекла линию. Робот застыл. Постоял секунду, повернулся к Доминику и снова замер в нерешительности. Он покачивался — не как испорченный механизм, а словно в замешательстве. «Вряд ли это из-за пистолета», — подумал Фландри. Счастливая мысль озарила его внезапно. Он засмеялся, двумя рывками достиг квадрата Жанны и, раскинув руки, повалился на спину.

Система возобновления воздуха работала, туман в мозгу рассеивался, все тело жадно вдыхало кислород. Атаковавшая машина неподвижно торчала в середине соседнего квадрата. Фландри бросил взгляд на индикатор заряда иглопистолета. Около нуля. Аккумуляторы системы жизнеобеспечения тоже были на исходе.

Жанна подползла к Фландри и обняла его. Она плакала.

— Все кончено, Ник. Рано или поздно нас все равно прикончат. Если мы и дойдем до цели, то лишь для того, чтобы найти повелителя этих убийц. Пойдем на корабль. У нас есть еще пара месяцев, чтобы спокойно пожить вдвоем.

— Ты права, Жанна, все кончено. Да только мы выиграли! До меня наконец дошло, что здесь происходит. Ты обратила внимание на поведение слона?

Жанна отпрянула от него.

— Ты сошел с ума?

— Нисколько. Ты никогда не играла в шахматы? Все эти приборы — я имею в виду местных «зверушек» — не что иное, как шахматные фигуры. Слон ходит только по диагонали, потому-то он нас и не настиг. «Человек» — это, по-видимому, пешка.

Жанна не верила своим ушам.

— Ты заметила, что каждый раз слон атаковал только одного из нас? — продолжал Доминик. — Все правильно, в шахматной клетке не может быть двух фигур одновременно.

— Ты считаешь, что все это сотворил Ординатор?

— А кто кроме него? За пять столетий бездействия он придумал себе игру. Нам следовало раньше догадаться. Ну ладно, пойдем.

— Ну нет! — сказала Жанна. — Нас тут же уничтожат.

— Жанна, теперь, когда мы знаем, куда может «сходить» та или иная машина, выбрать безопасные клетки — задача элементарная. Я когда-то очень неплохо играл в шахматы.

Фландри действительно неплохо играл: не прошло и двух часов, как, успешно миновав все опасности, они покинули пределы шахматной доски, обошли ее по внешней кромке и вплотную приблизились к группе старых зданий. Среди развалин суетились безобидные роботы-ремонтники.

По дороге они имели возможность оглядеть фигуру, призванную играть короля. Ей был придан облик человека четырехметрового

роста, одетого в платье давних времен, блиставшее золотом и алмазами. Оружия при короле не было.

Фландри и Жанна подошли к главному зданию. Доминик установил передатчик на волну роботов.

— На таком расстоянии, — сказал он тому, кто должен был находиться внутри, — ты не можешь меня не услышать. Прием.

В наушниках раздался треск. Медленный, какой-то заржавелый голос набирал уверенность от слова к слову, как если бы его обладатель только что очнулся от глубокого сна.

— Человек наконец вернулся? Насколько я понимаю, вернулось сразу два человека.

— Угадал, — сказал Ординатору Фландри.

— Заходите через шлюз. Внутри можно будет снять комбинезоны. К вашим услугам меблированные комнаты... Пища и напитки в сохранности. Надеюсь, что вы найдете все необходимое в хорошем состоянии. Впрочем, возможны кое-какие беспорядки...

Долгая дорога домой

ГЛАВА 1

Космический корабль вышел из подпространства и повис во тьме, пронизанной звездами.

Мгновение царило молчание, затем раздался голос:
— Где Солнце?

Эдвард Ленгли развернулся в кресле пилота. В кабине царила тишина, лишь чуть подвывал вентилятор, и в неестественной тишине он услышал удары своего сердца.

— Я...не знаю... — наконец сказал он. Слова звучали жестко, пусто. На экране контрольной панели — он давал обзор всего небесного свода — Ленгли видел Андромеду, Южный Крест, Орион, но нигде в этой кристальной мгле не было знакомого блеска.

Невесомость походила на бесконечное падение.

— Мы в заданном районе, это точно, — помолчав минуту, сказал он. — Созвездия более или менее похожи. Но... — его голос увял.

Четыре пары глаз жадно шарили по экрану.

Затем Мацумото сказал:

— Вот здесь... Во Льве... Яркая звезда. Вы ее видите?

Они уставились на блестящую желтую искру.

— Цвет, как мне кажется, правильный, — сказал Блостейн. — Но она ужасно далеко. После некоторой паузы он неуверенно хмыкнул, уселся рядом со спектро스코пом, навел его на звезду, фокусируя изображение на эталонном снимке солнечного спектра, и нажал клавишу блока сравнения. Красный свет не загорелся.

— Все те же смещенные вправо линии Фраунгофера, — медленно выговорил он, — та же интенсивность каждой линии, с точностью в несколько квантов. Или это Солнце, или его брат-близнец.

— Далеко? — спросил Мацумото.

Блостейн уткнулся в фотоанализатор, считывая показания с

диска, и полоса света скользнула по его пальцам. — Три десятых светового года, — сказал он. — Не очень далеко.

— Все же далековато, — проворчал Мацумото. — Мы должны были оказаться в одной десятой светового года. Неужели опять двигатель барахлит?

— Вряд ли, — проговорил Ленгли. Его руки легли на пульт управления. — Я прыгну поближе?

— Нет, — сказал Мацумото. — Если мы ошиблись, определяя свое местоположение, то еще один прыжок отправит нас прямо в недра Солнца.

— Или в ад, или в Техас, — в тон ему отозвался Ленгли.

Он ухмыльнулся, хотя к горлу подкатила тошнота от такого предположения.

— Отлично, ребята. Отправляйтесь на корму и начинайте ремонтировать эту старую рухлядь. Раньше найдем неисправность — раньше попадем домой.

Они кивнули, выйдя из кабины. Ленгли вздохнул.

— Ничего не поделаешь, придется ждать, Сарис, — сказал он. Холатанин не ответил. Он никогда не говорил без необходимости. Его огромное, ладно скроенное тело лежало неподвижно в противоперегрузочном кресле, специально подогнанном для него, но глаза настороженно блеснули. От него исходил слабый запах, но не неприятный, напоминавший запах травы под солнцем на широком поле. Казалось, он был вне этого узкого металлического гроба и принадлежал открытому небу и струящейся воде.

Мысли Ленгли вернулись к насущному. «Три десятых светового года. Не много. Я скоро приду к тебе, Пегги, если смогу проползти это расстояние».

Переведя управление на автоматику, на случай если поблизости окажется случайный метеорит, Ленгли почувствовал себя свободным от ответственности командира.

— Это не займет много времени, — сказал он. — Немного знаний потребуется, чтобы наладить эту грудку старья. Ну, а пока партию в шахматы?

Сарис Хронна и Роберт Мацумото были на «Эксплорере» шахматными партнерами, они провели множество часов, горбясь за доской. Странно было следить за ними: человек, чьи предки покинули Японию, перебравшись в Америку, и существо с планеты, удаленной на тысячи световых лет, поглощенные комбинациями древних персов. Осознание этого единства давало Ленгли ощущение безбрежности и всемогущества времени больше, чем бесконечная пустота, которую они пересекали, больше, чем бесчисленные солнца и планеты, кружащие во тьме.

— Нет, сп-пасибо, — блеснули белые клыки, рот и горло образовали звуки, для которых никогда не были предназначены. — Я предпочту завершить формирование новой и необычной концепции. Ленгли кивнул. Даже после многих недель совместной жизни

он не мог понять характера холатанина, — подобно зверю, поджидающему в густом лесу добычу, он мог часами сидеть с мечтательным видом и философствовать на непонятные темы.

— Ладно, парень, — сказал он. — Пока займусь вахтенным журналом.

Он нажал на часть стены в футе от себя, пробрался через люк в узкую комнату. Наконец он получил возможность немного размяться, перегибаясь через стойку в крошечной комнатке, зацепившись ногами за светлый стул, прикрученный к обшивке стены.

Журнал лежал открытым, удерживаемый тонкой магнитной вставкой. С неторопливостью, которая являлась следствием борьбы с собственным нетерпением, он перелистнул страницы.

На титульной странице значилось: Отдел госдепартамента США по астронавтике. Исследовательский Корабль «Эксплорер», экспериментальный рейс, начат 25 июля 2047 года.

Цель: исследование суперпривода. Дополнительная цель: сбор сведений о других звездах и их возможных планетах.

Экипаж: Капитан и пилот: Эдвард Ленгли, 32 года, домашний адрес — Лорами, штат Вайоминг, окончил Годдардовскую академию, звание — капитан астронавтической службы, космонавт с 18 лет. Длинный послужной список, включая Меркурианский бросок. Медаль Меррита за героизм при спасении «Ареса». (Конечно, должен же был кто-то сделать это, если б они знали, как мало я тогда успел.)

Инженер по электронике: Роберт Мацумото, 26 лет, домашний адрес — Гонолулу, Гавайи, служащий Космического корпуса, звание — лейтенант астронавтической службы. Работал на Луне, Марсе, Венере; изобретатель топливного инжектора и кислородного регенератора.

Физик: Джон Блостейн, 27 лет, домашний адрес — Рочестер, Нью-Йорк, гражданский. Работал на Луне в качестве политического представителя Инженерно-астронавтического корпуса. Основные работы в области теоретической физики, создатель нескольких экспериментальных систем для их проверки.

Биолог: Том Форелли... «Да, Том мертв. Он умер на неизвестной планете, которую мы посчитали безопасной, и никто не знал, что он умирает от болезни, острой аллергии — это была одна из смертей, подготовленных чужой эволюцией за миллионы лет. Мы сожгли его там, и душа его отправилась к Богу, который, очевидно, был далеко от тех мест — зеленого неба и шепчущих красных трав».

Глаза Ленгли остановились на фотографии на стене. Рыжеволосая девушка улыбалась ему сквозь дымку лет и миль. «Пегги, дорогая, — подумал он, — я возвращаюсь домой!»

Космонавты не имеют права жениться; их единственное право — мчаться, сломя голову, меж звезд верхом на метле ведьмы — так они называли свой корабль с двигателями, принцип работы которого никто из них не понимал толком. И когда к Ленгли пришло приглашение, Пегги увидела в его глазах страстное стремление и, не

колеблясь, предложила ему соглашаться. Беременная и растерянная, она направила его к далеким звездам, а сама осталась на Земле.

...Скажи, зачем идешь на этот подвиг?

И отвечает мне король:

Чтобы покинуть наше время,

Чтобы над морем парусом лететь...

«Никто, кроме меня, — подумал он. — Ладно, это было в последний раз.» Он стар для этой работы, и незаметно его энергия и стремления иссякли. Это жребий игрока и его выигрыш. Он возвращается домой — несомненно, он снова должен оказаться дома, и они обоснуются на ранчо, будут разводить чистопородных лошадей, и лишь по ночам он будет глядеть на звезды сквозь дым своей трубки.

Но его сыну теперь принадлежит не только стерильная Луна, бесплодный Марс, ядовито-горчичная адская дыра Венеры. Ему должна принадлежать роскошь и тайны всей Галактики, его металлические скакуны будут пастись среди звезд.

Ленгли начал быстро перелистывать журнал. Оставшаяся его часть была заполнена всевозможными данными: характеристики двигателя, звездные координаты, элементы планетарных орбит, массы планет, температуры и составы атмосфер, небрежные наброски универсальных креплений. Каким-то образом эти сухие факты взбодрили его.

Ленгли запихнул в трубку несколько табачных лоскутков. Сделать это и разжечь трубку было настоящим искусством при неведении, спасибо небесам, этот корабль оборудовали всем необходимым. В большинстве известных ему кораблей совершенно нельзя было курить — так ценился кислород. Возможность курить на борту уже давала понять, что «Эксплорер» — необычный корабль. Хотя размерами он был мал, но имел двигатели и баки для реактивной массы как у крейсера, мог опускаться на любую планету, размерами с Землю или менее, мог маневрировать после входа в атмосферу, мог поддерживать жизнь экипажа годами, мог выдержать любое испытание. Строился он шесть лет и стоил 10 миллиардов долларов.

Перед мысленным взором Ленгли промелькнула история полетов в космос. История была недолгой. Большинство специалистов сомневались в их необходимости. Космические станции были бесполезными, лунные базы имели военное значение, но внешняя часть солнечной системы считалась бесплодной, враждебной пустыней, интересной только с научной точки зрения и, может быть, своими нестабильными элементами. Но однажды физический парижский журнал опубликовал статью, Некто Ле Февр исследовал аспекты дифракции электронов с точки зрения единой теории поля. И он использовал новый оригинальный вариант экспериментальной уста-

новки с гиромангнитными элементами, и результаты — темный круг с расплывчатыми краями и пятна на фотографической пластинке, в общем, ничего эффектного — оказались абсолютно неожиданными; он смог это объяснить только следующим образом: электроны двигались от точки к точке мгновенно, не задерживаясь разделяющим их расстоянием.

В Калифорнии использовали сверхмощный ускоритель с пучком частиц почти в грамм эквивалентной массы, результаты подтвердились.

В Керенскограде теоретик Иванов, заинтересовавшись экспериментами, выступил с объяснениями полученных данных: континуум не четырехмерен, существуют не менее восьми ортогональных направлений — модернизация старых квантово-механических гипотез об еще одной параллельно существующей Вселенной. Вещество двигалось через «гиперпространство» от точки к точке практически мгновенно, как бы далеко эти точки не находились.

Мгновенно! Это значило, что звезды с их неоткрытыми планетами были на расстоянии взмаха ресниц. Понадобилось десять лет разработок, и появилось устройство, которое могло совершить скачок от околосемной станции к орбите Плутона. Когда потом его обнаружили радиотелескопом, приборы показали, что времени на прыжок не было затрачено, и животные на борту не пострадали. Затруднение вызвало только то, что аппарат обнаружили в нескольких миллионах миль от планируемого места доставки. Повторение экспериментов дало огромный процент ошибок при обработке задаваемых координат выхода, что усугубляло ситуацию при гигантских межзвездных расстояниях. Иванов и технические специалисты пришли к выводу, что это следствие принципа неопределенности Гейзенберга, усиленное влиянием отдельных элементов электроцепей.

Так что задача была чисто техническая — усовершенствовать отдельные цепи, чтобы космический корабль мог точно попадать в любые желаемые точки пространства.

Но такая работа требовала изрядного количества времени, чтобы ошибки не завели корабль на планету или, что еще опаснее, внутрь ее, и больших экспериментальных работ по точной настройке блоков управляющей системы. Наиболее подходящим вариантом было создание опытного корабля с экипажем экспертов, которые могли бы проводить доработки, проверяя их на дальних прыжках. Так в США был создан «Эксплорер».

Ленгли просмотрел записи за прошлый год: неточные прыжки от звезды к звезде, ругань и тяжелая работа, счетчики, неустойчивое управление, медленная и упорная борьба за победу. Одну за другой перекраивали схемы, трудные и постепенные улучшения и, наконец, прыжок от Холата обратно к Земле.

С помощью философов Холата, чьи нечеловеческие умы, рассмотрев проблему со всех сторон, нашли окончательное решение,

поставленная перед экипажем задача была решена, и сейчас «Эксплорер» возвращался домой, неся человечеству Вселенную.

Мысли Ленгли опять вернулись к мирам, которые он видел: удивительным и прекрасным, ужасным и мертвым...

Затем он открыл последнюю страницу журнала и, не выпуская из руки ручку, записал: «19 июля 2048, 16 час. 30 мин. Вышли на расстояние 0,3 светового года от Солнца. Ошибка, предположительно — следствие неуставленной разрегулировки двигателей. Подрегулировка производится в данный момент. Положение...»

Он проклял свою забывчивость и вернулся в пилотскую кабину снимать отсчеты звездных координат.

Тощая угловатая фигура Блостейна висела в воздухе, остроносое лицо было запачкано смазкой, волосы растрепаны более обычного.

— Не могу найти причины, — доложил он. — Мы проверили все — от мостовых сопротивлений до процессорной логики, вскрыли гиромангнитные ячейки — никаких признаков отказа. Может стоит распротрошить все?

Ленгли задумался. «Нет, — сказал он наконец. — Пожалуй, хватит».

Вошел приземистый плотный Мацумото, его вечная жевательная резинка придавала лицу слегка придурковатый вид.

— Нашему кораблю просто не повезло с едой. — Сказал он. — У него вдруг забурчало в животе. Все эти связи в сложных системах настолько запутаны, что больше похожи на человеческий организм, чем на машину.

— Да, — протянул Ленгли. — Блистательный ум в полном отчаянии от своего создания.

Он уже снял координаты. Эфемериды дали ему положение Земли, и он настроил сверхпривод, учтя максимальное значение возможной погрешности. — Пристегнитесь и держите ваши шляпы, господа.

Он ничего не почувствовал, когда переключил главный тумблер. Да и что можно ощущать вне потока времени? А искра Солнца внезапно превратилась в тускло-багровый диск — это настроились светофильтры, ослабляя его блеск.

— Ура! — завопил Мацумото. — Жди меня, Гонолулу!

По спине Ленгли поползли мурашки. «Нет», — сказал он.

— Что?

— Взгляни на солнечный диск. Он недостаточно велик. Мы должны были оказаться в одной астроединице от него, а на самом деле оказались на треть далее.

— Нормально, — сказал Мацумото.

Губы Блостейна нервно дрогнули.

— Не так плохо, как могло быть, — сказал он. — Мы доберемся на реактивной тяге.

— Это не самый лучший способ, — ответил Ленгли. — Мы думали, что система управления позволяет контролировать точку вы-

хода с точностью около процента. Мы проверили это в системе Холата. Но почему мы не можем получить такую же точность в нашей системе?

— Ну и что? — нахальная физиономия Мацумото светилась удовольствием. — Мы можем использовать асимптотический способ?

Мысль о том, что, преодолев бесконечность, придется прыгать рядом с Землей, не достигнув ее, была для Ленгли нестерпимой. Он отбросил это предложение и занялся приборами, пытаясь успокоить себя.

Они попали в плоскость эклиптики, и телескоп сразу же идентифицировал Юпитер. Затем приборы показали, что Марс и Венера должны быть примерно на той же линии. Но их не было.

Затем Ленгли, измотанный всем этим, осмотрелся вокруг.

— Положения планет неверные, — сказал он. — Мне кажется, что я узнал Марс... но он зеленый.

— Ты пил? — спросил Блостейн.

— Ни капли, — ответил Ленгли. — Глянь-ка в окуляр, вон диск планеты, на правильном расстоянии и в том же месте, где должен быть. Но он не красный, а зеленый.

Некоторое время они молчали.

— Есть идем, Сарис? — спросил Блостейн тихим голосом.

— Мне пока нечего сказать, — его глубокий голос был совершенно бесстрастен, но в глазах блеснула мысль.

— К дьяволу! — Ленгли в отчаянии запустил двигатель. Солнечный диск прыгнул в экраны.

— Земля, — сказал Блостейн. — Я узнаю ее в любом виде.

Планета висела в ночи, голубая и переливающаяся, рядом Луна — капля расплавленного золота. Слезы заполнили глаза Ленгли.

Он снова глянул вверх приборов, уточняя положение. Они были еще в половине астрономической единицы от цели. Этого было достаточно для ракетных двигателей, но требовало времени, а Пегги ждала. Он установил приборы на точку выхода в трех тысячах километрах от Земли.

Прыжок!

— Теперь мы гораздо ближе, — сказал Мацумото. — Но мы не сможем проделать подобный маневр еще раз.

На мгновение злость на машину заполнила Ленгли. Но он взял себя в руки и снова припал к приборам. В этот раз расстояние составило около шестидесяти тысяч километров. Еще один расчет, теперь уже с учетом орбитального движения. Когда часы отсчитали выбранный им момент времени, он включил сверхпривод.

— Мы рядом!

Она висела, окутанная облаками: пятнистые континенты, яркая радиальная звезда — отраженный океаном свет Солнца. Ленгли щелкнул пальцами, считав показания радаров. В этот раз ошибка была почти нулевой.

Ракеты рывкнули огнем, их вжало в кресла, когда Ленгли бросил корабль вперед. Пегги, Пегги, Пегги — эта песня переполняла его.

Мальчик или девочка? Он вспомнил, и это было как будто час назад, как они пытались подобрать имя, ведь они даже боялись, как бы у него не было плоскостопия, когда им домой принесли сертификат на рождение ребенка.

«О, Пегги! Как много я потерял.»

Они вошли в атмосферу.

Корабль ревел и грохотал. Сейчас они скользили по длинной пологой спирали, и должны были облететь полмира, прежде чем приземлиться. Глухой свист раскалывал воздух.

Ленгли был поглощен уравниваниями, а Блостейн, Мацумото и даже Сарис Хронна не отрывали глаз от экранов. Так получилось, что холатанин спросил первым:

— Это множество огней — ваш Нью-Йорк?

— Нет... Мы где-то над Ближним Востоком, как мне кажется — Блостейн взглянул вниз, на окутанную тьмой Землю и на мерцающее скопление огней. — Да это может быть все, что угодно.

— Никогда не видел города таких размеров в этом районе — сказал Мацумото. — Анкара? Значит, там сегодня необыкновенно ясная ночь.

Шли минуты.

— Это Альпы, — сказал Блостейн. — Видишь на них лунный свет? Боб, черт подери, я же знаю, что города таких размеров там не может быть!

— Он такой же большой, как Чикаго, — Мацумото замолчал. Когда он заговорил снова, то слова вылетали с трудом: — Джим, ты посмотрел на Землю повнимательнее, когда мы выскочили?

— Более или менее, а что?

— Ха... Что... что... Вспомни. Мы были достаточно далеко, чтобы разглядывать детали, но я видел Северную Америку так ясно, как вижу тебя. И я должен был увидеть арктическую шапку. Я ее миллион раз видел из космоса, а теперь там всего несколько темных пятнышек островов, а снега нет вовсе.

Воцарилось молчание. Блостейн отрывисто проговорил:

— Включи радио.

Они пересекли Европу и летели теперь над Атлантикой, снижая скорость — их допекло тормозным теплом. Тут и там в пустынных водах появлялись скопления светлячков — плавающие города, которых здесь никогда раньше не было. Мацумото медленно повернул верньер радио. Слова потекли из динамика — бормотание, не вызвавшее ни у кого никаких чувств.

— Какого черта? — зашипел он. — Что за язык?

— Не европейский — это я могу сказать точно, — сказал, наконец, Блостейн. — Даже не русский — я знаю достаточно, чтобы определить. Может, какой-нибудь восточный?

— Не японский и не китайский. Я перейду на другую волну? Корабль плыл над Северной Америкой вместе с утренней зарей. Они заметили, что береговая линия кое-где отступила вглубь материка. Ленгли со всем вниманием отрабатывал стабилизацию корабля. Во рту он чувствовал злую горечь.

Неизвестная речь была на всех диапазонах. Далеко внизу Земля зазеленела — огромные изогнутые полосы полей и лесов. Где города, поселки и фермы, где дороги, где весь мир? Ленгли пытался найти космодром уже без помощи маяков — Нью-Мехико — свою основную базу. Они были еще достаточно высоко, чтобы получить широкий обзор сквозь пелену плывущих облаков, но он увидел Миссисипи и затем дальше, как ему показалось, — Плато. После этого не составляло труда сориентироваться. Город внизу можно было разглядеть в деталях, но он не был похож ни на один из известных ему городов. Пустыня Нью-Мехико стала зеленой, иссеченной ирригационными каналами.

— Что же случилось? — у Блостейна был вид человека, получившего удар в солнечное сплетение. — Что же случилось?

Нечто всплыло в их поле зрения — длинная черная сигара, непринужденно уравнивавшая скорости. Не было никаких признаков реактивных двигателей, ракет или пропеллеров — вообще ничего подобного. Предмет приблизился, он был втрое длиннее «Эксплорера», и Ленгли увидел ровный ряд орудийных башен с дулами, наведенными на них.

Судорожно пронесли мысли о вторжении из космоса чудовищ со звезд, покоривших Землю за один единственный год. Затем мгновенно ослепили глаза бело-голубые вспышки, разрывы вспыхнули перед носом «Эксплорера», и он почувствовал шок от резких ударов.

— Они стреляют перед носом корабля, — сказал он мертвым голосом. — Нам лучше приземлиться.

Далеко внизу разворачивался комплекс зданий, и открытая площадка между ними казалась бетонной. Черная сигара кружила над ней. Ленгли нацелил «Эксплорер» и повел его вниз, к Земле.

Когда он отключил двигатели, на них навалилась тишина. Он отстегнулся от кресла и выпрямился. Ленгли был рослым мужчиной, и когда встал, то создал ощущение мрачности — серая униформа, серые глаза, черные волосы, тронутые преждевременной сединой, длинное лицо с крючковатым носом в темных плешинах ожогов от лучей чужих солнц. И когда он заговорил, мрачным был и его голос.

— Пойдемте. Мы должны выйти и узнать, чего они хотят.

Лорд Браннох ду Кромбар Третий, Адмирал Флота, Высокий Нобль Тора, посол Лиги Альфа Центавра к Солнечному Технону не выглядел представителем высокоразвитой цивилизации. Он был гигантом шести с половиной футов ростом, с плечами такой ширины, что казался квадратным; желтая грива ториянского адмирала закрывала уши, сворачивалась блестящими кольцами над массивными ключицами, голубые глаза весело блеснули из-под кустистых густых бровей. Лицо его было грубым, тяжелым, коричневым от загара, изборозженным старыми шрамами. Его шикарная пижама центаврианского покроя была сшита заодно с брюками и чрезвычайно пестра; блестящие кружева охватывали горло. Он был хорошо известен, как спортсмен, охотник, дуэлянт, могучий любовник, веселый гуляка и непревзойденный знаток чудес иных планет. Апартаменты, которые его громоздкое тело, казалось, совершенно заполняло, были уставлены цветами, декоративными панелями, антиквариатом, массивными стойками для книг. Все это достаточно хорошо отражало его характер, и, кроме того, служило камуфляжем, скрывавшим один из проницательнейших умов в обозримой Вселенной.

О вышеперечисленных качествах можно было бы догадаться хотя бы по бокалу вина в его руке, когда он сидел, развалившись, на балконе. Это была не грубая сивуха его планеты, а одно из лучших венерианских коллекционных марочных вин, и он потягивал его с явным пониманием. Он был не один. Рядом в баке сидели четыре чудовища, правда, их было почти не видно.

Утреннее солнце золотило округу своими лучами, освещая воздушные шпиль и упругие линии воздушных мостов Лоры в безмятежном небе. Он жил, как предписывал ему его ранг, в верхней части города, голос которого доносился сюда, как шепот — далекая песня машин.

Лишь единственное обстоятельство нарушало гармоничную панораму металла и цветного пластика — это место, где город, как утес, обрывался с высоты 4000 футов к окружающим его паркам. Несколько фигур людей на краю террас и мостов казались муравьями, почти невидимыми на таком расстоянии. Служебный робот следовал за ними — он был предназначен для некоторых работ, слишком сложных для примитивных людей-рабов.

Браннох расслабился, он чувствовал себя умиротворенным. Все шло отлично. Его информаторы действовали оперативно и точно; он многое узнал о Сол, и это с началом войны станет ценной информацией. Он отловил дракона в африканском заповеднике Министра Танарака, достиг грандиозного успеха при последнем визите в лунное казино, купил очень приличную девку несколько дней назад, а последний корабль с Центавра привез ему вести о его поместье на Фрейе, где начался сезон сбора шишек. Правда, новости

оттуда были более чем четырехлетней давности, но все же благоприятные.

Подобострастное гудение робота прервало его размышления. Лениво приподнявшись, он перебрался в кресло рядом с ним. Звонил некто, знавший его специальный и весьма секретный номер, но это могло быть и случайностью. Он нажал клавишу, и незнакомое лицо устало на него. Собеседник ритуально поклонился, прикрыв глаза, и сказал смиренно:

— Нуждаюсь в аудиенции, господин.

— Сейчас? — спросил Браннох.

— Н-н-немедленно, господин, как только сможете.

Подобный выговор мог сойти за почтительную дрожь в голосе в его августейшем присутствии, но на самом деле повторение согласных в начале слов было паролем, довольно эффективным, когда речь шла о подслушивании, что случалось нередко. Говоривший был Варис ту Хайем. Младший Министр и капитан Солнечного военно-технического Разведывательного корпуса, одетый в обычную гражданскую одежду и поношенную ежедневную маску. Они встречались только в случае крайней необходимости. Браннох ответил ему согласно протоколу в соответствии с занимаемым положением, сказал, что встретился с ним, и ... связь прервалась. И только после этого он почувствовал себя не в духе. Поднявшись, он проверил автоматические роборужья и сунул одно из них себе под тунику. Подобная история могла обернуться попыткой убийства, если агенты Чантхаваара решили, что с них хватит. Или это может быть...

Он, кажется, раскусил замысел ту Хайема, и кривая, наполовину презрительная улыбка искажала черты его лица. Это так просто, так ужасно просто — убрать человека. Он хотел встретиться с гордым, честолюбивым аристократом, чьим единственным недостатком была его молодость и неопытность — пара преимуществ, которые привлекли его к нему. Агенты Бранноха передали ему психозапись ту Хайема, и он решил, что попался обещающий материал... Таким образом, Браннох приглядывал за ту Хайемом, но даже столь малое внимание со стороны представителей внешней силы было чересчур для Высшего Нобля, адмирала и посла. Он связал его несколькими нитями. Он построил его в компанию себе подобных — блестящих аристократов самого высокого положения с их фантастическими женщинами, изысканными беседами, роскошными приемами и редкими винами. Он подбросил ему идею, которая, если б молодой честолюбец к ней прислушался, потрясла бы звезды, и, естественно, что он принес бы некоторую выгоду и себе, ничем не нарушая своей присяги. Браннох позволил ему довольствоваться роскошными палатами, превосходящими всякое воображение, рисковать и выигрывать невероятные суммы. И теперь он идет его убивать.

В несколько дней Фортуна Младшего Министра повернулась спиной к нему, и он утонул в долгах, его начальники стали допекать

его из-за связи с послем, его кредиторы (подставные лица, о чем он не подозревал) конфисковали его имущество и жену, и Браннох получил все это. И вот спустя три года, теперь, он стал шпионом в собственном Корпусе, потому что только Браннох поддерживал его, и любая, даже крошечная его промашка позволяет ему шантажировать его. Когда-нибудь, если он захочет отдать что-то действительно стоящее, Браннох сможет даже выкупить его жену (а он тем более настолько глуп, что любит ее), а затем вернуть ее обратно.

Очень просто. Браннох не испытывал ни удовольствия, ни боли, превращая человека в свой инструмент. Это было частью его работы: он был далек от сочувствия к уничтоженным людям, и только презрение — оно делало его неуязвимым.

Перед наружной дверью появился ту Хайем со свитой, и дверь открылась перед ними. Ту Хайем вошел и произнес полагающиеся формулы. Браннох не пригласил его сесть.

— Итак? — спросил он.

— Сиятельный лорд, у меня есть информация, возможно, полезная Вам. Я решил, что будет лучше, если я сообщу ее Вам лично.

Браннох ждал. На псевдолице, скрывавшем истинные черты стоящего перед ним ту Хайема, появилось выражение, которое при желании можно было бы назвать патетическим.

— Мой лорд, как Вам известно, я был в Меско-Филд. Позавчера странный космический корабль вошел в атмосферу Земли и произвел посадку. — Ту Хайем пошарил в тунике и извлек кассету, которую вставил в сканнер. Его руки дрожали. — Это изображение космического корабля.

Сканнер воспроизвел трехмерное изображение над крышкой стола. Браннох присвистнул.

— Дьявольщина! Какого же типа этот корабль?

— Страшно древний, мой лорд. Взгляните, там даже используются реактивные двигатели — энергия расщепления урана для ускорения ионов.

Браннох увеличил изображение и продолжал изучать его.

— М-м-м-да. И откуда он взялся?

— Я не знаю, мой лорд. Мы запросили Технон, подразделение записей, и они ответили, что это конструкция эпохи ранних космических полетов, возможно, даже догравитационный период. Может быть, это какой-нибудь древний корабль одной из утерянных колоний.

— М-м-да. Значит, экипаж, возможно, нет — наверняка вне закона. Трудно поверить, что они отправились в полет тысячу лет назад. Что слышно об этом экипаже?

Браннох щелкнул клавишей, и изображение трех гуманоидов в странных серых мундирах, чисто выбритых, с короткими при-

ческами в стиле Солнечных Министерств появилось на экране. «Это все?»

— Нет, мой лорд. Если бы так, я бы не считал дело столь важным. Был еще один, негуманоид, неизвестной расы. У нас есть снимок, сделанный в спешке.

Чужак был снят бегущим. Здоровая зверюга — футов восемь длиной, включая толстый хвост, двуногая, наклонившаяся в беге вперед, две мускулистые руки, оканчивающиеся четырехпальными кистями. Он был похож на самца, возможно, млекопитающего и, наконец, он был покрыт гладкой шерстью цвета красного дерева. Голова округлая, с грубыми чертами, глаза посажены высоко, метелки длинных жестких волос торчали по углам рта и над удлиненными глазами.

— Мой лорд, — сказал ту Хайем почти шепотом, — они появились из кабины неожиданно и были задержаны на период исследований. Но внезапно чужак бросился бежать. Он оказался сильнее человека, сбил троих на своем пути и бежал быстрее, чем мы могли предположить. Анестезирующие ружья были приготовлены заранее, но ничего не получилось. Они не стреляли! Я попытался выстрелить из своего ручного бластера. Заряд был смертельный, но ничего не произошло. Последующие выстрелы тоже ничего не дали. Маленький робот, попавшийся этому существу на пути, вспыхнул и сгорел. Пилот разведчика пытался стрелять, но и его ружье не сработало: система управления была повреждена. Ближайший шлюз мы держали закрытым, но он открылся, как только существо его достигло. Один человек из наших попытался сфокусировать на существе нейтральный тракер, когда оно бежало к лесу, но и это не дало никакого результата, даже пока существо было в пределах досягаемости. Затем мы продолжали охоту за ним с воздуха, поднимали по тревоге патрули всех районов, но никаких следов не нашли. Мой лорд, это невозможно!

Лицо Бранноха казалось вырезанным из темного дерева.

— Так, — пробормотал он. Его глаза остановились на снимке бегущего существа. — Совершенно голый, никакого оружия, ничего искусственного. Как оценить его силу?

— Грубо, пять сотен ярдов, мой лорд. Это приблизительно то расстояние, на котором наше оружие не действовало на него. Он двигался слишком быстро для дальнодействующего оружия, которое могло быть применено в эти несколько секунд.

— Как остальные?

— Они, казалось, были поражены не меньше нас, мой лорд. Они не были вооружены и не делали попыток сопротивления. Их язык неизвестен. Сейчас они проходят психообучение в Соляре, и я не имею доступа к ним. Из документов следует, что их язык — древнеамериканский. Документы переведены, но я не могу вам сообщить, какие находки были сделаны.

«Древнеамериканский! — думал Браннох. — Как стар этот ~~корабль~~ рабль, откуда он?» И вслух: «Какие еще материалы у вас есть?»

— Масса всяких документов, изображений и множество других вещей найдено на борту. Но... это очень непросто — доставить их Вам. Браннох проворчал равнодушно:

— Это все?

Ту Хайем приоткрыл рот:

— Все, мой лорд. Что еще я могу сделать для Вас?

— Многое, — сказал Браннох резко. — Кроме всего прочего, я хочу получить полный текст допросов, желательно, прямую запись. Также точные сообщения обо всем сделанном в этом деле, ежедневные доклады о ходе поисков чужака... да, многое.

— Мой лорд, у меня нет такого авторитета...

Браннох передал ему имя и адрес.

— Обратитесь к моему другу и полностью изложите проблему. Он объяснит, с кем надо связаться и каким образом надавить на соответствующих людей.

— Мой лорд, — ту Хайем вцепился ему в руку. — Я надеюсь, мой лорд... вы з-знаете... м-моя жена...

— Это пока слишком низкая ставка в этом деле против твоих долгов, — сказал Браннох. — Если из этого выйдет толк, я сам решу насчет вознаграждения. Можешь идти.

В полной тишине ту Хайем повернулся и вышел.

Браннох остался в неподвижности, пока продолжался разговор, а затем опять прогнал все снимки. Отпечатки были ясные, четкие — страница за страницей были покрыты текстом, который показался ему очень странным. «Надо это перевести», — подумал он, и часть мозга тотчас же услужливо подсказала ему имя человека, который сделает это.

Он сидел, развываясь в большом кресле, затем встал и прошел к северной стене комнаты. Ее занимала движущаяся стереопанорама, весьма традиционная, а за ней находились бак с водородом, метаном и аммиаком под давлением в 1000 атмосфер и при температуре минус 100 градусов, а также видео- и аудиоаппаратура.

— Привет тебе, Тримка, — сказал он добродушно. — Все бдишь?

— Я здесь, — отозвался механический голос. Говорил ли это Тримка первый, второй, третий или четвертый — Браннох не знал, да и не это было главным.

— Что ты думаешь?

— Возможно, чужак обладает телекинетической силой, — произнесли монстры равнодушно. — Он генерирует электронные потенциалы в элементах электронных схем. Для этого достаточно ничтожной телепатической энергии, гораздо меньшей, чем для непосредственного управления деталями оружия. С большой вероятностью это значит, что он телепат только до некоторой степени: чувствительность к электрическим и нервным импульсам и способность индуцировать такие импульсы в нервной системе других.

Однако, он, возможно, с трудом читает мысли охраны. Его поступок скорее, был попыткой оставаться свободным до тех пор, пока он сможет контролировать ситуацию. Но что он захочет сделать дальше — непредсказуемо, так как о его психологии почти ничего неизвестно.

— Да, я и сам думал так же, — сказал Браннох. — О корабле есть какие-нибудь соображения?

— Выяснение должно начинаться с перевода этих документов, но существует вероятность, что корабль не с забытой колонии, а с самой Земли — из далекого прошлого. Блуждая в космосе, они натолкнулись на планету этого чужака и прихватили его с собой. Расстояние до этой планеты зависит от возраста корабля, и если окажется, что ему около пяти тысяч лет, то расстояние до планеты не более двух с половиной тысяч световых лет.

— Очень далеко, — сказал Браннох. — Освоенная Вселенная простирается на сто световых лет.

Он зашагал по комнате, обхватив себя руками.

— Я сомневаюсь, что загвоздка в людях, — сказал он. — Особенно, если они действительно с Земли. Тогда они представляют только исторический интерес. Но этот чужак и этот электронно-телепатический контроль — совершенно новое явление. Только представь себе такое оружие! — его глаза сверкнули. — Выводить оружие противника из строя, даже обратить его против владельца — или даже заблокировать сам Технон!

— Такие же мысли, без сомнения, придут и в голову Солар, — сказал Тримка.

— Ну да. Поэтому они так настаивают на поимке. Если они не смогут этого сделать сами, то люди из экипажа помогут им. Даже если его схватят, он еще будет находиться под влиянием товарищей по экипажу. Так что подружиться с ними — вещь более важная, чем я себе представлял. — Браннох ходил по комнате, прокручивая факты в голове.

Вдруг он почувствовал себя очень одиноким. Те, кто могли помочь ему здесь, — его телохранители, агент, его шпионская сеть — все они были ничтожной кучкой перед враждебными миллиардами Сол. И надо четыре с половиной года, чтобы сообщение достигло дома... и столько же флоту, чтобы добраться сюда. Неожиданно ему явился образ его дома: обрывистые, напоенные ветром горы Тора, небеса, гудящие от свиста бурь, травянистая степь и лес, широкие светлые равнины, серые моря, катящиеся приливные волны, влекомые притяжением трех лун, крепко удерживаемых массой планеты; зал его предков, камни и балки, сдерживающие тяжесть прокопченных стропил и древних боевых стягов, его лошади и охотничьи псы и протяжный крик загонщиков, гордые споры аристократов, твердый, медленный говор крестьян; великая тишь зимнего снегопада и первые зеленые язычки весны — любовь и нежность к своему дому наполнили болью его сердце.

Но он был правитель, а дорога королей трудна. К тому же (и тут он усмехнулся) ограбить Землю — прекрасная шутка: пусть только придет день.

Его миссия внезапно была поставлена под угрозу. Он должен разобить этого чужака для Центавра, чтобы ученые могли изучить его и воплотить его силу в военных машинах. Недостаток заключался в том, что он должен предупредить Сол в том же самом — или убрать чужака в случае необходимости.

Он отбросил мысль воспользоваться своими агентами: чем большому числу людей будет известно об акции, тем меньше шансов на успех. Нет, это лучше сделать, используя тех космонавтов. Но как заинтересовать людей, чей мир канул в небытие вот уже пять тысяч лет?

Вернувшись к сканнеру, он прогнал кассету в обратном порядке. Некоторые изображения показывали сцены уличной жизни. Там также была фотография женщины, весьма привлекательной.

Некая идея пришла ему в голову. Он вернулся на балкон, поднял свой бокал и приветствовал утро легким смешком. Да, это был прекрасный день.

ГЛАВА 3

Ленгли проснулся от удушья и оглянулся вокруг. Он был один. Моментом позже он выпрямился в постели и стал вспоминать.

Земля оказалась почти неузнаваема: больше не было полярных шапок, моря изменили свои очертания, неизвестные города, неизвестный язык, непонятные люди. На все это напрашивался один ответ, и от него он приходил в состояние, близкое к панике.

Сразу после посадки Сарис Хронна неожиданно бежал (почему?), а он и его спутники были разобщены. Затем появился человек в голубом, который разговаривал с ним в помещении, полном загадочных машин — они жужжали, щелкали и вспыхивали. Потом одна из них сработала, и наступила темнота. Он погрузился в дремоту, наполненную бормотанием каких-то голосов. И сейчас он проснулся, голый и одинокий.

Медленно он окинул взглядом свою клетку. Это была крохотная комната, в центре ее стоял топчан, в углу — раковина умывальника, будто бы вырастающая из зеленого мягкого резиноподобного пола. В стене маленький зарешеченный вентилятор. Двери, как ни искал, он не обнаружил.

Ленгли чувствовал себя потерянным и пытался взять себя в руки, опираясь на все мужество, которым еще обладал. Ему хотелось плакать, но события последних дней слишком опустошили его.

«Пегги, — думал он. — Они могли вернуть хотя бы твою фотографию. Ведь это все, что у меня осталось».

Что-то щелкнуло у дальней стены, открылась ранее незаметная дверь, вошли трое.

Звук заставил Ленгли подскочить на месте, и это же дало ему понять, насколько натянуты у него нервы.

Он откинулся назад, пытаясь уловить детали внешнего облика незнакомцев. Но это оказалось трудным. Они принадлежали к другой цивилизации, их одежда и тело создавали впечатление, которое трудно описать, потому что не хватало понятий.

Двое были гигантами семи футов ростом, мускулистые тела затянuty в тщательно подогнанные плотные черные мундиры, головы выбриты. У них почти не было различий, широкие коричневые лица были совершенно одинаковы. Близнецы?

Третий был гораздо ниже, чуть меньше среднего роста, гибкий, изящный. Он носил белую тунику, темно-голубой плащ, мягкие котурны на ногах и что-то еще, и солнечный круг с глазом был на его груди, такой же, как и у двоих за его спиной. Ленгли заметил гладкую красно-коричневую кожу, высокие скулы, чуть приподнятые углы глаз; прямые черные волосы тщательно уложены на голове по кругу. Лицо этого человека можно было бы назвать красивым — широкий лоб, блестящие черные глаза, вздернутый нос, пухлые губы, движения его создавали впечатление нервной натуры.

Все трое были вооружены.

Ленгли почувствовал себя беспомощным и бессильным из-за наготы. Он попытался сделать непроницаемое лицо, но сомнительно, чтобы у него это вышло. Перехватило дыхание.

Шедший впереди изящно кивнул ему.

— Капитан Эдвард Ленгли, — сказал он, — произнося слова с сильным акцентом. Его голос был тихим, резонирующим, подобным великолепно настроенному инструменту.

— Да.

Пришедший говорил на чужом языке, но Ленгли понимал его так, как если бы это был его язык. Это был носовой, высокотоновый язык, но с простой и логичной грамматикой. Среди всех чувств Ленгли ощутил огромное удивление своим собственным знаниям, взявшимся вроде бы ниоткуда.

— Позвольте представиться. Я Министр Чантхаваар Танг во Лаурин, начальник оперативного отдела Соларного политехнического Разведывательного корпуса, и, надеюсь, ваш друг.

Ленгли чувствовал, что его мозг цепенеет, но все же пытается анализировать сказанное. Существует три формы обращения: к вышним, к низшим и к равным. Чантхаваар использовал последнюю, причем в вежливой, дружелюбной манере. Его фамилия имела префикс «во Лаурин», очевидно, эквивалент префиксов «фон» или «де» в эпоху Ленгли. Однако только низшие слои аристократии имели такие украшения, высшие же носили титулы, подобные древним королям.

— Спасибо, сэр, — ответил он сдержанно.

— Вы должны извинить нас, мы могли показаться вам невежливыми, — сказал Чантхаваар со странной привлекательной улыбкой. — Ваши товарищи в безопасности, и вы можете встретиться с ними. Однако как космонавты, вы должны понять, что мы вынуждены были так поступить со свалившимися к нам на головы неизвестными.

Он дал знак одному из охранников, и тот положил на стол сверток с одеждой. Одежда была подобна той, которую носил Чантхаваар, но без военного символа и солнечного круга с глазами.

— Если вы не возражаете, капитан, то примите ее. Это обычная одежда свободнорожденного, и в ней вы будете чувствовать себя сообразно своему положению.

Ленгли взял в руки одежду. Материал был мягким, приятным на ощупь. Чантхаваар показал ему, как пользоваться застежками, которые являлись эквивалентом пуговиц. Затем он с запанибратским видом присел на койку и помог Ленгли одеть ее. Охрана в это время напряженно следила за дверью.

— Вы понимаете, что произошло с вами? — спросил Чантхаваар.

— Да... Я думаю... — ответил Ленгли нерешительно.

— Я попрошу вас рассказать об этом, — голос Чантхаваара был мягким. — Ваш журнал перевели, и таким образом я узнал, что вам не удалось полностью наладить суперпривод.

— Существует соответствующая теория, — сказал Ленгли. — Согласно ей корабль движется через гиперпространство.

— Ваша теория неверна, это выяснилось вскоре после вашего вылета. В действительности корабль проецировался на волновые пакеты, восстанавливаясь в точке выхода; его вещество существовало в виде электромагнитных волн, обладающих свойством обратной транспозиции в другой точке пространства-времени. Примерно так специалисты объяснили мне, и я не претендую на полное понимание математического аппарата этой теории. Конечно, для пассажиров на борту время не изменяется, но для внешнего наблюдателя скорость корабля не превышает скорости света. Лучшей системы не было найдено, и я сомневаюсь, что она существует. Ближайшая звезда — Альфа Центавра, и путешествие до нее занимает сейчас четыре с половиной года.

— Мы не знали этого, — сказал Ленгли горько. — Для нас главной проблемой было позиционирование. Из-за этого мы так много времени потратили на доводку нашей системы, так и не занявшись вопросом потребного для полета времени. Мы считали, что теряли время только для определения своего положения среди звезд. Невидимо, что так сложно было найти Землю, она двигалась по своей орбите так же, как и Солнце, а мы этого не знали и рвались домой. — Внутри него все ныло от жгучей боли. — Мы преодолели более пяти тысяч световых лет. Наверное, на столько же лет мы и опоздали с возвращением.

Чантхаваар кивнул.

— Я не думаю. — Ленгли проговорил с проблеском надежды. — Я не думаю, что вы можете отправить нас назад, в прошлое?

— Увы, извините, — сказал Чантхаваар. — Путешествия во времени невозможны даже теоретически. В наше время есть многое, чего не было в вашу эпоху: антигравитация, гениальная инженерия, преображенные Марс и Венера, обитаемые луны Юпитера, но, без сомнения, чудо путешествия во времени недоступно даже волшебнику.

Ленгли проговорил неуверенно:

— Что же случилось за все это время?

Чантхаваар пожал плечами. — Как и следовало ожидать. Перенаселение, истощение природных ресурсов, войны, голод, эпидемии, уменьшение населения, коллапс и следующий цикл. Я не думаю, что вы найдете нынешних людей слишком отличными от прежних.

— Объясните мне, пожалуйста, что вы сделали со мной?

— Обучение языку. Это несложно. Обычный гипнотический процесс, совершенно автоматизированный, и даже не использующий высшие отделы мозга. Вы были подключены к этой системе и, как я вижу, результат вполне удовлетворительный.

Он чувствовал смертельную тоску, мозг как бы раздваивался, хотя и пытался, чисто машинально или, повинаясь инстинкту самосохранения, сосредотачиваться на деталях. Нет! Нет! Что угодно... Только все теперь безразлично.

— Каков этот мир сейчас? И что я буду в нем делать?

Чантхаваар подался вперед и впился в него внимательным взглядом. Ленгли усилием воли заставил себя быть внимательным.

— Межзвездная эмиграция началась примерно в ваше время — но не очень интенсивно, из-за ограниченности суперпривода и относительного недостатка пригодных к обитанию планет. Затем последовал трудный период, после него — коллапс, и большинство беженцев, покинувших Сол, постарались скрыть свои маршруты, опасаясь, как бы их не нашли позднее. Мы предполагаем, что существует множество таких затерянных колоний, раскиданных по Галактике, и что некоторые из них могли развиваться в очень своеобразные цивилизации, но как мы предполагаем, по оценке и косвенным контактам, они находятся не далее двухсот световых лет. У кого могли быть причины углубиться больше? Продолжим далее... Как мне помнится, произошло двадцать восемь мировых войн, вернувших Солнечную систему к варварству и уничтоживших колонии на ближайших звездах. Восстановление потребовало много времени, но около двух тысяч лет назад Солнечная система объединилась вокруг Технона, и это продолжается до сих пор. Колонизация возобновилась, но уже преобладает тенденция размещать колонии ближе к дому под контролем до тех пор, пока эмиграция будет предохранительным клапаном, помогающим избавиться от тех, кто недоволен новым порядком.

Но параллельно проходил и другой процесс. Расстояния гро-

мажны. Различные природные условия породили разницу в цивилизациях — иное мышление и жизнь. Около тысячи лет назад многие колонии откололись и, после войны, мы признали их независимость. Сейчас существует около дюжины таких миров, с которыми мы поддерживаем отношения; Лига Альфа Центавра — наиболее мощная из них.

Если вы захотите узнать больше о внешней Вселенной, вам надлежит разговаривать с членами Коммерческого Общества. А сейчас, я думаю, лучше вернуться к современной Земле.

— Да, я хотел спросить, — сказал Ленгли, — что такое Технон?

— Технон — это гигантский социоматематический компьютер, постоянно получающий информацию от своих агентов и вырабатывающий решения по основной политике, основываясь на их докладах. Машина более надежна, менее эгоистична, не склонна к взяткам, как люди. — Чантхаваар усмехнулся. — Да и зачем человеку мучиться размышлениями?

— Мне показалось, что существуют классы, в том числе и аристократы?

— Да, если это можно так назвать. Это те, кто участвует в осуществлении политики Технона и принимает мелкие ежедневные решения. Для этой цели существует класс Министров. Под ними — Общинники. Это наследственное, но не неподвижное образование, чтобы, скажем, Общинник не мог возвыситься до Министра.

— Там, где мы были, — сказал Ленгли медленно, — мы всегда считали, что лучше управлять случайностью, чем полагаться на нее, а ведь наследственность — дело случая.

— В наше время это не имеет значения. Я уже говорил о генной инженерии. — Чантхаваар положил руку ему на плечо и слегка сжал его. Это был не дружественный жест, как заметил Ленгли, а скорее отличие от обычая. — Послушайте, капитан, я не посылаю вас к дьяволу за то, что вы сказали, но другие могут сделать это и гораздо большее. Это я намекнул.

— Чантхаваар, что мы можем... я и мои друзья... делать? — Ленгли почувствовал смущение и раздражение в своем голосе.

— Ваше положение вдвойне необычно, не так ли? Я назвался вашим патроном, и вы получите квазиминистерский ранг. На некоторое время... Это, кстати, не благотворительность. Технон имеет фонд на непредвиденные обстоятельства, и вы были классифицированы как непредвиденное обстоятельство. Окончательно мы найдем вам какое-нибудь занятие, но не беспокойтесь относительно перехода в Общинники. Если ничего не изменится, ваши знания о прошлом позволят вам стать историками и посвятить этому оставшуюся часть жизни.

Ленгли кивнул. Ему было все равно, так или по-другому. Пегги уже нет в живых. Да, Пегги умерла. За пять тысяч лет она стала пылью, глубина ее глаз и ее губы исчезли; она осталась только в его памяти. Он пытался вернуть себя к реальности, сосредоточиться

на важных деталях, необходимых для выживания в этом новом мире, но воспоминание терзало его как нож.

Он никогда не увидит ее снова!

И ребенок стал пылью, и его друзья стали пылью, и его народ стал пылью; мир жизни и радости, величественных зданий, песен, слез и желаний, стал несколькими пыльными листьями в каком-нибудь забытом архиве. Как будто бы и он сам превратился в призрак.

Ленгли нагнул голову, ему хотелось плакать, а Чантхаваар смотрел ему в глаза.

— Это не шутка, — сказал Чантхаваар доброжелательно, и добавил спустя мгновение. — Учтите мой совет и пока сосредоточьтесь на текущих делах. Это должно помочь.

— Да, — сказал Ленгли, не глядя на него.

— Вы же собираетесь пустить здесь корни?

— Я подумаю,

— Ленгли, ладно, если захотите, можете отправиться куда-нибудь, — и затем он неожиданно резко добавил. — Очнитесь! Попытайтесь развлечься. Я покажу вам некоторые интересные чудеса.

Ленгли сидел, уставившись в пол.

— Есть одно дело, в котором вы можете помочь уж сейчас, — сказал Чантхаваар. — Из-за него я и явился к вам, хотя мог бы вызвать вас в свой кабинет. Дело весьма секретное.

Ленгли смотрел на его губы, вспоминая, как Пегги гладила его волосы, а потом обнимала, пятьдесят веков назад.

— Дело касается чужака, который был с вами. Как его имя, кажется, Сарис Хронна?

— Вроде бы. А что случилось?

— Он бежал, вы знаете. И мы не можем его найти. Он опасен?

— Не думаю. Во всяком случае, он нам не досаждал. Его соотечественники обладают острыми охотничьими инстинктами, но совершенно мирны во всех других отношениях, и весьма дружелюбны. Сарис отправился с нами взглянуть на Землю, что-то вроде посла. Возможно, он бросился бежать из-за того, что ему в голову пришла некая мысль. Может быть, он боялся очутиться в клетке.

— Он может управлять электронными и магнитными цепями. Вы знали это?

— Конечно. Это удивило нас вначале. Его раса — не телепаты в обычном смысле, но они чувствительны к нервным импульсам, особенно к эмоциям, и могут, в свою очередь, транслировать их. Я... В действительности же я не знаю, может он читать человеческие мысли или нет.

— Мы ищем его, — сказал Чантхаваар. — Если у вас есть какие-нибудь предположения по поводу того, где мы можем его найти или что мы можем сделать в этом направлении, скажите мне.

— Я... подумаю над этим. Но я уверен, что он не опасен, — Ленгли замолчал, задумавшись. Он мало знал о разуме холатанина. — Это не люди.

— Вы записали, что эта планета расположена в нескольких тысячах световых лет от Сол. Она, конечно, неизвестна нам. Мы не хотим причинить ему какого-либо вреда, но хотели бы обнаружить его.

Ленгли скользнул по собеседнику взглядом. Под подвижной, улыбающейся маской лица Чантхаваара крылось возбуждение, в глазах — охотничий блеск.

— Почему вы так торопитесь? — спросил космонавт.

— Есть несколько причин. Главным образом потому, что он не прошел карантин и может занести опасные для жителей Земли микроорганизмы. Мы сталкивались с подобным прежде.

— Мы провели на Холате несколько месяцев. Я никогда не чувствовал себя таким здоровым, как там.

— Это все равно должно быть проверено. Кроме того, ему ведь нужно питаться, и он, возможно, будет делать это грабежом. Так есть у вас какие-нибудь идеи по поводу того, где его можно искать?

Ленгли поник головой. — Я обязательно подумаю над этим, — сказал он осторожно. — Возможно, я найду ответ, но сейчас сказать что-либо трудно.

— Хорошо, — сказал Чантхаваар, — пойдемте пообедаем.

Он поднялся. Ленгли последовал за ним. Они вышли из помещения, и оба охранника следовали за ними на расстоянии шага. Космонавт не обращал внимания на залы и вертикальные антигравитационные шахты, через которые они продвигались. Он был погружен в свои мысли.

«...Моя дорогая, я никогда не вернусь. Ты ждала, и ты старилась, и ты умерла, и я никогда не вернусь к тебе. Я... прости меня, милая, прости. Прости. Все в пыль...»

И немного ниже, где-то в подсознании, уже бродили мысли, еще недоверчивые и осторожные:

Чантхаваар кажется довольно милым. Но он из высшего руководства. Зачем ему лично гоняться за Сарисом? Доводы, которые он привел, слишком слабы, и что-то более важное, министр скрыл.

Что же мне делать?..

ГЛАВА 4

В доме Министра Улиона, Высокого Комиссионера металлургии, был прием. Присутствовала верхушка Солар и внешних миров. Чантхаваар повел туда экипаж «Эксплорера».

Ленгли в сопровождении агента двигался по коридорам, обрамленным колоннами, где воздух был пронизан мягким светом, дробившимся и отражавшимся среди зеркальных стен. За ними топало с полдюжины телохранителей, одинаковых гигантов. Чантхаваар объяснил, что они являются его персональными рабами — резуль-

татом хромосомной дубликации экзогенетического банка. В них было нечто не совсем человеческое.

Космонавт старался преодолеть ощущение неуклюжести, хотя и не мог вообразить, что выглядит привлекательно со своими тощими волосатыми ногами, высовывающимися из-под туники. Он, Блостейн и Мацумото были разьединены своими свитами с самого момента освобождения. Теперь у них появилась возможность пообщаться. Они сидели кружком, почти не разговаривая, в основном ругаясь шепотом, полным боли; все было так ново, опустошающе внезапно. Они приняли приглашение Чантхаваара без особого интереса. Какое дело может быть у трех привидений на приеме у живого человека?

Зал, в котором они находились, был просто великолепным, кресла и остальная мебель были будто бы отлиты по фигуре человека и появлялись по вызову. Ленгли вспомнил покрытый клеенкой кухонный табурет, жестянку с пивом перед ним, ночное небо над Вайомингом и Пегги, сидящую рядом.

— Чантхаваар, — спросил он внезапно. — У вас все еще есть лошади? — Это слово существовало на нынешнем языке Земли.

— Что?.. Я не знаю. — Собеседник взглянул на него с удивлением. — Никогда не видел ни одной, знаю о них только по истории. Но где-то они есть... да, на Торе есть для развлечения, если их нет на Земле. Лорд Браннох часто надоедает своим гостям рассказами о лошадях и собаках.

Ленгли вздохнул.

— Если их и нет в Солнечной системе, то вы можете синтезировать хотя бы одну, — сказал Чантхаваар. — Можно сделать очень хороших животных по заказу. Вы прежде когда-нибудь охотились на драконов?

— Даже представить себе не мог, — сказал Ленгли.

— Нам повезло, что этой ночью здесь будут очень важные люди, — сказал Чантхаваар. — Если вам удастся понравиться кому-нибудь из них, ваше будущее обеспечено. Держитесь подальше от леди Халин, ее муж ревнивец, и он ухлопает вас, как безмозглого раба, если я не вмешаюсь. Вы не должны попасть под впечатление того, что увидите, это судьба молодых интеллектуалов — играть в осмеяние современного общества, а вы можете заразиться этим от них. Избегайте говорить что-либо, что можно истолковать как двусмысленность. Итак, вперед, и приятно проведите время.

Они решили не идти туда. Они уселись в удобные кресла, и те повезли их. Один раз они провалились в гравитационную шахту — это было довольно жуткое ощущение — езда в невесомости. В конце пути, который Ленгли оценил в три мили, они вкатились в проход, прикрытый искусственным водопадом, и оказались в руках охранников в золоченой одежде.

Первое впечатление Ленгли было совершенно потрясающим. Зал был диаметром в полмили; в водовороте пламени бегущих цветов разместилось несколько тысяч гостей. Зал, казалось, не имел

крыши и был открыт мягкому ночному небу с массой звезд и полной Луной, но Ленгли решил, что крыша невидима. С головокружительной высоты город казался прелестной сияющей декорацией.

Воздух заполняли ароматы, свежесть и музыка, струившаяся из каких-то таинственных источников. Ленгли прислушался, но голосов было слишком много. Все же создавалось впечатление, что играют музыканты — слишком отличалась гамма. Он пробурчал вполголоса Блостейну:

— Я всегда думал, что после Бетховена трудно написать что-либо новее, и вот мы оказались где-то в отдаленном будущем, и я прав.

— Аминь, — сказал физик. Его узкое, длинноносое лицо казалось унылым.

Чантхаваар направил их к хозяину, который был невероятно толстым и багровым, но не без властности в маленьких черных глазах.

Ленгли произнес положенные фразы, которые гость одного министра должен адресовать другому, и склонился перед ним.

— Человек из прошлого, а? — Улион прочистил горло. — Интерес-но. Очень ин-терес-но. Хотелось бы как-нибудь поболтать с вами. Хр-м-пф... Ну, как вам здесь?

— Весьма впечатляюще, мой лорд, — сказал Мацумото с непроницаемым видом.

— Хм-м-м. Ха. Да-а. Прогресс. Изменения.

— Очень многое изменилось, мой лорд, — рискнул Ленгли. — Но еще больше осталось без изменений.

— Хм-пф. Ха-ха. Да-а. — Улион повернулся поприветствовать кого-то. — Хорошо подмечено, дружище, хорошо подмечено, в самом деле. — В его голосе проскальзывали нотки смеха.

Ленгли кивнул стройному молодому человеку со щеками, покрытыми пятнами.

— Эй, сюда, давайте выпьем.

Стол приблизился к ним, и он поднял два хрустальных бокала и передал один из них своему собеседнику.

— Я хотел встретиться с вами, как только услышал о вашем возвращении. Я окончил здешний университет, занимался историей. Попытка обобщения концепций всех мыслителей, рассматривавших корреляцию искусств с основными принципами общества.

Чантхаваар поднял одну бровь.

Его относительно простая одежда выделялась среди драгоценных и украшенных нарядов, искрившихся вокруг них.

— И вы достигли каких-то выводов, мой друг? — спросил он.

— Несомненно, сэр. Я обнаружил двадцать семь книг, которые сходились на мнении, что на стадии зрелости культура производит соответствующий тип искусства, простого и мощного. Сверхдекорированные, подобные нашему — признак вырождения государства, в котором сознание истощает дух.

— Ах, так. Встречали ли вы работу, в которой рассматриваются ранние стадии развития поселений на Торе, когда они боролись с природой и друг с другом и прославились как самое драчливое племя во всей Вселенной? Типичные образцы их искусства перекручены и запутаны больше, чем виноградные лозы в винограднике. С другой стороны, в последние дни Марсианской гегемонии они пришли к ящичной простоте. Читали ли вы комментарии Сарду? Шимарип? Или девять кассет «Техники исследований»?

— Ладно, ладно, сэр. Я внесу их в мой список, но даже с работами, которые вы мне посоветовали, он не слишком внушителен.

Чантхаваар, явно наслаждавшийся собой, приводил множество примеров трехтысячелетней давности. Ленгли оказался предоставленным самому себе.

Какая-то весьма симпатичная женщина с глазами навыкате обняла его руками и сообщила, что восхищена, видя человека из прошлого, и что она уверена, что тогда была интересная эпоха и люди тогда были мужественны. Ленгли почувствовал облегчение, когда остролиций пожилой человек отозвал ее, и она ушла, надув губы. Ясно, что женщина занимала подчиненное положение в Техноне, хотя Чантхаваар как-то упоминал о некоторых выдающихся женщинах-руководителях.

Затем он неуклюже поплелся в буфет, где утешился вкусными блюдами и большим количеством вина. Как долго будет еще продолжаться этот фарс? Каким-то образом он умудрился выбраться наружу.

А на улице было лето. Лето царило теперь на Земле все время — планета вошла в межледниковый период. К тому же с помощью человека в воздухе стало больше углекислоты. Если бы еще рядом была Пегти... Но Пегти умерла, и ее нужно забыть. Он хотел побыть немного наедине с собой и с землей, в которой она покоилась давным-давно.

Какой-то жалкий тип, невыносимо вежливый, обнял его руками за шею и стал расспрашивать о «спальной технике» в его эпоху. Вопрос решился легко: Ленгли отпустил его первым.

— Хочешь девочку? Ми-нистр Улион очень гостеприимен, правильно сделал, что пришел, мы п-пока повеселимся, а потом цента-вриане разнесут всех нас в п-пыль.

— Это правда, — поддержал говорившего молодой человек. — Совершенно непонятно, почему мы поддерживаем с ними отношения. Это такие же люди, как вы. Могли бы вы драться в ваше время, капитан Ленгли?

— Если бы было необходимо, то мы дрались бы, — проговорил американец.

— Я так и думал. Живучая порода. Вы завоевали звезды, потому что не боялись лягнуть другого. Мы — нет. Мы стали мягкими здесь, в Солнечной системе. Скоро будет большая драка, самая большая за последнюю тысячу лет, а мы не знаем, как это делается.

— Вы служите в армии? — спросил Ленгли.

— Я? — молодой человек выглядел удивленным. — Наша армия — рабы. Их разводят и дрессируют для работы. Высшие офицеры — Министры, но...

— Ладно, а как вы оцениваете отношение вашего класса к службе?

— Ничего стоящего. Мы никуда не годны. И рабы-специалисты — тоже. Центавриане, хотя они называют себя свободнорожденными, подходят для драки. Если бы мы могли...

— Сынок, — сказал Ленгли измученно. — Мог бы ты взглянуть на людей с расколотыми черепами, выпущенными кишками, ребрами, торчащими сквозь кожу? Или в лицо человека, который пытается убить тебя?

— Нет... нет, конечно, нет. Но...

Ленгли пожал плечами. Он встречал таких и прежде, дома. Потом он пробормотал извинения и побрел прочь. Блостейн последовал за ним, и они перешли на английский.

— Где Боб? — спросил Ленгли.

Блостейн оскалил зубы.

— Когда я видел его в последний раз, он втрескался по уши в одну из местных девиц. Миленькая крошка. Может, он натолкнулся на хорошую идею?

— Для него, — продолжил Ленгли.

— Но не для меня. Не сейчас, по крайней мере, когда-нибудь, — Блостейн выглядел усталым. — Ты знаешь, я думал, что все, что мы знали, вдруг может исчезнуть, человеческая раса научится каким-то образом компенсировать свои чувства. Я был пацифистом просто потому, что мог ощущать кровавый, безмозглый фарс как никто другой, — Блостейн тоже был немного пьян. — А решение оказалось так просто. Оно прямо перед тобой. Мировое правительство с зубами. Это все. Нет больше войны. Не расстреливают людей. Не грабят источники сырья. Не убивают и не сжигают маленьких детей. Я думал, что нашей тупоумной расе за те пять тысяч лет вколотили какой-то урок здесь, дома. Вспомни, ведь на Холате никогда не было войны. Почему мы так глупы?

— Я думаю, межзвездная война — крайне сложный вид конфликта, — сказал Ленгли. — Годы путешествия только в одну сторону.

— М-да. А также малая экономическая заинтересованность. Если планета может быть колонизирована вся, целиком, она в конце концов перейдет к полной самостоятельности. Это две причины, почему вот уже тысячу лет нет настоящих войн, с тех пор как откололись колонии.

Блостейн еще более сжался, прикрывая полую свои ноги.

— Но все-таки одна причина существует. Мы можем легко ее определить. Богатые минералами планеты Сириуса, и его слабое правительство, и сильные правительства Сола и Центавра. Оба правительства хотят эти планеты. Никто не может позволить другому

завладеть ими — им это невыгодно. Я потолковал с одним офицером, который выразил ситуацию почти теми же словами, только он добавил что-то насчет грязных варваров с Центавра.

— Хотел бы я знать, как мы собираемся воевать на расстоянии в четыре с половиной световых года, — сказал Ленгли.

— Ты можешь послать гигантских размеров флот с фрактерами, заполненными оборудованием. Допустим, ты встретил вражеский флот и уничтожил его в космосе. Затем ты бомбардировал вражеские планеты... Ты знаешь, они обладают оружием, способным уничтожить целые материки. Девять десятых на десять в двадцатой степени эргов на грамм. Да и ведь сейчас есть вещи, подобные синтетическим вирусам и радиоактивной пыли. Итак, ты уничтожишь цивилизации на этих планетах, землях, вот и все. Просто. Только ты должен быть уверен, что вражеский флот не доберется до тебя, поскольку твой собственный дом беззащитен. Сол и Центавр будут интриговать и препираться еще десятилетия. До тех пор, пока одному из них не станет ясно, что он впереди. Тогда — фейерверк.

Блостейн глотнул вина и продолжал:

— Конечно, всегда существует вероятность того, что несмотря на уничтожение противника, его корабли достигнут твоей родной планеты и подвергнут ее бомбардировке. Тогда обе цивилизации вернутся к пещерному уровню развития. Но когда такая перспектива останавливала политиков? Или психотехнических администраторов, как они называются сейчас. Решение здесь единственное... Что-то меня тошнит...

Чантхаваар нашел Ленгли несколькими минутами позже и взял его за руку.

— Идемте, — сказал он. — Его Сиятельство, Глава Обеспечения Технона желает встретиться с вами. Его Сиятельство очень влиятельный человек...

— Блистательный сэр, я хочу представить вам капитана Эдварда Ленгли...

Новым собеседником был высокий, худой старик в длинной голубой робе и плаще. Его тонкое лицо казалось интеллигентным, но в очертаниях рта сквозило что-то непреклонное, фанатическое.

— Интересно, — сказал он отрывисто. — Я понял, что вы забрались слишком далеко в космос, капитан.

— Да, мой лорд.

— Ваши документы уже были представлены Технону. Каждый клочок информации, несмотря ни на что, представляет ценность. Только при ясном знании всех фактов машина может принять решение. Вы были бы потрясены, узнав, какое количество агентов занято проверкой данных. Государство будет благодарно вам за вашу услугу.

— Ничего особенного, мой лорд, — сказал Ленгли с должным почтением.

— Это достаточно много, — ответил Его Сиятельство. — Тех-

нон — основа Солнечной системы, без него мы пропадем. Его расположение неизвестно никому, кроме высших рангов моего ордена, его слуг. Для этого мы рождены и возвращены, для этого мы отвергли семейные узы и мирские наслаждения. Мы так устроены, что при любой попытке разгласить наши секреты, и этого невозможно избежать, мы умираем — автоматически. Я рассказываю вам об этом, чтобы дать понять, что такое Технон.

Ленгли не знал, что ответить. Все, что он слышал, доказывало, что Сол не потеряла своей жизненной силы, но она обесчеловечилась.

— Мне говорили, что в числе вашего экипажа был инопланетянин неизвестной расы, но он бежал, — сказал старик. — Я заинтересовался этим. Это существо — совершенно непредсказуемый фактор, и ваш боржурнал дает о нем слишком мало сведений.

— Мне казалось, он совершенно безвреден, мой лорд, — сказал Ленгли.

— Это мы выясним. Сам Технон приказал найти его или уничтожить немедленно. Итак, если вы об этом знаете, есть ли у вас какие-нибудь предложения, как это сделать?

Опять эта тема. Ленгли похолодел. Проблема Сариса заставила покрыться холодной испариной, опять все эти органы государственной безопасности — как же, человек, который пытается бороться, может быть опасен.

— Стандартные средства поиска оказались неработоспособны, — сказал Чантхаваар. — Я должен сообщить тебе, хотя это и секрет: он убил троих моих людей и угнал их флайер. Куда он мог бежать?

— Я... должен подумать, — заткнулся Ленгли. — Это большое несчастье, мой лорд. Поверьте мне, я приложу к этому делу все силы, но... вы можете привести лошадь к воде, но заставить ее пить нельзя.

Чантхаваар улыбнулся. Его стиль содержал психологический нажим — убил и снова воскресил, забавляясь, и Ленгли подумал, что такие характеры можно найти в произведениях Шоу, Уайльда или Ликока.

Силон жестко проговорил:

— Этой лошади лучше пить и побыстрее, — и кивком отпустил их.

Чантхаваар заметил знакомого и пустился в горячий спор о способах смешения некоторых напитков, требующих перегонки.

Ленгли внезапно схватила какая-то рука. Она принадлежала крупному пузатому человеку в непривычно выглядевшей здесь одежде: серый халат и тапочки, кольца с алмазами и рубинами. Голова его была массивной, с беспорядочными кудрями рыжих волос, первая борода, увиденная Ленгли в этом веке, удивительно пронизательные светлые глаза. Довольно высокий голос выделялся неземными интонациями.

— Здравствуйте, сэр. Очень рад вас видеть. Мое имя Голтам Валти.

— К вашим услугам, мой лорд, — сказал Ленгли.

— Нет, нет, у меня нет титула. Бедный старый жирный подкалим Голтам Валти не принадлежит к высокородным. Я из Коммерческого Общества, а мы не имеем титулов... Не можем себе позволить. Трудно быть честным в нынешнее время, когда и покупателей и продавцов разъедает зависть к твоей выгоде, а настоящие благородные люди, имеющие свои родовые поместья, уже давно отошли в прошлое. Я из Аммона, в системе Тау Кита. Конфетка, а не планета — золотое пиво и славные девушки, которые его тебе подносят, ах, да!

Ленгли заинтересовался. Он кое-что слышал об этом Обществе, но недостаточно. Валти повел его к дивану, они присели и подождали стол, чтобы подкрепиться.

— Я главный представитель в Сол, — продолжал Валти. — Вы должны как-нибудь прийти и посмотреть нашу контору. Там сувениры с сотен планет, я уверен, вам это будет интересно. Но пять тысяч лет скитаний, да... это много даже для торговли. Вы многое видели, капитан, очень многое. Эх, если бы снова стать молодым...

Ленгли отбросил церемонии и задал несколько прямых вопросов. Получая информацию от Валти, надо было запастись терпением: упоминания о каких-то параграфах перемежались с жалостливыми сентенциями, но иногда что-то выплывало.

Общество существовало тысячу лет, или чуть более, охватывало все планеты, даже с нечеловеческими расами. В основном оно занималось межзвездной торговлей, частенько товары шли с планет, неизвестных в этом малом секторе Галактики. Предметы роскоши, экзотические вещи, но также и важное промышленное оборудование, количество которого росло пропорционально освоению планетарных ресурсов туземными цивилизациями. Для персонала Общества гигантские космические корабли были домом: мужчины, женщины, дети жили там всю жизнь. У них были свои законы, обычаи, язык, но они хранили верность не только своему наследию.

— Цивилизация имеет свою внутреннюю логику, капитан Ленгли, горизонтальная цивилизация пересекается с вертикальными, укоренившимися на планетах, и в своем трудном пути переживает их всех.

— Есть ли у вас столица, правительство?

— Детали, дружище, детали обсудим позднее. Взгляните на меня — одинокий старик. Хотя, возможно, я могу тебе предложить кое-какие маленькие развлечения. Ты, случайно, не останавливался в системе Тау Кита? Нет? Там замечательно. Тебя заинтересовало бы двойное кольцо системы Осириса, и туземцы Хоруса, и прекрасные, прекрасные долины Аммона, да, да!

Древние названия планет изменились, так же как и в Солнечной системе, и Ленгли определил древние мифические образы, которые

при перечислении всплыли в его памяти... Валти углубился в воспоминания о мирах, виденных им во времена утраченной юности, и Ленгли внутренне одобрил такой поворот событий.

— Ха! Они здесь!

Валти подпрыгнул и, сопя, поклонился.

— Мой лорд! Мой драгоценнейший лорд! Как давно я не видел вас.

— Всего две недели — усмехнулся белокурый гигант в пронзительно-розовой куртке и голубых штанах. В одной волосатой руке он держал бокал с вином, другой придерживал крошечную девицу, из танцовщиц. Она сидела на его плече и визгливо смеялась.

— Между тем, ты надул меня на тысячу соляриев своими поддельными костями.

— Мой блистательный лорд, очевидно, судьба улыбнулась и тогда, и сейчас, видя мою беспомощность — ведь кривая вероятностного распределения зависит от нее. — Валти потер руки. — Возможно, мой лорд, у вас на следующей неделе найдется время для реванша?

— Может быть... Тьфу! — Гигант снял девушку с плеча и поставил на пол. — Ладно, уматывай отсюда, Лора, или как тебя там... Увидимся после, — его ясные голубые глаза уставились на Ленгли. — Это — тот древний человек, о котором я слышал?

— Да, мой лорд, я могу вас познакомить. Капитан Эдвард Ленгли. Лорд Браннох ду Кромбар, посол Центавра.

Это был один из пугающих, ненавидимых людей Тора. Он и Валти — были первыми людьми кавказского типа, встреченными Ленгли в этом мире. Вероятно, их древние предки покинули Землю до того, как расы смешались почти в единый тип и, возможно, факторы окружающей среды способствовали сохранению их отличительных черт. Браннох весело рассмеялся, сел рядом и стал шумно рассказывать какую-то неприличную историю. Ленгли противопоставил анекдот про ковбоя о том, как ему три раза хотелось, и хохот Бранноха заставил дрожать стекла...

— Так вы еще пользовались лошадьми? — спросил он, отсмеявшись.

— Да, мой лорд. В краях, где я вырос, пользовались и лошадьми, и автомобилями. Я был... Я хотел разводить их сам.

Браннох, казалось, заметил боль в голосе космонавта и с удивительным чутьем понял его привязанность к дому.

— Я думаю, вам понравится Тор, капитан, — заключил он. — У нас еще просторно. Как они могут дышать среди двадцати миллиардов кусков толстого жирного мяса в Солнечной системе? Не понимаю! Почему бы вам не заглянуть когда-нибудь к нам?

— Я подумаю над вашим предложением, мой лорд, — сказал Ленгли, и, может быть, не покривил душой.

Браннох откинулся назад, вытянув свои непомерно длинные ноги.

— Мне там немного досталось, — сказал он. — Пришлось удирать из системы, а моя семья нашла быстрый конец от врагов. Я болтался по свету сотню лет независимого времени, прежде чем выпал случай вернуться. Мое увлечение — планетография, только поэтому я и хожу на твои приемы. Валти, старый брюхатый жулик. Скажите, капитан, вы имели когда-нибудь дело с Проционом?

Полчаса шел разговор о звездах и планетах. Это несколько успокоило душу Ленгли. Его захватили образы многоглазых чужаков, пронзающих бесконечность космоса.

— Кстати, — сказал Браннох, — я слышал, что вы на своем корабле привезли инопланетянина, а он удрал. Это правда?

— Ах, да, — забормотал Валти из своей спутанной бороды, — я тоже этим интересовался. Он, кажется, проделал это очень странным способом. Что толкнуло его на такой отчаянный поступок?

Ленгли похолодел. То, что говорил Чантхаваар, не было ли это секретным? У Бранноха были, конечно, свои осведомители, и у Валти тоже. Американца охватило знобящее чувство столкновения неодолимых сил, бешено несущихся машин, между которыми он попал.

— Хотел бы добавить его к своей коллекции, — лениво протянул Браннох. — Ничего, это ему не повредит. Если он настоящий телепат, то он уникален...

— Общество также интересуется этим делом, — сказал Валти застенчиво. — Планета может получить кое-что при торговле, даже если использовать данные, привезенные из такой затянувшейся прогулки.

Мгновением позже он сонно заметил:

— Думаю, плата за такую информацию будет щедрой, капитан. Общество имеет свои маленькие причуды и жаждет найти новую расу первым. Да... на этом можно сделать деньги.

— Эту ставку я делаю сам, — сказал Браннох. — Пара миллионов соляриев и мое Покровительство. Сейчас трудные времена. Сильный патрон... с этим нельзя не считаться...

— Общество, — подчеркнул Валти, — имеет право экстерриториальности. Оно может гарантировать убежище, так же как и отъезд с Земли, которая может стать местом, не полезным для здоровья. И, конечно, денежное вознаграждение — три миллиона соляриев, как взнос за новые знания.

— Трудно спорить в таком деле, — сказал Браннох. — Но я уже говорил — вы можете повидать Тор или вообще поселиться там. Три с половиной миллиона.

Валти застонал.

— Мой лорд, вы хотите превзойти меня? Я еще должен и семью содержать.

— Ха-ха! По одной на каждой планете, — засмеялся Браннох.

Ленгли сидел неподвижно. Он думал, что знает, почему все

хотят заполучить Сариса Хронна — но что из того? Гибкая фигурка Чантхаваара показалась из толпы.

— Ах, вот вы где, — сказал он, церемонно приветствуя Бранноха и Валти, — я к вашим услугам, мой лорд и сударь.

— Привет, Чанни, — сказал Браннох, — присаживайся. Отчего нет?

— Нет, нет. Другие господа хотят видеть капитана. Извините. Когда они пробирались в толпе, Чантхаваар повернулся к Ленгли.

— Эти люди интересовались чужаком?

— Да, — сказал Ленгли устало.

— Я так и думал. Солнечное правительство почти наполовину состоит из их агентов. Ладно, не будем об этом.

Гнев охватил Ленгли.

— Послушай, сынок, — сказал он, выпрямившись и глядя в глаза Чантхаваару сверху вниз. — Я не вижу, чем был бы обязан какой-нибудь из этих шаек. Почему ты обращаешься со мной как с ребенком?

— Я не ограничиваю твоего общения, — сказал Чантхаваар мягко, — хотя и могу, но это не столь важно, а бестию рано или поздно мы поймаем. Я только хочу предупредить, если она попадет в чьи-то руки, кроме моих, плохо будет тебе.

— Почему бы не запереть меня и покончить с этим?

— Ты не должен так думать. Я надеюсь, ты сможешь избежать ошибок при поимке. Это дело достаточно деликатное. — Чантхаваар замолчал, затем неожиданно серьезно сказал: — Знаешь, почему я занимаюсь политикой? Ты думаешь, я хочу власти? Такое хочется дуракам, которые жаждут командовать другими дураками. А для меня это прекрасная игра — ведь жизнь так скучна. Что я еще могу придумать кроме того, что уже делал сотни раз? Что может быть лучше, чем соревнование с умами Бранноха и этого толстопузого бородача. Тут можно и победить, и проиграть, но я хочу победить.

— Даже путем соглашения?

— Не обманывайся Браннохом. У него самый ясный и холодный ум в Галактике. Честно говоря, я был бы очень огорчен, если в конце концов пришлось бы его убить. — Чантхаваар отвернулся. — Пошли выпьем.

ГЛАВА 5

Тьма окружила скорчившегося Сариса Хронна, и влажный ветерок со стороны канала нес тысячи чужих запахов. Ночь была полна страха.

Он лежал на жухлой траве, в грязи на берегу канала, прижимаясь животом к земле и напряженно вслушиваясь.

Луны не было, но звезды виднелись высоко и ясно, ему хватало

их света, а низкий пульсирующий гул напоминал о далеком городе. Он взглянул вниз, на узкую линию канала. Правильные ряды шестелящей под ветром травы тянулись от горизонта до горизонта, какая-то темная округлая масса виднелась в трех милях от него. Его ноздри втягивали запах холодного сырого воздуха, зелени, теплоту мягких живых существ; он слышал медленное легкое движение струй ветра, далекий крик птицы, сверхъестественно глубокий звук от пролетавшего в нескольких милях над ним воздушного судна; его нервы ловили дрожь и пульсацию других нервов — вот так когда-то он лежал на Холате в ожидании животных, на которых охотился, чувствуя, как плывут над степью бесконечные шорохи ночи. Но сейчас он был добычей, и поэтому он не мог слить себя с земной жизнью. Он был чужой, каждый запах, каждый образ, нервные импульсы мыши или жука причиняли боль, даже ветер шептал другим голосом.

Его одиночество и страх породили горе. Он прошел через время и пространство, он оставил планету, которую знал, и весь свой народ, жену, детей и сородичей. Он оказался одиноким настолько, как не был никто из его расы. Один, совсем один.

Философы Холата с подозрением отнеслись к кораблю людей — вспомнил он с унынием. С их точки зрения Вселенная, все ее объекты и процессы были логичны и неизбежно конечны. Бесконечность являлась концепцией, отвергаемой инстинктом неправоты, даже когда речь шла о математических и физических моделях космоса; поэтому идея движения через световые годы вне времени была им чужда.

Но блеск новизны рассеял древние страхи. Появилось множество откровений о небе, о новом корабле; было так интересно работать с ними, учиться, находить ответы на вопросы, помогать в задачах, которые их холатанский мозг даже не мог представить.

С волнением вступил он на борт корабля.

И в результате Сарис Хронна бежит через лес, похожий на кошмар, увертываясь, уклоняясь, преследуемый энергетическими стрелами, которые, шипя, вспыхивают на его пути, сгибаясь, кувыркаясь, избегая всех известных ему охотничьих западней и уловок, спасая свою ненужную никому жизнь.

Его собачьи зубы блеснули, когда он раздвинул губы. Где-то здесь находилось нечто живое. И это нечто хотело его убить.

Если бы он мог вернуться — эта мысль вспыхнула подобно свету одинокой свечи в вое и грохоте ночной бури. Холат не мог сильно измениться, даже за две тысячи лет, прошедшие с тех пор, как земной корабль покинул его. Его народ не застыл, он развивался все время, но это развитие было подобно эволюции, в соответствии с изменением климата, поверхности планеты согласно великому ритму времени. Он мог бы снова стать полноправным членом своей расы.

Но...

Что-то скользнуло в небо. Сарис Хронна вжался в траву. Его глаза превратились в узкие желтые щели, когда он напрягся, пытаясь разглядеть то, что было там, наверху.

Да — движение, но не живое, а холодное облако электронов в кристалле, металл, пульсации, подобные тем, что чуть затрагивали его нервы. Это был маленький летательный аппарат, медленно кружащийся в небе. Он был оснащен детекторами.

Он охотился за ним.

Может быть, подчиниться? Люди с «Эксплорера» были порядочными, а к Ленгли он испытывал чувство, похожее на уважение. Может быть, их далекие родственники столь же благоразумны? Нет! Слишком рискованно. Подозрительность была отличительной чертой его расы.

У них на Холате не было космической техники. Орудия труда изготавливались из кремния и кости, аборигены путешествовали пешком или на долбленых челноках с веслами и парусом, кормились охотой и рыбалкой, держали громадные стада мясных животных, полуприрученных телепатическим контролем. Один холатанин на Земле мог справиться с дюжиной землян, но один космический корабль мог бы превратить его планету в мир смерти.

Летательный аппарат скрылся из области его восприятия. Сарис Хронна облегченно вздохнул.

Что делать, куда идти, где прятаться?

Внезапно он вспомнил детенышей, маленьких и пушистых, лежащих в пещере на шкурах или в хижине из дерна, копошащихся около груди матери. Он рыдал, вспоминая беззаботные солнечные дни, уютные зимние ночи, когда они сбивались в кучу, разговаривая, играя, напевая старинные песни, нежась во всепроникающем тепле единой эмоциональной связи; времена, когда отец брал его на охоту, с каким нетерпением он ждал ее.

Маленькая изолированная семейная группа была сердцем его общества, без нее он чувствовал себя потерянным, а ведь его клан давно мертв.

Летательный аппарат вернулся. Он летел по спирали. Сколько их там, в нескольких милях над землей?

Его мозг напрягся, отгоняя страх — следствие ущербности и одиночества. Жизнь Холата была основана на порядке, ритуале, на традиционных взаимоотношениях между старыми и молодыми, мужчинами и женщинами, на умиротворенности и спокойствии пантеистической религии, на утреннем и вечернем семейном обряде, каждый на своем месте; равновесие, гармония, ясность, все знают, что жизнь — всеобщий союз. И в итоге, он прячется в чужой тьме, и на него охотятся как на зверя.

Сложившиеся стереотипы жизни не обременяли, потому что накапливающиеся напряжения снимались в погонях и распутных оргиях ярмарок, где кланы встречались для торговли, обсуждения

планов и взаимных претензий, в молодежных компаниях, питье и веселье.

Но здесь, ночью...

Эта штука спустилась ниже.

Мускулы Сариса напряглись, сердце забилося сильнее. Пусть только приблизится, он перехватит управление и размахнет их о землю!

В этот момент он не был полностью готов к убийству. В холатанских семьях не было грубых отцов или драчливых, задиристых братьев — они все были одинаковы: те, кто проявлял особые способности, содержались остальными и занимались совершенствованием своих способностей к искусствам — музыкой или развлечениями. Сарис был из таких, способности у него проявлялись с детства. Позднее он направился бы в один из университетов.

Он проявлял склонности к физическим наукам.

«Как хорошо было на Холате», — думал он, сжимаясь, в то время как металлическая смерть медленно спускалась к нему. Книги переписывались от руки на пергаменте, но в них содержался всего лишь отзвук знаний. Астрономия, физика и химия были элементарны по сравнению с человеческой наукой. Биотехнология, разведение животных и использование экологии были примерно равны в областях, не требующих применения приборов. А математики на Холате имели врожденные способности и превосходили в этом любого человека.

Сарис вспомнил, как был удивлен Ленгли быстрым освоением английского подростком, изучавшим неевклидову геометрию и теорию эллиптических функций. Ленгли получил некоторое понятие о разнообразных школах в философии, оживленных дискуссиях между ними, и в дальнейшем полностью признал, что четкая логика, высокоразвитая семантика, слитые воедино на разумной эмпирической основе сделали их более ценными инструментами, чем любые созданные человеческой расой. Те же философы, которые сумели определить взаимосвязь между разделами высшей алгебры и этики, сумели найти ключ к неполадкам в системе управления «Эксплорера».

Аппарат парил, похожий на птицу, готовую бросится вниз, на добычу. Он был еще далеко — должно быть, у них есть детектор, возможно, инфракрасный. Сарис решил не двигаться.

Для него все кончится, когда бросят бомбу. Ленгли рассказывал ему о бомбах. Вспышка, грохот, которые он уже не ощутит, исчезновение, вечная тьма.

«Ладно», — думал он, чувствуя, как ветер нежно ласкает его шерсть, немного пожалей себя. Он прожил хорошую жизнь. Он был одним из лучших учеников, с жадной новизной. Он, казалось, мог бы внести вклад во взаимоотношения сходных культур, усеивающих его планету. Позднее он должен был остепениться, создать семью,

преподавать в университете. Но даже если вместо этого его ждет смерть на неизвестной земле, все равно, жизнь была хороша!

Нет, нет! Все восстало в нем. Он не должен умереть! Нет! Не должен до тех пор, пока не узнает, как защитить Холат от этих безволосых чудовищ, как предостеречься от них и как бороться с ними. Его мускулы вздулись, готовые бороться и победить.

Воздушный аппарат опускался медленно, в выступах корпуса посвистывал ночной ветер. Его мозга коснулся водоворот электрических и магнитных струй, и он задрожал.

Нет, не ждать! Есть лучший способ. Аппарат сел на поле в доброй сотне ярдов от него. Сарис подтянул под себя руки и ноги и весь напрягся. Сколько их там? Трое. Двое вышли наружу, третий остался внутри. Он не мог видеть через высокую траву, но чувствовал, что один или оба несут какой-то предмет, но это было не оружие, а скорее, детектор. Слепые в темноте, они, однако, могли проследить его путь.

Но они, конечно, не уверены, что это Сарис. Их инструмент мог зарегистрировать только отбившееся от стада животное или человека. Сарис почувствовал острый запах адреналина их страха.

Сарис Хронна, оскальзываясь в мокрой траве, побежал на четвереньках прочь.

Кто-то пронзительно завопил. Разряд энергии пронзил воздух над ним, загорелись высокие стебли травы, и запах озона обжег его ноздри. Он не мог справиться с этим оружием так, как до этого парализовал двигатель и передатчик аппарата.

Бешено билось сердце, он бросился через выжженное пятно травы. Прыгнув, он достиг ближайшего человека. Тот упал, и он руками разорвал ему горло и отскочил в сторону, так как другой мог выстрелить.

Кто-то кричал, плакал панически в темноте. Ружье, из которого был сделан выстрел, звонко ударилось о металл корпуса, где-то в районе носа аппарата. Сарис прыгнул, очутился на крыше. Человек, оставшийся снаружи, был освещен вспышками света энергетических разрядов и пытался поймать его своим лучом.

Хладнокровно холатанин прикинул расстояние. Далековато.

Он завыл, снова скользя по земле.

Вспышка света и грохот бластерного разряда ударили в то место, где он только что был. Сарис покрыл расстояние до человека в три прыжка. Подпрыгнув в воздух, он резко ударил и почувствовал, как рвутся мышцы шеи под его пальцами.

Теперь внутрь. Сарис нащупал люк. Тот открывался внутрь и фиксировался простейшими механизмами, с которыми Сарис не мог справиться из-за малой энергии мозга. Еще он чувствовал ужас сидящего внутри аппарата человека. Ладно... Он отыскал один из бластеров, мгновение изучал его устройство и принцип действия. Рука обхватила рукоятку, один палец приходился на клавишу, огонь вылетает из раструба, регулятор, устанавливающий мощность вы-

стрела. Он поэкспериментировал с оружием и был удовлетворен своими способностями. Вернувшись к аппарату, он встал напротив люка.

Человек внутри прижался к противоположному борту, сжимая ружье в дрожащих руках и пронзительно крича от страха, что этот дьявол сейчас вломится внутрь. Сарис прощупал его телепатически и выяснил, что еще один вход располагается в кормовой части — хорошо! С треском выбив дверь одной рукой, он выстрелил, целя в угол. Бластер неудобно сидел в руке, но одного разряда хватило.

Кабина наполнилась запахом горелой плоти. Сейчас надо было все делать быстро: другой аппарат мог быть поблизости. Собрав все оружие, он пролез на место пилота, слишком маленькое для него, и начал изучать панель управления.

Принцип устройства летательного аппарата был незнаком науке времен Ленгли. Он не мог определить символы над приборами и переключателями. Но, проследив электронные цепи и гиромангнитные поля, используя логику, он понял, как управиться с этой штукой.

Взлетел он немного неуклюже — перестарался, манипулируя переключателями. Он быстро поправил положение аппарата и завис над землей. Скоро он был высоко в небе, стремительно пронзая темноту. На одном экране было светящееся изображение карты с движущейся красной точкой, которая показывала его местонахождение. Отлично.

Он не мог оставаться в этой машине долго — ее опознали бы и посадили. Но он должен воспользоваться ею, чтобы найти себе безопасное место, а потом пустую машину можно отправить в океан. Для этого было необходимо овладеть программированием автопилота.

Но куда лететь? Что делать?

Ему необходимо место, чтобы отлежаться и подумать, место, откуда он мог бы наблюдать и к которому мог бы возвращаться, где он мог бы отсидеться, если судьба отвернется от него. И еще необходимо время для принятия решений.

Эти люди — странная раса. Он не понимал их. Он много разговаривал с Ленгли, они дружили, но в нем все же было много непонятного. Эта близкая к религии концепция завоевания всего пространства просто ради самого пространства была чужда холата-нам. Кроме того, бессмысленная погоня за чистым, абстрактным знанием: холатане не были идеалистами, но люди находили какое-то неясное, почти непристойное удовольствие, манипулируя дедуктивными безличными категориями.

Эти новые люди, населявшие Землю, могут попытаться завоевать Холат. Расстояние гигантское, но нельзя быть уверенным ни в чем.

Самое мудрое и безопасное — разрушить их цивилизацию, вернуть назад в пещеры. Это безумный план, но надо попытаться. Надо что-то делать, надо сыграть, натравливая одну группировку

на другую. Он уже давно понял, почему они хотят поймать или убить его.

Он должен выжидать, наблюдать и подумать, прежде чем решить, как ему поступать. Для этого нужно место, где можно спрятаться, и он уже знал, где можно найти такое место. Во всяком случае, стоило попытаться. Он изучил неподвижную карту, сопоставляя ее с той, которую видел у Ленгли, и ввел ее в свою эйдетическую память, расшифровывая символы и учитывая изменения за пять тысяч лет. Затем он повернул аппарат на северо-восток и расслабился в ожидании.

ГЛАВА 6

Прогресс был налицо: к утру из перекроенной комнаты Ленгли были удалены все следы похмелья, обслуживающий робот прикатил завтрак на столике и убрал посуду, когда Ленгли поел. После завтрака делать было нечего, кроме как сидеть и размышлять. Пытаясь преодолеть депрессию, Ленгли заказал себе книги. Раб-домуправитель показал ему, как управляться с приспособлениями в его апартаментах. Машина, щелкая, отыскала в городской библиотеке микрофильм, сделала копию и выдала ее космонавту, который вставил микрофильм в свой сканнер.

Блостейн пытался читать роман, затем какую-то поэму, затем специальные статьи и в итоге отшвырнул их. С его ограниченным знанием все подтексты были непонятны. Он доложил Ленгли, что все написано на высоком уровне, в сложной форме, полной намеков на классическую литературу двухтысячелетней давности, более важных, чем тривиальное содержание.

— «Поп и Драйден», — пробормотал он с отвращением. — Но им-то было хоть что сказать. Что ты накопал, Боб?

Мацумото, который пытался сориентироваться в современной науке и технике, пожал плечами.

— Ничего. Все написано для спецов, считается, что читатель знает азы. Совершенно нет популяризации. Все, что я просмотрел, — руководства для тех, кто занимается непосредственно этими разделами науки. Муть голубая с какими-то Загановскими матрицами.. Но при этом все же ощущается, что ничего реально нового за последнюю пару тысяч лет.

— Стабильная цивилизация, — сказал Ленгли. — Они полностью уравновешены, каждый на своем месте, все идет достаточно гладко, и не существует ничего, что выбило бы их из колеи. Может быть, на Центавре по-другому?

Он вернулся к своим кассетам, к истории, пытаясь выяснить, как все это произошло. Это было удивительно трудно. Первое, на что он наткнулся — была ученая монография, перенасыщенная непонятной терминологией в узкой области. Но ничего для обычного

человека, если только он еще существует. Чем ближе Ленгли продвигался к настоящим временам, тем более утверждался, что перед ним застывшая в узкой специализации цивилизация, чье будущее, как ему показалось, лежит в прошлом.

Большинство выдающихся открытий после изобретения сверхпривода приходилось на долю параматематической теории человека как индивидуальности, так и общественной единицы, что позволило перестроить общество, сделать его стабильным, предсказуемым и логичным. Отсутствовали работы, посвященные структуре Технона, они не думали, что подобное устройство должно заниматься производством и распределением они это знали. Их наука не была совершенной, да этого и не могло быть: такие происшествия, как революции в колониях, были совершенно непредусмотрены. Но цивилизация была стабильной, с мощной отрицательной обратной связью; она немедленно приспосабливалась к новым условиям.

Средства социальной организации не использовались для освобождения людей, а туже затягивали ярмо — для небольшого числа ученых было необходимо наблюдать за реализацией своих планов, и они, или их потомки (с прекрасным человеческим рационализмом) просто использовали силу. Поэтому было логично, что у власти стояли наиболее сильные и интеллигентные — обычный человек был просто неспособен манипулировать силами, которые могли в один прекрасный день очистить планеты от живого. Так же логично было организовано управление: избирательное воспитание, управляемая наследственность, психологические тренировки. Возможность производства рабов, которые были эффективны и удовлетворены, — в общем, все совершенно логично. Обыкновенный человек не являлся объектом приложения таких усилий, потому что концентрация и централизация власти, все более и более возрастающие с Индустриальной революцией, внушили ему традицию подчинения. Если бы человеку дали свободу, он не знал бы, что с ней делать.

Ленгли мрачно заметил, что другого и не могло быть.

Чантхаваар предложил прогуляться по городу, который назывался Лора.

— Я знаю, он показался вам поначалу довольно скучным, — извиняющимся тоном сказал он. — Просто последнее время у меня было много дел, но я буду рад показать его вам завтра и ответить на все ваши вопросы, если смогу. Мне кажется, это был бы прекрасный способ адаптации.

Когда он отключился, Мацумото сказал:

— Кажется, он не такой гад, как все остальные. Но ежели он здесь какой-то аристократ, то почему он все делает сам?

— Мы — нечто новое, вот поэтому он и носит с нами, — сказал Блостейн. — Что-то новенькое.

— Или, — пробурчал Ленгли, — он нуждается в нас. Мне совершенно ясно, что он не может добиться от нас чего-то нужного под гипнозом, или чем там они пользуются сейчас.

— Ты думаешь, что все дело в Сарисе? — нерешительно спросил Блостейн. — Эд, у тебя есть хоть малейшая идея по поводу того, где находится эта выдра-переросток и что он затеял?

— Нет, ... еще, — сказал Ленгли.

Они говорили по-английски, но было совершенно ясно, что где-то здесь спрятан микрофон, а запись всегда можно перевести.

— Еще не ясно, — добавил он.

Он сам поражался своей сдержанности. Он чуждался интриг, шпионажа, сделок. Космонавту необходимо быть сдержанным, отрешенным, неспособным к клевете и интригам, процветающим в метрополии.

В свое время он всегда был готов заняться каким-нибудь делом, и если сталкивался с ложью, то винил в этом себя и был чувствителен к мнению других. Сейчас ему было все равно. Ведь было так легко уступить, сотрудничать с Чантхавааром и вообще просто плыть по течению. Как узнать, кто прав? Ведь Технон, кажется, представляет порядок, цивилизацию, закон, да и бессмысленно противопоставлять себя двадцати миллиардам человек и пяти тысячам лет истории.

Если бы рядом была Пегги, он сдался бы, а не рисковал своей шкурой ради принципов, в которых он не был уверен.

Но Пегги умерла, а у него осталось совсем мало принципов, чтобы жить дальше. Это не игра с судьбой, в почти безвыходном положении. Ведь он пришел из общества, которое возлагало на каждого человека ответственность решать самому.

Чантхаваар заявился перед обедом, еще зевая:

— Пришло время вставать! Но стоит ли пытаться жить перед закатом? Ну что, пойдем?

Когда он повел их, следом за ними пошли полдюжины телохранителей.

— Для чего они? — спросил Ленгли. — Защита против Общинников?

— Общиннику об этом даже трудно подумать, — ответил Чантхаваар. — Если только они могут думать, в чем я сомневаюсь. Нет, они нужны мне против моих конкурентов. Браннох был бы рад видеть на моем месте некомпетентного преемника. Я много знаю о его агентах внутри Технона. У меня нет долгов, взяток я не беру, поэтому они вынуждены действовать не тонко, а напрямик.

— А чего они добьются, убив тебя? — спросил Блостейн.

— Силы, положения, может, какой-то части моего имущества. Или они могут быть самыми отъявленными моими врагами: я люблю щелкать их по носу в отличие от многих нынешних влиятельных деятелей. Мой отец был весьма мелким министром на Венере, мать — из Общинников. Я получил положение, пройдя множество испытаний, и... растолкав локтями своих братьев, — Чантхаваар усмехнулся. — Неплохая шутка. Конкуренция привела меня в высший класс, признаваемый Техноном.

Неожиданно он оказался в прозрачном трубчатом путепроводе, и его движущиеся кольца подняли их вверх на головокружительную высоту над городом. С этой высоты Ленгли мог видеть, что Лора построена как единое целое: не было отдельно стоящих зданий, все они соединены, а внизу находились сплошные крыши нижележащих уровней. Чантхаваар указал на близкий горизонт, где торчала одинокая решетчатая башня.

— Станция контроля погоды, — сказал он. — Большинство того, что вы видите, относится к городу, Министерскому народному парку, но все, что находится за этой дорогой, — имущество, принадлежащее Тарахою. Он из чудачков, которые стремятся укрыться от природы, и вот понастроил все это.

— Есть ли у вас небольшие фермы? — спросил Ленгли.

— О, Космос, нет! — Чантхаваар изумленно взглянул на него. — Они есть только на планетах Центавра, но я думаю, трудно придумать что-нибудь менее эффективное. Почти вся наша пища синтезируется, остальное выращивается на министерских землях — действительно, шахты и фабрики — каждая является собственностью какого-нибудь министра. Таким образом, наш класс сам себя содержит, как и Общество, которое на внесолнечных планетах взывает аренду. Здесь человек может иметь то, что он заработал. Государственные работы, так же как и вооруженные силы, финансируются промышленностью во имя Технона.

— Но что делают Общинники?

— У них есть работа, у большинства — в городах, у некоторых — на полях. Многие работают на себя как ремесленники или мастера. Технон поддерживает порядок, занимается демографическим контролем и производством, так что экономика функционирует нормально. А теперь сюда — это должно быть вам интересно.

Это был музей. Основная планировка изменилась немного, хотя были какие-то незнакомые приспособления для улучшения обзора. Чантхаваар повел их в историко-археологический отдел посмотреть экспозиции веков, близких к их времени. Печально было видеть, как мало дошло — несколько монет, потускневшие вопреки электрическому восстановлению, осколки стеклянного стакана, фрагменты каменной доски с названием какого-то банка, ржавый остов древнего кремниевоего ружья, найденный в Сахаре при проведении ирригационных работ, мраморный обломок какой-то статуи. Чантхаваар сказал, что сохранились еще египетские пирамиды, часть Сфинкса, несколько бетонных дорог — все, что осталось от уничтоженных городов — обломки дамб в Америке и России, а также несколько кратеров от водородных бомб, а все остальное, сохранившееся, относится уже не менее как к 35 столетию.

Время идет, оно безжалостно к гордым достижениям человека, которые исчезают одно за другим. Ленгли заметил, что посвистывает, как бы придавая себе храбрости. Чантхаваар заинтересованно навострил уши.

— Что это?

— Это окончание девятой симфонии «Freude Schone Gotterfunken» — когда-нибудь слышали?

— Нет, — странно было видеть выражение задумчивости на его костлявом лице. — Это прекрасно. Мне нравится такая музыка.

Они позавтракали на террасе ресторана, где машины обслуживали вычурно одетых с утонченными манерами аристократов. Чантхаваар оплатил счет и пожал плечами.

— Я ненавижу кидать деньги в мощну министра Агаза — ему тоже нужна моя голова — но надо признать, он держит хорошего шеф-повара.

Охранники не ели: они были приучены есть редко и быть неустойчивыми в своей бдительности.

— Что ж, — сказал Чантхаваар, — основное на верхних уровнях мы осмотрели. Теперь нечто иное. Пойдемте опустимся вниз.

Гравитационный лифт швырнул их на дно тысячефутовой пропасти, и они вступили в другой мир. Здесь не было ни солнца, ни неба: стены и конструкции из металла, полы мягкие и упругие, лабиринт узких, плохо освещенных переходов. Воздух достаточно свеж, но весь пронизан дрожью и пульсациями — дыхание гигантских машин, которые и являлись городом. Коридоры-улицы, низкие, узкие, полные жизни, движения и шума голосов.

Это были Общинники. Ленгли застыл на мгновение на выходе из лифта, наблюдая за ними. Он, конечно, не ожидал увидеть одетых в серое зомби, но все же был поражен.

Хаотичная масса напомнила ему о том, что он видел в городах Азии. Одежды — удешевленный вариант министерской туники для мужчин, длинные платья для женщин, и сплошные униформы — зеленые, голубые, красные, но были и грязные, заношенные. У мужчин — бритые головы, лица отражали смесь всех рас, которые существовали когда-то на Земле. Множество голых детей копошилось и играло прямо под ногами толпы. Не было разделения полов, обязательного для верхних уровней.

Киоск, встроенный в одну из стен, был наполнен дешевым, грубым фаянсом, и женщина с ребенком на руках торговалась с его владельцем. Рослый, почти обнаженный носильщик горбился под тяжестью какой-то детали. Двое парней на корточках сидели на середине дороги, играя в кости. Старик со стаканом в руках дремал рядом со входом в таверну. Двое: один в зеленом, другой в красном неуклюже дрались, несколько любопытствующих обступили их. Явно выраженная проститутка соблазняла какого-то работягу со слабоумной физиономией. Худощавый, с острым лицом торговец — с Ганнимеда, как пояснил Чантхаваар — тихо шептался с жирным туземцем. Богатый, видимо, человек, катил по улице в крошечном двухколесном аппарате, двое слуг расчищали перед ним дорогу. Ювелир сидел в своей будке, выстукивая браслет. Трехлетний ребенок споткнулся, с размаху сел на пол, ударился в слезы, на

которые никто не обратил внимания, да и едва ли он был услышан в этом шуме. Подмастерье сопровождал своего мастера, неся ящик с инструментами, пьяный блаженно раскинулся у стены. Продавец совал тарелки, полные аппетитных, дымящихся кусков, расхваливая нараспев свой товар. Сумев столько увидеть, Ленгли попал в бурлящую толпу. Чантхаваар выудил сигареты, предложил их всем и, взяв себе одну, повел их дальше — каждый меж двух охранников. Люди оглядывались, таращились на них, возвращаясь затем к своим делам.

— Мы пойдем пешком, — сказал Чантхаваар. — Здесь нет движущихся путей.

— Что это за мундиры? — спросил Блостейн.

— Различные профессии — металлисты, пищевики и так далее. У них система гильдий, довольно высоко организованных, несколько лет ученичества, острая конкуренция между гильдиями. Общинники живут и обеспечивают себя сами, мы избегаем вмешиваться в их дела. Полиция — рабы, принадлежащие городу — удерживает их в соответствующих рамках, если возникают какие-нибудь беспорядки. — Чантхаваар указал на крепкого мужчину в стальном шлеме.

— Нет смысла нагонять их сюда много. У Общинников нет оружия, они не способны угрожать кому-либо; все их воспитание поставлено таким образом, что они соответствуют этой системе.

— Эт-то кто такой? — Мацумото указал на человека в алом, с лицом, закрытым маской, с ножом на поясе; он быстро скользил между людьми, отталкивая тех, кто ему мешал.

— Убийца, — сказал Чантхаваар, — есть и такая гильдия, хотя большинство из них занимаются кражами и взломами. Общинники не имеют роботов — мы поддерживаем их предприимчивость. Им не дозволяется огнестрельное оружие, так что это вполне безопасно и даже развлекает.

— Значит, вы их разъединяете, — заметил Ленгли.

Чантхаваар развел руками. — Что ж поделать? Полное равенство невозможно. Известно из истории, что неоднократно пытались всем и каждому дать право голоса — и это всегда было обречено на провал, всегда через несколько поколений худшие политики вытесняли лучших. Потому что, по определению, половина людей имеет интеллект ниже среднего или немного выше среднего. Вы никак не сможете деть эти толпы — Земля так переполнена.

— Все дело в культуре, — сказал Ленгли. — В наше время были страны, отвергнувшие прекрасные конституции и погрязшие в диктатурах, но это потому, что у них не было предпосылок, не было традиций. Некоторые же, вроде Великобритании, создали основы для таких традиций; в подобных обществах присутствует чувство общего сотрудничества.

— Мой друг, вы не можете создать новую цивилизацию, — сказал Чантхаваар, — и реформировать эту вы можете только, используя имеющийся материал. Основатели Технона знали это. Но

такие дела делать уже поздно, слишком поздно. Вы взгляните вокруг — способны эти обезьяны думать о проблемах открытой политики? — он вздохнул. — Перечитайте историю, смело взгляните ей в лицо: войны, эпидемии и тирания — естественное состояние человека, так называемый золотой век — флюктуация, которая исчезла быстрее, чем кто-то это понял, мы же только триста поколений как из пещер. Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на попытку создания других законов природы. Без сожаления пользуйтесь существующими законами природы.

Ленгли отвернулся, прогулка продолжалась. Ему было интересно наблюдать за деятельностью на заводах, где люди, подобно муравьям копошились у металлических гигантов, которых сами создали; в школах, где несколько лет учебы, включая курс гипнотренинга, были достаточны, чтобы снабдить необходимыми навыками; в квартирах с крошечными комнатами и умеренными удобствами и даже со стереоскопическим шоу, предназначенным для имбецилов; довольно веселые развязные случаи в храмах, где толпа качалась и распевала гимны Отцу — это напоминало ему лагерные сборища старых времен; маленькие магазинчики, выстроившиеся вдоль улицы — последние уцелевшие ремесленники и поразительные изделия народного искусства; базар, похожий на гигантский кратер, набитый галдящими женщинами — да, увидено много...

После обеда, который был следствием благорасположения Общины торговцев, Чантхаваар улыбнулся.

— У меня сегодня ноги отвалятся, — сказал он. — Хотите развлечься? Город известен своими пороками.

— Ладно... хорошо, — сказал Ленгли. Он немного выпил, резкое, острое пиво нижних уровней шумело в голове. Он не хотел женщину, его уже не мучили воспоминания, но здесь все же следует быть смелее. Его кошелек полон векселей и монет.

— Куда?

— Думаю, Дворец Снов, — сказал Чантхаваар выводя их на улицу. — Это любимое развлечение всех уровней.

Сквозь голубоватый туман был виден вход, который выводил к множеству маленьких комнат. Они вошли в одну, надевая на лица «жизненные маски»: живая синтетическая плоть обожгла кожу лица, входя в соприкосновение с нервными окончаниями и как бы становясь частью живого существа.

Здесь все равны, и никто не имеет имен, — сказал Чантхаваар. — Освежайтесь.

— Каковы ваши пожелания, сэры? — голос шел ниоткуда, холодный и как будто нечеловеческий.

— Основной тур, — сказал Чантхаваар. — Обычный. Сюда... вложите сотню соляриев, вот в эту щель, каждый в свою. Тут дорого, но зато впечатляет.

Они расслабились на чем-то, похожем на сухое взбитое, пушистое облако и были подняты вверх. Охранники остались бесстра-

стной кучкой позади них. Двери распахнулись. Они повисли под ароматным небом, среди сюрреалистических звезд и лун, глядя вниз на пустынный ландшафт, явно неземной.

— Частично иллюзия, частично реальность, — сказал Чантхаваар, — здесь можно получить все, что захотите себе вообразить, но за хорошую цену.

— Глядите...

Облака плыли сквозь дождь, который был голубым, и красным, и золотым огнем, как бы пронизывающим их тела. Могучий, торжественный музыкальный аккорд потряс все вокруг. В языках вьющегося пламени Ленгли заметил девушек невозможных форм, танцующих в воздухе.

Потом они очутились под водой или тем, что казалось водой, с тропической рыбой, плывущей через зеленоватую хрустальную глубину, мимо кораллов; над ними волны мерцали и дробили жидкое стекло. Затем они очутились в залитой красными огнями пещере, где музыка будоражила кровь горячими толчками.

Следующей картиной была огромная и веселая компания людей, поющих и смеющихся, танцующих и жадно глотающих пищу. Какая-то пухлая девица хихикала и дергала Ленгли за руки — его слегка качало, как будто бы воздух был насыщен наркотиками. Ему надоело, и он резко рывнул: «Убирайся!». Вращаясь в рокошущем водопаде, кувыркаясь в воздухе, который, казалось, уплотнился так, что в нем можно было плавать, он полетел мимо гротов и ущелий, залитых странным светом к вращающемуся мутно-серому вихрю, в котором видимость была не более чем на ярд. Здесь, в сыром жирном тумане, который, казалось, скрывает в себе что-то сверхъестественное, они застыли.

Темный силуэт Чантхаваара зашевелился, и в его приглушенном голосе слышалось странное напряжение:

— Хочешь, ты сыграешь подобно ТВОРЦУ? Дай мне увидеть тебя! — шар дымного пламени пульсировал в его ладонях, и из него вылетали звезды и таяли в бесконечном пространстве. — Солнце, планеты, луны, народы, цивилизации и истории — ты можешь творить их такими, какими пожелаешь. — Две звезды столкнулись и взорвались. — Ты можешь сам видеть, как растет и изменяется мир, в любых самых мельчайших деталях, сжимая миллионы лет в минуту. Ты сможешь испепелить его ударом молнии, или спрятав, поклоняться, служить ему. — Солнце в руках Чантхаваара померкло, окутанное туманом. Крошечные искры планет начали кружиться вокруг него. — Дай мне рассеять туман, пусть будет свет. Пусть будет жизнь и история.

Что-то начало двигаться во влажном дымном воздухе. Ленгли увидел тень, шагнувшую между новорожденным созвездием и бесконечной далью. Рука схватила его за предплечье, и он увидел тусклое пятно псевдолица. Он рвался, пытался освободиться, кричал, и другая рука обхватила его за шею. Скользнула проволоочная

петля, стягивая его лодыжки. На него навалилось два человека. Бешено сопротивляясь, он слепо отпрянул в сторону. В темноте он вытянутой рукой коснулся щеки, по которой текла искусственная кровь.

— Чантхава-ар!

Бластер выстрелил с чудовищным грохотом и блеском. Солнце-разряд пролетел рядом с ним.

Схватившись свободной рукой за живот, он упал на колени, голова раскалывалась от страшной боли.

— Свет! — кричал Чантхаваар. — Избавьтесь от этого тумана! — Мгла стала медленно распадаться на части. Обнажилась глубокая ясная тьма, чернота открытого вакуума, в которой звезды плавали, как светлячки. Затем вспыхнул полный свет.

Распростершись около Чантхаваара, умирал человек, его живот был распорот энергетическим лучом. Охранники бестолково суетились. Больше никого не было. В пустой комнате, освещенной холодным светом, Ленгли судорожно думал, как мучительно видеть это опустошение там, где только что были мечты.

Через некоторое время он и агент внимательно посмотрели друг на друга. Блостейна и Мацумото не было.

— Это... тоже часть развлечения? — выдавил сквозь зубы Ленгли.

— Нет, — охотничий блеск засветился в глазах Чантхаваара. Он смеялся. — Прекрасная работа! Хотел бы я иметь этих ребят в своем штате. Ваши друзья были оглушены и похищены прямо у меня на глазах. Пошли!

ГЛАВА 7

Некоторое время раздавалась ругань, крики — Чантхаваар отдавал приказы и распоряжения, организуя погоню. Затем, раскачиваясь, он начал бегать вокруг Ленгли.

— Я, конечно, перетрясу весь этот крольчатник, — сказал он. — Но я не думаю, что похитители еще где-то здесь. Роботы не смогли описать тех, кто отсюда вышел, так что у нас нет никаких зацепок. Но я не успокоюсь, пока не найду тех служащих этого заведения, кто помог повернуть это дело. Я поднял по тревоге всю организацию — большая часть сотрудников будет здесь через полчаса. Другая часть возьмет под контроль Бранноха.

— Браннох? — переспросил Ленгли удивленно. Его сознание оцепенело, он не мог воспринимать носящиеся в воздухе идеи так же быстро, как его собеседник.

— Это же ясно! Кто же еще? Не думал я, что он сможет организовать такую операцию на Земле, но они поволокли, конечно, твоих друзей прямо к нему, а он спрячет их где-нибудь на нижних

уровнях, и мало шансов найти их среди пятидесяти миллионов Общинников, но мы попытаемся. Должны попытаться!

Полицейский принес и передал Чантхаваару небольшой металлический предмет.

— Сними эту маску. Смотри — это электронный трассер, мы попытаемся проследить путь псевдолица — по характерному запаху — не удивляйся. Я не думаю, что похитители воспользовались масками, взятыми в Доме Снов, и поэтому мы сможем узнать, откуда они были взяты. Прикрепи его к себе на одежду, ты нам можешь помочь. Вперед!

Несколько человек в полной тишине двинулись за ними. Чантхаваар промчался через главный вход. Сейчас в нем было что-то от ищейки — эстет, гедонист, ироничный философ превратился в охотника на человека. На аппарате светился и гудел индикатор.

— Есть след, все правильно, — бормотал он. — Если бы только не становилось так холодно — проклятье! Зачем так усиленно вентилировать нижние уровни? — он перешел на рысь, его люди шли за ним обычным шагом. Кишевшие в коридорах толпы бесследно растаяли.

Ленгли был совершенно растерян. Все происходило быстрее, чем он мог воспринять, а яд Дома Снов все еще бродил в его крови, и мир казался нереальным. Боб, Джим — великая тьма проглотила их, и сможет ли он увидеть их снова? Почему?

Они плавно спускались вниз по вертикальному стволу гравитационной шахты, подобно осенним листьям, и Чантхаваар проверял каждый вход, проскальзывающий мимо них. Непрерывный рокот расположенных в глубине машин постепенно усиливался, переходя в рев. Ленгли помотал головой, пытаясь прояснить сознание, пытаясь овладеть собой. Это походило на сон, его медленно несло среди призраков в черноту, и он должен был гнать сон от себя. Он должен взять себя в руки, успокоиться, ведь это наваждение, вытряхнуть его из головы, он был в бреду, и он хотел избавиться от него.

Дрожь прошла по коже.

Индикатор вспыхнул ярче.

— Сюда! — Чантхаваар нырнул в портал. — След слабый, но может быть...

Охранники последовали за ним. Ленгли дернулся было, но завис, скользнул ниже и вступил на следующий уровень.

Это была неуютная секция, тускло освещенная, грязная, улицы почти пустынные. Закрытые почти сливались со стенами, ноги ступали по гниющим отбросам, грохот, вибрация машин, казалось, заполняли всю Вселенную. Он пошел быстро, держась ближе к выступам стен, стараясь не высовываться.

Медленно его мозг прояснился. Старик в грязной одежде сидел, выставив ноги за дверь и следил за ним узкими монголоидными глазами. Небольшая кучка детей играла во что-то в стенной нише, освещенной мерцающей люминесцентной лампой. Худая женщина, крадучись приближалась к нему, обнажая гнилые зубы в деланой улыбке, но скоро она отстала. Рослый парень в истрепанной грязной одежде стоял, привалившись к стене, и следил за его продвижением из-под полуприкрытых век. Это были трущобы, самая старая секция, нищая запущенная, последнее убежище калек; здесь жили те, кого суровая жизнь верхних уровней швырнула вниз, те, чья жалкая жизнь не представляла никакого интереса для Технона. И этому очень соответствовал грохот печей и мельниц.

Ленгли остановился, с трудом дыша. Осторожная рука высунулась из узкого прохода, нежно нащупала кошелек на его поясе. Он шлепнул по ней, и легкие детские шаги дробно зазвучали в темноте.

«Это глупо, — подумал он, — меня могли убить за наличные. Ищи копа, и он выведет тебя отсюда, парень».

Он пошел дальше по улице. Безногий нищий полз, скуля, за ним следом, но он не посмел вынуть деньги. Новые ноги можно вырастить, но это дорого. Позади и поодаль тащилась оборванная пара. Где же полицейский? Неужели никто не следит за тем, что здесь происходит?

Огромная фигура выдвинулась из-за угла. У нее было четыре ноги, туловище с руками, нечеловеческая голова. Ленгли окликнул создание.

— Как отсюда выйти? Где ближайшая шахта наверх? Я заблудился!

Чужак мрачно взглянул на него и пошел прочь. «НЕ ГРАВА-РЮПАИНГЛЕЗЕ».

Этногород, секции которого были предназначены для визитеров других рас, был где-то недалеко. Там может быть безопасно, хотя большинство отделений должно быть закрыто, их атмосфера смертельно ядовита для человека. Ленгли пошел вслед за чужаком. Его преследователи сократили дистанцию. Музыка грохотала и выла из открытой двери. Это был бар, там были люди, но не те, на помощь которых он мог рассчитывать.

Наконец, вернулась ясность мышления. Ленгли отчетливо понял, как крепко влип. Двое остановились в проходе. Они были рослые и слишком хорошо одетые для Общинников. Один из них слегка наклонился.

— Я могу вам чем-нибудь помочь, сэр?

Ленгли остановился, весь похолодев.

— Да, — сказал он сдавленно. — Да, пожалуйста. Как выбраться из этой секции?

— Вы здесь чужой, сэр? — они подошли вплотную, один справа, другой слева. — Мы проводим вас. Верным путем.

Слишком любезны!

— А что же вы здесь делаете? — огрызнулся Ленгли.

— Так, прогуливаемся, сэр.

Их речь была слишком правильной, слишком вежливой. У него мелькнула мысль: «Они такие же Общинники, как и я!»

— Не затрудняйтесь. Я... я не хочу мешать вам. Только укажите направление.

— Ах, нет, сэр. Это так опасно! Это слишком нехорошее место, сэр, чтобы быть здесь одному, — сильная рука взяла его под локоть.

— Нет! — Ленгли помертвел.

— Обязательно, сэр! Я так боюсь за вас, сэр!

Умелый толчок, и он был уже наполовину снаружи.

— Все будет хорошо, сэр, вы только расслабьтесь, не упрямитесь.

Громоздкая фигура раба-полицейского попала ему на глаза. Ленгли задохнулся.

— Пустите меня, — сказал он. — Пустите, или...

Пальцы сомкнулись на его горле, не сильно, но он не смог дышать. Когда он пришел в себя, полицейского уже не было.

Он шел, оцепенев. Перед ним открылся ход в гравишахту. «Они выследили меня, — думал он судорожно, — конечно, они выследили. Я не знаю, насколько человек глуп, но буду держаться этой ночью, и цена этой глупости будет чудовищной».

Появилось трое мужчин, почти ниоткуда. Они были в серых робах Общества.

— А-а, — сказал один. — Так вы нашли его! Спасибо.

— Что это? — спутники Ленгли отшатнулись. — Кто вы? Что вам надо?

— Мы жаждем видеть доброго капитана дома, — ответил один из людей в сером. Его аккуратное бородатое лицо улыбалось. Он ловко выхватил пистолет.

— Это незаконно... Это оружие...

— Возможно. Но вы очень быстро умрете, если захотите этого. Так-то лучше. Капитан, идите с нами...

Ленгли вошел в шахту между своими новыми похитителями. Он не думал, что эти — лучший вариант.

ГЛАВА 8

Незнакомцы не вступали в разговор, но вели его за собой. Они, казалось, знали все пустые, редко используемые коридоры и постоянно поднимались вверх окольными путями, но весьма быстро, и по их непроницаемым лицам было трудно угадать маршрут. Ленгли пытался расслабиться, чувствуя себя измученным этим длинным, темным и трудным днем.

Снова верхний город, блестящие шпили, алмазный блеск светильников. Воздух, теплый, сладкий, он почувствовал, как долго

не дышал таким воздухом. Недалеко от выхода из шахты возвышалась массивная восьмигранная башня, увенчивающая комплекс зданий. Эти постройки резко отличались своей архитектурой от принятой Техноном. В ее верхней части размещались буквы, они периодически вспыхивали, и можно было прочитать: «Коммерческое Общество».

Пройдя навесной переход, все четверо направились ко входу в ближайшее здание. Как только они завернули за угол, маленький черный флайер приземлился перед ними. Оттуда загремел усиленный аппаратурой голос:

— Не двигаться! Стоять на месте! Это полиция!

Полиция! Ленгли неожиданно почувствовал слабость в коленях. Он должен был предвидеть — Чантхаваар не мог оставить эту зону не охраняемой, он должен был поднять тревогу, как только космонавт исчез, его организация действовала четко и эффективно, и сейчас они заберут его!

Три торговца застыли неподвижно, их лица одеревенели. Дверь открылась, и еще один человек вышел из здания, к которому они направлялись, в то время как пять черных рабов и министерский офицер выбрались из флайера. Это был Голтам Валти. Он направился к ним, нервным движением потирая руки, как бы умываясь. Офицер вежливо поклонился.

— Добрый вечер, сэр. Я рад видеть, что вы нашли капитана. Вы весьма учтивы.

— Спасибо, мой лорд, — поклонился Валти. Голос его был резким, почти пронзительным, он раздул свои вислые щеки и подобострастно нагнул лохматую голову. — Вы можете пройти к нам, но ваши убийцы нам не потребуются.

— Мы должны отвести капитана домой, — сказал офицер.

— Ах, сэр, вы конечно, позволите, предложить свое жалкое гостеприимство этому несчастному чужеземцу. Таково твердое правило Общества — гости никогда не остаются без внимания.

— Я сожалею, сэр, но я должен, — в неясном, мерцающем свете было видно, как нахмурился офицер, и нечто угрожающее появилось в его голосе. — Позднее, возможно. Но сейчас он должен идти с нами. У меня есть приказ.

— Я сочувствую ему, сэр, эти глупые глаза наполнились слезами при мысли о ссоре с вашим сиятельством, но старый, глупый, беспомощный червяк, каковым являюсь я, визжащий там, где надо мурлыкать, ни за что не пойдет на это, я должен напомнить вам, мой лорд, увы, но вы вышли за пределы вашей юрисдикции. Согласно Лунному договору Общество имеет право экстерриториальности. Гордый сэр, из уважения к вам я не прошу вас предъявить ваш паспорт.

Офицер выпрямился:

— Я сказал вам — у меня есть приказ, — проговорил он хриплым голосом.

Громоздкая фигура торговца вдруг показалась неожиданно громадной на фоне неба. Казалось, он весь ошетинился. Но голос оставался прежним:

— Сэр, мое сердце обливается кровью. Но все-таки я позволю себе напомнить вам, что это здание вооружено и хорошо охраняется. Дюжина тяжелых орудий направлена на вас, и я должен, к сожалению, прибегнуть к закону. Капитан отдохнет у нас. После этого он сможет направиться домой. Но сейчас было бы весьма негостеприимно держать его на сыром воздухе. Доброй ночи, сэр.

Он взял Ленгли под руку, и они прошли к двери. Остальные торговцы последовали за ними, и дверь закрылась.

— Мне кажется, — медленно сказал космонавт, — слишком много внимания к моей персоне.

— Я даже не мог надеяться говорить с вами, капитан, вот так вот, с глазу на глаз, — ответил Валти. — Но я не думаю, что вы откажетесь сейчас от бокала доброго аммонийского вина. Правда, оно немного пострадало при перевозке, и вы с вашим утонченным вкусом сразу же обнаружите это, но ваш покорный слуга все же склонен настаивать, что оно превосходно.

Они прошли в зал, и дверь сразу же открылась перед ними.

— Мой кабинет, капитан, — заметил Валти, — пожалуйста, входите.

Это была большая с низким потолком слабо освещенная комната, вдоль стен — полки, заполненные не только микрокассетами, но даже и самыми настоящими томами книг in folio. Стулья были старые, потертые, удобные, стол большой и весь заваленный бумагами, воздух насыщен крепкими устоявшимися запахами хорошего табака. Ленгли обратил внимание на экран, где двигалась стереоскопическая фигура. Внезапно он услышал, как она говорила:

«Быть или не быть — таков вопрос;
Что благородней духом — покоряться
Пращам и стрелам яростной судьбы
Иль, ополчась на море смут, сразить их
Противоборством? Умереть, уснуть — »

И он понял. Актер имел косичку, носил меховую шапку, лакированный нагрудник, облегающую черную одежду и ятаган на боку. Фоном ему служило нечто вроде греческой крепости — но Боже. Боже!!! Это же Гамлет!

— Старинное народное действо, как я думаю, капитан, — сказал Валти, входя за ним, — интересный материал. Очевидно, периода Марсианского междущарствия.

— Нет, — сказал Ленгли, — вдвое старше.

— Да?! Это даже ваше время?! Очень интересно! — Валти вы-

ключил экран. — Ладно, прошу вас, садитесь. Отдыхайте. Сюда принесут подкрепиться.

Какое-то существо с обезьяну ростом, с клювообразным лицом и странными светящимися глазами между маленьких антеннок вошло, держа в тощих руках поднос. Ленгли пододвинул к себе стул, взял бокал горячего ароматного вина и тарелку с кексами. Валти засопел и сделал глубокий глоток.

— Ах эта штука смягчает мои старые кости. Я боюсь медицины, она никогда толком не знала человеческого тела, которое всегда найдет совершенно новый способ заболеть. Но хорошее вино, сэр, хорошее вино и симпатичная девочка. И родной дом — это самая лучшая медицина, которую только можно себе представить. Сигары, Хакт, пожалуйста.

Обезьяноподобное существо весьма забавно скакнуло к столу и ухватило за коробку. Ленгли и Валти взяли по одной сигаре, и Ленгли нашел ее недурной. Чужак забрался на плечо Валти, начал что-то искать в своей зеленой шерсти и хихикать. Его глаза были все время направлены в сторону космонавта.

— Ладно, — за несколько последних часов Ленгли чувствовал себя совершенно измотанным. Не надо было больше бороться, он расслабился и почувствовал, как усталость переполняет его мышцы и нервы. Но голова оставалась необычно ясной.

— Ладно, Валти, так что же все это значит?

Торговец выпустил клуб дыма и откинулся назад, вытянув свои короткие ноги.

— Вы начинаете двигаться с неудобной быстротой, — слегка усмехаясь, сказал он, — я рад случаю, который позволил нам встретиться.

— Зато агенты, кажется, этим недовольны.

— Конечно, — глубоко посаженные маленькие глаза блеснули. — Но это дало им некоторое время для размышления о том, как подступиться ко мне, ну, а вы пока отдохните, а потом отправляйтесь домой. Я не буду вас задерживать. Старый добрый Чантхаваар сейчас не в форме, но я думаю, он еще порадует.

— Да... Он пытается сейчас найти моих друзей. — Ленгли почувствовал, как острая боль кольнула его. — Вы не знаете, кто их похитил?

— Я знаю. — В его голосе слышалось участие. — У меня есть свои агенты в Соляре, и я более или менее в курсе того, что произошло.

— Тогда где они? Что с ними?

Угрюмая складка легла у рта его собеседника.

— Я очень опасаясь за них. Они, возможно, в руках лорда Бранноха. Они могут быть освобождены, и в этом я уверен, но, — Валти вздохнул, — у меня нет агентов в его организации, так же как его — в моей... Надеюсь, обе наши организации слишком малы,

неподкупны и хорошо управляемы — в отличие от Сол... Мы мало знаем друг о друге.

— Но вам-то ясно, что это был он?

— Кто еще? Чантхаваар не нуждается в моих подсказках, он и так может отдать приказ арестовать кого угодно в любое время. Никакие другие внешние организации не имеют к этому отношения, они слишком слабы. Браннох известен как глава центаврианской военной разведки в Сол, хотя так далеко он еще никогда не заходил. Да и вообще, нет другой военной силы в этой части галактики, кроме Сол, Центавра и Общества.

— И почему? — медленно спросил Ленгли, — почему Браннох сделал это?

— Разве это не ясно? Все из-за чужака, Сариса Хронна. Они могут догадаться, где его искать. Вы даже не представляете, какая лихорадка из-за него началась. Вас сторожили каждую минуту агенты всех трех сил. Я проиграл варианты сделать это самому, но отверг их, ведь Общество — организация мирная и неодобрительно относится к таким операциям. Браннох знает это. Я сразу понял, что случилось, и послал около сотни человек искать вас. К счастью, данной группе повезло.

— Они успели в последнюю минуту, — сказал Ленгли и выхватили меня из рук у двух других — я полагаю, те были центаврианами.

— Конечно. Ладно... Я не думаю, что Браннох попытается штурмовать наше убежище. Очевидно, сейчас он надеется получить информацию от ваших друзей. Что вы думаете об этом?

— Согласен. — Ленгли полуприкрыл глаза и выпустил длинную струю дыма. — Хотя на их счет я сомневаюсь. Они никогда не были близки с Сарисом. Я же, напротив, болтал с ним часами — хотя я до сих пор не могу толком понять, что натворил этот горемыка.

— Ах, вот что... — Валти уткнулся носом в бокал с вином. На его тяжелом лице не было никакого выражения. — Вы до сих пор не знаете, почему он так важен?

— Я так думаю. Для военных целей представляет интерес его способность управлять электронной аппаратурой или подавлять ее действие, ну, и все, что из этого вытекает. Но я удивляюсь тому, что у вас до сих пор нет машины, которая бы делала то же самое.

— Наука давно умерла, — сказал Валти, — я видел миры, в которых она еще прогрессирует, хотя не так, как раньше. Поэтому я знаю разницу между живой и мертвой наукой. Дух свободного научного поиска стал инстинктом покоя в известной части человеческой цивилизации. Застывшие социальные формы и факт, что не открывается ничего, что не было бы предсказано теорией, объясняет это... В конце концов, разнообразие законов природы ограничено, и этот предел был достигнут. Теперь большинству исследователей не хватает настойчивости. Сол находится в стагнации, застой варварских культур прикрывается машинной технологией. Общество —

единственная организация, благожелательно относящаяся к установлению научных связей. Тупик... Да, да, мы в тупике...

Ленгли пытался сосредоточиться на его рассуждениях, стараясь отогнать охватывающий его сердце мучительный страх.

— И сейчас появилось нечто новое, не укладывающееся в стандартную теорию. И каждый, кто пытается изучить это новое, признать его и воспроизвести, сразу же оказывается в центре гигантских военных интересов. Да, я понял вашу мысль.

Валти смотрел на Ленгли сквозь полуприкрытые веки.

— Есть, конечно, способы заставить человека говорить, — сказал он. — Нет, не пытки — ничего подобного — наркотики, разрывающие язык. Чантхаваар не рискнул попробовать их на вас, потому что если не удастся, то неприятные последствия применения этого метода могут в дальнейшем оттолкнуть вас от любых размышлений по этой проблеме. Сейчас, в отчаянии, он может так поступить, если ему станет ясно, что вы нашли решение. Вы понимаете меня?

— Почему я должен сообщить его вам?

Валти казался очень терпеливым.

— Только Обществу можно доверить это опасное оружие.

— Можно довериться только одной партии, — сказал Ленгли холодно. — Но какой — это зависит от того, с кем я говорю. Я уже слышал подобные вещи прежде.

— Давайте разберемся, — сказал Валти беспристрастно. — Сол — застывшая цивилизация, интересующаяся только сохранением статус-кво. Центавриане хвастаются грандиозными достижениями в захвате новых земель, но они — ребята с придурью: если они победят — наступит оргия разрушения. То, что получится из этого, будет копией их общества, к новизне они не склонны. Если им удастся что-то выкачать из Сариса, они нападут сразу же, начав самую разрушительную войну в истории, масштабы которой сейчас невозможно вообразить. Другие, меньшие государства — не лучше, даже если они додумаются использовать это оружие более эффективно.

— Я не знаю, — сказал Ленгли. — Но мне кажется, что этим людям нужна сейчас только хорошая порка. Центавриане могли бы это устроить.

— И без всякого толку. Что такое Центавр? Тройная звезда с системой. Альфа А имеет две обитаемые планеты — Тор и Фрейю. Альфа Б — две наполовину заселенные, годные к дальнейшему освоению планеты. Проксима — тусклый красный карлик — имеет одну непригодную для заселения планету — холодный гигант Трим. На нем существовала крохотная, основанная с громадными трудностями шахтерская колония. Ториане завоевали и ассимилировали человечество других планет уже давно. Они установили контакт с триманами, предоставили им передовую технологию. Вскоре туземцы — уже весьма высокоцивилизованные — сравнялись со своими учи-

телями. Затем Трим отказался признать их право на поселения в районе Проксимы. В разразившейся войне он добился своего, и в результате было подписано соглашение и уния, но Трим удерживает в ней верх, и его представители занимают ключевые посты в Лиге. Браннох имеет триманских наблюдателей на Земле, и я не удивлюсь, если узнаю, кто из них здесь настоящий глава. У меня нет предубеждения к негуманоидам, но тримане не нравятся мне — настолько они далеки от людей. Я подозреваю, что они используют нас, как инструмент для достижения собственной цели. Обдумайте ситуацию, изучите историю, и, я думаю, вы согласитесь со мной. Центаврианские завоевания, то есть уничтожение нескольких миллиардов невинных людей, не являются следствием влияния их горячей варварской крови. Это ход в очень старой и очень большой шахматной партии.

— Ну ладно, — сдался Ленгли. — Может быть, вы и правы. Но чего хочет ваше прекрасное Общество? Вы что — нация, — он замолчал, не найдя слова для обозначения святых и ангелов, и наконец слабо произнес: — Чем вы лучше других?

— Мы не империалисты, — сказал Валти. — Мы торгуем между звездами.

— Возможно, очищая карманы всех клиентов.

— Ну что ж, честный предприниматель должен жить. Но у нас нет планет, и мы не стремимся ими владеть, наш дом — космос. Мы не убиваем только из предосторожности и уклоняемся от борьбы, просто уходя, во Вселенной всем хватит места, и длительные переходы помогают нам побеждать врагов, просто переживая их. Мы сами и есть народ, со своими традициями, законами, историей — единственная сила, нейтральная и гуманная сила в обозримой Галактике.

— Тогда объясните мне, — сказал Ленгли, — насколько я понял ваши слова. Вы должны иметь центральное правительство, то есть тех, кто организует и направляет вас. Кто они? Где они?

— Я буду совершенно честен, капитан, — мягко сказал Валти. — Я не знаю.

— Что-о?

— Никто не знает. Каждый корабль полностью самостоятелен в своих делах. Мы направляем доклады в планетное представительство, получаем наши деньги. Куда идут доклады и откуда деньги, я не знаю, как и канцелярские крысы из этих контор. Существует цепочка агентов, связанных с секретными бюрократическими ячейками, что делает невозможным слежку на расстоянии десятиков световых лет. У меня высокий ранг, я посещаю Солярные министерства как представитель Общества и вполне свободен во многих своих решениях, но сейчас я получил специальные приказы по секретной связи. Хоть один из шефов должен быть здесь, на Земле. Но где он и кто он — или что — я сказать не могу.

— Каким образом...это правительство... руководит вами?

— Мы повинемся, — сказал Валти, — так как существует дисциплина в потенциале, даже для тех, кто, подобно мне, был набран с планет, а не родился, как остальные, в космосе. Существуют ритуалы, определенные клятвы, если хотите. Я не знаю случая, чтобы соответствующий порядок нарушался. Но мы — свободные люди, и среди нас нет ни аристократов, ни рабов.

— Кроме ваших боссов, — пробурчал Ленгли. — Они уж своей выгоды не упустят.

— Незачем читать древние сентиментальные книжонки. Такая секретность вызвана не какими-то грязными или сомнительными обстоятельствами, капитан. Если местоположение нашего руководства и его лидеры будут обнаружены, они могут подвергнуться угрозе нападения и уничтожения. А раз так, то бюрократический аппарат вынужден был раствориться, исчезнуть, вплоть до хирургического изменения внешности. Сам я готов поступить так же в случае необходимости. Под руководством этих боссов, как вы их назвали, Общество процветает тысячу лет со дня основания. Мы — сила, с которой считаются. Вы видели, как я обошелся с тем полицейским офицером?

Валти сделал глубокий глоток и вновь вернулся к теме разговора.

— Выслушайте мое предложение. У нас есть маленькие межпланетные флаттеры, скрытые здесь, да и везде на Земле. В любое время вы можете добраться до них. Прочь с Земли, укройтесь в пучине космоса до тех пор, пока вас не подберет наш вооруженный субсветовой крейсер. Если вы поможете мне найти Сариса, я помогу вам бежать и сделаю все, чтобы освободить ваших спутников. Сарис будет изучен, но без какого-либо насилия. И если он захочет, он сможет вернуться в свой мир, домой. Вы можете работать на Общество или обосноваться на какой-нибудь колонизированной планете за пределами зоны, известной Сол и Центавру. Там есть масса прекрасных планет и широкий спектр культур, и вы снова сможете почувствовать себя дома. Ваши деньги дадут вам возможность нового старта. Я не думаю, что вам понравится где-нибудь на Земле. Да и вряд ли вам захочется принимать на себя ответственность за развязывание войны, которая опустошит планеты. Я считаю, что лучше всего вам сотрудничать с нами.

Ленгли уставился в пол. Усталость переполняла его. Чтобы попасть домой, надо преодолеть световые годы, и пройдут века, пока он найдет Пегги, — эта мысль обожгла его.

— Если честно, — проговорил он наконец, — я не знаю, как вам ответить. — И из чистой предосторожности он сказал: — Поймите, я не знаю, где Сарис. Сомневаюсь, что сам смог бы найти его.

Валти скептически поднял бровь, но промолчал.

— Мне нужно время собраться с мыслями, — оправдывался Ленгли. — Просто необходимо хотя бы выспаться.

— Как хотите. — Валти выдвинул ящик стола и принялся в

нем рыться. — Но помните, что вскоре Чантхаваар или Браннох сами смогут получить от вас все, что им нужно. Ваше решение, если, конечно, оно действительно будет вашим, должно быть принято как можно скорее.

Он извлек маленькую пластиковую коробочку и сунул ее в руку Ленгли.

— Это передатчик, несущая частота которого меняется по случайному закону. Он может поддерживать связь только с таким же точно аппаратом, который есть у меня. Если вы захотите говорить со мной, то нажмите эту кнопку и говорите, но обязательно держите его около рта. Я могу даже попробовать спасти вас с применением оружия, но этого лучше избежать. Здесь — отверните край вашей накидки, подвесьте его под одеждой, и он будет незаметен при обычном поверхностном осмотре.

Ленгли встал.

— Спасибо, — пробормотал он. — Вы разрешите мне уйти? — Или это очередной трюк, чтобы сбить меня с толку?

— Не беспокойтесь, капитан. — Валти, переваливаясь, шел впереди него к выходу.

Вооруженный полицейский аппарат ждал сразу же за углом.

— Я уверен, вы окажетесь дома. Спокойной ночи, сэр.

— Спокойной ночи, — ответил Ленгли.

ГЛАВА 9

Контроль погоды объявил на сегодня дождь для этого района, и Лора застыла под низким серым небом. Вершины высоких башен терялись во мгле. Выглядывая из окна, сделанного в одной из стен его жилой комнаты, Браннох видел только влажный блеск гладких металлических стен, растворяющихся в струях дождя. Раз, другой сверкнула молния, и резкий порыв влажного ветра освежил его лицо. Он приказал окну закрыться.

Он чувствовал себя как в клетке: меря шагами комнату, садился, вставал, вновь начинал ходить. Его переполняло бешенство. Он так яростно впивался в донесение, как если бы каждое слово шипело и плевалось.

— Ничего! — сказал он. — Черт побери, абсолютно ничего. Они не знают, они совершенно не могут представить, куда делась эта тварь! Их память была просмотрена до клеточного уровня, и ничего, что мы могли бы использовать.

— У Чантхаваара есть ключ к разгадке? — спросил ровный металлический голос.

— Нет, в последнем донесении моего агента в Меско говорилось, что склад был вскрыт в ту же ночь, когда угнали флайер, и несколько коробок с космическим пайком исчезли. Понятно, что все это проделал он. Потом поставил управление флайера на автоматику, а

сам спрятался в какой-то щели, где, очевидно, и отсиживается до сих пор.

— Было бы очень странно, если бы человеческая пища полностью подходила для него, — сказал Тримкас. — Наиболее вероятно, что основные продукты его питания сильно отличаются от наших, так что возможно простейшее накопление ядовитых белков или их нехватка. Следовательно, он заболит и умрет.

— Это может длиться недели, — прорычал Браннох, — и, кроме того, он может найти способ получить то, в чем нуждается, тем более что для этого может быть достаточно малое количество элементов, ну, например, титана, или еще чего-нибудь. Да, в конце концов, он может обойтись без какого-то компонента. Я тебе говорю — нельзя терять время.

— Мы помним об этом, — ответил Тримка. — Вы наказали агентов, которые упустили Ленгли?

— Нет. Они пытались, но судьба была против них. Они уже почти взяли его в Старом Городе, но вооруженные члены Общества перехватили его. Может быть, он подкуплен Валти? Было бы неплохо придавить этого жирного слизняка.

— Нет.

— Но...

— Нет. Полиция Совета запрещает убийства членов Общества. Браннох злобно выругался.

— Они что, боятся прекращения торговли с Центавром? Мы должны строить собственные торговые корабли. Мы должны быть независимы во всем. Придет день, когда Совет увидит...

— Как ты создашь новую династию, управляющую новой центаврианской гегемонией? Возможно ли это? — Легкий оттенок сарказма прозвучал в искусственном голосе. — Но продолжай свой доклад. Как ты знаешь, мы предпочитаем вербальный контакт. Ни Блостейн, ни Мацумото не дали абсолютно никакой полезной информации.

— Ладно... да. Они сказали, что если кто и может договориться с Сарисом, то это только Ленгли. К несчастью, он единственный, кого не удалось поймать. Сейчас Чантхаваар окружил его таким количеством охранников, что проделать это еще раз будет невозможно, — Браннох пропустил свою желтую гриву через пятерню. — Такой же приказ — охранять его — я, конечно, отдал и моим людям. Они не позволят Чантхаваару спрятать Ленгли где-нибудь еще. Так что ситуация тупиковая.

— Что предлагается сделать с двумя пленниками?

— Что? Ну, они еще в Старом Городе. Анестезированные. Думаю, я сотру из их памяти все происшедшее и отпущу их. Они не представляют интереса.

— Нет, — ответил монстр или монстры. — Если вернуть их Чантхаваару, и если тому удастся, воздействуя их примером, повлиять на Ленгли, то их совместные действия могут стать затруднительными

и опасными для нас. Опасно также держать их под охраной. Поэтому их необходимо убрать, а тела дезинтегрировать.

Браннох замер. В тишине затянувшейся паузы крупные капли дождя особенно усердно забарабанили по стеклу, затем он покачал головой.

— Нет.

— Почему нет?

— Уничтожение противника из соображений необходимости — это одно. Но мы не убиваем беспомощных пленников!

— Ваши соображения логически несостоятельны. Отдайте распоряжения.

Браннох застыл в неподвижности. Цилиндрическая стена идеально плавно закруглялась перед его глазами, дождевики слились в одну серебристую струю, прихотливо бегущую по стеклу. Внезапно ему пришло в голову, что он никогда не сможет увидеть Трим. Были, правда, стереоснимки, но под чудовищным давлением атмосферы планеты диаметром 50 тысяч миль и грузом тройной земной тяжести ни один человек не мог жить. В этом мире лед был горной породой, реки и моря из жидкого аммиака бурлили под ударами ураганов, способных сдуть всю Землю. Жизнь основывалась на химии водорода и аммиака, исключая воду и кислород. Ледяную тьму разрывали вспышки взрывающихся газов. Население превышало 50 миллиардов. История этой объединенной нечеловеческой цивилизации насчитывала миллион лет — этот мир был не для людей. И он иногда жалел, что люди послали туда, вниз, в кипящую тьму, роботов, чтобы установить контакт с триманами, что они продали им последние достижения электроники, которые могли надежно работать в условиях их планеты с учетом их химических ресурсов.

Он представил, что находилось внутри этого бака. Четыре толстых диска шести футов в диаметре, совершенно голубые. Каждый опирался на шесть коротких ног со ступнями шириной в фут; между каждой парой ног — трехпалая рука фантастической силы. Вздutie в центре диска — неподвижная голова с четырьмя глазами, расположенными вокруг древовидных щупалец на макушке и барабанных перепонках ушей. Ниже был рот, окруженный бахромой мелких щупалец — они помогали принимать пищу. Вы не могли ни говорить с одним из них отдельно от других, ни отличить одного от другого. По их речи также нельзя было отличить Тримку-1 от Тримки-2.

— Мы будем обсуждать наши проблемы или прекратим? — раздался искусственный голос. — Вы не очень-то любите нас.

Это было еще одним их дьявольским свойством. На небольшом расстоянии триманин мог читать ваши мысли, и невозможно было скрыть их от него. Это было еще одной причиной, почему они были ценными советниками. Вторая причина была связана с первой. Они обходились в общении между собой без акустической речи, обменивались непосредственно мыслеобразами, образуя своеобразную

цепь, в которой терялась индивидуальность, но умножался интеллект, что обеспечивало функционирование коллективного высокой интеллектуальной мощи. Преимущества такого мультимозга позволили им занять сильное положение в Лиге Альфа Центавра.

Но они не были людьми. В них не было ничего человеческого, ничего общего с людьми. Они торговали с Лигой, обменивались взаимно необходимыми материалами. Они вошли в Совет и заняли в нем высокое положение, но эти способности делали их мозг квазибессмертным и совершенно чуждым. Не было ничего известно об их культуре, искусстве, их притязаниях. Даже если у них и существовали эмоции, то они были абсолютно чуждыми — контакт и общение с человечеством могли проходить только в плоскости холодной логики.

А человек, конечно, никогда не был только логической машиной.

— Ваши мысли спутаны, — сказал Тримка. — Вы можете прояснить их, перейдя к вербальному общению.

— Я не хочу убивать этих людей, — сказал Браннох зло. — Это этический вопрос. Я никогда не смогу забыть этого.

— Ваше общество предписывает вам единственный образ действий, — сказал Тримка. — Подобно большинству ваших концепций, это пустой, ничего не значащий пережиток. В едином обществе, которое человек еще не создал, подобная этика должна быть изжита, но не вопреки существующим условиям. Вы должны приказать, чтобы этих людей убили.

— А если я не сделаю этого? — спросил Браннох мягко.

— Тогда Совет узнает о ваших колебаниях и недисциплинированности, и это может привести вас к краху.

— Совет может и не узнать. Я могу разрушить этот ваш бак. И вы лопнете, как глубоководные рыбы. Очень печальный исход.

— Вы не сделаете этого. Вы не сможете обойтись без нас. Кроме того, факт вашей вины станет известен всем триманам в Совете, как только вы предстанете перед ними.

Плечи Бранноха поникли. Они уели его и знали об этом. Согласно приказам, которые он получал из дома, за ними всегда оставалось последнее слово. Он наполнил себе стакан, выпил залпом. Затем щелкнул тумблером спецсвязи.

— Говорит Янтри. Выкинь эти два мотора. Разбери на части. Немедленно. Все...

Дождь хлынул бесконечным тяжелым потоком. Браннох опустошенно глядел наружу. Ладно, что было, то было. Я пытался...

Стакан алкоголя согрел его. Это было не по правилам, но он убил много людей прежде, и ни одного своими руками. Почему смерть этих людей так отличается от других смертей? Слишком большая ставка. Они были его расы, гордый народ, неужели они должны были стать добычей этого ходячего трупа, которым являлась Солнечная цивилизация? Две жизни против целой культуры?

И здесь была земля, всегда была земля, космос и жизненная сила, место пустить корни, место строить дома и растить сыновей. Было в этом городе что-то призрачное. Яд денег — жар снов, блуждающий огонек, похитивший много жизней. Только в земле здесь была сила.

И вся Земля была гигантской ярмаркой. Он встряхнулся, придя в себя, изгоняя последние остатки холода из крови. Много еще надо сделать.

— Мне кажется, что ты знаешь, — сказал он, — что Ленгли придет сегодня.

— Мы прочитали это в твоём мозгу. Но нам еще не ясно, почему Чантхаваар отпускает его.

— Для того чтобы подловить меня, конечно, — вот главное. Он также должен устоять против высоких авторитетов, а некоторые из них в моих руках, из тех, кто требует максимальной свободы для Ленгли. Отличная штука — сентиментальность к человеку из далекого прошлого. Ладно, Чантхаваар должен игнорировать их, если хочет чего-то добиться. Но сейчас он явно хочет использовать Ленгли в качестве наживки для меня. Как бы прибавить напряжение к моему электрическому стулу.

Браннох оскалил зубы в усмешке, он чувствовал себя почти удовлетворенным. «Я опять в игре. И он еще не знает моей сегодняшней игры, потому что есть нечто такое, чего он знать не может. Я приму Ленгли для беседы. Если он знает, где Сарис, мы сможем прочитать это у него в мозгу, я постараюсь навести его на соответствующие мысли. Если же он не знает, то я смогу подготовить интригу так, чтобы он занялся этим вопросом, и, когда он найдет, я вытащу ответ из него.»

— Все это очень сложно, — сказал Тримка, — ведь он будет под контролем Чантхаваара, и тот сможет нас опередить.

— Я знаю. Но я приведу в действие свою организацию — шпионаж, саботаж, террор по всей Солнечной системе. Это его отвлечет, отсрочит арест и допрос Ленгли, и тот сможет полностью решить эту задачу для нас. Следовательно, мы сможем... — раздался звонок. — Это, должно быть, он. Пусть входит!

Ленгли медленно вошел, внезапно смешавшись у дверей. Он выглядел очень утомленным. Одежда, которую он носил, была явно не для него. Его можно было легко принять за неудачника, даже если бы он был и не такой древней расы — в основном по походке, движениям и тысяче других мелочей. Браннох подумал с какой-то глубокой симпатией, насколько же он должен быть одинок... Затем с внутренним смехом одернул себя: «Очнись!»

Он прошел вперед, его огненно-красная туника взметнулась над плечами от резких, порывистых движений. Центаврианин улыбнулся.

— Добрый день, капитан. Просто здорово, что вас направили ко мне. Я как раз хотел поговорить с вами наедине.

— Я не могу долго здесь оставаться, — сказал Ленгли.

Браннох вскользя глянул на окно. Боевой флайер висел прямо напротив, и дождь стекал по его бокам. Сквозь прозрачный пластик были видны люди, застывшие возле системы управления огнем. Не было никакого шанса украсть капитана.

— Хорошо, присаживайтесь. Выпьем? — сказал он, втискиваясь своим громадным телом в кресло. — Возможно, мы надоели вам своими глупыми вопросами о вашем времени, о том, как вам сейчас здесь, и поэтому я не хотел бы еще раз возвращаться к этому. Но мне хотелось бы порасспросить вас о планете, на которой вы оставались.

Худое лицо Ленгли было непроницаемо.

— Послушайте, — сказал он медленно. — Я пришел сюда, чтобы найти и забрать своих друзей.

Браннох пожал плечами.

— Я сожалею об этом, — его голос был искренним и сочувствующим. — Но, как вы видите, у меня их нет. Я действительно хотел бы с ними пообщаться, но кто-то захватил их первым.

— Если это не ложь.

Браннох глотнул из своего стакана.

— Послушайте, я не могу вам этого доказать. Но я не осуждаю вас за подозрение. А почему вас так быстро направили ко мне? Есть кто-то, заинтересованный в этом? Коммерческое Общество, например...

— Да, они, — кивнул Легли.

— Я знаю. Они сцапали вас этой ночью. Мир слухами полнится. Должно быть, они с вами поговорили. Откуда вы знаете, что говорили правду? Голтам Валти — хитрая бестия. Он любит думать о себе как о пауке в центре паутины, и он недалеко от истины.

Ленгли взглянул на него с мукой в глазах.

— Так это вы или не вы послали тех людей? — спросил он резко.

— Клянусь честью, не я. — Браннох не сомневаясь прибегнул к дипломатии. — Я не имею никакого отношения к тому, что случилось этой ночью.

— Там было две группы. Одна — это Общество. Другая...?

— Возможно, также агенты Валти. Для него было бы здорово, если вы подумали о нем, как об избавителе. Или... есть еще одна возможность. Чантхаваар сам устроил это похищение. Может быть, он хотел допросить их, а вас держит в резерве. Когда вы отбились от него, люди Валти воспользовались этим случаем. Или Валти сам в руках Чантхаваара, или даже можно предположить, как бы фантастично это ни звучало, что Чантхаваар — марионетка Валти. Есть разные варианты подкупа... — Браннох улыбнулся. — Я представляю, что вы получите хороший нагоняй, когда вернетесь к другу Чанни.

— Да, конечно. Я ему расскажу, что произошло. Я уже достаточно пообтерся здесь! — Ленгли сделал большой глоток из стакана.

— Я изучил этот вопрос, — сказал Браннох. — Я хотел разобраться сам. До сих пор не удалось до чего-либо докопаться. Дело не в том, что нет ключа к разгадке — этих ключей слишком много. Ленгли сжал пальцы в кулак.

— Вы думаете, я еще увижу своих ребят? — спросил он.

— Трудно сказать. Но не стоит терять надежду. И не допускайте попыток торговать их жизнями в обмен на вашу информацию.

— Я не знаю... Откуда мне знать... я подумаю. Слишком большой риск.

— Нет, — проворчал Браннох. — Я не думаю, что это для вас будет очень трудно.

Он решил не тянуть дальше и задал ключевой вопрос:

— Вы знаете, где Сарис Хронна?

— Нет. Откуда?

— А какие-нибудь идеи? Приблизительно какое-нибудь место?

— Ничего не знаю.

— Вам, конечно, не захочется об этом говорить, — сказал Браннох. — Я не хочу приставать к вам. Но помните, я готов на многое, окажу покровительство, помогу попасть на любую выбранную вами планету ради этой информации. В мир, куда лучший нынешней Земли...Всего через пару лет.

— Так вы уже разрабатываете план, как напасть на нее?

«Черт подери! Цепкий, как бульдог». Браннох радушно улыбнулся:

— Вы наслушались наших врагов, — сказал он. — Я допускаю, мы не ангелы. Мы фермеры, рыбаки, шахтеры, механики. Наше дворянство очень мало отличается от мелких арендаторов, разве что большим количеством земли. Зачем вам пользоваться взятой в местной библиотеке книгой, полной пропаганды, посмотрите на все сами.

С тех пор как мы получили независимость, Сол все время пытается лишить нас ее. Основная идея Технона — единая цивилизация под его контролем. Но наша нация — это культура, которая доросла до права выбирать и идти собственным путем. Никто не может объединить человечество без уничтожения своеобразия и разнообразия отдельных культур. Да и, в конце концов, мы не можем объединиться с ними, умирающими, с машиной, которая делает все мыслимое для этого.

Сол — угроза нашему достоинству. Сол склонна к безделью, ее кровеносные сосуды огрубевает, и мы ничего не хотим от нее. Когда она пытается воздействовать на нас, мы сопротивляемся. Естественно, что возникает необходимость разрушить Технон и оккупировать эту систему. Я не думаю, что они от этого что-то потеряют. Мы смогли бы загнать этих овец на самый нижний уровень человеческого существования. Но мы не хотим схватки,

нам хватает того, чем мы владеем, но мы бы им показали, если б захотели.

— Я слышал подобные аргументы и раньше, — сказал Ленгли. — Они берут свое начало из моих времен. Эта дрянь не стала лучше за все прошедшие века.

— Они никогда не исчезнут. Люди от природы бунтовщики и революционеры, и всегда будут конформисты и те, кто склонен подчиниться силе. Вы должны признать, капитан, что некоторые из этих вечных аргументов лучше, чем другие.

— Я тоже так думаю... — Ленгли выпрямился. — Но я ничем не могу помочь вам. Местонахождение Сариса мне совершенно неизвестно.

— Ладно, не будем об этом больше, отдохните, капитан. Вы выглядите очень усталым. Хотите еще стаканчик?

Разговор затянулся почти на час, затронув вопросы о других звездах и планетах. Браннох во всю демонстрировал свое обаяние и думал, что не без успеха.

— Я должен идти, — сказал Ленгли, наконец, — мои няньки, видимо, весьма недовольны.

— Как скажете. Приходите снова в любое время, — Браннох указал ему на дверь. — Вот выход. Он всегда гостеприимно раскроется перед вами, когда вы пожелаете. Я думаю, вам понравится здесь.

— Что? — уставился на него Ленгли.

— Никаких одолжений. Никаких обязательств. Если вы не хотите помочь нам, то я не буду настаивать. Но учтите, что все пытаются использовать вас как орудие, нисколько не задумываясь, что вы — человек.

Браннох хлопнул его по плечу.

— До встречи.

Когда Ленгли вышел, торианин метнулся назад, к микрофону. Его сжигало нетерпение.

— Ну, как? — рявкнул он. — Есть что-нибудь?

Пауза.

«Чантхаваар не знает, — возбужденно думал Браннох. — Иначе он ни за что не пустил бы Ленгли сюда. Даже ториане долгое время не знали, что тримане — телепаты. А с тех пор как открыли, держали это в полном секрете. Может быть... Может быть...»

— Нет, — произнес голос. — Мы ничего не смогли прочитать в его мыслях.

— ЧТО?

— Совершенно непонятно. Ничего нельзя было разобрать. Сейчас мы должны внести изменения в наши планы.

Браннох повалился в кресло. Внезапно он почувствовал страх. Почему? Неужели медленное накопление мутационных изменений могло так преобразовать человеческий мозг? Он не знал. Тримане никогда не говорили, как работает их телепатия.

«Но... Ладно, Ленгли все же человек. Значит есть шанс. Очень хороший шанс. Или я не знаю людей...»

ГЛАВА 10

Полицейские сопровождали его всю обратную дорогу. Они также были в толпе, заполнившей подвесные переходы, скрывались в мутной мороси дождя, обтекавшего прозрачную крышу. Нет больше мира, нет больше секретности. До тех пор, пока он не уступит, сказав, что он действительно думает.

Это надо сделать быстро, иначе они сами выпотрошат его мозги и получат доступ к его знаниям. До сих пор, размышлял Ленгли, он неплохо поработал, прикидываясь растерянным, загнанным в тупик. Это было нетрудно. Он принадлежал к другой цивилизации, и оттенки его речи, мимика, его поведение не могли быть правильно истолкованы даже самым опытным нынешним психологом. Кроме того, он всегда хорошо играл в покер.

Так что же? Чантхаваар, Браннох, Валти — мог ли кто-нибудь из них иметь право на Сариса? Они все могли лгать ему, не говоря ни слова правды во всех своих аргументах. Может быть, никто не должен владеть новой силой, может, даже лучше сжечь Сариса дотла и забыть о нем? Но как сделать это?

Ленгли покачал головой. Он должен решить, и быстро. Если он прочитает несколько этих странных и трудных книг, то что-нибудь узнает, но все равно не много, только чтобы разобраться, кто был более прав. Или, может быть, он должен открыть карты? Это было бы не глупее, чем дурачить судьбу, которая, казалось, управляла жизнью людей.

Но... он-то должен будет жить для себя, весь остаток дней.

Он вышел на террасу перед дворцовой башней — в ней находились их апартаменты. (Только его. Там сейчас было пусто и одиноко без Боба и Джима). Зал привел его к шахте, пронизывающей башню, и он поднялся наверх на свой уровень. Четыре охранника, непохожие на остальных людей своей черной обтягивающей одеждой-бронею, в шлемах с забралами последовали за ним, но, наконец, и они отстали, оставшись у входной двери.

Ленгли остановился в передней и сказал:

— Сезам, откройся, — он сказал это скучным голосом и прошел внутрь. Дверь за ним закрылась.

Затем, спустя мгновение, что-то взорвалось в его голове, и он застыл в горячей тьме.

Что-то поднялось. Его качало, и он не двигался, чувствуя слезы, катящиеся по щекам.

— Пегги... — прошептал он.

Она подошла к нему, такая же длинноногая, неуклюже-грациозная, какую он помнил. Белое полотно платья опоясывало ее

гибкую талию, огненно-рыжие волосы спадали на плечи. Глаза, большие, зеленые, мягкие очертания большего рта, маленький ровный нос, россыпь веснушек над переносицей. Когда она подошла ближе, то остановилась и опустилась на колени перед ним. Он увидел, как блики света скользнули по ее пылающим волосам. Он потянулся, намереваясь коснуться ее. Внезапно его челюсти сжались, и он почувствовал холод во всем теле. Он слепо отшатнулся от нее. Его кулаки уперлись в стену. Его трясло, мышцы вышли из-под контроля, будто пытаясь проломить эту преграду. Казалось, прошла вечность, прежде чем он снова повернулся к Пегги. Она все еще что-то ждала.

— Ты не Пегги, — сказал он сквозь зубы. — Это не ты.

Она не понимала английского, но, должно быть, уловила смысл сказанного. Голос ее был низкий, почти как у НЕЕ, но не совсем такой же.

— Сэр, меня зовут Марин. Я послана вам в подарок лордом Браннохом ду Кромбаром. Я должна служить вам.

— Наконец, — подумал Ленгли. — У Бранноха хватило ума дать ей другое имя.

Сердце, бешено бившееся в клетке ребер, стало успокаиваться, и он смог глотнуть воздуха. Медленно добрел он до обслуживающего робота.

— Дай мне успокаивающего, — сказал он. — Я хочу соображать спокойно.

Его голос казался ему чужим.

Когда он глотнул что-то жидкое, то почувствовал, как тьма уходит. Руки покалывало от возобновившегося кровообращения. Сердце затихло, легкие наполнились, пот, выступивший на коже, исчез, полегчало. Он взял себя в руки, как если бы его любимая исчезла давным-давно.

Он оглядел девушку, и она ответила ему робкой улыбкой. Нет, не Пегги. Лицо и фигура, да, но американки так не улыбаются, не тот изгиб губ. Она была немного выше, он заметил, да и ходила не так свободно, и голос...

— Откуда ты взялась? — спросил он со смущенным удивлением в голосе. — Расскажи мне о себе.

— Я рабыня восьмого класса, сэр, — ответила она мягко, но не нарочито. — Мы предназначены для интеллигенции, для приятного общения. Мне 20 лет. Лорд Браннох купил меня несколько дней назад, хирургически доработал, провел психическую переориентацию и отправил меня к вам в подарок. Я для ваших приказов, сэр.

— Любых, не так ли?

— Да, сэр, — крохотная искра страха в ее глазах сказала ему об извращенных и садистских собственниках, для которых также выводились и подготавливались рабы. Но ему хотелось проверить, как она относится к нему.

— Не беспокойся, — сказал он, — тебе это не грозит. Возвра-

щайся к лорду Бранноху и скажи ему, что он только что потерял какой-либо шанс добиться моего сотрудничества.

Она покраснела и закрыла глаза.

По крайней мере, она горда... ладно. Браннох, очевидно, знал, что Ленгли не интересуется безвольными куклами. Было видно, какого труда ей стоил вопрос.

— Почему вы отказываетесь от меня, сэр?

— Передай только то, что я тебе сказал. Иди.

Она поклонилась и направилась к выходу. Ленгли стоял, опершись о стену и сжав кулаки. О, Пегги, Пегги!!!

— Минутку! — как будто сказал кто-то другой. Она остановилась.

— Да, сэр?

— Скажи... Что с тобой произойдет?

— Я не знаю, сэр. Лорд Браннох может наказать... — она покачала головой с какой-то странной нерабской гордостью. Но Пегги сделала бы так же. — Нет, сэр. Он поймет, что я не виновата. Он может поддержать меня у себя некоторое время, или отправить еще к кому-нибудь. Я не знаю.

Ленгли почувствовал какой-то комок в горле.

— Нет, — он широко улыбнулся. — Извини. Ты... понравилась мне. Не уходи. Садись.

Он нашел кресло для себя, и она, подогнув свои стройные ноги, села около него на полу. Он коснулся ее головы с большой нежностью.

— Ты знаешь, кто я? — спросил он.

— Да, сэр. Лорд Браннох сказал — вы космонавт из очень далекого прошлого, который потерялся, а я похожа на вашу жену. Мне кажется, он использовал ее фотографию. Он сказал, что возможно, вам будет приятно иметь рядом кого-то, похожего на нее.

— А что еще? Что он поручил тебе делать? Хочет ли он моей помощи в очень важном деле?

— Нет, сэр, — она спокойно выдержала его взгляд. — Я должна только выполнять ваши желания. Но... — крошечная морщинка легла между ее бровями, и это было так похоже на Пегги, что у Ленгли защемило сердце. — Но, может быть, он рассчитывал на вашу благодарность.

— Прекрасный случай! — Ленгли попытался продумать все. Это было непохоже на Бранноха, который должен быть циничным реалистом, рассчитывать, что подобное сделает космонавта более уступчивым. Или так оно и было? Некоторые характерные особенности людей меняются с изменением его общества. Может быть, современный землянин должен был реагировать именно так.

— Ты ждешь, что я буду благодарен ему?

— Нет, сэр. Почему же вы должны? Я ведь не очень ценный подарок.

Ленгли вытащил свою старую трубку. Хорошо хоть успел от-

ложить порцию табака, вскользя подумал он. Теперь никто не курит трубку. Он погладил ее бронзовые волосы.

— Расскажи мне что-нибудь о себе. Марин, — сказал он. — К какой жизни ты готовилась?

Она описала ее со знанием дела, без обид, но не без юмора. Центр не походил ни на что, ранее известное Ленгли. Он не был бездной порока, его легче было бы сравнить с каким-нибудь колледжем. В его стенах были леса и поля для прогулок, там давали прекрасное образование, там не пытались всех подавлять, каждый развивался наиболее естественным для него образом. Но, конечно же, все эти девушки должны были стать наложницами высшего класса.

Преодолевая состояние легкого отупения, вызванного успокаивающим, Ленгли сообразил, что Марин может быть ему полезна. Он задал ей несколько вопросов об истории и текущих событиях, и она вполне разумно отвечала ему. Может быть, ее знания помогут ему решить, что делать.

— Марин, — сонно спросил он ее. — Ты когда-нибудь ездила на лошади?

— Нет, сэр. Я могу управлять каром или флайером, но никогда не имела дела с животными. Интересно было бы попробовать, — она улыбнулась как-то очень просто.

— Послушай, — сказал он, — хватит этого возвышенного тона. Не надо звать меня «сэр». Мое имя — Эдвард, сокращенно — Эд.

— Да, сэр... Эдвн. — Она нахмурилась с детской серьезностью. — Я попытаюсь запомнить. Поправьте меня, если я забуду. Но в обществе, наверное, лучше обращаться по-прежнему.

— Ладно. Сейчас... — Ленгли не мог смотреть в ее ясные глаза и уставился на бесконечные струи дождя. — Хочешь быть совершенно свободной?

— Сэр?

— Эд! Я хочу тебе помочь. Ты хотела бы стать свободным человеком?

— Это... слишком добро по отношению ко мне, — ответила она медленно. — Но...

— Что?

— Но что я буду делать? Я должна буду опуститься на самый низкий уровень, стать женой Общинника, или служанкой, или проституткой. И нет никакого другого варианта.

— Прекрасная участь. Здесь, наверху, ты всегда под защитой, среди уместно равных. Ладно, это была только мысль. Я буду рассматривать тебя как часть обстановки.

Она захихикала.

— Ты... прелесть, — сказала она. — Мне очень повезло.

— Какого черта тебе повезло? Послушай, я оставил тебя, потому что у меня не хватило духу отправить тебя назад. Но здесь может быть опасно. Я в самом центре межзвездного покера, и я заберу

тебя отсюда, если дело выгорит, но я не могу быть уверен в этом полностью. Скажи мне честно, сможешь ли ты выдержать, если будут убивать, или еще что-нибудь?

— Да, Эдви. Это суть моей подготовки. Мы не можем знать нашего будущего, но мы должны иметь мужество встретить его.

— Мне не хотелось говорить об этом, — сказал он печально. — Но я полагаю, ты не сможешь помочь им. Люди внизу, может быть, все еще остались такими же, но они думают по-другому.

— Что угрожает тебе, Эдви? Могу я помочь?

Она положила руку ему на колено, это была тонкая рука, но с сильными прямыми пальцами. — Я действительно хочу помочь.

— Эхе-хе, — он потрепал ее голову. — Я не могу сказать тебе все, потому что если об этом узнают, то ты тоже станешь покерной фишкой, — он вынужден был использовать английское выражение, так как единственной выжившей за это время игрой, были шахматы, но она поняла смысл сказанного. — И не пытайся додумываться до этого самостоятельно. Я предупреждаю тебя, что это опасно.

Она порывисто встала, наклонилась над ним и коснулась его щеки.

— Извини, — прошептала она, — это, должно быть, очень тяжело для тебя.

— Я выдержу. Но давай продолжим наш разговор. Ты мне очень нравишься, но, пойми, я сейчас под действием успокаивающего. — Это было потрясение, и оно должно пройти. — Держись пока в тени, Марин. Она тебя скроет, если я вдруг начну швырять вещами. И не пытайся меня обольстить, мне пока надо побыть одному. Понимаешь?

Она молча кивнула.

Несмотря на наркотик, его голос был тверд.

— Ты можешь спать в этой комнате.

— Хорошо, — сказала она быстро, — я понимаю. Если ты передумаешь, я это тоже пойму. — И добавила спустя мгновение. — Ты можешь вернуть мой прежний вид. Знай об этом.

Он не ответил, но сел, удивленный. Совершенно логично было ответить «нет». Но он должен всегда помнить об этом. И не должен отворачиваться от этого факта.

Дверь звякнула и сказала:

— Министр Чантхаваар Танг во Лаурин желает видеть вас, сэр. — На контрольном экране появилось изображение лица министра, оно было напряженно, холодно, с признаками сдерживаемого гнева.

— Хорошо. Пусть войдет.

Марин прошла в другую комнату. Ленгли не заметил, когда Чантхаваар вошел, и, сидя, ожидал, когда тот заговорит.

— Ты видел сегодня Бранноха.

Ленгли удивленно посмотрел на него. Слабость все еще владела им, но с другой стороны она позволяла ему лучше контролировать себя.

— Это что, незаконно? — спросил он.

— Что он хотел от тебя?

— А что ты думаешь? То же, что и Валти, и ты, и все вы от меня хотите. Я ответил ему «нет», потому что мне было больше нечего ему сказать.

Голова Чантхаваара, покрытая черными блестящими волосами, повернулась к нему.

— Я удивлен. Я весьма удивлен. До сих пор мой руководитель удерживал меня от зондирования твоего мозга. Они считают, что если ты действительно не знаешь, если ты в стороне от всего этого, то зондирование может отвратить тебя от сотрудничества с нами. Это неприятный эксперимент. После этого ты не сможешь быть тем же человеком.

— Давай! — ответил Ленгли. — Я не в состоянии удержать тебя.

— Если я найду время убедить моих начальников, я так и сделаю, — сказал Чантхаваар резко. Его черные глаза пылали гневом. — Все произошло одновременно. Сегодня был взорван военный завод на Венере. Я напал на след группы, которая пыталась взбунтовать Общинников и вооружить их. Это работа Бранноха, конечно. Он пустил в ход всю свою организацию, пытаясь отвлечь меня от поисков Сариса. Следовательно, у него есть причины полагать, что Сариса можно найти.

— Я говорил тебе, что думал над этим еще тогда, когда был совершенно подавлен, и я... — Ленгли помедлил, взгляд его серых глаз стал твердым, — нет... не знаю. Не думай, что я сам не мучаюсь сомнениями. Если бы я знал хоть что-нибудь, что рассказал бы тебе.

— Возможно, — сказал Чантхаваар мрачно. — Однако я предупреждаю, что если ты не сделаешь какой-нибудь умственной работы в ближайшую пару дней, я буду вынужден сам допросить тебя. Поиски продолжаются, но мы не можем перекопать все щели и перетрясти весь мир. Кроме этого, многие влиятельные министры противятся допуску моих людей в их личные владения для поисков. Но Сарис должен быть найден, даже если мне понадобится перепотрошить всю планету — и тебя заодно.

— Лучше меня, — сказал Ленгли. — Это так же и моя планета, ты знаешь.

— Хорошо. Решайся на это, только очень быстро. Сейчас у меня есть еще одно дело. Охранники доложили мне о рабыне, которую послал тебе Браннох. Я хочу ее видеть.

— Взгляни...

— Помолчи. Веди ее сюда.

Марин сама вошла. Она поклонилась Чантхаваару и затем застыла под его пристальным взглядом. Воцарилось долгое молчание.

— Так... — наконец проговорил агент. — Я все понял. Ленгли, ты думаешь оставить ее у себя?

— Да. И если ты не согласишься, я гарантирую, что постараюсь

сделать все, чтобы ты никогда не нашел Сариса. Но я вовсе не стремлюсь к гибели всей цивилизации только из-за нее, если ты так об этом думаешь.

— Нет... это не так. Я не боюсь этого. — Чантхаваар молча застыл, широко расставив ноги, заложив руки за спину и уставившись в пол. — Я думаю, что бы это значило. Своего рода шутка? Я не знаю. Надо быть осторожным.

Он долгое время молчал. Ленгли с интересом думал, что происходит внутри этого круглого черепа. И затем он заметил веселые искорки в его глазах.

— Невообразимо! — сказал Чантхаваар. — Я думаю, что это только шутка. Садитесь и думайте, капитан. Я сейчас ухожу. Доброго дня вам обоим — наслаждайтесь друг другом, — он резко поклонился и вышел.

ГЛАВА 11

Дождь прекратился перед рассветом, но небо было закрыто облаками, и тьма заполняла город. Ленгли и Марин поели в полном одиночестве в своих апартаментах. Действие транквилизатора прекратилось, и он смог сосредоточиться на отвлеченных проблемах и даже осмелился не думать о Марин, как о человеке, который когда-то жил. Он забросал ее вопросами, и она отвечала. То, что он узнал, подтвердило рассказанное Валти о Сообществе: это действительно была кочевая культура, патриархальная и полигамная, с собственным боевым флотом, но претворяющая мирную политику. Ее руководство действительно никому не было известно, ранняя история терялась во мраке. Гораздо меньше, чем Браннох, она рассказала приятного о центаврианах, и гораздо глубже, чем Браннох, но, конечно, этого следовало ожидать.

— Два межзвездных империализма, — сказал Ленгли, — идущие курсом на столкновение. Хотя Тор, как мне кажется, и лучше Земли, но, может быть, я пристрастен.

— Ты не можешь помочь, — сказала Марин серьезно. — Торианское общество имеет архаический базис, оно ближе к тому, что ты знал в свое время, чем совершенная Земля. Еще труднее представить, что они что-то сделают для прогресса, если победят. Они уже давно застыли на одном уровне, реально у них ничего не меняется уже около пяти столетий.

— Какова цена прогресса? — спросил Ленгли. — Я прохладно отношусь к изменениям ради изменений. Застывшая цивилизация может быть только последним ответом человеку, обеспечивая его реальным гуманизмом. Я не вижу особых различий между двумя ведущими современными силами.

Несомненно, все разговоры записывались, но ему было наплевать.

— Как прекрасно было бы найти маленькую мышиную норку, заполнить в нее и забыть всю эту борьбу, — сказала Марин задумчиво.

— Это то, что жаждет девяносто девять процентов человеческой расы, как я думаю, — сказал Ленгли. — За свою лень и трусость они сами навлекают на себя наказание — правителей, которые принуждают их к действиям. Никогда не будет ни мира, ни свободы для каждого отдельного человека до тех пор, пока он не научится думать сам и действовать согласованно с другими. Я боюсь только, что такой день никогда не придет.

— Они говорят, что есть тысячи затерянных колоний, — мягко ответила Марин, и мечтательное выражение появилось в ее глазах. — Тысячи маленьких группок, которые отправились искать собственную утопию. А возможно, одна из них где-то нашла ее.

— Возможно. Но мы здесь, а не там, — Ленгли поднялся. — Давай закончим. Спокойной ночи, Марин.

— Спокойной ночи, — сказала она. Ее улыбка была робкой, как если бы она еще не знала, как он к ней относился.

Один в своей комнате Ленгли натянул пижаму, улегся в постель и зажег сигарету. Надо было что-то решать. Чантхаваар дал еще пару дней. Он больше не мог никому морочить голову, потому что теперь он был обязан отвечать на вопросы о Сарисе. С другой стороны, ему не хотелось выяснять на себе, было ли правдой утверждение Чантхаваара о деградации после психического зондирования.

Все больше и больше ему казалось, что разумный выход — договор с Чантхавааром. Исходя из соображений личной безопасности, прежде всего он был на Земле, и, несмотря на все ловушки, сплетенные Валти и Браннохом, преобладающей силой был здесь Чантхаваар. Если идти на контакт еще с кем-нибудь помимо него, то необходимо учитывать риск и возможность бегства.

Если исходить из соображений гуманизма — Сол находится в положении status quo; она не проявляет открытой агрессивности, как Центавр, но это самодовольство должно иметь и обратную сторону. Если все-таки несмотря ни на что произойдет война, то в Солнечной системе живет больше людей, чем в системе Центавра. Кроме того, Бранноху потребуется более девяти лет, чтобы отправить донесение домой и вызвать сюда боевой флот. За эти девять лет вполне возможно, что эффект Сариса будет реализован в виде стандартного оружия. (И, надо отметить, вполне гуманного оружия, которое не может причинить вреда ни одному живому существу).

С точки зрения истории: Сол и Центавр придут к гибели, нет никаких других шансов. Сообщество — неизвестная, непредсказуемая сила. Далее — Центавр под влиянием Трима, природа которого и сверхъестественные способности триман — полная загадка. Наконец, Сол была совершенно открыта.

С точки зрения Сариса Хронна, который был другом Ленгли...

Ладно, Сарис был только одной личностью. Было бы лучше, если бы его все-таки обнаружили, чем если во вспышке ядерного сверхоружия превратятся в пепел миллион человек.

Безопасный, ясный путь сотрудничества лежал перед Ленгли. Потом, после всего, он найдет для себя какое-нибудь местечко на Земле, и он проведет там остаток дней. Через несколько лет он полностью отупеет, но зато будет в безопасности, он будет избавлен от необходимости думать.

Ладно. Он щелчком выбил из пачки еще одну сигарету. Уснуть, уснуть бы, наконец, если только он еще не разучился спать.

Где Боб и Джим? В какой дыре они сейчас находятся, полные страха? Или они уже канули в небытие? Он подумал, что вряд ли еще раз увидит их. Если бы он знал, кто их убийца, он скорее бы убил себя, чем помогал ему. Однако ему предстояло жить дальше, мучаясь бессилием перед загадкой их исчезновения.

Закрыв глаза, он попытался оживить в памяти образ Пегги. Она пришла, она умерла так давно, что даже кровь ее иссыкла в жилах новых рас. Вполне возможно, что кто-то из тех, кого он здесь встретил — Чантхаваар, и Браннох, и Валти, и Марин, и Улион, и безликие Общинники нижних уровней происходят от одной незабываемой ночи с нею. Странно было об этом думать. Он подумал, а вдруг она потом вновь вышла замуж. Он так надеялся, надеялся на то, что это был хороший человек, и что ее жизнь сложилась счастливо, но это могло быть и не так.

Он попытался вновь ее увидеть, но образ ее расплывался. Марин перекрывала ее. Они походили на две наложенные друг на друга картинки с несовпадающими контурами, и поэтому края расплывались. Улыбка Пегги никогда не была такой, какая сейчас у этой женщины.

Он грубо выругался, отбросил сигарету и выключил свет, струившийся из стен и потолка. Сон не приходил, он лежал, не находя забвения, с ржавой цепью тягостных дум, протянувшейся внутри его мозга.

И прошло, наверное, около часа, когда он услышал взрыв.

Он сел в постели, уставившись перед собой. Это явно был бластер! Какого черта?

Грохот повторился, и сапоги застучали у его двери. Ленгли вскочил на ноги.

Какие-то вооруженные люди пытались похитить его еще раз, несмотря на всю охрану.

Мощный заряд энергии ударил где-то недалеко от его убежища, и он услышал глубокий протяжный крик.

Он встал напротив дальней стены, сжав кулаки. Нет света. Если они пришли за ней, надо помешать им найти ее и увести отсюда.

По спальне что-то с шумом протащили. Послышался крик Марин.

Он навалился на дверь. «Откройся, черт подери!» Она его послушалась и стала открываться. Затянутые в металл руки вцепились в него сзади и прижали к полу.

— Оставайтесь здесь, сэр, — раздался хриплый голос, сдавленный боевым металлическим шлемом. — Они прорвались.

— Пусти меня! — Ленгли уперся в могучий торс солярного копа. Безрезультатно, раб стоял, как гора.

— Извините, сэр, у меня приказ...

Бело-голубая вспышка ослепила его. Но он успел разглядеть повисшие в пространстве фигуры за разбитым вдребезги стеклом, и Марин, бьющуюся в их руках. Другой полицейский атаковал их, беспорядочно стреляя.

Затем все медленно стихло.

Охранник поклонился.

— Они ушли, сэр. Пройдемте, если вы хотите.

Ленгли, шатаясь, вошел в свою спальню. Она была полна дыма, запаха горелого пластика, ноздри щекотала тонкая струйка острого запаха озона. Обстановка комнаты, превратившаяся в кучу хлама, дымилась у ног громоздких вооруженных фигур, заполнивших помещение.

— Что случилось? — закричал он.

— Ничего особенного, сэр, — командир отделения снимал свой шлем, черная его голова казалась крошечной без металлического забрала. — Теперь все в порядке. Может быть дать вам успокоительного?

— Я спрашиваю тебя, что случилось? — Ленгли хотел ударить по этому равнодушному лицу. — Немедленно говори, я приказываю тебе!

— Хорошо, сэр. Два небольших вооруженных корабля атаковали нас оттуда, — командир указал на выбитое окно. — Пока один из них отвлекал наше сторожевое судно, другой высадил несколько человек в космических скафандрах с антигравитационными блоками; некоторые пробрались сюда. Некоторые пытались пробиться к вам через дверь, но были остановлены нами; один из них похитил вашу рабыню, а когда подоспело подкрепление и мы поднажали, они скрылись. Никаких потерь с обеих сторон, все произошло очень быстро. К счастью, они не успели добраться до вас, сэр.

— Кто они?

— Я не знаю, сэр. Их оборудование отличается от используемого известными военными и полицейскими силами. Я думаю, один из наших флайеров сумел прилепить к ним трассер, но не смог преследовать их за пределами атмосферы. И я сомневаюсь, что они еще вернутся. Но будьте спокойны, сэр. Вы в безопасности.

Да. Безопасность. Ленгли задохнулся и, повернувшись, вышел.

Он почувствовал опустошенность.

Чантхаваар появился через час. Его лицо было совершенно непроницаемо, когда он осматривал обломки.

— Они удрали, все хорошо, — сказал он. — Им это дело не удалось, тут им не повезло.

— Кто они, как ты думаешь? — спросил Ленгли тупо.

— Не знаю, возможно, центавриане, возможно, Сообщество. Это будет, конечно, выяснено. — Чантхаваар стряхнул пепел с сигареты. — В любом случае — это хороший знак. Когда агент идет на крайности, он обычно в безнадежном положении.

— Послушай, — Ленгли схватил его за руку. — Ты должен найти их. Ты должен вернуть эту девушку назад. Ты понимаешь?

Чантхаваар молча жевал свою сигарету, кожа на его высоких скулах натянулась. Глаза задумчиво смотрели на американца.

— Так она для тебя уже так много значит? — спросил он.

— Нет... Ладно... это все в рамках приличий. Ты ведь не можешь позволить увести ее неизвестно куда, тем более что она ничего не знает.

— Она только рабыня, — пожал плечами Чантхаваар. — Ее явно схватили от безнадежности предприятия, когда они удрали от наших гвардейцев. Все это чепуха. Я сделаю тебе ее дубликат, если это действительно так важно.

— Нет!!!

— Пусть так. Это твое дело. Но если ты попытаешься торговать информацией из-за нее...

— Я не собираюсь, — сказал Ленгли. Ложь уже стала его механическим рефлексом. — Мне нечем торговать. Пока еще нечем, во всяком случае.

— Я сделаю все, что смогу, — сказал Чантхаваар. Он на мгновение коснулся плеча Ленгли, но сделал это на удивление дружелюбно. — А сейчас давай в свою постель. Я предписываю тебе двенадцать часов сна.

Ленгли молча повиновался. Может быть, это поможет ему укрыться от чувства собственной беспомощности. Он падал в бездну без снов, без памяти.

Когда он проснулся, то обнаружил, что за время, пока он спал, было сделано многое. Не осталось никаких следов ночной борьбы, как будто бы ничего не случилось. Лучи солнца, уже клонящегося к закату, блестели на бортах кораблей, патрулирующих над его окнами. Число охранников удвоилось. Запертая амбарного размера дверь, — нет, после всего, что случилось, отсюда не украсть даже молекулы воздуха.

Его мозг вгрызался в проблему, как умирающая от голода собака в старую кость, с которой уже давно содрано все съедобное.

Марин... Из-за того что она стала здесь ближе всех ему, она исчезла. Из-за того что она была похожа на него, она познала страх, мучения и плен.

Может быть, из-за того, что она похожа на Пегги? Или из-за

нее самой? Какой смысл был в происшедшем? Все несчастья происходят из-за него, и так всегда. Он хотел вызвать Бранноха, вызвать Валти, швырнуть в их лица обвинения, но что от этого изменится?! Они оба будут все отрицать. Ему стало ясно, что бессмысленно искать с ними встречи. Несколько раз он пытался связаться с Чантхавааром, и получал невыносимо вежливые ответы от секретаря по деловым вопросам. Он много курил, расхаживая по комнате, садился в кресло, снова вставал. Он прошел сквозь все муки ожидания и раскаяния. И ничто ему не помогло.

Пришла ночь, и он погрузил себя наркотиками в долгий сон. Наркотик — тоже способ решать вопросы — легкая, ясная и быстрая смерть. Он думал об этом, выйдя на балкон, что есть и другой способ прекратить этот хаос. Отлично спроектированный робот смоем шваброй его остатки, и его вселенная прекратит существование.

После обеда пришел ответ. Он вскочил, услышав вызов, споткнулся, упал на пол, но дотянулся до выключателя.

Чантхаваар улыбался с необычной теплотой.

— У меня для вас хорошие новости, капитан, — сказал он. — Мы нашли девушку.

Он не сразу понял, о чем идет речь. Усталость так глубоко проникла в его ум, что услышанное долго барахталось на самом дне сознания. Он уставился на Чантхаваара, приоткрыв рот, прислушиваясь к его словам.

— ...Она сидела на воздушном мосту совершенно растерянная, когда ее нашли. Послеанастезийная реакция, но она уже пришла в себя. Глубокого психозондирования явно не было, возможна только поверхностная наркотизация. Проверить это нетрудно. Она была без сознания все это время и ничего не помнит. Я сейчас отправлю ее к тебе, — Чантхаваар исчез с экрана.

Понимание происшедшего медленно просачивалось сквозь барьеры эмоционального оупения.

Ленгли стоял на коленях, ему хотелось кричать или молиться, или и то и другое вместе, но он не мог. Затем он начал смеяться. Истерика прекратилась перед ее приходом. И он сделал то, что было единственно возможным — обнял ее. Она прижалась к нему, потрясенная его реакцией.

Потом они сидели вместе на ложе, держа друг друга за руки. Она рассказывала ему все, что могла.

— Меня схватили, втащили на корабль, кто-то навел на меня какое-то оружие. И потом для меня ничего не стало. Придя в себя, я увидела, что сижу на переходе. Меня, должно быть, отвезли и оставили там. У меня кружилась голова. Затем появился полицейский и отвел меня к Министру Чантхаваару. Тот меня расспрашивал, затем был медицинский осмотр, там сказали, что ничего страшного не произошло. И потом он меня отправил к тебе.

— Я ничего не могу понять во всем этом, — сказал Ленгли.

— Министр Чантхаваар сказал, что меня похитили случайно, что я представляла бы ценность, если бы... если бы они... похитили и тебя. Я была без сознания, поэтому не могу никого узнать. Он еще задал несколько простых вопросов относительно анестезии, но затем перестал меня спрашивать, так как понял, что я ничем не могу ему помочь. — Она вздохнула и робко улыбнулась ему. — Я так рада, что они отпустили меня к тебе.

Он понял, что она имеет в виду не только себя.

Он проглотил приготовленный ему напиток и некоторое время сидел молча. Его сознание как-то странно прояснилось, но все еще был отпечаток ночного кошмара.

Так вот что все это значит. Это было то, что олицетворяли собой Сол и Центавр, — бездушная игра сил, в которой нет границ подлости. Черствая машина цивилизации, которая давно должна была пойти на свалку, но действует, разъеденная коррупцией под своей броней. Шумное кровавое варварство, такое же застывшее и бесплодное, бахвалящееся своим мужеством. Несколько амбициозных мерзавцев — и миллиарды невинных людей превращаются в радиоактивный газ. Стоит лишь одной из сторон на мгновение почувствовать свое преимущество, как другая тут же будет уничтожена одним безжалостным ударом, и ее планеты превратятся в прах. Это было то, что он понял.

Он еще мало знал о Сообществе, и оно явно не было сборищем абстрактных альтруистов. Но все же оно казалось нейтральным, не бредящем об империи. Кроме того, они лучше знали Галактику, и, следовательно, могли подобрать ему какой-нибудь молодой мир, где он смог бы стать человеком.

Итак, выбор сделан. Он проведет его через многие испытания, но это лучше, чем тухнуть здесь.

Он взглянул на ясный профиль девушки, сидевшей рядом с ним. Он хотел спросить ее, о чем она думает, что она хочет. Вряд ли он знал о ней все. Но он не мог спрашивать ее, опасаясь механических ушей. Он должен решить за нее.

Она встретила его испытующий взгляд спокойным взглядом зеленых глаз.

— Я хочу, чтобы ты рассказал мне все, что произошло, Эдви, — сказала она. — Мне бы хотелось быть готовой к разным случаям так же, как и ты.

Он уступил ее просьбе и рассказал о Сарисе Хронна и охоте за ним. Она сразу же поняла основную мысль, спокойно кивнула и не стала выпытывать, знает ли он, где Сарис, и что он собирается делать.

— Все это очень важно, — сказала она.

— Да-а, — сказал Ленгли. — И все это произойдет скоро.

ГЛАВА 12

Здесь у всех стен могут быть как глаза, так и уши. Ленгли хотел лечь в постель сразу же после заката. Шпионский луч связывал оба коммуникатора, как говорил Валти, но на всякий случай Ленгли держал его в пижаме, так как одеялами он уже давно не пользовался.

Он лежал около часа, ворочался, как будто бы не в состоянии уснуть. Затем приказал сделать музыку погромче. Запись кошачьего концерта должна была заглушить тихий разговор.

Он надеялся, что сильное внутреннее напряжение не отражается у него на лице. Еле слышный голосок завибрировал внутри него. Он подумал о звуковых волнах, детектируемых и фокусируемых в костях черепа. В это было трудно поверить, но он узнал бы голос Валти и его акцент в любых условиях.

— Ах, капитан Ленгли. Вы доставляете мне несказанную радость. Приятно даже быть вытащенным из уютной постели, чтобы только поговорить с вами. Могу ли я попросить вас держать коммуникатор поближе к губам? Вот теперь слышно просто замечательно.

— Хорошо. — Был один бесполезный вопрос, который Ленгли готов был задать. — Я хочу заключить с вами сделку, но торопитесь. У вас Блостейн и Мацумото?

— Нет, капитан. Достаточно ли вам моего слова?

— Я... обдумываю это. Ладно. Я расскажу вам, где, мне кажется, находится Сарис, но помните: это только информация к размышлению. И я помогу вам найти его, насколько это возможно. В ответ я хотел бы помощи в поисках моих товарищей, в деньгах, в защите и доставке как меня, так и еще одного человека, молодой рабыни, которая сейчас находится при мне.

Трудно было представить выражение радости, прозвучавшее в голосе такого громоздкого человека, как Валти.

— Прекрасно, капитан. Я уверяю вас, вы не пожалеете о сотрудничестве со мной. А сейчас маленький практический совет: вы должны исчезнуть без следа.

— Я не очень-то представляю, как выполнить этот пустячок, Валти. Я более или менее под домашним арестом.

— Чепуха, вас там не будет этой же ночью. Дайте мне подумать... Так. В два часа вы и ваша девушка должны выйти на балкон. Но ради Бога, все это должно выглядеть очень естественно! Оставайтесь там, ждите, и не пытайтесь что-либо делать сами.

— Ладно. Два часа — 23.46 будет на моих часах? Так?!

Теперь надо было ждать. Ленгли вытащил сигарету и лежал, будто бы слушал музыку. Два часа! Еще на один седой волос станет больше.

Очень опасно. Переменная частота излучения коммуникатора считается необнаруживаемой, а может, это не совсем так. Рискованная попытка может привести к неудаче. Чантхаваар выжидает,

а потом сдавает его и отправит к своим инквизиторам. Валти может быть предан своими же агентами.

Может быть, может быть, может быть! Животные счастливее людей, они лишены сомнений.

Время ползло минута за минутой. Он встал, прошел в спальню и заказал себе книгу. Основы современной физики — теперь ему достаточно двух часов, чтобы получить доктора философии. Внезапно он поймал себя на том, что уже пятнадцать минут таращится, разглядывая одну и ту же страницу.

Поспешно он потребовал еще одну книгу. Даже если за ним и не наблюдают, он должен вести себя совершенно естественно.

В тексте мелькнуло имя — Янсен, один из первых, давших риманову пространству, которое теперь называют «Сарлеан», физический смысл. Спустя минуту, он нашел нечто удивительное. Эйнштейн! Это было нечто, пережившее его век, хотя и искаженное. Он улыбнулся, почувствовав жалость к себе, вспомнив, как в свое время читал исторический роман, посвященный борьбе между Линкольном и Сталиным за контроль над лунными базами — герой романа спасался бегством на своем верном велосипеде. Нет, теперь таких романов не было. Его век полностью забыт, а все подробности начисто стерты временем. Им могли заинтересоваться лишь несколько археологов, и больше никто. Представьте себе египтянина времен Первой династии в Новом Вашингтоне в 2007 году от Рождества Христова. Он был бы забавен на пару дней, а потом?

Он взглянул на часы и почувствовал, как мышцы его живота напряглись. Осталось 20 минут.

Он должен вывести Марин наружу, но он ничего не может объяснить ей в этой комнате. Он должен сделать это таким способом, чтобы наблюдатели ничего не заметили. Некоторое время он сидел размышляя. Был только один способ, который он мог использовать.

Он подошел к двери в ее комнату. Дверь открылась, и он остановился, разглядывая Марин. Она спала. Медно-рыжие мягкие волосы разметались вокруг лица. Она выглядела очень трогательно. Он попытался не вспоминать Пегги и коснулся ее лица.

Она села в постели.

— Ох... Эдви... — зажмуренные глаза открылись. — Что случилось?

— Извини, что разбудил тебя, — сказал он как-то неловко. — Не могу заснуть. Пойдем поговорим, если ты не против?

Она смотрела на него с состраданием.

— Да, — наконец, сказала она. — Да, конечно.

Натянув платье поверх ночной рубашки, она последовала за ним на балкон.

Над головой были только звезды. В ночной тиши огни города играли бликами на острых формах корпуса патрульного корабля. Легкий ветерок шевелил волосы. В голове мелькнула мысль: Лора

расположена совсем недалеко от того места, где когда-то был город Виннипег.

Марин была рядом. Он положил руку на ее талию. Слабый свет подчеркивал прихотливую линию ее губ.

— Это прекрасно, — сказал он банально.

— Да... — она ждала чего-то еще.

Он знал, чего именно, так же как знал и то, что наблюдатели Чантхаваара сидят у экранов.

Он наклонился и поцеловал ее. Она ответила ему очень нежно, но еще немного неуклюже. Потом он долго смотрел на нее и не мог ничего сказать.

— Извини, — пробормотал он.

Сколько еще ждать? Пять минут? Десять?

— Почему? — спросила она.

— Я не прав...

— Ты всегда прав. Я твоя, ты знаешь. Это то, для чего я предназначена.

— Замолчи! — не выдержал он. — Я имею в виду моральное право. Рабство — это преступление. Мои предки умерли в Геттесбурге, в Германии, потому что там было рабство.

— То, что ты говоришь, значит, что ты не хочешь принуждать меня. С твоей точки зрения это правильно, но ты не беспокойся. Я кондиционирована — это мое назначение.

— Именно так. Такое порабощение, по-моему, еще хуже, чем если бы тебя просто посадили на цепь. Нет!

Она положила руки ему на плечи и серьезно взглянула ему в глаза.

— Забудь это, — сказала она. — Каждый приспособлен — ты, я, любой, у каждого в жизни свой путь. Всего не перечтешь. Но ты нужен мне, и я... Я очень люблю тебя, Эдви. Каждая женщина хочет мужчину. Этого достаточно?

В его висках стучали молоточки.

— Пойдем, — сказала она, — пойдем отсюда.

— Нет... пока еще нет, — запротестовал он.

Она ждала. И ему больше ничего не оставалось делать, как наклониться и поцеловать ее еще раз.

Пять минут? Три? Две? Одна?

— Пошли, — повторила она. — Пошли прямо сейчас.

Он помотал головой.

— Подожди... подожди...

— Не пугай меня. Что это?! Там что-то странное...

— Помолчи! — прошипел он.

Вспышка огня всколыхнула воздух. Мгновением позже Ленгли почувствовал удар воздушной волны. Он пошатнулся и увидел космический корабль, несущийся вниз на пылающий патрульный флайер. Струи воздуха ревели вокруг корабля.

— Бежим отсюда, Эдви! — воскликнула Марин и бросилась с

балкона внутрь, в спальню. Он схватил ее за волосы, повалил на пол и, пригнувшись, закрыл собой. Нападавший корабль исчез, превратившись в размытое пятно.

И вдруг что-то схватило Ленгли и потащило его вверх.

«Тянущие лучи, — мелькнула лихорадочная мысль, — управляемые гравитационные лучи». — Затем что-то черное разверзлось перед ним, раздвинулись створки люка, его втянуло внутрь, и створки сомкнулись за ними. Его ошеломила ритмичная пульсация гигантского двигателя. Марин скорчилась у его ног, он поднял ее, и она, прижавшись, обхватила его за плечи.

— Все в порядке, — пробормотал он дрожащим голосом. — Все в порядке. Мы удрали. Может быть.

Человек в серой униформе вошел в стальной шлюз через маленький люк.

— Добро пожаловать, сэр, — сказал он. — Я думаю, мы сработали чисто. Вы пройдете за мной?

— Что это? — слабым голосом спросила Марин. — Куда мы попали?

— Я заключил соглашение с Сообществом, — сказал Ленгли. — Они отправят нас из Солнечной системы, и мы станем свободными, вдвоем.

В душе он сомневался.

Они спустились в узкий коридор. Корабль вибрировал. Очевидно, он двигался с большим ускорением, но перегрузка не ощущалась: то ли защищало внутреннее гравитационное поле, то ли привод действовал на всю бортовую массу. В конце прохода они вошли в маленькую, заставленную аппаратурой комнату. Один экран был усыпан остро поблескивающими звездами открытого космоса.

Голтам Валти сполз со своего кресла, подошел к Ленгли, пожал ему руку и оглушительно рассмеялся.

— Чудесно, капитан! Блестяще! Прекрасная работа, если вы простите мне мою нескромность.

Ленгли почувствовал слабость. Он присел, посадив Марин себе на колени и не думая ни о чем.

— Расскажите, как это произошло? — спросил он.

— Я и еще несколько наших, э... э, выскользнули из башни Сообщества, — сказал Валти. — Мы воспользовались сверхскоростной яхтой из поместья э... э... одного симпатичного Министра, там у нас сооружена небольшая крепость. Потребовалось два корабля: один совершил неожиданную диверсию, а другой в это время был занят вами, а потом оба скрылись.

— А как на другом корабле? Их не схватят?

— Все было предусмотрено. Будет только короткая вспышка, там установлена дистанционная управляемая бомба. Телеуправляемый робот очистил корпус нашего корабля от трассеров, которые нам подсадили люди Чантхаваара. — Валти болезненно вздрогнул. — Жалко было терять такую замечательную яхту. Ее цена — добрых

полмиллиона соляриев. В наше время деньги делаются с большим трудом, поймите меня правильно, сэр.

— А если Чантхаваар поймет, что это вы, заметив ваше отсутствие?

— Мой дорогой капитан. — Валти выглядел несчастным. — Я не такой уж дилетант. Вы увидите моего двойника, мирно и вполне законно спящего в моем жилище. Конечно, — сказал он, немного подумав, — если мы найдем Сариса, то нам придется всем вместе покинуть Сол. Если это произойдет, то, я надеюсь, мое руководство направит меня заниматься Венусианской торговлей. Это дело довольно трудное, но его можно упростить, уйдя в бюрократию.

— Все ясно, — сказал Ленгли. — Я удовлетворен. Какой у вас план действий?

— Это зависит от того, где Сарис может быть, и какие методы понадобятся нам для установления контакта. Наш крейсер скоростной, бесшумный, снабжен противорадарным прикрытием, на борту около 30 вооруженных человек. Как вы думаете, этого достаточно?

— Я... Я думаю, да. Дайте мне карты района Меско.

Валти кивнул маленькому покрытому зеленым мехом существу, которого звали Тхакт, сидевшему в углу. Тот вскочил и вышел из рубки.

— Прекрасная молодая леди, — поклонился Валти. — Могу я узнать ваше имя?

— Марин, — сказала она слабым голосом.

Она сидела на коленях у Ленгли, а спиной опиралась о металлическую корабельную переборку.

— Отлично, — сказал Валти. — Не бойтесь.

— Я не боюсь, — сказала она, пытаясь улыбнуться. — Но удивляюсь.

Тхакт вернулся с кипой больших листов. Ленгли разложил их, пытаясь разобраться в новой географии.

— Однажды на Холате, — сказал он, — мы целый день провели на рыбалке, и Сарис показал мне пещеры на берегу, в обрывистом речном берегу. Я рассказал ему о Карлсбадских пещерах в Нью-Мехико. Незадолго до нашего возвращения на Землю он снова спросил меня о них, и я обещал его туда сводить. Тогда мы изучали карты Земли, подыскивая место для представительства холатанских философов. Я показал ему на карте, где они находятся. Если Сарису удалось раздобыть карты современного мира... И Карлсбад недалеко от тех мест. И тем более он знал, что многие ответвления пещер не исследованы. Конечно, они могут уже быть освоены, или вообще перестали существовать, все могло быть, но...

Валти следил за указательным пальцем.

— Да, это то самое место, — проговорил он с крайним возбуждением. — Драконьи пещеры... да, здесь. Что там располагается?

Ленгли использовал крупномасштабную карту для ориентировки.

— Я думаю, здесь.

— Ах, тогда я знаю. Это часть поместья Министра Раннула, который использует ее как заповедник. Когда-то он показывал гостям Драконьи пещеры, но я не помню, чтобы кто-нибудь забирался в них глубоко. И, наверное, в последнее время там никого не было. Поразительная ясность мысли, капитан! Я вас поздравляю!

— Если это не удастся, — сказал Ленгли, — тогда я, как и вы, буду блуждать во тьме.

— Попробуем. Вы превзошли все наши ожидания.

Валти заговорил в коммуникатор.

— Мы сразу отправимся туда. Нельзя терять ни минуты. Может быть, вы хотите стимулятор?.. Прямо здесь. Он снимает усталость и придаст энергии на ближайшие несколько часов, ведь вы нуждаетесь в этом. Извините меня, я должен пойти распорядиться.

Он вышел, оставив Ленгли наедине с Марин. Она смотрела на него, ничего не говоря.

— Все хорошо, — сказал он. — Все хорошо. Я использовал свой шанс. Я пришел к выводу, что Сообщество распорядится этой силой лучше, чем кто-нибудь еще. Но, конечно, ты принадлежишь Сол. Если ты не одобряешь, то я сожалею.

— Я не знаю. Эту громадную ношу тяжело нести одному, — она прикоснулась к его голове. — Я вижу, что тобой движет. Может быть, ты прав..., может, нет. Я не знаю. Но я с тобой, Эдви.

— Спасибо, — сказал он, немного потрясенный, почувствовав, что теперь он не останется в одиночестве. Внезапно он представил, как они вдвоем улетают куда-то за пределы неба.

Если, конечно, они смогут бежать от Сол!

ГЛАВА 13

Было очень приятно вместо теплой пижамы чувствовать на себе настоящий космический скафандр, ботинки, шлем и оружие — Ленгли никогда не предполагал, как много одежда значит для человека. Но, продвигаясь сквозь залитые тьмой узкие коридоры, чувствуя холод подземелья и слыша раскаты эха, он снова стал жертвой бессильной неуверенности и грызущего беспокойства.

Целые мили светящихся трубок тянулись по коридорам пещер, но они не помогали, а только указывали, что в этих местах Сариса быть не могло. С полдюжины человек шло вместе с Ленгли, отблески света чуть подсвечивали их лица, делая их похожими на привидения. Все они были членами экипажа и казались ему весьма странными. Валти заявил, что он слишком стар и толст, чтобы таскаться по туннелям. Марин хотела пойти вместе с Ленгли, но ей не разрешили.

Фантастические нагромождения сталактитов, подобные гигантским остывшим свечам, жемчужные сосульки, стекающие с потолка и стен — сталагмиты. Эти места не могли сильно измениться, —

подумал Ленгли. За пять тысяч лет редкие капли и пары могли добавить кусочек там, кусочек здесь, но Земля была старой и неторопливой. Он почувствовал, что эти места — настоящая могила времени.

Человек, который нес нейротракер, приблизился к нему.

— Никаких проблесков, — сказал он. Бессознательно он понизил голос, как будто тишина давила его. — Как долго нам еще идти? Даже если он здесь, нам его не найти — путь очень длинный и множество ответвлений.

Ленгли продолжал идти. Ему больше ничего не оставалось делать. Он подумал, что Сарис вряд ли будет прятаться под землей глубже, чем это необходимо. Холатане не страдали клаустрофобией, но они были существами открытых равнин и неба, и не стали бы забираться так глубоко в подземелье. Сарис просто нуждался в безопасном месте, имеющем пару запасных выходов. Подошла бы и маленькая пещера с двумя-тремя запасными туннелями, ведущими на поверхность. Но таким могло быть любое из сотен здешних мест, а карты пещер не существовало.

Логично было бы предположить следующее: у Сариса не могло быть плана пещеры. Он должен был проникнуть через главный вход, так же как и все обычные посетители, потому что ему не известны другие ходы. Затем он должен был отыскать помещение, в котором можно жить и есть проточная вода. Ленгли повернулся к человеку, который нес навигационное оборудование.

— Здесь поблизости есть какой-нибудь ручей или река?

— Да, вода вон в том направлении. Попробуем там?

— Да.

Ленгли свернул в ближайший туннель. Стенки быстро сужались, скоро ему пришлось ползти.

— Это может быть здесь, — сказал он. Его слова отдались эхом. — Сарис мог сюда легко проникнуть, когда он только захочет, он может двигаться на четырех конечностях, а человеку пробраться сюда трудно.

— Подождите немного, капитан, возьмите нейротракер, — сказал кто-то позади него. — Я думаю, он вам поможет! Правда, все эти люди создают сильную интерференцию.

Ленгли, с трудом изогнувшись, протаскивал к себе протолкнутый ящик. Настраивая его, он внимательно вглядывался в светящийся зеленый индикатор. Это устройство фиксировало сверхкоротковолновые импульсы нервной системы, возникающие при разряде синапсов, и, — да, индикатор задрожал, фиксируя что-то присутствие впереди.

В возбуждении он пополз дальше, проклиная стенки, раздражающие ему бока. Его наплечный фонарь был единственным светлым пятном в навалившейся на него темноте. Хриплое дыхание с трудом вырывалось из горла.

Внезапно он достиг конца и сразу же остановился. Туннель

выходил из стены то ли в нескольких футах, то ли в нескольких ярдах над полом.

— Сарис! — кричал он.

Отозвалось эхо, значит, это каверна, причем порядочных размеров. Откуда-то доносился звон текущей воды.

— Сарис Хронна! Где ты?!

Затухающее эхо металось меж стен.

Бластерный разряд оглушил Ленгли. Он был ослеплен: чернота перед глазами, и в ней танцующие крошки света. Кожа лица горела, обожженная лучевым теплом. Он выключил свет и рванулся вперед, надеясь, что до земли недалеко. Он зацепился за что-то ногами, зубы лязгнули, и он почувствовал под собой невидимый пол.

Другой разряд влетел в устье туннеля. Ленгли ощутил жар в крови, судорога свела икры ног. Холатанин знал, где выход и, изменив угол стрельбы, мог рикошетом разряда поразить людей, стоявших около него.

— Сарис! Это я — Эдвард Ленгли. Я твой друг!

Эхо смеялось над ним, танцуя вокруг в непроглядной тьме. Друг, друг друг... Подземный поток говорил холодным злым голосом. Если это изгой, сведенный с ума страхом одиночества, или если это Сарис, безжалостно решивший уничтожить каждого, кто проникнет сюда, то Ленгли обречен. Раскаленный меч энергетического разряда или внезапно сомкнувшиеся на его шею челюсти — это будет последним, что он почувствует. Но надо попытаться. Ленгли пытался найти прикрытие за каким-нибудь валуном.

— Сарис! Я пришел вывести тебя отсюда! Я пришел отправить тебя домой!

Ответ прогремел из темноты, это не позволяло определить, с какого направления.

— Это ты! Что ты хочешь?

— Я хочу договориться... Ты сможешь вернуться на Холат.

Ленгли объяснялся с Сарис по-английски. Это был их единственный общий язык. Холатанский выговор был настолько не похож на земной, что он смог выучить всего несколько фраз.

— Мы твои друзья. Здесь только друзья.

— Так... — Сарис не смог понять по тону его настроения. Ленгли казалось, что он слышит в темноте шорох приближающегося тела с мощными лапами на мягких подушках. — Я не могу быть уверенным. Пожалуйста, опиши мне ситуацию честно.

Ленгли рассказал в нескольких словах. Камень, вдавившийся ему в живот был мокрым и холодным. Он чихал, сопел и вспоминал старое определение приключения — это нечто, очень увлекательное в тысячах миль от тебя.

— Это единственный шанс для нас всех, — закончил он. — Если ты не веришь, то можешь остаться здесь до тех пор, пока не умрешь или сам не вылезешь отсюда.

Молчание. Затем:

— Я тебе веррю. Я знаю тебя. Но тте... другие... так ли они думают, как ты?

— И... Что? Ох... Ты думаешь. Сообщество играет со мной, как с молокососом, так? Да, это может быть. Но я так не думаю.

— Я не хочу быть анатомированным, — сказал его собеседник.

— Этого не будет. Они хотят просто изучить тебя, посмотреть, как ты делаешь то, что делаешь. Ты расскажешь мне, что ты думаешь, когда у тебя это получается, и мы выясним, как все работает.

— Да. Из строения моего мозга узнать ничего не удастся. Я думаю такая машина, какую ты и твои друзья хотят, может быть просто построена. — Сарис замолчал, потом продолжил: — Очень хорошо. Я получил шанс. То, что случилось — не главное. Пусть будет так. Ты можешь все вернуть.

Когда свет забрезжил перед ним, он выпрямился, высокий и гордый, полный достоинства своей расы, среди ящиков с припасами, которые позволили ему выжить. Он схватил руку Ленгли обеими руками и прижался к его щеке.

— Я рад видеть тебя снова, — сказал он. — Извини... что так получилось.

— Я не знал, — сказал Ленгли.

— Не надо. Вселенная полна сюрпризов. Это все не имеет значения, если я смогу вернуться домой.

Космонавты натолкнулись на них почти случайно, они были привычны к нечеловеческому разуму.

После оказания Ленгли первой помощи они образовали эскорт и вернулись. Валти поднял корабль, как только все они оказались на борту, а потом приступил к беседе.

— Каковы ваши требования, Сарис Хронна? — спросил он, используя американца в качестве переводчика.

— Так. Два витамина, которые отсутствуют в земной биохимии. — Сарис нарисовал их формулы на листке бумаги. — Это их структурные формулы в обозначениях Ленгли.

Космонавт перевел их на современные термины, и Валти кивнул.

— Их можно легко синтезировать. У нас на базе есть молекулярный синтезатор. Нам придется побывать там, чтобы приготовиться к отправке. У меня на секретной орбите есть сверхсветовой крейсер. Вас отправят туда и доставят на основную базу в системе Сигмы-61. Это вне сферы влияния Сол и Центавра. Затем ваши способности будут изучены как следует, сэр, и вы получите там свое вознаграждение, капитан Ленгли.

Сарис высказался откровенно. Он предложил собственный вариант сделки. Он согласен сотрудничать, если может вернуться на Холат с экипажем технических специалистов и достаточным количеством оборудования. Его мир лежал очень далеко от прямой опасности, которая могла бы исходить от звезд этого региона, но некоторые отдельные группы завоевателей могли оказаться там, а

Холат совершенно беззащитен против бомбардировки из космоса. Такую ситуацию необходимо изменить. Вооруженные роботы-спутники не смогут остановить полностью оснащенный флот вторжения, — это может сделать только другой подобный флот, — но они заранее обнаружили бы мелкие группы мародеров, которые хотели бы терроризировать Холат.

Валти содрогнулся.

— Капитан, да он представляет себе, сколько это может стоить? Сколько может стоить один такой спутник?

— Не бойся, — засмеялся Ленгли.

— Ах... Такие вопросы, как будто он хочет раздеть нас до нитки при таком сотрудничестве.

— Он может контролировать ваше стремление к уничтожению, и вы ничего не сделаете без него. Как теоретическую, так и практическую сторону он возьмет на себя. Когда он увидит, что проект близится к завершению, то ваши корабли должны быть подготовлены для его отлета. Он также хочет, чтобы на его корабле была установлена контролируемая им бомба, а также помещены заложники — женщины и дети, — которые будут оставаться там, пока он полностью не завершит работу. При первых признаках измены он сразу же все взверт.

— Бог мой! — Валти скорбно обхватил голову. — Какой подозрительный ум! Что теперь я должен думать о своем честном лице? Ладно, ладно, пусть будет так. Но я содрогаюсь при мысли о счетах, которые придут за все это.

— Человечество, как вы понимаете, должно возместить ему долг за две тысячи лет. Хватит об этом. Куда мы направляемся в первую очередь?

— Мы скроемся в маленьком убежище в Гималаях: никакого великолепия, наши вкусы очень скромны, зато полная безопасность. Я должен отправить доклад моему руководству на Земле, представить на их утверждение дальнейшие планы и подготовить документы для отдела Сигма. Это займет немало времени.

В корабль Ленгли вошел с тяжелым чувством, у него была глубокая рана на ноге, но в эти дни лечение было простым: полоской клейкой ленты стянули края пореза, а биостимулятор подстегнул регенерацию. Даже последствия глубокого хирургического вмешательства ликвидировались в несколько часов.

Он обратился к Валти, когда они сели обедать. Космический корабль скользил по вытянутой эллиптической орбите, чтобы при возвращении уменьшить вероятность обнаружения с Земли.

— Я не заметил особых изменений на море, — признался он. — Экспромтом видно, что само человечество не улучшилось, но заметны огромные достижения в медицине, очевидно, еще более удивительные изменения произошли в технике и сельском хозяйстве. Может быть, я слишком нетерпелив, может быть, в ближайшие

несколько тысяч лет человек, наконец, займется собой и станет отличаться как от нас, так и от животных.

Валти отпил добрый глоток пива.

— Я не могу разделить ваш оптимизм, мой друг, — ответил он. — Я родился более шестисот лет назад и прыгал через пространство и время. Я видел много историй, и мне кажется, что цивилизация — любая цивилизация, на любой планете — есть субъект законов морали. Как бы умны мы ни были, нам никогда не удастся получить массу-энергию из Ничего, никогда не удастся заставить тепловой поток самостоятельно течь от холодного тела к более тепловому. Это ограничение, накладываемое законами природы. Как здания, так и корабли приходится делать все больше и больше, так что в них самих уже приходится прокладывать транспортные магистрали до тех пор, пока не достигнем предела. Мы никогда не сможем сделать человека бессмертным, даже если позволит биохимия, потому что ему понадобится бесконечно много ячеек памяти, чтобы запомнить свое существование. Зачем тогда бессмертная цивилизация, занимающая всю Вселенную?

— И так будет всегда: взлет, вырождение, упадок — всегда война и страдания?

— Или это, или то к чему стремится Технон — смерть, маскирующаяся механическим подобием жизни. Я думаю, ты смотришь на это под неверным углом. Разве это изменения — это топтание на месте. Существует союз в космосе, более важный, чем любой другой мир, любая другая раса. Я думаю, жизнь во Вселенной существует именно потому, что Вселенная нуждается в ней, испытывает потребность именно в тех свойствах, которыми больно живое создание. Нет... мне недоступен замысел Отца. Ни в чем нет сомнения, кроме органической жизни. И хотя безжизненная Вселенная содержит в себе жизнь и все ее разнообразие — это потому, что необходим шаг в эволюции гигантского облака газа к идеальному вакууму, — Валти высморкался и захихикал. — Извини меня. Все это — старческое бормотание. Но если бы вы путешествовали через световые годы всю жизнь, то поняли бы, что есть еще нечто, не вполне объяснимое физической теорией. Я думаю, Сообщество исчезнет последним, потому что оно всегда было отлучено от пространства и времени, но вряд ли оно переживет все остальное, ведь и оно не вечно.

Он встал. — Простите. Мы вскоре должны приземлиться.

Ленгли нашел Марин в центральном салоне. Он подошел, сел рядом с ней и взял ее за руку.

— Задержка будет недолгой, — сказал он, — мне кажется, что это лучшее — отправить Сариса подальше от того места, где его способности могут быть использованы только для уничтожения. Это лучше и для Сол. А сейчас мы должны выбрать свою дорогу.

— Да, — она не смотрела на него. Она побледнела, на лице было странное выражение.

— Что случилось? — спросил он встревоженно. — Тебе плохо?

— Я... Я не знаю, Эдви. Мне все кажется таким странным, как будто это сон. — Ее затуманенный взор был направлен вверх Ленгли. — Что это? Я сплю где-то и...

— Нет. Что с тобой происходит. Ты можешь описать?

Она погладила его по голове.

— Как будто что-то есть в моей голове. Будто бы кто-то сидит там и ждет. Это произошло внезапно. Напряжение, я чувствую его.

Ленгли нахмурился. Беспокойство охватило его. Если она больна...

Только почему она так важна для него? Почему он так сразу прикипел к ней? Наверно, это очень просто. Даже независимо от ее внешности, она была веселой, интеллигентной, остроумной; он вполне мог представить себе весь остаток своей жизни рядом с ней.

Пегги, Джим, Боб — нет, только не она! Только не вновь! Легкая дурнота. Двигатель стих. Сарис Хронна окликнул его из-за двери. — Мы приземлились, — объявил он, — выходим.

Корабль уютно улегся в ярко освещенной пещере. Позади него виднелись громадные ворота, которые выходили на склон горы. Это была высокогорная пустынная страна, вечные снега венчали горы, глетчеры стекали в ущелья — холодно, ветрено, пусто — место, где человек мог скрываться годами.

Есть ли у вас здесь какая-нибудь защита? — спросил Ленгли, когда они вместе с Валти вышли из корабля.

— Нет. Зачем она нам? Чтобы здесь быть обнаруженными, достаточно иметь хоть немного металла, поэтому здесь все сделано из пластика или из камня. Я больше надеюсь на свои мозги, чем на оружие. За последние пять тысячелетий это убежище еще никто не обнаружил.

Они прошли в зал с несколькими распахнутыми дверями. Ленгли увидел помещение, которое, очевидно, было радиорубкой, используемой в крайних ситуациях. Люди Валти направились в свои жилые помещения: они вообще мало разговаривали. Люди Сообщества, казалось, неспособны к праздной болтовне, но при этом они выглядели вполне довольными. Почему бы и нет? Ведь они в безопасности. Схватка окончена.

Марин покачнулась и ее глаза расширились. — В чем дело? — спросил Ленгли. Его голос прозвучал хрипло и растерянно.

— Я... я не знаю. — Она пыталась удержаться на ногах. — Я чувствую себя так странно. — Ее глаза затуманились, и он заметил, что она двигается, как лунатик.

— Валти! Что с ней происходит?

— Боюсь, я не знаю, капитан. Возможно, это только реакция. Такое бывает в трудные времена с людьми, которые не привыкли к конфликтам и неприятностям. Отправь ее в постель, и я пришлю к ней корабельного врача, чтобы тот взглянул на нее.

Офицер-врач был поставлен в тупик.

— Психология — не мое дело, — заявил он. — Персонал Сообщества редко испытывает трудности такого рода, поэтому среди нас мало хороших психиатров. Я дал ей успокоительное. — Он виновато улыбнулся. — Так много наук, этих проклятых наук. Одна голова все их не вмещает. Я могу вправить кости или подобрать лекарства против инфекционной болезни, но когда в мозгах беспорядок, то все, что я могу, — это пробормотать несколько наполовину забытых медицинских терминов.

Надежды Ленгли рассыпались в прах.

— Пойдемте, капитан, — сказал Валти, взяв его за руку, — попробуем состряпать витаминные пилюли для Сариса Хронна, после этого вы сможете немного поспать. В двадцать четыре часа мы уберемся из Солнечной системы. Думайте об этом.

Они работали в лаборатории, когда туда сунулся Сарис.

— Она ходит, — сказал он, — она ходит туда и сюда и выглядит очень странно.

Ленгли выскочил в коридор. Марин стояла полусогнувшись и глядя на него как-то снизу прояснившимися глазами.

— Где я? — быстро спросила она.

— Возвращайся назад, — сказал он. — И ложись в постель.

— Я чувствую себя лучше, — сказала она ему. — У меня в голове было какое-то давление, потом все потемнело перед глазами, и вот я почему-то здесь, но я чувствую себя прежней.

Нетронутый стакан наркотика стоял на столике рядом с ее постелью.

— Выпей это, — сказал Ленгли. Она повиновалась, улыбнулась ему и уснула. Он подавил желание поцеловать ее.

Вернувшись, он застал Сариса, прячущего флягу с приготовленной для него смесью в мешочек, висящий у него на шее. Валти отправился возиться со своими бумагами, они оказались одни среди машин.

— Я почувствовал, что ее сознание прояснилось, как будто я... услышал это, — сказал Сарис. — Часто у представителей вашей расы бывают такие расстройства?

— И сейчас, и всегда, — сказал Ленгли, — шарики зашли за винтики. Я боюсь, мы спроектированы менее удачно, чем твой народ.

— Вы могли бы быть такими же. Мы убиваем неполноценных в молодости.

— Такое у нас бывало и раньше, и теперь, но редко и недолго. Нечто в нашей природе запрещает нам делать это.

— И это при том, что из-за собственных амбиций вы можете уничтожить мир. Я никогда не пойму вас.

— Сомневаюсь, что мы сами когда-нибудь поймем себя.

Ленгли потер шею, раздумывая.

— Может быть, потому, что мы не телепаты, и каждая инди-

видуальность развивается отдельно и независимо от других своим собственным путем? Твой народ обладает эмоциональной эмпатией; тримане, я слышал, могут прямо читать мысли. В таких случаях индивидуальность находится под контролем всей расы и развивается в общем русле. Но в человечестве каждый из нас всегда один, мы можем всегда выработать независимый образ жизни.

— Это может быть. Я был поражен вашей неодинаковостью. Иногда я думаю, что ваш народ — отчаянье и надежда Вселенной.

Ленгли зевнул. Боль и усталость означали, что действие стимулятора кончается.

— Черт с ним. У меня теперь прорва времени.

Час спустя он был разбужен звуком взрыва. Когда он встал, то услышал хлопок бластерного разряда.

ГЛАВА 14

Другой взрыв заставил содрогнуться стены и тело Ленгли. Кто-то пронзительно кричал, кто-то ругался, слышался топот ног людей, бегущих по коридорам. Как только он вошел в свою одежду и прицепил энергопистолет, его скрутил сильнейший приступ тошноты.

Как они ошиблись! Сброшенные было фигуры расставлены вновь, и игра продолжается. Он выпрямился напротив архаической двери с ручным приводом, которой была оснащена комната Марин, и с тревогой открыл ее. Потянуло зловонием горелой плоти. Два тела в серых мундирах скорчились в проходе, но борьба была уже окончена. Ленгли вышел наружу. Впереди него, там, где размещался центральный зал, слышался какой-то шум. Он побежал туда с безрассудной идеей напасть на тех, кто вторгся на базу. Хотя резкий холодный сквозняк выносил дым прочь, он на бегу задышался. Независимая отрешенная часть его сознания заметила, что, очевидно, входные ворота взорваны, и внутрь врывается ледяной горный воздух.

Теперь к выходу! Он ворвался в зал, нажимая на спуск бластера. У бластера не было отдачи, но шипящий луч оказался шире, чем он хотел. Он не знал, как обращаться с современным оружием, как перехитрить современный ум, как вообще что-то делать. Понимание техники пришло только тогда, когда кто-то ловко повернулся на пятке и резко взмахнул свободной ногой. Бластер Ленгли выскользнул и полетел на пол, и он застыл перед дюжиной ожидающих головорезов.

Экипаж Валти столпился вокруг Сариса Хронна. Их руки были бессильно подняты вверх, их обезоружили при штурме, и они были вынуждены сдаться. Холатанин пригнулся к полу, опираясь на четыре конечности, его глаза полыхали огнем.

Браннох ду Кромбар разразился гомерическим хохотом.

— Так вот вы где! — проговорил он. — Привет, капитан Ленг-

ли! — Он возвышался, плотно окруженный полусотней своих людей. Пугающее лицо его было освещено радостной улыбкой. — Отличная шутка вышла!

— Сарис! — выдохнул американец.

— Позвольте, — Браннох протолкнулся к нему. — Позвольте мне сделать некоторые разъяснения. У нас есть чисто механическое оружие, сделанное несколько дней назад для половины моей группы: ударные капсюли с гремучей ртутью, инициирующие взрывчатое вещество, которое бабахает так, что глохнешь, но в ближнем бою мы смогли удачно им воспользоваться, а вот он был бессилен нейтрализовать его.

— Я понял, — Ленгли почувствовал, как внутри оборвались, рухнули все его надежды. — Но как ты нашел нас?

Вошла Марин. Она остановилась у входа, глядя на всех, ее лицо застыло маской, стало лицом рабыни.

Браннох наставил на нее палец.

— Девчонка, конечно, — сказал он. — Она позвала нас.

Ее неестественное спокойствие исчезло.

— Нет! — закричала она. — Я никогда...

— Не переживай, моя дорогая, — пророкотал Браннох, — когда ты была на последнем этапе хирургии, в тебя была вживлена постгипнотическая команда, кондиционированная машиной. Это очень мощный приказ, не выполнить его невозможно. Если Сарис будет найден, то ты должна была известить нас об этом при первой возможности. И, как мы видим, так оно и вышло.

Она слушала его с молчаливым ужасом. Ленгли ощущал, как бьется ее сердце.

Громыхающий голос центаврианина продолжал:

— Вы должны знать это, капитан. Я уволок ваших друзей. Они ничего не могли мне сказать и против моей воли... увы... они э-э, умерли. Я сожалею.

Ленгли отвернулся от него. Марин заплакала.

Валти откашлялся.

— Прекрасный маневр, мой лорд. Замечательно выполнено. Но есть несколько жертв среди моих людей. Я боюсь, Сообщество не сможет закрыть на это глаза. Здесь, очевидно, потребуется компенсация.

— Включая Сариса Хронну, конечно? — Браннох говорил без тени юмора.

— Конечно. И репарации согласно положению в гильдии. Кроме того, Сообщество может применить санкции к вашей системе.

— Прекращение торговли? — фыркнул Браннох. — Мы обойдемся без ваших товаров. И только попытайтесь использовать военную силу!

— Ах, нет, мой лорд, — сказал Валти очень мирно. — Мы — гуманные люди. Но мы играем важную роль в экономической жизни многих планет, где имеем представительства. Капиталовложения,

наши собственные местные компании — и если необходимо, мы можем хорошенько потряхнуть вашу экономику. Она не такая неподатливая, как экономика Сол, как вы знаете. Я сомневаюсь, что ваши люди безмятежно отнесутся к э... э... катастрофической инфляции, когда мы выбросим на рынок несколько тонн празеодима, это ваш валютный стандарт, и в последующей за этим депрессии и безработице ваши ведущие компании разорятся.

— Я знаю, — сказал Браннох, не двигаясь. — Я не собираюсь использовать насилия больше, чем необходимо, но вы заставляете меня сделать это. Если весь ваш персонал исчезнет здесь без всякого следа... Я как раз думаю над этим. Я смахну с доски все ваши фигуры.

— Я уже отправил доклад моему руководству, мой лорд, и я как раз ждал их окончательного приказа. Они знают, где я.

— Но они не знают, кто устроил все это. И это можно будет свалить на Чантхаваар. Да. Прекрасная идея.

Браннох опять повернулся к Ленгли. Он сжал плечо космонавта, стремясь привлечь его внимание.

— Скажи-ка мне, эта твоя зверюга говорит на каком-нибудь современном языке?

— Нет, — сказал Ленгли. — И если ты думаешь, что я буду переводчиком, то зря. Поищи для этого кого-нибудь другого.

Тяжелое лицо нахмурилось.

— Я не хочу, чтобы меня рассматривали, как исчадь ада. У меня свой долг. Я не питаю к тебе ненависти, хотя ты и действовал против меня. Если ты будешь сотрудничать, мои предложения вновь останутся в силе. Если же нет, то я накажу тебя, и ты ничего не получишь. Мы научим языку Сариса и как-нибудь сделаем эту работу. Ты сможешь только немного ее замедлить, — он замолчал. — Подумай, я предупреждаю тебя по-хорошему. Если ты еще раз попытаешься саботировать наш договор другим способом, наказание будет суровым.

— Тогда давай, — сказал Ленгли. Он несколько не испугался. — Что ты хочешь у него узнать?

— Мы хотим взять его на Тор, где он будет участвовать в создании нейтрализатора. Если он по какой-то причине откажется участвовать в этом, то будет убит, а корабль-робот отправится для бомбардировки его планеты. Для этого потребуются тысячи лет, но все же она будет уничтожена. Если же он согласится помочь нам, то его вернут домой, — Браннох пожал плечами, — хотя какая ему разница, к дьяволу, на какую партию работать. Это же не его соотечественники!

Ленгли перевел все это на английский, почти слово в слово. Сарис молчал около минуты, затем сказал:

— Это беда для тебя, мой друг.

— Да-а, — сказал Ленгли. — Считаю, что так. Так что ты собираешься делать?

Холатанин выглядел задумчивым.

— Это трудно сказать. У меня сейчас почти что нет выбора. Хотя из того, что я знаю сегодня, Сол ничуть не лучше Центавра.

— Браннох указал суть, — сказал Ленгли. — Мы только другая раса. Поэтому соглашение с Сообществом для тебя несколько предпочтительнее, тем более они не угрожают твоему народу.

— Но это все равно. Несправедливость. Существует, например, вероятность, что кто-то когда-то найдет способ путешествовать быстрее света. Тогда такая раса займет несправедливое положение во всеобщей торговле и другие ущемленные планеты смогут объединиться для противодействия ей.

— Ладно... так, что мы будем делать сейчас, исключая самоубийственные попытки демонстрировать свой героизм?

— Нет. Я не вижу выхода. Это не значит, что его не существует. Лучше не следовать запаху на лежке, а поискать запах другого следа.

Ленгли безразлично кивнул. Его давно уже тошнило от этой грязной торговли, чтобы заботиться еще о чем-то. Пусть победит Центавр. Они были не хуже, чем кто-то еще.

— Хорошо, Браннох, — сказал он, — мы присоединяемся.

— Прекрасно! — Гигант как бы весь затрясся в безудержном восторге.

— Вы понимаете, конечно, — сказал Валти, — что это означает войну?

— Еще что? — спросил Браннох, по-настоящему удивленный.

— Война, которая как с нейтрализатором, так и без него может сокрушить цивилизацию обеих систем. Как вам понравится увидеть проционитов, заселяющих радиоактивные равнины Тора?

— Вся жизнь — игра, — сказал Браннох. — Если вы не подкладываете свинец в ваши кости и не метите карты — а я то знаю, что вы это делаете! — вы увидите это! Хватит равновесия сил! Сейчас мы получим нейтрализатор, это позволит нам достигнуть самых вершин, если мы используем его правильно. Это не абсолютное оружие, но это его прообраз, — он закинул назад голову и разразился беззвучным смехом.

Отсмеявшись, он сказал:

— Отлично. У меня есть небольшая берлога в моих владениях в Африке. Мы займемся там кое-какой подготовкой, и, среди всего прочего, изготовим искусственный муляж тела Сариса — это для ищеек Чантхаваара. Я, к сожалению, не смогу сразу же покинуть Землю, иначе он заподозрит неладное. Достаточно во всем этом деле подсунуть им хотя бы отпечаток моего следа, чтобы меня объявили персоной нон грата, лишенной благосклонности.

Ленгли почувствовал себя вытолкнутым наружу, на склон горы, где снег скрипел под ногами, а ясное черное небо было усеяно звездами. Пар от дыхания белым облачком выходил изо рта, воздух

был резким, холодным, тело непроизвольно задрожало. Марин прильнула к нему, как бы ища тепло, и он отстранился от нее.

Оружие.

Нет... нет, неужели это нечестно по отношению к ней. Она была под действием гипноза, когда предала его, и собственной воли у нее было куда меньше, чем если кто-то заставил ее поступать так, держа пистолет за спиной. Но все равно, он не мог смотреть на нее без ощущения нечистоты.

Корабль только что опустился на Землю. Ленгли поднялся по аппарели, прошел внутрь салона, нашел себе кресло и постарался не думать.

Марин страдальчески взглянула на него и отошла к другим. Пара вооруженных охранников, белокурые, с надменными лицами, очевидно, ториане, застыли у входа.

Сариса отправили в какое-то другое место. Он не был совершенно беспомощным, но единственным возможным действием, доступным ему, было — разбить корабль — и Браннох, кажется, это понимал.

Горы провалились вниз. Мелькнул слой облаков, пронизанных солнечными лучами, и они оказались за пределами атмосферы, огибая планету и направляясь к центру Африки.

Ленгли размышлял, чем ему придется заниматься оставшуюся жизнь. Вполне возможно, Браннох отправит его в какой-нибудь землеподобный мир, как обещал, но это, очевидно, будет далеко как от его цивилизации, так и от Солярной культуры — мир, носящий еще следы первоначального освоения. Трудно себе его представить. Ладно...

Он не станет свидетелем войны, но всю жизнь его будут преследовать видения вспоротого неба и миллиардов горящих, летящих, выпотрошенных, вдавленных в землю человеческих существ. А что он еще может сделать? Он попытался и ошибся... Неужели это все?

Нет, — сказал он себе.

Но я не спрашиваю тебя о трудностях.

Никто не спрашивает человека перед рождением, но он должен сам прожить свою жизнь.

Я пытался, говорю я тебе!

Был ли ты тверд в своем упорстве? Обдумай это!

Что я могу сделать?

Ты не должен сдаваться.

Время шло; с каждой минутой ближе к смерти, печально размышлял он. Африка сейчас была на дневной стороне, но корабль Бранноха не шел на посадку. Ленгли подозревал, что ему мешает кое-что: то ли отсутствие разрешающего сигнала, то ли воздушный патруль. У него был обзорный экран, и он заметил широкую реку — очевидно, Конго. Аккуратные плантации выстроились ровными квадратами так далеко, насколько он мог это видеть. По территории континента были раскиданы средних размеров города. Корабль из-

бегал их, летя низко над землей до тех пор, пока не достиг небольшой группы полусферических зданий.

— Ах, — сказал Валти, — административный центр плантации — весьма гениально. Я не сомневаюсь. Но под землей — мда...

Участок пыльной земли сдвинулся, открывая металлическую окантовку шахты, и корабль опустился в ангар. Ленгли проследовал за остальными и оказался в простой комнате. И в конце прохода — большое помещение, а в нем — обслуживающее оборудование и бак.

Ленгли осмотрел бак с неподдельным любопытством. Это была большая штука — стальной полуцилиндр футов около двадцати в диаметре и пятидесяти длиной, смонтированный на антигравитационной платформе. Кроме бака на ней были установлены громоздкие баллоны с газом, компрессоры, двигатели, путаница труб и манометры, рассчитанные на давление, которое, как он перевел, было около тысячи атмосфер. Потрясающая штука, которая... — результат силовых полей или успех современной металлургии? Все приспособления были громоздкими, машины работали под нагрузкой, из бака раздавались какие-то звуки, как будто там находилось нечто живое.

Браннох вышел перед своим экипажем и весело помахал рукой. Его триумф придал ему почти мальчишескую непосредственность.

— Тримки, он здесь! — сказал он, — мы их всех переловили!

ГЛАВА 15

Скучный микрофонный голос холодно произнес: — Да... Теперь ты уверен, что не было ловушек в том месте, где ты высаживался, что к тебе не приставили трассер, что каждый из них тоже полностью проверен?

— Конечно, — веселость Бранноха мгновенно испарилась, он резко помрачнел. — Если только вы не «засветили» свой бак.

— Мы — нет. Но после прибытия мы провели инспекцию. Небрежность управляющего плантациями, которого вы назначили, весьма прискорбна. На прошлой неделе он приобрел пару новых работников для фермы и не предупредил их относительно того, что они не должны интересоваться нашей деятельностью.

— Что там — плантационные рабы! Они никогда не видели ничего особенного.

— Вероятность разглашения мала, но существует, поэтому необходим постоянный контроль. Ошибки должны быть исключены, а вы обязаны приказать подвергнуть управляющего пятиминутному нейрошоку.

— Послушай, — Браннох от изумления открыл рот. — Майра служит мне уже пять лет и делает это старательно. Достаточно просто внушения. Я не хочу...

— Ты должен.

Некоторое время Браннох стоял молча, вся его мощная фигура выражала протест, неповиновение. Затем будто бы нечто извне вошло в него, он пожал плечами, горько улыбнулся.

— Ладно. Только так, как вы говорите. Сейчас не время с этим возиться, достаточно других дел.

Ленгли почувствовал сильное умственное возбуждение, вяло ползущие мысли рванулись галопом, хотя ощущение поражения и эмоционального истощения еще владело им.

Валти предупреждал об этом. Ребятки, сидящие в этом мусорном баке, никакие не помощники. Они хозяева! У них есть какие-то свои соображения, и они их сейчас продемонстрировали.

Но что им из всего этого? Что они суетятся? Как они могут подтолкнуть войну? Ториане могут захватить Землю, но это не лучшее место для водородных братьев!

— Подойди сюда, чужак, — сказал механический голос. — Дай нам лучше рассмотреть тебя.

Сарис приблизился, сопровождаемый дулами ружей. Его гибкая коричневая фигура почти прильнула к полу и была совершенно неподвижна, кроме самого кончика хвоста, который судорожно подергивался. С холодным безразличием он глядел на бак.

— Да, — сказали тримане после долгого молчания. — Да, что-то в нем есть. Мы никогда не встречали таких отличий в сотнях других жизненных форм. Он может быть опасен.

— Он будет полезен, — сказал Браннох.

— Только если его эффект может быть повторен в каком-то механическом устройстве, мой лорд, — вмешался Валти с самым елейным видом. — А вы-то уверены в этой возможности? Может быть, только живая нервная система может генерировать подобные поля... или управлять ими? Вы знаете, контроль — наиболее сложная проблема; это может потребовать отлично работающего мозга, который, как известно, наука не в состоянии создать искусственно.

— Это материал для изучения, — пробормотал Браннох. — Это для ученых.

— А если ваши ученые не справятся с проблемой? Что тогда случится с вами? Тогда вы влезете в войну, не имея того, на что рассчитывали. Военные силы Сол больше и лучше организованы, чем ваши, мой лорд. Они могут похитить вашу победу.

Ленгли заметил, как с лица Бранноха исчезла решимость действовать, когда перед ним появилась проблема, над которой он раньше не задумывался. Он долго стоял, глядя под ноги, сплетая и расплетая пальцы рук.

— Я не знаю, — наконец, быстро произнес он. — Сам я не ученый. Как, Тримка? Что ты об этом думаешь?

— Возможность того, что эта задача не будет решена, тоже рассмотрена нами, — ответил бак. — Это вполне определимая вероятность.

— Черт подери! Ладно... Может быть, тогда лучше всего уничтожить его? Наверное, мы слишком заигрались, ведь я не могу долго дурачить Чантхаваара. Или, может быть, лучше на время заставить наши отношения, хотя бы на несколько лет..?

— Нет, — ответили монстры, — все факторы уже учтены. Оптимальная дата начала войны уже близка, даже несмотря на отсутствие нейтрализатора.

— Вы в этом уверены?

— Не задавайте бессмысленных вопросов. Вы потеряете недели, пытаясь понять детали нашего анализа. Выполняйте запланированное.

— Ладно... Хорошо! — получив указания, Браннох принялся действовать, как будто старался отогнать сомнения, которые одолевали его раньше. Он быстро раздал приказы своим подчиненным, и пленные были отправлены в отведенные для них камеры. Ленгли только успел взглянуть вслед уходящей Марин, затем он и Сарис были отправлены в одну маленькую комнату. Убогая обшарпанная дверь с лязгом захлопнулась за ними. Два торианина с оружием застыли снаружи.

Помещение было тесным, лишенным каких бы то ни было удобств и без окон. В углу торчали раковина и унитаз, у стены стояли табуретки и больше ничего. Ленгли сел и устало улыбнулся Сарису, свернувшемуся у его ног.

— Это напоминает мне мое время, в таких каталажах копы держали преступников при пересылке из одной тюрьмы в другую. Здесь их навещали юристы, тут же им выписывалось постановление об аресте.

Холатанин лежал молча, не задавая вопросов, было странно видеть, как он весь расслабился. Помолчав, Ленгли добавил:

— Интересно, почему они затолкнули нас вдвоем в эту камеру?

— Потому что мы будем разговаривать, — ответил Сарис.

— Да-а... ты ощущаешь какие-нибудь записывающие устройства, микрофоны в стенах? Хотя... мы говорим по-английски.

— Сомневаюсь, что у них есть... что они имеют опыт в переводах с древних языков. Наши дискуссии записываются, и, может быть, будут переведены завтра.

— М-да. Только ничего, достойного их внимания, мы сказать не сможем. Хотя мне хотелось бы поразмышлять о происхождении, внешности и морали центавриан.

— Конечно, здесь многое достойно обсуждения, и ты не беспокойся, когда мы будем затрагивать щекотливые вопросы, я буду останавливать запись.

Ленгли отрывисто, резко засмеялся.

— Это здорово! Эти пташки там, снаружи, не разберутся в английском.

— Я хочу привести свои мысли в порядок, — сказал холата-

нин. — А ты тем временем проверишь, совпадают ли наши мнения. Мне кажется, наиболее важно получить мотивы триман.

— Ах, так? Я думал, тебе интереснее узнать, что они собираются делать с тобой. Они там говорили, что тебя надо убить, но так, чтобы ты об этом не знал заранее.

— Это не так жизненно важно, как ты думаешь, — Сарис прикрыл глаза.

Ленгли с недоумением посмотрел на него: «Я никогда не пойму его.»

Мелькнул проблеск надежды, смутной, неясной, усилием воли он подавил его и подошел к двери.

Один из охранников нервно дернулся и направил на него свое оружие. На первый же взгляд было видно, что оно нестандартное: возможно, гладкоствольное, спроектированное и изготовленное для данного случая, но не очень опасное.

— Э-э, парень, я ведь так просто, — сказал Ленгли. — Я не кусаюсь... иногда.

— У нас строгий приказ, — сказал торианин. Он был молодой, немного испуганный, и страх усиливал его грубый акцент. — Если что-нибудь не так, и нам покажется, что в этих неполадках виноваты вы, то все равно вы будете расстреляны. Запомните это.

— Вы не дадите нам никаких шансов? Ладно, делайте как хотите, — Ленгли оперся о косяк. Сейчас ему нетрудно было расслабиться и выглядеть дружелюбным, все равно делать больше нечего. — Я вот что только хотел узнать: что вы, ребята, с этого имете?

— Что ты имеешь в виду?

— Ладно, я так понимаю, что вы тут служите в дипломатической миссии или связаны с перевозкой грузов. Когда вы оказались на Земле?

— Три года назад, — сказал второй охранник. — А срок полной межпланетной службы — четыре года.

— Но надо еще добавить время на перелет, — заметил Ленгли. — Вот и получается около тринадцати лет. Ваши родители состарились, а может быть, и умерли, ваши подружки уже давно повыходили замуж. В мои времена это был очень долгий срок.

— Заткнись! — ответ был решительный и мгновенный.

— Я не призываю вас бунтовать, — сказал Ленгли примирительно. — Только спрашиваю. А вознаграждение за это довольно кругленькое, не так ли, — для компенсации.

— Получаем бонус межпланетной службы, — сказал первый охранник.

— И много?

— Да-а.

— Я вот как думаю. Дело, наверное, не в этом. Парни отправились на два десятка лет куда-то служить, старики, у которых закладная на ферму, ее просрочивают, а парни возвращаются назад без денег и без барахла, и вынуждены всю жизнь еще на кого-нибудь

вкаливать, ну, хотя бы на какого-нибудь банкира, у которого хватило ума остаться дома. Так богатые становятся еще богаче, а бедные — еще беднее. Так бывало и на Земле семь тысяч лет назад. В одном месте, которое называлось Рим.

Тяжелые и грубые лица — лица мало размышляющих крестьян — не показали, что попытка сравнения удалась, но при этом охранники промолчали.

— Извините, — сказал Ленгли. — Вам, наверное, это неинтересно. Я только полюбопытствовал, как видите. Я хотел немного узнать о вас. Я понимаю, что вас интересует хороший кусок земли здесь, в Солнечной системе. Но при чем здесь те, с Трима?

— Трим — часть Лиги, — сказал один из охранников. Ленгли заметил оттенок недовольства в его голосе. — Они просто идут с нами... они — наши союзники.

— Но они имеют право голоса, или не имеют? Они могут возражать против этого похода? Или они собираются колонизировать Юпитер?

— Нет, они не могут, — сказал охранник. — Есть отличия в атмосфере, не хватает аммиака, так я думаю. Они не могут использовать планеты этой системы.

— Тогда какой им интерес завоевывать Сол? Почему они прячутся за вами? Сол им никогда не сможет повредить, а Тор воевал с ними не так давно.

— Они были разбиты, — сказал охранник.

— Какого дьявола они были разбиты? Ты можешь победить объединенную планету, большую, чем все другие, вместе взятые? Война была проиграна, и ты знаешь это. Если бы Земля и Тор объединились, держу пари, то могли бы победить их и загнать туда, откуда они вылезли. В одиночку Тор способен только на соглашение с Тримом и получит от него одни объедки. Тримане добились своего, в системе Проксимы нет планет, колонизированных людьми.

— А я еще удивлялся, как Трим сумел повернуть это дело.

— Я не хочу больше об этом говорить, — сердито сказал другой охранник, — ступай назад.

Ленгли застыл на мгновение, оценивая ситуацию. Здесь, кроме этих двоих, других солдат больше не было. Дверь закрывалась на электронный замок. Сарис ее откроет без особого напряжения воли. Но эти два парня были запуганы почти до истерического состояния, при первых признаках чего-то непонятного они набросятся на своих пленников. Это был не выход.

Он повернулся к Сарису.

— Ну как, разобрался со своими мыслями?

— До некоторой степени, — холатанин сонно посмотрел на него. — Ты можешь выслушать те доводы, к которым я пришел?

— Давай.

— Я не могу читать мысли в человеческом мозгу, то есть настоящие мысли, могу лишь чувствовать его эмоциональное состо-

яние. Со временем я научусь делать большее, но мышление для меня недоступно, даже твое. Но у триман было больше времени для изучения твоей расы.

— Так они могут читать наши мысли! Да-а — бьюсь об заклад, Чантхаваар не знает этого! Так эту инспекцию здесь они провели в мозгу управляющего, так я теперь понимаю. Ты тоже так думаешь?

— Да, совершенно верно. Позволь мне продолжать.

Изложение было коротко и точно. Каждая живая нервная система излучает энергию различных видов. Например, электрические импульсы, которые методом энцефалографии научились фиксировать еще задолго до времен Ленгли. Так же излучается небольшое количество тепла и совершенно неуловимое излучение наиболее проникающего гиромангнитного поля. Но существует разнообразие спектров излучений, у каждой расы своей характерный набор. Психологи с Земли не смогли бы обнаружить альфа-ритм мозга разумного существа с Холата, они должны были бы целиком изучить сначала новый «язык».

На большинстве планет, включая Землю, подобная чувствительность к излучениям развита очень слабо или отсутствует вовсе. Эволюция развила в живых существах способность распознавать такие колебания, как свет и звук, весьма эффективно для каких-то целей, но и дала возможность «слышать» нервные импульсы. За исключением нескольких сомнительных случаев — в те времена наличие в человеке ЭСВ (экстрасенсорного восприятия) было объектом жарких дебатов и споров — человечество телепатически было глухим. Но на некоторых планетах, благодаря статистически маловероятной мутации ЭСВ, органы стали развиваться, и большинство животных обладало ими, включая и разумных обитателей, если они были. В случае Холата это развитие оказалось уникальным — животные могли не только улавливать нервные импульсы других животных, но и влиять на работу чужой нервной системы. Это было основой холатанской эмоциональной эмпатии, благодаря этому же Сарис мог влиять на работу электронных устройств. Как следствие некоторых законов информационной компенсации способность восприятия была объединенной на вербальном уровне: холатане использовали звуковую речь только потому, что не могли телепатически ясно выразить отвлеченные мысли.

Телепатия триман была так называемого «нормального» вида — чудовища могли слушать, но не могли влиять посредством специализированных нервных окончаний у оснований щупалец.

Но телепатическое подслушивание не является настоящим чтением мыслей. «Мысли» не существуют как часть реального мира; есть только процесс мышления — поток импульсов через синапсы. Тримане не читали в человеческом сознании как таковом, но считывали субвокальные нервные импульсы. Человек, думающий на «сознательном» уровне, «говорит про себя» — моторные импульсы

идут из мозга в гортань, то есть он как будто бы говорит вслух, не издавая звука. Это и есть те импульсы, которые тримане чувствовали и интерпретировали.

Для того чтобы считывать таким образом «мысли» других, они должны были знать их язык. И Сарис, и Ленгли, естественно, думали на языке, неизвестном триманам. То, что они считывали, воспринималось как шум.

— Я... понял, — человек кивнул, — это такое чувство... Я читал об одном случае, который произошел за несколько сотен лет до моего времени. Такого телепата демонстрировали Папе — это тогда был такой религиозный деятель. Он был смущен, сказав, что не может понять, и Папа ответил, что он думал на латыни. Да, наверное, это было то же самое, — он криво улыбнулся. — Что же, наша ментальная секретность — хоть какое-то утешение, в конце концов.

— Есть еще кое-что, — подал голос холатанин. — Я должен предостеречь тебя. Вскоре возможно нападение.

— Что?

— Не пугайся, но твоя женщина, Марин ее имя? — сказал Сарис. — Я в ней обнаружил электронное устройство.

— Как? — у Ленгли перехватило дыхание. Это был слишком сильный удар по его нервам.

— Но... это же... невозможно... она...

— В нее вмонтирована хирургически вещь, которую я считаю излучателем со случайно меняющейся частотой. То есть она помечена. Я должен был сказать об этом Валти, но не был как следует знаком с нервной системой человека. Я думал, это норма для ваших женщин, метка для других самцов, что она твоя. Но теперь, больше узнав о вас, я догадался, для чего эта метка.

Ленгли всего трясло. Марин, Марин опять! Но как?

Затем он понял. За то время, когда она была похищена, а потом возвращена. Она была похищена только для этого, а он, Ленгли, не мог понять, для чего. Автоматический коммутатор, подобный тому, что дал ему Валти, вживленный в ее тело хирургически.

И такое устройство должно быть близкодействующим, то есть детекторы для его обнаружения находятся в пределах планеты. Только Чантхаваар мог иметь такую систему детекторов.

Ленгли простонал:

— Скольким людям эта Иуда подложила свинью!

— Мы должны быть готовы, — сказал холатанин спокойно. — Наши охранники попытаются в этом случае убить нас, не так ли? Следовательно, мы можем...

— Или предупредить Бранноха? — Ленгли обдумывал эту мысль целую минуту, но потом отбросил ее. Нет! Даже если центавриане сумеют скрыться, боевой флот Сол будет гнаться за ними по пятам,

и война, бесполезная, бессмысленная война обрушится, подобно лавине.

Пусть тогда победит Чантхаваар. Ничто не изменится. Ленгли усмехнулся про себя. Из-за чего вся драка... Или не вмешиваться?

Нет! Почему-то он чувствовал, что должен выжить. Ему дан голос, однако, очень слабый, в сегодняшней истории, и он должен высказаться так, как сможет.

Прошло около часа, прежде чем Сарис повернул к нему бесстрастную морду.

— Гравитационные колебания. Я думаю, время пришло.

ГЛАВА 16

Завыла сирена. Как только ее звук проник вниз, в зал, охранники вскочили, но тут же застыли на мгновение.

Дверь распахнулась, и Сарис Хронна выскочил наружу. Прыгнув как тигр, он отшвырнул одного из охранников к дальней стене. Другой пытался увернуться, но рухнул в метре от первого. Он еще пытался вскочить на ноги, поднять товарища, но тут же Ленгли вступил в действие.

Космонавт не был боксером или борцом. Лево́й рукой он ухватился за ствол, а правой врезал охраннику в челюсть. Тот закатил глаза, плюнул кровью, но устоял и саданул Ленгли ногой в тяжелом ботинке в лодыжку. Ленгли повалился набок, боль пронзила, как пика. Центаврианин отпрянул, поднимая ружье. Сарис отбросил охранника в угол и оглушил его.

— Как ты? — спросил он, обернувшись. — Больно?

— Еще двигаюсь, — Ленгли ощупал свою голову, проверяя, нет ли повреждений. — Пошли... поднимать всех остальных. Может быть, еще возьмем верх в этой драке.

Выстрелы и взрывы загрели в соседнем помещении. Из бокового прохода вывалился Валти, его массивная рыжая голова была наклонена как у быка.

— Сюда! — заревел он. — За мной! Здесь должен быть выход!

Пленники последовали за ним, выскакивая в коридор через открытую Сарисом дверь. Рампа вела их вверх, на поверхность земли. Сарис пригнулся — там их могли ждать. Но другого выхода не было. Замаскированный люк открылся перед ними, и полуденное солнце осветило их.

Четыре патрульных корабля гудели в небе, как рассерженные пчелы. Около одного из зданий стоял флайер. Сарис бросился к нему гигантскими скачками. Он был уже рядом, когда бело-голубой луч с неба испепелил машину.

Весь сжавшись, глухо рыча, холатанин, казалось, предельно сконцентрировался. Один полицейский аппарат внезапно закрутился

и врезался в другой. Оба они рухнули, охваченные пламенем. Сарис выскочил на край поселка, люди, запыхавшись, бежали за ним. Полоса огня перерезала их путь. Валти что-то кричал, указывая назад, и они увидели затаенных в черное полицейских, выскакивающих из подземной секции.

— Останови их оружие! — кричал Ленгли.

Один из мушкетеров охранников он захватил с собой и теперь приложил к плечу и выстрелил. Звук выстрела, настоящая отдача, взбудрили его. Один из преследователей дернулся и упал.

— Слишком много. — Сарис лежал прямо на земле, тяжело дыша. — Их больше, чем я смогу справиться. Нам не удастся убежать от них.

Ленгли швырнул ружье на землю, проклиная свое невезение.

Полицейские осторожно окружили их.

— Сэр, вы все арестованы, — сказал командир. — Пожалуйста, следуйте за нами.

Марин плакала тихо, судорожно, направляясь за Ленгли.

Чантхаваар находился в конторе плантации. Вдоль стен плотно стояли охранники. Браннох мрачно сидел на стуле.

Солярианин был безупречен, и его бодрость подчеркивала состояние духа.

— Здравствуйте, капитан Ленгли, сказал он. — И, конечно, сэр Голтам Валти. Я, кажется, прибыл в очень подходящее время?

— Ну, давайте, — сказал космонавт, — расстреливайте, или что там у вас?

Чантхаваар удивленно поднял брови.

— Откуда такая тяга к драматизму? — спросил он.

Вошел офицер, поклонился, доложил. Все разбежавшиеся схвачены, весь персонал либо убит, либо под арестом. Наши потери: шестеро убитых, десять раненых. Чантхаваар распорядился, и Сариса отконвоировали в специальную клетку и отправили.

— Очевидно, вы удивлены, капитан, — сказал Чантхаваар, — каким образом я отыскал вас?

— Я знаю, — ответил космонавт.

— Да? Ах... да, конечно. Сарис его обнаружил. Я так подыграл тогда, так как знал, что в ваше время подобных вещей не было. Были и другие трассеры, но получилось, что сработал только один. — Чантхаваар вдруг очень обаятельно улыбнулся. — Никаких претензий, капитан. Вы пытались сделать то, что вам казалось наиболее верным, я понимаю это.

— А как насчет нас? — прогромыхал Браннох.

— Мой лорд, в вашем случае однозначно — депортация.

— Прекрасно. Позвольте нам уйти. У меня здесь корабль.

— Ах, нет, мой лорд. Мы не можем быть так невежливы. Технон подготовится как следует для вашего отбытия. Это займет некоторое время. Ну, скажем, несколько месяцев...

— То есть, когда получите первые результаты по нейтрализатору. Я понял.

— Естественно, что вы и ваши подчиненные будете в это время находиться в квартирах. Я выставлю наряд охранников... чтобы вас... не беспокоили...

— Прекрасно, — Браннох злобно улыбнулся, — я думаю, что это первое, что я сделал бы на вашем месте, а вот я пристрелил бы меня собственноручно.

— Когда-нибудь, мой лорд, ваша смерть может стать необходимостью, — сказал Чантхаваар. — А сейчас, однако, я вам кое-чем обязан. Это дело укрепит мое положение, — вы понимаете, — ведь существуют более высокие должности, чем та, которую я занимаю сейчас, и они будут мне доступны.

Он вновь повернулся к Ленгли.

— Я уже распорядился насчет вас, капитан. Ваши услуги более не потребуются. Мы уже подготовили двух специалистов, которые могут говорить на Старом Американском, и с их помощью, а также посредством гипнотической машины Сарису будут преподнесены основы современного языка в течение нескольких дней. Что касается вас лично, то место в квартире при Университете Лоры уже закреплено за вами. Историки, археологи и планетографы будут счастливы консультироваться у вас. Честь не очень высокая, но вы получите ранг свободнорожденного.

Ленгли не ответил ничего. Итак, он теперь вне игры. Это был конец. Ну-ка, назад, в коробочку, моя пешечка!

Валти прочистил горло.

— Мой лорд, — заявил он напыщенно. — Я должен довести до вашего сведения, что Сообщество...

Чантхаваар пристально взглянул на него, глаза были сужены, но гладкое смуглое лицо совершенно непроницаемо.

— Вы совершили преступные деяния по законам Сол, — сказал он.

— Экстерриториальность...

— Это здесь неприменимо. Вы будете высланы. — Чантхаваар, казалось, весь как-то подобрался. — Однако я освобождаю вас. Собирайте своих людей, забирайте любой флайер с плантации и отправляйтесь в Лору.

— Мой лорд, это потрясающе, — сказал Валти. — Могу ли я спросить почему?

— Никаких «почему»! Отправляйтесь.

— Мой лорд, я — преступник. Я признаюсь в этом. Я хочу быть судимым тройным смешанным трибуналом, как предусмотрено Параграфом 8 Части 4 Лунного Договора.

Глаза Чантхаваара были скучны и холодны.

— Убирайтесь, или я прикажу вышвырнуть вас!

— Я настаиваю на своих правах, моя совесть этого требует. Если вы мне откажете, я обращусь к Технону!

— Прекрасно! — Чантхаваар взорвался. — Я сам получил приказ от Технона отпустить вас. Почему, не знаю! Но это приказ — он поступил, как только я послал доклад о положении и моем намерении атаковать. Вы удовлетворены?

— Да, мой лорд, — сказал Валти очень вежливо. — Спасибо вам за вашу доброту. До свидания, джентльмены, — он неуклюже поклонился и вышел.

Чантхаваар внезапно рассмеялся.

— Старый наглый жук! Я не хотел говорить ему об этом, но ведь он все равно каким-нибудь способом узнал бы. А сейчас пусть попробует догадаться, что все это значит. Приказы Технона весьма загадочны: и этот, и другие — очевидно, следствие тысячелетнего планирования, так мне кажется. — Он встал и потянулся. — Пойдем. Может быть, я успею сегодня еще попасть на вечерний концерт Салмы.

Снаружи яркий солнечный свет ослепил Ленгли. Тропики Земли стали за пять тысяч лет еще жарче. Он увидел толпу вооруженных людей, обступивших военный флайер, и что-то внезапно кольнуло его в сердце.

— Чантхаваар, — спросил он, — могу ли я попрощаться с Сарисом?

— Извини, — министр похлопал его по плечу не без симпатии, — я знаю, он твой друг, но в этом деле и так слишком много риска.

— Ладно... смогу ли я его еще раз увидеть?

— Возможно. Мы не мясники, капитан. Мы ничего ему не сделаем, если он будет с нами сотрудничать. — Чантхаваар взмахом руки подозвал маленькую машину. — Я думаю, это для вас. До свидания, капитан. Я надеюсь увидеть вас еще раз когда-нибудь, если выпадет случай, — он повернулся и размахисто зашагал прочь. Пыль вылетела из-под его каблуков.

Ленгли и Марин сели во флайер. Один молчаливый охранник пошел за ними, он включил автопилот, машина плавно поднялась, и он занял сидение впереди — замкнутый, недоступный, нетерпеливый.

Девушка долгое время молчала.

— Как они нашли нас? — спросила она, наконец.

Космонавт рассказал ей.

Теперь она не заплакала. Это, казалось, ее уже не трогало. Она почти не разговаривала весь час стремительного полета домой.

Лора выросла из-за темнеющего горизонта, похожая на гигантский фонтан из сияющих металлических струй. Флайер начал

кружить около небольшой башни в северной части города и опустился на край крыши. Охранник кивнул.

— Ваши апартаменты — номер триста тридцать шесть справа и внизу через зал, — сообщил он. — Спокойной ночи.

Ленгли опустился вниз. Когда дверь открылась перед ним, он увидел квартиру из четырех маленьких комнат, удобную и скромную. В ней был обслуживающий робот: теперь, в его новом положении живые рабы ему не полагались.

Исключая...

Он повернулся к Марин и застыл, с минуту глядя на нее. Она спокойно смотрела ему в глаза, но в ее глазах была грусть и темнота. Эта поблекшая женщина — не Пегги, — подумал он.

Гнев и горечь жгли ему горло, как желчь. Теперь все. Финита ля комедия. Это конец саги. Он попытался, и все его надежды были разрушены, и виновата только она — та, которая сокрушила его.

— Проходи, — сказал он.

Она подняла руку ко рту, как будто он ударил ее, но ничего не сказала.

— Ты слышишь меня? — Он прошелся по полу. Тот мягко прогибался под ним, похожий на своеобразную резиновую плоть. Ленгли посмотрел в окно.

— Я возвращаю тебе свободу. Ты больше не рабыня! Понимаешь?

Она не отвечала. Пока не отвечала.

— Для этого существуют какие-нибудь формальности? — спросил он.

Она объяснила ему. Голос ее был безжизненным. Он вызвал информационную службу и продиктовал, что он, владелец движимой собственности, рабыни номер такой-то и такой-то, сим удостоверяет свою волю освободить ее. Затем он повернулся, но никак не мог встретиться взглядом с ее зелеными глазами.

— Это не твоя вина, — резко сказал он. Голос его задрожал, ноги ослабели. — Вообще здесь нет ничьей вины, мы все — жалкие, несчастные жертвы обстоятельств, и я сыт этим по горло. Ты же — беспомощное орудие, это очевидно, я тебя не осуждаю. Но я не могу оставаться с тобой больше. Слишком сильно ошибся. Ты должна уйти.

— Прости, — прошептала она.

— И ты меня, — сказал он искренне. — Уходи... не будь здесь... сделай что-нибудь сама...

Подчиняясь какому-то неясному импульсу, он судорожно растегнул карман и выдрал оттуда бумажник.

— Вот, здесь неплохая сумма. Возьми ее — это поможет тебе встать на ноги.

Она посмотрела на него с изумлением, которое медленно исчезало.

— Прощай, — сказала она.

Когда она выходила, ее спина была прямой. И только много позднее он заметил, что его бумажник остался лежать там, где он его положил.

ГЛАВА 17

Завтра, завтра и завтра... Это путь к концу мира. Они были спокойные и вежливые люди, в университете, у них были серьезные, хорошие манеры, но немного чопорные, и они с уважением относились к человеку из прошлого. Ленгли вспомнил свой колледж — некоторое время он был ассистентом на кафедре и неплохо изучил факультетскую жизнь. Здесь же не было ни болтовни, ни интрижек; ни лицемерных чаепитий, то есть всего того, что он помнил; но также не было и духа нетерпеливого поиска и интеллектуального приключения.

Все было известно, все надежно расставлено, требовалось только уточнить некоторые детали. Тогда, в XXI веке, мастера считать запятые у Шекспира были объектами для приложения чувства юмора, теперь аналогичное занятие было делом серьезным и уважаемым.

Библиотека оказалась потрясающей и удивительной: миллиард томов, уложенных в магнитные ячейки памяти, любой из них мгновенно отыскивался и копировался всего лишь несколькими прикосновениями к контрольным пластинам. Роботы могли даже читать для вас, суммировать, обобщать материалы, выдавать при необходимости логическое заключение без какого-либо намека на спекулятивное воображение. Профессора — они имели здесь титул, буквально означающий «сосуд мудрости» — в основном были из Общинников, но далеко не все были аристократы низших рангов. Все они отбирались посредством тестов, не дававших скидки на происхождение. Руководство держало их далеко от политики, кроме того там было несколько студентов, несколько дилетантов и юнцов, претендующих пробраться в «профессора». Сыновья министров готовились частными наставниками в специальных академиях. Университет был бледной копией того, что Ленгли знал в древности, уцелевшим просто потому, что Технон не приказывал разогнать его.

Кроме всего прочего, Ленгли нашел в этих скромных, одетых в коричневую униформу людях вполне подходящую компанию. Он познакомился с одним историком, отличавшимся громадной лысой головой, Янтом Мирдосом, и чувствовал себя с ним вполне на равных. Парень был чудовищно грубый по теперешним временам, и это еще подкреплялось язвительным отношением к истории, как к прошлой, так и к настоящей.

Они могли разговаривать часами, пока аппарат искал какую-нибудь запись, подвергаемую затем обсуждению.

Самыми кошмарными для Ленгли были ночи.

— ...Теперешнее положение было, конечно, неизбежным, — говорил Мирдос. — Если общество не застыло, то оно должно обновляться, как в твои времена, но рано или поздно достигается точка, после которой новации становятся непрактичными, и тогда оно застывает в любом случае. Например, объединение Земли было необходимо для выживания человечества, но в то же время это привело к разрушению культурного разнообразия и взаимодействия, и это, в свою очередь, сказалось на самом прогрессе.

— Мне кажется, мы еще можем способствовать некоторым изменениям. Политическим, в конце концов.

— Какого рода? Ведь тебе ясно, что Технон — наилучшее приспособление для управления и, если мы разрушим его, то мы вновь скатимся к коррупции, некомпетентности, междоусобной борьбе. У нас уже все это было, конечно, но толку с этого мало, поэтому политика определяется машиной, которая не способна на это, а также неподкупна и бессмертна.

— Почему бы не дать Общинникам отдушину? Какого черта они всю жизнь толкуются там, на нижних уровнях?

Брови Мирдоса поползли вверх.

— Мой дорогой романтический друг, а что еще они могут делать? Есть ли у них хоть крохи административных способностей? Значение коэффициента интеллекта у них около 90, у министерского класса — около 150, — он сжал пальцы в кулак. — Для простоты представь, механизировали, автоматизировали все технологические операции на производстве, — это сейчас возможно во всей Солнечной системе практически для всех видов работ, — и все нуждающиеся будут полностью обеспечены. Но тогда, если ты Общинник с К.И. равных девяноста, то, что ты будешь делать сам для себя? Играть в шахматы или писать эпические поэмы?

— Если это так, то и для Министров тогда мало работы. Вот почему среди них так много всякого дерьма и политиканов.

— Тогда признаем: Человек в обозримой Вселенной исчерпал возможности своей культуры. Ведь ты же понимаешь — они не бесконечны. Из куска мрамора можно извлечь массу различных форм. Пусть первые скульпторы создали нечто прекрасное, зато их преемникам пришлось выбирать между безмозглым копированием и ребяческим экспериментированием. Так же были перепробованы все науки, искусства, все разновидности человеческих взаимоотношений, так же как и политика — теперь наша цивилизация окостенела. Но она, наконец, стала стабильной, и это главное. Ведь для простого человека неустойчивость и изменения — это потрясения, война, неопределенность, нищета, смерть.

Ленгли покачал головой.

— Вселенная гораздо больше того, что у нас есть, — сказал бн. — Ведь мы всегда можем найти нечто новое и начать все с нуля.

— Ты думаешь об утерятных колониях? — спросил Мирдос и фыркнул. — Об этом написана дюжина тюков романтической чепухи. Это были люди, не сумевшие устроиться дома, и поэтому попытавшиеся удрать. Я сомневаюсь, что они нашли там нечто лучшее, чем здесь.

— Дело в том, что вы далеко уже ушли от собственного колониального периода, — сказал Ленгли. — В мое время мы были ближе к подобному периоду. Я считаю, что прогресс, новый взгляд на жизнь, новый толчок — все это заслуга этих наших неудачников.

— Что? — Мирдос выпучил глаза, — это на каком основании?

— Да так... На основании истории. Возьмем Исландию. Один мой друг оттуда много рассказывал мне о ней. Первые колонисты были сильными людьми, они были нечто вроде мелких королей, которые оставили Норвегию после ее объединения, потому что они не могли уступить. Они основали то, что было первой после греков республикой, они создали одну из прекраснейших литератур в мире, они сделали блестящую попытку колонизировать Гренландию и Америку.

А теперь возьмем американцев, то есть мой народ. Некоторые из них были религиозными диссидентами и не могли отправлять свои обряды дома. Другие были высланными преступниками. Более поздние эмигранты в основном были разорившимися, объединившимися ремесленниками, с примесью людей, жаждавших свободы и не дождавшихся ее в Европе. И вот эти недовольные и те, которых вы называете Общинниками, заняли половину континента, создали республиканское правительство, и оно затем подтолкнуло развитие индустрии, промышленности и технологии, захватило лидерство в деловом мире... хотя нет, погоди, оно не захватило его, так как не стремилось к этому, его к этому подталкивали обстоятельства, потому что никто еще не знал, что это такое.

Потом были созданы первые межпланетные колонии, которые я видел собственными глазами. Их персонал не был составлен из беглецов, его готовили здесь, на Земле, но там были люди, которые лучше чувствовали себя в новых условиях, и были бы несчастливы, если бы им пришлось вернуться на Землю. Уровень их интеллектуальности был совершенно потрясающий.

— Ты, может быть, и прав, — задумчиво произнес Мирдос. — Возможно, некоторые из утерятных колоний действительно нашли лучший путь. Тем более что, как ты говоришь, корабли вычерпывали из общества самых лучших, оставляя лишь дураков и слабоумных.

— И большинство недовольных всегда были из высших слоев общества, — сказал Ленгли. — Они бы не достигли своего уровня, если бы были удовлетворены тем, что их окружаст, или безразличны к тому, что делают.

— Ладно. Но кто же будет тратить тысячи лет независимого времени, разыскивая их? Ведь это тоже явный эскапизм.

— Я думаю, тот, кто нажил себе горб, сидя над историей, — тоже своего рода эскапист.

— Коммерческое Общество раскинулось на сотни световых лет, но оно не нашло того, о чем ты мечтаешь.

— Конечно, нет. Группы, которые стремились убраться подальше и которые рассматривали оставленную ими цивилизацию, как смердящий труп, должны были забраться еще дальше. Есть же идея, что нечто прячется на расстоянии, где-то там...

— Это незрелая идея!

— Конечно. Но не забывай, что незрелый человек или общество находятся в состоянии роста. Но, говоря об Обществе, я хотел бы узнать о нем больше. У меня есть определенные подозрения...

— О нем нет никакой толковой информации. Оно страшно засекречено. Оно, кажется, действительно возникло здесь, на Земле, тысячу или более лет назад, но его история отсутствует.

— Этого не может быть, — сказал Ленгли. — Неужели Технон не сохраняет весьма важные записи? Ведь ясно, что Общество чрезвычайно значимо — разве может кто-нибудь утверждать обратное?

— Давай, ищи, — сказал Мирдос. — Вся библиотека в твоём распоряжении.

Ленгли очнулся от раздумий и, увидев, что контрольная панель свободна, заказал библиографический список. Он был на удивление мал. Для сравнения он заказал обзорные данные по ТАУ КИТА IV — небольшому безжизненному планетоиду, не имевшему никакой особенной ценности — и насчитал более сотни названий.

Несколько минут он сидел в глубокой задумчивости, размышляя о свойствах застывших культур. Факты прямо-таки кричали — эта информация была ЗАКРЫТОЙ! Но так называемые ученые вокруг него только-то и отметили ценность этих книг и статей, а потом занялись другими делами и забыли обо всем.

Он продолжал упорно копаться, отыскивая и читая все, связанное с этим делом. Экономическая статистика: все случаи, когда Сообщество вмешивалось в местную политику то на одной, то на другой планете, защищая себя; рассуждения о психологии микроколлективов на борту космических кораблей (одна работа давностью 1000, другая — 970 лет); усилия некоего Сардиса Сеньи — представителя группы межзвездных торговцев — прилагался список фамилий — добиться преимущественного права на перевозки, там же был текст договора. Ленгли изучил его: это был простой документ, написанный незамысловатым языком; он давал его владельцу такую власть, которой позавидовал бы любой министр. Через 300 лет Технон вступил с Сообществом в отношения, как с независимым государством; другие планеты поступили так же. С тех пор начал существовать договор.

Ленгли еще долго сидел над грудой внешне мало связанных документов. Четыре дня спустя он решил все подытожить.

Итак: Технон основал Сообщество без каких бы то ни было видимых соображений, хотя теперь было ясно, что основная цель Сообщества ориентирована на постепенное восстановление связей с доступной частью Галактики.

Итак: Сообщество состоит из нескольких миллионов, нет, сотен миллионов членов, включая многие негуманоидные расы. Ни один член не знал более, чем некоторое небольшое количество других членов.

Далее: рядовые и костяк Сообщества, то есть корабельные офицеры, не знают, кто их высшее руководство, и, как это ни странно, относятся к этому совершенно равнодушно, не проявляя ни тени любопытства.

Далее: Технон сам приказал Чантхаваару отпустить Валти без допроса.

Далее: экономические показатели позволяют сделать вывод, что в течение длительного периода времени все больше и больше планет становятся зависимыми от Сообщества в жизненно важных элементах индустрии. Им было проще и дешевле торговать с этими кочевниками, чем пытаться делать все самим. Кроме того, Сообщество было совершенно нейтрально.

Черт подери!

До Ленгли дошло наконец, почему никто не понимает довольно очевидных вещей. Ну, например, Чантхаваар; он, конечно, интеллигент, но он тоже кондиционирован. Его обязанность — собирать и доводить до машины данные, касающиеся тайной полиции, а не глубоко вникать в них. Конечно, ни один Министр не мог иметь подобных сведений, изредка наталкиваясь то на один, то на другой факт, они теряли цельность всей картины. И понятно почему, ведь если кто-то это сможет осознать, то тайна долго не проживет, сведения просочатся, распространятся среди звезд, и Сообщество бесполезно погибнет.

Бесполезно для Технона.

Конечно! Сообщество было основано, как только отпали колонии. Не было никакой надежды присоединить их вновь в каком-либо обозримом будущем. Но сила, которая вездесуща и подчиняется указаниям некоего неизвестного центра, сила, которую все, даже ее собственные функционеры, расценивают как безразличную и неагрессивную — это прекрасное средство для охраны и постепенного захвата контроля над другими планетами.

Что же это за машина — Технон?!

Какой блистательный монумент, какая вершина науки прошлых веков! Ее создатели сработали лучше, чем могли предвидеть: их дитя выросло, стало способным мыслить на тысячелетия вперед, по крайней мере, до тех пор, пока существует цивилизация.

У Ленгли вдруг возникло совершенно иррационально желание увидеть эту сверхъестественную машину. Но это было невозможно.

Было ли это совокупностью металла и энергии или реально мыслящим мозгом? Нет... Валти рассказывал, а материалы из библиотеки подтверждали, что настоящий живой мозг не может быть искусственно построен со всеми его почти бесконечными возможностями. Так что мышление Технона ограничено его собственными функциями, и в этом не было сомнения. Конечно, некоторый эквивалент человеческого воображения необходим, чтобы повелевать целыми планетами и образованиями, подобными Сообществу. Но все же он — робот, сверхкомпьютер, все его выводы, решения основываются на полученных им данных и могут быть так же ошибочны, как и эти данные.

Дитя — гигантское, почти всемогущее, лишенное юмора дитя, присматривающее за крошечной расой, которая взвалила на него ответственность за себя. Мысль эта не принесла удовольствия.

Ленгли выбросил сигарету и откинулся на спинку кресла. Прекрасно. Он сделал открытие, способное потрясти Империю. Это произошло потому, что он происходил из другого времени, с разноразличиями жизненных стереотипов и мышления. У него был ум свободного человека, без каких бы то ни было ментальных способностей. История его мира была суровой, полной бурных событий, его кумиром был «прогресс», поэтому все окружающее было ему видно ярче, точнее, чем людям, чей мир уже более двух тысяч лет находился в застое.

Ну что теперь делать с этими фактами?

У него возникло озорное желание вызвать Валти и Чантхаваара и рассказать им. Пустить их потуги псу под хвост. Но нет, кто он такой, чтобы втыкать палки в колеса миллиардов человеческих жизней. И возможно, он сам станет жертвой этого процесса? Он не судебный исполнитель и не Господь Бог — его желание — вспышка бессильного гнева.

Так что лучше помалкивай, парень, хотя если появятся подзрения о том, до чего я докопался, то это будет еще не конец. Тогда я стану важной фигурой и посмотрю, что из всего этого получится.

Ночь, и он один в своей квартире. Неожиданно он увидел отражение своего лица в зеркале. Оно еще более вытянулось, загар исчез. Седые пряди волос были спутаны. Он почувствовал себя старым и усталым.

Стыд терзал его. Какого черта он подстрелил того парня в африканской заварушке? Это был бессмысленный поступок, так же как было бессмысленным все то, что он пытался сделать в этом, чуждом ему мире. Вычеркнуть из жизни — или заставить страдать другого — без всякой цели. Он просто здесь никому не нужен.

Села она рядом со мной
И коснулась моей руки.
Мне шепнула: «Ты здесь чужой,
В чуждом крае, в земле тоски...»

Она! Что сейчас с Марин? Жива ли она? Или, может быть, отправив ее на нижний уровень, ты лишил ее жизни? Он не думал, что она начнет торговать собой, скорее умрет от голода, но в Старом Городе могло все случиться.

Раскаяние обожгло его. Он не должен был прогонять ее. Он не должен был выдавать свои ошибки за ее, ведь она только хотела разделить ношу. Его нынешнее жалование было небольшим, его едва хватило бы на двоих, но они смогли бы подработать как-нибудь.

Неожиданно он послал вызов в Главное полицейское управление. Вежливый раб сообщил ему, что закон не позволяет следить за передвижением свободных, если те не были замешаны в каких-либо преступлениях. Этим могло за деньги заняться Специальное подразделение — денег надо больше, чем есть у него. Очень сожалею, сэр.

Занять деньги. Украсть. Самому отправиться на нижний уровень, предложить вознаграждение, хоть какое-нибудь, но найти ее! А захочет ли она возвращаться назад?

Ленгли вдруг почувствовал, что его всего трясет.

— Этого не стоит делать, парень, — произнес он вслух в одиночестве, в пустой комнате. — Ты начал суесться. Присядь и немного подумай.

Но все его мысли крутились и суетились, как испуганные мыши. Он — аутсайдер, неудачник, пень в квадрате, живущий на милостыню слабого академического интереса. Он ничего не умеет делать, у него нет никакой подготовки, никакого навыка, и если бы ни этот Университет, сам по себе анахронизм, то он скатился бы на самое дно, в трущобы.

Но какое-то глубокое внутреннее упорство удерживало его от самоубийства. Хотя с другой стороны подкатывалась темная волна безумия. И все это хныканье, самокопание — первый признак внутреннего распада. Сколько он уже здесь, в Университете? — Две недели. И уже начал сдавать!

Он приказал окну открыться. Балкона не было, он высунулся подальше и глубоко вздохнул. Ночной воздух был теплым и влажным. Даже на такой высоте чувствовался запах земли и полей. Звезды висели над головой, дразня своей недоступностью.

Что-то легко скользило в темноте, какая-то чуть поблескивающая тень. Она приблизилась, и Ленгли увидел, что это человек в скафандре, летящий с помощью индивидуального антигравя. Полицейская модель. Кто это мог быть после всего происшедшего?

Фигура в черной броне внезапно приблизилась. Ленгли отскочил

назад, как только она протиснулась через окно. Она опустилась на пол с глухим тяжким ударом, даже пол вздрогнул.

— Какого черта! — Ленгли подошел ближе. Рука, затянутая в черную металлическую броню, потянулась к замку шлема, и забрало откинулось назад. Громадный нос торчал из пучка рыжих волос.

— Валти!

— Он самый, — сказал торговец. — Собственной персоной, не так ли? — После того как окно закрылось, он затемнил его. — Ну, как вы, капитан? Вы выглядите утомленным.

— Я... да так... — Внезапно космонавт почувствовал, как сильно забилося у него сердце, и какое-то напряжение пробежало по нервам. — Что вам угодно?

— Немножко поболтать, капитан, устроить маленькую, сугубо личную дискуссию. К счастью, нам удалось как следует отрегулировать Солярное оборудование в нашем представительстве — люди Чантхаваара, знаете ли, ужасно интересуются всеми нашими передвижениями и так трудно ускользнуть от них. Я надеюсь, мы сможем потолковать спокойно?

— Да-а. Я думаю, да. Но...

— Никаких закусок, спасибо. Я сразу же удалюсь, как только станет возможно. Ужасно, ужасно много дел... — Валти захихикал и потер руки. — Да, да, так в самом деле. Я знал, что Сообщество запустило свои щупальца довольно высоко в местную иерархию, но никогда бы не подумал, что наше влияние так велико.

— По-с-с... — Ленгли замер, перевел дыхание и усилием воли заставил стать себя совершенно спокойным. — Давайте все уточним, вы согласны? Что вы хотите?

— Быть понятым. Капитан, вам здесь нравится? Нет ли у вас мысли попробовать все сначала?

— Что вы предлагаете начать сначала? И зачем?

— Ну... Видите ли, мое руководство решило, что Сариса Хронну и нейроэффект нельзя отдавать без борьбы. У меня есть указания выудить его из заточения. Верьте или не верьте, но мой приказ совпадает с настоящим распоряжением, отданным Техноном. Ясно, что это результат деятельности наших агентов, занимающих высокое положение в правительстве Сол, возможно, даже в корпусе служителей Технона. Очевидно, они ввели фальшивые данные, приведшие к тому, что удаление Сариса из зоны влияния Чантхаваара стало отождествляться с наиболее оптимальным образом действий.

Ленгли подошел к обслуживающему роботу и заказал стакан питья. Только выпив, он почувствовал, что может говорить дальше.

— И вы нуждаетесь во мне? — спросил он.

— Да, капитан. Операция — рискованная на всех этапах ее осуществления. Если Чантхаваар выйдет на нее, то он, естественно, зафиксирует сложившуюся ситуацию, чтобы запросить Технон о дальнейшем. А затем, учитывая новые данные, он потребует рас-

следования, и раскопает истину. Таким образом, мы должны действовать очень быстро. Вы нужны нам как друг, которому Сарис может доверять, и посредник, знающий неизвестный нам язык, хотя он уже может знать наш, а кроме того, он знает нас и уже согласился сотрудничать с нами.

Технон! У Ленгли закружилась голова. Что за новый фантастический вариант сложился у него?

— Я согласен, — сказал он медленно. — И мы сразу же отправимся к Сигме, как изначально задумывалось?

— Нет, — толстощекая физиономия вся как-то подобралась, и в голосе прозвучало удивление. — Я ничего не понимаю. Мы должны вернуть его центаврианам.

ГЛАВА 18

Ленгли ничего не ответил. Казалось, он вообще не умеет говорить.

— Я не понимаю, почему, — сказал Валти. — Я часто думаю, что мы, Сообщество, должно быть, имеем такой же Технон. Некоторые распоряжения мне совершенно непонятны, хотя все потом срабатывает наилучшим образом. Возможна ли война, если обе стороны получают нейтрализатор, и почему варвары Центавра должны иметь преимущества?

— Почему, в самом деле? — прошептал Ленгли. Ночь будто бы сгушалась вокруг него.

— Вот все, что мне приходит в голову — это Сол рассчитывает на долговременную торговлю с нами. Ведь Сол, кроме всего, заставшая культура. Если Сол начнет преобладать, это может повредить нам, поскольку мы не можем быть загнаны в какие-то жесткие рамки. И, возможно, в историческом плане необходимо, чтобы на какое-то время преобладал Центавр.

— Да-а, — протянул Ленгли.

Услышанное потрясло его. Эти факты вдребезги разносили все, что он придумал до того. Следовательно, Технон не был настоящим хозяином этих кочевников. Хотя...

— Я говорю вам это совершенно откровенно, — сказал Валти. — Было бы проще держать вас в неведении, но это рискованно. Если бы вы с Сарисом догадались об этом, то смогли бы причинить нам немало неприятностей. Лучше, чтобы вы приняли решение при полном понимании всех обстоятельств. А чтобы вас обнадежить, капитан, сообщу, что для вас подготовлен полностью снаряженный корабль, на котором вы сможете найти для себя планету, которая бы вас полностью устраивала. Насчет Сариса не беспокойтесь, на Торе ему будет не хуже, чем на Земле. Так что вы заключите выгодную сделку, а ему я гарантирую хорошее обхождение. Но я должен узнать ваше решение сейчас.

Ленгли потряс головой. Слишком много и слишком неожиданно.

— Дайте немного подумать. Что там с бандой Бранноха? Есть ли у вас контакты с ним?

— Нет. Я знаю только, что предполагается вывезти их из посольской башни, где они содержатся под домашним арестом, и подготовить к отправке на Тор. У меня есть бумага от Технона, где он предлагает нам участвовать в этом деле.

— Поддерживают ли они контакты еще с кем-нибудь?

Трудно было разглядеть что-либо через жесткую оболочку космического скафандра, но Валти явно пожал плечами.

— Официально — нет. Совершенно точно, не с Техноном. Но в действительности — конечно, ведь тримане должны иметь коммуникатор со случайно несущей частотой, замаскированный где-то в их баке так, чтобы обычный полицейский досмотр не имел возможности его выявить. С его помощью они поддерживают связь со своими агентами на Земле, но о чем они говорят, мне трудно представить. Чантхаваар все это прекрасно понимает, но мало что может сделать; единственное — разрушить бак, ну, а это уже не по джентльменски. Эти высокопоставленные лорды уважают друг друга и свои права, очевидно, потому что не знают заранее, когда окажутся в подобном положении сами.

— Так, — Ленгли замер, но уверенность, что ему удалось понять ситуацию, окрепла мгновенно, так что ему захотелось крикнуть.

Он не мог ошибиться. Технон действительно руководил Сообществом. Так было, так должно было быть, но существовала одна сложность, и он думал, что понял ее природу.

— Так что, капитан, — сказал Валти, — вы поможете мне?

— Если нет, — медленно произнес космонавт, — то, я думаю, ваше разочарование будет очень сильным.

— Я просто бесконечно сожалел бы, — тихо проговорил Валти с ласковой улыбкой, наводя на него бластер. — Но некоторые секреты чрезвычайно важны. — Его маленькие серые глаза грустно смотрели в сторону. — Но я доверяю вашему слову, если вы согласитесь помочь нам. Кроме того, вы получите очень немного или совсем ничего, если захотите предать нас.

Ленгли решил. Это был прыжок во тьму, но он почувствовал, что его наполняет спокойная уверенность, уверенность, будто бы вызванная чьей-то сильной, указующей рукой, направленной на него. Он снова двигался куда-то, может быть, в пропасть, но, во всяком случае, он выбрался из лабиринта и сам выбирал свой путь, как свободный человек.

— Да, — сказал он. — Я последую за вами. Если...

Валти ждал.

— Те же обстоятельства, что и прежде. Марин должна сопровождать меня. Только сначала я обязан ее найти. Она была освобождена и сейчас где-то на нижних уровнях. Когда она вернется сюда, я буду готов действовать.

— Капитан, на это понадобятся дни...

— Что тут плохого? Дайте мне достаточно денег, и я найду ее сам.

— Операция намечена на завтрашнюю ночь. Может быть, потом?

— Вот что. Дайте соответствующую сумму...

Валти тяжело вздохнул, но что-то выудил из скафандра. Это был очень толстый кошелек, который Ленгли прицепил к своему поясу. Валти также протянул ему маленький бластер, и Ленгли упрятал его в складках своей одежды.

— Отлично, капитан, — сказал торговец.

— Всего хорошего. Я буду ждать вас в «Двойной луне» в 21.00 завтрашней ночью. Если нет...

— Я знаю, — Ленгли приложил палец ко рту. — Я буду там.

Валти поклонился, захлопнул шлем и удалился теми же путями, что и прибыл.

Ленгли захотелось плакать и выть от острого возбуждения, но не было времени. Он выбежал из своих апартаментов и побежал вниз по коридорам... В этот час они были пустынные. Наземные переходы были еще переполнены, но когда он нырнул в гравишахту, то там оказался один.

Шумные, скандальные Общинники не выказывали особого почтения перед его серой университетской униформой, поэтому в густой толпе, заполнившей подземные переходы, и ему доставались тычки и толчки, и брань неслась вслед. Вперед, в этнический город. Тот находился еще ниже основных секторов, но имел собственное управление и хорошо охранялся. Там находилось некоторое количество людей — наемная прислуга, и он надеялся на их помощь. Негуманоиды не интересовались женщинами, они использовали их как прислугу. Это было место, безопасное для девушки, пришедшей с верхних уровней. В конце концов самое логичное было начать поиски именно в этом месте.

Он был неуклюжим любителем, теряющимся, вновь и вновь повторяющим свои ошибки, в мире профессионалов. Сейчас это ощущение прошло. Уверенность в правильности выбранного пути была почти пугающей. В этот раз он был готов растоптать любое препятствие, встречавшееся ему на пути.

Он вошел в таверну. Ее посетители были почти человеческих размеров, двуногие, вытянутые вперед лица напоминали свиньи рыла. Они явно не нуждались в особенной температуре и давлении. Они не обращали на него внимания, когда он проходил через жуткий лабиринт влажных губчатых лежанок, на которых они располагались. Помещение было заполнено тусклым красным светом, трудно было разглядеть какие-либо детали.

Ленгли пробрался в угол, где жили несколько человек в ливреях — слуг. Они уставились на него. Должно быть, впервые профессор пришел сюда.

— Могу я присесть? — спросил он.

- Место занято, — сообщил человек с пухлым лицом.
- Извините. Я хотел предложить одно выгодное дельце, но...
- Раз так, садитесь.

Ленгли не сомневался в том, что значит наступившая тишина. Он прекрасно понимал свое положение.

— Я ищу женщину, — сказал он.

— Четыре двери вниз.

— Нет... Совершенно определенную женщину. Высокая, рыжие волосы, акцент верхних уровней. Я думаю, она появилась здесь около двух недель назад. Кто-нибудь видел ее?

— Нет.

— Я заплачу за информацию. Сотня соляриев.

Их глаза сузились. Ленгли увидел жадность на их лицах, их глаза забегали по его одежде и наткнулись на острые углы оружия, выпирающие из-под материи. Ношение оружия было серьезным проступком, но никто не попытался вызвать полицию.

— Ну ладно, ежели вы не можете мне помочь, то я пойду поищу ее где-нибудь в другом месте.

— Не надо... Подождите минутку, сэр. Может быть, мы сможем ее найти, — человек с пухлыми губами на таком же лице глянул на своих приятелей. — Кто-нибудь знает ее? Нет? Хотя об этом уже спрашивали.

— Ясно, — Ленгли вытянул десять десятисолярных бумажек. — Это для того, чтобы заплатить тем, у кого будете спрашивать. Вознаграждение еще сверх этого. Но будет очень плохо, если она здесь не найдется... Мда... в течение трех часов.

Вся компания мгновенно испарилась. Он сел поудобнее, заказал себе выпивку и попытался обуздать свое нетерпение.

Время тянулось медленно. Какая громадная часть жизни тратится на ожидание!

Подошла девица с предложением. Ленгли погнал ее прочь, не глядя. Он потягивал пиво; сейчас, как никогда прежде, голова была ясной.

Через два часа восемнадцать минут вбежал запыхавшийся щупленький человечек и, споткнувшись, упал грудью на столешницу.

— Я нашел ее! — выдохнул он.

Сердце Ленгли подпрыгнуло. Он выпрямился, с грохотом опрокинув табуретку.

— Ты видел ее?

— Нет. Но то, как вы описали ее, полностью соответствует новой прислуге, которую нанял Слаймер — это торговец со Сриниса. Я его знаю; только она появилась у него одиннадцать дней назад. Мне сказал об этом его повар и еще кое-кто из знакомых.

Космонавт кивнул. Его расчет оказался верным. Слуги всегда знают больше полицейских, даже тех, которые здесь ошиваются. Люди мало изменились.

— Веди, — сказал он и направился к двери.

— А как же мое вознаграждение?

— Получишь, когда я ее увижу. Держи себя в руках.

Пять тысяч лет назад библиофильский зуд заставил его прочитать одну старую, трехсотлетней давности, книгу «Частная Школа Соглядатаев», претендовавшую на уникальность среди порнолитературы. Ленгли в данном случае воспользовался ее советами. Сейчас, вспоминая главного героя этой книги, поступавшего именно так, он усмехнулся. В зыбком аморфном мире нижних уровней может быть все что угодно.

Они прошли по широкой улице, полной чужаков. Человек остановился перед дверью.

— Вот это то место, хотя я не знаю, как мы туда попадем.

Ленгли нажал клавишу телеконтроля. Дверь сразу же открылась, обнаруживая дворецкого, человека весьма мощных пропорций. Американец был готов проложить себе путь силой, если потребуется. Но это был не раб — чужаки не имели права владеть людьми. Раз он уже заплатил, возможно, придется повторить.

— Извините, — сказал Ленгли. — У вас здесь новая прислуга. Высокая, рыжеволосая?

— Сэр, мой хозяин не любит, когда вмешиваются в его дела. Ленгли похрустел крупной купюрой.

— Как жаль. Может, вы мне все-таки поможете? Мне только поговорить с ней.

Он прошел, оставив своего информатора снаружи. Воздух в доме был насыщен острым, жгучим ароматом, свет желто-зеленого спектра раздражал глаза. Этот пришелец, очевидно, держал прислугу для престижа, но платил, вроде бы, неплохо. Мысль, что он отправил Марин в это болото, причиняла Ленгли боль, как ноющий зуб.

Она оказалась в комнате, полной испарений. Капли влаги усеивали ее волосы. Ничуть не удивленные глаза смотрели на него серьезно.

— Я пришел, — прошептал он.

— Я знала, что так будет.

— Могу я просить у тебя прощения?

— Не надо, Эдви. Забудь об этом.

Они вышли на улицу. Ленгли расплатился со своим информатором и взял адрес отеля. Он направился туда, держа ее за руку и ничего не говоря до тех пор, пока они не оказались одни.

Тогда он поцеловал ее, побаиваясь, что она отвернется от него. Но она ответила с неожиданной страстью.

— Я люблю тебя, — сказал он. Это было новое, удивительное знание.

Она улыбнулась.

— Это взаимно.

Позднее он рассказал ей, что произошло. Было так приятно чувствовать свет ее глаз.

— И сможем уйти отсюда? — спросила она мягко. — Неужели мы сможем начать все снова? Если бы ты знал, как я мечтала об этом каждый раз...

— Не так быстро, — жесткая интонация снова зазвучала в его голосе, и он нервно скрестил пальцы. — Это страшно сложная ситуация. Но, кажется, я знаю, что за всем этим скрывается. И думаю, что ты поможешь мне заполнить пробел.

Я пришел к выводу, что Технон основал Сообщество и использует его как шпиона и агента для экономического проникновения. Однако Технон в чем-то просчитался и попал в ловушку. Сам он не может отправиться и проверить состояние дел. Информацию он получает от своих агентов. Некоторые из этих агентов имеют официальный статус, частично они входят в Солярное правительство, некоторые — полуофициально, члены Сообщества, некоторые — совершенно неофициально, шпионы на других планетах.

Но есть еще некто, кто может играть в эту игру, и ты его знаешь. Это другая раса, которая благодаря своим парапсихическим возможностям во многом похожа на Технон — холодное, безличное массовое сознание, строящее свои планы на столетия вперед, способное ждать очень долго, пока прорастет даже очень маленькое семя. Эта раса живет на Тримере. Их ментальные эксперименты привели вот к чему: индивидуальность не существует, потому что каждая особь сенсорно — лишь часть глобального разума. Ты можешь для примера оценить их деятельность в Лиге, где они заняли ключевые позиции и так ловко все провернули, что ториане до сих пор не могут понять это.

— И ты думаешь, что они просочились в Сообщество? — спросила она.

— Я в этом уверен. Нет другого ответа. Сообщество не должно было возвращать Сариса Бранноху, если оно действительно нейтрально. Валти пытается как-то это объяснить, но я знаю больше, чем он думает. Я знаю, что Технон считает Сообщество своим, и что он никогда не допустит преимущества центавриан.

— Но ведь это так, ты же сам сказал, — запротестовала она.

— Э-хе-хе. Вот в этом-то все и дело, как я понимаю. Сообщество включает множество рас. Одна из этих рас — тримане. Возможно, официально они вообще не с Трима. Освоили какую-нибудь похожую планету и выдают себя за ее коренное население, может быть, даже частично изменили свою внешность хирургическим путем. Так они смогли обыкновенным образом стать членами кочевой бюрократии, а там, используя свои возможности, выяснили, что Сообщество — порождение Технона.

Вот удача для них! Они не только смогли захватить Сообщество, так же как контроль над другими человеческими группами, но и проникнуть в сам Технон. Они могут подделывать доклады от

Сообщества — не все, но те, которые им необходимы. Эта возможность, очевидно, должна использоваться в специальных случаях, потому что машина наверняка имеет специальный блок для сопоставления данных и сможет выявить часто повторяющиеся подделки. Браннох и Валти действовали, мешая друг другу потому, что не было времени консультироваться с Техноном, в противном случае тот распорядился бы передать все дела Валти или, в конце концов, скооперировался бы с Чантхавааром. Когда его информировали, то он приказал отпустить Валти.

Но затем подключились тримане. Даже будучи под арестом, они смогли связаться со своими внешними агентами, включая высокопоставленных триман в Сообществе. Не знаю точно, какую историю они скормили Технону. Ну, для примера, такую: торговый корабль только что вернулся с новостями — открытую заново планету населяют туземцы, имеющие способности, сходные с народом Сариса. Их изучили, и был сделан вывод, что невозможно создать искусственное устройство, повторяющее эффект нейтрализации. Для убедительности тримане могли наполнить такой доклад солидно выглядящими данными и соответствующими материалами с какой-нибудь теорией, будь уверена.

Все прекрасно. Такой доклад от надежного и любимого Сообщества несомненно удовлетворит Технон. И он примет совершенно естественное решение передать Сариса центаврианам, пусть они тратят время, изучая его. Чтобы все выглядело естественно, Чантхаваар блокируется, а вся операция поручается Валти.

Вот так... И в конечном счете центавриане получают нейтрализатор! И первым известием для Технона, что эта штука сработала, будет то, что все корабли в Солнечной системе выйдут из строя.

Марин долго молчала. Потом она кивнула.

— Все звучит логично, — сказала она. — Я вспомнила сейчас ... когда я была у Бранноха, то он разговаривал с баком и, посетовав на трудности с Валти, спросил, нельзя ли убрать его, и бак запретил ему это делать. Расскажешь все Чантхаваару?

— Нет, — сказал Ленгли.

— Так ты хочешь, чтобы центавриане победили?

— Конечно, нет. Я не хочу войны вовсе. Я рассказываю заранее, чтобы все было ясно, как все произошло в первый раз. Теперь же, когда расстановка сил ясна, возникает вопрос, что делать, чтобы предотвратить схватку?

То обстоятельство, что сам Браннох в неведении, что он ничего не знает о реальной деятельности Сообщества, свидетельствует о том, что интересы Трима не связаны с Лигой. Лига — только инструмент для гораздо большего и смертельного конца.

Он поднял голову.

— Вот так, дорогая. Мои попытки участвовать в игре кончились жалким провалом. Но я хочу рискнуть еще раз нашими жизнями из-за того, что я считаю: будущее — за человеческой расой. Это

звучит очень напыщенно, не правда ли? Один маленький человек воображает, будто может изменить ход человеческой истории. И судьба наша будет очень сложной, если все это — иллюзия.

Но я уверен, что в этот раз не будет ошибки. Что я действительно могу что-то сделать для всех. Как ты думаешь, я прав? Должен ли я попытаться?

Она подошла и прижалась к нему щекой.

— Да, — прошептала она. — Да, мой дорогой.

ГЛАВА 19

Ленгли не стал контрабандой протаскивать Марин в свои апартаменты. Это, конечно же, не вызвало бы особых толков, но все же он был бы дискредитирован. И тогда, себе на удивление, он прекрасно высался, впервые за несколько недель.

На следующий день он заказал микрокопии всех собранных им о Сообществе материалов, велел подготовить обобщенный обзор по ним и записать все на кассету, за что заплатил из кошелька Валти. Неприятно было осознавать, что все его надежды зависят от этой кассеты.

Характер Валти был понятен: он всю жизнь занимался торговлей и вполне мог принять новые факты, но мог ли он их понять?

Мирдос ждал его для следующей беседы. Историк пришел раньше, так как не знал точное время следующей встречи. Его цинизм несколько поубавился.

— Спасибо за все. Прояснилась эра технологической вспышки и начала космических путешествий — наиболее сложный период с момента изобретения сельского хозяйства. И вы жили в ту эпоху! Знаете, вы уже сокрушили дюжину хорошо разработанных теорий. Мы даже не представляли, что в ту эпоху были столь глубокие культурные различия между нациями. Это прекрасно объясняет множество особенностей более поздних исторических периодов.

— Так вы хотите написать книгу? — спросил Ленгли. Он твердо решил соблюдать приличия, ведь лучше провести ожидания в беседе, чем мучительно рассказывать в табачном дыму взад и вперед по предоставленной ему квартире.

— Да... да, — Мирдос робко взглянул на него. — И вот... вот что еще. Когда я начинал, мне казалось, я добьюсь хотя бы небольшой известности и благодаря этому немного продвинусь. Сейчас мне это уже не нужно. Осталась только моя работа, да вот еще изучение всех этих материалов. Ты... то, что ты мне рассказал, — это для меня как открытие. Я никогда не подозревал, какая настоящая жизнь была прежде.

— М-да.

— Потребуется годы, чтобы построить точную картину. То, что ты мне рассказывал, может быть сопоставлено с данными археологических экспедиций. Так что, зачем торопиться, спешить? Почему бы тебе не прийти к нам сегодня после обеда? Отдохнем. Может быть, немного выпьем и немного музыки.

— Ах, нет, спасибо. Нет. Я буду занят.

— Тогда завтра? Моя жена хотела тебя увидеть. Отец интересовался, но я еще ничего не рассказывал дома.

— Хорошо, — Ленгли чувствовал себя подлецом. Когда их разговор закончился, он удержался от того, чтобы попрощаться.

Солнце ушло за горизонт. Ленгли и Марин ужинали в его квартире и не ощущали вкуса еды. Ее глаза были задумчивы, как будто она видела нечто за пределами этого мира.

— Тебе не жаль оставлять Землю? — спросил он.

Она ласково улыбнулась.

— Немного. Сейчас и тогда. Но не очень, ведь я с тобой.

Он привстал и погладил ее по щеке. Капюшон, надетый на голову, скрывал ее длинные волосы; она выглядела мальчиком, в крайнем случае, очень молодым студентом.

— Пошли, — сказал он.

Они прошли через зал, спустившись на движущуюся дорожку подвесного моста. Толпа вокруг шумела, бурлила — разноцветные одежды — бесконечная погоня за успехом. Светильники сияли расплывчатым радужным пятном.

Ленгли пытался расслабиться, сбросить сковывающее напряжение. Совершенно невозможно было представить всю мощь ополчившихся против них сил. Вдох, глубокий выдох, нежная ткань ночного воздуха, а в небе — звезды и туманности. Завтра в это время он, возможно, будет уже мертв.

Может быть, но не должен. Он надеялся, что сильное внутреннее напряжение не оставляет следов на его лице. Они шли медленно, не торопясь, прогуливаясь. Забыли, что под рукой оружие.

«Двойная Луна» была довольно широко известна как весьма сомнительное место, очень удобно расположенное под крышей нижних уровней, недалеко от гигантской дуги Межпланетного Торгового Центра. Пройдя внутрь, Ленгли увидел интерьер, стилизованный под марсианский пейзаж: темно-фиолетовое небо, углубления, долженствующие означать каналы и участки красной пустыни. Надо всем этим висел жемчужный душистый дымок и тоскливая нота марсианской народной песни. Отдельные кабинеты расположились вдоль одной из стен, замаскированные под входы в пещеры, вырытые в отвесном красновато-коричневом берегу. С противоположной стороны был бар. Постоянный легкий гул голосов, смеха, движения множества тел сопровождал унылую музыку.

20.45. Ленгли протиснулся к бару.

— Два пива, — сказал он.

Робот вытянул руку со стаканами, наполнил их и принял деньги.

Человек с обожженной солнцем кожей и фигурой коренного жителя Марса кивнул:

— Никогда не видел профессора в этих местах, — заметил он.

— Для нас эта ночь не совсем обычна, — сказал Ленгли.

— Для меня тоже. Не дожусь, когда вернусь домой. На этой планете очень тяжело. Да и Марс давно не тот, что раньше. Мы изгадили всю Солнечную систему. Старые дни канули в прошлое. Сейчас мы только послушные дети Технона.

У него за спиной появился человек в черной униформе. Марсианин сразу же заткнулся. Он скорчил невинную физиономию.

— Извините, сэр, — сказал полицейский. Он коснулся плеча Ленгли. — Они ждут вас.

У космонавта потемнело в глазах, но только на мгновение, потому что он вспомнил бородатое лицо под забралом полицейского шлема. Этот человек навел бластер на агентов Бранноха, когда те сцапали Ленгли в нижних уровнях Старого Города. Это все произошло, казалось, очень давно.

— Да, конечно, — сказал Ленгли и последовал за ним. Марин шла следом. Они вошли в отдельный небольшой зал.

Там было полно мундиров. И лишь одно мощное тело было облачено в цветную боевую броню. Голос Валти раздавался из-под забрала.

— Добрый вечер, капитан и леди. Вам все ясно?

— Да. Полностью.

— Хорошо. Со своими я уже все обговорил, — он нажал пальцем небольшое пятнышко на декоративном украшении. Задняя стенка отъехала в сторону и стоявший ближе всех к ней Ленгли повернулся и увидел небольшую комнату, где на столе лежали два мундира офицеров Министерской полиции.

— Натягивайте их на себя, — сказал Валти, — я думаю, вы лучше сыграете аристократов, чем рабов. Но позвольте мне рассказать, пока без Сариса.

— Ладно.

Марин скинула свою робу и натянула на себя тунику без каких бы то ни было признаков смущения. Длинные волосы она спрятала под светлый стальной шлем, туника небрежно свисала с ее плеч, она могла сойти за десятилетнего Министра, который еще не понимает ответственности своего положения и все сводит к шутке.

Валти изложил свой план. Затем они прошли через запасной выход и вышли на улицу. Группа оказалась немногочисленной. Их было очень мало — с такими силами не выступить против всей мощи Сол.

Шли они молча, движущаяся дорожка доставила их к башне в западной части города, где помещался военный исследовательский

центр. Ленгли хотелось взять Марин за руку, но сейчас это было невозможно. Надо было рассчитывать только на свою голову.

Их целью была башня, отвесно возносившаяся над городом как утес. Она стояла поодаль от своих соседей — должно быть, в ее гладких пластиковых стенах скрывали оружие. Группа Валти поднялась по центральной аппарели и подошла к главному входу. Внутри, в холле, их остановили три раба-охранника, выступившие из внутренних ниш. Они синхронно поклонились, и один из них спросил о деле, из-за которого они прибыли.

— Специальное и весьма срочное.

Шлем на голове Валти смягчал его акцент.

— Мы должны вывезти специальный объект для секретного изучения в безопасном месте. Здесь наши документы.

Один из охранников извлек специальное приспособление. Подлинность бумаг определялась микроскопически. Ленгли вспомнил, что документы, выдаваемые Техноном, имели специальный невидимый цифровой код, ежедневно менявшийся случайным образом. Были сделаны снимки сосудов глазного дна нескольких человек и сопоставлены с записями в их бумагах. Затем шеф охраны кивнул:

— Хорошо, сэр. Потребуется ли вам помощь?

— Да, — сказал Валти. — Выставите вокруг нас полицейские кордоны. Никто не должен нас видеть. И не впускайте никого, пока мы не уйдем.

Ленгли подумал об автоматическом оружии, спрятанном в стенах. Но те разъехались перед ними, и он вслед за Валти вошел в низкий коридор. Они проследовали через несколько помещений, находящийся в них персонал не проявил к ним интереса. Затем они были остановлены вторым контрольным пунктом. После него они направились к месту, где содержался Сарис, оно было указано в бумагах.

Холатанин лежал на кушетке за решеткой. Остальная часть помещения была заполнена загадочными лабораторными объектами и оборудованием. Там были образцы как механического, так и энергетического оружия; техники попарно сидели за пультами установок. Они вызвали своего начальника. После некоторой дискуссии группе Валти удалось проникнуть к пленнику.

Ленгли вошел в отгороженную часть камеры. Сарис не подал и вида, что узнал его.

— Привет, — мягко сказал космонавт на английском, — все хорошо?

— Дас-с. Они пока делают электрические и другие измерения, и такую методику трудно выносить.

— Как у тебя дела с современным языком?

— Отлично. Гораздо лучше, чем с английским.

Ленгли почувствовал слабое облегчение. Весь его невозможный план зависел от этого обстоятельства и от потрясающих способностей холатанина к языкам.

— Мы хотим забрать тебя отсюда, — сказал он. — Но для этого нужно кое-что сделать: ты должен с нами сотрудничать и рискнуть своей шеей.

Горькая нота прозвучала в басовитом мурлыканье холатанина:

— Моя жизнь? Это все? Это теперь не так много.

— Марин знает все обстоятельства и все мои планы, сейчас мы их обсудим. Но тут среди нас есть третий, кто в них не посвящен и будет против.

Космонавт изложил все, что знал.

Золотые глаза широко раскрылись, а затем сощурились. Бугры мощных мышц волнами прокатились под кожей. Но Сарис ответил только:

— Хорошо. Мы попытаемся провернуть это. — Но в его голосе прозвучали нотки усталости и недоверия.

Валти нажал кнопку супервизора. Длинный металлический ящик с несколькими отдушинами был водружен на антигравитационную платформу. Сарис вышел из своей клетки и улегся на дно ящика, и крышка закрылась над ним.

— Можем ли мы отправляться, мой лорд? — спросил Валти.

— Да, — сказал американец, — подготовка завершена.

Несколько человек вытолкнули висящий в воздухе ящик в зал. Даже при нейтрализованном весе инерция оставалась значительной, а включение двигателя могло автоматически вызвать тревогу в центре. Когда они выбрались наружу, большой черный флайер уже поджидал их. Контейнер с Сарисом был помещен в заднее отделение, часть людей осталась с ним, другие вместе с Валти прошли в кабину. Затем они стартовали в направлении посольства Центравра.

Откинув назад шлем, чтобы глотнуть свежего воздуха, торговец обнажил потное лицо.

— Это была очень щекотливая минута, — посетовал он. — Если бы мы могли направиться сразу же к моему флиттеру! Этот комендант способен тут же вернуться в лабораторию и сообщить Чантхаваару. Клянусь моим носом, тогда подмазывай тюремные решетки!

Ленгли продумал ситуацию, прежде чем сделать следующий шаг. Обойтись без Бранноха? Нет! Потом уже не будет времени. И Сарис почти беспомощен перед механическими замками. Он закусил губу и стал ждать.

Их машина остановилась перед посольской башней, в верхней трети которой Лиге принадлежали апартаменты и помещения представительства. Валти направил половину группы ко входу и снова подготовил свои бумаги для очередной проверки.

Чантхаваар окружил это место тяжеловооруженной охраной. Но теперь фальшивый приказ Технона требовал вывозки некоторого количества центаврианского персонала — он намекнул начальнику охраны, что они отправляются в последнюю прогулку, и полицейский осклабился.

— Сходи за ящиком, — напомнил Ленгли.

— Что, — спросил Валти, останавливаясь. — Зачем, мой лорд?

— Они могут попытаться сделать что-нибудь безнадежное. Это заранее трудно предусмотреть. Для них Сарис будет хорошим предупреждением. Лучше быть готовым ко всему.

— Но разве... э... приспособление работает нормально?

— Да. Оно в порядке. Я проверил.

Валти вот-вот мог затеять дискуссию, и Ленгли почувствовал, как у него взмокли ладони. Если торговец скажет «нет»?

— Хорошо, мой лорд. Это прекрасная идея.

Ящик медленно вдвинулся в открытый портал. В коридорах никого не было видно, возможно, все спали в своих квартирах. Вход в личные покои Бранноха был перед ними. Дверь открылась, когда они все собрались перед ней, и в проеме появилась громоздкая фигура торианина.

— В чем дело? — холодно спросил он. Его мощное тело напряглось под цветастым халатом, почувствовав последний ответ в дулах их оружия. — Я не вызывал вас.

Валти снял свой шлем.

— Вам для этого не надо было беспокоиться, мой лорд, — сказал он.

— Ах... это вы. И Ленгли тоже. Входите, — гигант провел их в гостиную. — Ну, а теперь, в чем дело?

Валти объяснил. Триумф, сиявший на его лице, ожесточил взгляд Бранноха.

Ленгли остановился рядом с висящим в воздухе металлическим ящиком. Он ничего не мог сказать Бранноху. Сариса он тоже не мог ни о чем предупредить, он только тихо произнес:

— Сейчас...

Холатанин неподвижно лежал во тьме железного ящика, но все его чувства и вся мощь разума были доведены до крайнего предела.

— Ты слышишь это, Тримка? — прогреготал Браннох. — Куда-то отправляться! Я позову людей.

— Нет...

Браннох замолчал на середине фразы.

— В чем дело?

— Ты не должен звать их, — сказал искусственный голос. — Мы это предполагали. Мы знаем, что надо делать. Ты должен идти с ними один. Мы вскоре последуем за тобой на нашей платформе.

— Прямо в космосе...

— Торопись! Мы можем больше, чем ты об этом знаешь. Чантхаваар способен появиться в любой момент, а мы должны еще многое сделать.

Браннох растерялся. Если бы у него было время, он бы догадался, что здесь не обошлось без способностей Сариса Хронна — нежи-

данный легкий акцент в голосе триман. Но он только что проснулся, и он привык повиноваться их приказам.

Валти пришел ему на помощь. Облегчение было написано на его лице.

— Они правы, мой лорд. Это страшно трудно — незаметно вытащить их бак отсюда, да еще потребуется время, чтобы собрать всех ваших людей. Мы должны бежать!

Браннох кивнул, с шумом сунул ноги в туфли и вышел в коридор, окруженный предполагаемой охраной. Ленгли краем глаза увидел Марин, ее лицо побледнело и напряглось. Он надеялся, что барабанный стук его сердца никому не слышен.

Пока все хорошо. Остановка в посольстве была совершенно необходима из-за отношения к Бранноху. Оно состояло из множества оттенков — от крайнего отвращения до желания встречи — именно ему хотел Ленгли рассказать всю правду.

Сарис не только сумел перехватить контроль над акустической системой триман, но и нейтрализовал систему управления платформой, лишив триман возможности следовать за группой Валти.

Он сделал это. Но было ли этого достаточно?

Возможно!

Для триман это должно было показаться странным, если только их проницательный и подозрительный интеллект мог удовлетвориться объяснением, что они стали жертвами какой-то случайности. Можно было предполагать внезапный отказ механизмов управления или проникновение в группу центавриан шпионов и саботажников, бросивших их на произвол людей Чантхаваара и бежавших на спрятанном заранее космическом корабле.

Тримане должны были попытаться бежать. Не было возможности предотвратить это. Они обязательно попытаются использовать шансы, которые у них есть. И Чантхаваар вряд ли будет мирно дремать. Вопрос заключается в том, успеет ли группа Валти оторваться достаточно далеко, прежде чем любая из этих сил начнет действовать.

— Было бы интересно разобраться в этом, — думал Ленгли.

ГЛАВА 20

В его собственном, давно забытом мире, они не смогли бы сделать так много. В те времена хватало людей с независимым мышлением, чтобы просто так повернуть такую шутку, которую он проделал со своим руководством. Но рабы не могли или не умели думать сами. Может быть, это одна из причин, почему свободные, независимые и нетерпеливые способны забывать ошибки, чтобы снова попытаться изменить ход истории.

Их «вагон» мягко скользил над погруженной во тьму планетой. Лора спала скопищем слабых звездочек на горизонте, затем исчезла,

и вокруг была только ночь. Ленгли сомневался, что когда-нибудь еще увидит этот город. Он заполнял жизнь Ленгли последние несколько недель, но сейчас как будто бы его и не было со всеми миллионами населения. Он сумел понять философию Валти, в ней сосредоточивалась вся суть естественного хода событий.

Мускулистое, рельефное лицо Бранноха выглядело как гравюра в тусклом свете ламп приборной панели.

— Вы знаете, почему Сообщество решило помочь нам? — спросил он.

— Нет. Я не знаю, мой лорд, — ответил торговец.

— Может быть, из-за денег, больших денег. Если только вы не задумали какого-нибудь предательства, — на мгновение его зубы сверкнули белым, затем торианин рассмеялся. — Нет, не стоило так суетиться из-за меня, кроме как из-за денег.

— Конечно, мой лорд. Лига будет довольна всеми моими усилиями.

— Ах, да, да, вы обязательно получите свою долю, вам нечего опасаться. Я должен убраться с Земли. Это означает войну, вы знаете. Сейчас нет ничего, что могло бы ее остановить. Но если я знаю этих напыщенных Министров, они бросят весь флот только на защиту своих драгоценных шкур — это позволит нам выиграть время, чтобы создать нейтрализатор. Мы устроим пару серьезных рейдов, чтобы как следует пугнуть их.

Браннох внезапно задумался и потемнел лицом.

— Я удивлен, что тримане решили остаться. Поразительно, какую паутину они растянули. Когда-нибудь, я надеюсь, мне удастся добраться до них... проклятые пауки!

Флайер медленно опустился на небольшую полянку в лесу. Валти выскочил наружу.

— Я спрятал свой флиттер здесь. Пожалуйста, сэр.

Бластерная вспышка вспорола ящик Сариса. Он вскочил оттуда одним громадным прыжком, и вся группа двинулась между деревьев ощупью в лес.

— Они все еще играют с энергетическим оружием, — пробурчал чужак по-английски.

— Все, кроме одного — того высокого парня.

— А ты сможешь управиться с ним?

— Лучше всех, — сказал Ленгли сквозь сжатые челюсти. Флиттер еле проглядывал из углубления в земле, густо заросшего по краям травой и кустами.

— Кто-нибудь из ваших еще остался? — спросил Браннох, когда перед ними вдруг открылся воздушный шлюз.

— Дрыхнут в постелях, мой лорд, — сказал Валти. Его голос прозвучал неестественно громко и жестко в окружающей их полной тишине. Где-то далеко завершал сверчок.

«Возможно, я в последний раз слышу сверчка», — подумал Ленгли.

— Мы должны, конечно, убраться из Солнечной системы, но не вижу причин ликвидировать всю организацию.

— Отправляется двадцать человек...

Эта космическая шлюпка была предназначена для скоростной, а не комфортабельной езды. В единственном длинном помещении размещались скамейки для пассажиров и кресло пилота. Валти забрался в него, нажал большую кнопку на пульте, растопырил пальцы и пустил их в пляс по клавишам управления.

Суденышко вздрогнуло, взревело и рванулось в небо.

Атмосфера оказалась позади. Земля поворачивалась, огромная и прекрасная, среди холодных точек звезд. Ленгли смотрел на нее с чувством безвозвратной потери.

Прощай, Земля. Прощайте холмы и леса, крутые горы, широкие равнины океана, освещенные Луной. Прощай, прощай, прощай, Пегги...

Компьютер быстро помаргивал индикаторами, Валти произвел какие-то манипуляции на пульте, затем крутнулся вместе с креслом.

— Порядок, — сказал он. — Идем на автоматике по траектории максимального ускорения. Мы доберемся до нашего корабля за полчаса. Если хотите, то отдыхайте.

— Проще сказать, чем сделать, — проскрипел Браннох.

Он, казалось, стал еще больше в этой маленькой металлической камере.

Ленгли глянул на Сариса. Холатанин кивнул еще быстрее. Марин видела их молчаливый диалог, и ее голова тоже наклонилась. Время пришло.

Ленгли устроился у стены с приборной панелью. Он извлек бластер.

— Не двигаться! — сказал он.

Кто-то выругался. Оружие выскочило молниеносно, но выстрела не последовало.

— Сарис нейтрализовал все оружие здесь, кроме того, что у меня и Марин, — сказал Ленгли. — Так что вам лучше всего посидеть и послушать. Нет! Не делай этого!!!

Он услышал грохот там, где сидел высокий парень со старинным оружием. Торговец подскочил, тряся обожженной рукой.

— Сожалею, что вынужден был сделать это, — медленно произнес Ленгли. — Я не хочу никому причинять вреда. Но это дело слишком важное. Вы дадите мне возможность объясниться?

— Капитан... — Валти засопел где-то рядом. Марин резко и угрожающе взмахнула бластером перед его носом, Сарис скорчился в конце комнаты, готовый прыгнуть.

Ленгли почувствовал саднящее раздражение из-за того, что вынужден говорить в адвокатском тоне. Способны ли эти люди с оружием понять, кто их неизвестные боссы? Но маленькие глазки Валти были скошены вбок, он цепко выжидал подходящего момента, чтобы повернуть все обратно. Ноги Бранноха находились под скамьей

в полной готовности к прыжку. Люди Валти взбешены тем, что кто-то пытается разрушить то, чего они достигли.

— Я только хотел вам представить некоторые факты, — сказал Ленгли. — Вы все фишки в самой большой и самой опасной игре в истории. Вы думаете, что преследуете свои цели — Валти, Браннох, — но я хочу показать вам противоположное. Попробуйте в течение получаса выслушать меня.

— Валяйте, — сказал Браннох басом.

Американец перевел дыхание и приступил к делу. Ниспровержение Лиги, Технона и Сообщества чужой и враждебной силой, добивающейся их полного уничтожения. Он передал Валти кассету с заранее подготовленными записями, ее ввели в сканнер и стали просматривать с безумной медлительностью. Лениво текли минуты. Земля медленно убывала за окном флиттера. В каюте было жарко и тихо.

Валти поднял глаза.

— Что вы будете делать, если я откажусь сотрудничать? — спросил он.

— Давайте, — сказал Ленгли и повел стволом своего оружия.

Лохматая рыжая голова качнулась, и выражение странного достоинства появилось на потном лице.

— Нет, извините, капитан, но я не с вами. Вы не сможете справиться с современным кораблем, вы не знаете, как это делается. А мой старый скелет так устал от всех приключений, что я не буду для вас стараться.

Браннох не сказал ничего, но его глаза были похожи на кусочки голубого камня.

— Можете ли вы видеть, люди, — закричал Ленгли, — способны ли вы думать?

— Когда сталкиваются две гипотезы, то выбирается наиболее простая, — сказала Марин неожиданно.

Валти сел. Он подпер подбородок рукой, закрыл глаза и внезапно показался очень старым.

— Возможно, вы правы, — сказал Браннох. — Я давно подозревал эти живые олады. Но мы хотели разделаться с ними позже, — после того как Тор станет сильнее.

— Нет, — отрубил Ленгли. — Вы — слепые дураки, если вы не видите этого! Вся эта война спланирована ими. Они хотят выжечь людей как опасные бактерии. Они не могут сделать этого сами, но они могут натравливать вас друг на друга. Тогда они сметут вас!

Зазвенел сигнал. Ленгли повернул голову и услышал пронзительный вскрик Марин. Браннох был уже почти рядом с ним. Ленгли отшвырнул центаврианина назад, но тот лишь деланно ухмыльнулся и позволил Валти подойти к приборам.

Торговец быстро взглянул на них и скучно изрек:

— Кто-то приклепнул нам трассер. Нас преследуют.

— Кто? Скорость? Расстояние? — Браннох прорывал эти вопросы подобно громадному псу.

— Я не знаю. Может быть, ваши дружки с Трима. А может Чантхаваар.

Валти произвел несколько переключений и посмотрел на индикаторы.

— Приличных размеров корабль. Скорость больше нашей, но мы будем у цели на десять минут раньше. Для подготовки генераторов для межзвездного прыжка нужно время, так что нам придется драться с ними во время этой подготовки. Если, конечно, наш славный капитан разрешит нам.

Ленгли всего затрясло.

— Нет, лучше сначала я взорву всех нас.

Валти захихикал.

— Знаете, капитан, я уважаю вас и ваши несколько фантастические гипотезы.

— Вы можете их проверить, — сказал Ленгли.

— Я попробую. Ребята, складывайте сюда все ваше оружие, капитан будет охранять его от всех нас, если он нам не доверяет.

— Подождите минутку, — встал один кочевник.

— Вы можете поступить вопреки приказу вашего руководства?

— Я — да, для блага Сообщества.

— А я — нет.

Ответ Валти прозвучал, как пистолетный выстрел.

— Если вы так хотите, сэр, то я сам лично сломаю вашу спину о свое колено. Я — ваш командир на этом судне. Читал ли я вам параграфы, касающиеся неповиновения командиру?

— Я... да, сэр. Но я буду жаловаться...

— Делайте это установленным образом, — удовлетворенно согласился Валти. — Я приму вашу жалобу в нашем представительстве и зарегистрирую, как полагается.

Бластер подлетел к ногам Ленгли. Сарис прильнул к полу, дрожа от возбуждения.

— Свяжите Бранноха, — сказал американец.

Валти изрек: «Богу мы верим, но он не Бог». Конечно. А потом его освободим. Браннох, мы оставим вас в флиттере и вы сами сможете удрать прочь.

Браннох в бешенстве посмотрел на них, но смирился.

— Вы довольны, капитан? — спросил Валти.

— Возможно. Что теперь вы собираетесь делать?

— Частью проверить ваши утверждения, частью — показать нашу искренность. Я уважаю ваш интеллект.

Ленгли демонстративно сунул бластер в кобуру.

— Прекрасно.

Это была замечательная возможность вернуться к прежнему, но Валти только кивнул и занял свое место у приборов.

— Мы уже почти прибыли, — сказал он. — Сейчас притормозим и уравниваем скорость.

Корабль был грандиозным. Он плыл среди облака холодных звезд — длинный черный цилиндр. Ленгли видел его орудийные башни, чуть освещенные Млечным Путем. Потом был легкий толчок, металлический скрежет, и суденышко вошло в люк воздушного шлюза.

— Боевая тревога! — заорал Валти. — Вы можете идти со мной, капитан, — и направился к выходу.

Ленгли задержался около Бранноха. Гигант взглянул на него и криво ухмыльнулся.

— Отлично сработано, — сказал он.

— Послушайте, — сказал космонавт, — когда освободитесь, выбирайтесь отсюда, но не очень далеко. Слушайте все радиопереговоры. Думаю, они подтвердят вам все, что я рассказал. Затем, если вы захотите, то можно будет устроить встречу с Чантхаваром.

— Я... попробую.

— Бог вам в помощь, если это так. До свидания, Браннох.

Ленгли вышел через люк воздушного шлюза. Он шел последним, и корабельные двери закрывались за ним. Он не знал расположения помещений на крейсере и некоторое время плутал по его закоулкам, но потом вышел в центральный коридор. Вокруг него рокотали машины. Корабль готовился к бою.

Через несколько минут он нашел центральный пост управления. Там сидел Валти с Сарисом и Марин. Сарис разлегся на полу. Очевидно, корабль был полностью автоматизирован, и всеми технологическими операциями руководил компьютер, так что для управления было достаточно одного человека.

Звездный глобус подчеркивал ледяную черноту вокруг. Валти идентифицировал ледяную искру корабля-преследователя и ввел увеличенное отображение на экран монитора. Это была стальная сфера.

— Работа триман, — сказал Валти, — я узнаю ее где угодно. Ну-ка послушаем, что они нам скажут, — он ткнул клавишу радио.

Тримане! Они должны были отправиться в погоню почти сразу же. Для этого им необходимо было раздобыть где-то боевой корабль и двигаться с наибольшей возможной скоростью. И они должны были узнать орбиту корабля Валти до Технона. Ленгли вздрогнул, и Марин прижалась к нему теснее.

— Привет, Тримки, — голос Валти оставался совершенно обычным и спокойным. Глаза и руки его непрерывно двигались, нажимая кнопки, поворачивая переключатели, считывая показания, и на каждое движение корабль отвечал судорогой просыпающихся машин, набравших свою полную мощность.

Вдруг машинный голос сказал:

— За вами следили. Если вы правильно оцениваете ситуацию,

то должны понять, что вам надо сдаться. Солярный патруль поставил вам трассер, и вскоре он будет здесь, но в случае сопротивления вы будете уничтожены еще до его прибытия.

Сол! Ленгли присвистнул. Оказывается, Чантхаваар очень быстро сообразил, чьих рук это дело. Но, конечно, бегство триман должно было его встревожить, если не что-нибудь еще.

— Тут скоро станет очень оживленно, — пробормотал Ленгли.

Валти отключил радио. На небесном глобусе появилась крошечная искорка огня, очевидно, это было пламя выстрела.

— Корабль будет защищаться сам..., — сказал он спокойно. — Наш экипаж для этого слишком мал, но в случае нападения можно будет перейти на ручное управление.

Два корабля маневрировали, пронзая пустоту, кружа, как фехтовальщики. Ядерные заряды сверкали, перехватывая такие же, идущие им навстречу. Яркие энергетические лучи освещали пространство. Все, что воспринимал Ленгли: вой генераторов, безумное кружение искр в глобусе и суетливая беготня огоньков на пульте корабельного компьютера.

Сарис остервенело рявкнул:

— Я хочу быть там! Я хочу сам вонзить в них зубы!

Ленгли привлек Марин к себе.

— Мы можем испариться прежде, чем вырвемся на свободу, — сказал он. — Я чувствую себя совершенно беспомощным.

— Ты просто замечательный, Эдви, — сказала она.

— Ладно... Я попробую. Я люблю тебя, Марин.

Она выглядела совершенно счастливой.

— Этого достаточно.

Стены дрогнули, и воздух наполнился гулом. В интеркоме прозвучал голос:

— Близкий разрыв около семерки, сэр. Внешние плиты повреждены, лучевой удар. Утечки воздуха нет.

— Продолжайте, — сказал Валти.

Даже ядерный взрыв не может причинить больших повреждений в вакууме. Но при прямом попадании корабль превратится в облако газа.

— Сюда идет Чантхаваар, — сказал Валти. — У меня идея. Пусть он услышит наше радио, так..., — он ткнул пальцем в клавишу. — Привет, Тримка. Слушай сюда. Соляриане будут здесь через минуту. Я люблю их еще меньше, чем тебя, так давай выясним наши отношения позднее, ты слышишь меня?

Ответа не было. Тримане никогда не тратили слов зря, тем более что это был явный обман.

Но два Солярных крейсера были рядом, и они слышали. Ближайший описал изящную дугу, которая была бы невозможна без гравитационного привода, и открыл огонь по кораблю триман. Валти заорал и швырнул корабль вперед. Один корабль не мог сопротивляться двум.

Экраны не показали эту, слишком стремительную для человеческих глаз детонацию. Они мгновенно потемнели от перегрузки, затем посветлели, и лишь через несколько секунд можно было видеть то, что осталось от триман — быстро расплывающееся в вакууме облако газа.

Два Солярных крейсера непрерывно кружили вокруг них, оберегая несколькими заградительными выстрелами и энергетическими лучами. Взыла сирена. Валти довольно улыбнулся.

— Суперпривод готов. Мы можем удирать отсюда.

— Подожди, — сказал Ленгли, — вызови их. Я хочу с ними поговорить.

— Но они могут совместно прихлопнуть нас, пока мы будем болтать...

— Человечество, Земля должны знать! Вызови их!

Но Чантхаваар на этот раз упредил их. Его голос с треском и шипением вырвался из динамиков:

— Приветствую вас. Сообщество! Оставайтесь на месте для досмотра.

— Не так быстро, парень, — Ленгли плечом оттолкнул Валти, пробираясь к микрофону. — Чантхаваар, мы можем одним щелчком оказаться за десять световых лет отсюда, но я хочу кое-что сказать вам.

— Ах, ... это вы..., — в голосе Чантхаваар зазвучали веселые нотки. — Снова вы! Мое уважение к любителям неизмеримо возросло сегодняшней ночью. Я хотел бы иметь вас в моем штабе.

— Подождите. Послушайте. — Ленгли рассказал все, что знал, так быстро, как мог.

Наступило тягостное молчание. Затем Чантхаваар медленно сказал:

— Вы можете доказать это?

— Вы сможете доказать это сами. Изучите те же документы, что и я. Отловите всех центаврианских агентов, каких сможете, и допросите их. Тримане должны иметь некоторое количество людей под своим контролем. Соберите все факты и гипотезы и представьте их Технону, спросите его о возможности перерождения Сообщества. Все это должно быть как дважды два.

— Вы... может быть, вы правы, Ленгли. Да, вы, может быть, правы.

— Держу пари, что прав. Тримане не смогли использовать нас. Мы для них — такие же чудовища, как и они для нас, и война, в которой они участвовали, убедила их, что мы можем быть в придачу еще и опасными. Их цель — ни больше ни меньше — полное уничтожение человеческой расы. Возможно, я не прав, но можете ли вы поверить в случайность всего происходящего?

— Нет, — быстро ответил Чантхаваар. — На случайность это не похоже.

— Подберите Бранноха. Он болтается где-то здесь неподалеку.

Вы, и он, и Сообщество — все планеты — для начала укротите свои жалкие амбиции. Если не сможете, тогда придут они. Только вместе вы сможете их остановить.

— Нам нужен нейроэффект.

— Нет, вы его не получите. Вы не сможете завоевать планету величиной с Трим, но вы сможете загнать назад ее туземцев и держать их там объединенными усилиями. Кроме того, пусть вас ободряет мысль, что есть в галактике планета, где свободный человек может остановить любое оружие. Может быть, у вас появятся идеи, как сделать такую штуку самим. Прощай, Чантхаваар! Удачи тебе!

Он выключил радио и замер, внезапно почувствовав слабость.

— О'кей, — сказал он. — Вперед!

Валти как-то странно взглянул на него, и, только позднее, вспоминая этот взгляд, Ленгли понял, что так смотрят на людей, ставших лидерами.

— Лучше отправиться к Сигме-один и оттуда — к Сообществу, настоящему Сообществу, знай это.

— Да, — согласился Ленгли. — Затем к Холату, строить защиту для тех, кому мы обязаны. Ты вернешься домой, Сарис!

Громадная черная голова появилась перед его лицом.

— А затем? — спросил Валти.

Его руки лежали на клавишах панели управления, готовые отправить корабль в прыжок.

— И тогда, — сказал Ленгли со счастливым смехом, — я и Марин будем искать мир, в котором почувствуем себя дома.

— Вы не будете против, если и я присоединюсь к вам? — прошептал Валти.

Марин схватила руку Ленгли. Они прильнули друг к другу, не видя, что вокруг них. А когда они оторвались друг от друга, в небе сияло новое солнце...

За пределами пределов

ПАМЯТЬ

Повесть

1. ТОРРЕК

Золотистый свет пробежал по склону Кеттибек Фели, коснулся дрожащих струй, поднимавшихся от долины Бракна, и, крутясь, устремился к голубовато-серебристому небу, полному мерцающих облаков. Над холодной, белой, сердито kloчущей рекой колыхался слой зябкого тумана, и вода снова вбирала его в себя.

Руки Вильена плясали над контрольными приборами как безумные. Пересекая реку, он снова поднял машину вверх, и теперь они находились над верхней кромкой леса.

— Теперь мы уже близко, брат по присяге, — сказал он. — Тебе лучше приготовиться.

Торрек кивнул, встал со своего кресла и принялся пробираться вдоль узкого фюзеляжа. Он ощущал, как легкое, тканное, пропитанное маслом покрытие, туго натянутое на каркас, вздрагивает от его прикосновений. Оно гулом отвечало шуму огромных крыльев.

Достигнув маленькой дверцы, он протиснулся через нее в передний отсек глидера.

Он проверил свое снаряжение — веревка, сложенная кольцами и прикрепленная к петле на плече, три ножа в ножнах у пояса, сетка, повязанная на голове так, чтобы придерживать длинные желтые волосы. Кроме этого, на нем была только набедренная повязка, ибо он не осмеливался весить больше, чем это надлежало при полете на глидере.

Это был высокий и гибкий молодой человек, резкие черты костистого лица которого делали его чужим среди красивого народа Думетдина. И имя, которое ему здесь дали, — Торрек — означало

более, нежели просто «чужой», в нем таился намек на некую степень чудовидности, ибо он один из всех, живущих под Кольцами, не мог хотя бы приблизительно назвать своих родителей. Тем не менее на лице его были вытатуированы эмблемы Клана и Вигвама.

— Там гнездо! — Пот струился по лбу Вильена, делая особенно рельефным вытатуированный там голубой символ, знак Моря Медвежьего Жилья, в котором он обрел скрепленное клятвой братство с Торреком. Руки его чуть заметно дрожали, и глيدر тоже задрожал.

Они взобрались высоко, пока не заскользили вдоль уродливой черной горы, прозванной Шапкой Человека Скара. На побитом ветром утесе, что смотрел сразу на три тысячи футов холодного неба, поднимались огромные, беспорядочно перепутанные ветви, превращенные столетиями в одну массу-крепость. Уходящие в глубину веков традиции закрепили в памяти, что краки гнездятся здесь.

Некоторые Старшие, жившие далеко в Диупе, считали убийство краки грязным делом, потому что она так давно жила там, и раньше — ее матери и бабушки жили там, делая набег на лежащие внизу долины. Если крака больше не будет садиться на Шапку Человека Скара, угроза сомкнется над фиордом Фонга, а в небе образуется пустота.

Люди же, чьи жилища и маленькие дети находились гораздо ближе к этим неприступным высотам, думали иначе.

Темное бесстрастное лицо Вильена внезапно осветилось подблем улыбкой.

— Она приходит сюда, брат по присяге.

— Хорошо, — пробормотал Торрек.

— Да поможет тебе Она — дьявол и госпожа Луна...

— Теперь держи ее крепче, — поспешно прервал его Торрек.

Тот, кто его не знал, мог бы обидеться на подобную резкость даже в те мгновения, когда смерть могла вот-вот показаться на пути, но в Диупе подобный обмен замечаний был вполне понятен. Разве можно было ожидать легкости в обращении, веселья, даже вежливости от того, чья жизнь была так чудовищно извращена? Его разум, думали там, должен все еще быть испещрен шрамами освобожденной пять лет тому назад памяти.

Так что Вильен только кивнул. Но когда Торрек оставил глيدر и Вильен повернул его назад, к родному городу, ибо он не мог парить в этом месте — доме угрожающих ветров, — он запел Долгую Прощальную Песню для тех, которые отправились на битву и вполне могут не вернуться домой.

Торрек привязал веревку к ветвям, бросил ее вниз и заскользил по ней. Один из его ножей был зажат у него в зубах.

В течение долгих призрачных минут он раскачивался, подобно языку колокола, более чем в миле над дном фиорда. Теперь он мог слышать ветер, его сильный, лишенный выражения рев, пронзающий синие сумерки. Сила эта заставила его устремиться к концу веревки.

Призывный крик краки пронзил его тело. Рассекая воздух, она поднялась вверх от гнезда, ослепленная желанием убивать, ибо в это время года в ее гнезде были малыши, а эта штука с негнущимися крыльями осмеливалась летать над ними! Она едва не кинулась на уходящий глйдер — ее мать разбила один такой год назад. Но потом, как и планировал Торрек, она увидела его, качающегося, как наживка на крючке, и, развернувшись, полетела прямо к нему.

Человек ощутил предельное напряжение нервов и мускул. Уши его, казалось, обрели способность слышать шевеление мельчайших частиц воздуха, глаза сделались нечеловечески зоркими, время замедлилось до такой степени, что летящая крака показалась ему неподвижно распростертой в воздухе, так что он мог сосчитать полоски на ее бурой коже после каждого маха гигантских крыльев. Но он не испытывал страха. Пять обнаженных лет той жизни, что схватила память — срок, недостаточный для того, чтобы в жизнь вошла привычка, носящая название страха.

Потом крака напала.

Она была немного меньше его, если не принимать в расчет тридцатифутовый размах кожистых крыльев и длинный, в форме руля, хвост. Четыре ее ноги оканчивались наростами, которые, как известно, могут сплющить человека одним ударом, а под клювом торчали саблевые зубы. Немногие люди, держащиеся одной рукой за веревку и повисшие в воздухе, могли бы удержаться от того, чтобы не спрыгнуть и не попытаться убежать.

В последнее мгновенье Торрек подтянулся кверху и собрался в клубок. Когда крака оказалась прямо под ним, он упал на нее. Ноги его сомкнулись вокруг худого живота, руки — вокруг шеи, а правая рука всадила нож в горло.

Она закричала.

В течение нескольких секунд она билась, трепыхалась и извивалась в воздухе, пытаясь вырваться. Нож выскочил из его руки и, сверкая метеоритом, полетел вниз. Ему понадобились обе руки и каждая частица его силы, чтобы удержаться.

Потом его вес сделался слишком непомерным для нее, и они вместе с ветром скользнули на безжизненный склон. Ее крылья, колотящие по воздуху, несколько замедлили падение, превратили его в долгое скольжение... а тем временем Торрек выхватил другой нож и методически полосовал им ее тело.

Он не ощущал никакой жалости к этому великолепному животному — слишком много костей было разбросано на Шапке Человека Скара. Но в какое-то мгновенье он успел подумать, что она храбра.

И еще было мгновенье, когда можно было с невероятной высоты посмотреть на затянутые дымкой леса и зеленые узкие поля, возделанные человеком между скалами и фиордом до города Диупа.

Более того, он смог увидеть долину от фиодра Фонга до Хоистока и Дельты Белой Реки с желтеющими полями, готовыми к жатве.

Он смог увидеть узкую оконечность залива, лежащего к северу между каменными уступами. Там, где Руст пенился наступающим приливом, лежали обтекаемые острова, называемые Веселыми Людьми, и Торрек подумал, что может даже разглядеть мрачные стены Несса, форта на Большой Удии, который сторожил Думетдинов от пиратов в дьявольских шлемах, из Иллинеса.

Но теперь крака слабела, кровь ее сверкала в голубом сумрачном воздухе, а крылья били как безумные, и падение убыстрилось. Стиснув зубы, Торрек подумал, что она отомстит ему тем, что размажет его на уступах Скары рядом с собой.

Потом, конвульсивно задрожав, она устремилась к востоку, а струи воздуха, поднимавшиеся с теплой вспаханной почвы полей, оказали ей последнюю помощь, так что конечным местом ее падения оказался фиорд.

Торрек соскользнул с нее раньше, чем она ударилась об воду. Он рассек воду с силой, которая заставила его уйти вниз, в зеленые глубины, так что заняли его барабанные перепонки, а коралловые пики зацарапали по спине. Когда он, наконец, с трудом выбрался на поверхность, легкие его, казалось, готовы были разорваться. Прошло немало времени, прежде чем к нему вновь вернулась способность нормально дышать.

Мертвая крака, поддерживаемая своими огромными крыльями, плавала неподалеку.

— Что ж, старушка, — выдохнул Торрек, — с твоей стороны это была любезность. Теперь побудь здесь и будь настолько хорошей, что не дай сиксиборам найти тебя и очистить свои кости — ты мне еще понадобишься!

Он направился к городу, вначале устало, но потом с новой силой, возвращавшейся к нему со стремительной скоростью — способность его организма, которая была необъяснима. Временами, оставаясь по ночам один на один со своими мыслями, он задумывался, действительно ли он человек или... что?

От пирса отделилось каноэ. Городской народ издали следил за местом его приземления. Узкие силуэты замаячили над бормочущими волнами, сотни весел в унисон забили по воде, разноцветные бумажные фонарики, прикрепленные к мачтам, были как ищущие глаза.

— Охой-ох-ах! — Раковина зазвенела после крика и медные гонги ответили ей четким ритмом. — Пусть море поможет тебе. О, возлюбленный мой! Пусть море продлит твою жизнь, охой-ох-ах!

— Я здесь! — отбросив всякие церемонии, крикнул Торрек.

Ближайшая лодка изменила направление. Мускулистые руки подтянули его наверх, и вскоре раковины, гонги и голоса славили его победу.

К тому времени, как лодки вернулись назад, везя убитую краку с Торреком на капитанском мостике, люди Диупа толпились у причалов.

В масках и плащах из перьев, потрясая погремушками и оружием — ломами, топорами, кирками, алебардами, паяльными трубками — молодые люди Моря Медвежьего Жилья танцем выражали гордость, которую оно им подарило. Пожилые члены принявшего его Клана Старших в своих вышитых алых и голубых одеяниях ждали под сверкающими фонарями. От длинных, низких, легких домов, разукрашенных промасленной бумагой, с резными деревянными панелями и остроконечными крытыми тентами, дети и девушки бросали ему цветы.

Даже бедные фермеры, мастеровые, рыбаки, все украшение которых составляли берестяные набедренные повязки и перья в волосах, поднимали свои трезубцы, когда он проходил мимо.

Высоко над горами разошлись тонкие вечерние облака. Солнце было внизу, хотя здесь, в теплых широтах Мира, прозванного Мааярен, не должно было потемнеть еще несколько часов. Небо отливало бесконечной ясной голубизной, и две луны плавали наверху. На юге возвышалась огромная радужная арка Колец священного моста.

Было обычным, что облака долгого теплого дня — сорок часов, пока солнце путешествовало над островами — должны рассеяться по мере того, как воздух похолодает к ночи. Однако Торрек, чья кожа еще ощущала следы холодного поцелуя фиорда, подумал, что вселюбящий Раймфар должен был бы отдернуть завесу с небес как раз в то время, когда он вышел на берег к своему народу.

Его народ. Теперь, в первый раз, он ощутил, как что-то оттаяло в нем. Эти гибкие темнокожие высокоскулые люди сделали его своим, когда нашли его в поле лишенного речи и беспомощного. Они учили его с той же терпеливой добротой, которую выказывали по отношению к своим детям, прощали ему ошибки и проступки, неизбежные для того, кто не знал их путей от рождения.

А он, в благодарность, плавал на их каноэ — да, ловил рыбу, охотился, обрабатывал поля, дрался на их стороне, когда разбойники из Кипинета силой взяли Руст и вошли в Думетдин.

И народ возвел его в ранг, соответствующий его растущим возможностям, так что теперь он стал Пиистом.

И все же он оставался чужим. Он не сроднился с ними по-настоящему... до сегодняшнего дня.

— Выпей, — сказал Старший Ёенза, подавая ему древнюю серебряную чашу Совеиа.

Торрек опустил на колено и выпил нежное пряное вино.

— Пусть имя твое будет записано на свитке Гарпунеров, — сказал Скрайб Гламм, — и когда в следующий раз флот отправится за морскими змеями, пусть будет дано тебе хорошее копье, чтобы ты мог показать свое искусство.

Торрек поклонился.

— Я недостойн этой чести, Преподобный Дядя, — сказал он.

Однако он прекрасно знал, что заслуживает того, чтобы находиться в рядах избранных. Он и рассчитывал заслужить эту честь, если останется в живых. А теперь...

Он выпрямился и перевел взгляд на молодых женщин, ждавших, как положено, у кромки света, испускаемого фонарями.

Сонна увидела его и опустила взор. Алая краска медленно заливала ее щеки. Она так низко склонила голову, что пряди длинных черных волос скрыли от него ее маленькое личико.

— Преподобный Дядя, — сказал Торрек, кланяясь седому человеку, который наблюдал за ним умными глазами, — ранг Гарпунера позволяет ведь говорить с ребенком Капитана. Так это или не так?

— Это так, — согласился Базиг.

— Могу я тогда получить ваше благословение на то, чтобы пойти в горы с вашей дочерью Сонной?

— Если она желает этого, то такова и моя воля, — сказал Базиг. Улыбка заставила дрогнуть его короткую бородку, — а я думаю, что она желает. Но вначале ты должен отдохнуть.

— Я отдохну в горах, Преподобный Дядя.

— Поистине могучий человек! — сказал Базиг, в то время как молодые люди ответили на эти слова восхищенной улыбкой. — Идите же тогда, и если потом ваша воля склонится к браку, я не стану смотреть на это неодобрительно.

Торрек молча поклонился старшим, Сонна направилась за ним, стараясь идти в такт его уверенным шагам. Через несколько минут они были за пределами города, на дороге, которая бежала вдоль полей, уходя в горы.

— Я мог бы остаться на празднестве, Сонна, если бы ты пожелала, — робко сказал он. — Может быть, я был слишком тороплив?

— Для меня ты не был слишком тороплив, — ответила она с невыразимой нежностью. — Я так долго ждала этой ночи.

Дорога превратилась в узкую тропу, извивающуюся меж огромных, несущих прохладу ветвей, под шелестящими листьями. Воздух был насыщен запахом сырой зелени. Здесь можно было найти множество пещер, и молодые люди могли лежать в своем убежище на ложе из цветов, есть дикие фрукты и орехи в крепкой кожуре, и так всю долгую ночь Мира Называемого Изаирек.

Когда тропа, темнеющая во все сгущающемся пурпурном полумраке, вывела их из леса, Торрек и Сонна увидели, как поднялась и отправилась в свое путешествие по небу Внутренняя Луна. Теперь среди мягко светившихся звезд показались еще четыре внешние луны, также как и дрожащие ленты Колец, и все вместе они перекинули мосты света через фиорд Фонга и лежащий за ними океан.

Вдали, неслышные отсюда, рассыпались кружевной завесой

белые брызги у Веселых Людей — там прошло одно из тех судов, что охраняли Думетдин и давали морякам знак к возвращению.

Сонна вздрогнула и взяла его за руку.

— Подожди немного, — тихо сказала она. — Я никогда раньше не знала, что это так прекрасно.

Странное и неприятное чувство вдруг овладело Торреком. Он стоял неподвижно, поглощенный этим горьким чувством, пока не понял, что оно означает: негодование и зависть, обращенные против тех, кто уже шел по этой тропе рядом с нею.

«Но подобное чувство было безумием, извращением», — в недоумении сказал он себе. Смотреть на женщину, на незамужнюю девушку, которая еще не отдала себя определенному мужчине, как на собственность, сердиться на нее за то, что она вела себя так, как подобает свободному человеку, все равно, что сердиться на кого-нибудь за то, что он по своему разумению пользуется своими же инструментами.

Он отсек от себя это нездоровое чувство и отбросил его, но вкус его остался и отозвался в нем печальным сомнением.

«Кто же я?»

— В тебе сейчас скорбь, Торрек, — прошептала Сонна.

— Ерунда, — ответил он.

«Почему я такой?»

— Нет, я чувствую ее в тебе. Твоя рука стала вдруг как дерево, — ее пальцы коснулись его руки, пробежали по золотым волосам, отличавшими его от мужчин Думетдина, у которых были темные гладкие волосы. — Нехорошо, что сейчас в тебе скорбь.

— Давай выберем пещеру, — сказал он голосом, гулким, как эхо скалистых рифов.

— Нет, подожди, Торрек. — Она внимательно смотрела в его залитое лунным светом лицо своими продолговатыми глазами. — Я не стану проводить здесь ночь, рядом с гневом и печалью...

У него закружилась голова. Несмотря на слова Базига, казалось невероятным, чтобы Сонна когда-нибудь...

— Когда-нибудь обвенчалась с человеком без имени, — пробормотал он, сам того не сознавая.

Она улыбнулась победной улыбкой, но, уклонившись от главного вопроса, ответила.

— Не без имени. Ты полностью принят, Торрек. И ты знаешь это. А после всей сегодняшней работы...

— Этого недостаточно, — сказал он с вновь вернувшимся отчаянием. — Я всегда буду человеком без корней, торреком, найденным в полях пять лет назад, лишенного речи, клана, воспоминаний. Судя по тому, что я знаю, я мог бы быть и ребенком горных троллей!

— Или ребенком Гаймара, — сказала Сонна, — или черных Флиттеров, как их называют в горных племенах. Что с того? Ты — это ты, и только ты.

Он был шокирован. Мысль о человеческом существовании, как о существовании отдельного существа, зависящего только от себя, а не являющегося частью Клана, или Вигвама, или Нации, и не нуждающегося в том, чтобы быть этой частью, была неслыханной. Сонна должна была быть лесной ведьмой, чтобы такое произнести вслух!

Но потом как будто какие-то частицы улеглись в нужном порядке, он понял правильность этой мысли. Дело было даже не в том, что он терял снедавшую его тоску, — он всегда будет жаждать той кровной связи с кланом, в которой ему было отказано, — а в том, что его положение одиночки больше не казалось ему чудовищным. Он был иным, да, даже в некотором смысле убогим, но и естественным.

Еще несколько мгновений он стоял, думая, почему беззаботные слова Сонны, чей смысл оставался неясным до конца даже для нее самой, так глубоко задели его. Как будто она тронула и разбудила воспоминания о...

— Ну, хватит! — воскликнул он и громко рассмеялся. — Ночь не настолько длинна, чтобы мы могли так неразумно ее расходовать, стоя здесь.

— Конечно, — застенчиво шепнула Сонна. Рука ее спряталась в его ладони.

В небе послышалось журчание.

Вначале Торрек удивился. Потом, когда шум сделался громче, и он услышал визг потревоженного воздуха, волосы зашевелились на его голове.

В качестве оружия у него остался только памятный нож. Мгновенно тот оказался у него в руке. Он притиснул Сонну к стене утеса, и, загородив ее своим телом, стал вглядываться в небо. Лунный свет кружил ему голову.

Черная тень пересекла Кольца и скользнула вниз по невидимой веревке, один конец которой был устремлен к нему. Все произошло слишком быстро для того, чтобы можно было успеть подумать, слишком быстро, чтобы метнуться к деревьям. Торрек не успел еще осознать, каких размеров был предмет — он оказался вдвое длиннее самой длинной лодки, — как тот остановился на уступе.

Он повис там и пронзил его.

Ни одно другое слово не подходило полностью — его держали, он был прижат к скале силой, источника которой не видел. Когда он напряг все свои силы и попытался вырваться из этой хватки, неведомая сила отбросила его назад с такой скоростью, что Сонна едва не задохнулась.

— Торрек, — прошептала она. Руки ее, все ее существо искало у него защиты. — Торрек, ты не знаешь...

Он не знал. В памяти у него не пробудились воспоминания об этой узкой, непроницаемо черной, похожей по форме на рыбу вещи... и все же она не казалась ему кошмарным видением, подобным

кровожадной призрачной краке. Каким-то образом он принимал ее существование, как мог бы принять существование нового опасного животного.

— Это не глидер, — процедил он сквозь стиснутые зубы, — крыльев нет. Но она была выкована или отлита... металл.

— Флиттеры, — голос ее дрогнул.

Он обдумал это предположение, стоя там, как наколотый, ощущая дрожь собственного сердца. Флиттеры были сказкой, слухами, болтовней варваров внутренних земель. Кто-то видел, что-то слышал, ...о странных, удивительно одетых людях.

В задней части корабля открылась круглая дверца. За ней оказалась еще одна подобная, которая тоже открылась. Показался металлический трап, как длинный язык.

Торрек не мог заглянуть во внутрь, но свет бивший оттуда, был дьявольски ярким. Он так ослепил его, что те, кто спускался по трапу, казались ему всего лишь тенями.

Потом они достигли его и остановились, глядя на него, и тогда он смог разглядеть их лучше. Это были крупные люди, в чертах и облике которых было что-то от него самого. Но от обуви до шеи они были обернуты в одно единое одеяние, а на головах у них были массивные круглые шлемы.

За его спиной вскрикнула Сонна.

Люди заговорили друг с другом. Это был язык, которого Торрек не понимал, переменчивый и мягкий; в интонации говоривших не ощущалось особого волнения. Эти люди делали обычную работу.

Сквозь завесу гнева Торрек понял, что они пришли к какому-то решению — оно касалось скорее Сонны, нежели его — и приступили к работе. Мотки веревок превратились в невидимую сеть, которая опутала его так, что он стал похож на пойманного зверька.

Один из них махнул рукой, подавая кому-то знак. Торрек упал на камень, потому что сила исчезла. Сонна рванулась вперед, пытаясь бежать. Человек усмехнулся, настиг ее и схватил за руку. С криком она упала на колени и ее быстро связали.

— Что они делают? — тревожно крикнула она. — Торрек, любимый, что им нужно?

— Я не знаю, — ответил он.

Он медленно одолевал собственную беспомощность, распластывая его на земле, как будто он был противник по борьбе. К нему вернулась способность наблюдать и размышлять.

— О, дорогой мой... — плакала Сонна.

Слова ее больно отдавались в сердце Торрека. Он бормотал в ответ слова утешения. Сам же он думал о том, как бы подошли его ножи для этих ухмыляющихся бандитов в уродливой одежде. Он думал о том, как хороши были бы их головы на курительном домике Диупа.

Сонна извивалась и пыталась кусаться, когда ее подняли и понесли внутрь корабля. Но это не дало ей ничего, кроме возмож-

ности получить несколько ударов. Торрек берет силу, изучая металлический предмет, в который его внесли.

Прикрепленный к стулу, он смог видеть небо и уступы через... о, не окна, не телескоп — изобразитель? Он сконцентрировался на этом, игнорируя странную мебель, что окружала его. Даже когда корабль бесшумно устремился в небо, и высокие пики исчезли из виду, а смелость Сонны превратилась в крик страха, Торрек продолжал наблюдать.

Но когда звезды ускорили свой бег и закружились вокруг них сотнями, когда огромная чаша мира превратилась в окольцованный шар, щит, мерцающий сквозь тьму, и Сонна закрыла глаза, чтобы больше не смотреть... у него появилось сверхъестественное чувство приближающегося дома.

Он почти знал, что там должен ждать огромный корабль и что он вберет в себя эту лодку.

Были ли то заключения диупийского философа или же он помнил факт, что Мир, называемый Изаирек, был лишь одним из бесчисленного множества других?

Он вздрогнул от призрачной мысли, от пугающего... воспоминания о том, как жестоки и чужды могут быть эти миры.

Торрек метался в узкой комнате, в которую их поместили. Рука его пыталась нащупать нож. Когда он вспомнил, что его больше нет, зубы его стиснулись с такой силой, как будто сомкнулись на горле врага.

Сонна схватила его за руку.

— Нет, — сказала она.

Он возвращался к человечности, как пробудившийся от долгого сна. Хищность его взгляда стала не такой заметной, когда он посмотрел на нее.

— Что? — неуверенно спросил он.

— Бесполезно бороться с ними, — сказала она. — Бесполезно, пока мы не узнаем больше.

Он кивнул так неуклюже, как будто у него были сломаны шейные позвонки. Потом он принял ее в свои объятия, глядя на людей, открывающих дверь.

Младший поднял оружие. По крайней мере, Торрек решил, что это оружие, похожее по форме на пистолет, но удерживаемый всего лишь несколькими пальцами. Человек или тролль, или кто там он был, казался более здоровым, чем его спутник; его обветренная кожа имела нормальный вид, не отличалась той мертвенной бледностью, как кожа остальных, и двигался он с большей уверенностью. Он был таким же крупным, как Торрек, с такими же коротко подстриженными волосами желтого цвета, но его нос походил на клюв, а губы были жесткими и твердыми.

Он заговорил. То была сильно акцентированная версия языка Наззиви, обычного торгового языка Островов. Торрек сам не особенно в нем преуспел. Хотя такая богатая нация, как Думетдин, есте-

венно, привлекала внимание торговцев, но вдоль фиорда Фонга проживало достаточно много племен, услугами которых можно было воспользоваться.

— Лучше тебе не нападать на меня. Пистолет — это оружие стреляет — оно может заставить тебя сразу уснуть. Просыпаться после такого сна больно.

Торрек сплонул на пол.

— Ты меня понимаешь или нет?

— Да, — ответил Торрек. — Я тебя понимаю, — местоимение, которое он выбрал, было обидным, но незнакомец, казалось, не понял разницы.

— Хорошо. — Я — Коан Смит. Этот человек рядом со мной — известный Фрейн Хорлам.

Другой был маленьким и старым, с седыми волосами и подслеповатыми водянистыми глазами. Как и Коан Смит он был одет в простую зеленый комбинезон, но в отличие от молодого человека не имел на нем знаков различия.

— Как ты называешь себя? — спросил Смит.

— Я — Торрек, Гарпунер Диупа, принятый кланом Куа, полнопровного брата по присяге Моря Медвежьего Жилья, подчиняющегося Королю Думетдина.

Это было еще одним оскорблением: любой, кто знал Наззиви, должен быть достаточно знаком с символикой Островов, чтобы узнать обо всех рангах Торрека из его татуировок. И снова это не произвело впечатления.

Ничуть не обиженный, Смит слегка усмехнулся и что-то сказал Фрейну, на что тот кивнул с удивительной легкостью. Потом, снова обернувшись к пленникам, осторожно продолжал:

— Благодарю тебя. Я хочу, чтобы ты понял, Торрек, что мы твои друзья. Собственно, мы — т в о й н а р о д, и мы собираемся вернуть тебе твою прежнюю сущность.

Как будто откуда-то из огромного далека Торрек услышал приглушенный крик Сонны. Сам он не ощутил огромного удивления. Сознание нарастало в нем с тех пор, как небесная лодка появилась из темноты и остановила его своей хваткой. Частично оно возникло от того, что он походил на этих людей. Но самым основным было то, что он просто з н а л это.

И знание было холодным и отравляющим.

— Ну, и что ты скажешь дальше? — коротко спросил он.

— Если ты пойдешь с нами, мы отведем тебя в такое место, где можно будет объяснить все это лучше.

— Я сделаю это при условии, что женщина пойдет со мной.

— Нет, ей лучше остаться. Трудностей будет достаточно и без нее, и так будет сложно все тебе объяснить.

— Пусть будет так, дорогой, — пробормотала Сонна. Она казалась усталой и упавшей духом. Она слишком много увидела и перестрадала за это время.

Торрек увидел, как нечеловеческая невозмутимость Смита, невозмутимость существа из металла, нарушилась, когда глаза его устремились на девушку. И тут Торрек едва удержался от того, чтобы не схватить его особым приемом, так, чтобы позвоночник сломать о колено.

Он заставил себя и свой гнев улечься, и сменившая его холодная усталость была столь чужда теплоте думетдинского народа — она как будто ставила на нем клеймо принадлежности к этой дьявольской расе, — что он вздрогнул и ощутил глубокую грусть.

— Идемте, — сказал он.

Следуя по пустому сверкающему коридору со Смитом и оружием Смит за своей спиной, он обернулся и бросил последний взгляд на Сонну: маленькая фигурка у зарешеченной двери, совсем одна в клетке.

Его привели не в ту комнату, откуда можно было смотреть на вызывающе горячие звезды и на холодный окольцованный щит, бывший его домом. Их путешествие окончилось где-то в глубине корабля в большом помещении, заполненном вспышками, миганием, дрожью, гудением работающих сложных приборов.

— Сядь, Торрек, — пригласил его Смит.

Торрек отшатнулся от кресла, ибо это было уродливое сооружение из проволоки, непонятных приспособлений и оков.

— Может быть, на пол, а не на это, — ответил он.

— Ты должен сесть в кресло, — сказал ему Смит, поднимая оружие, — и позволить прикрепить себя к нему. А сделаешь ли ты это добровольно или придется усыпить тебя на этой штуке — это уж твое дело.

Торрек бросил на него яростный взгляд. Смит стоял слишком далеко и слишком хорошо подготовился к возможному нападению. Торрек стал ругаться. Пока Хорлам прилаживал стальные оковы, которые охватили кисти рук, его талию и лодыжки, прикрепив их к креслу, губы его непрестанно работали, посылая на Смита девять дьяволов.

Хорлам, опустив на голову Торрека проволочный каркас и еще что-то, менее понятное, принялся его прилаживать так и сяк. Смит придвинул к себе стул, убрал пистолет и сел, скрестив ноги.

— Итак, — сказал он, — на это понадобится некоторое время, чтобы ввести в действие цепь, так что пока я могу рассказать тебе то, что ты должен знать. — Он сухо усмехнулся. — Трудно решить, с чего лучше начать. Некоторые нации людей поняли, что мир круглый, как шар, и вращается вокруг солнца, и что звезды — это другие солнца... Я не знаю, твоя страна...

— Я слышал подобные сказки, — проворчал Торрек.

До сих пор воображения ученых людей Диупа не казались ему достойными доверия. Но сейчас он понял — и ему не нужно было никаких доказательств для этого, даже таких, как существование

корабля, — что Смит говорит правду. Но почему он так уверен в этом?

— Тогда хорошо, — сказал Смит, — расстояние между солнцами огромно, больше, чем это может осознать человек. И солнц этих больше, чем когда-либо удавалось сосчитать. Но человек научился как преодолевать подобные расстояния на таких, как этот, кораблях, так и одерживать верх над барьерными пространствами, временем, жарой, холодом, невесомостью, безвоздушностью. Отправившись из одного мира, очень давно, они занесли свои семена на тысячи других миров.

Потом Империя разлетелась в щепки и люди забыли, особенно на планетах, подобных твоей, далеко удаленных от цивилизации прошлых столетий, малонаселенных во времена катастрофы — на таких планетах не осталось и следа воспоминаний об Империи и ее падении.

Торрек вздрогнул. И дело было не в сверхестественности сказки, но в ощущении, будто ему уже рассказывали ее, в каком-то забытом сне.

Он медленно сказал:

— Есть легенды, касающиеся тех, кто существовал до Раймфара.

Сит кивнул:

— Конечно. Но не все знания были потеряны. На некоторых мирах выжили определенные виды цивилизации. Но развиваются они очень медленно, потрясаемые многочисленными агониями. Империя еще не воссоздана, и многие планеты представляют собой самостоятельные государства. Большая часть Галактики является еще неисследованной дикостью... Но я отклонился от темы.

Ладно. Это — корабль-разведчик одного государства, которое находится на огромном расстоянии отсюда. Мы путешествовали в этой части пространства в течение ряда лет, нанося на карту, изучая... подготавливая, в некотором роде, почву. Пять лет назад мы открыли твою планету и использовали новый метод.

Ты — Корэл Ванен, офицер этого корабля. Твоя память — все твои воспоминания о прошлой жизни — были стерты. Тебя оставили с тем, чтобы тебя подобрала народы Островов. Теперь мы забираем тебя назад.

Смит обернулся и повелительно махнул одному из людей в сером одеянии, который тоже ходил вдоль огромной машины, проверяя рубильники и диски. Он позволил Торреку справиться со своими чувствами, но не отдавал приказ. Потом он снова повернулся к нему, усмехаясь.

— Тебе не нравится это, не так ли, Корэл Ванен? — спросил он.

— Это ложь! — хрипло крикнул Торрек. — Как ты мог узнать, если...

— Хороший вопрос. Но боюсь, что он меня не собьет. Видишь ли, небольшое количество радиации — сигнальное соединение, пи-

тающееся энергией от твоего тела — было вращено в твою кость до того, как ты был перемещен вниз. Мы могли определить твое местонахождение за много миль от тебя.

— Но никто не был бы таким глупцом! — прогремел Торрек. — Я мог умереть! Народ, к которому, как ты говоришь, вы меня послали, мог оказаться людоедом и съесть меня! Что бы вы тогда от этого выиграли?

— Ничего, — сказал Смит. — Но мы бы ничего и не потеряли, кроме одной невозвратимой частицы команды.

В бледных глазах Смита появилось алчное выражение. Он говорил это не потому, что это было необходимо, Торрек понимал это. Он говорил это потому, что хотел увидеть смятение пленника.

Торрек окаменел. Трудно оставаться спокойным, когда сердце колотится с такой силой, а во рту такая сухость.

«Вот так, — подумала какая-то отдаленная частица его мозга, — а я боюсь! Так вот что это такое!»

Одетая в серое личность появилась с черным цилиндром, размером в человеческую ладонь, и подала его Смигу так, как вручают очень тяжелые предметы.

Смит улыбнулся Торреку.

— Здесь, — сказал он, — прячется сущность Корэла Ванена.

Торрек стиснул зубы. Он ведь не просил!

— Он снова оживет в твоём теле, — сказал Смит. — Но вначале, конечно, нужно изъять Торрека.

— Нет! — вырвался у Торрека вопль.

— Да, — с легкостью бросил Смит. Он передал цилиндр Хорламу, и тот приладил его в машине рядом с другим.

— Пробегишь по своим воспоминаниям в последний раз, Торрек. Вскоре они превратятся лишь в записи на катушке.

Торрек сопротивлялся, но бесполезно, пока мускулы не отказали ему. Если бы только это было можно, молил он, если бы только он мог познать чистую смерть!

Когда слабость и темнота придвинулись к нему вплотную, машина вскрикнула внутри его головы, так что ему показалось, будто бы она рассекает его мозг. И он успел заметить, что Смит придвинулся к нему вплотную. Последнее, что успел осознать Торрек-гарпунер, было удовольствие во взоре Смита.

2. КОРЭЛ ВАНЕН

Он взвесил в руке цилиндр.

— Пять лет, — пробормотал он.

— О, он может содержать несколько столетий, ценный для изучения, мальчик мой, — сказал доктор Фрейн Хорлам. — Когда для хранения информации используются индивидуальные молекулы...

Ванен перевел взгляд с цилиндра на старого психолога. Он не

знал точно, как себя вести. С одной стороны, старик не принадлежал к цивилизации Кадра: в таком случае, он не заслуживал особого уважения со стороны лейтенанта Астро-службы. С другой стороны, Хорлам возглавлял основные научные исследования этой экспедиции, а в исследовательском путешествии подобная работа была сравнима лишь с военными изысканиями.

Поэтому Ванен ответил с ни к чему не обязывающей безличной вежливостью:

— Мне никогда не объясняли подобную теорию. Пока вы хотите вести со мной общий разговор, а не беседовать на определенную тему, вы, может быть, будете настолько любезны, что проинструктируете меня.

Хорлам поднял седую голову:

— Наскоро, если не возражаете, — сказал он, откинувшись на спинку стула, и взял сигару. — Курите?

— Нет! — Ванен взял себя в руки. — Вам известно, что я — человек Академии и поэтому выступаю против пороков.

— Почему? — Хорлам бросил этот вопрос так небрежно, между двумя затяжками сигары, что Ванен, не думая, ответил:

— Потому что служить Гегемонии и Кадру гораздо эффективнее... — Он прервал себя. — Вы намеренно меня подстрекаете?

— Если вам угодно так думать.

— Над такими вещами не смеются. Не заставляйте меня докладывать о вашем поведении.

— Корабль истощается вдали от дома, — сказал Хорлам без видимой связи с предыдущим. — Прошло семь лет с тех пор, как мы улетели. Никто из находящихся на борту не знает, где мы находимся, а те, кто остался дома, не знают, куда мы летим.

Звезды настолько изменили положение, что старые имперские астрономические данные перестали быть полезными, а космос так велик и звезд так много... если мы не вернемся, понадобится, возможно, сотни лет на то, чтобы другой корабль Гегемонии получил возможность снова отправиться по этому маршруту.

Тревожное замешательство Ванена все росло. Дело могло быть лишь в замедленности его нового восприятия. Он хотел отчитаться сразу, как только проснулся в лазерете, но его заставили отдохнуть некоторое время, а потом направили в кабинет Хорлама. Неофициальный разговор должен был послужить пробой его вернувшегося «я» и подтвердить тот факт, что он вновь готов к службе.

Но этот разговор оказался слишком уж неофициальным!

— Почему вы все это говорите? — спросил Ванен тихим, нарочито бесстрастным голосом. — Это банальности, но ваш тон... некоторым образом, сказанное вами граничит с отклонением.

— На основе чего я могу заработать себе нечто из наказаний — от выговора до смерти, лоботомии и удаления памяти, так? — Хорлам улыбнулся сквозь сигарный дым. — Неважно, мальчик. Вы должны также знать и о том, что на борту корабля нет тайной

полиции, перед которой я обязан был бы отчитываться. Причина, по которой я все это говорю, состоит в том, что имеются некоторые вещи, о которых я обязан вам рассказать. Я хочу смягчить удар. Это ваше первое путешествие в глубокий космос?

— Да.

— И вы принимали в нем участие только два года. Потом ваш разум был очищен и вы были помещены на планету. Остальные члены команды обследовали эту часть Галактики еще пять лет. При таких условиях многое меняется. Кое-что должно было прибавиться — ослабление дисциплины, отход от идеализма. Вы сами это увидите. Так что не удивляйтесь сверх меры. Кадру ведь известны подобные явления, он к ним привык.

Внезапно Ванен осознал, что именно поэтому люди Глубокого космоса никогда не возвращаются в родные миры Гегемонии. Совершив настоящее долгое путешествие, ты никогда уже не подпускаешься к Внутренним Звездам ближе, чем на расстояние годичного путешествия: твоим домом становится огромная морская база. Ты знаешь это заранее, тебе говорят, что причиной подобного положения является карантин, и ты соглашаешься на подобную жертву во имя служения Кадру.

Теперь он понял, что болезнь, которую он неизбежно должен был принести и против которой должны были навсегда быть защищены люди Внутренних Звезд, отнюдь не физического свойства.

— Отлично, — сказал он, улыбаясь своему облегчению. — Я понимаю.

— Рад это слышать, — отозвался Хорлам. — Это намного все облегчает.

— Но мы обсуждали вот это, не так ли? — Ванен положил цилиндр на стол.

— Ах, да. Я объяснил основную идею. — Хорлам вздохнул. — Частицы памяти, включая и подсознательные, по сути являются синантическими путями, «пролегающими» в нервной системе — если мне будет позволено прибегать к столь вольным выражениям. Личность в каждый момент подвергается влиянию со стороны базовой наследственности, физической конструкции — здоровье, диета и тому подобное — и полностью аккумулируется этими синантическими путями. Далее, эти пути, будучи явлениями физическими, могут быть разложены, а то, что может быть разложено, может быть и записано.

Внутри этого цилиндра — сложное соединение протеина, чьи молекулы выборочно искажаются, чтобы записать снятые данные. Но это детали. То, что может быть снято, аннулировано, стерто — назовите этот процесс как вам угодно, — так что взрослый человек превратится в лишенную памяти безмозглую оболочку. Но подобное тело с поразительной скоростью вновь набирает знания: оно превращается в новую, полностью функциональную личность менее чем через год.

Если эти новые воспоминания, подобные тем, которые вы приобрели за последние пять лет, разложить и изъять, старые записи могут, так сказать, «снова заиграть», введенные в вашу нервную систему. И лейтенант Корэл Ванен снова возвращается к жизни.

Молодой человек нахмурился:

— Я все это знаю, — запротестовал он. — Вы объяснили мне это сами, когда я получил приказ... но вы, возможно, забыли. В конце концов, для вас это было пять лет назад. Сейчас меня больше интересуют технические детали: например, тип использованного сигнала.

— Я не могу рассказать вам многого, — с сожалением отозвался Хорлам.

— Классификация? Простите, что я это спрашиваю.

— Дело не в классификации. Нет, прежде всего речь идет о том, что вам придется изучить три новые науки, прежде чем это приобретет для вас смысл. Во-вторых, это древняя имперская технология, которая, как считалось, была утеряна в течение Темных Веков.

Примерно 30 лет назад исследовательский корабль нашел обломки машины и кучу записей на руинах одного из городов Балгута IV. Медленно, с огромным трудом исследовательская бригада, в числе членов которой работал и я, воссоздала психолайзер, как мы его называли, и научилась кое-как с ним работать. Но все же мы еще бродим впотьмах и наугад.

— Эта вот запись... — Ванен кивнул на цилиндр, что стоял на столе, подобно какому-то первобытному божку. — Вы, я надеюсь, намерены его изучить?

— Да, но как электронный феномен, а не как совокупность воспоминаний «сама по себе». Таковой она может стать, лишь будучи внедренной в живой мозг и, полагаю, таким мозгом может быть только ваш. Но с помощью нашей аппаратуры мы сможем совершить тесное сравнение данных с записью о вас как о Ванене — статистический анализ и тому подобное. Я особенно заинтересован попыткой точно обнаружить, какие части записи соответствуют изученным элементам личности.

Это был совершенно новый вид эксперимента, как вы понимаете. Никогда ранее ни одно тело не обладало опытами двух совершенно различных культур. Теперь мы можем действительно отделить значимые факторы. Дайте моим компьютерам и мне несколько лет на то, чтобы разжевать все данные, и я, может быть, начну по-настоящему познавать человеческий мозг. Да, вы оказали науке подлинную услугу.

— Надеюсь, что я оказал также услугу и Гегемонии, — сказал Ванен.

— О, конечно. Подумайте о том, что только можно сделать с отклонением. В настоящее время психолайзер может только полностью стирать память нелояльного. Процесс обучения с самого

начала долог и дорог: лоботомия и снисхождение в ранг низкой цивилизации приводят к большим потерям человеческого потенциала.

Если бы мы знали, как это сделать, отклонительные тенденции могли бы исправляться безмерно аккуратнее, без того, чтобы умение и способности отклонителя приходилось приносить в жертву. Собственно, не исключено, что можно создать и такие необходимые условия, при которых просто невозможно будет думать нелояльно.

Видение было таким великолепным, что Ванен вскочил на ноги и выпалил:

— Благодарю вас! Благодарю за то, что вы позволили мне выполнить свой долг!

Хорлам стряхнул пепел с кончика сигары и кивнул медленно и как-то старомодно:

— С вами все в порядке, — сказал он сухо. — Вы можете идти и начать отчет.

Коан Смит изменился за пять лет. Он уже не был тем несгибаемым, со стальной гордостью, юнцом Академии, навсегда оставившим Внутренние Звезды ради более полного им служения.

Ванен лишь очень медленно осознал это в течение тех часов, когда они стояли рядом, управляя лодкой Номер Пять, как должны делать и делали это много раз раньше. Смит по-прежнему был ловким, быстрым, аккуратным. И, если лицо его потемнело, то это должно было лишь вызвать к нему уважение, так как показывало, сколько времени он провел в космосе. Сам Ванен, в конце концов, загорел еще более и был, к тому же, разукрашен варварскими татуировками.

Но Смит не был абсолютно академическим. Складки на его униформе были уже не лезвием ножа, а ботинки не слепили взора. Он держался совершенно прямо, но без настоящего напряжения мускул. Ходил размеренным шагом, но его движения уже таили в себе намек на развязанность.

Когда их, наконец, заменили, Смит зевнул — совершенно не в духе Астро.

— Рад вас видеть, лейтенант, — сказал он.

— Благодарю вас, лейтенант, — официальным тоном ответил Ванен.

— Давайте выпьем по чашечке кофе. Я хочу с вами поговорить.

Их тяжелые каблуки шелкали по металлу, когда они шли по коридору к гардеробной младших офицеров. Ванен поймал себя на том, что отмечает по пути завербованных людей. Их небрежность проявлялась ярче, чем у офицеров. Не то, чтобы она очень кидалась в глаза, но присутствовала. И когда они отдавали честь его знакам отличия, он явно отличал в этом привкус раболепия.

Должно быть, за последние пять лет много приказов о нака-

заниях было отдано на борту «Идущего»: камеры потения, нервных пульсаций и худшее. Но это было необходимым... или нет?

Ванен вздохнул в замешательстве. Тебя с самого рождения готовили к службе — разум утешающе подсказал ему слова Иерархии: «Соединение, называемое «я», призвано служить соединению, называемому «корабль», который служит флоту, который служит рукой могущественной Гегемонии и Кадра, что ведут нас к Новой Империи; другой лояльности быть не может».

Ты был взращен и воспитан для одной единственной цели, как и все, кто находится на уровне Кадра. Твое истинное назначение — в службе Внешнему Флоту. И это, конечно, было верно и хорошо; но обучение было узким и не готовило к внезапному соприкосновению со странным.

За два года, пока «Идущий» преодолевал нанесенные на карту сотни парсек, он успел увидеть лишь немного из того, что отмечает глубокий космос — совсем немного. Потом пять лет ушли из его жизни, и вот он снова здесь, на корабле.

Они вошли в маленькую гардеробную. Никого больше не было. Смит набрал код для кофе и, когда оно появилось, помолчал некоторое время, грея руки о горячую чашку, как будто ему стало холодно.

— Я, конечно, несколько часов наблюдал за вами, — сказал он. — Но вы не можете этого помнить. Тогда вы были еще Торреком.

— Торреком? — Ванен вопросительно поднял брови.

— Вы сказали, что таково ваше имя. О, вы были настоящим дикарем, доложу я вам! — Смит хихикнул. — Прекрасная приманка. Надеюсь, вы не... Эй!

Ванен едва успел взять себя в руки. Его пальцы все еще были сжаты в кулаки. Он непонимающе посмотрел на них, и ему показалось, что они как раз подходят для того, чтобы вцепиться в чужое горло.

— Что вы делаете? — выдохнул Смит.

— Я не знаю, — Ванен тяжело опустился на стул и смотрел перед собой. — Внезапное расстройство психики, я хотел вас убить.

— Гм. — Смит быстро вышел из состояния замешательства. Он отсел немного подальше, но лицо его вновь стало спокойным. Через мгновение он задумчиво сказал: — Какой-то внутренний раздражитель... да, думаю, это так. Неизбежный эффект пережитой вами трансформации. — Он пожал плечами. — Да, почему бы нет? Эксперимент ведь совершенно новый. Вам бы лучше снова повидаться с Хорламом, но не думаю, чтобы это было так серьезно.

— Да. — Ванен встал.

— Да не теперь, дурак вы этакий! Расслабьтесь. Выпейте кофе. Я хочу обсудить с вами кое-что. Это важно для всего нашего дела.

Эти слова заставили Ванена снова сесть на стул.

— Говорите, — сказал он. — Хотя сердце его все еще не успокоилось, он смог удержать его под контролем.

— Надеюсь, доктора смогут стереть с вашего лица эту уродливую татуировку, — сказал Смит. — Она всех беспокоит.

— Она не хуже боевых шрамов, — надменно сказал Ванен.

— О, да, конечно. Но она означает нечто другое, нечто такое, о чем никто из нас не хочет помнить. — Смит долго смотрел на свою чашку, прежде, чем продолжить. — Вы помните, что мы нашли только две населенные планеты, и обе — обычные обломки, совершенно для нас неинтересные, прежде чем пришли сюда, к Кольцам. Это название, данное командой: Кольцо. Важно и полезно иметь собственные названия.

Вы должны также помнить и то, что наши предварительные разведывательные данные показали, что планета эта должна быть необычно плодородной, с населением, потерявшим какой бы то ни было след имперской цивилизации, но развившимся, с другой стороны, на собственной культуре. Самое высокоразвитое общество, говоря с точки зрения технологии, живет на Островах, большом субтропическом архипелаге. Оно стоит у грани изобретения книгопечатания и химических исследований и легко может быть подведено к промышленно-научной революции. Это люди, к которым мы вас поместили.

— Да; — сказал Ванен, — я помню, что видел их с воздуха. Мне сказали, что это место... — Голос его возвысился, как будто громко заговорил другой разум. — Там был глубокий фиорд, и города вдоль него, и горы с долгими долинами, похожими на зеленые пальмы, уходили к воде, и... Нет, я не уверен. — Он потер глаза, — видел ли я облака, плавающие над высокими пиками? Что-то говорили о пике, была какая-то история, какая-то победа. Нет, я не могу вспомнить.

Он начал сознавать, что Смит как-то странно смотрит на него, но чувство волнения оставалось где-то внутри.

— Продолжайте, — сказал Смит.

— Вы подвергли меня действию прибора?

— Да. Это так. А потом мы оставили Кольцо и в течение почти пяти лет изучали эту часть спирального сектора.

— Что вы обнаружили?

— Планеты. На некоторых есть люди. Ничего такого, что можно было бы сравнить с Кольцом. И около шести месяцев назад мы вернулись. Я и другие принялись за этнографическое изучение района Островов. Полагаю, вы слышали кое-что о технике. Похищение местных жителей, использование акселерина и гипноза, чтобы узнать язык и наспех получить базовую информацию о культуре; потом избавляешься от них и сам принимаешься за дело. Объявляешь себя чужеземцем, пришельцем из какой-нибудь другой страны. Такой прием очень себя оправдывает в обществах, где известно, что

какие-то другие нации живут «за горизонтом», но неизвестно точно, какие.

— Что делали в этнографическом поиске люди Лодок?

— Вы — тоже человек Лодки, лейтенант, нужна была определенная физическая квалификация, чтобы дать ослепленному человеку шанс выжить, а на тренировку, конечно, не было времени. Но вы...

Лицо Смита стало непроницаемым.

— Мы не слишком опытные этнические специалисты, — сказал он, — а военным лодкам не нужны посторонние. Мне приходилось заниматься этим. И многим другим тоже.

— Высокий процент случайностей?

— Да.

— Но... со стороны местных? — Ванен был удивлен. — Я думал, что им не полагается знать, что среди них существуют наблюдатели... не говоря уже о том, что наши люди могут быть убитыми... копьями!

— Все это случается, — мрачно проговорил Смит, — потери компетентных, приспособившихся, умелых и даже лояльных — распад всей команды был невероятным. В случае этнических людей он был гибельным. Понимаете, лейтенант, половина несчастных случаев среди наземной команды была вызвана нашей необходимостью самим убивать людей ради радикального искоренения отклонений!

Ванен сидел с таким видом, будто получил удар по голове.

— Нет, — прошептал он.

Смит оскалил в усмешке зубы. То была даже не усмешка, а рычание.

— Да. Я даже в себе ощутил подобные тенденции. А чего вы еще ожидали? Семь лет металлических стен и воздержания!

— Но у вас есть антисекстин. У нас есть восстановители лояльности...

— Лишь поверхностное подавление симптомов. Флюстрация продолжает развиваться внутри, пока не прорвется на свободу в качестве дистракции и негативизма. Даже прошедшие специальную тренировку не всегда могут противостоять подобного рода подавлению.

— Но это не может быть первым актом, когда...

— Нет, конечно. Так всегда случается в длительных путешествиях. Когда начинаются первые волнения, капитан объясняет феномен всем офицерам. Так было и у нас.

— Но как же тогда! — Ванен откинулся на спинку стула, облегченно вздохнув. — Тогда нужная процедура должна была быть описана в Руководстве.

— Она есть, — согласился Смит. — После того как процесс изменения достигает определенного процента, кораблю предписывается найти какую-нибудь отдаленную планету. Некая небольшая терри-

тория должна быть оккупирована. Возникшие агрессии могут протлиться на местных мужчин и детей. Прием антисекстина прекращается, и местные женщины могут оказаться вполне пригодными.

Ванен ощутил в себе какое-то странное, болезненное отвлечение. Он не мог понять его. Даже с альтруистической точки зрения подобные меры могли принести варварам пользу тоже, поскольку процедура была явно необходимой для расширения Гегемонии, а Гегемония должна была кончиться тем, что включит в себя все человечество во всей Галактике.

Тем не менее, он едва заставил себя выдать:

— Значит, Кольцо было выбрано?

— Нет. Освобождение от напряжения, о котором я говорил, имело место несколько месяцев назад на последней планете, на которой мы останавливались.

Секундное необъяснимое замешательство сменилось новым приступом тревоги.

— Тогда почему же мы здесь?

— Проблемы! Дилеммы!

Смит отставил пустую чашку, встал и принялся расхаживать по комнате туда-сюда. То не было поступком человека Академии — тот никогда не должен был выказывать свою неуверенность.

— Видите ли, далее Руководство рекомендует, чтобы корабль немедленно возвращался к базе после того, как подобное освобождение окажется эффективным. В противном случае... но, подумайте сами. Возьмите обычного человека, безличный винтик среди сотни других безличных винтиков. В течение недель он был победителем, убийцей, завоевателем, освежателем, поджигателем, насильником, пьяницей, и так каждую ночь. Вернуть корабельную дисциплину и приемы антисекстина и не так просто. Действительно, если сразу не вернуть его к нормальному окружению, родному Кадру ведомо, какой может начаться отход.

— А почему же мы не отправляемся домой, — спросил Ванен, — теперь, когда вы приняли меня на борт?

— Нам предстоит оккупировать Кольцо, — неуверенно сказал Смит. — Не ради... предыдущей цели. Здесь цели Империи.

— Что? Но я думал, что это только разведка.

— О, так оно и есть. Но посмотрите-ка. Средняя периферийная планета — дело безнадежное. По своей сути она враждебна человеческой жизни. Когда Империя пала и все искусственные преграды и сооружения были разрушены или покрылись ржавчиной, цивилизация с максимальной поспешностью устремилась к полной энтропии. На большинстве планет человек просто вымер. В тех случаях, когда стала возможна адаптация, обычной формой существования явилась дикость.

— Кольцо, однако, мир, где человек действительно чувствует себя как дома. Они процветают! Их миллионы, и эти миллионы включают в себя несколько необычно умелых, искушенных в жи-

тейских делах рас. Это почти так хорошо, как завоевать планету с полностью индустриализованной культурой.

— И помните, лейтенант, у нас есть смертельные враги. Республика, Либертарианская Лига, Королевское братство, Высшие Графства Морлана — есть дюжина других цивилизаций, распространяющихся по всей Галактике, каждая со своим собственным представлением о том, какой надлежит быть Новой Империи. Мы не можем позволить ни одной из этих цивилизаций обосноваться на Кольце. На таком расстоянии от Флотской базы его может захватить даже небольшой отряд.

— Ну, не так скоро, — сказал Ванен. — Какова вероятность того, что им удастся найти Кольцо? В Галактике сотня миллиардов звезд, и эта теряется среди них.

— Но звезды типа Ж-2 всегда исследуются первыми, — сказал Смит, — и их не так уж много в этом спиральном рукаве. Мы знаем, что есть корабли Лиги, тоже наносящие их на карты. Это, конечно, шанс незначительный, я это понимаю, но рисковать мы не смеем. Мы должны внедрить здесь свой гарнизон, таково предписание Руководства. Потом мы направимся к базе, отчитаемся в своей находке, и сюда будут посланы соответствующие силы, чтобы взять всю планету, укрепить ее как следует, цивилизовать население и так далее.

— Но нам понадобится почти два года, чтобы вернуться домой... год на подготовку нужных сил... еще, возможно, два, чтобы вернуться...

— Пять лет! Можем ли мы доверять гарнизону целых пять лет?

Хорлам начал снимать электроды с головы и тела Ванена. Губы его шевелились, он хмурился, что-то обдумывая.

— Ну! — воскликнул Ванен. Только через полминуты молчания он понял, насколько было чуждо для Астро проявление эмоций ради чужой цивилизации. «Да что же со мной такое творится?»

— Что ж, — сказал тем временем Хорлам, — согласно всем известным сейчас энцефалографическим и нейрографическим приемам у вас не сохранилось ложных воспоминаний о нашем пребывании на Кольце.

— Вы в этом уверены? — настаивал Ванен. — Должно быть что-то, имеющее отношение к... к... Послушайте. — Он поспешно произносил слово за словом, как бы выплевывая их. — По пути в ваш кабинет я посмотрел на планету. Я никогда в своей жизни не видел ничего более прекрасного. И я люблю ее так, как должен любить только Кадр. Мне пришлось спасаться бегством, а то я бы запылал. — Он ощутил боль в ладонях и разжал пальцы. Ногти оставили глубокие вмятины на коже. — Что-то из полученного опыта должно быть изменило меня. Я — о т с т у п н и к.

— Послушайте, — терпеливо проговорил Хорлам, — разбирать-

ся в том, что такое память — моя специальность, а не ваша. Она же представляет собой постоянное изменение протоплазмы как результат стимуляции. Все образчики памяти находятся в мозгу, кроме нескольких привычек, внедренных прямо в нервную систему. Так вот, я только что произвел сравнение записей Ванена, вашего цилиндра, с Ваненом, записанным в вашей собственной нервной системе. Процесс этот абсолютно объективен и отмечается электронным потоком, сопротивлением, так что можно составить электронную карту нервной системы.

Он окончательно освободил Ванена, сел на краешек рабочей скамьи и достал сигару.

— Разница между двумя образчиками, мой друг, незначительна, несколько добавочных следов, вызванных вашим опытом с тех пор, как вам было возвращено ваше нормальное «я». Вы как бы рассказали себе призрак сказки старых времен, только роль призрака сыграли воспоминания Торрека. Теперь же забудьте об этом. Уверю вас, что следов этих нет.

— Но почему же тогда я все это чувствую? — Ванен поймал себя на том, что почти кричит.

— Я сам не уверен, — пожал плечами Хорлам. — Я уже говорил вам, что психоанализ — лишь полунаука, которая пока бродит впотьмах. Но, по крайней мере, я доказал, что ваши беспокойства не имеют реальной базовой основы.

— Мой предварительный диагноз — небольшое расстройство ваших желез. Вы пять лет провели на чужой планете, питаясь приготовленной домашним способом едой. Прекрасная и здоровая еда для человека, но имеется, несомненно, небольшая биохимическая разница — с точки зрения гормонов, витаминов и тому подобное. Ваше тело привыкло к ним. Теперь ему приходится приспосабливаться к рациону корабля. Легкий химический разбаланс выражается в иррациональном всплеске эмоций.

Ванен кивнул. Его напряжение начало спадать. Ему уже приходилось слышать о химических неврозах и преодолевать их не составляло особого труда.

— Если я действительно не совершил отступления по отношению к лояльности... — сказал он.

— Дело недостаточно серьезно, чтобы о нем говорить, — протянул Хорлам. — Эти изменения в железах весьма странно проявляют себя. Например, желание убить лейтенанта Смита, о котором вы упоминали, или отношение к Кольцу таким образом, каким вы должны относиться только к Кадру. И... послушайте, не снилось ли вам что-нибудь прошлой или позапрошлой ночью?

Ванен пожал плечами:

— Кошмары. Я видел во сне, как были зверски убиты мои товарищи по команде.

— Очевидное выражение чувства негодования против них — против всей культуры Гегемонии, — небрежно бросил Хорлам. Ванен

дернулся, едва сдержался, чтобы не вскочить на ноги, и Хорлам рассмеялся. — Полегче, сынок. Вы не проявляете нелояльности, и никто не собирается убивать вас за это. Такое случается постоянно и ничего ровным счетом не значит. — Он раскурил сигару.

— В конце концов, люди возникли как существа лесов, открытого воздуха и... интимности, так можно сказать? Семейное животное. Язва цивилизации запрещает все это, запирает нас наедине с машинами, отбирает для нас самок, которых мы и видим-то редко, забирает у нас детей, чтобы воспитать их так, как ей это нужно.

Естественно, что наши инстинкты противятся этому. Хорошая единица не станет отрицать того, что в ней живы первобытные инстинкты — напротив, она примет это как факт и использует свою волю, чтобы побороть их в себе.

Ванен ощутил, как напряжение оставляет его.

— Я понимаю, — сказал он. — Спасибо вам. Вы не планируете никакого лечения?

— Никакого, если только симптомы не станут более явными. Сейчас же вы свободны. Экзек хочет, чтобы вы отчитались перед ним по особому делу.

Сердце его билось на удивление сильно, когда он шел к двери. Аскетизм корабля, пустые коридоры и аккуратные маленькие кубы помещений, вечное белое сияние флюороламп — все это не оставляло разуму возможности за что-нибудь уцепиться. И тот отдавался на милость собственных больных фантазий.

Ванен сам себе повторил приказ — любой ценой бежать от хаоса и мрачного чувства бунта, что притаились в его мозгу. Но беда была в том, что приказ его был слишком неопределенным. Люди в Астро были обязаны думать за себя до определенного предела. Даже рядовые были бесполезны на космическом корабле в том случае, если способности к критике удалялись электронными способами из их мозга, как это проделывалось в детстве с гражданами нижних уровней. Но для простого лейтенанта подобный широкий диапазон действий был недоступен. Что же ему делать?

— Эта молодая женщина, — начал Экзек, — которая была подобрана вместе с вами. Она — первая из серии пленников, которых мы намерены взять, чтобы получить более детальную информацию о стране. Но она оказалась слишком дикой, даже опасной для того, чтобы быть полезной. Все, чего удалось достичь, это научить ее кадрическому языку с помощью психоанализа, под аксоклерином. Та информация о ее народе, которой мы располагаем, заставляет нас считать, что никто из пойманных нами, вероятнее всего, не представляют для нас большую ценность. Тем не менее, поскольку она сопровождала вас, лейтенант, она могла бы оказаться более сговорчивой, если оставить ее с вами. Убедите ее сотрудничать с нами.

Наши боевые наземные силы одновременно и не так велики, и не так уж хорошо экипированы, чтобы мы могли с легкостью удержать остров от натиска народностей архипелага — особенно, если учесть тот факт, что гарнизон поражен отступническими идеями, которые могут развиваться еще больше под влиянием могущественного противника. Поэтому нам придется, если мы вынуждены будем оккупировать хотя бы один остров, полностью истребить все население архипелага. Информация, которой она может нас снабдить, стала бы для нас ценной при проведении подобной операции.

— Люди Интеллидженс... они пробовали применять к ней принудительные средства?

— К женщине? Конечно. Она подвергалась нервопульсации, пока не потеряла сознание, но это не помогло. Так называемые «наркотики правды» слишком дезорганизуют мозг, нам же нужна систематизированная информация. Мы можем испробовать мультипликацию или угрозу ее, но я сомневаюсь в том, что и она нам поможет: ее культура, как кажется, обладает высокой степенью устойчивости. Или вы убеждаете ее, лейтенант, или полностью сбрасываем ее со счетов и охотимся за другими пленниками.

— Да, сэр. Но если мне будет позволено спросить: зачем вам вообще нужно нападать на Остров? Должны же существовать более спокойные земли или пустынные территории, занять которые гораздо легче.

— Несомненно. Но получилось так, что Острова являются единственной частью Кольца, исследованной до мельчайших подробностей. Это от того, что этнические офицеры были, естественно, более всего заинтересованы в наиболее продвинутой культуре планеты. Теперь у нас уже не осталось этнических или картографических специалистов, способных достаточно быстро нанести на карту другие территории.

— Понятно. Благодарю вас, сэр.

— Служите Кадру! Вы свободны.

— Служу Кадру!

Ванен остановился у двери.

Пораженный, он понял, что боится того, что было за ней.

Потом, тихо выругавшись, он приложил ладонь к замку. Она отворилась и он вошел. Дверь моментально закрылась.

Она вскочила со скамьи и некоторое время стояла, не шевелясь, как замороженная. И все же, смутно подумал он, каждая ее черта — само движение. Он не мог вспомнить, чтобы когда-либо видел существо столь дикое и прекрасное, как то, что стояло в этой стальной голой клетке.

Она зарыдала и бросилась к нему.

Держа ее в объятиях, он вновь ощутил то чувство, что наполнило

его грудь, когда он увидел Кольцо сквозь Звезды. Только на этот раз оно было более глубоким и пронзило его, как лезвие ножа, и ему показалось вдруг, будто ветерок шевелит его волосы, что он слышит победные звуки музыки, видит долгий голубой сумрак, в котором они одни. И он едва не увлек ее к скамье.

Но то было лишь мгновением.

Он вспомнил тут же, что где-то здесь вмонтирован в стену шпионский глазок. И это, в свою очередь, напомнило ему о его долге, и мир как будто сгустился вокруг него.

Она что-то бормотала на языке, которого он не знал, так что он, в конце концов, взял ее за подбородок, приподнял ее лицо к своему (где он научился этому жесту?) и с ошеломляющей нежностью произнес:

— Говорите на кадрикке. Я забыл.

— О... — Она слегка отстранилась от него. Он не выпустил ее из своих объятий, но в ее глазах он прочитал ужас.

— Все в порядке, — сказал он. — Я забыл только то, чему научился на Островах. Я вернулся к своему народу.

— Т в о е м у народу! — медленно произнесла она. Незнакомые слова с трудом подчинялись ей.

— Да. — Он отпустил ее и смотрел в ее лицо, почему-то чувствуя себя пристыженным. Она не убежала от него, да и бежать-то было некуда. Он жалобно сказал: — Мне очень жаль, что вы так страдаете, но это необходимо. Мы пришли сюда ради счастья всего человечества.

— Это... может быть. — Она слегка расслабилась и прошептала: — Но ты действительно все забыл, Торрек. Они вырвали твою память как волос?

— Я даже не знаю больше, как вас зовут, — сухо сказал он.

— Даже... я Сонна, дочь Базига. — Легкий румянец окрасил ее щеки. — Мы направлялись вместе в горы...

Он вдруг вспомнил, что еще не принял свои таблетки антисекстина. Но чувство, которое он испытывал к девушке, было трудно классифицировать. Она означала для него больше, чем существо для снятия напряжения, даже больше, чем создательница тела лояльного элемента.

Дело, конечно, было серьезнее, чем это считал Хорлам.

— Неужели ты не помнишь, как убил краку? — настойчиво спросила она. Она сжала кулаки. — Как нечестно было вырвать это из тебя!

— Все в порядке, — сказал он. — В конце концов, я заработал нечто гораздо большее. Я помню... помню мою первую рыбную ловлю... Да неважно! Вы просто не можете этого понять.

— Как вас теперь зовут? — спросила она.

— Корэл Ванен.

— Я всегда буду помнить о тебе, как о Торреке. — Она села

на скамью, горько улыбаясь. — Иди же, сядь со мной и расскажи мне что-нибудь о твоём народе.

Он так и сделал. То был, главным образом, урок астрономии, маленький экскурс в историю со времени гибели Империи и планы относительно Новой Империи в будущем. Он говорил сухим, лишенным окраски тоном и смотрел прямо перед собой.

— Да, — наконец сказала она, — снова сделать всех людей братьями — доблестная цель. Я думаю, Думетдин будет рад заключить с вами союз.

— Союз? — он запнулся. — Это не совсем то... мы думаем не совсем об этом.

— Нет? А о чем же?

Будучи тренированным только для того, чтобы вести космические корабли и управлять в битве одной из маленьких Лодок, входящих в состав большого флота, Ванен пошел дальше и рассказал ей.

Она сидела не шевелясь.

— Это, конечно, к лучшему, — сказал он.

— Уходи. — Она встала.

— Что? Но я же объяснял...

— Я знаю, что не могу убить тебя. Но уходи, прежде чем я оскверню свои руки, пытаюсь это сделать!

— Послушайте... в ваших собственных интересах... лояльность к Кадру ожидается от всех людей...

Она сделала нечто такое, что сказало ему, насколько она чужда была его родине и насколько чужд ей был он сам. Она села, скрестила ноги и перестала обращать на него внимание. Она стерла его с гаммы своих и только своих чувств. Он очень медленно понимал, что именно она делает: позже он удивлялся, как вообще смог это понять. Он раньше никогда не слышал ни о чем подобном, если не считать того, что было воплощено в стертых ныне записях о Торреке.

Но когда это проникло в его разум, он повернулся и побежал от нее, дрожа от страха.

— Вы вели себя как идиот, — сказал Смит. Они сидели одни в гардеробной, после того как в очередной раз сменились с вахты на Лодках.

— Откуда мне было знать? — с несчастным видом спросил Ванен. — Он смотрел на чашку, не видя ее. — Дипломатия — не моя область деятельности. Клянусь Кадром, я не этнолог! Сам Экзак сказал, что не может меня винить.

— Я могу. Человек Академии — это не то, что какой-нибудь глупый гражданский... Гибкость не только дозволена нам, от нас ее ждут. Мы ведь принадлежим Академии, Ванен.

— Заткнись! — все эмоции Ванена превратились в прорвавшийся наружу гнев. — Заткнись, или я тебе сверну шею!

— Лейтенант! — Смит резко выпрямился. — Ваше поведение — отступничество!

— К вашему сведению, — процедил Ванен, — мой ранг равен вашему. Так что ваша критика совершенно неуместна. И я намерен изъять ее из ваших речей.

— А я намерен отчитаться о подозрении в отступничестве, — парировал Смит. — Хорлам — еще один идиот. Ему следовало бы вывернуть вас наизнанку. То, что неприятности с вами не отражаются на клетках памяти, еще не доказывает, что этих неприятностей нет вообще.

— Меня проверяли психологически и биохимически, — отрезал Ванен. — Любой дисбаланс был бы установлен. Когда вас, к примеру, исследовали в последний раз! И вообще, какое ваше дело?

— Дело каждого — дело любого.

— Ванен часто слышал эту поговорку. Он и сам цитировал ее время от времени в том прошлом, которое казалось невозможно далеким. Но она внезапно отдалась у него во рту медным привкусом. Стараясь успокоиться, он отпил из чашки кофе.

— Мы слишком далеки от дома, — более мягко сказал Смит. — Если мы не вернемся, то пройдут, быть может, годы, столетия, прежде чем корабли Гегемонии снова проделают этот путь. Тем временем Кольцо могут найти вражеские разведчики. Может произойти все что угодно. Лучше избавиться по подозрению от вас, чем рисковать всей нашей операцией.

— Да, — автоматически согласился Ванен, — это очевидное решение.

— Нельзя сказать, что я действительно считаю подобную меру необходимой, — теперь Смит был совершенно доволен вновь установившимися отношениями доброго товарищества. Он обошел стол и по-братски положил руку на плечо своего спутника.

— Собственно говоря, сам я верю в то, что ваша неприятность — дело совершенно обыденное. Несколько уколов гермоика, кое-какая тренировка, возможно, и вы будете как новенький. Или... подождите. Мне только сейчас пришло в голову, что вы в течение целых семи лет не освобождались от напряжения.

— Я был на Кольце, — промямлил Ванен. — Я был человеком... как это там называется? — Человеком Думетдина. Нам подобное не полагалось.

— Несомненно. Но теперь вы забыты. Гм-м, — Смит помолчал.

Посмотрев на него, Ванен увидел, что он задумчиво потирает подбородок, и с непонятым раздражением подумал о том, что парень изо всех сил старается быть полезным.

— У меня есть мысль, — продолжал Смит. — Конечно, нужно получить одобрение этому плану, но я не вижу причин, по которым мы бы его не получили. И если все, что вам нужно, — это освобождение, то это, конечно же, поможет.

— Что «это»?

— Девушка, та, которую поймали. Поскольку сотрудничать она явно не хочет, а полная перестройка ничего нам не даст, я понимаю так, что она будет лоботомизирована и передана рядовым — через несколько дней. Далее. Если бы вам было позволено наблюдать за операцией и потом получить ее первым и самому выбросить ее за воздушный замок, когда она будет больше не нужна, что ж, это было бы не хуже шестимесячного отпуска!

Ванен сидел очень спокойно. Более того, когда Смит ушел, он продолжал сидеть, склонившись над столом. Сердце его так замедлило свой ход, что он почти не мог слышать его биение. Смутно и безразлично, он подумал, не умирает ли он.

Потом он понял, что разум его болен.

Наблюдатели Лодок сменялись каждые четыре часа и каждый из таких четырехчасовых обходов совершался одними и теми же людьми. Между перерывами они ели, спали, учились участвовать в демонстрациях лояльности, но оставалось и кое-какое время, которое можно было использовать по своему усмотрению, по крайней мере, у ранговых офицеров. Молодые люди играли в мяч в гимнастическом зале или просто сидели и разговаривали.

Во всяком случае, лейтенант, не находившийся на вахте, не вызывал никаких подозрений, в какой бы части корабля он ни появлялся.

На это Ванен и рассчитывал. В его душе царил страшный покой. Он знал, что безумен. Принимая во внимание изнуряющие тесты Хорлама и неизменно отрицательные результаты этих тестов, такое объяснение казалось единственно возможным. Воздействие на его мозг двух различных личностей истощило его ресурсы. Он был безумен, и ожидал, что может быть убит по пути, но это особенно его на беспокоило. Однако необходимые меры предосторожности он принял. Он подделал подпись командира своего эскадрона на Особом Приказе и представил его лейтенанту Рознину, когда этот добросовестный молодой человек заступил на вахту.

— Полное боевое снаряжение для семнадцатой, включая плавающие снаряды? — брови Рознина поднялись в удивлении, — что происходит?

— Не забудьте о классификации, — поспешно проговорил Ванен. — Разве вы не видите, что это Особая форма?

Рознин мог бы задуматься над тем, почему младшему офицеру доверяются приказы подобной классификации и, вследствие этого, попытаться сделать запрос. Но он не был любопытным человеком и не любил беспокоить запросами вышестоящих. Ванен запомнил эти его качества и очень на них рассчитывал.

— Будет сделано. Служу Кадру!

— Служу Кадру!

Ванен повернулся на каблуках и направился в тир, где опробовал оружие марки четыре-экстра с разрывными пулями. Обычный распорядок корабля вынудил бы его вернуться к обычным занятиям

через шесть часов, но Ванен рассчитывал, что не будет уже находиться здесь в это время.

Теперь ему пришлось идти быстрее, так как он опаздывал к назначенной встрече. Он уповал на то, что никогда еще в истории тщательно тренированный элемент не отступал настолько, что доходил до открытого предательства, без предварительного проявления соответствующих симптомов.

Сам он, как считалось, всего лишь находился в несколько возбужденном состоянии. Но все же переходить на бег не следовало: это могло бы привлечь к нему внимание.

Неважно. К энтропии все это. Корэл Ванен уже почти мертвец.

Он подошел к санитарному отсеку, и тут его обогнала вооруженная охрана. «Проклятый корабль просто кипел охраной, — с раздражением подумал он. — Охрана, бумажная волокита, что угодно, только бы занять человека так, чтобы тот не успевал думать.»

Что ж...

Фрейн Хорлам ждал, разложив приборы, в операционной. Здесь были еще два медика, которые должны были ассистировать.

Старик холодно посмотрел на Ванена.

— Мне никогда не приходилось встречаться с человеком, который опоздал бы на снятие напряжения, — сказал он.

— Я был занят, — сказал Ванен. — Начинайте.

Хорлам включил стерилизаторы. Один из техников вышел. Он ввел Сонну, привязал ее к вращающейся койке. Глаза Сонны были слепыми от ужаса, но она не высказывала его, а увидев Ванена, сплунула.

— Шпионский глаз выключен? — спросил Ванен.

— Мне это неизвестно, — ледяным тоном ответил Хорлам. — Все остальные сейчас слишком заняты. Это вам нужна нервная дрожь.

— Я просто спросил.

— Пока не стерилизуем окружение — надеюсь, это не вызовет у нее тошноты — вы, возможно, доставите себе удовольствие ей объяснить, что с ней произойдет, — сказал Хорлам. Он не смотрел на Ванена: он снова и снова мыл руки с раздражающей заботливостью. — Мы, конечно, должны снять волосы с ее головы прежде, чем вскроем череп. Это уже может вызвать интересную реакцию. Наиболее примитивные женщины весьма гордятся своими волосами.

— Прекратите это, — сказал Ванен.

— Я только обрисовываю вам удовольствия, которые вас ожидают, — объяснил Хорлам скрипучим голосом. — Мы можем делать операцию под местным наркозом, с тем чтобы большую часть времени она находилась в сознании. Естественно, когда она делается послушной, вам придется подождать несколько дней, прежде чем она поправится настолько, что... — он замолчал.

— Продолжайте, лейтенант, — сказал один из медиков. Его гла-

за ярко блестели, а взгляд был прикован к девушке. — Давайте же, скажите ей о том, что говорит доктор.

— Тогда, — предложил Ванен, — встаньте оба подле нее. Вот здесь, правильно.

Сонна посмотрела на него. Он может представить себе ее мысли, подумал он. Она хотела бы потерять сознание, хотела бы умереть, но в ней было слишком много жизни. Должно быть, того же самого желал и Торрек в самом конце, перед тем, как его извлекли из Ванена и заперли в черный цилиндр.

Ванен подошел к техникам, положив руку на плечо каждого.

— Я полагаю, вы оба тоже получаете некоторого рода освобождение?

— Да, сэр!

— Хорошо. — Руки Ванена скользнули выше к их головам. Потом те мускулы, которые победили краку, разбили им черепа.

Они свалились как камни, но он еще с силой ударил в ухо каждого, чтобы быть уверенным до конца. Его внимание было теперь привлечено к Хорламу. Выхватив из кармана комбинезона пистолет, он нацелил его на старика, который смотрел на него во все глаза.

— Не двигайтесь, — сказал он, — спокойно, или я вас убью.

Лицо Хорлама налилось кровью.

— Что вы делаете? — выдохнул он.

— Я собираюсь выбраться отсюда. Да, я отступник. Я — нелоялен, я абстракционист и одержим мыслью об убийстве. Мое самое большое желание — застрелить моих драгоценных товарищей по команде, всех сразу, одновременно. Прошу вас, не заставляйте меня начинать с вас. Тихо... очень тихо... поднимите руки и встаньте так, чтобы мне было хорошо вас видно. А теперь подойдите сюда и освободите девушку.

Какое-то мгновение он думал, что Сонна действительно теряет сознание. Но когда Хорлам развязал ее, она неуверенно встала на ноги.

— Торрек, — прошептала она. — Торрек экслинг.

— Я собираюсь вернуть тебя домой, Сонна, — сказал он ей.

На худом лице Хорлама было странное выражение. Шок миновал, казалось, ситуация очень занимала его.

— Вы действительно надеетесь так вот и уйти? — спросил он.

— Нет, — ответил Ванен.

— Однако, подобное казалось совершенно невозможным. Согласно всем тестам, вы функционировали в границах нормального...

— Заткнитесь. Наденьте на девушку медицинский халат и маску. Помогите ей... вот так. А теперь, Хорлам, выходите первым.

Неуклюжая маскировка не позволила им пройти мимо охранника, стоявшего у внешней двери. Но она немного замедлила понимание им происходящего — настолько, что Ванен успел выстрелить в него раньше, чем тот поднял оружие.

После этого они побежали.

Дважды еще пришлось убивать тех, кто оказался у них на пути. К тому времени, когда Ванен и Сонна достигли Лодки № 17, корабль дрожал от рева сирен, криков и топота ног.

Его разрывные пули уничтожили охрану у ведущего отправки робота. Но, приводя лодку к действию, он увидел Смита. Тот вырвался из бокового коридора. Ванен выстрелил и промазал. Смит нырнул, схватил его за лодыжки, и он выронил свой пистолет.

— Беги в ту дверь, Сонна! — приказал Ванен.

Руки Смита искали самых уязвимых мест у него, как учила тому Академическая техника борьбы. Ванен блокировал его теми же приемами. Но потом каким-то образом руки и ноги Ванена стали совершать движения, неведомые движения, незнакомые ни одному цивилизованному народу. Он сломал спину Смита о свое колено.

Несколько пуль пролетело по коридору. Ванен встал, открыл замок и последовал за Сонной.

Готовые к действию моторы лодки взревели, едва он коснулся главного рубильника. Прикрепив себя в кресле пилота, он занялся приборами. Сонна примостилась около него, усталая, измученная и повторяющая одно и то же слово, которое почему-то было ему знакомо.

Лодка N 17 отделилась от материнского корабля, и звезды рванулись ей навстречу:

— Нас будут преследовать... — Неожиданный стон отозвался в ушах Ванена.

— Нет, не будут! — бросил он. — Я об этом позабочусь.

Он нажал на рычаг. Взрывные снаряды устремились к кораблю.

— Закрой глаза! — закричал он и прибавил скорость.

Когда беззвучный взрыв прекратился, осталось только неясное облачко газа. Оно на мгновение сделалось непереносимо ярким, а потом распалось и исчезло.

Ванен направил свою лодку к прекрасной окольцованной планете.

Потом он начал плакать.

Сонна двинулась через кубрик. В жесте ее была тревога, но Хорлам остановил ее.

— Нет, — мягко сказал он. — Пусть он сам перешагнет через это. Он только что отверг всю свою прежнюю жизнь.

Сонна снова села. Сквозь прозрачный колпак все увеличивающаяся, искрящаяся красками планета бросала многоцветные блики на ее волосы.

— А ты почему здесь, старик? — выдохнула она. — Ты ведь мог легко отстать по пути. Ты же не знал, что он собирается уничтожить корабль.

— Я мог бы и догадаться, — сухо ответил Хорлам. —

Или... скажем так: я сам давно носил в себе частицу отступничества и когда представилась возможность... Моей целью было распознать человечность в людях и возвращать ее. Но есть очень древняя поговорка, которая гласит: «Кто будет наблюдать за наблюдателем?»

Едва заметно пальцы Сонны провели по белокурой голове, которая дрожала перед ней от рыданий.

— Торрек вернулся?

— Не так, как ты надеешься, — ответил Хорлам. — Открытые, явные воспоминания Торрека — дела, которые были совершены, слова, которые были сказаны, события, которые он видел — все это, боюсь, исчезло вместе с кораблем.

Но есть воспоминания другого рода. Наши теории не содержат объяснений о подобной памяти, но ведь наука Гегемонии почти так же ограничена и механична, как и жизнь Гегемонии. В конце концов, невозможно отделить мозг и нервы от остального тела: от мускулов, вен, внутренностей, кожи, крови, легких и костей. Живой организм — это единство.

Очевидно, ваш образ жизни, здесь, на Островах, является биологически значимым. Он отвечает наиболее глубоким человеческим инстинктам, тогда как наш — нет. Поэтому пять лет его оставили в нашем мальчике впечатления более глубокие, чем предыдущие двадцать, заполненные лозунгами и муштрой. Когда мы доставили его назад, то психоанализатор стер его память, да. Я даже думал, что это удалит все привычки.

Но это не коснулось и с т и н н ы х привычек, глубины реакции, возможно, на том глубоком уровне, который мы называем «проявлениями эмоций»; Ванен мог забыть, что это значит — быть островитянином: гордость, свободу, верность, — но то, что это д е й с т в и т е л ь н о означает, его тело помнило для него!

Хорлам улыбнулся.

— Нельзя сказать, чтобы я так уж и не замечал этого, — закончил он, — но мое отступничество было достаточно сильным для того, чтобы мне не захотелось об этом сообщать. Мне было интересно посмотреть, как будут развиваться события. Теперь я это знаю и не жалею.

Девушка склонилась над сиденьем и прижалась своей щекой к щеке Ванена. Ванен поднял голову и вытер глаза, патетически, как ребенок.

— Что мы теперь будем делать? — спросила Сонна.

— Вернемся в твою страну — в н а ш у страну, — сказал Ванен, собрав силы. — И предупредим их. У нас еще много времени, и мы успеем подготовиться, развить свою науку, построить собственные корабли и найти союзников среди звезд — мои знания и знания Хорлама помогут в самом начале, но для того, чтобы довести дело до конца, понадобится много поколений. Для мужчины — это хорошая работа.

— О, Торрек, мой бедный обиженный Торрек... ты все забыл!

— Я запомнил самое главное, верно? — Теперь он повернулся и смотрел на нее. — А остальное я могу выучить снова. Ты научишь меня?

ТОРМОЗ

Повесть

В тот час, сменившись с вахты, капитан Питер Баннинг не пошел прямо в свою каюту. Он испытывал потребность как-то раскрепоститься, испытать то, что его суровый век уже не может дать жизни (не считая, возможно, клана сборищ Венеры, но Венера — это уже чересчур). И он вспомнил, что у Люка Девона был Шекспир. Много времени уже прошло с тех пор, как он прочитал в последний раз «Укрощение строптивой». Он зайдет к нему, возьмет книгу, может быть, они слегка выпьют и поболтают. Планетные инженеры обычно стоили того, чтобы иметь с ними дело.

Вот почему он спустился в коридор палубы «А» и увидел, что Девон отступает к стене под направленным на него дулом пистолета.

Баннинг не прожил бы столько времени — намного дольше, чем он рассчитывал, — если бы проявление героизма входило в его привычку. Он скользнул назад, прижался к алюминиевым перилам лестницы и весь превратился в слух. Тихо-тихо, он извлек одной рукой изо рта старую трубку и убрал ее в карман. Запах дыма мог бы привлечь внимание человека с чувствительным носом, а он был безоружен.

Девон говорил тихо, со сдерживаемым гневом в голосе:

— Черт бы побрал тебя, психа краснорожего!

— Не так быстро, — посоветовал второй. Это был представитель Комитета по Минералам, Серж Андреев, крупный волосатый человек, слишком ярко одевавшийся и слишком громко говоривший. — Я совсем не хочу тебя убивать. В моей руке всего лишь станнер. Но у меня есть и пистолет для вышибания мозгов — на случай необходимости.

Его английский не потерял своего обычного акцента, но тон изменился совершенно. Никакой раздражающе-нароচিতой веселости, никакой мелодрамы, он просто холодно констатировал факт.

— Мне очень не повезло, что ты узнал меня, несмотря на пластическую операцию, — продолжал он. — Тебе не повезло еще больше в том, что я оказался вооружен. Так давай теперь заключим разумную сделку.

— Возможно, — Девон явно успокоился.

Баннинг мог представить себе, как он стоит у стены, держа руки вверх: высокий человек, по-кошачьи гибкий, с коротко под-

стриженными желтыми волосами и холодно блестящими синими глазами, с крупным носом, выступающим на худом лице. «Не хотел бы я, чтобы этот подонок сел мне на хвост», — подумал Баннинг.

— Возможно, — повторил Девон. — Но не приходило тебе в голову, что стюард или какой-нибудь помощник... кто угодно... мог бы оказаться здесь в этот самый момент.

— Тогда так, в моей каюте. Там поговорим подробнее.

— Но для тебя это все будет дьявольски сложно, — сказал Девон. — Разве этот мир подходит для сокрытия тайн? Или пленников, если ты об этом думаешь? Мы здесь за Марсом, и еще через две недели, не меньше, достигнем Юпитера.

На борту находятся добрых 15 человек — пассажиры, команда — не много, возможно, для такого большого корабля, как «Повелитель грома», но достаточно, чтобы тщательно обыскать весь корабль в случае чьего-либо исчезновения. И вышвырнуть меня через какой-нибудь шлюз ты тоже не можешь, ты же знаешь. Тебе бы пришлось для этого просить ключи у офицера. И запереть просто так ты меня не можешь: обязательно начнутся расспросы, почему я не прошу еду... Уверяю тебя, если ты сам того не успел заметить: мой аппетит дает о себе знать. Так что, дорогой приятель...

— Обсудим все это позже, — отрезал Андреев. — А теперь быстро иди в мою каюту. Я пойду за тобой. В случае необходимости, я выстрелю и сам затащу тебя туда.

«Девон выигрывал время», — подумал Баннинг. Если бы дуэт из нападающего и пленника подольше задержался в проходе, то кто-нибудь мог бы там появиться. — «Собственно, сынок, он уже и появился».

Капитан сунул руку в карман. У него был набор монет: не то, чтобы они могли оказаться полезными на Ганимеде, но ему не хотелось появляться на территории Союза, не имея даже на пиво. Он отобрал несколько монет подходящих размеров и зажал в кулаке, так чтобы концы выступали наружу. То был очень старый трюк.

Потом, с быстрой осторожностью охотника — роль, которую ему приходилось играть время от времени, среди прочего — он соскользнул с лестницы. Андреев как раз повернулся к нему спиной, конвоируя Девона к каюте пять. Утяжеленный кулак Питера Баннинга опустился на основание его черепа.

Девон круто повернулся, как тигр, готовый к прыжку. Одной рукой Баннинг придавил Андреева к полу, другой извлек пистолет. Не то, чтобы он нацелил его на инженера, не то, чтобы особенно и не нацеливал.

— Полегче, дружок, — пробормотал он.

— Вы... о! — Девон расслабился, мускул за мускулом. Улыбка медленно появилась на его лице. — Огромное спасибо!

— Что здесь происходит? — спросил капитан.

Несколько мгновений царил полная тишина. Говорил только корабль — шепотом своих вентиляторов. Но звук этот вполне мог

бы принадлежать той ночи холодных звезд, сквозь которую они прокладывали свой путь.

— Итак? — нетерпеливо повторил капитан.

Девон еще молчал. Он как будто оценивал размеры капитана. Тот был плотным человеком среднего роста с чуть отмеченными сединой черными, коротко подстриженными волосами на голове удлинненной формы. Лицо его было широким, с высокими скулами, а светлая кожа казалась какой-то безвозрастной: сеть мелких морщин вокруг острых серых глаз. В остальном же кожа была гладкой как у ребенка. Он не носил яркий синий жакет и белые брюки Линии Огненного Шара, а предпочитал берет в венецианском стиле, расшитые арабские туфли и сомнительную старую зеленую тунику, возможно, марсианского происхождения.

— Не знаю, — наконец ответил Девон, — просто он наставил на меня этот пистолет.

— Прошу прощения, но я слышал часть вашего разговора. Давайте-ка, начистоту. Я отвечаю за этот корабль и хочу знать, что на нем происходит.

— И я тоже, — угрюмо ответил Девон. — Я не хочу вас обманывать, капитан, но и сам не понимаю... — Он шагнул к Андрееву и склонился над его телом. — Ага, есть еще один пистолет, о котором он говорил, тот, смертоносный.

— Дайте его мне, — велел Баннинг. Металл был холодный и тяжелый. Внезапно в голову ему пришла пугающая мысль о том, что ни он сам, ни вся его команда не имеет более опасного оружия, чем ножи, да гаечные ключи. Космический корабль — не испанская каравелла, и члены его команды не имеют причин вооружаться против пиратов, дикарей, или...

— Или имеют?

— Сходите за стюардом, — отрезал Баннинг, — и возвращайтесь вместе с ним. Мистер Андреев до конца путешествия будет находиться под присмотром, в железе.

— В железе? — брови Девона взлетели в удивлении.

— Цепи... что-то сдерживающее... черт возьми, мы запрем его куда-нибудь. У меня дурная привычка пользоваться архаизмами. Ну, давайте!

Инженер быстро шел по коридору. Баннинг смотрел ему вслед, держа палец на спуске.

Где он видел парня?

Он напряг свою память, ища в ней высокого блондина, который был бы атлетом, техником, любителем Шекспира, любителем рисовать красками. Возможно, он просто читал о ком-то подобном: так много всяких историй... Подождите-ка. Братство Ростомили. Конечно. Но это было ТРИ СТОЛЕТИЯ назад!

Возможно, кто-то где-то сохранил несколько клеток в специальном укрытии — после того как эти отряды экзогенетических близнецов открыли, в конце концов, свою тайну и смешали свои

высшие гены с обычным потоком человеческой жизни. А потом, возможно, лет 30 назад инженеры потихоньку вырастили такого ребенка в резервуаре. Может быть, много таких детей. И почти все что угодно может произойти в том тайном замке на кромке Кратера Архимеда, а Солнечная система может ни о чем не узнать до тех пор, пока план не будет приведен в исполнение.

Братство было козырной картой клана ранних людей в те дни, когда мировое правительство было слабым и неспособным к решительным мерам. Вновь ожившее братство должно было начать действовать. Но с какой целью? Каста инженеров, почти военная, почти религиозная, считалась стоящей вне политики: считалось, что она служит людям, независимым силам и ведет войну только с неодушевленным космосом.

Баннинг ощутил укол холода. При том расщепляющем цивилизацию напряжении, что существовало на Земле и с каждым днем все нарастало, он мог представить себе скрытую борьбу, ведущуюся между отдельными фракциями. Не все подчинялось психодинамическим, телекомпаническим или парламентским маневрам: эпизод с Гуманистами оставил шрам на душе Земли, и теперь в ночи иногда сверкали ножи.

Каким-то образом определенный аспект этих битв сфокусировался на корабле.

Он вытащил трубку, выбил ее и снова набил. Андреев зашевелился и из его горла вырвался хриплый стон.

В коридоре послышался звук легких шагов. Баннинг посмотрел в том направлении. Он выругался бы, помешай ему кто-нибудь, кроме Клеони Роджерс. Поскольку это была именно она, в забытом жесте он приподнял берет.

— О! — Ее рука взлетела ко рту. Мгновенье она выглядела испуганной, а потом шагнула вперед, что очень понравилось Баннингу, и особенно еще потому, что ее постоянно раздражали попытки Андреева ухаживать за ней.

— Он ушибся? Я могу помочь?

— Держитесь лучше в стороне, миледи, — посоветовал он. Она увидела, что в руке он держит станнер, а за поясом его засунут пистолет. Губы ее раскрылись на большезлазом курносом лице. Со своими желтыми волосами, мягко падавшими на ее обнаженные плечи, в удивительно женственном, сильно декольтированном и сверкающем вечернем платье, с легкой косметикой на лице, она казалась маленьким ходячим анахронизмом.

— Что случилось? — Несмотря на потрясение, в ней чувствовалась смелость. Молодец, подумал он, учитывая то, что она — дитя богатства, что она и дня в своей жизни не работала, связанная с Джовианской Республикой.

— Именно это я бы сам хотел узнать, — ответил он ей. — Этот вот тип наставил станнер, я имею в виду — на инженера Девона. Тогда вступил в дело я и обезвредил его.

Он увидел, как тело ее напряглось. Потом он подумал, что даже на борту «Повелителя грома», который не является роскошным лайнером, а грузовым судном, чьи несколько пассажиров, кроме нее, направлялись в Ганимед по делам... даже здесь имелись тускло освещенные уголки, и музыка, и величие звезд. Баннинг заметил, как много времени она и Девон проводили вместе. Поэтому он мягко сказал:

— О, с Люком все в порядке. Я послал его за помощью. Должен сказать, что это, конечно, пощекотало ему нервы.

Она неуверенно улыбнулась:

— А в чем же дело, как вы думаете? Мистер Андреев, в...

— Допустил промах? — Баннинг нахмурился. Он совсем забыл о том, что психическое нездоровье на Земле сделалось главной темой разговоров. — Сомневаюсь. Он явился на борт с этими «игрушками», понимаете? Но подумать стоит. Раз уж разговор об этом зашел, у нас действительно было много странных пассажиров.

Девон располагал достаточным количеством качеств, говорящих за него: талантливый инженер, сопровождающий великолепное оборудование, главный груз корабля, эти огромные машины, которые Порядок хотел использовать, чтобы сделать Европу пригодной для жилья.

А Клеони была подлинной туристкой, поскольку он смотрел на нее как на женщину, не принадлежавшую к тому современному отряду существ женского рода Западных территорий (с коротко подстриженными волосами, плотно сжатыми губами, бедно одетых), который являлся преобладающим.

С другой стороны...

Андреев не был простым бюрократом Союза, посланным на урегулирование торгового соглашения, или если он и был таковым, то одновременно и кем-то еще. А как насчет того высокопарного, Роберта Фалькена, официально — техника-атомщика, которому была предложена работа на Каллисто? За столом он говорил очень мало, держался особняком, но Баннинг умел узнать твердого, жестокого человека, когда такого видел. А Морган Джентри, астронавт, который сказал, что Республика наняла его пикетировать межзвездные корабли — челноки, — он явно был знающим космонавтом, но не был ли он еще кем-то, кроме этого?

А профессор символики, маленький гомозиец с куполообразной головой, действительно ли он собирается занять предложенный ему пост в Университете?

Его размышления были прерваны голосом девушки:

— Капитан Баннинг... а что может быть с пассажирами? Они все западные, не так ли?

Он все еще испытывал замешательство, правда, недолгое.

Он колебался секунду, прежде чем сообразить, что она говорит не из-за дурных намерений, а по полной наивности.

— А при чем здесь это, мисс? — сказал он. — Не думаете же

вы на самом деле, что конфликт на Земле — просто вопрос ответственности Восточного Калифа, помноженный на пуританскую протехнологию? — он помолчал, переводя дыхание, а потом продолжал: — Но ведь люди Калифа являются только одной ветвью Рамаркашских Эклектиков, и есть множество азиатов, выступающих за контроль над населением и техническую цивилизацию — и в моей команде есть пара таких, — и есть американцы, приветствующие Разрушение так же лихорадочно, как любой фермер с берегов Ганга. А мусульмане-хусейниты стоят ближе к вам, мисс Роджерс, чем вы — к новым христианам.

Он замолчал, покачивая головой. Он был гораздо сложнее, чем его можно было так просто систематизировать — раскол, угрожавший расщепить Землю. Он мог бы сказать, что раскол этот начинался с того факта, что технологии не удалось решить проблемы, которые должны были быть решены, но он не хотел употреблять именно такое выражение, поскольку оно прозвучало бы как нечто антинаучное, а он этого не любил.

Спасибо всем добрым богам за то, что теперь были люди на других планетах! Урожай, собранный всеми терпеливыми столетиями со времен Галилея, не может пропасть без пользы, что бы ни случилось с Землей.

Андреев зашевелился и приподнялся, упираясь в пол ладонями. Голова его покачивалась из стороны в сторону. Он застонал.

— Интересно, насколько это серьезно, — пробормотал Баннинг. — Мой удар был достаточно сильным, но сильного сотрясения быть не может. — Он бросил на Клеони боковой взгляд. — Может быть, нам лучше было бы перенести его в каюту. Не стоит тревожить других пассажиров, ведь правда? А где они все, между прочим?

— Я не знаю точно. Я только что вышла из своей каюты... — Она замолчала.

Кто-то бежал к ним с кормы. Из-за изгиба коридора, проходившего вдоль внутренней поверхности корабля, невозможно было видеть в нем дальше, чем примерно на сорок метров. Баннинг быстро поднял станнер.

Из-за поворота выбежал крупный, с квадратным лицом, Фалькен.

— Капитан! — закричал он. Металл, окружавший их со всех сторон, делал его голос слабым и каким-то нечеловеческим. — Капитан, что случилось?

— Как вы узнали об этом, сынок?

— А... э... инженер Девон... — Фалькен остановился в метре от них. — Он мне сказал...

— Сказал вам? Сейчас? — серые глаза Баннинга сузились. Внезапно станнер оказался в его руке и дуло его было направленным на Фалькена. — Оставьте при себе свои истории, дружок. Оставьте их при себе покрепче.

Фалькен вспыхнул:

— Какого черта вы имеете в виду?

— Я имею в виду то, что если мне хотя бы покажется, что вы охотитесь за пистолетом, я вас усыплю, — ответил Баннинг. — А если потом окажется, что вы всего лишь хотели предложить мне сэндвич с арахисовым маслом, я буду нижайше просить вас о прощении. Но чем-то здесь явно пахнет.

Фалькен отскочил:

— Ладно, ладно, я уйду, — фыркнул он. — Я просто хотел помочь.

Клеони вскрикнула.

Чувствуя, что лодыжки его стиснуты руками Андреева, и падая, Баннинг ощутил на мгновение гнев на самого себя. Он слишком цивилизован... и это сделало его излишне беззаботным. Проклятие!

Он ударился о палубу, и Андреев навалился на него. Красное лицо горело жадой убийства. Одна рука Андреева метнулась к пистолету, засунутому за пояс Баннинга, а другая — в руке со станнером.

Баннинг ударил своим твердым лбом прямо в губы Андреева. Тот закричал. Пальцы его выпустили станнер. В это мгновение к драке присоединился Фалькен и схватил станнер раньше, чем Баннинг успел пустить его в ход.

Капитан пустил в ход свои сильные пальцы. Он едва не выдавил глаз Андрееву, и тот закричал от боли и попытался вырваться. Баннинг откатился в сторону. Фалькен выстрелил в него. Анестезирующий дротик пролетел перед самым носом Баннинга и он ощутил запах наркотических паров.

На мгновение, пока Вселенная вальсировала перед ним, Баннинг оказался почти беззащитным и смог лишь с трудом подняться на ноги. Фалькен обогнул плачущего Андреева, прижал капитана к стене и выхватил пистолет у него из-за пояса.

Тут к ним подбежала Клеони и вцепилась в шею Фалькена. Он закричал, наклонил шею и отшвырнул девушку. Но этого времени оказалось достаточно для Баннинга. Он прицелился в солнечное сплетение Фалькена и ударил. И оба пистолета выпали из рук Фалькена.

Но тот пришел в себя достаточно быстро, чтобы прыгнуть к ближайшему оружию. Баннинг поставил на пистолет ногу.

— О, нет, не получишь, — проворчал он.

Фалькен прыгнул на него. Баннинг не в первый раз принимал участие в подобной переделке и знал, что нельзя зря расходовать силы на игры с руками. Вытянув руки, он нацелил ребро ладони прямо в гортань Фалькена. Послышался хлюпающий звук.

Фалькен повалился навзничь, прямо на Андреева, который все еще скулил, глядя поврежденный глаз.

Пуля пролетела по коридору, рикошетом отскочила от стены и приставила возле его уха.

— Ого, — сказал Баннинг, — игра окончена. — Он схватил Клеони и потащил ее по лестнице.

Наверх! Вес его увеличивался с каждым прыжком, так как он приближался к оси вращения корабля.

Проходя по палубе «П», он столкнулся с Чарльзом Вейном. Юный второй помощник был явно разбужен шумом. Он направлялся к лестнице, натягивая на ходу форменный голубой с золотом китель.

— Следуй за мной, — бросил Баннинг.

У подножья лестницы появился Джентри. Дуло автомата было нацелено в живот капитана.

— Стоять на месте! — рявкнул он. — Руки вверх!

Баннинг прыгнул в коридор палубы «П» и втащил за собой Клеони. Пули с яростью пролетели мимо головы Вейна.

— Пойдем, говорю тебе! — отрезал Баннинг. — Потащим ее к мостику!

У Вейна был озадаченный вид, но космонавт приучен к быстрой реакции. Он поднял девушку к себе на плечо и устремился по коридору к следующей лестнице. Баннинг следовал за ним. Он слышал, как лязгают по металлу башмаки Джентри, спешившего за ним по лестнице. На бегу он выхватил из кармана зажигалку и нажал на колесико большим пальцем.

Вдоль стены шли перила и стойки на случай состояния невести. Баннинг как обезьяна вскарабкался по ближайшей и поднес пламя к маленькому кружку в потолке.

Потом снова вниз, к лестнице! Джентри ворвался в коридор и выстрелил. Кориолисная сила отразила пулю, она лишь царапнула щеку капитана. Следующая будет нацелена более тщательно.

Термореле на потолке среагировало на жару, вспыхнул сигнал и ввел в действие огнетушительную систему палубы «П». Она принялась выбрасывать струи пластапены. Вторая пуля Джентри никуда не полетела. Он все еще боролся с составом, когда Баннинг достиг лестницы.

Мостик представлял собой пузырь на носу корабля, установленный точно на оси вращения. В сущности, веса не было, только буйность сверкающих подпорок и огромный видеозэкран, пылающий как подобие неба.

Клеони повисла на креплении, измученная и потрясенная случившимся, не привыкшая к состоянию свободного падения. Терсус Токугава, первый помощник, наблюдавший за всем этим, подплыл к ней, предлагая таблетку от головокружения. Вейн припал к двери, глядя на капитана дикими глазами.

— Что случилось, сэр? — спросил он надтреснутым голосом.

— Я бы сам хотел это знать, — выдохнул Баннинг. — Но ничего понять не могу.

Токугава бросил на него полный отчаяния взгляд.

— Вы не могли бы протолкнуть эту штуковину в ее горло,

капитан? — жалобно попросил он. — Мне приходилось видеть, как люди вталкивали в себя при необходимости целые обеды.

— Ах, да, это необходимо. — Баннинг прикрепился к стойке, взял одной рукой голову девушки и принялся потчевать ее лекарством. Тем временем он рассказал им, что произошло.

Токугава присвистнул:

— Как это понимать? — спросил он. — Мятеж?

— Если пассажиры могут поднимать мятеж... интересно, что говорит об этом закон. — Склонив голову, Баннинг прислушался и приоткрыл дверь. Из коридора за ней не донеслось ни звука. Он закрыл ее и запер.

У Вейна был больной вид. Он неплохой парнишка, подумал капитан, но был воспитан в пуританских традициях сегодняшнего западного народа... Он боялся опасности меньше, чем ущемления его понятий о законности. Токугава, будучи воспитанником Лунного города, был более гибким. Он впитал в себя всю мягкостью космополитизма колонистов Луны.

— Что же нам делать? — прошептал второй помощник.

— Узнать, в чем дело, — проворчал Баннинг. Он пробрался в отделение интеркома, вошел в него и включил рубильник.

Первое, что ему было нужно, это информация о корабле. Если он их подведет, то возвращение домой будет долгим.

«Повелитель грома» был сфероидом из сплавов стали, расположенным вдоль оси драйв-трубок, чья скелетная структура выступала от кормы, подобно древнему судну.

Это был большой корабль: в самом широком месте диаметр его равнялся более чем тремстам метрам. Это был мощный корабль, хотя он и не был рассчитан для плавания вдоль эддикса Хофмана, но мог двигаться со скоростью, которая вывела его на гиперболическую орбиту — от Первой Земной станции до Джовианской системы менее чем за месяц! Но и у него были свои ограничения.

Он не должен был входить в атмосферу, а встать на орбиту и позволить челночным лодкам забрать его груз или заменить его на другой. Дело тут было не столько в огромной массе его двойной оболочки — это не так уж важно, когда на тебя работает атомная автоматика, — сколько в самой конструкции. Для того чтобы развивать свою фантастическую скорость, он должен был выбрасывать ионы почти на скорости света; это же требовало ускорительных трубок огромной длины, открытых вакуумному пространству. И если бы воздух окружил зарядные кольца, эти трубки образовали бы дугу и сгорели.

На его борту не было спасательных шлюпок. Когда покидаешь корабль с гиперболической скоростью, маленькое судно не может обладать двигателем, способным создать торможение до выхода из реактивной массы. Здесь, в большой холодной тьме за Марсом, убежать с корабля было невозможно.

Баннинг включил экран перед ним. Тот дал двусторонний ви-

зуальный контакт между несколькими ключевыми точками — в случае крайней необходимости.

— А если это не случай крайней необходимости, — проворчал тот, — то тогда уж я не знаю.

Прежде всего, биотическое поле, армированное в сердце корабля. Он вздохнул. С такими вещами не шутят — воздух и вода нуждаются в регенерации.

Далее, контрольные гироскопы. Экран показал ему их убежище — как колонны в каком-нибудь языческом храме. В свободном падении в осевой части корабля проплыло тело мертвого человека. Медленное течение воздуха перевернуло его раз-другой. Когда лицо появилось на экране, Баннинг узнал Тьеджинса, одного из двух стюардов. Он был убит выстрелом в голову, рядом с ним плавало небольшое серо-красное облачко.

Баннинг горько поджал губы.

— Я должен был приглядеть за тобой, — пробормотал он. — Прости, Джонни.

Он переключился на аппаратную. Камера была направлена прямо на главную контрольную панель, также находящуюся в осевой части в состоянии невесомости. Лицо, повернувшееся в свою очередь, к нему, принадлежало профессору Гомезу.

Баннинг глубоко набрал в себя воздух.

— Что вы там делаете? — спросил он.

— О... это вы, капитан. Я ожидал, что вы покажетесь. — Маленький человек осторожно подобрался ближе, но страха он не выказывал, так же как и космической болезни. — Здорово вы поработали над Фалькеном. Он мертв.

— Очень жаль, что вас там тогда не было, — сказал Баннинг. — Как остальные мальчики мои?

— Рыжеволосый человек — он был на вахте здесь, когда я появился, — боюсь, что я признал необходимым избавиться от него.

— Тьеджинс и О'Фаррел, — очень медленно проговорил Баннинг. — Застрелили их, так? Еще кого?

— Пока никого. Это ваша вина, капитан. Вы вмешались в дело раньше, чем мы успели подготовиться; мы вынуждены были действовать впопыхах. Первоначальный наш план не предусматривал причинения вреда кому-либо. — Его сморщенное лицо стало задумчивым. — Остальные находятся здесь, на мостике, в качестве пленников. Я советую вам спокойно сдать.

— В чем основная мысль? — пробурчал Баннинг. — Чего вы добиваетесь?

— Мы хотим захватить этот корабль.

— Вы что, с ума сошли? Вам известно, что значит управлять им... вам известно, сколько кинетической энергии он потребляет хотя бы сейчас?

— Большое несчастье, что умер Фалькен, — безо всякого выражения сказал Гомез. — Техническую сторону дела должен был

взять на себя он. Но, думаю, что его место сможет занять Андреев, при некоторой помощи с моей стороны — мне кое-что известно об атомных приборах. Джентри же, несомненно, является опытным астронавтом.

— Но кто же вы? — закричал Баннинг. У него возникло суеверное чувство, будто весь мир вокруг него погрузился в безумие. Зачем вам все это нужно?

— Вам совсем не обязательно это знать, — сказал Гомез. — Если вы сейчас сдадитесь, с вами будут хорошо обращаться и освободят, как только это станет возможным. В противном случае нам, возможно, придется вас застрелить. Запомните: у всех у нас имеется оружие.

Баннинг объяснил ему, что бы он сделал с его оружием и прервал связь. Включив микрофон для передачи приказов по кораблю, он коротко обрисовал создавшееся положение для тех членов команды, которые могли бы быть еще на свободе. Потом, выбравшись из будки, он торопливо сообщил остальным, как обстоят дела.

И снова бледность вернулась на лицо Клеони, лишь отливали золотом завитки волос. Но то, как она спросила: — Что мы можем сделать? — понравилось ему.

— Это зависит от ситуации, миледи, — ответил он. — Наверняка мы не знаем... посчитаем: еще один стюард, два инженера и палубный... мы не знаем, живы ли все эти четверо, взяты ли они в плен или нет. Боюсь, впрочем, что действительно взяты.

— Люк, — прошептала она. — Вы послали его...

Баннинг кивнул. Даже в это мгновение он увидел страдание в ее глазах и ощутил к ней жалость.

— Боюсь, что Люк был выведен из игры, — сказал он. — Не насовсем, конечно, я так надеюсь.

Взгляд Вейна был рассеянным и непонимающим.

— Но что они делают? — проговорил он, заикаясь. — Они... ненормальные?

— Это был бы слишком хороший вывод, — сказал Баннинг. — Это был тщательно продуманный план. В нужное время они наставили бы на нас пистолеты и заперли бы, или, может быть, застрелили. Люку удалось... не знаю как, но он напугал Андреева, и тот напал на него. Потом вмешался я. Я послал Люка за помощью. Не подозревая других пассажиров, он, должно быть, обратился к Тьеджинсу в присутствии другого члена банды. И бедный старина был застрелен, но, очевидно, Люку удалось скрыться. Тогда уже вся банда подняла тревогу, и Гомез отправился в аппаратную, чтобы взять ее под контроль, в то время как Фалькен и Джентри решили справиться со мной.

Быстрая и гладкая операция, несмотря на то что нам удалось вывести их из равновесия. Нет, они абсолютно здоровы: все это делается с совершенно определенными целями.

Он подождал минуту, собираясь с мыслями, а потом продолжал:

— Оставшиеся четыре часа члены команды должны находиться у себя, так как были свободны от дежурства. Положение такое, каким оно является сейчас, зависит от того, прервал ли Джентри охоту за мной настолько быстро, чтобы застать их врасплох прямо у себя. Надеюсь, что я схватился за микрофон раньше. — Внезапно он усмехнулся. — Терсус, останови вращение корабля. Быстро!

Помощник мигнул, а потом рассмеялся, — смех этот походил на отрывистый лай, — и направился к приборам.

— Прикрепиться, — сказал Баннинг.

— Что... что вы намереваетесь сделать, сэр? — спросил Вейн.

Поместить всю трубку в невесомость, — ответил Баннинг. — Это немного разрядит обстановку.

— Не понимаю.

— Ты что, никогда не видел, что такое всеобщее состояние свободного падения, а? Плохо. Это ценное искусство. Тренированный человек может сделать обезьяну из вонючки-покаунка с пистолетом.

Трудно было сказать, что больше шокировало Вейна — факт бунта или знание того, что капитан способен употреблять такие вульгарные выражения.

— Выше нос, сынок, — сказал Баннинг, — и вы тоже, Клеони. Вы выглядите как остаток еды в вулканизаторе.

Короткий толчок. Угловые двигатели выбросили химические пары и прекратили вращение корабля. На мгновение астроэкран сошел с ума, все еще компенсируя прекратившееся вращение, а потом изображение созвездий вновь сделалось холодным и уверенным.

— О'кей, — сказал Баннинг. — Нам предстоит действовать быстро. Терсус, пойдешь со мной. Чарли, Клеони — охраняйте мостик. Заприте за нами дверь и не открывайте ее никому, чей голос покажется вам недостаточно музыкальным. Если появятся наши мальчики, скажите им, чтобы подождали здесь.

— Куда вы идете? — слабым голосом спросила Клеони.

— Да нужно тут кое-кого убить, — с напускной веселостью ответил ей Баннинг.

Он медленно выплыл из двери. Низ и верх превратились в ничего не значащие понятия: осталась лишь путаница коридоров, комнат и лестниц. Кожа его покрылась мурашками при мысли о том, что за одним из перекрестков могут ждать вооруженные люди. Молчание корабля делало его нервы напряженными как проволока. Он подтянул себя вдоль перил, перехватывая по ним руками, и дверь за ним закрылась.

Камбуз находился на палубе «Б», как раз над помещениями пассажиров. Когда он открыл туда дверь, непривязанный чайник подпрыгнул и стукнул его по голове. Полка содержала обычный ассортимент ножей. Он заткнул несколько из них себе за пояс, два самых длинных он и Токугава оставили в руках.

— Теперь я уже не чувствую себя, как голый, — заметил он.

— Что дальше? — спросил помощник.

— Если наших парней держат в плену, то, вероятно, на территории команды. Давай-ка попробуем...

Собственные каюты космонавтов были на этом уровне. Космонавтам не требовалась полная, земного образца, гравитация, которая давалась пассажирам на палубе «А». С необходимой осторожностью Баннинг двинулся к той территории, о которой он всегда думал как о баке.

Такая уж полная осторожность была и не нужна. Андреев ждал с пистолетом в руке у двери в каюту, но он не был готов к полной потере веса. То, что он чувствовал себя не в своей тарелке, давало о себе знать.

Баннинг подтянулся.

Возмущенные чувства Андреева служили ему не так хорошо, как раньше. Он оглянулся, увидел появившуюся фигуру и закричал. Почти бессознательно, он поднял пистолет и выстрелил. Цель была почти перед ним, но он промазал. Он не мог не промазать при такой отдаче, что заставило его отлететь к стене и удариться о нее.

Но он не успокоился на этом. Отскочив от стены, он устремился к потолку. Баннинг усмехнулся, оттолкнулся от двери, он изменил курс и поплыл к Андрееву. Тот выстрелил снова. Выстрел прозвучал в узком проходе, подобно взрыву бомбы. Пуля оторвала Баннингу рукав. Отдача отбросила Андреева к потолку. Когда он восстановил равновесие, нож капитана был уже в его теле.

Капитан сонно улыбнулся, свободной рукой ухватил Андреева за тунику и закончил работу.

Токугава вернулся от потока крови. Вид у него был больной.

— Зачем вы это сделали? — выдавил он.

— Тьеджинс и О'Фаррел, — ответил капитан. Древний зеленоватый свет исчез из его глаз и он прибавил уже обычным голосом. — Давай-ка откроем эту дверь.

Кулаки забарабанили по двери. Тонкий металл гнулся под ударами, но держался стойко.

— Держитесь в стороне! — крикнул Токугава. — Я собираюсь разнести замок выстрелом из пистолета — ключа не могу найти, времени нет... — Он поймал плывущий в воздухе пистолет Андреева, приложил его дулом к замку и выстрелил. Его тоже отшвырнуло отдачей, но ему было известно, как управляться с подобными силами.

Люк Девон распахнул дверь. Инженер был бледен как мел. Баннинг раньше даже не представлял себе, что лицо может быть такого цвета. За ним сгрудились остальные: Нельсон, Бахадур, Кастро, Владимирович. Поместить пятерых людей в такую дыру уже само по себе означало демобилизовать их.

Голоса звучали вокруг капитана подобно прибою.

— Заткнитесь! — рявкнул он. — У нас еще много работы!

— Кто еще вовлечен в это дело? — требовательно спросил Девон. — Джентри убил Тьеджинса и захватил меня в плен и всех нас запихал сюда с помощью Андреева... но с кем еще нужно драться?

— Джентри и Гомез, — ответил Баннинг. — Фалькен отправился на корм собакам. Мы еще держим мостик, нас больше теперь, но в их руках аппаратная и все пистолеты, кроме одного. — Он протянул ножи. — Давайте-ка выбираться отсюда. Мы наделали достаточно шума, чтобы разбудить старых марсиан. Я не хочу, чтобы Джентри появился по горячим следам.

Мужчины устремились за ним, когда он нырнул в проем другой лестницы, ведущей к внутренней части корабля. Он хотел поставить охрану возле гироскопов и биотиков. Но не успел он еще распорядиться, как послышался сухой треск автомата.

Он вцепился в перила и так внезапно остановился, что едва не повредил кожу на ладонях.

— Вот что, — очень тихо сказал он. — Это может доноситься только со стороны мостика.

«Если я смог открыть дверь выстрелом, то Джентри, я думаю, тоже может».

К мостику был только один проход, короткий коридор, от которого отходило несколько боковых проходов. По обе стороны этого коридора находились капитанская каюта и каюты помощников, а в дальнем его конце был вход на мостик.

Баннинг вывернулся со стороны лестницы. Он не остановился, но скользнул к противоположной стене. В то место, где он только что был, ударилась пуля.

В мозгу его осталась быстро промелькнувшая картина: дверь открыта, Джентри уцепился одной ногой за один косяк, привалился спиной к другому. Стоя таким образом, он скрывал из вида остальных — Вейна и Клеони, если только они еще живы — и перекрывал подход к аппаратной. Отдача выстрелов совсем его не беспокоила.

Остальные, следовавшие за ним, кружили поодаль. Он подождал, пока его слуха не достиг голос Джентри:

— Итак, вы вернули своих людей, капитан. И один пистолет, насколько я понимаю, тоже? Хорошая работа. Но оставайтесь там, где есть. Я прострелю первую же голову, что появится из-за угла. Я знаю, как пользоваться пистолетом при нулевом, а Вейна и Роджерс я взял в заложники. Вы согласны на переговоры?

Баннинг украдкой бросил взгляд на Девона. Бескровные ноздри инженера дрогнули, но ответил именно он.

— Что вам нужно?

— Я думаю, ты это знаешь, Люк, — ответил Джентри.

— Да, — сказал Девон. — Думаю, что так.

— Тогда ты должен также понимать, что все возможно. Я не колеблясь застрелю Роджерс или направлю корабль к солнцу прежде, чем Охрана нас сцапает! Будет лучше, если вы сдадитесь.

Снова наступило молчание. Дыхание его людей и его самого

показалось Баннингу неестественно громким. Маленькие капельки пота выступили на их коже, заблестели в свете флюоролами и затанцевали в воздушных потоках.

Он вопросительно поднял брови, посмотрев на Девона. Тот кивнул.

— Все правильно, шкипер, — сказал он. — Мы имеем дело с фанатиками.

— Мы могли бы напасть на него, — прошипел Баннинг. — Потеряли бы, может быть, одного-двух людей, но...

— Нет, — сказал Девон. — Нужно подумать о Клеони. — Удивительное спокойствие маской накрыло его лицо. — Позвольте мне поговорить с ним. Может быть, удастся что-нибудь устроить. Будьте готовы действовать, как... как было указано. — Он сказал вслух о том, что они согласны на переговоры.

— Хорошо, — ответил Джентри. — Медленно выходите и прикрепитесь к перилам лестницы обеими руками в таком месте, чтобы я мог вас видеть. — Длинные ноги Девона исчезли из поля зрения Баннинга. — Так достаточно близко. Стоп.

«Он должен находиться метрах в 3 — 4 от двери», — подумал капитан и двинулся к углу лестницы.

Внезапно ему в голову пришла холодная уверенность в том, что у Девона должен быть план. Клан Ростомили всегда был таков. У него мурашки поползли по коже, но заговорить он не осмелился. Все, что он мог сделать, это забрать несколько ножей у ближайших к нему людей.

— Люк, — то был голос Клеони, шепот с мостика. — Люк, будь осторожен.

— О, да. — Инженер рассмеялся. Смех его оказался странно-нежным.

— Как насчет того, чтобы переметнуться на нашу сторону? — спросил Джентри.

— И до чего же омерзительна твоя улыбка, — сказал Девон.

— Ч то?

Последовавший за этим грохот, должно быть, привлек к себе все внимание Джентри. Девон рванулся к нему.

Раздался выстрел, Баннинг слышал, как ударилась пуля. Тело Девона перевернулось раз, другой и поплыло в глубину коридора.

Баннинг был уже за углом. Он не стал стрелять в Джентри: на это ушла бы решающая секунда, потому что предварительно нужно было бы прицеливаться.

Он швырнул нож.

Отдача была незначительной, тело его при движении рук поддалось назад, а потом вперед, но он к этому привык. Ему понадобилось всего лишь мгновение, чтобы швырнуть в Джентри все четыре ножа.

Джентри закричал, из его тела брызнула кровь, и он выпустил пистолет. Подплыл Токугава, ударил его в плечо. Они опустили

к полу. Помощник обвил ногами тело Джентри и нанес ему мастерский удар в область шеи.

Клеони пробиравлась по мостику к Девону. Баннинг уже был там и осматривал рану.

— Как он? — Девушка подобралась к ним.

Баннингу и раньше приходилось слышать подобные восклицания, больше похожие на крик боли, когда женщины видели кровь на своих мужчинах.

— Могло быть и хуже, — кивнул он. — Похоже, пуля ударилась в ребро и остановилась. Он в шоке., но в состоянии свободного падения пуля, обычно, не причиняет особого вреда, и избавиться от нее можно быстрее. — Он ударил по маленьким красным капелькам, плавающим в воздухе. — Проклятие!

Появился Вейн. Лицо его было серым.

— Этот человек... он выстрелом открыл дверь после того, как мы отказались его впустить, — запинаясь, пробормотал он. — У нас не было никакого оружия... и он угрожал мисс Роджерс...

— О'кей, оставим в покое это чудовище. В следующий раз не забудь встать у двери и схватиться с ворвавшимися в комнату врагами. Теперь вот что. Я помню по твоим бумагам, что ты умеешь оказывать медицинскую помощь. Забери Люка в больничный отсек и присмотри за ним хорошенько. Нельсон, помоги мистеру Вейну. Джентри еще жив?

— Он недолго проживет, если быстро не оказать ему медицинскую помощь, — сказал Токугава. — Ты неплохо над ним потрудился. — Он присвистнул в благоговении. — Вы вообще когда-нибудь просто стреляете в своих врагов, капитан?

— Заберите и его тоже, мистер Вейн, но у Девона есть право первенства. Бахадур, приведите в действие вакуумный собиратель и пусть он засосет все эти капли, пока они тут все не перемазались. Терсус... э, мистер Токугава, присмотрите за главным отсеком на случай, если Гомез попытается выбраться. Владимирович, отправляйтесь с ним. А вы, Кастро, оставайтесь здесь.

— Не могу ли я помочь? — спросила Клеони. Она пыталась заставить свои губы не дрожать.

— Идите в больничный отсек, — кивнул Баннинг. — Может быть, там понадобится ваша помощь.

Он нырнул на мостик и проверил контрольные приборы. Все еще выключено — хорошо. Гомез не мог ввести в действие двигатель, не приведя в действие двойную цепь. Тем не менее, у него было много помощников: машин, генераторов, насосов и еще всяких — там, где он находился.

Капитан вошел в отсек и подключил аппаратную.

Морщинистое лицо Гомеза казалось онемевшим.

— К вашему сведению, дружок, — сказал Баннинг, — мы только что вывели из игры Андреева и Джентри. Они оставили вас в одиночестве. Выходите-ка вы оттуда, представление окончено.

— Нет, — ответил Гомез. Голос его был плоским и неестественно-спокойным. Баннингу стало не по себе от звука его голоса.

— Неужели вы мне не верите? Если хотите, могу притащить сюда тела.

— О, да, я верю вам на слово. — Рот Гомеза искривился. — Тогда, возможно, вы окажете мне ту же честь. Взять меня в плен по-прежнему предстоит вам.

Баннинг ждал в течение нескольких долгих секунд.

— Я здесь, в аппаратной, — сказал Гомез. — Я один. Я запер внутренние двери: замок, предназначенный на случай особой необходимости. Вам придется выжигать себе путь, на это уйдут часы. У меня же будет достаточно времени на то, чтобы вывести из строя двигательную систему.

Баннинг был человеком не робкого десятка, но сейчас его ладони вдруг стали мокрыми, и ему пришлось вести борьбу с языком, который сделался сухим и тяжелым, чтобы ответить:

— Вы тоже умрете.

— Я вполне готов к этому.

— Но ведь вы этим ничего не достигнете! Только разобьете корабль и убьете нескольких людей.

— Я все равно закончу это дело, хотя бы для того, чтобы дать хоть намек, что и мы можем показать кое-что Охране, — сказал Гомез.

— Но для чего вы все это делаете? — воскликнул капитан.

Лицо на экране сделалось совершенно нечеловеческим. То было лицо, знакомое Баннингу (такие лица появлялись на страшных изломах истории) — лицо Цели, обретшей плоть и кровь.

— Вам совершенно не обязательно знать детали, — выдавил из себя Гомез. — Тем не менее, вы, возможно, поймете, что настоящее мягкое отношение правительства по отношению к угрозе Калифа на востоке и моральному падению на западе должно быть пресечено, если только цивилизации предстоит выжить.

— Понятно, — сказал Баннинг так тихо, как будто говорил в присутствии тикающей бомбы. — А поскольку терпимость вписана в закон Союза...

— Вот именно. Я ничего не имею против членов Союза. Но времена меняются. Если бы Фурр был сегодня жив, он согласился бы с тем, что действия необходимы.

— Всегда удобно использовать мертвых в качестве свидетелей, не так ли?

— Ч то?

— Неважно. — Баннинг кивнул сам себе. — Не предпринимайте пока никаких радикальных мер, Гомез. Мне нужно хорошенько подумать.

— Я даю вам точно один час, — сказал бесстрастный голос. — После этого я начинаю работу. Сам я не инженер, но, думаю, что могу на что-нибудь пригодиться, я изучал кое-что относительно

атомных установок. Вы сможете вызвать меня, когда будете готовы к сдаче. При первом же подозрении в нарушении нашего соглашения, я, конечно, немедленно разрушаю двигательную систему. — Изображение Гомеза исчезло.

Некоторое время Баннинг сидел неподвижно, чувствуя полную пустоту в голове. Потом он подошел к контрольному щиту, передал сообщение команде и вновь вернул кораблю вращение. По крайней мере, ощущение собственного веса им не помешает.

— Все время наблюдай за экраном, — сказал он, оставляя место первого пилота. — Вызови меня по интеркому, если что-нибудь произойдет. Я буду в больничном отсеке.

— Сэр? — Кастро недоумевающе посмотрел на него.

— Удобное место, — сказал Баннинг. — Скорость эквивалентна температуре, не так ли? Если так, то нам всем предстоит заполучить лихорадку, которая, вероятно, нас убьет.

Девон лежал распростертый на операционном столе. Он был прикреплен к нему специальными приспособлениями. Вейн только что удалил пулю хирургическим пинцетом. Теперь он прочистил рану и начал накладывать шов. Нельсон контролировал стерилизаторы, как УВ, так и сонический, а Клеони стояла рядом с ним с тазом и губкой.

При появлении Баннинга все они подняли головы с таким видом, как будто он их неожиданно разбудил. Хирургические инструменты теперь были доведены до такой простоты, что операцию мог произвести космонавт, прошедший медицинское обучение. Но сейчас на операционном столе находился человек, который мог умереть, и умы присутствующих лишь очень медленно отвлеклись от биения его сердца.

— Как он? — спросил капитан.

— Не так плохо, сэр, учитывая его состояние. — Делая эту работу, важную и особую, Вейн чувствовал себя достаточно компетентным. И говорил он теперь твердо и уверенно. — Я готов предположить, что он намеренно подставил грудь, когда нападал, зная, что кости могут действовать наподобие брони. Имеется, конечно, разбитое ребро и порванный мускул, но это не грозит чересчур серьезными последствиями.

— А Джентри?

— Умер пять минут назад, сэр, — ответил Нельсон. — Я сунул его в холодильник. Может быть, на Ганимеде есть оборудование для оживления.

— Особой разницы нет, — сказал капитан. — Ко времени нашего прибытия мозговой распад зайдет слишком далеко, не останется в живых личности, о которой стоило бы говорить.

Он слегка содрогнулся. Чистая смерть — одно, это же было другим делом, и он никак не мог к этому привыкнуть.

— Но, — сказал он, — нельзя ли привести Люка в сознание? Прямо сейчас?

— Нет! — Клеони едва не ударила его тазом, который держала.

— Заткнитесь. — Он повернулся к ней спиной. — Было бы плохим милосердием позволить ему спокойно спать сейчас и, возможно, умереть от истощения впоследствии за пределами Плутония. Итак, мистер Вейн?

— Гм-м-м... мне это не нравится. Но если вы на этом настаиваете, то, думаю, я смогу это сделать. Местная анестезия на область раны и умеренное количество стимулятора; кислород и неоплазма на случай... Да, я думаю, что несколько минут разговора ему не повредят.

— Хорошо. Начинайте. — Баннинг потянулся за трубкой, но вспомнил, что где-то обронил ее в суматохе и выругался.

— Что вы сказали? — спросил Нельсон.

— Неважно, — отозвался Баннинг. Хотя в такой обстановке с женщинами полагалось обращаться как с мужчинами, у Баннинга были старомодные представления на этот счет. Так что знание нескольких выражений на неведомых остальным языках оказывалось очень полезным.

Клеони положила на его ладонь свою.

— Капитан, — сказала она. — Глаза ее были затянuty дымкой усталости и... сочувствия? — Капитан, обязательно нужно его разбудить? Он ведь получил такую травму — ради нового блага.

— Возможно, что только он располагает информацией, которая может спасти наши жизни, — терпеливо объяснил капитан.

В интеркоме послышался голос:

— Сэр... Кастро на мостике... он демонтирует щиты, перекрывающие проход к главному масс-резервуарному устройству.

Вейн побелел, хотя и не прекратил работы. Он понял.

— Понятно, — кивнул Баннинг. — Вы не спрашивали у него, что ему нужно? Он обещал нам час.

— Да, сэр. Он сказал, что этот час у нас есть, но... на всякий случай он хочет быть готовым.

— Ловкач. Ему понадобилось бы значительное время на то, чтобы ввести в действие впускные клапаны: они отлично заделаны и защищены полем. Тогда процесс накачки занял бы еще больше времени. Мы могли бы за это время выжечь для себя проход.

— Может быть, нам следует сделать это сейчас, сэр?!

— Может быть. Соревнование между его инструментами и нашими факелами. Я дам вам знать. Будьте наготове.

Баннинг снова повернулся к Девону, покусывая губы. Инженер боролся со слабостью. Не отводя взгляда от его лица, капитан увидел, как затрепетали его веки, как слабая краска появилась на лице, а рот сделался твердым за прозрачной кислородной маской.

Клеони подошла поближе к столу:

— Люк...

Девон улыбнулся ей, и комната — холодное царство машин — наполнилась внезапно человеческим теплом.

Баннинг осторожно отстранил ее.

— Вы воспользуетесь своим правом позже, девочка, — сказал он. Склонившись над Девоном, он обратился к нему: — Хэлло, ловкач. С вами все о'кей. Можете сказать мне кое-что, сейчас чертовски необходимое.

— Попытаюсь... — Голос его был едва слышен.

Баннинг заговорил. Девон лежал, глубоко дышал и делал любопытные жесты руками. Ему следовало пройти тренировку по системе Тайм, потом... полная интеграция — хорошо! Он сможет удержаться в сознании, сможет даже собрать новые силы из скрытых в клетках резервов.

— Мы сцапали всю шайку, кроме Гомеза, который, кажется, и есть главарь всей этой банды. Он закрылся в аппаратной и угрожает всех нас угробить, если мы через час ему не сдадимся. Он действительно имеет это в виду.

— Да, о да, — Девон слабо кивнул.

— Что это за сборище? Чего они хотят?

— Лига — могущественная и большая группа, имеющая много денег... но подлинные операции держатся в тайне несколькими людьми.

— Я думаю, что знаю, кого вы имеете в виду. Западные реформисты, да?

Девон снова кивнул. Жилка, бившаяся на его шее, затрепетала сильнее.

Несколько мгновений Баннинг был погружен в раздумье. Последние годы большую часть времени он находился на Земле, а будучи на ней, не затруднял себя деталями политики, ибо распознал признаки упадка цивилизации. Казалось более разумным посвятить свое время ранчо, купленному им на Венере, чем углубляться в перепитии геноцида: ночное дремучее невежество и тиранию и там и тут. Тем не менее, он понимал, что антитехнический восточный культ Калифа создал собственное ядро оппозиции на Западе. А примитивно-угрюмый Реформизм вполне мог попытаться зажать своих врагов в кулак.

— Нечто вроде отношений, существовавших между нацистами и коммунистами в 20-е годы XX века, — пробормотал он.

— Кого? — спросил Нельсон.

— Неважно. Шесть частей одного и полдюжины другого. Сейчас, Люк, — Баннинг медленно обошел комнату, — для того, чтобы сбросить конституционное правительство и подчинить Землю своей воле, реформистам пришлось бы убить примерно несколько сотен миллионов людей, особенно в Азии. А это означает атомные бомбардировки, предпочтительно из космоса. Я прав?

— Да, — отозвался Девон. Он продолжал, и голос его набрал силу. — У них есть база, где-то в поясе астероидов. Они надеются

превратить ее в крепость с большим флотом, арсеналом, воинскими отрядами... подсобными рабочими. Это, конечно, дело будущего, но завоевание большого числа сторонников их партии все равно требует большого количества времени. Ведь нужно хорошенько подготовить граждан к мысли... Ладно. В настоящий момент их база не играет особой роли. Они не могут просто покупать корабли, регистрация выдала бы их. Им нужен по крайней мере один большой грузовой корабль, принадлежность и операции которого можно было бы держать в тайне, пока они не смогут начать серьезную работу.

— И избрали нас, — сказал Девон. — Да, теперь я могу понять почему. Не один этот корабль обладает большими возможностями, но тот груз, что сейчас находится на борту — терраформический состав, — мог бы оказаться ценным для них сам по себе. Мысль состояла в том, чтобы захватить эту посудину, привести ее на их базу — и «Повелитель грома» стал бы лишь еще одним таинственно исчезнувшим кораблем.

— Не думаю, чтобы они оставили нас в живых при подобных обстоятельствах, — продолжил Баннинг.

— Конечно.

— Как вы все это узнали?

— Порядок... Мы держимся в стороне от политики... официально... но у нас есть своя разведывательная служба и мы умеем спокойно ею пользоваться. — Так вот почему ему так не хотелось объяснять поведение Андреева! — Мы знали, в общих чертах, какова ситуация. Но, конечно, мы не знали, что именно этот корабль во время именно этого маршрута должен быть захвачен.

— Это понятно. Вы узнали Андреева?

— Да. Бывший инженер, под другим именем выгнанный из-за достаточно веских оснований. Сделана хирургическая операция, но что-то в нем меня беспокоило. Внезапно я подумал, что знаю, кто он такой. И я, как последний дурак, попытался с ним поговорить. Да, он отреагировал, наставив на меня пистолет! Позже я снова, как идиот, — я не подумал о том, что Джентри может оказаться его партнером, — сказал Тьеджинсу о случившемся в присутствии Джентри. — Девон вздохнул. — Старые Ростомили отреклись бы от меня.

— Сами вы не были воспитаны для секретной службы, — сказал Баннинг. — Ладно, Люк. Еще один вопрос. Гомез хочет, чтобы мы ему сдались. Я полагаю, это означает, что он запрет нас в каюте, кроме одного-двух, которые должны будут помочь ему вести корабль под дулом пистолета. После того как мы сбавим скорость и подойдем к тому месту, где с кораблем сможет состыковаться лодка с астероида реформистов, он передаст сообщение по радио и... Дьявол! Будут ли наши жизни сохранены потом, вот к чему я клоню?

— Сомневаюсь в этом, — ответил инженер.

— О, дорогой... — Он закрыл глаза, и Клеони быстро подошла к нему. Руки их сомкнулись.

Баннинг повернул прочь.

— Спасибо, Люк, — сказал он. — Я не знаю, имею ли я право рисковать жизнями ради спасения корабля, но теперь я понимаю, что никакого риска нет. Нам просто нечего терять. Клеони, вы можете остаться здесь и позаботиться о нашем мальчишке?

— Да, — прошептала она, глядя на него широко раскрытыми глазами. — Если нет никаких срочных дел.

— Их быть не должно. Он сработан из тефлона и кожи гремучей змеи. О'кей, тогда, значит, будете няней. Можете также приготовить кофе и сэндвичи. Остальная часть команды встречается со мной в ремонтных мастерских, кормовой отсек... Нет, вы остаетесь, Кастро. Попытаемся проделать путь к нашему другу Гомезу.

— Но он... он сбросит реактивную массу! — выдохнул Вейн.

— Может быть, нам удастся добраться до него раньше, чем он доберется до резервуаров, — ответил Баннинг. — Человек должен пытаться.

— Но... послушайте, сэр. Я знаю сколько времени нужно на то, чтобы справиться с главной масс-резервуарной системой. Даже делая скидку на то, что Гомез действует один и не имеет специальной подготовки, он может это сделать раньше, чем мы сможем пробраться через внутреннюю переборку. Таким образом мы не имеем шанса!

— Что же вы рекомендуете, мистер Вейн? — медленно спросил Баннинг.

— Надо сдать ему, сэр.

— Чтобы нас застрелили его ребята, как только ворвутся на корабль?

— Нет, сэр. Нас будет семь против одного Гомеза до того, как это случится. У нас есть некоторая надежда на то, что мы сможем прыгнуть на него...

— Очень слабая надежда, — сказал Баннинг. — Он не любитель. И если нам не удастся, то это будет означать не только нашу смерть, но и то, что шайка головорезов получит так нужный им корабль. Если же мы сгорим, но не дадим Гомезу захватить корабль, то, по крайней мере, умрем только мы. А не сотня миллионов людей через 20-30 лет.

«Правда ли это? Действительно ли ты веришь в то, что один человек может отсрочить судьбу? Каков твой выбор, капитан? По закону ты всеведущ и всемогущ, пока корабль находится в пути. Что же нам делать, о, бог кораблей!»

Баннинг застонал. «Клянусь Юпитером, такой вопрос — слишком много для одного человека!»

А потом вдруг весь напрягся.

— В чем дело, сэр? — Нельсон был немного встревожен.

— Клянусь Юпитером, — сказал Баннинг. — Клянусь Юпитером.

— Ч то?

— Неважно. Идемте. Будем выкуривать оттуда Гомеза.

Последний слой упрямого металла побелел, растаял и побежал по уже образовавшимся каемкам. Бахадур выключил электрический факел, снял маску с темного лица и сказал:

— Все в порядке, сэр.

Баннинг осторожно подошел к тяжелым проводам факела. Его люди атаковали переборку неподалеку от покрытия корабля из соображений неожиданности и веса.

— Каково положение внутри? — спросил он в микрофон.

Интерком ответил с мостика, где Кастро держался возле телеэкрана, наблюдая за работой Гомеза.

— Накачка все продолжается, сэр. Думаю, он действительно имеет это в виду.

— Нам очень повезло, — сказал Баннинг, что сам он не инженер. Вы бы подожгли эти резервуары еще полчаса тому назад.

Он подождал еще мгновение, собирая силу и волю.

— Перед ним сгустилась темнота. Он держал в руке пистолет.

— Ладно, Владимирович, пошли, — сказал он. — Если мы не вернемся через десять минут — пусть за нами следуют Вейн и Бахадур.

Он отклонил все яростные протесты Токугавы и приказал первому помощнику при любых обстоятельствах держаться до конца. Только он обладал способностью в случае надобности показать искусство высшего пилотажа, что было их последней надеждой. Он и Нельсон притаились у другого конца переборки, готовые к диверсии против Гомеза.

Баннинг скользнул в дыру. За ней было так же темно. Там находилась маленькая внутренняя комната, в которой никто не включал света. Он подумал: ждет ли Гомез за дверью, готовый выпустить пулю в живот первому появившемуся.

Дверь, которая вела в главное контрольное помещение, являла собой тонкую металлическую пластинку. Вращение поместило ее над головой Баннинга. Он взобрался по лесенке. Положив руку на замок, он повернул его с огромной осторожностью, распахнул дверь и влетел в нее.

Флюоролампы лили безжалостный яркий свет. Примерно в середине стальной пещеры он увидел Гомеза, плавающего перед открытой панелью.

Итак, адов круглоголовый не слышал, как они прорывались к нему!

Теперь он услышал. Он неуклюже повернулся и потянулся к пистолету на поясе. Баннинг выстрелил. Пуля его просвистела мимо цели и заметалась по большому помещению. Гомез выстрелил в ответ. Отдача оторвала его от подпорки, за которую он держался, и заставила отскочить к стене.

Баннинг устремился за ним через паутину проводов, лестниц и подпорок. Чем ближе он оказывался к оси, тем больше падал его

вес: ему пришлось преодолевать типично кориолисное кружение. Гомез, уходя от него по спирали, ударился о контрольное кресло, вцепился в него, остановился и припал к нему.

Баннинг ощутил работу аварийного насоса. Он дрожал в окружавшем его металлическом поясе, и каждое мгновение означало потерю массы... подобно тому, как уходит кровь из рассеченной артерии. Системой вспышек пользовались редко — только в том случае, если реактивная масса загрязнялась или по подобной причине.

Гомез нашел новый способ, — мрачно подумал Баннинг, — потерять команду и корабль.

— Выключи эту штуковину, Влад, — сказал он сквозь зубы.

— Остановитесь там, где стоите! — закричал Гомез. — Я выстрелю! Я так сделаю!

Владимирович начал пробираться к рубильнику. Гомез вскинул пистолет и начал стрелять.

За данные ему несколько секунд он не успел повредить ничего ценного. При вращении корабля в состоянии свободного падения силы, воздействующие на пулю, столь сложны, что практической баллистике нужно просто переучиваться. Но этот кусок свинца мог убить кого-нибудь по нелепой случайности, рикошетом, если только...

Баннинг вцепился в пистолет, прицелился и выстрелил.

После второго выстрела Гомез дернулся. Пистолет выпал из его руки, шлепнулся в кресло и застыл.

Баннинг направился к Гомезу. Хорошо бы сохранить его в живых, допросить и... Нет. Добравшись до него, он понял, что жизнь покидает его. Выстрел в сердце не обязательно является фатальным, но на сей раз он таковым явился.

Насос остановился.

— Ну? — Баннинг обернулся, в его голосе было огромное нетерпение. — Сколько мы потеряли?

— Да кое-что, сэр. — Владимирович прищурился, глядя на приборы. Голос его был нервным. — Боюсь, что слишком много.

Они встретились в обеденном салоне: семеро здоровых мужчин, один раненый и женщина. Некоторое время они могли только смотреть друг на друга и читать в глазах друг друга смерть.

— Принесите-ка скотч, — наконец сказал Баннинг. Легкая улыбка искривила его губы. — Если ваши лица по-прежнему будут продолжать вытягиваться, люди, то вы начнете спотыкаться о собственные подбородки.

Клеони, сидевшая у изголовья кушетки, на которой лежал Девон, погладила инженера по волосам. Взгляд ее был затуманен печалью.

— Вы ожидаете, что мы будем счастливы после всех этих убийств? — спросила она.

— Нам повезло, — сказал Баннинг, — мы потеряли двух хороших людей, это так, но все негодяи мертвы.

— Это не так уж хорошо, — сказал Девон. — Я предпочел бы заполучить их в свои руки, узнать, где находится их астероид и... — Он замолчал. — Подождите, Джентри все еще в морозилке, не так ли? Если его оживят на Ганиমেде, то, может быть, его мозг окажется не слишком деформированным для взятия, по крайней мере, пробы из глубокой памяти.

— Ничего не выйдет, — сказал Баннинг. — Все, что можно, придется выбросить за борт. Нужно облегчить корабль. Если ваши люди из разведки Порядка или Охраны, ради такого случая, достаточно хороши, они смогут выследить таких людей, как эти наши игроки и вырвать их семена.

— Прошу вас! — Клеони вздрогнула.

— Прошу прощения, — Баннинг раскурил трубку и глубоко затянулся. — Это запрещенная тема, не так ли? О'кей, давайте сконцентрируемся на проблеме выживания. Вопрос состоит в том, как использовать не адекватное количество реактивной массы, оставшейся в резервуаре.

— Боюсь, что я не вполне понимаю, — сказала Клеони.

Вид у нее был более озадаченный, чем испуганный. Но это все больше в ней нравилось Баннингу. Девона можно было считать счастливчиком, если они выживут... хотя она заслуживала лучшей судьбы, чем инженер, вечно скитающийся по космосу и не имеющий права заключать официальный брак, пока не уйдет в отставку со службы.

— Это достаточно просто, — сказал он ей. — Мы на гиперболической орбите. Это означает, что мы движемся со скоростью большей, чем та, которая нужна, чтобы остаться в Солнечной системе... Если мы немного не сбросим ее, мы будем продолжать двигаться, и как бы мы не сократили наш рацион, еды на борту осталось лишь на несколько недель, а суспензерного вещества нет.

— Разве мы не можем радировать о помощи?

— Мы за пределами действия нашего радио в любом направлении.

— Но, потеряв нас... разве они не могут послать за нами спасательные корабли. Орбиту ведь можно рассчитать, не так ли?

— Не настолько точно. Любая небольшая ошибка, в том случае когда путь следования настолько чудовищно длинен как наш, потребует на наши поиски столько времени, что они вообще станут бессмысленными. Было бы замечательно, если бы корабль Охраны подошел к нам хотя бы на пять миллионов километров, что в общем-то, маловероятно. Это касается только нас. Нам нужно уменьшить скорость примерно на несколько сотен километров в секунду.

Но у нас нет достаточного количества реактивной массы, чтобы это сделать.

Нельсон появился с бутылкой и стаканами. Он обошел всех присутствующих, а Девон тем временем сказал:

— Простите меня, капитан, но я думаю, что и вы сами об этом подумали, но, в конце концов, сейчас не время соблюдать субординацию. Главное — результат. Если мы избавимся от всего, что не является абсолютно необходимым: груз, обстановка, даже внутренние стены и полы...

— Мы с Терсусом об этом подумали, — ответил Баннинг. — Помните, я ведь только что сказал, что нужно облегчить корабль. Мы даже подумывали о снятии внешнего корпуса, хотя есть шанс налететь на метеорит. Это совсем не сложно. Космические корабли сконструированы таким образом, чтобы их можно было с достаточной легкостью разобрать на части с помощью нужных инструментов при ремонтных работах. И если мы возьмемся за это дело все сообща, мы, я думаю, закончим этот процесс к тому времени, когда нужно будет замедлить скорость.

Вейн посмотрел на бутылку виски. Он не пил: на сегодняшнем Западе такое занятие не считалось особенно подходящим. Но лицо его делалось все более суровым, пока внезапно он не протянул руку и не схватил бутылку, после чего приложил ее горлышко к губам. Откашлявшись, он хрипло произнес:

— Ладно, сэр. Почему вы не хотите им сказать? Мы все равно не сможем достаточно снизить скорость.

— Я как раз подхожу к этому, — ответил Баннинг.

Девон крепко сжал в своей руке руку девушки.

— В чем дело? — спросил он, не повышая голоса.

— Что ж, — сказал Баннинг, — мы можем войти в Джовианскую систему, если захотим, при этом окажемся без горючего при скорости примерно, 50 километров в секунду по отношению к планете.

Девон свистнул.

— Но должны ли мы это делать? — поинтересовался Бахадур. — Я имею в виду, сэр, не можем ли мы при этой скорости перейти на эллиптическую орбиту вокруг Солнца?

— Боюсь, что нет. 50 километров в секунду — скорость еще гораздо большая, чем там, что нужна для выхода из Солнечной системы в этом районе космоса.

— Но посмотрите, сэр. Если я правильно понял, собственная скорость Юпитера намного перекрывает 50 километров в секунду. Это значит, что сама планета будет давать нам всю эту скорость. Если мы не подойдем к ней ближе, нам следует иметь массу, достаточную для того, чтобы нас швырнуло к кометам...

— Ловкач, — сказал Баннинг. — Мы и это тоже просчитали. Вы не далеки от истины, мы можем превратиться в комету. Самое лучшее, что нас в таком случае ожидает, это попасть через несколько

лет в зону радиослышимости, но... космос так велик, что нас никогда не смогут найти на такой непредсказуемой орбите, если только мы не зовем о помощи и не будем услышаны.

— Г о д ы, — прошептала Клеони.

Ужас, нарастающий в ней, не был просто ужасом смерти. То было внезапное пришедшее понимание того, как велика и стара эта Вселенная, в которой она так беззаботно жила. Баннинг, которому уже приходилось встречаться с подобным, соболезнующе помолчал.

Через минуту она выпрямилась и встретила его взгляд.

— Все в порядке, капитан, — сказала она. — Продолжайте ваш урок математики. Почему мы не можем просто попросить подобрать нас, когда мы приблизимся к их системе?

— Вы знали, что какая-то уловка есть, а? — пробормотал Баннинг. — Это элементарно. Республика бедна и находится на задворках. Единственные ее космические корабли — устаревшие межзвездные челноки, и они не смогут сблизиться с кораблем, который движется со скоростью 50 километров в секунду.

— И мы не можем сбавить скорость настолько, чтобы они могли к нам подойти. — Вейн спрятал лицо в коленях.

— Я созвал вас не для совместных рыданий, — сказал Баннинг. — Одна возможность у нас все-таки есть. Сработает она или нет, неизвестно — такое раньше никогда не пробовали, — но Терсус чертовски хороший пилот. Он ухитрится выводить такие пируэты, какие вам никогда и видеть не приходилось.

Это заставило их всех выпрямиться. Но Девон недоверчиво покачал головой.

— Не сработает, — сказал он. — Даже после проведенных измерений Ганимед не имеет достаточной атмосферы, чтобы...

— Юпитер обладает достаточной атмосферой, — сказал Баннинг.

Воцарилось полнейшее молчание.

— Нет, — сказал, наконец, Вейн. Он говорил быстро, и слова как горошины вылетали из его обескровленных губ. — Такое может выйти только по счастливой случайности. Мы могли бы потерять скорость, да, но мы можем и сгореть в плотной атмосфере Юпитера. Кроме того, мы не можем точно рассчитать наше положение в пространстве после торможения в атмосфере, такой плотной и такой неспокойной, как у Юпитера.

К тому времени, как мы рассчитаем, каким действительно будет его путь, и дадим джовитянам знать, и их лодки достигнут нас... мы будем уже на следующей спирали!

— А всего будет «бум»! — сказал Девон. — Водород и гелий при 140 абсолютных градусах. Не слишком пригодно для дыхания.

— И мы расплющились бы о поверхность гораздо раньше, чем попробовали бы вдохнуть в себя эту смесь, — саркастически заметил Владимирович.

— Нет, не обязательно, — возразил Бахадур. — Наша внутренняя оболочка может выдерживать, возможно, 200 атмосфер давления. Но Юпитер тяготеет к десяткам сотен. Мы были бы расплющены в лепешку задолго до того, как достигли бы поверхности.

Баннинг поднял брови.

— Вам известна лучшая дыра? — спросил он с вызовом в голосе.

— Что? — Вейн с недоумением заморгал.

— Знаете что-нибудь, что даст нам лучшую возможность?

— Да, знаю. — Его лицо застыло. — Давайте подумаем о положении кометы вокруг солнца. Поскольку мы ничего о себе не сообщали, нас будут искать корабли Охраны. У нас есть очень маленький шанс, что нас найдут. Но возможность быть подобранными джовитянами во время этих сумасшедших ныряний вообще ничтожная!

— Похоже, что ни тот ни другой способ ничего хорошего не сулят, не так ли? — спросила Клеони. Губы ее дрогнули в печальной улыбке. — Но я предпочла бы погибнуть сразу, умереть от одного удара, чем... наблюдать, как все мы сморщиваемся и умираем один за другим или бросаем жребий — кто должен быть съеден следующим. Я предпочла бы умереть, как подобает человеку.

— То же самое, — сказал Девон.

— Не я! — Вейн встал. — Капитан, я не хочу этого. Вы не имеете права... отбирать маленький шанс потому, что другая возможность предлагает быструю скорость. Нет!

Баннинг шепнул что-то и шлепнул по столу.

— Я поздравляю вас с тем, что вы так мастерски подтверждаете свой сертификат, мистер Вейн, — проворчал он. — А теперь, садьтесь.

— Нет, клянусь вечностью! Я требую...

— С а д ь т е!

Вейн сел.

— Собственно говоря, — продолжал Баннинг, понизив голос, — я согласен с тем, что шанс на спасение джовитянами незначителен. Но я думаю, что у нас есть шанс, что мы сами спасем себя. Я думаю, что мы сможем сделать то, что никто не пытался сделать до нас — войти в джовианское небо и поиграть с ними в кошки-мышки.

Издалека, пока они приближались к своей судьбе, Юпитер казался таким великолепным, каким, возможно, не кажется даже само Солнце. Из холодной огромной звезды — к диску цвета амбры, а от него — к горящему щиту, опоясанному бурей — это зрелище поражало нас до глубины души.

Но потом пугало. Мы подходили еще ближе и щит превращался в котел, готовый вас поглотить.

Цифры говорили кратко: проходная скорость Юпитера примерно 59 километров в секунду. «Повелитель грома» обладал, соответст-

венно, 52. Если бы он просто просвистел мимо планеты, ее гравитация бы замедлила его снова, и они бы не вернулись к той скорости, которая превратила бы его в пар. Не существовало никакой возможности того, чтобы старые лодки колонистов могли бы подойти близко к нему в любой точке такой орбиты: им бы потребовалось гораздо более совершенное предупреждение, нежели то, которое могло им дать коротковолновое радио.

Вместо этого Токугава использовал последнюю реактивную массу, чтобы нацелиться на внешнюю кромку атмосферы.

Первый проход был почти беззвучным. Только короткий жалобный визг, ощущение жара на человеческих лицах, слабые следы торможения говорили о том, что корабль встречается с воздухом. Потом он снова ушел в вакуум, выписав длинный узкий эллипс.

Баннинг работал над радио. Наконец он напал на волну Ганимеда. За ним Токугава и Вейн вперились в видеоэкран, читая по звездам и лунам, пока компьютер рассчитывал орбиту.

— Хелло, хелло! Вы слушаете?

На космопорте «Х» слабо отозвался голос:

— Ой, «Победитель грома». Центральная Астро Контрольная, Ганимед. Говорит Харрис. Встали на орбиту?

— Очень приблизительно, — ответил Баннинг. — Нам нужно еще несколько показаний, конечно, чтобы рассчитать ее более точно. Ждите дальнейших сообщений. — Он вынул ленту из компьютера и прочитал цифры.

— Мы отправили в сектор три лодки, — сказал Харрис. — Они попытаются вас найти. Удачи.

— Спасибо, — сказал Баннинг. — Она бы нам очень пригодилась.

Токугава производил другие вычисления. Его маленькие умелые пальцы так и мелькали.

— Мы скоро ударимся об атмосферу, примерно через 59 часов, шкипер, — отчитался он. — Это даст маленькой группе достаточно времени для работы.

Баннинг огляделся. Теперь не было задней стены, на которой можно было бы остановить взгляд. Кроме центральной секции с ее жизненно-важным оборудованием между мостиком и кормой мало что осталось. Почти все внутренности корабля отправились в долгое путешествие к лунам. Корабль превратился в полую раковину, опутанную паутиной проводов.

Он чувствовал себя убийцей.

На другой стороне огромного сфероида он увидел Девона, плававшего в состоянии нулевого «ж», показывающего персоналу, как обращаться с космическими скафандрами. Пока они находились в состоянии нулевого «ж» инженеру легче было управляться с дававшими о себе знать ранами — сломанным ребром и так далее.

Его помощники должны были выбросить за борт все оборудование, все, что имелось на борту. Теперь все было убрано и не

осталось ничего, что вело бы корабль, кроме безличных сил небесной механики. Генераторы работали исправно, в запасниках было сконцентрировано энергии достаточно, чтобы в течении недель насыщать раковину светом и теплом. Если юпитеряне не поймут их в пространстве, эти недели тоже могут им понадобиться.

Баннинг вздохнул. С тех самых пор как первый человек выплыл в море на кое-как обтесанном бревне или в плетеной корзине, капитан всегда испытывал дикий страх потерять свой корабль.

Была одна подводная лодка, давным-давно, но ему до сих пор было трудно о ней вспоминать, хотя это была и не его вина. Конечно, ему нужно было бы придумать что-то такое, что могло бы спасти их жизни сейчас, потому что он уже неплохо разбирался в подводных лодках... а смогли бы это сделать Монгольфье или Архимед?

К нему подплыла Клеони. За последнее время она приобрела некоторый опыт в этом виде искусства.

— Нельзя ли мне вас побеспокоить? — спросила она.

— Конечно, — Баннинг вытащил трубку. Ему было приятно ее присутствие. — Красивая девушка никогда не может побеспокоить. Это совершенно определенно.

Она устало улыбнулась и отбросила с глаз прядь волос. Волосы создавали нечто вроде ореола вокруг измученного лица.

— Я чувствую себя такой бесполезной, — сказала она.

— Чепуха. Регулярно готовьте еду, и принесете много пользы. Тьедженс и Нельсон всегда были отменными обжорами.

— Мне бы хотелось... — Лицо ее вспыхнуло. — Мне бы так хотелось понять работу Люка.

— Конечно, — Баннинг открыл табакерку и начал набивать трубку: занятие не из легких в состоянии свободного падения. — В чем же дело?

— Только... мы же должны удариться о воздух так сильно... быстрее, чем делают метеоры, когда падают на землю, не так ли? Почему же мы не сгораем?

— Метеоры на самом деле не сгорают. Они испаряются. Мы же пока коснулись лишь очень разреженных слоев воздуха. Мы не нагрелись до такой температуры, о которой стоило бы беспокоиться. Большое количество тепла было унесено самим воздухом.

— Но все же... я никогда не слышала о том, чтобы за счет торможения в атмосфере можно погасить скорость столь высокую, как наша.

Баннинг щелкнул зажигалкой и сделал глубокую затяжку.

— По сути дела, — сказал он, — я не думаю, чтобы такое можно было проделать на Земле или Венере, в их атмосферах. Но гравитационный потенциал Юпитера выше в 10 раз, поэтому воздух в соотношении с высотой разряжается более медленно. Другими словами, мы имеем дело с более плотным слоем разряженного воздуха для торможения. И это хорошо. Нам придется сделать несколько

проходов, если нас не спасут, нам придется этим заниматься энное количество дней, но сделать это возможно.

Он вынул трубку изо рта. Курить в состоянии свободного падения было делом нелегким. Циркуляторы воздуха, которые ограждали нас от неприятной возможности дышать собственным дыханием, не могли оказать особой помощи, когда имеешь дело с таким маленьким предметом, как трубка. Но он очень нуждался в ее поддержке. Очень.

Через много часов челночная лодка с Ганимеда подошла достаточно близко, чтобы оказаться в зоне видимости с «Повелителя грома».

Но «Повелитель грома» уже провалился в глубину гравитационного поля Юпитера, равную которой не могли развить двигатели лодки.

Относимый течением корабль исчез из вида, скрывшись за огромным лицом планеты. Высокие облака накрыли его своей вуалью, спрятав от глаз телескопов. Юпитер более чужд, чем это может представить себе человек.

Новая его орбита была не так уж отлична от предыдущей. Но лодки, которые почти достигли его, вынуждены были двигаться дальше: они не могли просто так повернуть в этом плотном поле. Так что «Повелитель грома» совершил еще один долгий переход. К тому времени, как он был окончен, Ганимед оказался в невыгодном положении, а Калисто вообще всегда пребывал в таковом. Так что корабль вошел в атмосферу Юпитера в третий раз, уже неожиданно.

При следующем выходе в вакуум орбита его сократилась и значительно искажилась. Тем не менее, была надежда. Ганимедяне, в конце концов, приспособились: они произвели великолепные вычисления того, какой надлежало быть четвертой свободной орбите и направили хорошо оснащенные горючим лодки в зону встречи с кораблем.

Только... «Победитель грома» не появился нигде поблизости от вычисленной зоны.

То было чистой воды невезением. Команда Девона, работавшая все то время, когда корабль был в вакууме, почти отрезала кормовой отсек. Последний нырок в жестоко сопротивляющемся воздухе довершил дело. Под воздействием тормозящих сил эта часть яростно задержалась, швырнув корабль в стратосферу. Наконец, она высвободилась, но корабль оказался на совершенно другой орбите.

Радио сказало слабым, удаляющимся голосом:

— Снова пропустили вас. Не знаем, удастся ли подойти к вам ближе в следующий раз. Ваш период становится очень коротким.

— Может быть, не стоит и рисковать, вздохнув сказал Баннинг. Он надеялся на большее, но, если боги рассудили, что кораблю

непрерывно предстоит врезаться в Юпитер, то приходилось только принять это как неизбежное. — Надеюсь, все будет в порядке.

Снаружи заунывно свистел воздух. Давление было несравненно больше того, что существует на дне самых глубоких земных впадин.

При финальном проходе Баннинг радировал:

«Это сообщение будет последним, если не считать десятиминутного сигнала на той же волне, когда мы встанем. При допущении, что мы останемся живы! Нам пришлось экономить емкость. Прежде чем подоспеет помощь, пройдет некоторое время. Когда это случится, вызовите меня. Если мы останемся в живых, я отвечу, и тогда мы условимся о дальнейшем. Понятно?»

— Понятно. Удачи, космонавт... там и тут.

Наблюдая за тем, как сгущается туман на видеоэкране, Баннинг в сотый раз сложил в уме ряд цифр.

По расписанию он должен был через 15 дней передать сообщение на Фобос. Если оно не придет, Охрана должна будет послать корабль с высокими возможностями узнать, что случилось. Несколько дней на это. Еще неделя — на его возвращение к Марсу с отчетом о фактах. Марс должен будет вызвать Луну по радиолучу — это, по крайней мере, быстро — и Охрана или, возможно, инженеры смогут сразу приняться за дело.

Инженеры располагали кораблями, способными войти в атмосферу Юпитера мощными, но имеющими небольшую скорость. Такой корабль мог бы быть доставлен быстроходным кораблем Охраны. Но все же переход должен занять пару недель.

Скажем, шесть недель максимум до прихода помощи. А вероятнее — четыре недели независимо от того, какая скорость может быть развита.

Что ж, «Повелитель грома» снабжен энергией более чем на шесть недель. Это время обещало быть далеким от забавного под двумя добавочными «g», хотя работа гравитатора должна была защитить людей от травм. И ветры могут дать знать о себе. Впрочем, они были защищены и от них, так как находились выше территории вертикальных потоков, в том, что можно было назвать стратосферой Юпитера...

Красное пламя метнулось по экрану.

Люк Девон, как и все, прикрепленный к креслу, позвал через пустоту корабля:

— Если бы я только знал, что это должно случиться... какая возможность для исследования! У меня осталось несколько приборов, но это будет чертовски трудно!

— Лично я, — отозвался Баннинг, — спас колоду карт и несколько покерных фишек. Но я не думаю, чтобы у вас было особенно много времени на исследования, во всяком случае, в атмосфере Юпитера.

Он мог представить себе, как вспыхнула Клеони. Он жалел, что смутил ее, эта девушка ему действительно нравилась. Но по-

следовавший за этим заразительный смех остальных стоил этого. Пока люди способны смеяться, особенно над такой плохой шуткой, у них есть шанс выстоять.

Корабль уходил все ниже и ниже. Один раз, пойманный могучим потоком, он повернулся. Если бы он не был так облегчен, то опять бы получилась чертовская заваруха. Распределение массы было таково, что большое неповоротливое судно всегда ощущало собственный объем, но... да, размышлял Баннинг, им следовало бы иметь какую-то броню, прикрепленную ко внутренним скобам.

Ветер, что гудел за корпусом, ослабил свое органное пение.

— Мы теряем скорость, — сказал Токугава. А позже, глядя поверх приборов: — Мы останавливаемся.

— Конец пути, — Баннинг потянулся. Каждая его косточка ныла от усталости.

— Теперь мы мало что можем сделать. Давайте все привяжемся к койкам и поспим неделю.

Собственный вес в атмосфере Юпитера удвоился. Но все они были живы. И корабль, хоть и опустошенный, все еще держал на своем борту воздух, еду и питье, инструменты и материалы, игры и книги — все, что было нужно, чтобы сохранить им ясность ума и занять, пока они находились в вынужденном ожидании.

Его вычисления подтвердились. Шаровидная стальная оболочка диаметром триста метров может перенести более, чем сто тысяч тонн, не считая собственной массы, и сохранить внутри необходимое для людей давление воздуха в одну атмосферу. Такой шар будет плавать в очень плотной атмосфере Юпитера...

Подобно капле масла в денситометре, подобно свободному шару над Францией XVIII столетия, подобно маленькому непокорному пузырьку в небе плавал над Юпитером «Повелитель грома».

МУСОРЩИКИ ЛУНЫ

Повесть

Голодный человек выскочил из лодки и погрузился в тишину. Он мог слышать бег крови по венам, свист выходящего из ноздрей воздуха, тоненький свист насоса, накачивающего воздух в восстановительное устройство. Он ясно ощущал напряжение своей плоти, поворот каждой мышцы, чувствовал запах своего тела, заключенного в узком пространстве, пустоту в желудке, которая доминировала над всем остальным. Но он, не считая всего этого, был совершенно один, и Вселенная, что стелилась за его шлемом, была еще более пустой, чем он сам. 12 тысяч звезд, ярких и неподвижных, нарушали черноту пространства горделивым свечением. Млечный Путь создавал единый застывший водопад. Слева от него располагалось Солнце, ставшее

меньше, но все еще непереносимо яркое. Но это не имело значения. Все это было слишком далеко.

Он силой вернул себя к нормальному состоянию — умение, достигнутое долгой тренировкой. «У меня начинается головокружение, — подумал он. — Я не могу этого себе позволить. Не сейчас.» Мертвый корабль был весь на виду. Из кормового изгиба с такой силой бил свет, что ему пришлось защитить одну половину лица рукавицей. Дыры зияли в огромном сфероиде подобно голодным рта́м. Он выбрал наиболее поврежденное место и, используя реактивные двигатели скафандра, поплыл к дыре. Он мог бы поставить свою лодку ближе к пролому. Но у него был лишь минимум электронных средств. В остальном ему пришлось полагаться на собственные чувства и мускулы, возможности которых он, как и его отец, научился максимально использовать.

На несколько мгновений он унесся мыслями далеко от этих мест и поймал себя на том, что пытается вообразить себе путешествие на Земле. Или хотя бы на Марсе. Речь шла не только об открытом воздухе (он считал, что может достаточно хорошо вообразить все это по виденным фильмам.) Его интересовало взаимодействие со средой в земных условиях...

Корпус громоздился перед ним подобно округлому утесу.

Внимательно следя за тем, чтобы ноги его двигались поочередно, он приблизился к неровному краю дыры. Сквозь нее внутрь корабля падал солнечный свет, образуя неподвижные темные тени за оборудованием и приборами. Он нахмурился. Проклятие! Камни просто разнесли это место. Корабль нуждался в дорогостоящем ремонте, прежде чем снова станет пригодным к пользованию. Это уменьшит вознаграждение за спасение и, тем более, его коммиссионные.

Если, конечно, на борту нет особого груза. Легкость наполнила его, отогнала усталость. Он вошел.

Освещая путь слабым светом фонаря, он направился по мрачному коридору к черному проходу в главный отсек.

Тот не был запечатан. На грузовых судах так бывает всегда. Он отворил дверь и прошел вперед мимо разбитой упаковки. Луч его фонаря заметался в поисках, пока не наткнулся на надпись:

Расперианская электроника

СНХ — 107

2000

Последующие надписи его не интересовали. Луч его перепрыгивал с места на место, ища повторения подобных надписей. Сердце его затрепетало.

— Святой Иуда, — пробормотал он и на минуту углубился в ничем не омрачаемую радость.

Это был очень ценный груз. Никто не мог бы пожелать большего. То, что он увидел, сделало его богатым.

Он задрожал. Волна слабости пронзила его тело. «Лучше поскорее вернуться назад. Остальная часть груза неважна. Потом будет достаточно времени, чтобы ее рассмотреть.»

Повернувшись, он с такой поспешностью покинул помещение, что оторвал одновременно обе ноги и поплыл, сыпя проклятиями, пока не смог ухватиться за балку. Это его отрезвило. Двигаясь уже с большей осторожностью, он оставил корабль и вернулся к лодке. Было бы чертовски глупо вот так нелепо погибнуть теперь здесь, когда тысячи соблазнов сделались для него возможными, когда на Кипе ожидают его женщины, виски и веселье.

Узкая неудобная кабина лодки окружала его кольцом металла. Он закрыл люк, снял скафандр, напряженно следя за тем, чтобы не коснуться голыми руками его застывших на холоде внешних частей. Потом он прошел к пульту, снял навигационные показания, рассчитал необходимые показатели и послал луч связи через два миллиона пустых миль.

— Седлер со спасательного судна «Капитан Хун». Оперативному контролю Кипа, — передал он. За этим последовала цепь кодовых символов. Шеф Корриган не полагался на волю случая. Если он не будет уверен в том, что сообщение послал кто-то из его собственных людей, ведь на этой орбите мог оказаться и марсианин, тогда ответа не будет.

Процесс приема сообщения казался медленным. Седлер прибавил к своему вызову несколько оскорбительных замечаний.

— Операционный контролер Кипа — Седлеру с «Капитана Хуна», — послышалось в динамике. — Привет, Дейв. На посту Боб Макинтош. Что там у тебя? Прием.

— Я... Я заполучил его. — Голодный человек глотнул и овладел своим голосом. — Марсиане. Я нашел путь к нему и был на борту. Груз, похоже, в хорошей форме и, э... ценный. Но у меня нет еды и осталось чертовски мало реактивной массы. Вам придется переправить мне кое-что. Приходите так быстро, как только можете. Прием.

Прошло с полминуты, пока луч проделал свой путь и вернулся с ответом. Седлер плывал, слушая тонкий шепот звезд.

— Тогда ты, должно быть, долго охотился, — сказал Макинтош. — Почему ты не дал кому-нибудь знать о том, что случилось? Кому-нибудь, кто был бы ближе? Мы уже начали думать, что он от нас ушел. Прием.

— Ты чертовски хорошо знаешь, почему я этого не сделал, — отрезал Седлер. — Я вовсе не хотел делиться с кем-то комиссионными, когда знал, что могу получить все сам. А теперь, берись побыстрее за дело, Боб. Присмотри за тем, чтобы я получил самое лучшее, особенно кормежку. Я смогу за это заплатить. Потом сообщи шефу и скажи ребятам, что они могут сворачивать свои радарные паутины и возвращаться с орбит домой. Потому что он мой!

Хотя Сиртис является самым большим и самым деловым городом Марса, а также его столицей, он и самый старый город. Новенькие небоскребы сверкают на милях вокруг центра, каждый занимает положенные ему желанные акры; к югу город переходит в полосу сельскохозяйственных земель и загородных вилл. А на севере находится старая часть города, которая переходит в нетронутые пустыни, прибежище желтого песка и обглоданных утесов. Эта часть города застроена, в основном, еще пионерами.

Толстые стены серого камня, скрепленные известкой, неуклюже поднимаются на высоту нескольких этажей и оканчиваются плоскими крышами с паркомоем для флиттеров. Украшения современного коммерциализма казались бы на подобных зданиях неуместными. Прочность их была обманчивой. Теперь, когда проект с атмосферой был претворен в жизнь, кислород и водные пары так быстро разъедали марсианский камень, что узкие улицы старого города вечно были полны пыли. Следующее поколение эти кварталы уже не вынесет.

Джеймс Черч радовался тому, что пока будет жив, сможет продолжать держать свою контору именно здесь. В нем было нечто от хранителя традиций.

Он стоял у открытого окна с трубкой во рту, заложив руки за спину, и смотрел прямо перед собой, поджидая посетителей. В проемах сохранились следы приспособлений, которые когда-то мешали проникновению смертельно холодных и разреженных газов. С их же помощью закреплялись энергетические автоматы в тот более поздний период, когда ссора с рвущимися через улицы марсианами вылилась в Кровавые Десять дней.

Марсиане продолжали свое дело. Люди входили и выходили из дверей их заведений и до Черча доносились отдаленные звуки музыки; ему даже казалось, что он может различить шелканье костей и скрип поворачивающегося колеса рулетки.

Но, возможно, веселая болтовня пешеходов была слишком сильной. Солнце поздно заходит в этих широтах, где лето вдвое длиннее по сравнению с земным, и Сиртис всюду забавляется, пока дневной свет еще позволяет это.

Черч глотнул воздух между двумя затяжками. Воздух был прохладный, значит, предстояла прохладная ночь. Льдисто-кристаллические облака сверкали в красноватом небе. Пролетела стая гусей. «Так, так, — подумал он, — значит Министерство экологии действительно кое-чего достигло в этом направлении. Никогда не ожидал от них ничего подобного. Но упорно говорят, что инженеры-генетики справились с проблемой дрейфа. Интересно, каким же образом? Если у меня будет когда-нибудь время, нужно будет этим заняться».

Интерком на старом письменном столе произнес:

— К вам мистер Добшинский.

Черч подошел к двери:

— Пусть войдет, — сказал он. — Дверь услышала его и откры-

лась. Он стоял в ожидании, ничуть не отвечая представлениям о типичном марсианине — невысокий и плотный, седовласый, с аккуратным маленьким брюшком, выступающим из-под пиджака. Только потемневшая на солнце кожа и выцветшие голубые глаза, привыкшие всю жизнь смотреть на голые дюны, не подходили к общей картине.

Филипп Добшинский был высоким и худым, но широкоплечим. Он был несколько моложе, красивее и более пестро одет, чем Черч ожидал от представителя клана Межпланетной Корабельной Ассоциации. Он остановился, оглядел маленькую комнату, заставленную книгами, и явно заколебался. Внешне помещение Черча — «Расследования. Гардиан и К°» — не было слишком представительным.

— Как поживаете? — Детектив протянул ему руку. — Садитесь, закурить хотите?

— Да... нет, благодарю, пока что лучше нет. — Добшинский отмахнулся от предложенного ему портсигара, хотя «Лунные близнецы» были дорогой табачно-марихуанской смесью. — Может быть, мне сослужит лучшую службу порция спиртного.

— Конечно. Скотч? Отличный напиток, клянусь, а не та серная кислота, которую дают в «Дьявольском котле». — Черч устроился на вращающемся стуле.

Добшинский нервничал. Он так часто менял положение, что его собственный стул никак не мог к нему приспособиться. Черч улыбнулся, занявшись стаканами.

— Я знаю, — протянул он. — Вы размышляете над тем, каким образом такое известное детективное агентство может руководить действиями, размещаясь в подобной дыре. Мне так нравится. Деньги, которые тратятся на то, чтобы блестящей обстановкой произвести впечатление на клиентов, лучше потратить на добрую выпивку, еду, табак и девушек. Расслабьтесь, сынок.

— Я — новичок в подобных делах, — сказал Добшинский. — Мы все, я имею в виду, все члены Ассоциации, — он отпил напиток. Движение было поспешным, и лед ударился о кромку стакана.

Черч выпустил клуб дыма и сказал:

— Вы лишь упомянули о том, что хотели бы обсудить возможное дело. Но мне совершенно ясно, что на уме у вас астероидное пиратство.

— Но... да. — Добшинский расправил плечи. — До сих пор нашими делами, как вам должно быть известно, занималось агентство «Неопик». Однако они, похоже, не в состоянии справиться с этой проблемой. Если вы можете что-то сделать... честно говоря, мы тогда сможем заключить с вами контракт на будущее.

Черч заставил себя сохранить бесстрастное выражение. Но его пульс немного участился, а в воображении пронеслись заманчивые картины. Человек, у которого два сына учатся в колледже, а дочка скоро будет готова к этому, да в придачу с желанием изучать в Париже живопись, мог бы найти достойное применение этим воз-

возможностям. К тому же, Мэри поговаривала о лучшем доме в Таумази, куда они обычно переезжали, когда в северном полушарии наступала зима...

— Прежде чем мы пойдем дальше, — пробормотал он, — скажите мне, получили ли вы одобрение правительства?

— А? — робость Добшинского сменилась удивлением. — Что оно может сделать?

— Ну, тут речь идет о раскручивании общественного колеса. Не просто в том, чтобы один поплавок цеплялся за другой, способный нарушить ограниченность этого колеса, но о возникновении определенного отношения к пиратству, наносящему серьезные потери экономике.

— Кораблям?

— По сути дела, всему Марсу. Стоимость перевозок, страховки взлетели до Андромеды, не так ли? Кроме того, в это дело оказалась вовлеченной вся наша полиция.

— Но что правительство может сделать с офицерами, возвращенными в мирных условиях? Оно само их нанимает. — Добшинский сделал еще один большой глоток. — Мы с ними связались. Если бы флот мог очистить Пояс.... Но такого везения быть не может. Если бы возьметесь за работу, мы обсудим все детали.

— Спасибо за доверие, — сказал Черч. У его собеседника был озадаченный вид. Черч усмехнулся. — Я имел в виду за то, что вы так тактично представили дело. Вы могли бы сказать: «Если вы получите эту работу». Но давайте-ка коснемся самой сути настолько, насколько это можно сделать в информационном разговоре. Вы потеряли еще одно судно?

— «Королеву Тили», — сквозь зубы проговорил Добшинский. — Если это о чем-нибудь вам говорит.

— Боюсь, что нет, — Черч, чья профессия заносила его во многие уголки мира, не уделял особого внимания марсианским делам. Мальчики с большими деньгами сами заботились о своих делах.

До последнего времени.

— Самая последняя наша потеря и самая серьезная, — сказал Добшинский. — Кроме собственной стоимости, исчисляемой семизначным числом, на нем был еще груз. Среди прочего — очень дорогой компьютер для Палласа. И все это — меньше чем через 20 декад после того, как был захвачен «Иов».

Черч слегка поднял брови.

— Извините меня, — сказал он, — но вы уверены, что к этому не причастны никакие высшие силы? Это же официальный заказ.

— В общем, уверены. Например, «Иов» перевозил горно-роботную установку на Ганимед. «Неопик», основываясь на данных, полученных их отделением на Земле, сообщает, что «Супертроник» предложил такую же установку за драконовскую цену. Они заявляют, что заложили в свою установку более дешевый метод про-

изводства и совершенно иные технологии, но все это нас настораживает.

— Да, понимаю, — Черч кивнул. — Интересно, — пробормотал он, обращаясь, в основном сам к себе, — почему так называемые «действия свыше» всегда кончаются катастрофами. — Он быстро добавил: — Насколько я понимаю, сам «Иов» еще не найден?

— Пока еще нет. Может быть, он совершенно разбит, или астериты хотят отремонтировать его и оставить для собственного использования. Или еще: он находится в данный момент на пути к Луне с командой, требующей вознаграждения за спасение имущества. — Последние слова он как выплюнул.

— Гм, да, это становится просто неправдоподобным.

— Что вы хотите этим сказать? Неправдоподобным? Я могу показать вам цифры, доказывающие, что вся марсианская экономика стоит перед угрозой упадка. А Земля ждет, хватает добычу и собирается поприбавить на то, что от нас останется.

Феликс Карриган, шеф, посмотрел на человека, стоящего возле его кресла и сказал:

— Нет.

Николас Рискин окаменел.

— Но, минуточку... — начал он.

— Вы меня слышали. — Массивная правая рука Карригана рубанула воздух. — Правило есть Правило, и я не намерен его нарушать. Или нарушать, таким образом, веру в моих людей. — Он кивнул в сторону Седлера, который, высокий и сутулый, стоял рядом, глядя на Рискина. — Дейв нашел «Королеву Тили». Его комиссионные составляют 10% от стоимости всего, что она несет. Каким же я был шефом, если бы вытряс из него все, что он заработал?

— Но никто не предлагает его грабить, — запротестовал Рискин. Он воспитывался на Марсе, и собственная речь даже ему самому казалась плавной в сравнении с грубым астеритным диалектом. — Совет заплатит полную стоимость.

— В долларах Свободного Мира, — фыркнул Седлер. — Мне нужны земные деньги, которые я могу потратить на земные товары. А что делают здесь, на Поясе, что бы стоило купить?

Рискин облизал губы и огляделся. Он почувствовал себя очень одиноким.

Комната Совета была больше и шикарнее, чем большинство помещений, выдолбленных в планетоиде. Собственно, она поражала варварской пышностью. Алые ковры покрывали стены, пол был устлан дорогими шкурами зверей, стол и стулья были сделаны не из пластика, а из массивного дуба. Аркообразный проход вел в зал для празднеств, равно великолепный. Оттуда доносились звуки смеха и звон бокалов — там команда корабля Рискина смешалась с пол-

учающими вознаграждение и их девушками. Но здесь обстановка была напряженной.

Карриган восседал на своем высоком сверкающем кресле подобно языческому богу. По сути дела, он и являлся пережитком тех дней, когда сама Земля была молодой и дикой — шести футов ростом и под стать ему шириной, с лицом, густо заросшим темной бородой и холодными серыми глазами. Впечатление усиливало его одеяние. В отличие от Седлера, одетого в комбинезон, и Рискина, носившего простую гражданскую пижаму, Карриган был облачен в голубой китель и белые брюки, украшенные золотыми кантами. На его офицерской фуражке сверкала звезда Главного.

Рискин, маленький и лысоголовый, работа которого обычно не требовала физической смелости, подумал о бластере.

— Послушайте, вы, — мог бы сказать он, — я представляю Совет, который представляет всех вас. Неужели вы думаете, что можете превратить во врага каждую суверенную территорию Пояса? Но нет. Карриган не мог бы сорваться. Что более вероятно и еще хуже, он мог бы обрушиться на них. Не считая случайных стычек, короли астероидов друг с другом не воевали. На это не было ресурсов, кроме того, гораздо более безопасным было нападать на марсиан.

Потом еще существовал вопрос принципа или, возможно, политики. Повелитель должен держаться заодно со своими последователями хотя бы потому, что в противном случае они могли бы вытолкать его из шлюза и избрать себе кого-нибудь еще. Дойди дело до голосования, коллеги Карригана должны были решить, что он прав.

Тем более, дело не должно дойти до голосования. Рискин ослабил и позволил себе улыбнуться. Он должен прибегнуть к дипломатии, что, в общем-то, и было настоящей его работой.

Он отвесил Седлеру легкий поклон.

— Прошу прощения, — сказал он. — У нас не было никаких намерений обманывать вас. Совет послал меня сюда для того, чтобы я сделал предложение. Вы его отвергли. Отлично, вы — в своем праве, так что не будем больше употреблять обидных слов.

Космонавт пожал ему руку.

— Не надо на меня злиться. — Он так же быстро успокоился, как и впал в гнев. — Вы понимаете, я не собирался там что-то себе присваивать. Но здесь я много лет сидел на базовом пайке. Самое большее, что мне удавалось получить, эти крохи, когда я находил только обломки. Теперь, наконец-то, и мне выпал большой шанс, и я рисковал собственной шкурой, чтобы его получить. И я уже не отступлюсь.

— Конечно, нет., — Рискин посмотрел на Карригана. — Но здесь вступают в игру некоторые вопросы страхования. Не могли бы мы поговорить с глазу на глаз, сэр?

— Что ж... — Шеф нахмурился. Возможно, ему хотелось по-

скорее попасть к праздничному столу. Его последняя любовница принимала участие в веселье, и говорили, что он ревновал ее. — О'кей, это не займет много времени.

Он направился из кснаты, шагая так размашисто, что Рискин не поспевал за ним, несмотря даже на слабую гравитацию. Вне всякого сомнения, он тратил на ежедневные тренировки гораздо больше времени, чем это требовалось для поддержания нормального функционирования организма.

В конце коридора он открыл дверь в личный кабинет. Рискин никогда не бывал здесь раньше и был поражен его оснащением. Хотя, конечно, напомнил он себе, шеф не мог быть глупцом. Как и обычный космонавт. Какой бы простой ни была астероидная лодка (при отсутствии планетного притяжения или атмосферы, с которой бы нужно было бороться, ненужности в такой дали от солнца радиационных экранов), невозможно было выжить, если не было хороших знаний физики и химии. Остальные науки не были столь популярны в Свободных Мирах. Член Совета понадеялся, что хорошо работающий мозг Карригана сможет быстро впитать урок истории и экономики.

Подобно другим астероидам-крепостям, Кин был закамуфлирован под огромную грудку голых камней. Вид был завораживающий. Темный металлический камень с опадающими краями. За ним теснились звезды.

В какое-то мгновение каждый нерв Рискина затрепетал от страха. Другие, Чужие Существа Извне... он сдержал свои эмоции. «Суеверие! — урезонил он их. — Современные эквиваленты ангелов, демонов, духов. Слишком многие поколения сочиняли и показывали много сенсационных историй, так что их образы накрепко связались с самыми примитивными нашими инстинктами... О, да, конечно, нечеловеческие расы существуют. Мы даже ловили следы их передач. Но не более. Они находятся слишком далеко».

Он снова перенес внимание на Карригана. Шеф сам садиться не стал, но указал Рискину на стул.

— Давайте, начинайте, — коротко бросил он.

— Я не уверен, с чего мне лучше начать, — сказал Рискин. — Он вытащил сигары и предложил одну Карригану. Тот покачал головой. Табак был таким дефицитом, что немногие астериты, находящиеся за пределами колоний Марса, сохранили эту привычку.

Рискин раскурил свою.

— Поверьте мне, сэр, — сказал он. — Секретариат Совета не собирается выступать в роли арбитра. Мы не можем этого делать. Вы же знаете, что мы — всего лишь наймиты, которые нанимаются для судебных диспутов и поддержания событий во всей Солнечной системе, а также для того, чтобы решать вопросы политики. Но мы самым серьезным образом относимся к делу о вознаграждении за спасенное имущество. Мы бы хотели видеть каждую находку отправленной в центральное бюро, где она затем будет назначена

к продаже или вознаграждению. Естественно, плата людям, продавшим работу, останется в силе. Но существующая система... я не уверен, не может ли она привести к падению Свободных Миров.

— А? — воскликнул Карриган через несколько мгновений. — О'кей, мистер, я слушаю.

— Картина довольно обширна, — сказал Рискин, ободренный. — Вы не возражаете, если я повторю кое-что из того, что вы уже знаете? Видите ли, люди принимают на веру факты, с которыми они свыклись и не всегда понимают, как эти факты взаимосвязаны.

Карриган боролся с собственными желаниями и победил. Он сложил руки и расслабился. Настоящий космонавт знает, что такое терпение.

Рискин выпустил клуб дыма.

— Мы всегда говорим себе, что всего лишь повторяем историю, — начал он. — Марс был колонизован многими недовольными, которые хотели свободы от межкорпорационного государства. Они развили индивидуалистическую собственную цивилизацию. Чтобы финансировать огромную работу по превращению своей планеты в обитаемую, они притянули Землю к Огромному Обману. Мне не следует пускаться в подобные сложности. Скажем только, что достаточно влиятельные фракции были организованы ими в пользу Объединенных Протекторатов. Так что статус-кво был достигнут, несмотря на недовольство, не исчезнувшее полностью и по сей день.

— Это все я знаю, — проворчал Карриган. — Время от времени я почитываю книги.

— Конечно. Я просто упомянул об этом с тем, чтобы мы могли с чем сравнить наш собственный случай. Потому что это — не параллели. Они только выглядят таковыми.

Подумайте. Обладая низкой гравитацией и хорошей приближенностью к минеральным богатствам Пояса, Марс стал главным держателем кораблей. Это, частично, было делом необходимости. Земные ресурсы таковы, что они не нуждаются в большом торговом флоте. Марсианские компании могут обычно ее обставить. Так что большая часть грузов путешествует в марсианских трюмах, большая часть земных космических кораблей построена на Марсе, и именно Марс был государством, колонизировавшим астероиды.

Но жизнь здесь была жестокой и сложной. И сейчас она лишена мягкости. Представьте, что делалось в первые десятилетия. Мало кто жаждал приезжать и работать, если дела шли у них хорошо. Другими словами, вы — наследники неудачников, которые были наследниками других неудачников. Подобные люди не являются лучшими организаторами. Они тяготеют к изобретению нового, как только это становится для них возможным. Впрочем, это требует слишком большого капитала от одного человека. Отсюда возникновение маленьких частных компаний, каждая из которых возглавлялась ее основателем. Следуя необходимости, он приобретал над своими приверженцами власть капитана корабля: любая другая

система значила бы быструю смерть. Таково происхождение шефских территорий.

Рискин стряхнул пепел с сигары.

— Ну, неужели вы не понимаете? — продолжал он. — Мы хвастаемся тем, что являемся благородными демократами, провозглашающими себя оторванными от тирании материнской планеты, как их предки оторвались от Земли. Но правда в том, что шефы слишком часто оказываются в конфликте с Венком Свобод и другими пятью пунктами марсианского закона. Они не могут этому помешать. Кроме того, они являют собой новый вид цивилизации, приспособившийся к новым компаниям на Палласе, Нерве или где там еще.

— Итак... вы освободились. Марсу это не понравилось. Но давление слишком дорого обошлось бы их интересам. Кроме того, Земля в восторге. Она оказывает большое давление, экономическое и политическое. Были и угрозы военного давления, вежливые, правда, но все равно угрозы. Марс проиграл бы войну. Отсюда, он просто прерывает торговлю со свободными мирами, надеясь вынудить нас к подчинению. Мы мало что можем предложить Земле, не имеющей торговых кораблей, которые могли бы помочь нам.

— Далее мы пристрастились — будем откровенны — к пиратским набегам на марсианские суда в поясе астероидов и на юпитерианских путях. Мы ищем покупателей на Земле, даже, в случае необходимости, на марсианских астероидах. С деньгами, которые мы получаем, мы можем покупать у Земли все, что нам нужно.

Он замолчал, переводя дыхание. Он немного охрип и мечтал о выпивке.

Карриган нахмурился:

— Не понимаю, к чему вы клоните, — сказал он. — Все это известно каждому.

— А вот к чему, — ответил Рискин. — Сложите мои банальности вместе и вы увидите, что у вас на руках революционная война. Никто не называет ее подобным образом и, возможно, не многие и рассматривают ее в этом аспекте, но факт остается фактом. Если мы не сумеем устроить так, чтобы могли на ней как следует заработать, то мы проиграли.

— К а к?

— Мы не можем вечно продолжать такое положение вещей. Предположим, Марс найдет контрмеры, которым мы не сможем противостоять. Мы рассмотрели целый ряд возможностей в Секретариате: если одна из них сработает, мы вернемся к тому, с чего начинали, отрезанные от остального мира и обреченные.

— Худшая возможность в том, что Марс пойдет дальше и примет нашу независимость. Я уверен, что ничто, кроме раздражения, не мешало им сделать это до сих пор. Что происходит тогда?

Прибыль дают самые большие астероиды, которые находятся в руках Марса. Мы не можем поддерживать себя обычной торговлей — не можем без капитальных вложений, гораздо больших, чем мы

можем сделать или чем Марс и Земля могут сделать для нас. Мы окажемся перед выбором: сдаться, отказаться от нашего образа жизни и превратиться в обычных наемников или... голодать.

— Нужно принять шаги против этого сегодня.

— Гм-м-м. — Карриган принялся расхаживать туда-сюда. — Допускаю, что иногда я сам спрашиваю себя... но мы здесь получаем немного новостей.

Рискин встал и бросил:

— До сих пор все происходило как бы между прочим. Одно событие сменяло другое. Шефы обнаруживали, что могут брать в плен марсианские корабли; в отчаянии они так и делали, это стало важной частью их экономики. Ваши гидропонические и протеиновые плантации и тому подобное снабжало вас едой и таблетками. Вы раскапывали скалы и очищали руду. Вы производили некоторое количество всего, в чем нуждались. Но только ограниченное количество, потому что вы не можете рассчитывать на то, что вам удастся захватывать корабли огромной стоимостью хотя бы каждые несколько лет.

Вот почему вы поддерживаете таких людей, как Седлер. Ну, а что произойдет, если вы никогда не найдёте другой корабль? Вы готовы предоставить ему другую работу?

Карриган стоял, опустив голову, поглядывая на Рискина из-под нахмуренных бровей:

— А что предлагает Совет?

— Чтобы вы использовали дело с получением вознаграждения за спасение имущества так долго, как только сможете. При настоящей системе, добыча принадлежит шефским территориям, которые снимают сливки. Итак, если Шеф использует большую часть своей доли на машины, запасные части и всякие практические цели. Это укрепляет свободные миры в целом и потому хорошо. Но он обычно покупает также и предметы, а индивидуальный получатель вознаграждения свои комиссионные тратит только на свои личные надобности. Это нехорошо. Далее, даже при покупке вещей необходимых нет скоординированности. Вы приобретаете, скажем, новый компьютер. Прекрасно. Но Шеф Билл из Гнезда Дракона тоже приобретает компьютер. Дублирование. Почему он не покупает изотопный сепаратор вместо этого и не снабжает вас необходимым в обмен на информацию? Вы оба бы только выиграли от этого.

Карриган потерев бороду.

— Угу, я понимаю, к чему вы клоните. Нужно это обдумать, но, может быть, вы и правы. Предположим, что да. Как мне убедить Дейва Седлера?

— Готов допустить, что мы там, в центре, не до конца разрабатывали проблему, — вздохнул Рискин. — Впрочем, нельзя и считать ее неразрешимой. Если Секретариат Совета сможет распределять добычу на основе систематизации (какие товары следует отправлять шефским территориям, которые пускали бы их в оборот... и даже

снабжать те места, которые не получали добычи в течение некоторого времени...), что ж, вы могли бы еще платить обычные комиссионные нашедшему. Но лучше в местных долларах, чем в земных или марсианских. Свободные Миры тоже нуждаются в иностранной валюте. Тем не менее... гм... мы могли бы организовать производство предметов роскоши и удовольствия собственными силами, чтобы мальчикам было на что тратить свои заработки.

Карриган некоторое время молчал.

— Может быть, — сказал он, — наконец. — Вы, люди Совета, проделали хорошую работу. Нам никогда бы не достичь успеха без вас, ваших агентов на Марсе, ваших советов, как поступить разумно. Я не держу против вас камня за пазухой, я лично. Может быть, некоторые другие из Шефов и держат.

— Если взять, например, историю с «Королевой Тили», — Рискин замолчал. Карриган быстро обернулся к нему и Рискин продолжал поспешно, но ровно: — Конечно, компенсация должна быть. Мы вовсе не ожидаем, что вы откажетесь от собственных интересов. Это можно уладить.

— Может быть, и так. — Серые глаза сузились. — Угу. Может быть.

— Я не могу оставаться здесь так долго, как это требует обсуждение подобного вопроса, — сказал Рискин.

— Итак, хорошо, — напряжение покинуло Карригана. Он громко рассмеялся и хлопнул собеседника по спине. Рискин пролетел полкомнаты. — Ох-хохо, прошу прощения. Идемте. Поговорим снова после сна. А теперь нас ожидает празднество.

Ожидая Добшинского в роскошной приемной, Черч мысленно сортировал полученные им секретные сведения. Секретарша мешала ему сосредоточиться. Он был человеком степенным, не нуждавшимся лично ни в наркотиках, ни в девушках, хотя обычаи требовал от него говорить о них клиентам, но тот же темперамент превращал его за покерным столом в дикого зверя.

История с астероидным пиратством выявила беспокоящие детали, думал он. Все дело пока что оставалось открытым. Корабли исчезали, добыча появлялась на рынках. Поскольку бизнесмены проявляли в вопросе соблюдения тайны такой же фанатизм, как и все остальные марсиане, следователи не могли пользоваться коммерческими каналами. Но они следовали по орбитам исчезнувших судов, совершая головокружительно долгие и столь же дорогостоящие поиски на многие мегамилы. Неизбежно они обнаруживали кое-какие разрозненные фрагменты. Это подтверждало тот факт, что тайные агенты знали об их намерениях. Здесь и там астериты иногда задерживали их неуклюжие лодки и заставляли ждать. Поскольку расписание движения являлось известным делом, орбиты затерявшихся кораблей было сравнительно легко определить. Стоило только

подойти поближе, подобрать соответствующую скорость, проникнуть на корабль, демонтировать автопилота, и можно было получить награду.

Марсианский флот обязан был заниматься поисками пиратов, но это было уже в прошлом, до так называемой Независимости. Лишь немногие предстали перед судом. Обвинение, выдвинутое против них, могло быть последней соломинкой перед Декларацией Идальго. Остальное могло не считаться. Не было данных о том, какие астероиды, среди сотен тысяч, были заселены.

Одним из способов борьбы с пиратами была постройка быстрых кораблей, которые были способны проделать весь путь с ускорением. У пиратов не было надежды на перехват добычи, которая ко времени появления на их радарх в считанные секунды исчезала с экранов.

Но корабли продолжали исчезать. Была проделана большая разыскная работа, особенно на Земле. Выяснилось, что через посредство собственных шпионов Шефы узнавали, какой сигнал им надлежит использовать. Автопилот после ввода сигнала выводил корабль пиратов на добычу. Сигналы менялись. Только горсточка людей, чья преданность не вызывала никаких сомнений, располагала теперь нужной информацией.

После короткого перерыва потери возобновились, на этот раз с катастрофической быстротой. Инженеры астро-флота обсудили причину. Астеритные агенты марсианских компаний, должно быть, заменяли ленты курсов в «пилотах», что приводило корабли совсем не туда, куда они должны были направляться. По крайней мере, это предположение стоило того, чтобы заняться им всерьез. Во всех таких секциях был заменен персонал. Потери прекратились.

На некоторое время.

Потом за краткий промежуток времени «Джеху», «Ахаб», «Лаки Дэвид» не сумели доставить свои грузы. «Неопик» принялся за людей, бывших среди погрузочного персонала, и обнаружил, что на сей раз в аппаратные корабли были заложены бомбы. То был грубый метод, и наказание за него полагалось соответствующее. Виновные были расстреляны, а меры контроля еще больше усилились. Марс снова получил временную передышку.

Но теперь...

Внутренняя дверь отворилась. Появился полный человек. Он ухитрился выглядеть одновременно негодующим и невозмутимым. Черч узнал его, хотя ничем это не выдал: атташе Посольства Объединенных Протекторатов.

— Пожалуйста, войдите, сэр, — проворковала секретарша.

Черч воздержался от непристойного ответа, который, возможно, вырвался бы у более молодого марсианина. Дело было не только в том, что он был человеком среднего возраста, но в его сдержанности.

Он прошел в отделанный роскошными панелями кабинет Дюбинского. Как Президент ТрансЮпитерианской транспортировки

и секретарь Ассоциации, этот человек имел право на письменный стол красного дерева и прекрасный вид с пятидесятого этажа небоскреба башни. Черч проигнорировал зрелище — триумфальное шествие Большого Акведука через живописную пустыню и рассеянно пожал руку хозяина.

— Садитесь, пожалуйста, — сказал Добшинский, — примите мои извинения за то, что вам пришлось ждать. Этот чертов землянин никак не хотел уходить.

— Что ему нужно? — Черч принялся раскуривать трубку. — Думаю, нечто, имеющее отношение к нашей проблеме.

— Да. «Дружеское предостережение». — Добшинский так выплюнул эти слова, как будто они были его врагами. — Мы не должны вооружать наши корабли.

— Вот как? Каким же образом Земля может нас остановить? Я хочу сказать, им пришлось бы применить к нам Договоры Открытого Космоса, мотивируя это тем, что мы не смеем посылать боевой флот против Свободных Миров. Но какое отношение это имело бы к коммерческим судам?

— Он сказал, что его правительство толковало бы установку тяжелых орудий как пиратство и, говоря его словами, «очень серьезно отнеслось бы к этому моменту». Я спросил его, как Земля истолковывает то пиратство, которое действует против марсианских кораблей, и он имел наглость сказать, что оно прекратилось.

— Гм-м-м... Да, именно этот момент я и хотел обсудить с вами. Но внезапное объявление войны... а вы знаете, что общественное мнение Земли запаникует раньше, чем мы сможем принять такие меры... короче говоря, что они могут сделать, чтобы помешать кораблям Ассоциации вооружиться?

— В случае отсутствия других возможностей, ввести эмбарго на торговлю с нами действительно нужны некоторые из наших товаров и услуги, которыми мы их снабжаем, но они могут справиться сами, да и астериты, вне всяких сомнений, будут рады помочь им в этом. С другой стороны, Марс просто не может не торговать с Землей. Мы проделали долгий путь со времен пионеров, но еще не подошли к такой точке, когда сможем поддерживать комплекс технологии без импорта определенных составляющих.

— О, они посадили нас под колпак, они сделали это. — Рука Добшинского дрожала, когда он, пытаясь успокоиться, поднес папиросу ко рту и глубоко затянулся. — Боже, до чего же я ненавижу этих землян!

— Ну, может быть, не следовало бы заходить так далеко, — холодно сказал Черч. — Мне известны среди них несколько честных людей.

— Назовите их. Грязные скандалисты! Они даже думают по слогам.

— М-м-м, ну, Корпоративное Государство, естественно создает тип легковверного гражданина. Жизнь его регулируется столь хит-

роумно, что главная его свобода связана с теми фантазиями, которые очень легко могут быть подняты на щит и расписаны всякими шелкоперами.

Возможно, для среднего землянина все эти старые мотивы куда более реальны и значимы, чем его собственная жизнь. Во всяком случае, овец всегда удобно клеймить. Именно так нашим дедам удалось привести в действие Великое колесо. — Черч очертил круг трубкой. — Неважно. Наша проблема связана со Свободными Мирами.

— Сделайте мне одолжение и не называйте их так!

— Почему же нет? Они так сами себя называют. И действительно, если быть до конца честным, я не могу сказать, что совсем им не симпатизирую.

Добшинский, почувствовавший себя лучше после небольшого количества наркотика, только спросил:

— Вот как? Почему же это?

Черч улыбнулся.

— Наверное, дело в моих хромосомах. Метани был моим прадедушкой, а один из моих прямых предков был некто из Бостонской Чайной Компании. Но если говорить серьезно, я люблю читать социологические исследования и рассматриваю астеритов и нас, как равных жертв одинакового процесса.

— Какого?

— Рост номадизма. На Земле древние кочевники не были прародителями цивилизации. Они были отвергнуты ею, слабые племена, вынужденные жить на землях, которых больше никто не желал. Они изобрели собственную технику выживания. Но они оставались людьми, стоящими на кромке цивилизации, зависящими от нее в силу многочисленных обстоятельств. Можно с уверенностью сказать о спартанском образе жизни, что он требовал большой напряженности. Поборники его сделались превосходными воинами, делавшими набеги на некоторые страны и иногда их завоевывавшие. Но если рассматривать дело отвлеченно, помочь себе они не могли. Обстоятельства восторжествовали над их культурой. То же самое происходит и с астеритами.

Добшинского больше не волновали наиболее безотлагательные вопросы.

— Знаете, — сказал он, — даже если мы не сможем установить на наших кораблях орудия, я не вижу причин, которые помешали бы нам поместить на борт каждого из них вооруженных людей.

— Которые погибнут при столкновении с метеоритами?

— Можно было бы как следует их защитить. А они защитили бы то, что находится на борту.

— Раз-другой. Потом астериты тоже вооружились бы. Нет, это не игра, — Черч нахмурился. — И потом, я ненавижу убийство.

— Убийство может быть необходимым. Если бы только Земля не была... Почему мы не можем оказать контрдавление? Отказаться

поставлять для перевозок корабли Земной конструкции ... это сразу ударило бы по корпорациям, и они бросились бы с жалобой к правительству.

— Несомненно, — согласился Черч. — Должен допустить, даже в мгновение жадности, даже тогда, когда они сталкиваются с наиболее высокими ценами, земляне все равно остаются близорукими. Но именно в этом конкретном случае — нет, Марс не сможет достичь того преимущества, которое дает нам доставка грузов с помощью этих кораблей. Мы больше и хуже будем страдать. На основании ваших материалов я сделал заключение, отличное от того, что делали предыдущие ваши агенты. Наше сегодняшнее интервью подтвердило это. Дело гораздо серьезнее, чем это считается.

Добшинский застыл в тревожном ожидании.

— На первый взгляд кажется, что этот последний метод пиратства является крайней мерой. Экономика требует крайних мер, полагаем мы. Им приходится распространять патрулирование на огромные просторы космоса. Поэтому, когда их радары различают корабль, им приходится задействовать большую часть тех жалких лодок, которыми они владеют.

— Одна причина, по которой мы подписываем с вами контракт, — сказал Добшинский, — состоит в том, что предыдущее агентство предсказывало, на этой основе, что дело с пиратством скоро лопнет. Этого не случилось.

— Верно. За всем этим делом стоит по крайней мере один очень осторожный ум, а действия его на удивление точны. Видите ли, до сих пор мы были уверены, что во всем виноваты только пираты. Но часто к тому времени, когда на рынке появлялся груз, следы терялись. Хотя оставалось достаточно фактов, чтобы можно было додумать остальное. Итак, каждый на Земле, кто покупал эти вещи, приобретал ворованные товары. Вы можете говорить о землянах все, что вам нравится, но хотя среди них и есть некоторое количество воров, моральные устои среднего землянина гораздо выше, чем ваши, мои или соседа по улице. Землянин очень чувствителен к вещам, которые мы принимаем на веру, как само собой разумеющееся. Однако торговля украденным марсианским имуществом не могла продолжаться до бесконечности. Факт этот должен был неизменно сплыть, и это вызвало бы слишком большой общественный резонанс.

— Сегодня, тем не менее... но ведь астериты заявляют, что они лишь берут вознаграждение за спасение судов, потерпевших катастрофу естественным путем. И с этим соглашаешься.

— Угу! — Добшинский энергично кивнул. — В последнее время резко увеличилось случаи столкновения кораблей с метеоритами. Мы проанализировали несколько таких случаев и обнаружили следы материалов, к которым приложил руки явно человек. Они были сработаны, эти камни! Как же глуп должен быть землянин, принимавший такие домыслы за факты!

— Не так уж и глуп, — сказал Черч, — не забывайте, что в науке он невежа. Пара уважаемых астрономов говорят, что последние случаи могли быть вызваны обломками экстрабольшой кометы, которая вошла в солнечную систему около миллиона лет назад.

Химики добавляют, что органические вещества вполне могут присутствовать в космических предметах — угольные ходриты, например, а ваши находки лишь подтверждают древнее предположение о том, что в материалах допланетного происхождения формировались комплексные молекулы.

— Да, да, обычный гражданин еще может лелеять некоторые подозрения. Но он воспитан в вере к властям. Сам он находится в таком положении, что не способен оспаривать ни один из столь уверенно приводимых аргументов. Весьма возможно, что он, будучи религиозным, уверен — это Бог наказывает своевольных марсиан. Вот и не остается ничего, что могло бы тревожить гладкое существование его лицемерного организма.

— Это — еще одна причина, свидетельствующая, что за этой системой стоит могущественный разум.

— Но может ли это продолжаться? — поинтересовался Добшинский. — Вы сказали, что метод неуклюж и дорогостоящ.

— Таков он и есть — для отдельного Шефа. Для каждого, кто получает богатый куш, а потом не получает ничего. Но если бы они некоторым образом поделили расходы... и если бы земное правительство добавило бы к этому субсидии, возможно, в форме экстравысокого вознаграждения за поиски кораблей ... дальше понятно?

— Кажется, да, — выдохнул Добшинский.

— Я полагаю, что вы могли бы кое-что попробовать. Скажем, отказаться от традиционных путей ваших кораблей, — предположил Черч.

— На некоторое время, возможно, — сказал Добшинский. — Но это обойдется слишком дорого. Необходимость направлять наши корабли в обход пояса астероидов, плюс потеря нескольких судов в год — так мы можем быстро вылететь в трубу.

Черч вздохнул. Он ожидал этого просто потому, что столь очевидная уловка еще не использовалась.

Он посмотрел вдаль. Фруктовые сады, гордые и зеленые, стояли на кромке пустыни. Песчаная буря двигалась вдоль горизонта, подобно некоему огромному хищному животному, темно-коричневому на фоне неба. «Да, — подумал он, — и бесплодные земли тоже прекрасны. Здесь, на Марсе, мы построили нечто бесконечно ценное. Человек, когда он хочет, не только освободится перед лицом закона — он сможет достичь свободы просто будучи один среди дикости. Мои деды дали мне это. И я не должен допустить, чтобы эта возможность ушла из моих рук и рук моих нерожденных еще внуков.» Он кивнул сам себе, глядя на Добшинского, и сказал:

— Проблема, стоящая перед нами, я думаю, заключается в том,

чтобы поймать того, кто стоит за спинами шефов. Или прийти с ним к соглашению. У меня есть кое-какие наметки возможного ответа на всю эту историю. Но прежде всего нам необходимо найти этого человека.

— С чего же нам начать? — Улыбка собеседника слегка растянула уголки его губ.

— Начало у нас есть. Те двойные агенты на Марсе.

— Кто они, — Добшинский пошевелился в своем кресле. — Конечно, и это не трудно угадать, по крайней мере один из людей, которые программируют этих «пилотов», должен быть виновен. Но их там добрых три дюжины.

— Что вы сделали кроме того, что бросали жребий?

— Что еще мы могли сделать? О, наши агенты следили за ними некоторое время. Но ничего подозрительного не было обнаружено. В конце концов мы поняли, что человек не может лгать до бесконечности, и решили сдать его. Если бы мы его поймали, то вытащили бы зуб, так что ему уже бы не пришлось беспокоиться о дальнейшем.

— Я не уверен, что его зуб все еще не на месте, — сказал Черч. — Собственно, на основе того, что последние методы пиратства оплачиваются, я подозреваю, что ему все же удалось от нас ускользнуть, и я собираюсь попытаться обнаружить его.

Когда-то, давным-давно, до того как человек ступил на Марс, спутники-близнецы были поводом многих романтических устремлений. Возможно, остатки этой тоски и явились причиной позднейших попыток извлечь из нее какую-то пользу. Правда, с Земли они не были видны невооруженным глазом. Но не один прожектор потерял все свои рубашки — а иногда и брюки — прежде чем все уверовали в то, что ни Фобос, ни Деймос не является чем-то иным, кроме как каменными глыбами протяженностью чуть более десятка миль. После Независимости марсианский флот некоторое время планировал создание на одном из них базы. Потом Конституция еще более ослабила полномочия правительства, защита перешла в руки благотворительных обществ, и лишенные сентиментальности счетные машины показали, что куда как выгоднее и безопаснее оставлять корабли на орбите.

Синдикат развлечений построил на Фобосе шикарную гостиницу и дом веселья. Вид на Марс, гигантский в небе-пространстве, был впечатляющим. Но любое заведение подобного рода на самой планете могло достичь того же эффекта с помощью видеостены. Некоторые так и сделали, и не нужно было покупать никаких билетов на корабль, чтобы его увидеть. Синдикат разорился.

Немалый шум был и тогда, когда несколько университетов, объединившись вместе с научно-исследовательскими институтами, устроили обсерваторию на дальней стороне Фобоса. Внутренняя луна препятствовала распространению радиоволн с Марса, солнечное

течение не было настолько сильным, чтобы беспокоить К-лучевые и космическо-лучевые приборы.

В течение некоторого времени эта луна весьма привлекала внимание туристов, что помогало оплачивать расходы.

Но прошли годы, и интерес этот поблек. И воднику, и антрепренеру, и рулевому, и домохозяйке последние новости, передаваемые квакером, давали много другой пищи для размышлений. Финансовые дела обсерватории несколько пошатнулись. Правление было радо принять помощь нескольких богатых учреждений Земли. Земные ученые, в свою очередь, были рады достичь разумного соглашения с персоналом Фобоса. Недавний дипломатический стресс не помешал возможности сердечного соглашения. Ученые были выше политики.

Это дело, размышлял Черч, хорошо отражало сущность среднего марсианина. На Поясе никогда не было империализма, просто пиратские компании действовали здесь, делая для себя доллары. Если эти компании попадали в беду — что ж, таково уж было их везение. «Может быть, я не должен быть таким категоричным относительно близорукости землян», — подумал он. — Сами-то мы ненамного лучше. Да, мы озабочены экологией и консервацией дома, потому что должны это делать. Но как немногие из нас способны видеть за пределами этого горизонта!

Устойчивое благополучие всей человеческой расы требует уже сейчас решить проблему астеритов, пока работы стоят еще относительно недорого, и прежде чем минеральные ресурсы на планете станут настолько низкими, что у нас не будет выбора, а цена к тому времени будет пугающей как с социальной, так и с экономической точки зрения. Только сможешь ли ты убедить в этом кого-нибудь? Вот так-то.

Он заставил себя избавиться от миссионерского пыла. Первоочередные проблемы заставляли думать сейчас лишь о нескольких ближайших неделях.

Грузовое судно закачалось на амортизаторах. Рев двигателей умер в звенящем молчании. Черч отстегнулся и встал. Гравитация Деймоса была такой слабой, что он подскочил кверху и ударился макушкой. Впереди длинной пустой каюты — он был единственным пассажиром среди скопища грузов — помощник пилота повернулся к нему с улыбкой.

— Я вас предупреждал, доктор Квист, — сказал он. — Лучше дайте мне руку.

Черч вступал в свое дело. Под живой маской локализатор сделал его голос высоким и старым, но язвительность была его личной чертой, и он весьма этим гордился.

— Мне приходилось бывать здесь раньше, молодой человек.

Прошли годы с тех пор, как он в последний раз изменил свою внешность. Сознание чужеродности, облегающей его голову и руки плоти, ощущение ее скольжения, когда микроминиатюрные трансдукторы, приспособляющиеся к любым движениям мускулов, пы-

тались достичь эквивалентности, которая все же не была идентичной, не оставляло его. Но достигнутое долгими годами умение помогало ему сохранять невозмутимость. Лысый и сутулый, поплыл он с неуверенностью по проходу.

— Но не в последнее время, — отозвался помощник пилота. — А уж ваши... честно, папаша, не надо обид, но чтобы чувствовать себя лучше, вам нужно поработать с этой вот рукояткой. Дайте вашу руку.

— Вы сами астерит? — спросил Черч.

— Угу, с Джуно. Не могу дожидаться, пока туда вернусь, но такое невезенье — это единственная работа, которую мне пока что удастся получить, — долговязый молодой человек подплыл к нему.

Черч не был удивлен. Эти астериты считали, что все марсианские граждане имеют полное право перемещаться по любой территории, которая им только нравится. Хороший принцип, конечно, даже если он упрощает дело шпионажа и саботажа. Он издал несколько недовольных звуков, но помощь принял.

Выходя, он успел оглядеть окрестности: после космопричала несколько куполов и сооружений, возвышающихся над близким горизонтом, черных и обглоданных на фоне неба. Потом он очутился в замкнутой трубе и поплыл по ней как во сне пока не прибыл к конечной цели путешествия.

Темноволосый, с острыми чертами лица молодой человек, тоже с признаками жителя астероидов ждал его.

— Доктор Квист, — сказал он, протягивая руку с несколько деланной улыбкой. — Добро пожаловать!

— Благодарю вас за службу, — сказал Черч. — Гм... э... Генри Лоуренс из радиоотдела?

— Именно. Я решил, что мне лучше показать вам ваше помещение и проследить за тем, как вы устроитесь. С тех пор, как вы тут были в последний раз, кое-что могло измениться, кое-что появилось заново. Это весь ваш багаж? — Он принял у помощника пилота кофр, и Черч восхитился тому, с какой легкостью он поднял такую громоздкую вещь. Вес мог быть и небольшим, но инерция массы не потеряла ни унции.

Они посмотрели друг на друга, у Лоуренса был озадаченный вид.

— Мы рады случаю принять у себя такого почетного гостя, — сказал он. — Но извините нас, если мы не так гостеприимны, как хотелось бы. Наша работа держит нас в большом напряжении, особенно моя собственная секция. Честно говоря, я не понимаю, что вы можете узнать, приехав лично, помимо того, что вы не могли бы получить в свое распоряжение в Университете.

— Мне кажется, в основном я вам это уже объяснил, — отрезал Черч. — В процессе установления сотрудничества с Квистом, он старательно изучал астрономию. Старый хрыч не заботился о поддержании своей репутации: он принимал как само собой разумею-

шееся тот факт, что являлся королем на своем поприще. — Я должен посмотреть оборудование в действии, прежде чем смогу представить на ваше обсуждение удобоваримую программу. Статейки в «Джориан» были невыносимо смутными, сэр, как же можно было принимать их всерьез?

Лоуренс подавил кислую улыбку.

— Что ж, — сказал он. — Вы не слишком внимательно смотрите на этот новый дар. Если фондодержатели на Земле покупают вам большой новый микроволновый телескоп, а один из фондодержателей хочет добавить к своему списку публикаций еще один отчет, то... вы понимаете?

Черч что-то пробормотал. Они шли быстрым шагом. Коридоры были пустыми в рабочее время. Жужжание вентиляторов, запах возможно плохой еды, слабая вибрация машин — были единственными признаками присутствия человека. Холодный флюоро-свет отражался в капельках пота, выступивших на лбу Лоуренса. Он старался не смотреть на своего спутника.

«Он подозревает» — эта мысль толчком отозвалась в сердце Черча. А потом: «Может быть, это и лучше. Времени мало. Я имею время на разнюхивание, пока не набреду на настоящее доказательство. Но если я воспользуюсь случаем и смогу вынудить к ответным действиям...»

— Как давно вы здесь сами? — спросил Черч.

— Год, — ответил Лоуренс. Он немного подумал. — Это значит, половину марсианского года.

— Значит, время вы считаете по земному календарю, а не по нашему, а? Однако вы уроженец астероидов. Гм... Совершенно внезапно получен новый телескоп и прибыл новый персонал, который должен его обслуживать. Какова ваша часть в этих работах?

Лоуренс остановился. Черч тоже, но с большим трудом.

— Вы жалуетесь на мою программу, сэр, — резко бросил Лоуренс.

— Нет, нет, черт побери! — Черч пристукнул ногой, и это движение заставило его слегка подскочить. — Просто интересуюсь. Я хочу сказать, что с людьми, подобно Арнольду и Михайлову...

— Если вы забыли, кто я такой, — холодно сказал Лоуренс, — то справьтесь по «Кто есть кто в науке». До этого я занимал пост на Луне в Лей-институте. После освобождения от лекций я приехал сюда в рамках регулярного обмена программой. Сюда, пожалуйста, если вы не возражаете. — Он снова двинулся вперед.

«Вроде бы, все сходится, — подумал Черч. — Неуклюжий обман по моим стандартам. Но марсиан не трудно провести в этих отношениях. Они так боятся состояния могущества государства, что не позволяют враждебно относиться даже к самым безобидным проявлениям власти.»

Впрочем, я мог ошибаться. Посмотрим на его реакцию.»

— Никто никого не собирался обидеть, — сказал он тоном Кви-ста. Это означало, что на самом деле ему безразлично, были произнесены обидные слова или нет. — Сейчас, когда восстания и пиратство стали обычным делом, каждый становится сверхподозрительным. У меня был вложен капитал в Трансютитерианскую компанию, а после пиратского нападения на «КО» я его потерял.

Лоуренс остался невозмутимым.

— Что заставляет вас думать, что действительно имело место пиратское нападение? Прямо об этом не сообщалось.

— Ну, ну. Она была прямо в центре действия того маяка, чьи программные сигналы были нарушены. Но не стоит ли нам перейти к обсуждению более приятных вопросов? Где вы проводили свой отпуск?

Лоуренс на это ничего не ответил. Они достигли двери гостиничной секции. Он открыл ее, и они оказались в маленькой убогой комнатке.

— Ваше помещение, сэр, — сказал он.

Надежды Черча померкли. Лоуренс закрыл дверь, прислонился к ней спиной, сжал кулаки и спросил:

— Так что же все-таки вам нужно?

У Черча перехватило дыхание. Он сел и опустил руку в карман старомодного сюртука за трубкой.

— Конфиденциальная беседа, — ответил он. — Не сядете ли, мистер Боган? Я полагаю, что вас звали именно так, когда вы занимались программированием автопилотов.

Молодой человек помедлил мгновение, прежде чем опуститься на скамью.

— Кто вы? — спросил он наконец.

— Вот моя карточка.

Лоуренс-Боган прочитал и свистнул.

— Вы — Черч, собственной персоной?

— Да.

— Но...

— Почему бы не прислать, вы думаете, одного из моих оперативников? Безопаснее, меньше подозрений; он вынюхивает каждый след и, в конце концов, отбирает у вас пистолет? — Черч рассмеялся. Несмотря на бурлившее в нем нетерпение, он ощущал огромное и радостное облегчение. — Но, сынок, я никогда не рассчитывал на то, что вы настолько глупы, чтобы носить при себе что-то подобное.

Лоуренс похлопал по коленям.

— Что вы намерены сделать?

— Я вам сказал. Беседа. Простая беседа. Ничего больше я сделать не могу, не так ли? Вы виноваты в преступлениях против частной собственности — ничего больше. Суд заставил бы вас вернуть все, что вы способны вернуть. Но мои клиенты гораздо больше заинтересованы в предотвращении дальнейших потерь, чем в отби-

рании у вас тех или иных крох, которые вам удастся заработать за оставшуюся жизнь.

— Как вам удалось меня найти? — У Лоуренса был озадаченный вид.

Черч извлек пакет с табаком и принялся набивать трубку.

— Мы получили кое-какую информацию от одного человека, который имел возможность подделывать эти ленты, — сказал он. — Небольшую. Многие изменили имена и перешли на другие линии. Практика достаточно обычная, если вы живете под колпаком и в режиме экономии. Некоторые исчезли за пределами досягаемости — ничего подозрительного, вполне дозволяется законом. Но я считал вам возможный путь.

— Имея на Марсе хорошего агента — вы ведь занимались контр-абандой под прикрытием вашего «отпуска», верно? — они не захотели бы вас списывать со счетов после того, как ваша миссия была закончена. Скорее они решают, что техник, занимающийся изменением программ, может быть обнаружен нами и готовят новую работу для вас, которой вы сможете заняться, как только это станет необходимым.

Что же это может быть за работа? Что ж, подумал я, теперь, когда космические корабли держат в строгой тайне расписания своих полетов по Поясу, с вашей стороны было бы большим подспорьем узнать, когда судно оставляет Марс и в каком направлении собирается двигаться. Вы передаете эту информацию в штаб-квартиру повстанцев, а они рассчитывают, какому из Шефов удобно воспользоваться преимуществом, и какой способ понижает общую стоимость пиратства и повышает процент доходности. Итак, что лучше способно обнаружить радар и его хозяина, чем новенький радиотелескоп, который Земля услужливо послала на Деймос? Когда я обнаружил, что блестящий юный ловкач астероидного происхождения, с годами сидения на Луне позади, со значительным сходством с исчезнувшим мистером Боганом, получил соответствующую должность — такой след стоит опробовать.

— Я — радиоастроном, — защищаясь, сказал Лоуренс.

— Конечно, вам приходится им быть, поскольку именно это занятие должно занимать большую часть вашего времени. Только время от времени вы засекаете корабль. Даже если бы вы могли делать это часто, вы побоялись бы, что вас схватят за руку. — Черч раскурил трубку и выпустил клуб дыма. — Никаких там чувств. Вы — патриот и прочее но..., главным образом, я охотился за вами для того, чтобы передать пару слов вашему высшему командованию, или как вы его там называете.

— Ч то?

— Послушайте, — сказал Черч. — Марсианское правительство слишком распыляется и не может оперировать слишком открыто для подпольных соглашений.

— Почему тогда я должен сотрудничать, — вспыхнул Лоуренс.

— Потому что в противном случае, — ответил Черч холодно, — обстоятельства могут сделаться для вас действительно довольно сложными. С другой стороны, если вы поможете, что ж, мне на расходы отпущена довольно значительная сумма...

Земной космический лайнер «Атлантис» — груз плюс оборудование для удобства пассажиров — готовился к своему первому путешествию. Он не совершал популярный некогда круиз к юпитерианским лунам. В последний период, связанный с потерями марсианских кораблей, не было потеряно ни одно земное судно, хотя это, может быть, было следствием сравнительно малого их количества. Но зачем рисковать: пусть марсиане, понуждаемые необходимостью, одни рискуют на Поясе. Тем временем «Атлантис» будет курсировать по треугольнику: Луна, Венера, Марс.

Никаких трудностей не возникало. Даже если разговоры о пиратстве были верными, Объединенный Протекторат находился в великолепных отношениях со Свободными Мирами. Кроме того, неуклюжие астеритные лодки никогда не смогли бы развить скорость, сравнимую с той, которую был способен развить сверкающий гигант. И, как ни горьки были потери кораблей, марсиане не осмеливались на такие крутые меры, как разрыв дипломатических отношений.

Как бы там ни было, их казино и дома удовольствий обирали туристов во время остановок. Но этого и следовало ожидать. То были богатые люди, готовые платить за хорошо проведенное время в таких местах, куда еще не проник надзор земных моралистов.

«Атлантис» шел два дня, направляясь по довольно сложной, но легко вычисляемой орбите к Венере, когда его радары засекли некий предмет. Радар учел расстояние и векторы движения предмета и передал их компьютеру. Прочтя результаты вычислений компьютера, дежурный позвонил капитану.

— Неприятности? — спросил голос в интеркоме.

— Н-нет, сэр. Не совсем так. — Офицер смотрел мимо своего рабочего стола через иллюминаторы на небо, усеянное звездами. — Другой корабль, похоже, ищет рандеву. Наши пути должны пересечься при заданных скоростях примерно через полчаса. Но я не могу поймать его лучом и... у него, очевидно, не работают двигатели, потому что нет реактивной радиации.

— Метеорит? — поинтересовался капитан. — Межзвездный предмет способен иметь странную орбиту.

— Было бы странным совпадением, если бы он шел совершенно точно нам навстречу, сэр. Кроме того, период тяжелой погоды в Поясе, кажется, кончился. Марсиане месяцами не сообщали о потерях. Я могу предположить, что это один из их кораблей,

возможно, попавший в беду. Скажем, их реактивная масса израсходована по каким-то причинам. Они смогли различить нас на большом расстоянии — или даже заранее знать, где мы должны быть (при той рекламе, которую мы себе сделали) — и использовать свой последний резерв, чтобы выйти на ведущую к свиданию тропу.

— Это не кажется слишком осмысленным, — заспорил капитан. — Но... ладно, будем придерживаться курса. Если это камень, у нас будет достаточно времени, чтобы увернуться от него. Я сейчас же поднимусь на палубу. — И он еще добавил: — Поднимите пассажиров по тревоге. Они никогда не простят нам, если мы лишим их такой забавы.

По мере приближения момента сближения главный холл «Атлантика» оказался переполненным. Автоматы для приготовления коктейлей щелкали безостановочно. Молодые леди, охотящиеся за мужьями, ближе придвинулись к внушительного вида служащему корпорации, не упомянувшему об оставшейся дома жене.

— Как это восхитительно, — нараспев сказала одна, — и часто такое случается в космосе?

— Никогда, насколько мне известно, — ответил он. — Согласно объявлениям, они никак о себе не объявили. Так что, думаю, их радио вышло из строя тогда же, когда был поврежден их резервуар. Только если у них хватит массы на то, чтобы нас перехватить... они смогли бы связаться с Венерой или... Вот он! Святой Успех!

Он не упустил возможности обвить своей рукой талию спутницы, да и она не стала от него отстраняться. Но все их внимание было устремлено за пределы иллюминатора, в направлении холодных созвездий. Как и внимание каждого другого: все разговоры стихли. Только у стюарда вырвался крик: — Он не был построен... — И больше ничего он сказать не осмелился.

Странное судно увеличивалось в размерах с ужасающей быстротой. Оно было меньше «Атлантика», и корпус его был более вытянутый. Двигателей не было видно, только кольцо загадочных конусов опоясывало его центральную часть. Но почему они сверкали яркими фиолетовыми искрами?

— Внимание! — рявкнул голос в динамике. — Капитан Даниельс обращается ко всем пассажирам. Займите свои места и немедленно. Мы переходим в состояние свободного падения для контакта, и, может быть, нам придется изменить скорость без дальнейших предупреждений. Для всего персонала объявляется состояние боевой готовности.

Служащий и леди расстались и быстро направились к своим местам.

Старший офицер, стоя на мостике, покусывал губу.

— Не стоит ли нам попытаться развить большую, чем у них, скорость, сэр?

— Я сомневаюсь в том, что мы сможем это сделать, — хриплым голосом проговорил капитан. — Раз им не нужны реактивные дви-

гатели. Нет, мы подберем соответствующую скорость и пошлем сигнал. Боже! Первый корабль извне!

И встреча будет происходить под его руководством. В голове его роем пронеслась картина захватывающих дух интервью, когда он отдавал приказы. Сердито заурчали моторы, инерционные силы безжалостно навалились на человеческие мускулы, а потом наступила тишина и невесомость. Два корабля мчались параллельно, разделенные примерно, пятистами метрами.

— Смотрите, он движется прямо к нам, — закричал старший офицер.

Невероятно, но незнакомец скользил, не выказывая ни малейшего присутствия ионной струи. «Электрическое притяжение? — пронеслось в голове капитана. — Нет, при таком огромном напряжении мы увидели бы разряды. Магнетизм? Нет. Не знаю, из чего он сделан, но только не из железа».

«Гравитационный контроль. Путешествует со скоростью, большей, чем скорость света. Я переживал подобное мгновение тысячу раз, на тысячах представлений... но теперь оно становится реальностью».

Он слышал свой собственный, ставший надтреснутым, голос:

— Вряд ли мы первая раса, которую они встретили. Они должны знать, что делают.

Удар, дрожь и металлический звон объявили о том, что корабли встретились. Третий офицер, находящийся у другого пульта, сказал, что главные входные шлюзы кораблей коснулись друг друга совершенно точно, припав друг к другу, как в поцелуе.

Чужие поднялись на борт.

В своих гротескных скафандрах они были размерами с человека, но головы, видневшиеся за шлемами, были чудовищными, руки же оканчивались четырьмя пальцами сверхестественной длины.

Они не обратили никакого внимания на усилия команды объясниться знаками, только наставили на них уродливого вида оружие. За сим последовали ужасные часы, в течение которых они прочесали все судно от носа до кормы, оставляя за собой руины.

В конце концов, некоторые из них явились в холл, где были собраны вместе люди. Они выбрали двух космонавтов, похоже, действуя при этом абсолютно наугад, поскольку один оказался инженером мужского пола, а другой — стюардессой, и увели их. Ужас и жалость, обуявшие капитана, смягчались только тем, что оба бедняги, по счастью, оказались марсианскими гражданами.

Еще один толчок сказал о том, что посетители ушли. Офицеры корабля попытались следить за окружавшей их толпой — задача не из легких, ибо та билась в истерике в трех измерениях. Радары показали, что корабль чужаков уходит с нарочито обидной медлительностью.

Осмотр повреждений занял так много времени, что лайнер,

когда офицеры собрались для обсуждения создавшегося положения, оказался в полном одиночестве.

— По сути дела украли они немного, — отчитался от имени своего отдела старший инженер. — Главным образом, они разбирали вещи на части для того, чтобы, полагая, понять нашу технологию. Фузионные реакторы не тронуты. Мои ребята могут починить и запустить реактивные двигатели.

— ...Мое хозяйство они поломали основательно, — сказал офицер-электронщик. — Ни один прибор не функционирует. Возможно, они не хотели, чтобы мы просили о помощи. — Он улыбнулся, и на его лице промелькнула тень удовольствия. — Но они не могут быть хорошо знакомы с кристаллическим лазером, потому что я могу отремонтировать его за пару часов и послать на Венеру луч о помощи.

Напряжение отпустило капитана и он глубоко вздохнул.

— Похоже, что мы легко отделались, — сказал он. — Если не считать тех мужчины и женщины, которых они увели... для вскрытия? Но что ожидает человеческую расу?

Он посмотрел на звезды, точнее, на бесчисленные следы их на видеозэкране. Кошмар реально переживаемого играл каждым его нервом, и он не мог выключить видеоприбор.

Феликс Карриган, Шеф Кипа, с трудом освободился от маски.

— Уф! — выдохнул он. — Я весь взмок в этой штуковине. Он оглядел каюту, переполненную людьми. Среди его людей находилось несколько, к ним не принадлежавших. Здесь были инженер и стюардесса с «Атлантика», здесь был Николас Рискин из Секретариата Совета, и здесь был Джеймс Черч.

— Давайте уходить, — сказал Черч.

— Пока еще нет, — напомнил ему Рискин. — Нам нужно подождать, пока мы не отойдем на такое расстояние, что они не смогут увидеть, что на самом деле у нас есть реактивные двигатели под фальшивым корпусом. О, и не забудьте оставить включенным это хорошенькое флюоресцентное поле!

— Хо-хо, ну и двигатели у нас! — с восхищением в голосе произнес Дейв Седлер. Раньше ему никогда не приходилось быть на крейсере, построенном руками марсиан.

Он снял свой скафандр. Несмотря на внешний вид, то был образчик великолепной работы. Хорошие инженеры помогли сконструировать его: кроме того, в этой работе принимал участие один из лучших костюмеров Марса. Как жаль, что все это нужно было уничтожить.

— Проклятье! — пожаловался он. — Вам следовало позволить нам взять добычу. Эта скорлупа просто перегружена ею!

— А что случилось бы с иллюзией о набеге межзвездных втор-

женцев, если бы все эти предметы появились на рынке? — спросил Черч.

Рискин нахмурился.

— Честно говоря, — сказал он, — я не вижу, что это может изменить. Я говорил вам раньше, мы идем с вами на это потому, что вы поставили это условием снабжения Свободных Миров, так же как и приостановление спасательных операций. Но что теперь? Конечно, вы не думаете, что это фантастическое представление действительно пройдет?

— Именно так я и думаю, — сказал Черч. — И также думают некоторые чертовски компетентные социологи, с которыми мы советовались. Помните, это не должно быть единственным свидетельством. Следы пребывания пришельцев были оставлены там и здесь, марсиане отчитаются о подобных набегах на их корабли. А после того как подобный опыт получило земное судно — что ж, немногие земляне станут считать нас лгунами.

— Даже если так... простой здравый смысл...

— Это не слишком обычная черта для Земли, вам известно; до чего легионеры, живущие там, быстро поддаются панике. И потом имеются еще ввешшееся благоговение и страх перед Другими, возвращенные в тот подсознательный уровень, куда доводы разума просто не проникают, — одна мысль поразила Черча. Он обругал себя за то, что лично не проверил дело, но у него было так много всяких других дел, что это просто выскользнуло из его памяти. — Вы удалили эти суперпроводниковые кольца, встроенные в корпус, не так ли?

— Да, сэр, — проворчал Карриган.

— Хорошо. Любое доказательство того, что наш «гравитационный двигатель» был простым старым магнитным приспособлением, могло бы испортить весь проект.

— Что же они д о л ж н ы подумать? — беспокоино спросил Рискин.

— Они могут подумать о сотне разных вещей, — пожал плечами Черч. — Некоторые марсиане и астериты особенно, решат, что это мог быть обман, мистификация. Но вряд ли им удастся распознать причину, и, во всяком случае, кто осмелится полностью отменить возможность того, что это реальность? Уж, конечно, не Земля. Общественное мнение Земли поднимет шум до небес. Что, конечно, понравится корпорациям, которые начнут делать большие деньги на защитных контрактах.

Рискин смотрел на него, сузив глаза.

— Я все еще не совсем уверен в том, что вами движет, — сказал он.

— Да желание снять вас, астеритов, с нашей шеи, — рассмеялся Черч. — Мы платили вам выкуп эти последние месяцы, чтобы вы оставили нас в покое, но мы же не можем субсидировать вас вечно.

Отчитываясь перед Добшинским, он привел большое количество деталей. Это происходило в его собственном, как он наверняка знал, непрослушиваемом кабинете.

Он откинулся на спинку вращающегося кресла так, что та пискнула, положил ноги на письменный стол и потянулся за своей трубой.

— Согласно последним новостям, — сказал он, — воздействие операции распространяется с молниеносной быстротой. Ходят слухи, будто посольство Земли теперь само потребует от вас вооружить корабли.

— Это верно, — сказал Добшинский. — Просто смешотворно.

— Нет-нет. — Ты должен выдерживать характер и поддерживать военную лихорадку. Расходы вам вполне по силам. Вас больше не грабят, а выплаты Свободным Мирам скоро вступят в новую фазу. Главным образом, впрочем, дело в том, что у вас будет больше кораблей, чем вы можете с ними справиться.

— И это имеет отношение к космической защите, которая планируется? Да, думаю, так.

— И Астероидный пояс — наиболее очевидный район для укрепления, — добавил Черч. В этом не было необходимости, учитывая многочисленные предварительные дискуссии, но он просто не мог совладать со злорадством. — Так что Марс и Свободные Миры великодушно позволят Земле использовать существующие селтльменты в качестве индустриальных и военных баз. В конце концов, они унаследуют то полезное, что дадут эти конструкции.

— Тем временем польются деньги в таком количестве, что астериты смогут покупать все, что им нужно, и причина пиратства просто отпадет. А в дальнейшем между нами и ними начнут развиваться тесные торговые связи, потому что общественное мнение обоих государств решительно объединится против возможности вторжения извне, и ни одно правительство не захочет тратить средства на военные нужды в увеличенных размерах.

Добшинский нахмурился:

— Мне это не нравится, — сказал он. — О, я бился за ваш план перед Ассоциацией, потому что не мог видеть другой альтернативы, но все же теперь, когда мы вовлечены... Неужели вы планируете, что эти ублюдки уйдут чистенькими?

— Астериты, вы имеете в виду? Почему бы и нет, на данном этапе? Вы же прекрасно знаете, что силой их завоевать не можете. Так что давайте лучше с ними подружиться. Я уверен, что вам так же как и мне, совершенно наплевать на то, какой флаг развевается над ними — наш или их собственный.

— Да, конечно, это так, — сказал Добшинский. — Тем не менее...

— И запомните, — прервал его Черч, — мы превосходим их в культурном отношении. Защитный бум дает им возможность широкой индустриализации. Я думаю, что для человеческой расы в

целом это хорошо. Человеку нужно с полной уверенностью вращать себя в эти места. Но феодализм и номадизм не могут сосуществовать с развитой индустрией. Те Шефы, которым не удастся перестроиться в качестве глав компаний, будут смещены и забыты собственным народом. Скажите же мне, может ли быть более удачное решение? Чего еще можно желать?

— Но как долго может продлиться иллюзия? — возразил Добшинский.

— Достаточно долго, — ответил Черч. — Сотня или около того людей, которые что-то знают о нашей Бостонской Чайной Компании, были осторожно прибраны к рукам и находятся далеко отсюда и друг от друга. О, возможно, это неизбежно, что крышка приоткроется. А если и нет, то со временем впечатление начнет слабеть; в конце концов, все решат, что это была какая-то банда из изолированно действующих бандитов. Но к тому времени процесс зайдет настолько далеко, что возврат к старому станет невозможен. И в Поясе произойдут такие изменения, что остановить его тоже будет невозможно.

— Предположим, что правда станет известной?

— Что ж, в таком случае вам только придется напомнить Солнечной Системе о том, что «Атлантис» подвергся нападению именно жителей Свободных Миров.

— Нет, у нас есть убедительные доказательства. Кроме того...

Черч встал и подошел к окну. Ночь наступала с марсианской быстротой. Надо всем неоновым сверканием стояло небо, почти такое же великолепное, каким бывает открытый космос.

— Это вряд ли возможно, — сказал он, — чтобы людям самим удалось найти путь к звездам, пока продолжаются междоусобицы.

ЧУВСТВИТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Повесть

Таверна «Мермейд» была пышно отделана: колонны и кабины были сделаны из огромных глыб обработанного коралла, а стены украшены изображениями Нептуна и

его свиты, включая движущуюся картину танца подводных дев, весьма впечатляющую. Но сквозь большие кварцевые окна виднелись лишь слои зеленовато-голубоватой воды; единственная живая рыба, на которую можно было посмотреть, плавала в аквариуме по другую сторону бара. Колония Тихого океана была лишена гротескового одиночества поселений Флориды и Кубы. Здесь было нечто от делового города, даже в отпускное время.

Чувствительный человек на мгновение задержался у входа, окидывая взглядом большую круглую комнату. Было занято менее чем половина столиков. Стояло затишье, когда 12 — 18 сотен мо-

ряков были еще заняты, а остальные давно потратили свои деньги на наиболее дорогие развлечения. Конечно, кое-кто чем-то занимался. Далгетти классифицировал их как наблюдатель.

Компания инженеров, возможно, спорящих о мощности компрессора последнего подводного резервуара, судя по скучающему выражению лиц трех — четырех рок-девушек, присоединившихся к ним. Биохимик, забывший, казалось, о своем планктоне и морских водорослях на какое-то время и полностью сконцентрировавшийся на хорошенькой молодой служащей, сидящей рядом с ним. Пара батопортеров с огромными тяжелыми руками, занимающихся обильными излияниями.

Эксплуатационник, программист, штурман танкера, водитель, морской ранчер, группа стенографисток, еще одна — явно туристов, несколько химиков и металлургов — чувствительный человек различал их всех. Были еще и другие, которых он не мог классифицировать с подобной определенностью, но после некоторого колебания он решил проигнорировать их. Оставалась только группа с Томасом Банкрофтом.

Она сидела в одном из коралловых гротов. Далгетти пришлось немного поморгать, прежде чем он смог видеть, и тогда тусклый свет таверны превратился для его зрачков в резкое свечение. Да, это был Банкрофт, собственной персоной, и рядом с ним была пустая пещера.

Далгетти расслабил зрение до нормального восприятия. Даже в краткий момент изменения флюоросвет успел вызвать у него головную боль. Он выкинул ее из сознания и опустил голову.

Когда он собирался войти в свободную пещеру, его остановила хозяйка. Она была молодой и вызывающе привлекательной в тесно облегающем форменном костюме. При тех деньгах, что текли рекой в колонию Тихого океана, они имели возможность на самую эффективную помощь.

— Прошу прощения, сэр, — сказала она. — Это отделение занято для вечеринки. Не предпочтете ли столик?

— Я и есть вечеринка, — ответил он, — или скоро стану ее участником. — Он слегка отстранился, чтобы ни один из членов группы Банкрофта случайно его не заметил. — Если бы вы могли для меня устроить какую-нибудь компанию... — Он извлек С-банкноту, спрашивая себя, можно ли проделывать подобные вещи с легкостью и изяществом.

— Ну конечно же, сэр, — она приняла ее с ловкостью, которой он позавидовал, и в ответ наградила его завораживающей улыбкой, — устраивайтесь поудобнее, пожалуйста.

Далгетти быстро прошел в грот. Дело обещало быть нелегким. Шершавые каменные стены, способные вместить в себя 20 человек, сомкнулись вокруг него. Несколько хитроумно укрытых флюороламп давали достаточно света только для того, чтобы видеть сидящего

рядом, но никак не дальше. Тяжелая штора могла быть опущена по желанию, давая возможность полного уединения. Тет-а-тет-ага!

Он опустился за стол, сработанный из плавникового леса, и прислонился к коралловой стене. Закрыв глаза, он попытался на-прячь волю. Его нервы уже были настроены на такую степень собранности, что, казалось, могли порваться, так что ему нужно было лишь несколько секунд на то, чтобы направить разум в нужную сторону.

Шум таверны вырос от крошечного бормотания к уверенному голосу прибоя, а потом — к биению огромной, с острым гребнем волны. Голоса зазвенели в его голове, резкие и глубокие, жесткие и мягкие, бессмысленный поток болтовни, составленный из перемешанных в беспорядке слов, слов, слов... Кто-то уронил бокал, и звук был подобно грохоту разорвавшейся бомбы.

Далгетти сморщился, прислоняясь ухом к стене грота. Конечно же, их говор должен был достичь его уха, даже сквозь весь этот камень! Уровень шума был высоким, но человеческий разум, если он обладает искусством концентрации, является эффективным филь-тром. Внешние раздражители начали уходить из сознания Далгетти, и он медленно исключил все, кроме струйки звуков.

Первый человек:

— ...неважно. Что они могут сделать?

Второй человек:

— Пожаловаться правительству. Хочешь, чтобы нам на хвост село ФБР? Я лично — нет.

Первый человек:

— Полегче. Пока что они еще этого не сделали, и прошла уже добрая неделя с тех пор...

Второй человек:

— Откуда ты можешь знать, что этого не случилось?

Третий человек — властный, уверенный голос. Да, теперь Далгетти припомнил его по речам на ТВ — то был сам Банкрофт:

— Я знаю. У меня достаточно связей для того, чтобы это установить.

Второй человек:

— О'кей, итак, они не сообщники. Почему нет?

Банкрофт:

— Вы знаете почему. Они не хотят, чтобы правительство вме-шивалось в это дело больше, чем мы.

Женщина:

— Что ж, тогда они собираются просто сидеть и смотреть? Нет, они найдут какой-нибудь способ...

— ХЭЛЛО, МИСТЕР!

Далгетти подскочил и огляделся. Его сердце заколотилось с такой силой, что он ощутил, как в нем затрепетала каждая жилка и выругал себя за собственное напряжение.

— Да что случилось, мистер? У вас такой вид, будто...

Снова усилие, прочь пространственный слух, под контроль сердце и пальцы, расслабление. Он сконцентрировал взгляд на вошедшей девушке. То была рок-девушка, та самая, о которой он просил, потому что ему необходимо было занять именно эту кабину.

Сейчас голос ее звучал на невообразимом уровне. Еще один клочок пены. Он изобразил на лице вымученную улыбку:

— Садись, малышка. Прости меня. Нервы на пределе. Что будешь пить?

— Пожалуйста, дайкири. — Она улыбнулась, устраиваясь около него. Он набрал код на диспенсере — коктейль для нее, скотч и содовую для себя.

— Ты здесь новичок, — сказала она. — Тебя что, наняли или просто посетитель? — И снова улыбка. — Меня зовут Гленна.

— Называй меня Джо, — сказал Далгети. На самом деле его имя было Симон. — Нет, я буду здесь совсем недолго.

— А ты откуда? — спросила она. — Я сама из Нью-Джерси.

— Похоже, что никто и никогда не родился в Калифорнии. — Он усмехнулся. Он взял себя под контроль, эмоции его пришли в норму, и он снова смог думать с полной ясностью. — Я... э... просто брожу там и сям. У меня сейчас и адреса постоянного нет.

Диспенсер выплюнул напитки на поднос и выбросил цену: 20 долларов. Неплохо, учитывая все. Он сунул в машину 50 долларов и получил сдачу.

— Что же, — сказала она, — за тебя!

Он коснулся своим бокалом ее бокала, размышляя, как бы ему сказать то, что он должен был сказать. Проклятие, не мог же он сидеть вот так, болтая и обнимаясь, когда ему нужно было слушать. До сего мгновенья он не мог представить себе все возможные трудности. Он колебался. Он решил, что прямой подход — лучший для него выход. Он выработал в себе холодную уверенность. Подсознательно Далгети боялся девушки, такой чуждой его классу.

— Гленна, — сказал он, — боюсь, что компаньон из меня весьма скучный. Я, собственно, производжу некое исследование в области психологии. Меня интересует, как сконцентрироваться при различных условиях. Я хотел попытаться сделать это в таком вот месте.

Он вытащил банкноту и положил ее перед ней.

— Если бы ты просто посидела спокойненько, то думаю, что больше часа это не продлится. Ага?

Брови ее поднялись. Потом, пожав плечами и сухо улыбнувшись, она сказала:

— О'кей, ты же платишь.

Она вытащила сигарету из плоского портсигара, закурила и откинулась на спинку сиденья.

Далгети снова прислонился к стене и закрыл глаза. Девушка с любопытством наблюдала за ним. Она была среднего роста, плотного сложения, броско одетая — голубая туника с короткими рукавами, серые брюки, сандалии. Квадратное курносое лицо ее было

веснушчатим. У нее были ореховые глаза и весьма приятная робкая улыбка. Песочного цвета волосы коротко подстрижены. «Молодой человек, — решила она, — лет двадцати пяти, весьма обычный и неинтересный, если не считать боксерских мускулов и, конечно, поведения.»

Что ж, всякое бывает.

Несколько мгновений Далгетти ощущал беспокойство. Не оттого, что объяснение, которое он ей дал, было слишком неуклюжим, а оттого, что оно стояло слишком близко к правде. Он выкинул из себя неуверенность. Были шансы за то, что она ничего не поняла и не станет об этом кому-либо рассказывать. По крайней мере, людям, за которыми он охотился.

Или которые охотились за ним.

Концентрация, а потом вновь медленно возник голос: ... может быть. Но, я думаю, они будут более упрямы.

Банкрофт:

— Да. Дело так велико, что можно противопоставить ему несколько жизней. Все же, Майкл Тайи — единственный, кто все может знать. Он будет говорить.

Женщина:

— Можно заставить его говорить, вы это хотите сказать? — У нее был самый холодный голос, который когда-либо приходилось слышать Далгетти.

Банкрофт:

— Да. Хотя мне страшно не хотелось бы идти на такие крайние меры.

Мужчина:

— Какие другие возможности у нас есть? Он ничего не скажет, если мы только его не заставим. А тем временем его люди прочешут всю планету, чтобы его найти. Они умеют это делать.

Банкрофт — сардонически:

— Что, собственно, они могут сделать, скажите на милость? На то, чтобы установить местонахождение исчезнувшего человека, нужно нечто большее, чем любительское рвение. На это требуются все ресурсы большой политической организации. А последнее, что они хотят, насколько мне говорили раньше, это втянуть в данное дело правительство.

Женщина:

— Я в этом не уверена, Том. В конце концов, Институт — легальная группа. Он одобряется правительством и его влияние просто грандиозно. Его выпускники...

Банкрофт:

— Он выпускает дюжины различного рода техников, это так. Но, поверьте мне, Политехнический институт подобен айсбергу, хотя он действительно проводит исследования, дает советы и публикует находки и теории. Реальная его природа и цели скрыты под

водой. Нет, насколько мне известно, ничего нелегального здесь нет. Цели его так велики, что просто игнорируют любой закон.

Мужчина:

— Какие цели?

Банкрофт:

— Я бы сам хотел это знать. Мы руководствуемся только намеками и догадками, как вам известно. Одна из причин, по которой мы захватили Тайи, и состоит в том, чтобы больше узнать. Я подозреваю, что их истинная работа строго засекречена.

Женщина — задумчиво:

— Да-а-а, я могу это понять. Если бы большая часть мира узнала о том, что ими... манипулируют — тогда манипуляция стала бы просто бессмысленной. Но к чему конкретно может привести нас группа Тайи?

Банкрофт:

— Не знаю, я уже вам сказал. Я даже не уверен в том, что они действительно хотят... взять верх. Здесь что-то большее. — Вздых. — Давайте смотреть в лицо правде. Тайи — тоже крестоносец: он очень искренний идеалист на свой собственный лад. Просто получилось так, что его идеи оказались неверны. Это — одна из причин, по которой мне бы страшно не хотелось причинять ему вред.

Мужчина:

— Но если получится так, что нам придется...

Банкрофт:

— Ну, придется, так придется. Но мне это удовольствия не доставит.

Мужчина:

— О'кей, вы — лидер, и решите тогда. Но предупреждаю вас: не стоит ждать слишком долго. Говорю вам, Институт — это более чем коллекция оторванных от реальной жизни ученых. У них есть кто-то, способный заняться поисками Тайи, и если они смогут установить его местонахождение, то это будет уже настоящей бедой.

Банкрофт — холодно:

— Что ж, сейчас время надвигающейся беды, а если нет, то скоро будет. Вы могли бы прекрасно об этом догадаться сами.

Разговор перешел на другие темы и превратился в ленивую болтовню. Далгетти простонал про себя. Они ни разу не упомянули о месте, где был спрятан пленник.

Ладно, маленький человек, что дальше? Томас Банкрофт — большая игра. Его общественное положение было очень прочным. Он был членом Конгресса и Кабинета. Даже в лейбористской партии он считался опытным и уважаемым человеком.

У него были друзья в правительстве, в деловых кругах, в союзах, в отделениях и клубах от Мейна до Гавайи. Ему стоило лишь сказать слово, и в одну из темных ночей у Далгетти бы

выбили зубы. О, если только Далгети заинтересуются, он может очень быстро оказаться арестованным по обвинению в нарушении прав человека и в течение следующих шести месяцев будет находиться под следствием.

Слушая, он убедился в том, что подозрения Ульриха из Института было верным: Томас Банкрофт и был похитителем Тайи. Однако, это ничем ему не помогло. Если бы он пошел с этой историей в полицию, то там бы: во-первых, рассмеялись громким и долгим смехом, во-вторых, его направили бы для психологического обследования и, в-третьих, самое худшее — передали бы историю Банкрофту, который узнал бы, таким образом, что сотрудники Института способны принять ответные меры.

Конечно, это было лишь начало. Ниточка следа была длинной. Но времени до того, как они начнут переворачивать мозги Тайи, оставалось чудовищно мало. И по следу рыскали «волки».

С пугающей ясностью Симон Далгети осознал, в какое дело он втравил себя.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем люди Банкрофта ушли. Взгляд Далгети проследил их, когда они покидали бар — четверо мужчин и женщина. Все они были спокойными, выдержанными и выглядели очень представительно в дорогих темных костюмах.

Даже неуклюжий телохранитель явно являлся выпускником колледжа третьего класса. Вы ни за что не приняли бы их за убийц и похитителей и за слуг тех, кто собирается вытащить на свет божий политический гангстеризм. Однако, размышляя дальше, он соображал, что они, возможно, и не думали о себе в подобном аспекте.

Враг — старый, хотя и принимающий разные обличья, с которыми приходилось бороться, когда он был в образе фашиста, нациста, маоиста, атомиста, американиста и еще Бог знает чем во время кровавого столетия — сделался более хитроумным. Теперь он был способен обмануть даже себя.

Чувства Далгети вернулись к нормальному состоянию. Ощутить себя просто человеком, сидящим в тускло освещенной кабине с хорошенькой девушкой, было внезапным и огромным облегчением. Но все же чувство ответственности осталось в уголке его сознания и было сосущим и тревожным.

— Прости, что это заняло так много времени, — сказал он. — Выпей что-нибудь еще.

— Я только что это сделала, — она улыбнулась.

Он заметил, что на диспенсере сияет цифра в 10 долларов и скормил в него две монеты. Потом, поскольку нервная дрожь не вполне еще оставила его, он набрал для себя еще порцию виски с содовой.

— Ты знаешь, кто эти люди из соседнего грота? — спросила Гленна. — Я видела, как ты наблюдал за ними, когда они уходили.

— Конечно, мне известна репутация мистера Банкрофта, — ответил он. — Он ведь здесь живет, не так ли?

— У него есть помещение за Галлстойки, но бывает он там нечасто, — ответила она. — Главным образом, на материке, я думаю.

Далгетти кивнул. Он приехал в колонию Тихого океана два дня назад и рыскал там и тут в надежде, что Банкрофт даст какой-нибудь ключ. Теперь это произошло, но находка стоила немного. Она лишь подтвердила то, что Институт и так уже считал в высшей степени возможным даже без получения добавочной информации.

Ему нужно было обдумать следующие действия. Он осушил свой бокал.

— Пожалуй, мне пора закругляться, — сказал он.

— Если ты хочешь, ты мог бы здесь пообедать, — сказала Гленна.

— Спасибо, я не голоден. — Это была правда. Нервное напряжение, сопутствующее концентрации его силы, проделывало дьявольские фокусы с его аппетитом. Да и с деньгами следовало обращаться поаккуратнее. — Может быть, позже.

— О'кей, Джо, возможно, увидимся. — Она улыбнулась. — Забавный ты парень. Но очень милый. — Она коснулась своими губами его щеки и вышла. Далгетти подошел к двери и ступил в лифт, поднимающийся вверх.

Ему пришлось подняться на много уровней. Таверна находилась под станционными кессонами, возле главного кабеля и выходила как раз на глубокие воды. Над ней размещались торговые дома, помещения для машин, отели — вся подоготная современного существования. Он вышел из кабины на верхней палубе, находившейся в 30 футах над поверхностью. Там никого не было и он подошел к поручням и перегнулся через них, глядя на воду и наслаждаясь одиночеством.

По ним уходили вдаль, к главной палубе, пирсы, поток линий и изгибов широких улиц из светлого пластика, движущиеся сигналы, трава и цветники маленьких парков, торопливые или лениво шедшие люди.

Огромный гидростабилизаторный пузырь двигался незаметно вдоль выпуклости Тихого океана. Станция «Пеликан» была нижним городом колонии, с ее магазинами и театрами, ресторанами, станциями обслуживания и учреждениями.

Вокруг нее вода была цвета индиго в вечернем свете, пронизанная сгустками пены причудливых очертаний; он мог слышать, как ворчат волны, разбиваясь об отвесные скалы. Небо наверху было высоким, и лишь в западной его части, начинающей темнеть, виднелось несколько облаков. Парящие в нем чайки казались сгу-

стками золота. Сгущение на востоке означало очертания южной Калифорнии. Он глубоко вобрал в себя воздух, давая нервам и мускулам долгое расслабление, приглушая работу разума и обращаясь лишь к своему телу, просто живущий и радующийся жизни.

Видимость во всех направлениях ограничивалась другими станциями, переплетениями стремящихся вверх линий в том месте, где находилась колония Тихого океана. Несколько воздушных мостов связывали их между собой, но все еще существовало и интенсивное водное движение. К югу он увидел черноту на воде — там было морское ранчо. Его тренированная память подсказала ему ответ на мелькнувший вопрос, что, согласно последним данным, 18,3% продуктов мирового питания добывалось теперь из модифицированных морских водорослей. И процент этот будет быстро расти, он знал это.

Повсюду были плантации морских продуктов, рыбные базы, экспериментальные и чисто научно-исследовательские станции. Под плавающим городом, вращенным в уступ континента, находился подводный саттелмент — нефтяная скважина, дававшая сырье промышленным синтетическим процессам, как и исследованиям, обращенным на поиски новых ресурсов. Скважины эти все удлинялись по мере того, как человек учился уходить глубже в темноту и давление. Это было дорого, но у перенаселенного мира выбора не было.

Венера была уже видна низко над сумрачным горизонтом. Далгети набрал в легкие сырой и острый воздух и с некоторой жалостью подумал о тамошних людях — на Луне, на Марсе, между мирами. Они делали работу невероятной сложности и необходимости, но он сомневался, была ли она более сложной и нужной, чем та, что делалась здесь, на Земле. Или та, что совершалась в тесных помещениях Института.

Довольно. Далгети настроил себя на ощущения охотничьей собаки. Он здесь тоже для работы. Силы, которые ему следовало сосредоточить на ней, казались просто чудовищными. Он был единственным человеком, единственным, выступающим против неизвестно какого рода организации.

Ему нужно было спасти другого человека раньше — да, раньше, чем история изменится и ринется по ложному пути, по долгому извилистому пути, ведущему вниз. У него есть знания и способности, но они не могут остановить летящую пулю. Не включают они в себя и познаний о подобного рода войне. Войне, которая не была войной, политика, которая вовсе не политика, но горсточка вычислений и набор медленно собиравшихся данных плюс представления пытливого разума.

Банкрофт держит Тайи где-то в неизвестности. Институт не может просить помощи у правительства, несмотря даже на тот высокий статус, который Институт имел в правительстве. Институт мог бы послать на помощь Далгети несколько человек, но боль-

шого облегчения это бы не принесло. Время неумолимо наступало на них.

Чувствительный человек обернулся, почувствовав внезапно присутствие кого-то еще. То был человек средних лет, сутулый и седовласый, с интеллигентным лицом. Он прислонился к поручням и спокойно сказал:

— Приятный вечер, не так ли?

— Да, — ответил Далгетти. — Очень приятный.

— Оно дает мне ощущение подлинной гармонии, это место, — сказал незнакомец.

— Каким же образом? — спросил Далгетти, не возражающий против возможности поддержать разговор.

Человек посмотрел на море и заговорил тихо, как будто про себя:

— Мне 50 лет. Я был рожден во время Третьей Мировой войны и вырос среди последовавших за ней голода и массовых безумий. Я вижу себя сражающимся в Азии. Я беспокоился о давлении бессмысленно увеличивающегося населения при бессмысленно растрачиваемых ресурсах. Я видел Америку, которая балансировала между упадком и безумием.

И все же сейчас я могу стоять и смотреть на мир, в котором функционируют Объединенные Нации, в котором снизился прирост населения, а демократические правительства возникают в одной стране за другой, в котором мы завоевываем моря и даже уходим на другие планеты. Все изменилось с тех времен, когда я был мальчиком, но в целом изменилось к лучшему.

— А, — сказал Далгетти, — поворот души к добру. Хотя, боюсь, это не так просто.

— Значит, вы голосовали за консерваторов? — человек поднял брови.

— Лейбористская партия действительно консервативна, — сказал Далгетти. — Доказательством чего является коалиция с республиканцами или неофедералистами, как и некоторыми отошедшими группами. Нет, меня не беспокоит, она ли останется у власти, будут ли процветать консерваторы или верх возьмут республиканцы. Главный вопрос в следующем: кто будет контролировать основную силу?

— Ее члены, полагаю, — сказал человек.

— Но кто конкретно является ее членами? Вы знаете не хуже моего, что огромным недостатком американского народа всегда было отсутствие интереса к политике.

— Что? Но ведь они голосовали, не так ли? Каков был последний процент?

— 88,37. Конечно, они голосовали, ведь им было дано такое право. Но много ли из них имели хоть какое-то отношение к выдвижению кандидатов или установке платформ? Какое количество действительно нашло время на то, чтобы работать над этим

или хотя бы написать своим конгрессменам? «Прихлебатель политикана» все еще остается презрительной кличкой.

Слишком часто в истории голосование было лишь делом выбора между двумя хорошо смазанными машинами. Достаточно умная и решительная группа может собрать для себя сторонников, выдвинуть чье-то имя и лозунги и через несколько лет создать за кулисами полную «изнанку», — Далгети говорил быстро и уверенно, то был один из аспектов той задачи, которой он посвятил свою жизнь.

— Две машины, — сказал незнакомец, — или четыре, или пять — чем мы располагаем теперь — лучше, по крайней мере, чем одна.

— Только не в том случае, если всех их контролируют одни и те же люди, — мрачно сказал Далгети.

— Но...

— Если не можете их разбить, лучше к ним присоединиться. А еще лучше присоединиться ко всем сторонам. Тогда вы не проиграете.

— Я не думаю, что это произошло, — сказал незнакомец.

— Нет, этого не произойдет, — согласился Далгети. — Не произошло в Соединенных Штатах, хотя в некоторых других странах... неважно. Это все еще в процессе движения, вот и все. Сегодня за веревку дергают не нации и не партии, но... философы, если вы предпочитаете для них такое название. Два вида человеческой судьбы, пронизывающие все национальные, политические, расовые и религиозные формы.

— И что же это за два вида? — спокойно спросил незнакомец.

— Можно было бы назвать их либерализмом и тоталитаризмом, хотя представители последнего совершенно не обязательно думают о себе подобным образом. Общеизвестно, что неистовый индивидуализм достиг своего пика в XIX столетии. Хотя, по сути дела, социальное давление и обычаи были более сдерживающими, чем это представляют сегодня многие современные люди.

В XX столетии социальные твердыни — в манерах, морали, привычках и мыслях — были разбиты. Эмансипация женщины, например, или легкость развода, или законы о независимости личности. Но в то же время легальный контроль начал снова усиливать свою хватку. Правительства брали на себя все большее количество функций, налоги росли, жизнь индивидуума все больше и больше оказывалась связанной с регулирующими словами «это следует» и «это не следует».

Чего мы медленно достигаем, так это общества, где индивидуум имеет максимум свободы как от закона, так и от обычаев. Возможно, несколько дальше по этому пути продвинулись Америка, Канада и Бразилия, но эта тенденция наблюдается во всем мире.

Но имеются элементы, которые не совсем соотносятся с заключениями подлинных либералистов. И новая наука управления человеческим поведением, массовым и индивидуальным, реализуется

религиозными методами. Она становится самым могущественным средством, когда-либо ведомым человечеству, — ибо тот, кто контролирует человеческий разум, будет также контролировать все, что может сделать человек.

Напоминаю вам: наука может быть использована как угодно. Если вы умеете читать между строк, то поймете, какая скрытая борьба идет за лепку личности, как только она достигает зрелости и эмпирической нестабильности.

— А, да, — сказал человек, — психотехнический институт.

Далгетти кивнул, дивясь про себя, почему начал эту лекцию. Что ж, чем больше людей получит верное направление мыслей, тем лучше, — хотя этого недостаточно, чтобы узнать всю правду. Пока еще нет.

— Институт готовит много кадров да правительственных постов и проводит большую работу по даче советов, — сказал человек, — так что иногда даже кажется, что именно он спокойно осуществляет режиссуру всего представления.

Далгетти слегка вздрогнул под легким ветерком и пожалел, что не взял с собой плащ. Он устало подумал: «Снова и снова. Вот она, распространяемая история. Это не грубое обвинение, так вот бросаемое в лицо, но медленные и неясные слухи. Шепоток здесь, намек там, уклончивая новая история, нарочито бесстрастная статья... О да, они знают, как обращаться с семантикой».

— Есть слишком много людей, которые этого боятся, — заявил он. — Но это неправда. Институт — частная исследовательская организация, одобряемая Федерацией. И его исследования доступны всем.

— Все исследования? — В сгущающихся сумерках лицо человека было трудно разглядеть.

Далгетти подумал, что он вполне мог скептически поднять брови. Он не ответил на вопрос прямо, но сказал:

— В общественном сознании бытует неясное мнение, будто группа, обладающая полным набором знаний о человеке, — чего Институт еще достичь не может — способна сразу «возобладать» над остальными и, путем некоторых неспецифических, но пугающе-вкрадчивых манипуляций, завоевать мир. Суть этого мнения состоит в том, что, если вы знаете, на какую кнопку нажимать и тому подобное, люди сделают именно то, что вы хотите, не понимая того, что ими управляют. Все это чистой воды вымысел.

— А я думаю, — сказал человек, — в сути своей она кажется вполне правдоподобной.

Далгетти покачал головой:

— Предположим, я был бы инженером, — сказал он, — и предположим, я бы видел, что на меня надвигается лавина. Я мог бы точно знать, как ее остановить — куда поместить динамит, где построить бетонную стену и так далее. Только знания не помогли

бы мне. У меня не осталось бы ни времени, ни силы, чтобы их использовать.

— Положение подобно по отношению к человеческому «динамиту», как массовому, так и индивидуальному. Нужны месяцы и годы на то, чтобы изменить убеждения человека, а когда имеешь дело с сотнями миллионов людей... — Он пожал плечами. — Социальные течения слишком велики для всего, кроме самого слабого, в высшей степени постепенного контроля. Возможно, что самыми ценными результатами, полученными на основе исследований, являются не те, которые показывают, что можно сделать, но те, которые показывают, что сделать нельзя.

— Вы говорите очень уверенно, — сказал человек.

— Я психолог, — достаточно искренне ответил Далгетти. Он не добавил, что является одновременно и объектом исследования, и наблюдателем. — И боюсь, что слишком много говорю. Дурная привычка.

— Ну что вы, — сказал человек. — Он облокотился спиной с поручни и протянул собеседнику неясно видимую в полутьме пачку. — Закурите?

— Нет, спасибо, я не курю.

— Вы — редкое исключение. — Огонек зажигалки осветил на мгновение лицо человека.

— Я нашел другие пути расслабления.

— Хорошо для вас. Между прочим, я сам профессор. Английская литература, в Колорадо.

— Боюсь, что в этом отношении я несколько туповат, — сказал Далгетти. На мгновение он ощутил потерю. Его мыслительные процессы слишком отделили его от обыкновенного человека, который, как правило, мог находить большое удовлетворение в художественной прозе или поэзии. Но музыка, скульптура, живопись — это нечто другое. Он посмотрел на широкую сверкающую полосу воды, на станции, темными силуэтами вырисовывающимися на фоне неба с первыми звездами, и с истинной радостью осознал присутствие великой гармонии.

Человеку нужно обладать развитыми чувствами, чтобы полностью понять, как прекрасен этот мир.

— Я сейчас в отпуске, — сказал человек. Далгетти ничего на это не ответил. Через несколько мгновений его собеседник проговорил: — Вы тоже, полагаю?

Далгетти ощутил небольшой укол-вопрос, столь личностный из уст незнакомого человека; но ведь подобной нетактичности можно ожидать например от Гленны. Профессор же должен быть лучше знаком с законами вежливости.

— Да, — коротко ответил он. — Осматриваетесь?

— Между прочим, мое имя Тайлер, Хармак Тайлер.

— Джо Томсон, — Далгетти пожал протянутую руку.

— Мы могли бы продолжить наш разговор, если вы останетесь

здесь на некоторое время, — сказал Тайлер. — Вы затронули некоторые интересные аспекты.

Далгетти подумал. Остаться здесь столько, сколько и Банкрофт, в надежде узнать что-нибудь еще?

— Может быть, я пробуду здесь еще пару дней, — сказал он.

— Хорошо, — сказал Тайлер. — Он посмотрел на небо. Оно начинало заполняться звездами. Палуба все еще оставалась пустой. Она бежала вокруг объемного корпуса погодно-наблюдательной башни, которая по вечерам переводилась на автоматическое наблюдение, и поблизости никого не было видно. Посмотрев на часы, Тайлер сказал: — Сейчас около 19.30. Если бы вы не возражали подождать до 20, я мог бы показать вам кое-что интересное.

— Что же?

— А вы будете удивлены. — Тайлер усмехнулся. — Немногим людям известно об этом. А теперь, вернемся к тому вопросу, который вы ранее подняли...

Полчаса прошли незаметно. Говорил, в основном, Далгетти.

— ...и масса активности. Видите ли, говоря очень поверхностно и приблизительно, состояние семантического эквilibра в мировом масштабе, которое, конечно, никогда не существовало, можно представить равенством формы...

— Извините меня, — Тайлер снова посмотрел на часы. — Если вы не возражаете прервать наш разговор на несколько минут, я покажу вам то странное зрелище, о котором говорил.

— А? О... о, конечно.

Тайлер отбросил свою сигарету. Крошечным метеором промелькнула она в темноте. Он взял Далгетти за руку. Они медленно пошли вокруг башни погоды.

Из-за противоположной ее части вышел человек и направился к ним. Далгетти едва успел заметить его, когда ощутил покалывание на своей груди.

Игольчатый пистолет!

Мир закружился вокруг него. Он сделал шаг вперед, пытаясь закричать, но его горло оказалось в тисках. Палуба поднялась к нему навстречу и ударила его, и разум закружился навстречу темноте.

Откуда-то изнутри поднялась воля, тренированная рабочими рефлексам, и он собрал все, что осталось от его иссушенной силы и начал бороться с анестезатором. Эта борьба походила на попытку ухватиться за туман. Снова и снова он по спирали уходил в бессознательность и вновь выныривал из нее. Тускло, сквозь кошмар, он сознавал, что был схвачен и что его несут. Однажды кто-то остановил группу в коридоре и спросил, что случилось. Ответ, казалось, пришел издалека. — Не знаю, он проходил мимо... и с ним что-то случилось. Мы несем его к врачу.

Потом как будто целое столетие они провели в лифте. Стены лодочного дома задрожали вокруг них. Его перенесли на большое

судно, которого не было видно в густом тумане. Какая-то его часть подумала, что это явно пиратский лодочный дом, поскольку никто не пытался остановить... не пытался остановить...

Потом пришла ночь.

Он пробуждался медленно, с позывами на рвоту, со слепотой в глазах. Шум воздуха, он летел, должно быть, его поместили на трифибиан. Он пытался восстановить силы, но разум его был еще слишком парализован для таких усилий.

— Ну-ка, выпейте это.

Далгетти принял стакан и жадно выпил его содержимое. Вместе с жидкостью в него влились прохлада и твердость. Вибрация внутри него утихла, а головная боль снизилась до вполне терпимой. Медленно он огляделся и ощутил первый прилив паники.

Нет! Он подавил эмоцию почти физическим нажимом. Сейчас нужно быть спокойным и быстро соображать и...

Высокий человек рядом с ним кивнул и просунул голову в дверь.

— С ним теперь все о'кей, — позвал он. — Хотите поговорить?

Глаза Далгетти обратились к окружающему. Это была задняя кабина большой воздушной лодки, шикарно обставленная, с удобными сиденьями и прикрепленными к полу столиками. Широкое окно смотрело на звезды.

«Пойман! — то была горечь в чистом виде, бессильная злоба на самого себя. — Самому явиться прямо к ним в руки.»

В кабину вошел Тайлер в сопровождении двух мужчин, здоровых, с каменными лицами. Он улыбался.

— Прошу прощения, — пробормотал он, — но вы играете на руку своему Союзу.

— Угу, — Далгетти покачал головой. Сухость наполняла его рот. — Только я не состою ни в каких Союзах.

Тайлер усмехнулся. Выражение его лица было симпатизирующим.

— Вы великолепно капитулируете на словах, — сказал он, — я рад, что вы так хорошо говорите. Мы не намерены причинить вам зло.

Скептицизм Далгетти заговорил еще громче, но он сделал над собой усилие и расслабился.

— Как вы попали на мой след? — спросил он.

— О, разными путями. Боюсь, что вы весьма неуклюжи. — Тайлер уселся на стол. Охранники продолжали стоять. — Мы были уверены в том, что Институт готовит контрудар и изучали его персонал самым внимательным образом. Вас узнали, Далгетти, а известно, что вы с Тайи были очень близки. Итак, вы ринулись за нами даже без лицевой маски...

— Как бы там ни было, замечательно, что вы бродите возле

колонии. Мы, в свою очередь, проверили ваши движения. Одна из рок-девушек смогла рассказать о вас очень интересные вещи. Мы решились, что лучше всего расспросить вас. Я прозондировал почву в качестве случайного знакомого, а потом отвел вас на randevu. — Тайлер развел руками. — Вот и все.

Далгетти вздохнул и плечи его опустились под внезапным грузом горечи. Да, они были правы. Он сошел со своей орбиты.

— Ладно, — сказал он. — Что теперь?

— Теперь у нас есть вы и Тайи, — сказал Тайлер. — Надеюсь, вы будете говорить более охотно, чем он.

— Предположим, что не буду.

— Поймите следующее, — Тайлер нахмурился. — Для промедления с Тайи есть веские причины. Прежде всего потому что он ценный заложник. Но вы — никто. И поскольку вы не чудовище, мне бы не хотелось обращаться с вами как с фанатиком.

— Послушайте-ка, — сказал Далгетти с новым подъемом сарказма, — это ведь интересный пример семантической эволюции. В наше, в целом довольно легко переносимое время, слово «фанатик» превратилось в весьма простой эпитет и обозначает нечто вроде противника.

— Хватит, — отрезал Тайлер. — Медлить вам не позволят. Вам предстоит ответить на много вопросов. — Он хрустнул костяшками пальцев. — Каковы отдаленные цели Института? Как он собирается их достичь? Как далеко он уже зашел? Чем, с точки зрения науки, он занимается таким, что не было опубликовано? Как много ему известно о нас? — Он слегка улыбнулся. — Вы ведь всегда были близки к Тайи. Он ведь готовил вас, не так ли? Вы должны знать столько же, сколько и он.

«Да, — подумал Далгетти, — Тайи готовил меня. Он был единственным отцом для меня, которого я знал, по сути дела. Я был сиротой, а он принял меня и был со мной добр.»

Перед его мысленным взором пронеслась картина старого дома. Он стоял на широкой деревянной площадке в прекрасных холмах Шейна, а внизу бежала небольшая река, впадая в залив, где плавали парусники. Там были соседи — спокойные люди, в которых было гораздо больше подлинного, чем это можно встретить в сегодняшнем, лишенном корней мире. И там было много посетителей, мужчин и женщин, чьи разумы походили на отточенные и мимолетно вспыхивающие лезвия шпаг.

Он вырос среди интеллектов, нацеленных на будущее. Он и Тайи много путешествовали. Они часто бывали в огромных помещениях главного институтского здания. По крайней мере, раз в год они навещали родину Тайи — Англию. Но старый дом всегда был для них дорогим.

Он стоял на гряде, длинный и низкий, носивший на себе следы погоды, как сама Земля. Днем он отдыхал в согретой солнцем зелени деревьев или в пуританском сверкании снега. Ночью можно

было слышать, как потрескивают доски, как одиноко воет в каменной трубе ветер. Да, это был хороший дом.

И было в нем чудо. Он любил свое учение. Лишенный горизонтов мир в нем самом внушал гордость, и изучать его было радостью. А потом он научился ориентировать себя и на настоящий мир — он чувствовал ветер, и дождь, и солнце, гордость высоких зданий и волну движения летящей галопом лошади, монотонность волн, и смех женщин, и гладкость таинственного жужжания огромных машин с полнотой, которая заставляла его жалеть глухих, слепых и немых, что окружали его.

О, да, он любил все это. Он был влюблен в само вращение планеты и в огромные небеса над головой. То был мир света и силы, быстрых ветров, и как горько было бы оставить его.

Он медленно проговорил:

— Все, чем мы когда-либо были, это исследовательским и образовательным центром, что-то вроде неформального университета, специализирующегося на научном изучении человека. Мы не являемся какого-либо рода политической организацией. Вы были бы удивлены, если бы узнали, как мы разнимся друг от друга в политических убеждениях.

— Что из того? — пожал плечами Тайлер. — Это нечто большее, чем политика. Ваша работа, полностью внедренная, могла бы изменить все наше общество, возможно, всю человеческую натуру. Мы знаем, что вы изучали больше, чем сделали достоянием общественности. Следовательно, вы удерживаете эту информацию для собственных нужд.

— А вы хотите получить ее для своих нужд?

— Да, — сказал Тайлер и через несколько мгновений добавил: — я терпеть не могу мелодрам, но если вы не захотите сотрудничать, придется над вами начать работать. И в наших руках еще и Тайи, не забывайте об этом. Один из вас может не выдержать, если будет наблюдать за тем, как допрашивают другого.

«Мы направляемся в то же место! Мы направляемся к Тайи!»

Усилие, которое ему пришлось сделать над своим лицом и голосом, было поистине титаническим.

— Куда же мы направляемся?

— На остров. Мы скоро там будем. Самому мне скоро нужно будет вернуться назад, но туда прибудет мистер Банкрофт. Это убедит вас, насколько важно для нас происходящее.

— Могу ли я обдумать услышанное, — кивнул Далгетти. — Решение для меня нелегкое.

— Конечно, надеюсь, оно будет верным.

Тайлер встал и вышел вместе с телохранителями. Крупный человек, который ранее предлагал ему напиток, снова сел на то же место, где сидел все время. Далгетти стал медленно укреплять свою волю. Слабое жужжание турбин, свист реактивного двигателя и воздуха сделались более громкими.

— Куда мы направляемся? — спросил он.

— Разве вам об этом он не сказал, а?

— Ну конечно же...

Охранник больше ничего не сказал. Но он думал. «Ри-виниа-ги-гей-ду — никогда он не мог правильно произнести это чертовое шпионское название... Ну и дыра, забытая Богом!.. Может быть, все-таки удастся найти работу в Мексике... Тот маленький парень из Гвиадо...»

Далгетти сконцентрировался. Ревилла — теперь он знал. Острова Ревиллогигаду, маленькая группа примерно в 350 — 400 милях от Мексиканского побережья, редко посещаемая, с маленьким количеством населения. Его многоклеточная память принялась за работу, анализируя изображения карты крупного масштаба, которую он когда-то изучал. Закрыв глаза, он представил точные расстояния, широты и долготу, индивидуальные острова.

Подождите-ка, был один маленький дальний западный, принадлежащий группе. И он пробежал по всем фактам, когда-либо известных ему о Банкрофте. Ну-ка, Бертран Мид, который, казалось, стоял у кормила всего движения... да, Мид владел этим крошечным островом.

«Так вот куда мы направляемся!» Он откинулся на спинку кресла, позволяя усталости овладеть им. До прибытия еще есть время.

Далгетти вздохнул и посмотрел на звезды. Почему люди образуют собой такие уродливые созвездия, когда само небо огромно и полно гармонии? Он сознавал, что его жизнь будет в большой опасности, как только он ступит на Землю. Попытки, унижения, даже смерть.

Далгетти снова закрыл глаза. И почти немедленно заснул.

Было еще темно, когда они приземлились на маленьком поле. Ослепленный ярким искусственным светом, Далгетти не имел возможности изучить окружающее. В охране стояли люди, вооруженные винтовками, кажущиеся профессионально жестокими и бесстрашными, в серой униформе. Далгетти послушно проследовал по бетону, по дороге и далее через сад к большому изогнутому зданию.

Он лишь на секунду остановился у двери, прежде чем она открылась перед ним, и посмотрел в темноту. Там с шипением бились о берег морские волны. Он ощутил чистый соленый запах и глубоко вобрал воздух в легкие. Может быть, последний раз дышал он таким воздухом.

— Идем, идем, — чужая рука вновь побудила его к движению.

Вниз по залитому холодным пустым светом коридору, вниз по эскалатору, в самое чрево острова. Еще одна дверь, комната за ней, грубый толчок. Дверь захлопнулась за его спиной.

Далгетти огляделся. Камера была маленькой, а обстановка ее

самое простое: скамья, туалет, умывальник, решетка вентилятора в стене. Больше ничего. Он попытался вслушаться с максимальной чувствительностью, но уловил лишь отдаленное неясное бормотание.

«О'кей! — подумал он. — Ты тоже где-то здесь.»

Он опустился на скамью и некоторое время сидел, анализируя создавшееся положение. Это требовало собранности, неосознанного баланса полного функционирования. Вскоре он погрузился в сон.

Его разбудил охранник, который внес в камеру поднос с завтраком. Далгети прошелся по мыслям человека, но не узнал ничего такого, что его могло заинтересовать. Он с жадностью поел под дулом автомата, вернул поднос и снова заснул. Во время ленча повторилось то же самое.

Его чувство времени подсказало ему, что сейчас было 14.35. На этот раз перед ним стояли три мужчины, три рослых субъекта.

— Ну и ну, — сказал один из них. — Никогда еще не видел никого, кому бы так хотелось дать в ухо.

Далгети встал, провел рукой по волосам. Рыжая щетина царапнула его по ладони. Это было проклятие, нечто вроде суррогата для введения под контроль нервной системы. По ощущениям это напоминало падение в огромный водоворот.

— Сколько здесь ваших парней? — спросил он.

— Достаточно. Ну, пошли!

Он поймал шепот мысли: «Нас охраны 50, так что ли? Ну, да, 50, я думаю».

50! Далгети чувствовал себя как в клетке, когда шел между двумя из них. 50 наемников. И все они тренированы, он это знал. Институту было известно, что личная армия Бертрана Мида отлично вымуштрована. Ничего бросающегося в глаза — официально они были лишь слугами и телохранителями, но они знали, как стрелять.

И он был с ними один на один в средних широтах океана. Он был один, и никто не знал, где он, и для него ничего нельзя было сделать. Продолжая идти по коридору, он ощутил холод.

За коридором оказалась комната со скамьями и письменным столом. Один из охранников указал на стул в дальнем ее конце и сказал:

— Садись.

Далгети повиновался. Пути опоясали его талию и лодыжки, прикрепив к ручкам и ножкам тяжелого кресла. Еще один ремень вокруг талии. Он посмотрел вниз и увидел, что стул был прикреплен к полу. Один из охранников подошел к столу и включил магнитофон.

Дверь в противоположном конце комнаты открылась. Вошел Томас Банкрофт. Это был высокий человек, тучный, но пышущий здоровьем. Одет он был в отменно хорошем вкусе. Седовласая львиная грива, красивое, с крупными чертами лицо и острые голубые глаза. Он едва заметно улыбнулся и уселся за письменный стол.

С ним была женщина. Далгети посмотрел на нее пристальнее. Он никогда ее раньше не видел. Она была среднего роста, чуть полноватая, с очень коротко подстриженными волосами, без всяких следов косметики на широком, славянского типа лице. Молодая, в хорошей форме, движущаяся уверенно мужским шагом. Со своими серыми глазами с поволокой, изящно вздернутым носом и твердой линией рта — могла бы быть красавицей, захоти она этого.

«Одна из представительниц современного типа, — подумал Далгети. — Машина во плоти и крови, пытающаяся быть мужественнее мужчины, неудачливая и несчастная неосознанно для себя и еще более несчастная от этого».

На мгновение в нем возникла печаль, огромная жалость к миллионам представителей человеческого рода. Они не знали себя, дрались друг с другом как дикие животные, метались, замкнутые в кошмаре. Человек мог бы быть так велик, получи он только шанс.

Он посмотрел на Банкрофта.

— Я вас знаю, — сказал он, — но боюсь, что эта леди имеет право быть мне представленной.

— Моя секретарша и главный ассистент мисс Казимир. — Голос Банкрофта был звучным, прекрасно контролируемым инструментом. Он наклонился над письменным столом, записывающее устройство у его локтя зажужжало с плоской и уверенной монотонностью.

— *Мистер Далгети*, — сказал он. — Я хочу, чтобы вы поняли, что мы — не демоны. Есть вещи, слишком важные для того, чтобы можно было, выполняя их, соблюдать определенные правила, вот и все. Ради них в прошлом происходило много войн и, может быть, снова скоро предстоит сражаться. Для всех было бы легче, если бы вы согласились сотрудничать с нами. Никто и никогда не узнает о том, что вы это делаете.

— Предположим, я отвечу на ваши вопросы, — сказал Далгети. — Откуда вы узнаете, что я скажу правду?

— Конечно же, не оскополамин. Не думаю, чтобы вы имели иммунитет. Для нас, конечно, является большим неудобством допрашивать вас о таких сложных вещах под его воздействием, но мы, несомненно, узнаем, отвечаете ли вы на наши вопросы правильно.

— И что потом? Вы отпустите меня?

Банкрофт пожал плечами:

— Почему бы нет? Может быть, нам придется продержат вас здесь некоторое время, но скоро все разъяснится, и вы будете освобождены.

Далгети подумал. Даже он не мог много сделать против наркотиков правды. А были процедуры еще более радикальные, префронтальная лоботомия, например. Он вздрогнул. Твердость кожи пут ощущалась сквозь тонкую одежду.

Он взглянул на Банкрофта.

— Что вы, собственно, хотите? — спросил Далгети. — Почему вы работаете на Бертрана Мида?

Углы тяжелых губ Банкрофта приподнялись в улыбке.

— Мне кажется, что это вам надлежит отвечать на вопросы, — сказал он.

— Буду ли я это делать или нет, зависит от того, какого рода вопросы будут задавать мне, — сказал Далгети. — «Протянуть время! Отдалить его, мгновение ужаса, отдалить его!» — Честно говоря, то, что я знаю о Миде, не настраивает меня на дружеский лад. Но, может быть, я ошибаюсь.

— Мистер Мид — один из наиболее крупных руководителей.

— Угу. Он является силой, стоящей за большой толпой политических фигур, включая и вас. Он — настоящий босс движения акционистов.

— Что вам об этом известно? — резко бросила женщина.

— Это сложная история, — сказал Далгети, — но конечная цель акционизма — претворение в жизнь его... мировоззрения. Мы все еще выздоравливаем от последствий мировых войн и того, что они потом дали. Люди повсюду отходят от огромных и неясных унифицированных целей, обращаясь к более спокойным и ясным взглядам на жизнь.

Аналогом является период Просвещения XVIII столетия, также последовавший за периодом распрей между конфликтующими фанатиками. Вера в разум растет в простых умах вместе с духом уверенности и терпимости. Начинается тенденция «подожждать и посмотреть» во всем, включая науку и, особенно, новую и еще не совсем оформившуюся ее отрасль — психодинамику. Мир хочет некоторое время отдохнуть.

Подобное положение вещей нашло и собственное противодействие. Оно дает великолепную структуру мысли, но есть в этом и какая-то холодность. Так мало истинной страстности, так много осторожности — искусство, например, стало еще более стилизованным. Старые символы, подобные религии, суверенному государству, особой форме правительства, за которую некогда умирали люди, сделались предметом открытой язвительности и насмешки. Мы можем сформулировать соматические условия в весьма определенных терминах.

И вам это не нравится. Люди вашего рода нуждаются в чем-то большом. И просто конкретной величины недостаточно. Вы могли бы отдать свои жизни за науку, или межпланетную колонизацию, или социальные исправления, как это с радостью делали многие, но это не для вас. Там, в глубине веков, вы утратили образ матери-вселенной.

Вы хотите могущественной церкви, или могущественного государства, или обожествления чего угодно, огромного таинственного символа, который потребует от вас всего, что у вас есть, а даст взамен лишь чувство принадлежности. Короче говоря, вы не

можете стоять на собственных психологических ногах. Вы не можете смотреть в лицо тому факту, что человек является одиноким существом и что его цель должна походить на него самого.

Банкрофт нахмурился:

— Я пришел сюда не для того, чтобы слушать лекции, — сказал он.

— Как хотите, — ответил Далгетти. — Я подумал, что вы хотите узнать, что я знаю об акционизме. Это — лишь словесное выражение. Суть же состоит в том, что вы хотите быть Лидером Цели. Ваши люди, те, кто не является простыми наемниками, хотят быть Последователями. Только вот в наши дни нет Цели, если не считать здравого смысла улучшающей человеческой жизни.

Казимир склонилась над письменным столом. В ее взгляде читалось любопытство и интерес.

— Вы сами только что указали на недостатки, — сказала она. — Это — период упадка.

— Нет, — сказал Далгетти. — Я готов уточнить свою мысль. Это необходимый период отдыха. Время восстановления для всего общества — суть дела великолепно укладывается в формулировке Тайи. Настоящее положение дел должно продолжаться еще примерно лет 75, так считаем мы, в Институте. За это время разум — так мы надеемся — внедрится в базисную структуру общества настолько твердо, что, когда придет следующая волна страстности, она не заставит людей восстать друг против друга.

Настоящее время является, скажем, аналитическим. Восстанавливая собственное дыхание, мы начинаем понимать сами себя. Когда придет следующий синтетический, или созидательный, или подъемный, как вам угодно, период, он будет более здоровым психологически, чем все остальные до него. И человек сможет избежать печальной возможности вновь превратиться в безумца. Избежать возможности превратить мир в ад ядерной бомбы.

Банкрофт кивнул:

— И вы в Институте пытаетесь контролировать этот процесс, — сказал он. — Вы пытаетесь растянуть период... черт возьми, упадка! О, я тоже изучил современную школьную систему воспитания, Далгетти. Я знаю, как точно направляется подрастающее поколение — через политиков, подготавливаемых для правительства вами.

— Направляется? Я бы сказал, воспитывается. Воспитывается в традициях сдержанности и критического мышления, — Далгетти усмехнулся уголком рта, — впрочем, мы здесь не для того, чтобы спорить по общим вопросам. Суть в том, что Мид считает себя облеченным миссией. Он — естественный лидер Америки и всего мира, а через Объединенные Нации, в которых мы все еще лидируем, он хочет восстановить то, что он называет «добродетелью предков» — видите, я слышал его речи и ваши тоже, Банкрофт.

Эти добродетели состоят из послушания физического и умст-

венного «выборным властям», из «динамизма», что, коротко говоря, означает, что, когда человеку дается приказ, он должен прыгать, не раздумывая, из... О, к чему продолжать? Это старая песня. Жажда власти, восстановление Абсолютного государства, на сей раз всепланетного.

Психологическими призывами для одних и обещаниями наград для других он создал для себя определенное число последователей. Но он достаточно умен, чтобы понимать, что не может действовать напрямую. Ему нужно сделать так, чтобы вода захотела его. Ему нужно направить социальное течение таким образом, чтобы оно повернуло к акционизму — с ним на знамени.

И вот именно здесь и входит в игру Институт. Да, мы развили теории, которые, по крайней мере, кладут начало объяснениям фактора истории. Это было делом не столько сбора данных, сколько разработкой строгих самокорректирующих символов, и нашим математикам это как будто удалось. Мы не опубликовали все наши открытия из-за возможности широты их использования. Если вы точно знаете, как с ними обращаться, вы можете создать мировое общество почти по любому желаемому образу — за 50 лет или меньше! Вам нужны эти наши открытия для собственных целей.

Далгетти замолчал. Наступила долгая тишина. Его собственное дыхание казалось ему удивительно громким.

— Хорошо, — снова кивнул Банкрофт на этот раз медленно. — Вы не сказали нам ничего такого, о чем бы мы не знали.

— Я прекрасно это сознаю, — сказал Далгетти.

— Ваши высказывания весьма недружелюбны, — сказал Банкрофт. — Чего вы недооцениваете, так это возмутительного застоя и цинизма нашей эпохи.

— Теперь вы используете слишком громкие слова, — сказал Далгетти. — Факты говорят сами за себя. Бессмысленно использовать пристрастные моральные суждения относительно реальности: единственное, что вы можете сделать, это попытаться ее изменить.

— Да, — сказал Банкрофт, — отлично, тогда мы и попытаемся. Вы хотите нам помочь?

— Вы можете выбить из меня дух, — сказал Далгетти, — но невозможно научить науке, на изучение которой требуются годы.

— Нет, но мы должны узнать хотя бы, что у вас есть и где это можно найти. Среди наших людей есть светлые головы. С помощью ваших данных и вычислений они смогут связать концы с концами. — Светлые глаза сделались совсем холодными. — Кажется, вы недооцениваете положение, в которое попали. Вы пленник, понимаете?

Далгетти напряг мускулы. Он не ответил.

Банкрофт вздохнул:

— Приведите его, — сказал он.

Один из стражников вышел. Сердце Далгетти подскочило. —

«Отец, — подумал он. — Как больно». Казимир подошла и остановилась возле него. Взгляд ее глаз был изучающим.

— Не будьте дураком, — сказала она. — Это гораздо хуже, чем вы думаете. Скажите им.

Он посмотрел на нее. «Я боюсь, — подумал он. — Видит Бог, я боюсь». — Собственный пот горечью наполнил его ноздри. «Нет», — ответил он.

— Говорю вам, они способны на все! — У нее был приятный голос, низкий и мягкий, но сейчас он звучал жестко. Лицо ее было бескровным от напряжения. — Ну же, человек, не нужно выносить себе приговор — это безумие!

В ней было что-то странное. Чувства Далгетти принялись за работу. Она придвинулась ближе, и он различил в ней признак ужаса, хотя она и пыталась его скрыть. «Она не так тверда, как хочет это представить, но почему же тогда она с ними?»

Он пошел на блеф.

— Я знаю, кто вы, — сказал он, — вашим друзьям сказать это?

— Нет, вы не сделаете этого! — Она отступила, напряженная, и все ее чувства излучали страх. На мгновение все оставалось так, а потом она обрела контроль над собой и сказала: — Ну, ладно, делайте как хотите.

А под этим мысль, замедленная, подавляемая паникой: «Действительно ли он знает, что я из ФБР?»

ФБР! Он дернулся. О, боги!

Спокойствие вернулось к нему, когда она прошла к своему шефу, но ум его лихорадочно работал. Да, почему нет? Люди Института имели определенные связи с федеральными детективами, которые со времени отмены дискредитированной службы безопасности получили широкие полномочия. Они легко могли поддаться сомнениям относительно Бертрана Мида сами по себе и внедрить в его среду своего человека. Среди них были и женщины, а женщины всегда бывают подозрительнее, чем мужчины.

Он ощутил холод. Последнее, чего ему хотелось, это иметь здесь федеральных агентов.

Дверь снова отворилась. Четверо охранников ввели Майкла Тайи. Тот остановился, глядя перед собой.

— Симон! — То был хриплый вскрик, полный боли.

— Тебе причинили зло, отец? — очень тихо спросил Далгетти.

— Нет, нет — пока еще нет. — Он покачал седовласой головой. — Но ты...

— Не принимай так близко к сердцу, отец, — сказал Далгетти.

Охранники подошли и подвели Тайи к первой скамье и усадили его. Старик и молодой встретились взглядом через пространство.

Тайи заговорил с ним незримо для окружающих. «Что ты собираешься делать? Я не могу сидеть и позволять им...»

Далгетти не мог ответить, но покачал головой.

— Со мной все будет в порядке, — сказал он вслух.

«Думаешь, ты сможешь бежать? Я попытаюсь тебе помочь.»

— Нет, — ответил Далгети. — Что бы ни случилось, ты должен быть спокоен. Это приказ.

Он блокировал чувствительность, ибо Банкрофт отрезал:

— Хватит. Один из вас должен уступить. Если этого не сделает мистер Тайи, то мы поработаем над ним и посмотрим, как это перенесет мистер Далгети.

Он махнул рукой и взял сигару. Два наемника подошли к креслу. В руках у них были резиновые дубинки.

Первый удар пришелся Далгети по ребрам. Он не ощутил его — он блокировал нервный узел — но зубы его лязгнули. И, поскольку он перекрыл чувствительность, он был неспособен слышать...

Еще удар и еще. Далгети сжал кулаки. «Что делать, что делать?» Он посмотрел в направлении письменного стола. Банкрофт курил и наблюдал за происходящим с такой бесстрастностью, как будто проводился некий малоинтересный эксперимент. Казимир повернулась спиной.

— Тут что-то странное, шеф. — Один из наемников выпрямился. — Я не думаю, чтобы он что-то чувствовал.

— Наркотики? — Банкрофт нахмурился. — Нет, это невозможно. — Он потер подбородок, глядя на Далгети вопросительным взглядом. Казимир обернулась и посмотрела тоже. Пот заливал лицо Майкла Тайи, блестя в холодном белом свете.

— Он не может чувствовать боли, — сказал охранник.

Банкрофт мигнул.

— Я не сторонник крайних мер, — сказал он. — Но все же... я вас предупреждал, Далгети.

«Выходи, Симон, — прошептал Тайи, — выходи оттуда.»

Рыжая голова Далгети поднялась. Внутри его выкристаллизовывалось решение. Он никому не мог бы быть полезен со сломанными руками, раздробленными ногами, выбитым глазом, порванными легкими. А Казимир была из ФБР, может быть, она могла бы даже сделать что-то в этом отношении, несмотря ни на что.

Он опробовал пути. Детерит... он мог бы порвать их, но не ломает ли он себе кости, делая это?

«Есть лишь один путь — это обнаружить», — подумал он.

— Я возьму паяльную лампу, — сказал один из охранников. Лицо его было полностью бесстрастно. «Большинство этих наемников, должно быть, умственно отсталые, — подумал Далгети. — Большинство охранников в концентрационных лагерях XX столетия были такими. Никакого проникновения в человеческую плоть, которую они ломали, освеживали и поджигали.»

Он собрал себя в единое целое. На сей раз то был гнев, облако яростно поднялось в его мозгу, красная дымка заволокла его зрение. Они осмелились!

Он издал рычание, когда сила в нем накопилась. Он даже не ощутил, как разорвал пути. То же движение перебросило его через комнату к двери.

Кто-то закричал. Охранник метнулся и загородил ему дорогу. То был настоящий гигант. Кулак Далгетти мелькнул над его головой, раздался хруст и голова гиганта буквально вдавилась в плечи. Далгетти был уже за ним. Вот он у двери. Дерево поддалось, и он выскочил наружу.

Пуля просвистела над его головой. Он увернулся, ринулся по коридору, потом вверх по ближайшей лестнице. Он бежал с такой скоростью, что стены сливались в единое пятно. Еще одна пуля сплюснулась о пластик у его головы. Он завернул за угол, увидел окно, прикрыл глаза рукой и нырнул.

Пластик был жестким, но 170 фунтов ударили его со скоростью 15 футов в секунду. Далгетти вышел наружу.

Солнечный свет ударил ему в глаза, а сам он ударился о землю. Перекатившись и заняв устойчивое положение, он сел на лужайке сада. И тут же побежал снова. На бегу он осмотрелся. В том состоянии страха и гнева, в котором он находился, он не мог как следует собраться с мыслями, но его память собирала данные для повторного использования впоследствии.

Дом был бесконечным двухэтажным строением — бесконечное количество изгибов и уровней меж пальмовых деревьев. От его фасада остров круто уходил к берегу и доку. Сбоку размещалось поле аэродрома, с другой стороны — бараки охраны. На задней части в направлении движения Далгетти земля становилась неровной и дикой, камни и песок, пыльная трава и заросли эвкалипта простирались на добрые две мили. И с каждой стороны он мог видеть бесконечное голубое сверкание океана. Где же ему укрыться?

На бегу он не обращал внимания на злобные укусы чоллы и сухие, со всхлипыванием, глотки собственных легких. Но, когда мимо его уха просвистела пуля, он услышал этот звук и побежал еще быстрее, используя неведомо откуда взявшиеся резервные силы. Беглый взгляд назад выявил присутствие у дома суетящейся группы преследователей, людей в серой форме. Солнце сверкало на их ружьях.

Он нырнул в заросли, упал на землю и пополз по неровному склону. На дальнем конце он снова выпрямился и побежал наверх по склону. Еще один выстрел и еще. Они были почти в миле позади, но их ружья позволяли стрелять на большое расстояние. Он пригнулся и побежал, петляя. Пули вокруг него поднимали фонтанчики песка.

Шестифутовый утес громоздился на его пути, черная вулканическая скала, блестящая как стекло. Он ударился о него на полной скорости. Он почти прошел на его вершину, и в то мгновение,

когда его движение замедлилось, схватился за корень и подтянувшись кверху. И снова он оказался скрытым от взоров преследователей. Он обогнул еще один камень и остановился. У его ног отвесная скала опадала к белому прибюю почти на сотню футов.

Далгетти жадно хватал воздух, работая легкими как мехами. «Долгий прыжок вниз, — пронеслась мысль. — Если он не размозжит себе голову, его вполне может вобрать в себя море. Но больше ему идти некуда.»

Он проделал быстрое вычисление. Ему пришлось пробежать вверх две мили за время, чуть превышающее девять минут — явно рекорд для подобной территории. Но он не мог вернуться назад без того, чтобы его не увидели, и тогда его хорошенько нафаршируют свинцом.

«О'кей, сынок, — сказал он сам себе, — придется сейчас нырять».

Светлая водонепроницаемая одежда, испачканная растительностью острова, не должна была стать помехой там, внизу, но сандалии он снял и засунул за пояс. Благодарение всем богам за то, что физическая часть его тренинга включала в себя и водный спорт. Он двинулся вдоль края утеса, ища место, где лучше нырнуть. Ветер выл у его ног.

Там... вон туда. Нет видимых камней, хотя прибой шипит и клубится. Он вновь наполнил себя энергией, подогнул колени и подпрыгнул к небу.

Море как молоток ударило по его телу. Он выкарабкался на поверхность, задыхаясь, набрал полные легкие воздуха, наполовину состоящего из морских брызг, и снова ушел под воду. Камень царапнул его по ребрам. Он вновь выбрался наружу, слепой от белой дрожи света. Он поймал гребень одной волны, острый как лезвие бритвы, и вознесся вместе с ним.

Масса воды. Ослепленный дождем соленого тумана, оглушенный грохотом и ревом моря, он погреб к берегу. Узкая полоска гальки бежала вдоль подножья утеса. Он двинулся вдоль нее, ища укрытия.

Вон — проделанная морем пещера, футов десять в глубину. Дно ее было покрыто примерно на ярд совершенно спокойной водой. Он забрался внутрь и лег, и истощение обрушилось на него тяжелой рукой.

Было шумно. Пустой резонанс, как внутренность барабана, заполнял пещеру, но он не обращал на это внимание. Он лежал на камнях и песке, и разум его по спирали уходил в состояние бессознательности, и он позволил телу восстанавливать силы на собственный лад.

Наконец сознание вернулось к нему, и он огляделся. Пещера была почти темной, лишь слабый зеленоватый свет позволял разглядеть часть черных стен и медленно вращающуюся воду. Никто не может хорошо видеть под поверхностью отлично. Он изучил

себя. Порванная одежда, тело в ссадинах, длинная кровотокающая царапина на одном боку. Это плохо. Пятна крови на поверхности воды могли его выдать.

Морщась, он прижал друг к другу края раны и напряг волю, заставляя кровотечение остановиться. К тому времени, как образуется достаточной величины сгусток, и чтобы он мог ослабить концентрацию, охранники смогут спуститься вниз, ища его. У него оставалось несколько минут. И сейчас ему следовало проделать нечто обратное энергизации. Ему нужно было замедлить метоболизм, замедлить биение сердца, понизить температуру тела, притупить лихорадочность работы мозга.

Он принялся двигать руками, покачиваясь туда-сюда и бормоча аутогипнотические формулы. Тайи называл их «заклинаниями». Но они были лишь стилизованными жестами, ведущими к кондиционному расслаблению глубоко в мозгу. «Теперь я обращаю себя ко сну...»

Тяжелее, тяжелее... веки его опустились, серые стены ушли в огромную темноту, рука накрыла его голову. Звук прибоя утих, превратился в слабое бормотание, в шорох материнской юбки: его мать, которую он никогда не знал, пришла пожелать ему доброго сна. Прохлада сгустилась вокруг него, как покровы, один за другим опускающиеся внутри его головы. Снаружи зима, а кровать его была такой уютной.

Когда Даллетти услышал шорох ближайших шагов — едва слышных сквозь шум океана и его собственную погруженность — он почти забыл, что ему следует сделать. Нет, теперь он знал. Сделать несколько долгих, глубоких дыхательных движений, наполнить кислородом кровяные потоки, потом наполнить легкие и скользнуть под поверхность.

Он лежал там, в темноте, едва созная присутствие неясных голосов.

— Здесь пещера... место, в котором он мог бы укрыться.

— Нет, я ничего не вижу.

Шлепанье ног по камням.

— Ох! Проклятие! Нет, это замкнутая пещера. Его здесь нет.

— Гм. Посмотри тогда на это. Пятна крови на камне, верно?

Он был здесь, по крайней мере.

— Под водой? — приклады опробовали воду.

Женский голос:

— Если бы он скрывался в воде, ему пришлось бы высовываться, чтобы глотнуть воздух.

— Когда? Мы обыскали весь этот распроклятый берег. Ну-ка я дам очередь по воде.

— Не будьте идиотом, — сказала резко Казимир. — Мы даже не узнаем, попали ли вы в него. Никто не может удерживать дыхание, дольше, чем в течение трех минут.

— Да, это верно. Джо, сколько мы уже тут?

— Минуту, я думаю. Дадим ему еще пару минут. Ну и ну! Видели, как он бежал? Да, он не человек!

— Во всяком случае, убить его можно. Я вот думаю, что он просто попал там в прибой. А кровь может быть рыбьей. Акула охотилась здесь на другую рыбку и сцапала ее.

— О, если его тело отнесено течением, — сказала Казимир, — то там, внизу оно в безопасности. Не дадите ли сигарету?

— Пожалуйста, мисс. Но хоть я и не собирался спрашивать, а спрошу. Как это получилось, что вы с нами пошли?

— Я стреляю не хуже вашего, дружок, — сказала Казимир, — и я хотела быть уверена, что дело сделано как следует.

Пауза.

— Почти пять минут, — сказала Казимир, — если не появится теперь, значит, с ним все в порядке. Особенно после того, как его тело истошилось после такого бега.

В замедленном мыслящем мозгу Далгетти возникло холодное любопытство относительно женщины. Он прочитал ее мысли, она была из ФБР, но ей, кажется, очень хотелось оставить его внизу.

— О'кей, пошли отсюда.

— Вы идите, — сказала Казимир, — я побуду еще здесь, просто на случай, если что-то еще случится, но скоро вернусь в дом. Я просто устала ходить за вами по пятам.

— О'кей. Пошли, Джо.

Прошло еще четыре минуты, прежде чем боль и напряжение легких стали невыносимыми. Далгетти знал, что будет беспомощным, если встанет, поскольку наполовину еще находился в полуспящем состоянии, но его тело просто вопило о воздухе. Медленно выбрался он на поверхность.

У женщины пресеклось дыхание. Потом пистолет как будто впрыгнул в ее ладони, нацелившись в его глаза.

— Ладно, дружок. Выбирайтесь оттуда, — голос ее звучал тихо и слегка дрожал, но была в нем и твердость.

Далгетти выбрался на уступ и сел рядом с ней, подогнув ноги. Он погрузился в тайну возвращения силы. Когда он полностью овладел собой, то посмотрел на нее и обнаружил, что она передвинулась к дальнему краю пещеры.

— Не пытайся прыгнуть, — сказала она. В ее глазах блеснул огонек. — Не знаю, что с тобой делать.

Далгетти сделал долгий вдох и выпрямился, удобнее устраиваясь на холодном и скользком камне.

— Я знаю, кто вы такая, — сказал он.

— Ну, и кто? — спросила она с вызовом в голосе.

— Вы — агент ФБР, внедренный в окружение Банкрофта.

Глаза ее сузились, губы сжались.

— Что заставляет вас так думать?

— Неважно... но это так. Это дает мне некоторое преимущество над вами, каковы бы ни были ваши цели.

Белокурая голова кивнула:

— Я много думала о вас. Замечание, которое вы сделали там, внизу... в общем, я не могу полагаться на случайность. Особенно, когда вы выказываете себя существом совершенно необычным, разрывая пути и разбивая двери. Я пришла сюда вместе с поисковой группой в надежде найти вас.

Он с восхищением оценил быстроту разума под широким гладким лбом.

— Можно было подумать, что вы работаете на них, — сказал он.

— Я не могла делать ничего подозрительного, — возразила она. — Но я поняла, что вы не стали бы прыгать с утеса лишь с отчаяния. Вы должны были иметь в виду какое-нибудь укрытие, а место под водой казалось наиболее вероятным. Памятуя о том, что вы уже совершили, я была вполне уверена, что вы способны не дышать довольно долго. — Улыбка выдавала степень ее удивления. — Хотя я не думала, что это будет так нечеловечески долго.

Мозг у вас неплохой, — сказал он, — а как насчет сердца?

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, собираетесь ли вы швырнуть доктора Тайи и меня на растерзание воякам? Или же поможете нам?

— Это зависит от некоторых обстоятельств, — медленно проговорила она. — Для чего вы здесь?

Рот его печально искривился:

— Я здесь вообще без всякой цели, — признался он. — Я просто пытался подобрать ключи к поведению похитителей доктора Тайи. Они перехитрили меня и привезли сюда. Теперь я должен спасти его. — Он встретился с ней взглядом. — Похищение — преступление, наказываемое федерацией. Ваш долг помочь мне.

— Может быть, у меня есть более важные обязанности, — возразила она. Подавшись вперед, она пытливо проговорила: — Но как вы собираетесь это сделать?

— Черт меня подери, если я знаю, — Далгетти задумчиво посмотрел на берег. — Но вот ваш этот пистолет мог бы оказать мне большую помощь.

Она постояла несколько мгновений, что-то обдумывая.

— Но, если я быстро не вернусь назад, меня будут искать.

— Нам придется найти другое укрытие, — согласился он. — Тогда они заключат, что я все же выжил и схватил вас. Они станут прочесывать весь остров в поисках вас. Если нас не обнаружат до темноты, они рассеются настолько, что у нас будет шанс.

— Мне кажется, что было бы более благоразумным, если бы я вернулась, — сказала она. — Тогда я смогла бы помочь вам изнутри.

Он покачал головой.

— Угу. Как детектив из стереошоу. Если вы оставите мне ваш пистолет, заявив, что потеряли его, это наверняка возбудит у них

подозрение к вам, особенно в том состоянии, в каком они сейчас находятся. Если вы этого не сделаете, то я по-прежнему останусь невооруженным, а что могли бы сделать вы — единственная женщина — против всего этого гнезда? Так же нас двое, и у вас есть оружие. Я думаю, что это самый лучший выход.

Через некоторое время она кивнула:

— О'кей, ваша взяла. Допустим... — полуопущенный пистолет снова дернулся, — что я соглашусь вам помочь? Кто вы? Кто вы такой, Далгетти?

Он пожал плечами.

— Скажем, ассистент доктора Тайи и обладаю некоторыми необычными возможностями. Вы достаточно много знаете об Институте, чтобы понять, что речь идет не просто о междоусобице двух гангстерских групп.

— Интересно... — Внезапно она снова убрала пистолет в кобуру. — Ладно, пока что пусть будет так!

Облегчение залило его, подобно большой волне.

— Благодарю вас, — прошептал он, а потом: — Куда мы можем пойти?

— Я здесь неплохо поплавала, — ответила она. — Я знаю место. Подождите здесь.

Она обошла пещеру и подошла к выходу. Что-то, должно быть, остановило ее, потому что она отпрянула назад. Далгетти видел, как солнечный отблеск заиграл на ее волосах. По прошествии показавшихся ему очень долгими пяти минут, она снова обернулась к нему.

— Все в порядке, — сказала она. — Последний как раз прошел по тропе. Идемте.

Они пошли вдоль берега. Ярость моря заставляла его дрожать. Сквозь фыркание и рокот прибоя пробивался скребуший звук, будто зубы мира поедали камень.

Берег изогнулся вовнутрь, образовав маленький заливчик, защищенный выступающими шхерами. Вверх от него бежала узкая тропа, но женщина показала в сторону моря.

— Туда, — прошептала она, — идите за мной. — Она сняла туфли, как и он, и проверила кобуру: пистолет был водонепроницаемый, но все равно было ни к чему, чтобы он выпал. Она вошла в море и поплыла кролем, уверенно работая руками.

Они вскарабкались на один из крутых уступов, возвышающийся над берегом ярдов на десять. В середине его была небольшая трещина, образующая маленькую впадину, скрытую от взоров как со стороны воды, так и со стороны земли. Они забрались в нее и сели, тяжело дыша. Море громко ворчало им в спины, а воздух казался прохладным для их мокрой кожи.

Далгетти прислонился к гладкому камню, глядя на женщину, которая молча считала, сколько патронов осталось еще в ее пат-

ронташе. Тонкая намокшая блузка и брюки подчеркивали каждый изгиб ее тела.

— Как вас зовут? — спросил он.

— Казимир, — ответила она, не поднимая глаз.

— Нет, меня интересует именно имя. Мое имя — Симон.

— Елена, если вам так уж нужно знать. Четыре пачки по сто плюс десять уже в магазине. Если нам доведется перестрелять их всех, то придется держаться на высоте. Это не «магнум», так что нужно как следует попасть в человека, чтобы парализовать его.

— Что ж, — пожал плечами Далгетти, — сделаем все, что можем, клянусь, уж себя им в обиду не дадим. — Он нежно погладил ее колено.

— О, нет! — он не мог сказать с уверенностью, было ли то подтверждение или страх. — Только не в такое время.

— Да, оно не слишком поднимает мой вес, — согласился он, — каждый бы на вашем месте так думал. Но, как говорят во Франции, мы одни с тобой, моя вишенка, а кроны деревьев так густы.

— Не забивайте себе голову ничем таким, — отрезала она.

— О, моя голова много чем набита, и я допускаю, что сейчас не место претворять в жизнь мои идеи. — Далгетти подложил под голову ладони и посмотрел на небо. — Эй, сейчас бы мне порцию мясного жульена.

Елена нахмурилась:

— Если вы пытаетесь меня убедить, что вы — всего лишь простой американский парень, то можете оставить свои намерения, — тихо сказала она. — Нечто вроде... эмоционального контроля в такой, как эта ситуация, лишь делает вам менее человечным.

Далгетти выругался про себя. Она слишком быстро сообразила, вот и все. И у нее могло хватить ума на то, чтобы она узнала...

«Не придется ли мне ее убить?»

Он отогнал от себя эту мысль. Пожелай, и он мог бы превозмочь все понятия, которые дал ему тренинг, включая и понятие об убийстве, но он не желал этого. Нет, это исключено.

— Как вы сюда попали? — спросил он. — Как много известно ФБР?

— Почему я должна говорить вам об этом?

— Просто хорошо было бы узнать, могу ли я рассчитывать на подкрепление.

— Мы не можем на него рассчитывать. — Голос ее был бесцветным. — Я вполне могу вам об этом сообщить. Институт мог бы что-нибудь сделать, во всяком случае, используя свои связи в правительстве... — Она посмотрела в небо. Взгляд Далгетти скользнул по изгибу ее щеки. Необычное лицо — не часто случается видеть столь странно приятные сочетания. Слабый отход от симметрии.

— Некоторое время мы размышляли относительно Бертрама Мида, как каждый мыслящий человек это делает, — бесстра

стно начала она. — Плохо, что в стране так мало мыслящих людей.

— Именно это обстоятельство и пытается исправить Институт, — вставил Далгетти.

Елена проигнорировала его слова.

— Наконец было решено внедрить в различные его организации агентов. Я сотрудничаю с Томасом Банкрофтом вот уже около двух лет. Мое прошлое было фальсифицировано самым тщательным образом: сейчас я являюсь полезной помощницей. Но я лишь совсем недавно вошла в доверие настолько, чтобы получить некоторые намеки на то, что происходит. Насколько мне известно, ни одному другому агенту ФБР так много узнать не удалось.

— И что же вы узнали?

— Именно то самое, о чем вы рассказывали в камере, плюс большое количество деталей о работе, которой они занимаются в настоящее время. Очевидно, Институт узнал о планах Мида задолго до того, как мы это сделали. Наши намерения, какими бы они ни были, не слишком хорошо характеризуют то, что вы раньше не просили о помощи.

Решение похитить доктора Тайи было принято лишь пару недель назад. Я не имела возможности связаться с моими помощниками в организации. Всегда поблизости есть кто-то, кто наблюдает. Вся эта шайка очень хорошо организована, так что даже тот, кто находится вне всяких подозрений, не имеет особых шансов действовать вне наблюдения, когда оказывается в положении, при котором узнает что-то важное. Каждый шпионит за другим и периодически подает рапорты.

Она бросила на него жесткий взгляд:

— Вот так. Ни одно официальное лицо не знает о моем местонахождении, так что, если бы я исчезла, это было бы расценено как прискорбный несчастный случай. Ничего нельзя было бы доказать, и я сомневаюсь, чтобы ФБР представилась возможность внедрить еще одного эффективного агента.

— Но у вас есть достаточно доказательств для налета, — заключил он.

— Нет, это не так. До того самого времени, как я узнала, что доктора Тайи собираются похитить, я не знала наверняка о том, что происходит нечто нелегальное. В законе ничего не говорится о пытливых людях, знающих друг друга и создавших клуб. Даже если они нанимают каких-то грубиянов и вооружают их, закон не может протестовать. Акт № 19.99 с полной определенностью запрещает личные армии, но было бы трудно доказать, что у Мида есть таковая.

— У него ее и нет, — снова сказал Далгетти. — Эти наемники — не много больше, чем они и должны быть — телохранители. Вся основная борьба идет на... э... умственном уровне.

— Так заключила и я. Но может ли свободная страна обвинять

споры или пропаганду? Не говоря уже о том, что организация Мида включает в себя некоторых могущественных людей из самого правительства. Если бы я смогла отсюда выбраться живой, мы могли бы навесить на Банкрофта обвинение в похищении, отягощенное угрозами, нанесением увечий и конспирацией, но главную часть группы это не затронуло бы. — Она сжала кулаки. — Это все равно, что бороться с тенью.

— «Ты ведешь войну с солнечным светом. Осуждение последует быстро, господин мой!» — процитировал Далгети. «Поток» Герiota был одной из немногих любимых им поэм. — Если бы удалось вывести из игры Банкрофта — это уже было бы кое-что. С Мидом следует бороться, не атакуя его физически, но изменяя условия, при которых он должен работать.

— Изменять их на что? — взгляд ее был полон вызова. Он отметил, что в их серой глубине сверкали золотые искры. — Чего хочет Институт?

— Здорового мира.

— Интересно, — сказала она, — возможно, Банкрофт более прав, чем вы. Может быть, мне бы следовало, в конце концов, быть на его стороне.

— Я понимаю так, что вы предпочитаете либеральное правительство, — сказал он. — В прошлом такое правительство всегда распадалось, раньше или позже, и причиной этому было, в основном, то, что никогда не хватало людей умных, бдительных и быстрых, способных сопротивляться неизбежному натиску силы и свободы.

Институт пытается сделать две вещи — создать совокупность граждан подобного рода и одновременно построить общество, в котором выращиваются люди подобного рода, способные поддерживать эти их черты. Это возможно, со временем. При идеальных условиях, мы вычислили, это заняло бы около трехсот лет для единого мира. На самом деле это будет дольше.

— Но какого конкретно рода люди нужны? — холодно спросила Елена, — кто это решает? Вы решаете. Вы — так же как и другие реформисты, включая Мида, — поборники изменений всей человеческой расы согласно собственным идеям, нравится ли это им или нет.

— О, им это понравится, — улынулся он, — это часть процесса.

— Это тирания худшая, чем кнуты и колючая проволока, — отрезала она.

— Однако вы не испытали ни то, ни другое.

— Вы должны знать, что это такое, — сказала она обвиняюще. — У вас есть данные и вычисления, чтобы быть... инженерами-социологами.

— В теории, — сказал он. — На практике это нелегко. Социальные силы так велики, что... в общем, нас могут превзойти раньше, чем мы что-либо закончим. И есть еще много исхей,

которых мы не знаем. Это займет десятилетия, возможно столетия, — создание полностью динамичного человека. Мы обогнали на шаг политическое правило давления, но не подошли еще к тому этапу, где можно использовать правило скольжения. Нам нужно еще прокладывать себе путь.

— Тем не менее, — сказала она, — вы заложили начало знанию, которое ведет к истинной структуре общества и прогрессу ее достижения. Получив это знание, человек может со временем построить собственный мир порядка желанным ему путем, стабильную культуру, которая не будет знать ужасов подъема и спада. Но вы открыли сам факт существования подобной информации. И вы используете ее тайно.

— Потому что мы вынуждены. Если бы стало широко известно о том, что мы используем свой вес там и здесь и даем советы, ведущие к желанному нам пути, все бы разлетелось, и осколки были бы брошены нам в лицо. Люди не любят орудующих за их спиной.

— И все же вы это делаете! — Одна ее рука опустилась на рукоятку пистолета. — Вы, клика, или может быть сотня человек.

— Больше. Вы были бы удивлены, узнав о том, как нас много.

— Вы решили, что это вы — божественные судьи. Ваша высшая мудрость должна вывести бедное слепое человечество на путь к небесному блаженству. А я бы назвала ее дорогой в ад. Последнее столетие видело диктаторство элиты и диктаторство пролетариата. На сей раз собирается родиться диктаторство интеллектуалов. Мне ни одно из них не нравится!

— Послушайте, Елена, — Даллетти прилег на локоть и посмотрел на нее, — это не просто. Хорошо, у нас есть некие особые знания. Когда мы впервые обнаружили, что чего-то достигли в наших исследованиях, мы вынуждены были решать, публиковать ли материалы или просто выбрать из них открытия, являющиеся наименее важными. Неужели вы не понимаете: что бы мы ни делали, решать предстояло нам, нескольким людям? Даже уничтожив всю нашу информацию, мы все равно приняли бы какое-то решение.

Голос его стал более твердым:

— И тогда мы сделали выбор, который я считаю верным. История с такой же убедительностью, как и наши вычисления, показывает, что свобода не является «естественным» условием для человека. В лучшем случае — это состояние метаболизма, всегда слишком predisposed обратиться в тиранию. Тиран может быть введен извне, лучше организованной армией победителя, или же появляется изнутри — через волю самих людей, защищающих свое право на отеческий образ, лидера-божество, абсолютное государство.

Какую пользу хочет извлечь Бертран Мид из наших открытий, если сможет их достать? Положить конец свободе, работая над

людьми до тех пор, пока они сами не захотят этого. И проклятье в том, что цель Мида гораздо легче объяснима, чем наша.

Итак, предположим, мы бы открыли людям наше знание. Предположим, мы бы дали образование каждому, кто пожелал бы овладеть нашей техникой. Неужели вы не понимаете, что произошло бы потом? Неужели вы не видите борьбу, которая завязалась бы в человеческом разуме за контроль?

Она могла бы начаться самым невинным образом, например, желанием бизнесмена спланировать наиболее эффективную рекламную компанию. А кончилась бы она сумятицей пропаганды, контрпропаганды, социальными и экономическими манипуляциями, коррупцией, соревнованиями между офицерами, занимающими ключевые посты... и так бесконечно — до насилия.

Все когда-либо записанные психодинамические тензоры не останавят автоматический пистолет. Насилие, овладевшее обществом, ведет к хаосу, вынужденному миру; и устроители мира, возможно, обладающие лучшей волей, прибегнут к технике Института, чтобы восстановить порядок. И тогда один шаг приведет к другому, сила начнет получать большую централизацию, и пройдет не так много времени, прежде чем вы снова получите полностью тоталитарное государство, которое н и к о г д а не сможет быть разрушено.

Елена прикусила губу. Легкий ветерок скользнул по каменной стене и растрепал ее яркие волосы. После долгого молчания она сказала:

— Может быть, вы и правы. Но сегодняшняя Америка имеет в целом хорошее правительство. Вы должны дать им знать.

— Слишком рискованно. Раньше или позже, возможно, кто-то, движимый самыми идеалистическими идеями, сделал бы все достоянием гласности. Так что мы держим в секрете даже тот факт, что существуют особо важные открытия — вот почему мы не попросили помощи, когда детективы Мида узнали о наших исследованиях.

— Откуда вы знаете, что ваш драгоценный Институт не станет просто одной из тех олигархий, которые вы описывали?

— Я не знаю, — ответил он, — но это невероятно. Видите ли, рекруты, которые неизбежно узнают обо всем, что мы знаем, весьма благоразумно обращаются в нашу сегодняшнюю веру. И мы изучили достаточно индивидуальных психологий, чтобы создать собственное учение! Оно перейдет в следующее поколение, и так далее.

Тем временем, мы надеемся, социальная структура и психологический климат будут изменены таким образом, что неизбежно будет очень трудным, если не невозможным, кому-либо установить абсолютный контроль любыми путями. Ибо, как я уже сказал ранее, даже крайне развитая динамика не может быть всем. Обычная пропаганда, например, весьма неэффективна в применении к людям, умеющим критически мыслить.

Когда достаточное количество людей всего мира будут обладать психическим здоровьем, мы сможем сделать знание всеобщим. До

того времени мы вынуждены держать его под спудом и противостоять тому, чтобы кто-то еще получил его независимо от нас. Большая часть таких предосторожностей, между прочим, состоит просто в привлечении в наши ряды многообещающих исследователей.

— Мир слишком велик, — очень мягко проговорила Елена. — Вы не можете предвидеть всего, что может случиться. Слишком многое может пойти не так.

— Может быть. Но это — шанс, который нельзя упустить. — Его собственный взгляд был мрачен.

Некоторое время она сидела в молчании, а потом сказала:

— Все это звучит очень мило. Но... как вас зовут, Далгети?

— Симон, — напомнил он.

— Кто вы такой? — снова повторила она. — Вы сделали вещи, в возможность которых я просто не поверила бы. Вы — человек?

— Да. Так мне говорят, — он улыбнулся.

— Как странно: как стало возможным, чтобы вы...

Он поднял палец.

— Ага! Право неприкосновенности личности. — И с внезапной серьезностью он добавил: — Вы и так знаете слишком много. И я должен быть уверен в том, что вы сможете держать услышанное вами в тайне всю свою жизнь.

— Поживем — увидим, — сказала Елена, не глядя на него.

Закат превратил воду в пылающий костер, и остров поднимался на фоне темнеющего неба подобно сгустку ночи. Далгети размял затекшие мускулы и посмотрел на залив.

В протекшие часы ожидания между ним и женщиной было сказано очень немного слов. Иногда он ронял вопрос-другой, подбирая слова со старательной небрежностью прошедшего хорошую школу аналитика, и получал ожидаемую реакцию.

Он узнал о ней немного больше — дитя задушенных умирающих городов и призрачной жизни 1980-х, вынужденная заковать себя в плотную броню, прошедшая долгую тренировку и теперь нашедшая для себя работу, идеально отвечающую процессу подавления в себе нежности, которой она никогда не знала.

Он почувствовал к ней жалость, но сейчас почти ничем не мог ей помочь. На вопросы он отвечал очень осторожно. Он вдруг подумал о том, что в некотором смысле так же одинок, как и она. «Но, конечно, я против этого не возражаю — или же это не так?»

Главным образом, они пытались обговорить свой следующий шаг. На некоторое время, по крайней мере, у них была общая цель. Она описала план дома и примыкающих к нему земель и указала камеру, в которой обычно содержался Тайи. Но для разработки тактики они могли сделать немного.

— Если Банкрофт основательно встревожится, — сказала она, — он переведет доктора еще куда-нибудь.

Он согласился.

— Именно поэтому нам лучше всего напасть сегодня, пока они не достигли такой степени беспокойства. — Эта мысль отозвалась в нем болью. «О'кей, что они сейчас с тобой делают?»

— Нужно подумать еще о еде и питье. — Голос ее был хриплым от жажды и глуховатым от голода. — Мы больше не можем просто так здесь сидеть. — Она бросила на него странный взгляд. — Неужели вы не чувствуете слабости?

— Пока еще нет, — ответил он. Он блокировал этого рода ощущения.

— Ой... Симон! — она схватила его за руку. — Лодка... близко?

Бормотание мотора перебивало шум волн и прибоя.

— Да. Быстро — вниз!

Они выбрались из впадины и соскользнули вниз по дальней стенке утеса. Море билось у ног Далгети, крылья пены перелетали через его голову. Он нагнулся и помог Елене спуститься. Воздушная лодка бормотала наверху, залитая горячим золотым светом заката. Уступ, под которым они скрывались, был гладким и небольшим.

Лодка сделала круг, на малой скорости ее двигатели работали особенно громко. «Сейчас они беспокоятся о ней. Они, должно быть, уверены, что я еще жив.»

Белая вода редела над его головой. Он торопливо глотнул воздух, прежде чем следующая волна не накрыла их. Тела их оказались полностью погруженными в воду, лица не могли быть видны в дымке пены, но лодка направлялась вниз, а на ней должны были быть установлены автоматы.

Мышцы живота Далгети напряглись в ожидании горячей автоматной очереди.

Тело Елены выскользнуло из его рук и скрылось под водой. Он остался стоять, не смея последовать за ней. Тайный взгляд вверх — да, лодка снова скрылась из вида, возвращаясь назад, к полю. Он оставил уступ и бросился навстречу волнам. Над водой показалась голова Елены. Оттолкнув его руку, она сама поплыла назад, к скале, но, когда они снова оказались во впадине, зубы ее принялись выбивать от холода барабанную дробь, и она прижалась к нему в поисках тепла.

— О'кей, — слабо сказал он. — Теперь все в порядке и вы можете быть полноправным членом клуба тихоокеанских ветеранов.

Смех ее был слабым на фоне шумящих волн.

— Вы изо всех сил стараетесь держаться, не так ли?

— Я — о... Вниз!

Посмотрев на кромку, Далгети увидел людей, спускающихся по тропе. Их было полдюжины, и все они были вооружены. На спине одного из них виднелась походная рация. Они были почти невидимы в тени утеса, когда принялись спускаться на берег.

— Все еще охотятся на нас! — голос ее напоминал стон.

— Ничего другого и не следовало ожидать, не так ли? Я лишь надеюсь, что сюда они не явятся. Кто-нибудь еще знает это место?

— Нет, я этого не думаю, — выдохнула она, тесно прижав губы к его уху. — Только я одна плавала на этот край острова. Но...

Далгетти мрачно ждал. Солнце, наконец, село, сумрак стусилился. Несколько звезд замерцали на востоке. Наемники закончили свои поиски и шеренгой расположились вдоль берега.

— Ого, — прошептал Далгетти. — У меня возникла мысль. Банкрофт так тщательно прочесал землю, что, должно быть, уверовал, что я нахожусь где-то в море. Будь я на его месте, то непременно бы решил, что я должен бы заплыть настолько далеко, чтобы меня могло подобрать водное судно. Поэтому он станет охранять любые возможные подступы для высадки.

— Что мы можем сделать? — прошептала Елена. — Даже если бы могли проплыть вне поля их зрения, мы не сможем выйти на берег в любом месте. Большая часть острова — это вертикальный утес. Или же вы можете..?

— Нет, — сказал он. — Независимо от того, что вы обо мне думаете, вакуумных чашечек на моих ногах нет. На какое расстояние стреляет прицельно ваш пистолет?

Она кинула взгляд на кромку. Наступала ночь. Остров превратился в стену мрака и люди у подножья были не видны.

— Вы не можете видеть! — запротестовала она.

— О, нет, могу, дорогая! Но вот смогу ли я как следует попасть... Придется попытаться, вот и все.

Ее лицо было белым пятном, но страх перед неизвестностью наполнял ее голос металлом.

— Частично тюлень, частично нет, частично олень — что еще? Я думаю, вы не человек, Симон Далгетти!

Он не ответил.

— Что еще сделал доктор Тайи? — голос ее холодно звучал во тьме. Невозможно изучить человеческий разум, не изучив человеческое тело. Что он сделал? Может быть, вы — тот самый мутант, о которых всегда столько рассуждали? Создал ли доктор Тайи хомо сапиенс или нашел его?

— Если я не выведу из строя рацию раньше, чем они смогут ее использовать, то, значит, я хомо-дегенерат.

— Вы не смеете отделаться от этого смехом, — проговорила она окаменевшими губами. — Если вы не принадлежите к нам, то мне придется допустить, что вы враг — если только вы не докажете противное! — Ее пальцы плотно сжались на его запястье. — Именно этим и занимается маленькая шайка вашего Института? Решила ли она, что человечество недостаточно хорошо для цивилизации? Готовятся ли они к тому, чтобы верх взяли подобные вам?

— Послушайте, — сказал он устало, — сейчас мы здесь — двое

людей, людей смертных, за которыми охотятся. Так что советую вам прекратить это!

Он вытащил пистолет из кобуры и сунул в магазин полную обойму. Теперь его зрение было настроено на полную мощность. Его лицо казалось белым на фоне мокрого камня, вдоль сильных скул под широко раскрытыми испуганными глазами пролегли серые тени.

Перед ним, когда он встал на ноги, шеренга охранников выступила подобно бледной тени на темном фоне вертикальной стены утеса. Они установили дула тяжелых автоматов так, что те смотрели в сторону моря, а невключенный прожектор отдыхал поблизости. Оба этих предмета могли быть опасны, но прежде всего он должен был вывести из строя рацию, чтобы исключить опасность появления здесь всего гарнизона.

В О Т! Небольшой бугорок на спине одного из людей, находящегося в середине шеренги. Он безостановочно расхаживал туда-сюда, держа в руках автомат. Далгетти поднял пистолет с медленной твердоприцельной концентрацией, жалея, что это не ружье. «Теперь вспомни свою практику стрельбы по мишеням: рука свободна, пальцы вытянуты, не тяни спусковой крючок, но нажимай, потому что нужно попасть сразу!»

Он выстрелил. Оружие было военного образца, почти бесшумное и без выделяющего снопа света. Первая пуля заставила наемника пошатнуться и рухнуть на землю. Далгетти нажал на курок и осыпал жертву грудой свинца, которая должна была разрушить передатчик.

Хаос на берегу! Если бы свет мощного прожектора попал ему в глаза, он бы ослеп на часы. Он выстрелил, тщательно прицеливаясь, и разбил линзу и луковичу. Автоматы заработали, дико стреляя в темноту. Если кто-то еще на острове услышит этот звук... Далгетти выстреливал снова и снова.

Пули зажужжали вокруг него, улетая в темноту. Один упал, второй, третий... Четвертый побежал вверх по тропе, Далгетти выстрелил и промазал, и так два раза. Сейчас он спустится с гряды и поднимет тревогу — есть! Он медленно упал, как сломанная кукла и покатился вниз. Двое остальных нырнули в убежище пещеры, не давая возможности добраться до них.

Далгетти обогнул скалу, прыгнул в залив и поплыл к берегу. Пули пропороли поверхность воды. Он подумал: «Неужели они могут услышать шум его приближения сквозь рев моря.» Он поплыл в полную силу.

Ноги его коснулись песка, и он вышел на берег. Вода стекала с него ручьем. Он пригнулся и ответил на выстрелы, доносившиеся из пещеры. Теперь свист и вой были повсюду вокруг него. Казалось невозможным, чтобы и они могли слышать что-то еще. Он напряг мускулы и пополз к пещере. Бесстрастно работающая часть его мозга сказала ему, что огонь ведется наугад. Значит, они все же не видели его.

Человек, лежащий возле пулемета был еще жив, но без сознания. Этого было достаточно. Далгети нажал на спуск.

Раньше ему никогда не приходилось иметь дело с подобным оружием, но он должен был быть готов к действиям — только минуту тому назад эта штукавина готовилась убить его. Он нацелил ее на устье пещеры и нажал на спуск.

Отдача заставила пулемет затанцевать. Он не мог видеть людей в пещере, не мог различить очертания ее стен. Он стрелял целую минуту. Затем, петляя, он стал отползать и полз, пока не достиг утеса. Скользя вдоль него, он приблизился к входу и стал ждать. Ни звука не доносилось изнутри.

Далгети рискнул быстро заглянуть туда. Да, он сделал дело. Он ощутил тошноту.

Когда он вернулся, Елена выбиралась из воды. Взгляд, которым она одарила его, был странен.

— Обо всех позаботились? — спросила она монотонным голосом.

Он кивнул, но, вспомнив, что вряд ли она способна видеть это движение, сказал:

— Да, думаю, что так. Возьмите какое-нибудь оружие и идемте.

Нервы, уже истощенные ночными видениями, нелегко было настроить на управление другими органами, для того чтобы поймать ее мысли: «... не человек. Зачем ему беспокоиться о том, что он убивает людей, если он сам не человек?»

— Но я беспокоюсь, — мягко сказал он. — Я никогда раньше не убивал людей, и мне это не нравится.

Она отшатнулась от него. Он понял, что это было ошибкой.

— Идемте, — сказал он. — Вот ваш пистолет. Лучше возьмите оружие у наемника, если умеете им пользоваться.

— Да, — сказала она. (Он снова снизил чувствительность). Голос ее звучал спокойно и твердо, — да, я умею им пользоваться.

«Против кого?» — подумал он. Он подобрал автомат, лежавший рядом с одним из убитых.

— Идемте, — сказал он и, повернувшись, стал подниматься вверх по тропе. Его спина покрылась мурашками при мысли о ней, движущейся за ним в состоянии полуистерии.

— Помните, мы должны спасти доктора Тайи, — прошептал он ей, — у меня нет военного образования, и я сомневаюсь в том, чтобы и вам раньше приходилось делать что-либо подобное, так что мы, возможно, сделаем ошибки, о которых пишут в книгах. Но доктора Тайи освободить мы должны.

Она не ответила.

Наверху тропы Далгети лег на камень и пополз по гребню. Медленно он поднял голову, глядя перед собой. Никто не двигался, ничто не шевелилось. Он встал, низко пригнулся и пошел вперед.

В нескольких ярдах впереди заросли мешали видеть дальше. Лишь далеко, у конца склона, мелькали огоньки. Одна из светящихся точек должна была обозначать место пребывания Банкрофта. Как

добраться туда и остаться невидимым? Он подтянул Елену к себе поближе. Мгновение она сопротивлялась его движению, а потом поддалась.

— Есть какие-нибудь соображения? — спросил он.

— Нет, — ответила она.

— Я мог бы притвориться мертвым, — высказал он предположение, — и вы могли бы заявить, что были схвачены мною, но потом вернули себе оружие и убили меня. Может быть, они не станут подозревать и вташат меня внутрь.

— Вы думаете, что способны и на это? — она отпрянула от него.

— Конечно, сделать маленький надрез и дать ему возможность кровоточить, чтобы он выглядел, как пулевая рана — во всяком случае, такие раны, обычно, сильно не кровоточат. К тому же удары сердца замедляются, дыхание тоже, так что обычные чувства не способны их различить. Почти полное мускульное расслабление, включая даже те аспекты смерти, о которых упоминается так редко. О, да.

— Теперь я точно знаю, что вы не человек, — сказала она. В ее голосе была дрожь. — Вы — нечто синтетическое? Вас изготовили в лаборатории, Далгетти?

— Мне бы хотелось лишь услышать ваше мнение о моем плане, — прошептал он, подавляя поднимающийся в нем гнев.

Должно быть, Елене понадобилось немалое усилие, чтобы освободиться от страха перед ним. Но потом она покачала головой:

— Слишком рискованно. Если бы я была на месте одного из тех парней, знающего, что вы уже сделали, то, увидев ваше распростертое тело, я бы непременно всадила пулю вам в голову — или, может быть, в сердце. Или вы это тоже можете пережить?

— Нет, — признался он. — Ладно, это была просто мысль. Давайте приблизимся к дому еще.

Они пробрались сквозь кусты и траву. Ему казалось, что целая армия делает меньше шума. В какой-то момент его напряженного слуха достиг звук шагов, и он толкнул Елену в мрак под эвкалипты. Прошли два охранника, делая обычный обход. Их форма казалась громоздкой и черной на фоне звезд.

Возле газонов перед домом Далгетти и Елена притаились в длинной жесткой траве и стали смотреть на место, куда им предстояло войти. Далгетти пришлось понизить свою визуальную чувствительность, так как у входов в дом были целые потоки света, а вокруг каждой секции сновали охранники. Но лишь в одном окне дома, на втором этаже, виднелся свет. Там, должно быть, находился Банкрофт, расхаживающий туда-сюда и вглядывающийся во тьму, где притаился враг. Вызвал ли он по рации подкрепление?

По крайней мере, ни одна воздушная лодка не прибыла и не ушла. Далгетти знал, что увидел бы ее в небе. Доктор Тайи был пока еще здесь — если он был жив.

Его решимость созрела. То был отчаянный шаг.

— Вы хорошая актриса, Елена? — спросил он.

— После двух лет агентурной работы я должна ею быть, — когда она посмотрела на него, напряженное выражение ее глаз смешалось с недоумением. Он мог угадать ее мысли: «Его вопросы слишком простодушны для супермена. Но кто же он тогда? Или он просто лицемерит?»

Он объяснил свою мысль.

— Я знаю, что это безумие, — сказал он ей, — но что лучше вы можете предложить?

— Ничего. Если вы сможете справиться с вашей партией...

— А вы с вашей, — он бросил на нее холодный взгляд. Но был в нем и призыв. Внезапно его полуосвященное лицо сделалось странно юным и беспомощным. — Я отдаю свою жизнь в ваши руки. Если вы не доверяете мне, то можете стрелять. Но вы убьете гораздо больше, чем только меня.

— Скажите мне, кто вы? — попросила она. — Как я могу знать, что движет Институт, если он использует таких, как вы. Мутант, или андроид, или... — у нее перехватило дыхание, — или действительно существо из космоса, со звезд. Симон Далгетти, кто вы?

— Если я отвечу на ваш вопрос, — сказал он с отчаянием в голосе, то, вероятно, солгу. Так или иначе. Вам лучше довериться мне в этом!

Она вздохнула.

— Хорошо. — Он не знал, лжет она или нет.

Он опустил ружье на землю и сложил руки на затылке. Она пошла за ним вниз по склону, к свету, держа свой пистолет возле его спины.

На ходу он собирал силу и скорость, какими не мог бы владеть ни один человек.

Один из часовых, расхаживающих по саду, остановился. Повернув ружье, он закричал с истерической ноткой в голосе:

— Кто идет?

— Это я, Бак, — крикнула Елена. — Только не нажимай на спуск. Я веду пленника.

— А?

Далгетти вышел на свет и остановился, ссутулившись, полуоткрыв рот, как будто падал от усталости.

— Вы его схватили? — Наемник подался вперед.

— Спокойнее, — сказала Елена, — этого я схватила, но есть еще и другие. Так что будь настороже. Я отобрала у него его оружие. Он теперь беспомощен. Мистер Банкрофт в доме?

— Да, да... конечно. — Тяжелое лицо обратилось к Далгетти, и на нем читалось нечто большее, чем страх. — Но мне лучше с вами пойти. Вы знаете, что он сделал в тот раз.

— Оставайся на посту, — отрезала она. — Ты получил приказ. Я смогу с ним справиться.

На большинство мужчин это могло бы и не подействовать, но эти наемники были не из умных. Охранник кивнул, повернулся и снова принялся рассказывать туда-сюда. Далгетти пошел по тропе к дому.

Охранник у двери поднял ружье.

— Эй, остановись! Вначале я должен вызвать мистера Банкрофта. — Часовой вошел внутрь и нажал на кнопку матеркома.

Далгетти, застывший в нервном напряжении, которое могло вырваться в физическую силу, ощутил укол страха. Весь план держался на дьявольской неопределенности — могло произойти что угодно.

Послышался голос Банкрофта:

— Это вы, Елена? Молодец, девочка, хорошая работа! Как вам это удалось? — Теплота тона, различимая за волнением, заставила на мгновение Далгетти подумать о том, какие отношения существуют между этими двумя.

— Я расскажу вам наверху, Том, — ответила она. — Это слишком важно для того, чтобы нас слушал кто-то еще. Но пусть патрули остаются. На острове есть еще существа, подобные этому.

Далгетти мог вообразить, как ожил в душе Томаса Банкрофта первобытный страх, инстинкт из глубины веков, когда ночь, расположившаяся за пределами маленького круга света, была ужасна и неведома.

— Хорошо. Если вы уверены в том, что он не станет...

— Он у меня под хорошим контролем.

— Все равно я пошлю дюжину охраны. Держите его.

Из барака выбежали люди — должно быть, они ждали приказа. То было кольцо жестоких лиц, настороженных взглядов и нацеленных ружей. Они боялись его, а страх делал страшными их самих. Лицо Елены было совершенно непроницаемым.

— Идемте, — сказала она.

Один человек шел в нескольких футах перед пленником, то и дело озираясь. Еще один следовал с одной стороны от него, а другой — с другой стороны. Остальные замыкали шествие.

Елена шагала среди них, дуло ее оружия смотрело ему в спину. Они прошли по длинному красивому коридору и ступили на движущуюся лестницу. Глаза Далгетти изучающе вглядывались в каждую деталь — он спрашивал себя, сколько еще времени вообще сможет что-нибудь видеть?

Дверь, ведущая в кабинет Банкрофта, была приоткрыта, и оттуда доносился голос Тайи. Он звучал спокойно и не дрожал, несмотря на то, что весть о поимке Далгетти должна была стать для него тяжелым ударом. Очевидно, он продолжал разговор, начатый ранее:

— ...наука действительно прошла долгий путь. Фрэнсис Бэкон размышлял относительно науки о гениальности человека. Буль де-

дал кое-что в этом отношении. Изобретение символической логики явилось одним из главных инструментов в разрешении проблемы.

В последнем столетии некоторые из попыток получили более полное развитие. Была уже психология Фрейда и его последователей, конечно, которая дала первое реальное упоминание о человеческой семантике. Были органические, физические и химические подходы к человеку как к механизму. Пользующиеся сравнительными методамиистики поняли — история не просто случается, но представляет собой ряд образцов.

Кибернетики развили такие концепции, как гомостасис и обратная связь, концепции, которые подходят как к индивидуальной личности, так и к обществу в целом. Теория игр, принцип последнего усилия и генерализированная энистанология Геймля указали на базисные законы и аналитический подход.

Новая символика в логике и математике предложила новые формулировки — ибо проблема состояла теперь не столько в сборе данных, сколько в стройности символики, способной собрать полученные данные и указать путь к новым открытиям. Огромная часть работы Института состояла просто в сборе и синтезе всех ранних находок.

Далгетти ощутил вспыхнувшее в нем восхищение. Пойманный в ловушку и беспомощный среди врагов, находящихся в плену амбиции и страха, Майкл Тайи все еще был способен играть с ними в кошки-мышки. Он должен был подвергаться изнурительным допросам, истощению наркотиками, мучениям, с помощью которых из него вытягивали один факт за другим, — и он выдавал их им так медленно, что его тюремщики даже не замечали, что он говорит им лишь то, что они могли бы узнать в каждой библиотеке.

Группа вошла в большую комнату, меблированную с роскошью и вкусом и уставленную книжными полками. Далгетти обратил внимание на изящную китайскую шахматную доску, стоящую на письменном столе. Итак, Банкрофт и Мид играли в шахматы — по крайней мере они хоть что-то делали вместе в эту ночь убийства.

Тайи, сидя в кресле, поднял глаза и посмотрел на вошедших. Двое охранников стояли за его спиной, сложив руки, но он не обращал на них внимания.

— Хелло, сынок, — пробормотал он. В его глазах сверкнула боль. — У тебя все в порядке?

Далгетти молча кивнул. Не было возможности подать Тайи сигнал, позволить ему надеяться.

Банкрофт шагнул к двери и запер ее. Он сделал знак охране, и та рассыпалась вдоль стены, держа наготове оружие. Он слегка дрожал, и в его глазах поблескивал страх.

— Садитесь, — сказал он. — Там!

Далгетти занял указанное место. Кресло было глубоким и мягким. Трудно было бы быстро выпрыгнуть из него. Елена заняла

место напротив него, устроившись на краешке стула с пистолетом на коленях. В комнате вдруг сделалось очень тихо.

Банкрофт вернулся к столу и включил установку для увлажнения воздуха. Он не смотрел на вошедших.

— Значит, вы его поймали, — сказал он.

— Да, — ответила Елена. — После того, как вначале он поймал меня.

— Как вам удалось... переиграть? — Банкрофт вытащил сигару и яростно откусил кончик. — Что случилось?

— Я была в пещере, отдыхала. — Он встал из воды и схватил меня. Должно быть, он скрывался под водой дольше, чем мы считали вообще возможным.

Он заставил меня пойти с ним к скале в заливе — знаете, где это? Мы прятались до захода солнца, а потом он напал на ваших людей на берегу. Он убил всех.

— Я была связана, но мне удалось перетереть путы и освободиться. Пока он стрелял, я схватила камень и ударила его по голове. Я перетащила его на берег, пока он был еще без сознания, подобрала один из валявшихся там автоматов и привела его сюда.

— Хорошая работа, — Банкрофт рассказывал из стороны в сторону. — Я прослежу за тем, чтобы вы получили за нее соответствующее вознаграждение, Елена. Но что еще? Вы сказали...

— Да. — Взгляд ее был твердым. — Мы говорили там у залива. Он хотел убедить меня, чтобы я помогла ему, Том. Он не человек...

— А? — Тяжелый подбородок Банкрофта дрогнул. С усилием он взял себя в руки, — что вы имеете в виду?

— Его мускульную силу, скорость и способность к телепатии. Он может видеть в темноте и удерживать дыхание дольше, чем любой человек. Нет, он не человек.

Банкрофт посмотрел на неподвижного Далгетти. Глаза пленника скрестились с его взглядом, и он первым отвел взгляд.

— Телепат, вы сказали?

— Да, — ответила она. — Хотите подтвердить мои слова, Далгетти?

В комнате воцарилась тишина. Через некоторое мгновение Далгетти заговорил:

— Вы думали, Банкрофт: «Ладно, черт побери, ты можешь прочитать мои мысли? Давай, давай, попробуй, и ты узнаешь, что я о тебе думаю». Остальное было оскорблением.

— Догадка, — сказал Банкрофт. Пот побежал по его щекам. — Просто удачная догадка. Попробуйте снова.

— Еще одна пауза, потом: «десять, девять, семь, а, б, м, з...» Продолжать? — спокойно спросил Далгетти.

— Нет, — пробормотал Банкрофт. — Нет, этого достаточно. Кто вы?

— Он сказал мне, — вставила Елена, — вам трудно будет и это

поверить, но я и сама не уверена в том, что он сказал. Но он с другой звезды.

Банкрофт открыл было рот, но снова его закрыл. Крупная голова метнулась в отрицательном жесте.

— Он... с Тау Кита, — сказала Елена. Они знают путь к нам. Это то, о чем так много говорили люди на протяжении последних ста лет.

— Дальше, моя девочка, — сказал Тайи. Ни лицо его, ни голос не отражали никаких эмоций, кроме, может быть, едва заметного юмора, но Далгетти знал, какое пламя должно было внезапно вспыхнуть в его душе. — Прочтите «Микронегазы» Вольтра.

— Я читал фантастику подобного рода, — хрипло проговорил Банкрофт. — Кто не читал? Хорошо, почему они здесь, чего они хотят?

— Вы могли бы сказать, — проговорил Далгетти, — что мы делаем честь Институту.

— Но вас же воспитывали с самого детства?

— О, да. Мои люди были здесь на Земле долго. Многие из них родились здесь. Первый наш космический корабль прибыл в 1965 году. — Он подался вперед. — Я рассчитывал, что Казимир будет благоразумна и поможет мне освободить доктора Тайи. И, поскольку она этого не сделала, я хочу воззвать к вашему здравому смыслу. У нас есть отряд на Земле. Мы знаем, где находятся наши люди в каждый отдельный момент. В случае необходимости я могу умереть, чтобы сохранить в тайне наше присутствие, но в этом случае и вы, Банкрофт, тоже умрете. Остров будет уничтожен.

Шеф посмотрел в окно в огромность ночи.

— Вы же не можете ожидать, что я приму вас как...

— Я могу рассказать вам нечто такое, что изменить вашу точку зрения, — сказал Далгетти. — Мой рассказ послужит подтверждением моей истории. Отошлите, впрочем, ваших людей. Этот рассказ не для посторонних.

— А вы наброситесь на меня, — отрезал Банкрофт.

— Казимир может остаться, — сказал Далгетти, — и кто-нибудь еще, кто с полной уверенностью может держать тайну и контролировать собственную жадность.

Банкрофт снова обошел комнату. Он цепко обшарил взглядом наблюдавших за ним людей. Испуганные лица, озадаченные, вызывающие — трудно было принять решение, и Далгетти мрачно подумал о том, что его жизнь зависит от его и Елены способностей, характера Банкрофта.

— Хорошо! Думачон, Зиммериан, О'Брайсы, останьтесь здесь. Если эта птичка шевельнется, убейте его. Остальные ждите снаружи. — Дверь за ними закрылась. Трое охранников послушно разошлись по местам. Один занял место у окна, двое других у стен. Наступила долгая тишина.

Елена должна была симпровизировать дальнейшее и передать

Далгетти. Он кивнул. Банкрофт устроился на стуле, широко раскинув ноги и сжав кулаки.

— Ладно, — сказал он. — Что вы хотели мне сказать?

— Вы меня поймали, — сказал Далгетти, — так что я готов совершить сделку ради своей жизни и свободы доктора Тайи. Позвольте мне доказать вам... — Он начал подниматься, держа обе руки на ручке кресла.

— Оставайтесь на месте! — рявкнул Банкрофт, и трое охранников сосредоточили внимание на пленнике. Елена отошла таким образом, что оказалась за спиной того из охранников, который стоял ближе всех к письменному столу.

— Как вам будет угодно! — Далгетти снова отклонился, как бы нечаянно передвинув при этом свое кресло на пару футов. Теперь он сидел лицом к окну и, насколько мог судить, находился на прямой между стоявшим там человеком и человеком у дальней стены.

— Совет Тау Кита заинтересован наблюдением за тем, чтобы на других планетах развивался нужный вид цивилизации. Мы могли бы быть полезными для вас, Банкрофт, если бы вы согласились перейти на нашу сторону. Причем награда была бы соответствующей. — Некоторое время он смотрел на Елену, и она кивнула ему с непроницаемым видом. — Например...

Накопление в нем силы достигло предела. Елена, вцепившись в рукоять пистолета, ударила в ухо стоявшего подле человека. В долю секунды, прежде чем остальные смогли понять происходящее и как-то среагировать на него, Далгетти начал действовать.

Тот же толчок, что сорвал его со стула, послал эту тяжелую часть мебели по полу, и она со стуком врезалась в человека, находившегося за спиной Далгетти. Пленник на бегу нанес Банкрофту удар в челюсть. Охранник, стоявший у окна, не успел отвести оружие от Елены и нажать на спуск раньше, чем Далгетти очутился подле него и вцепился в его горло. Шея его сломалась.

Елена стояла возле своей жертвы, целясь в человека на другом конце комнаты. Ударом кресла его ружье отбросило в сторону.

— Не трогайте его, или я стреляю! — крикнула она.

Далгетти подобрал оружие и нацелил его на дверь. Он более чем наполовину ожидал, что в комнату ворвутся те, кто остались снаружи, но толстые дубовые панели, должно быть, полностью поглощали звук.

Человек за креслом не шевелился.

— Боже! — Тайи выпрямился и стоял, покачиваясь. Все его спокойствие перешло в ужас. — Симон, риск...

— Нам ведь нечего было терять, не так ли? — голос Далгетти был уверенным. Он ощутил укол усталости и понял, что скоро наступит расплата за то, что он так обращался со своим телом. Он посмотрел вниз, на лежавшие перед ним тела. — Я этого не хотел, — прошептал он.

Тайи взял себя в руки усилием привыкшей к дисциплине воли и шагнул к Банкрофту.

— Он жив, по крайней мере, — сказал он. — О, Боже! Симон! Тебя ведь вполне могли убить.

— И еще могут и сейчас. Во всяком случае, мы еще не выбрались из переделки. Найди что-нибудь, чем можно было бы связать двух остальных, хорошо, Отец?

Тайи кивнул. Охранник, возле которого стояла Елена, шевельнулся и застонал. Тайи связал его и заткнул ему рот. Другой достаточно охотно повиновался под дулом автомата. Далгетти поместил их обоих за софу, добавив туда и убитого.

Банкрофт тоже приходил в сознание. Далгетти нашел бутылку бурбона и дал ему выпить, в обретших ясность глазах читался ужас.

— Ну, и что дальше? — прошептал Банкрофт. — Убежать вы все равно не сможете...

— Но попытаться мы можем. Если дело дойдет до драки с остальной частью банды, нам придется использовать вас в качестве заложника, но пока что есть более близкий путь. Встаньте! Так, поправьте одежду и причешитесь. О'кей, вы будете делать точно то, что вам говорят, потому что если что-то пройдет не так, то мы ничего не потеряем, выстрелив в вас. — И Далгетти сказал, что нужно делать.

Банкрофт посмотрел на Елену, и в глазах его было нечто большее, чем физическая боль.

— Почему вы это сделали? — спросил он.

— ФБР, — ответила она.

Он покачал головой, все еще не придя до конца в себя, подошел к письменному столу и по визафону вызвал ангар.

— Мне немедленно нужно отправиться на континент. Подготовьте спидстер через десять минут. Нет, только пилота, больше никого. Я возьму Далгетти с собой, но с этим теперь все в порядке. Он на нашей стороне.

Они подошли к двери. Елена держала автомат наготове.

— Можете возвращаться в бараки, мальчики, — устало проговорил Банкрофт. — Дело улажено.

Четвертью часом позже личная машина Банкрофта была в воздухе. Пять минут спустя он и пилот были связаны и заперты в заднем отсеке. Майкл Тайи сел за пульт управления.

— У этой лодки хорошие ноги, — сказал он. — Ничто не может остановить нас на пути к Калифорнии.

— Отлично, — голос Далгетти был безжизненным от усталости. — Мне нужно отдохнуть, отец. — Его рука ненадолго задержалась на плече старика. — Хорошо, что ты возвращаешься, — сказал он.

— Спасибо тебе, сын, — сказал Тайи. — Больше я не могу тебе ничего сказать. У меня нет слов.

Далгетти нашел сиденье с откидной спинкой и устроился в нем. Один за другим он начал освобождать контролирующие его тело каналы — чувствительность, нервные блоки, стимулирующие его тело. Он посмотрел на звезды и вслушался в темноту свистящего воздуха, используя лишь доступные каждому человеку чувства.

Елена Казимир подошла и села возле него, и он понял, что его дело было сделано. Он изучал сильные черты ее лица. Она могла быть серьезным противником, но и настолько же и верным другом.

— Что вы собираетесь делать с Банкрофтом? — спросил он.

— Обвинение в похищении для него и для всей банды, — ответила она. — Он не выйдет сухим из воды, это я вам обещаю. — Ее взгляд остановился на нем. В нем была неуверенность и доля испуга. — Психиатры федеральной тюрьмы проходили обучение в Институте, — пробормотала она. — Вы присмотрите за тем, чтобы его личность была переформирована по вашему образцу, не так ли?

— Насколько это возможно, — ответил Симон. — Хотя это не слишком важно. С ним покончено как с фактором, с которым нужно было бороться. Конечно, остается сам Бернард Мид.

Даже если Банкрофт полностью признается, я сомневаюсь в том, что мы сможем добраться до него. Но теперь Институт знает обо всем и примет меры предосторожности против экстралегальных методов — и в рамках закона мы сможем сделать то, что снизит эффект его деятельности.

— С некоторой помощью всего отдела, — сказала Елена. Голос ее сделался более твердым. — Но всю историю относительно этого спасения лучше попридержать. Не стоит идти на то, чтобы в умах людей зарождались всяческие подозрения, не так ли?

— Совершенно верно, — согласился он. Голова его была тяжелой, и ему хотелось положить ее ей на плечо и проспать целое столетие. — В общем, все это остается на ваше усмотрение. Рассчитывайте, как лучше составить отчет для вашего начальства. Все остальное — лишь детали. Но будьте осторожны: можно все разрушить.

— Не знаю, — она посмотрела на него долгим взглядом, — не знаю, следует мне это делать или нет. Вполне возможно, что то, что вы говорили об Институте и его целях — правда. Но как я могу быть полностью уверена, если не знаю, что за этим стоит? Как я могу быть уверена в том, что эта история не более правдива, чем сказка насчет Тау Кита, что вы на самом деле не являетесь агентом какой-нибудь нечеловеческой силы, спокойно берущей под контроль нашу расу?

В другое время Далгетти мог бы начать спор, пытаясь рассеять ее подозрения, пытаясь вновь сделать ее своей активной союзницей. Но сейчас он был слишком измучен. Огромная апатия нарастала в нем.

— Я скажу вам, если вы этого хотите, — сказал он, — и после этого буду всецело в вашей власти. Вы сможете пойти с нами или продать нас.

— Тогда говорите, — ее голос тоже звучал устало.

— Я — человек, — сказал он. — Я — такой же человек, как и вы. Только я прошел несколько особый вид обучения, вот и все. Это — еще одно открытие Института, и мы считаем, что мир еще не готов принять его. Оно стало бы слишком большим искушением для многих людей — возможность создавать таких, как я. — Он посмотрел в темноту окна. — Ученые тоже являются членами общества и несут за него ответственность. И это наше... самообладание... один из способов, которыми мы отвечаем на свою обязанность.

Она молчала, но внезапно одна ее рука поднялась и легла на его руку. И это ее движение наполнило его теплотой.

— Работа Отца касалась, главным образом, психической массы — действия, — сказал он, стараясь не выдать интонацией то, что он чувствовал, — но у него было много данных для того, чтобы попытаться понять индивидуальность человека как функционирующий механизм.

Со времен Фрейда было изучено многое, как с точки зрения психиатрии, так и с точки зрения неврологии. И эти точки зрения неизбежно сходились под одним углом.

Примерно тридцать лет назад один из отделов, давших начало Институту, достаточно многое узнал о связи между сознанием, подсознанием и произвольной реакцией для того, чтобы начать практику тестов. Вместе с некоторыми другими в качестве подопытного кролика был избран и я. И эти теории подтвердились.

Мне нет необходимости входить в мельчайшие подробности моего тренинга. Он включал в себя физические упражнения, умственную практику, гипнотизм, диету и так далее. Он пошел значительно дальше, нежели столь важный вид Синтетического обучения, понятого пока что даже нами лишь частично. Цель его состоит в том, чтобы создать полностью интегрированное человеческое существо.

Далгети помолчал. Ветер за стеной бился и что-то бормотал.

— Нет резкого разграничения между сознанием и подсознанием или даже между отмеченными факторами и центрами, которые контролируют произвольное функционирование, — сказал он. — Мозг — постоянная структура.

Предположим, например, что вы узнаете о том, что на вас надвигается мчащаяся машина. Биение вашего сердца учащается, адреналиновое насыщение увеличивается, ваше зрение становится зорче, чувствительность к боли падает — все это: приготовления для борьбы или бегства. Даже в случае отсутствия явной физической опасности, аналогичное может произойти и на более низкой шкале восприятия — например, вы способны выказывать те же факторы и читая волнующий рассказ. А люди, наделенные психикой с повы-

шенной чувствительностью, например, истерики, могут вызывать такие удивительные физиологические симптомы, каких вам просто не приходилось наблюдать.

— Я начинаю понимать, — прошептала она.

— Гнев или страх дают сверхнормальную силу и быстрые реакции. Но человек с повышенной возбудимостью способен гораздо на большее. Он может вызывать физические симптомы: ожоги, пятна или, если речь идет о женщине, ложную беременность. Иногда он полностью сосредоточивается на определенной части своего тела, блокируя нервный узел. Может начаться или остановиться кровотечение безо всякой видимой причины. Он может впасть в состояние комы, а может сутки за сутками проводить без сна. Он может...

— Читать мысли? — это был вызов.

— О таком я не слышал, — Симон усмехнулся, — но органы чувствительности человека на удивление хороши. Нужны только три или четыре кванта, чтобы стимулировать визуальный пурпурный цвет, немного больше из-за абсорбции самого глазного яблока. Были истерики, которые были способны слышать тиканье часов в 20 футах, тогда как обычный человек не может расслышать подобный звук и на расстоянии фута, и так далее...

— Есть превосходные причины, по которым порог чувствительности у обычного человека относительно высок — если бы не было защиты, стимуляция в обычных условиях несла бы с собой ослепление, оглушение и непереносимую боль. — Он сморщился. — Я это з а а ю!

— Но телепатия? — настаивала Елена.

— Это делалось раньше, — сказал он. — В прошлом столетии имелось несколько несомненных случаев чтения мыслей, благодаря исключительно острому слуху. Большинство людей субвокализирует их поверхностные мысли. При некоторой практике, человек, который способен слышать эти вибрации, может научиться их интерпретировать.

Он улыбнулся уголком рта.

— Вот и все. Если хотите скрыть свои мысли, Елена, вам лучше избавиться от привычки думать.

Она посмотрела на него, и он, наконец, понял, что означает выражение ее глаз.

— Я поняла, — прошептала она, — память ваша должна быть превосходной, если вы способны извлечь из подсознания людей любое данное слово. И вы можете... сделать все это, не так ли?

— Нет, — сказал он, — я только продукт испытания. Наблюдая меня в Институте, узнали многое, но единственно, что делает меня необычным, — это то, что я обладаю сознательным контролем над частью подсознания и произвольных функций, не над всеми, конечно, но над многими. И я не использую этот контроль больше, чем необходимо. Имеются веские биологические причины, по ко-

торым человеческий разум так разделен. И в случае, подобном моему, в дело включается целый ряд наказаний. После напряжения, подобного недавнему, мне понадобится пара месяцев, чтобы прийти в себя. Я связан с добрым старомодным нервным напряжением. И до тех пор, пока будет длиться состояние напряжения, ощущения мои в течение его длительности будут далекими от забавного.

Он посмотрел на Елену и призыв в его взгляде все рос.

— Хорошо, — сказал он, — теперь вы узнали все. И что вы собираетесь делать?

В первый раз за все время она по-настоящему улыбнулась ему.

— Не беспокойся, — сказала она, — не беспокойся, Симон.

— Ты поддержишь мою руку, пока я буду приходить в себя? — спросил он.

— Я ведь держу ее, дурачок, — ответила Елена.

Далгетти счастливо рассмеялся. А потом он уснул.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕЙТЕНАНТ ФЛАНДРИ. Роман

(Пер. Е. Ермолина)

5

БЕЛЫЙ КОРОЛЬ. Рассказ

(Пер. Ю. Руфина)

172

ДОЛГАЯ ДОРОГА ДОМОЙ. Роман.

(Пер. А. Палуды)

193

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ПРЕДЕЛОВ.

(Пер. Ю. Руфина)

ПАМЯТЬ. Повесть

330

ТОРМОЗ. Повесть

364

МУСОРЩИКИ ЛУНЫ. Повесть

396

ЧУВСТВИТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Повесть

426

Литературно-художественное издание

АНДЕРСОН Пол

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В восьми томах

Том 4

Редакторы *В. Подбельский, А. Комаров*

Художники *Г. Кондрашев, С. Шехов*

Технический редактор *Т. Луговская*

Младший редактор *М. Грушецкая*

Корректор *Е. Дюковлева*

Подписано к печати с готовых диапозитивов 10.06.94.
Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская. Гарнитура
«Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,00. Усл. кр.-отт.
31,00. Уч.-изд. л. 33,22. Заказ № 4-211.

ПОО «Фабула»,
117218, Москва, ул. Красикова, 27.

Книжная фабрика им. М. В. Фрунзе,
310057, Харьков, ул. Донец-Захаржевского, 6/8.

Серия «МАСТЕРА
АМЕРИКАНСКОЙ ФАНТАСТИКИ»
основана в 1992 г. Включает в себя
лучшие произведения
наиболее известных и популярных
писателей-фантастов США.

Пол АНДЕРСОН

